

71:04-7/63

Иркутский государственный университет

На правах рукописи

Кальмина Лилия Владимировна

Еврейские общины Восточной Сибири.

(середина XIX века – февраль 1917г.)

(специальность 07.00.02 – Отечественная история)

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук

Президиум ВАК России

(решение от "20.02.2004" г., №89/20
присудил ученую степень ДОКТОРА

Исторических наук
Начальник управления ВАК России

Научный консультант –
доктор исторических наук
профессор

Щербаков Николай Николаевич

Иркутск
2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3-37
ГЛАВА 1. Правовое положение евреев Сибири.....	38-132
1.1 Регламентация въезда в Сибирь.....	38-82
1.2. Законодательство о жизни евреев в Сибири.....	82-132
ГЛАВА 2. Особенности формирования еврейских общин Восточной Сибири.....	133-193
2.1 Численность, расселение, сословно-профессиональная структура общин	133-166
2.2. Семья как структурная единица еврейской общины.....	166-193
ГЛАВА 3. Особенности хозяйственной деятельности еврейских общин	194-265
3.1. Первоначальное накопление капитала.....	194-236
3.2 Экономическая деятельность общин на рубеже XIX- XX веков.....	237-265
ГЛАВА 4. Общественная жизнь еврейских общин	266-346
4.1. Образование. Формирование общинной интеллигенции....	266-298
4.2. Общественная, культурно-просветительская и благотворительная деятельность.....	298-319
4.3 Политические настроения общин	319-346
ГЛАВА 5. Внутриобщинная жизнь евреев Восточной Сибири...347-483	
5.1 Борьба за признание молельных обществ.....	347-376
5.2 Формирование институтов общинного самоуправления... 376-428	
5. 3. Общинный бюджет.....	428-450
5. 4. Еврейское национальное просвещение.....	450-483
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	484 -493
Библиографический список диссертации.....	494-543
ПРИЛОЖЕНИЕ	544- 583

Введение

История становления Российского государства неразрывно связана с процессами формирования его населения. Россия всегда была одним из самых многонациональных государств мира, поэтому проблема «строительства» взаимоотношений между людьми с разными культурными традициями и историческими судьбами на отдельных этапах ее истории оставалась для нее актуальной. Безграмотность или нечуткость в решении национального вопроса для многонационального государства чреваты двумя крайностями: либо полным национальным нивелированием, растворением малых народов в господствующей нации, либо уродливыми, воинствующими формами проявления национального «лица», ведущими к затяжным межнациональным конфликтам, и как следствие - к долговременным стереотипам неприятия тех или иных народов и фобиям.

Сегодня при затянувшемся кризисе, который затронул все стороны жизни нашего общества, в условиях то тут то там разгорающихся локальных этнических конфликтов, при успешных в ряде случаев попытках связать постигшие общество неудачи с конкретным народом воспитание национальной и религиозной терпимости у его членов стоит особенно остро. Поэтому исторический опыт формирования межнациональных отношений любым народом, волею судеб оказавшимся оторванным от основной массы соплеменников и рассеянным в многонациональной и многоконфессиональной стране, трудно переоценить. С этой точки зрения большой интерес, политическую и научную актуальность представляет история еврейского народа.

Политическая актуальность продиктована тем, что, во-первых, в переломные моменты истории, когда общество заболевает, по меткому выражению Л. Гатаговой, «этническим неврозом»,¹ еврейский сюжет почти неизбежно выходит на передний план. Во-вторых, богатейший опыт

жизни в качестве диаспоры, которым обладает еврейский народ, представляет большую ценность. Веками существуя в разных странах, в том числе и России, в, казалось бы, разрушительных для любого этноса условиях правового ущемления, государственной неприязни в форме антисемитизма и юдофобской истерии, разжигаемой маргинальными группами, он сумел не только избежать национальной деградации, но, напротив, достигнуть заметных успехов во всех сферах деятельности и оказать влияние на развитие принявших его народов.

Научная актуальность также определяется несколькими факторами. При обширности территории России с ее регионами, существенно отличающимися по уровню экономического и культурного развития, еврейские общины в отдельных областях страны представляют собой разные, по-своему уникальные модели развития как отношений с окружающим обществом, так и внутриобщинной жизни, поскольку общеимперские стереотипы, накладываясь на местные особенности, давали неповторимые результаты. В этом смысле Сибирь дореволюционного периода весьма интересна. Край интенсивной колонизации, с одной стороны, ссылки и каторги – с другой, население которого отражало всю пестроту этнического состава, многообразие культур и религий Российской империи, в условиях действовавшего здесь специального «еврейского» законодательства сформировал особую генерацию сибирских евреев. Изначально ущемленные уже за одну принадлежность к иудейской религии, постоянно гонимые законом, они тем не менее сумели приблизиться к заслуживающей специального изучения идеальной модели национальных взаимоотношений: русские по языку и привычкам, сибиряки по менталитету, с непринужденностью «вписавшиеся» в образ жизни окружающего общества, они оставались евреями, считавшими своим долгом заботиться о сохранении национального духа.

Без изучения региональной истории евреев наши представления об историческом прошлом остаются неполными, урезанными, однобокими. Невозможно реконструировать судьбу какого бы то ни было региона, исключив из сферы научных исследований народ, в значительной степени формировавший его экономическое и социокультурное «лицо».

Исследование российской еврейской истории имеет давние традиции, возрождению которых способствовала демократизация нашего общества и возросший интерес к истории отдельных этносов, обусловленный ростом национального самосознания. По характеру, объему выпуска, степени объективности и интонации литературы о российском еврейском обществе можно выделить следующие периоды: досоветский, советский и постсоветский.

Нижней границей первого периода мы определяем последнюю треть XIX века, когда появились первые научные исследования по истории и правовому положению российских евреев, верхней – 1917 год. Вышедшую в это время литературу условно можно разделить на три группы: философскую, публицистическую и собственно историческую.

Русская общественная мысль проявляла постоянный интерес к еврейскому сюжету. Пожалуй, не было ни одного значительного философа, публициста, писателя, политика, который бы обошел стороной «еврейский вопрос». В философской литературе этого времени явно прослеживаются два противоположных направления в обсуждении причин появления и способов решения «еврейского вопроса». Первое представляли Ф.М. Достоевский и В.В. Розанов.² Суть его заключалась в том, что евреи, жалующиеся на постоянные притеснения и неприятие их обществом, более всего виновны в этом собственной обособленностью, нежеланием понять другие народы и стремлением «напиться их потом и кровью».³ Великий знаток человеческой души, Ф.М. Достоевский так и не смог подняться до понимания истинных причин еврейской отчужденности:

стремление к самосохранению себя как народа перед опасностью полного растворения в других народах на протяжении многовековой жизни в диаспоре, ответная реакция на отторжение обществом, «угол отражения» его неприязни. Противоположное мнение о корнях еврейской отчужденности и еврейского status in statu наиболее глубоко было выражено В.С. Соловьевым, а впоследствии развито Н.А. Бердяевым.⁴ По их мнению, причины появления «еврейского вопроса» в России кроются в нехристианском отношении христиан к иудеям, в нежелании понять тот факт, что «еврейский вопрос есть вопрос христианский», и оправдать еврейское самомнение психологической компенсацией за долгие годы унижения другими народами.⁵

В публицистике также четко выделяются два направления: монархическое и либеральное. Наиболее четко взгляды первого в своих речах выразил облеченный властью П.А. Столыпин, еще более «законсервировав» вменяемую в вину евреям отчужденность своим заявлением о «вывесочности» ожидаемого закона о равенстве православия с еврейством и магометанством и напомнив, что Россия – государство русское, а русский царь, утверждающий законы, был, есть и будет Царь Православный.⁶ В противовес ему публицисты либерального толка Д.С. Мережковский, В.И. Ленин настаивали на немедленном предоставлении евреям свободы от ограничительного законодательства и полного равенства с русским народом как необходимом условии национальной и социальной эмансипации последнего.⁷

Третья группа – собственно историческая литература. Анализируемый период можно считать «золотым веком» российской еврейской историографии, продемонстрировавшей стремительные темпы развития. Исследователи объясняют этот феномен исторической памятью народа, появлением молодого поколения еврейских ученых, впитавших в себя достижения западноевропейской историографии, и подъемом

национального самосознания российского еврейства под влиянием его вхождения в российскую экономическую и политическую жизнь.⁸ Вышедшие в это время многочисленные исследования освещают различные стороны жизни евреев дореволюционной России: экономическое развитие, образование, культуру, религиозную жизнь, дают демографическую характеристику.⁹ Задачи, которые ставили перед собою авторы, были глубже и масштабнее, нежели простое описание еврейской жизни. Некоторые из них пытались разрушить наиболее устойчивые стереотипы в отношении евреев, сложившиеся в российском обществе. В частности, Б. Д. Бруцкус, проанализировав профессиональный состав еврейского населения по данным переписи 1897 года, опроверг расхожее мнение о том, что евреи черты оседлости – исключительно торговый народ: торговлей занималось менее трети самостоятельного еврейского населения, тогда как большая часть его была занята в промышленности.¹⁰ Причину высокого процента постоянного недобора евреев-призывников раскрыл М.Л. Усов: дело оказалось отнюдь не только и даже не столько в злостном уклонении еврейских юношей от призыва, сколько в неточности учета, проводимого воинскими присутствиями.¹¹ Все эти работы, пусть неравноценные по объему материала и глубине анализа, представляют большой интерес для современных исследователей и предлагают добротную основу для дальнейших разработок.

Особое место в группе еврейских историков этого периода принадлежит Юлию Исидоровичу Гессену и Семену (Шимону) Марковичу Дубнову, основателям двух направлений в истории евреев России по классификации петербургского историка Д.А. Эльяшевича, принятой в современной иудаике: русской истории евреев и еврейской истории в России.¹² Первое, «внешнее», направление, представителем которого был Ю.И. Гессен, предполагает изучение, прежде всего, истории взаимоотношений государства и еврейского населения, русского и еврейского обществ,

истории антисемитизма. Проанализировав массу русских и еврейских документов, Ю. И. Гессен создал целостную картину жизни русских евреев от первых поселений в Киевском княжестве до 90-х годов XIX века.¹³ Его работы по правовому положению евреев представляют несомненный интерес для современных исследователей как истории еврейских общин России в целом, так и отдельных ее регионов.¹⁴

Концепция Ю. И. Гессена была, однако, подвергнута критике С. М. Дубновым, сторонником иного, «внутреннего», подхода, предполагавшего изучение еврейской истории как бы изнутри. Центральной темой его исследований стала еврейская община с самоуправлением как доминантным фактором жизни евреев в диаспоре, ее социальное, экономическое и культурное развитие.¹⁵ В своих исследованиях Дубнов проводит мысль о том, что еврейский народ может и в диаспоре существовать в качестве самобытной культурной нации.

С.М. Дубнов обосновывал необходимость изучения истории евреев не столько интересами чистой науки, сколько мотивами общественно-национального порядка, вытекающими из тяжелого положения русского еврейства, которое должно почерпнуть в своем прошлом силу и утешение для преодоления всей трагики настоящего: «...помимо утешения, сколько света, ясности, сознательности вносит в наш ум знание прошедшего. Мы чувствуем себя тогда не отрезанным ломтем, а продолжением целого ряда поколений, живших не только для того, чтобы мыслить и страдать». ¹⁶ Он проявил себя и как талантливый организатор школы еврейской историографии, один из инициаторов создания Еврейского историко-этнографического общества, давшего новый мощный импульс поиску, накоплению и публикации первоисточников по еврейской истории. С деятельностью общества связан целый этап в развитии Петербургской школы еврейской истории.

Активизации исследований по истории евреев способствовало рождение в Петербурге и других национальных культурных обществ - «Общества для научных еврейских изданий», «Еврейского литературного общества». Этот период характеризуется и основанием ряда национальных литературных и исторических журналов, главный из которых «Еврейская старина», редактировавшийся С.М. Дубновым, поставил перед собой задачу публикации первоисточников и снабжение их научными комментариями.

К началу первой мировой войны в России сложилась собственная национальная еврейская историческая школа.¹⁷ Была создана система научных учреждений, издавались десятки книг, выходили периодические научные издания. Выдающееся значение для развития российской еврейской историографии имел выпуск 16-томной «Еврейской энциклопедии».

Но в этот чрезвычайно плодотворный для развития еврейской историографии период исследования велись, как правило, безотносительно к региону, в том числе и сибирскому. Мы можем назвать лишь несколько работ публицистического характера, напечатанных в еврейских периодических изданиях и в журнале «Сибирские вопросы».¹⁸ Посвящены они, главным образом, правовому положению евреев в Сибири. Из этого ряда выбиваются два исследования, не ограничивавшиеся описанием плачевного положения сибирских евреев и отличавшиеся более широким взглядом на проблему. Это, прежде всего, статья бывшего советника Омского областного правления Т.И. Тихонова «Сибирские евреи, их права и нужды», опубликованная в журнале «Сибирские вопросы», и книга помощника присяжного поверенного при Санкт-Петербургской Судебной палате Г.А. Белковского «Русское законодательство о евреях в Сибири».¹⁹ В статье Тихонова открыто прозвучала мысль об исключительно тяжелом правовом положении евреев, когда они вынуждены особыми

гражданскими доблестями приобретать гражданские права, принадлежащие представителям других национальностей от рождения. Отмечая противоречивость и запутанность «еврейского» законодательства, дающего местному чиновничеству простор для произвола и мздоимства, автор указывает на полное отсутствие в Сибири каких бы то ни было демократических институтов, которые могли бы в значительной степени нейтрализовать последствия «еврейского» дискриминационного законодательства.

Г.А. Белковский сделал первую попытку создания своеобразного свода законов о евреях Сибири. Профессиональный юрист, он нашел множество несуразностей в толковании ограничительных законов и дал им свою трактовку, выступая не только как комментатор, но и как общественный деятель.

Жизнь же еврейских общин в Сибири в этот период получила освещение только в двух работах. Брошюра Ю. Островского «Сибирские евреи» - это очерковые заметки, сделанные автором под впечатлением путешествия по Сибири.²⁰ Не претендуя на научный анализ, он создал яркую и живую картину жизни евреев в Сибири. При всей ее схематичности, отсутствии какого бы то ни было статистического материала и приблизительных, «на глазок», оценках она представляет собой чрезвычайный интерес для исследователя как наблюдения очевидца. Работа В.С. Войтинского и А.Я. Горнштейна «Евреи в Иркутске» - полноценное историческое исследование, охватившее все стороны жизни одной из крупнейших общин Сибири и давшее яркую характеристику столь уникальному явлению как сибирское еврейство.²¹ При том, что авторы оказались идеологически несвободны и излишне эмоциональны в оценках общественной деятельности общины, богатый фактический материал, статистические сведения, приведенные в работе уникальные, ныне уже утраченные документы, придают ей большую научную ценность. Заданная

авторами схема и по сей день может служить моделью изучения сибирской еврейской общины, что особенно важно при утрате заложенных С.М. Дубновым традиций исследования «внутренней» истории общины.

Во втором периоде, начало которому было положено в 1917 году, выделяются три этапа: 1917 год - середина 20-х годов, середина 20-х годов -1930-е годы, и, наконец, 30-90-е годы XX века.

Первый этап был весьма плодотворным для развития российской еврейской историографии. В условиях настойчивых поисков решения по национальному вопросу подобные исследования только приветствовались. Продолжал работу Еврейский университет в Петрограде, издавались и переиздавались работы Ю.И. Гессена и С.М. Дубнова. Еще не идеологизированная историография с ее признанным лидером Петербургской школой получила «второе дыхание»: были созданы специальные комиссии для архивной работы, в распоряжении которых оказались прежде не доступные источники. Результатом их работы стал двухтомник материалов по истории антиеврейских погромов.²²

Однако во второй половине 20-х годов усилилось противостояние двух научных школ - традиционной школы «буржуазной академической науки» и новой школы «пролетарской» еврейской науки, - которое перевело исследования из области науки в область идеологии.²³ После 1925 года, когда Еврейский университет был ликвидирован, противостояние усилилось. Ленинградская еврейская историческая школа была обвинена в отстраненности от культурной революции, а Дубнов как издатель «Еврейской старины» и Еврейское историко-этнографическое общество оказались в рядах «ведущих идеологически чуждую советской общественности работу». Кампания, направленная против еврейской исторической школы, не носила антисемитского характера. Научная еврейская историография в России прекратила свое существование, прежде всего в результате внутривластной борьбы.²⁴

Исследования по еврейской тематике продолжают, но переходят в совсем иную плоскость. Акцент делается на изучении еврейского рабочего движения. Диапазон оценок мигрирует от признания весомого вклада евреев в революционное движение в России до мощной пропагандистской атаки на сторонников экстерриториальной еврейской культурно-национальной автономии.²⁵ Отдельные региональные исследования по истории евреев общей картины не изменили.²⁶ А география этих исследований в соотношении с национальностью первого лица в государстве наводит на мысль о явно пропагандистском характере изданий, преследовавших идеологические цели. В этот период выходит также несколько работ об антисемитизме, которые ввиду их малочисленности нецелесообразно выделять в отдельную группу.²⁷ Это была разовая идеологическая кампания, проведению которой объективно способствовали вспышки антисемитизма, насторожившие молодое Советское правительство. В дальнейшем этот вопрос ни в литературе, ни в жизни не поднимался. По сравнению с предшествующим второй этап не представил сколько-нибудь серьезных исследований по избранной теме, что было обусловлено официальной доктриной Советского государства по национальному вопросу.²⁸

Если этот этап можно считать началом кризиса российской еврейской историографии, то следующий - 30-е – начало 90-х годов - временем ее полного застоя. В течение более чем столетия изучение истории русского еврейства было в СССР невозможно. Предмет как бы перестал существовать. Какие бы то ни было архивные материалы, касавшиеся истории евреев, стали недоступными, ибо в подавляющем большинстве они в конце 40-х - начале 50-х годов были засекречены независимо от содержания и периода, к которому относились. Обстоятельства, при которых еврейская историография прекратила свое существование, были таковы, что распространение ее традиций на изучение советского периода

истории русского еврейства совершенно исключалось. Дело в том, что ведущие представители марксистского направления в еврейской историографии (Ленинградская школа была разогнана как не признававшая марксизм) провозгласили основной чертой истории революционного движения евреев оппортунистический, мелкобуржуазный характер ввиду отсутствия в его рядах рабочих крупной промышленности и традиционную склонность евреев к организации по национальному признаку, возникшую из-за преследований на национальной почве. Для партии и карательных органов это было необходимым и достаточным условием, чтобы прекратить не только еврейскую историю, но и саму еврейскую общественную жизнь, которая являлась главным предметом изучения еврейских авторов.²⁹

С 90-х годов XX века начинается «эпоха Возрождения» российской еврейской историографии. На смену идеологическому подходу пришло глубокое и серьезное желание исследователей разобраться в реалиях истории еврейских общин и дать возможно более точную картину жизни еврейского народа в России. Объективно этому способствовали демократические преобразования, пробудившие национальное самосознание народов бывшего СССР и возродившие интерес к национальной истории, языку, культуре. Разрушительные процессы, сопровождавшие переход страны к рынку, еще более закрепили желание изучить национальную историю: в условиях экономического кризиса и социальной напряженности человек особенно нуждается в вечных ценностях, в которых он может черпать силы для новой жизни. Роль этих ценностей могут сыграть национальные традиции, реликвии и историческая память. Еврейский народ России не составляет исключения.

Честь возрождения исторических традиций в изучении еврейской истории принадлежит Москве и Санкт-Петербургу. Созданные там Еврейские университеты стали крупнейшими научно-исследовательскими

центрами, изучающими всю палитру проблем истории и культуры еврейского народа. Приняв на себя трудную, но благодарную роль первооткрывателей, столичные историки оказали большую помощь региональным исследователям систематизацией и публикацией совместно с израильскими учеными ранее закрытой от советского читателя эмигрантской публицистики, в которой «еврейский вопрос» занимал заметное место, изданием справочников и составлением историографических обзоров отечественной и зарубежной литературы по истории российских евреев.³⁰ Переиздаются работы видных российских историков еврейства, в частности, С. М. Дубнова.³¹ Выходит Российская еврейская энциклопедия, помогающая реконструировать историю «еврейской жизни» в каждом населенном пункте, где она имела место.³²

Событием стал выход в свет труда А.И. Солженицына «Двести лет вместе».³³ Поскольку автор пользовался широко известными источниками, он не внес сколько-нибудь новых фактов в освещение российской еврейской жизни да и не ставил перед собой такой цели. Его книга, интересна не столько как научное исследование, на статус которого она и не претендует, столько как документ, важный для познания личности самого автора, человека и мыслителя, пытающегося «без гнева и пристрастия» разобраться в русско-еврейских взаимоотношениях и исцелить «накопленные в народной памяти взаимные обиды». Однако задача слишком сложна, чтобы быть по силам одной личности, пусть даже такого масштаба как Солженицын. На наш взгляд, автору не удалось справиться с поставленной целью и потому, что он не воспользовался новыми исследованиями отечественных историков, уже совершенно иначе трактующими взаимоотношения двух народов, и оказался в плену стереотипов, сложившихся у него в течение всей жизни. Тем не менее, заслуга А.И. Солженицына в том, что он сделал решительный шаг к

диалогу двух народов и поднял вопрос, в значительной степени табуированный вплоть до сегодняшнего дня.

Стремительное развитие еврейской историографии в Москве и Санкт-Петербурге способствовало активизации региональных исследований, где «еврейская» тема в последние годы получила самостоятельное развитие.³⁴ Правда, они неравнозначны по уровню анализа и глубине исследования, и с серьезными работами соседствуют популярные краеведческие очерки.

Особенно мощный импульс за последнее десятилетие получила сибирская еврейская историческая наука. Пионером разработки еврейской темы в Сибири стала Иркутская историческая школа. В двух выпусках «Сибирского еврейского сборника», материалах международных научно-практических конференций отражено все разнообразие аспектов жизни сибирских евреев.³⁵ Идеи С. М. Дубнова о возможности полноценной «еврейской» жизни в диаспоре были подхвачены и развиты сибирскими историками в журнале «Диаспоры».³⁶

Дальнейшему развитию сибирской еврейской историографии способствовала организаторская и издательская деятельность благотворительного комитета «Джойнт», при поддержке которого состоялись четыре региональные научно-практические конференции «История евреев Сибири и Дальнего Востока». Работы, изданные в последние годы при его поддержке, отличаются глубиной исследований, тематическим и жанровым разнообразием.³⁷

Сложившийся «банк данных» по еврейской тематике послужил предпосылкой для углубления изучения истории сибирских евреев. Новым этапом в современной сибирской еврейской историографии можно считать переход от разработки отдельных еврейских сюжетов к серьезным монографическим исследованиям по истории отдельных общин региона. Первое из них – работа А. Гройсмана о евреях Якутии.³⁸ Несмотря на некоторую бессистемность изложения и поверхностность оценок, она,

безусловно, интересна исследователю введением в оборот солидного корпуса архивных источников. Комплексный подход при анализе жизни еврейских общин Бурятии и Иркутска обнаруживают работы Л. В. Кальминой и Л. В. Кураса и В. Ю. Рабиновича.³⁹ Серьезный вклад в исследование еврейской диаспоры Дальнего Востока внесла В. В. Романова.⁴⁰ Ее монографические исследования посвящены проблемам формирования политики властных структур по отношению к евреям российского Дальнего Востока и ее влиянию на особенности экономического, социального и культурно-психологического статуса местного еврейства со времени появления первых еврейских поселенцев в 60-е годы XIX века до конца 20-х годов XX века, когда окончательно завершилась досоветская история евреев региона. В зависимости от поставленных задач авторы акцентируют внимание либо на взаимоотношениях общины с властными структурами разного уровня (В.В. Романова), либо на интеграции евреев в местное общество (В.Ю. Рабинович), либо на внутриобщинной жизни (Л. В. Кальмина, Л. В. Курас).

Серьезная историографическая база по различным аспектам сибирской истории, без использования которой невозможно исследование региональной еврейской истории, создана учеными в советское и постсоветское время. В их работах нашли отражение как общие проблемы истории региона,⁴¹ так и отдельные ее аспекты.⁴² И хотя исследуемая тема не получила там даже схематичного освещения, эти работы позволяют воссоздать исторический фон и настроения того времени, в контексте которых проходила жизнь еврейских общин региона.

В данном исследовании использована также зарубежная литература по еврейской тематике. В отличие от российской еврейской историографии, которая в советское время практически не развивалась, зарубежная в 60-80-е годы XX века существенно продвинулась вперед. Наряду с явно

пропагандистскими работами об ущемлении прав евреев в СССР, обусловленными жестким идеологическим противостоянием двух систем,⁴³ в это время вышли и серьезные научные исследования, сформировавшие новые подходы в рассмотрении роли евреев в российском обществе.⁴⁴ В частности, американский историк Сало Барон выдвинул «антилакримозную» интерпретацию еврейской истории,⁴⁵ отказавшись видеть в еврейском народе только жертву антисемитизма и юдофобии и противопоставив этому устоявшемуся взгляду концепцию творческой, созидательной жизни в диаспоре и взаимовлияния евреев и принимающих их народов. С критикой теории «направляющей руки» правительства в погромных волнах 1881-1884 и 1903-1906 годов выступил американский историк Ханс Роггер. По мнению ученого, правительство, напротив, не было заинтересовано в беспорядках, против кого бы они ни были направлены: беснующаяся толпа, дестабилизирующая обстановку, становится неуправляемой и представляет опасность, прежде всего, для власти.⁴⁶

Достаточно динамично развивается зарубежная иудаика и в последние годы. Продолжается выпуск Краткой еврейской энциклопедии, выходящей в Иерусалиме. Она, охватывая более длительный временной период, дает основу и для исследователей, занимающихся историей российского еврейства в XX веке. К тому же интонационно она отличается от дореволюционной Еврейской энциклопедии, издававшейся в условиях отсутствия еврейской национальной государственности.

Современные зарубежные исследователи в ряде случаев делают акцент на разрушении устойчивых стереотипов, сложившихся в изучении «еврейского вопроса» в России. В частности, английский историк Джон Клиер выступает оппонентом привычного мнения о полнейшей несовместимости взглядов общества и власти на еврейский вопрос.⁴⁷ Опровергнуть устоявшуюся оценку «роли» евреев в спаивании русского

народа попыталась польский исследователь Барбара Стемпневская-Хольцер. По ее мнению, на этом моменте российская администрация акцентировала внимание чрезмерно и специально для оправдания политики выселения евреев из сельской местности, в частности, в Беларуси, в то время как винокуренные и пивоваренные заводы на ее территории принадлежали в основном помещикам и служили главным источником их дохода.⁴⁸ Весьма интересен взгляд на природу сионизма израильского историка Дины Зисерман. Опираясь на многочисленные исследования своих соотечественников, она «лишает» сионизм его уникальной природы и приходит к выводу о его кальке с практически любого европейского националистического движения. По мнению автора, развитие последнего почти неизбежно следует за эмансипацией, которая, формально провозглашая равноправие, фактически не устраняет дискриминации.⁴⁹

Однако работы зарубежных историков практически не касаются исследуемого региона. В лучшем случае достаточно схематично может быть освещен какой-то сибирский сюжет. Например, в работе Эриха Хабера об участии евреев в российском революционном движении в нескольких словах упоминается «Якутская трагедия».⁵⁰

При наличии серьезных отечественных работ по истории сибирского еврейства до сих пор практически отсутствуют исследования по «внутренней» истории еврейских общин. Особенности и тенденции внутриобщинной жизни, которая делала евреев собственно евреями, воспитывала в них национальное самосознание и объединяла как этническую общность, пока остаются «за кадром». Историки обращаются к ней, как правило, лишь в контексте исследуемых проблем. Виной тому – малочисленность и плохая сохранность источников, позволяющих реконструировать повседневную жизнь общины, и утрата заложенных С. М. Дубновым традиций в исследовании «внутренней» истории евреев.

К тому же история сибирских общин пока восстанавливается в каждой области или городе автономно, без попытки проследить общие для большого региона тенденции развития, региональные особенности и культурные и религиозные связи. На наш взгляд, необходимость расширения территориальных рамок и перехода от изучения истории еврейских общин в отдельных областях к их обобщающему исследованию уже назрела.

Исходя из этого мы и определили в качестве объекта исследования еврейские общины обширного региона - Восточной Сибири, то есть общности людей, сложившиеся по принципу исповедания иудейской религии. Кроме увлекшихся революционными идеями и изменивших веру, евреи практически не жили вне общины. Порой деспотичная в регламентации всех сторон жизни и нравственного облика своих членов, община была большой патриархальной семьей, защищавшей от чужого внешнего мира, сулившего неприятие и отторжение. В отрыве от основной массы единоверцев роль общины как саморазвивающегося организма возрастает. Она становится гарантией сохранения народа-чужака, его этнической целостности и национальной самобытности в среде принимающих его народов и позволяет законсервировать свою «непохожесть», не вызывая их раздражения. Ее поддержка – обязательное условие для выживания и развития в чужой среде, преодоления экономической конкуренции и приобретения веса в обществе. Предметом исследования стали все стороны жизни еврейских общин в их взаимосвязи: экономическая, общественная, культурно-просветительская, религиозная. В поле зрения исследования попали те стороны жизни, которые были санкционированы общиной и объективно играли на ее экономическую состоятельность, общественный авторитет и внутреннюю эволюцию.

Не претендуя на исчерпывающую полноту освещения их жизни, автор ставит цель их комплексного изучения как саморазвивающегося организма

вдали от «национального очага» на территории Восточной Сибири в дореволюционный период.

Для ее реализации определяются следующие задачи:

- проанализировать имеющиеся по теме источники и литературу с точки зрения новых подходов в исследовании истории российских евреев;
- систематизировать сибирское «еврейское» законодательство, регламентировавшее въезд евреев в Сибирь и жизнь в Сибири, и проследить в эволюции его влияние на все стороны жизни сибирского еврейского общества;
- показать в сравнении пути и тенденции формирования еврейских общин на территории восточносибирского региона в контексте российского законодательства по еврейскому вопросу; дать их количественную и качественную характеристику; проследить особенности формирования и развития еврейской семьи как структурной единицы еврейской общины;
- проанализировать хозяйственную жизнь еврейских общин Восточной Сибири, процесс формирования структуры «еврейской» экономики региона; раскрыть объективные и субъективные факторы, этапы и особенности ее развития;
- проследить динамику образовательного уровня сибирских евреев, процессы формирования общинной интеллигенции, ее роли в развитии общинной жизни;
- раскрыть роль общественной активности общин в интеграции евреев в сибирскую жизнь, показать направления и тенденции ее развития;
- исследовать закономерности внутриобщинной жизни евреев Восточной Сибири, проследить процесс формирования внутриобщинных институтов и его особенности в разных общинах региона; показать влияние внутриобщинной жизни на сохранение национального «лица», проанализировать роль религии, еврейских благотворительных и

просветительских учреждений в сохранении этнической целостности и национальной самоидентификации сибирских евреев.

Хронологические рамки исследования охватывают период с середины XIX века до февральской революции 1917 года - один из наиболее сложных периодов отечественной истории, за который Российская империя прошла путь от реформ, положивших начало капиталистическому развитию, до его высшей точки. В это время Сибирь становится объектом усиленной колонизации, влекущей за собой изменение процесса ее социально-экономического развития и массовых миграций населения. В исследовании обозначенной темы эти даты имеют и свой специфический смысл: 50-60-е годы XIX века - время формирования еврейских общин на территории исследуемого региона. Февраль 1917 года, принесший представителям всех национальных меньшинств бывшей Российской империи освобождение от унижающих их национальное достоинство запретов, избавил еврейский народ от главного дискриминирующего фактора - черты оседлости, после чего его жизнь претерпела коренные изменения и пошла в совершенно ином русле.

Территориальные рамки исследования охватывают Восточную Сибирь в административных границах Иркутского генерал-губернаторства: Иркутская и Енисейская губернии, Забайкальская и Якутская области. (Забайкальская область в период ее административной принадлежности Приамурскому генерал-губернаторству остается в поле нашего зрения не только как географически относящаяся к Восточной Сибири, но и как по экономическому и социальному развитию, а следовательно, и течению «еврейской» жизни более близкая к ней, нежели к Дальнему Востоку). Социально-экономические особенности региона наложили свой отпечаток на процесс формирования здесь еврейских общин.

Методологической основой исследования стали основные принципы исторической науки - историзм и научная объективность, которые

предполагают взгляд на проблему со всех сторон, изучение всех позиций по данному вопросу и позволяют видеть исторические процессы в их реальном развитии и взаимосвязи с другими историческими явлениями. Данные принципы потребовали рассмотрения еврейских общин как целостных организмов, развивающихся не только по своим внутренним законам, но и в экономическом и культурном взаимодействии со всеми народами региона. Согласно принципу историзма автор рассматривает историю сибирских евреев как часть истории евреев России, а также в контексте процессов, происходящих в сибирском регионе и государстве в целом.

В работе также применялись специальные методы, характерные для исторического исследования: ретроспективный и сравнительно-исторический. Ретроспективный метод предполагает движение мысли исследователя к прошлому для более глубокого осмысления процессов, уходящих корнями в далекие времена. Он особенно важен при реконструкции внутриобщинной жизни сибирских евреев. Шаг за шагом восстанавливая этапы эволюции общины, историк как бы «погружается» в исследуемое время для лучшего понимания побудительных мотивов действий общинников в борьбе за легализацию молельных домов, установления полноценной структуры управления молельными обществами, сохранения и развития своего мироощущения. Сравнительно-исторический метод дает возможность изучать и сравнивать процессы, протекающие в этот же период в других регионах, проследить изменения во всех сторонах жизни этнической и конфессиональной группы, поставленной в совершенно иные условия. Стержнем исследования является сравнительный анализ экономической, общественной, культурной и религиозной жизни евреев в черте оседлости и в исследуемом регионе, значительно отличающихся от друг друга по статусу, уровню социально-экономического развития, менталитету общества. Результатом

использования статистического метода стали таблицы, дающие представления о динамике роста еврейского населения, его расселении, вкладе в экономическое развитие региона, образовательном уровне и т.д.

Основной источниковой базой для исследования послужили документы центральных и региональных российских архивов. При их классификации автор придерживается традиционной схемы Дубнова-Гинзбурга, которой пользуются как российские, так и зарубежные специалисты по истории еврейского народа. В соответствии с ней все источники по истории евреев (хотя мы используем эту классификацию только при характеристике архивных документов) делятся на две группы. Первая - источники по истории правовых, экономических и культурных отношений еврейской общины с государством и обществом, вторая – документы, раскрывающие законы внутриобщинной жизни, хотя мы допускаем, что вновь обнаруженные источники могут и не уложиться в данную схему.

К источникам первой группы относятся официальные документы: царские манифесты, положения Комитета Министров, разъяснения Правительствующего Сената по «еврейскому вопросу», циркулярные письма министерств и ведомств, переписка Иркутского генерал-губернатора и сибирских губернаторов, отчеты, рапорты и донесения полицейских органов, городских управ, старост, волостных старшин и т.д. о численности, сословной принадлежности, занятиях, экономическом положении, политической благонадежности сибирских евреев. Степень их сохранности достаточно высока, особенно источников, освещающих политику государства по отношению к евреям. Достоверность последних также не подлежит сомнению, но изучение и трактовка затрудняются противоречивым характером многих из этих документов, которые допускали двоякое толкование отдельных вопросов. Многие из них

вызывали трудности в исполнении из-за нечеткости формулировок и требовали дополнительных разъяснений.

Документы, характеризующие правовое положение сибирских евреев, отложились в фондах 1149 (Департамент законов Государственного Совета), 1264 и 1265 (Первый и Второй Сибирские Комитеты) Российского Государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург).

Большой массив документов этой группы, представляющих интерес для исследователей данной проблемы, содержится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Москва). В фонде 102 (Департамент полиции МВД) удалось почерпнуть сведения о правовом положении, политических настроениях, экономической роли евреев Сибири. Особый интерес представляют донесения полицейских агентов о сионистском движении в Сибири, позволяющие предположить, что сионизм был единственной влиятельной политической силой в среде сибирских еврейских общин. Материалы о положении военнослужащих евреев сосредоточены в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, Москва). В фондах 1447 (Штаб Восточно-Сибирского военного округа) и 1468 (Штаб Иркутского военного округа) содержатся данные о сибирских евреях-военнослужащих, их послужных списках, правовых ограничениях, которым они подвергались.

Важнейшие документы указанной группы отложились в сибирских архивах: Государственном архиве Иркутской области (ГАИО), Государственном архиве Красноярского края (ГАКК), Государственном архиве Читинской области (ГАЧО), Национальном архиве Республики Бурятия (НАРБ), Национальном архиве Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Особенно большой корпус источников, характеризующих правовое положение евреев Сибири, сосредоточен в фондах 24 (Главное управление Восточной Сибири) и 25 (Канцелярия Иркутского генерал-губернатора) Иркутского архива и фондах областных и губернских

правлений сибирских архивов: фонд 595 (Енисейское губернское правление) ГАКК, фонд 32 (Иркутское губернское правление) ГАИО, фонд 1(о) (Забайкальское областное правление) ГАЧО, фонд 12-и (Якутское областное правление) НАРС(Я). Документы этих фондов позволяют составить достаточно полное представление о политике сибирской администрации в «еврейском вопросе» и местных особенностях ее проведения. Статистические сведения о численности евреев в разных населенных пунктах, их прошения о выезде за пределы места приписки, отчеты о ходе кампаний по их выселению из мест незаконного проживания содержатся в фондах полицейских управлений: 91 (Иркутское городское полицейское управление) и 90 (Иркутское уездное полицейское управление) ГАИО, 337 (Верхнеудинское уездное полицейское управление) и 123 (Баргузинское уездное полицейское управление) НАРБ, фонд 15-и (Якутское окружное полицейское управление), 20 (Олекминское окружное полицейское управление) НАРС(Я). Статистические сведения требуют проверки и подтверждения (или опровержения) другими источниками из-за разницы в методиках подсчета разными организациями и уклонения евреев от разного рода переписей.

Документы, характеризующие экономическое положение евреев – прошения на получение торговых свидетельств, заявки на открытие промышленных предприятий, списки владельцев недвижимости с описанием жилья и указанием его стоимости, списки обладателей гильдейских свидетельств – содержатся в фондах городских дум, управ и казенных палат: фонд 70 (Иркутская городская дума) ГАИО, фонд 10 (Верхнеудинская городская управа) НАРБ, фонд 161 (Красноярская городская управа) и 160 (Енисейская губернская казенная палата) ГАКК, фонд 94 (Читинская городская управа) ГАЧО, фонд 165-и (Якутская городская управа) НАРС(Я).

Вторая группа архивных источников - «внутренние» документы общин, которые позволяют реконструировать их повседневную жизнь: протоколы заседаний духовных и хозяйственных правлений, приходно-расходные документы, метрические книги, письма, мемуары, религиозная литература, фотографии. Эта группа источников отличается крайней скудостью. Годами они никем не собирались, не систематизировались и не анализировались. Многие из них бесследно исчезли, а те, что удалось сохранить, представляют собой бессистемную «россыпь» в различных фондах сибирских архивов.

Некоторые детали внутриобщинной жизни позволяют восстановить документы фонда 821 (Департамент Духовных дел иностранных исповеданий) РГИА, в котором содержатся просьбы об открытии в сибирских населенных пунктах молельных домов, религиозных школ и иных общинных организаций. К сожалению, обнаружить другие коллекции документов по «внутренней» истории сибирских евреев в фондах центральных архивов не удалось.

Во всех названных нами сибирских архивах имеются лишь четыре чисто «еврейских» фонда с компактным содержанием документов внутренней группы: фонды 196 (Верхнеудинской) и 385 (Баргузинской) еврейских общин в Национальном архиве Республики Бурятия и фонды 789 (Архивная коллекция метрических книг Иркутской синагоги) и 417 (Канцелярия Иркутского раввина) в Иркутском архиве. В фонде 196 содержатся протоколы хозяйственного правления Верхнеудинской общины за 1908-1918 годы и протоколы общих собраний общинников с 1908 по 1917 годы, журнал исходящих бумаг Верхнеудинского общества раввина и метрические книги с 1885 по 1907 годы. Фонд 385 содержит протоколы хозяйственного правления общины с 1906 по 1916 год и протоколы общих собраний общины за 1917-1920 год. Фонд 789 Иркутского архива, как уже ясно из его названия, содержит метрические

книги Иркутской еврейской общины за 1878–1920 (с некоторыми пропусками) годы. Метрические книги – очень важный статистический источник по изучению движения еврейского населения, хотя и они грешат неточностями из-за несвоевременности записей о браках и рождениях из-за отдаленности, а также из-за ведения этих записей в ряде случаев малоподготовленными людьми. Большой интерес представляют документы фонда Канцелярии Иркутского раввина, которые содержат в себе переписку раввина Соломона Бейлина, протоколы заседаний Иркутского отделения Общества распространения просвещения между евреями (ОПЕ), сведения о бюджете Иркутского еврейского училища, правила, установленные правлением Иркутского еврейского молитвенного дома, и другие документы. Эти документы в значительной степени позволяют восполнить пробелы в истории культурной жизни Иркутской общины, оставшиеся после изучения других документов. Коллекция метрических книг Читинской, частично Нерчинской и Сретенской общин сосредоточена в фонде 282 ГАЧО (Иркутская духовная консистория). Единичные документы «внутренней» группы – протоколы духовных правлений Иркутской еврейской общины и метрические книги Красноярской еврейской общины обнаружены нами в фондах 70 (Иркутская городская дума) ГАИО и 595 (Енисейское губернское правление) ГАКК. При скудных сведениях о внутренней жизни еврейских общин региона материалы этих фондов в дополнительных рекомендациях не нуждаются. Уцелели они лишь потому, что в них, по-видимому, были заинтересованы не имеющие отношения к общинам инстанции. Эти материалы дают возможность в значительной степени восстановить внутриобщинную историю, процесс формирования институтов общинного самоуправления и религиозную жизнь евреев региона.

Кроме архивных документов в работе использован широкий круг опубликованных источников, дающих представление о правовом

положении, динамике численности евреев региона, экономическом развитии сибирских еврейских общин. Их можно разделить на несколько групп: законодательные акты, официальные отчеты и переписка, источники личного происхождения (воспоминания, дневники, путевые заметки) и периодическая печать.

В первой группе важнейшее значение имеют Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) и Свод законов Российской империи (СЗРИ). Жизнь еврейского народа была регламентирована многочисленными законодательными актами, обретавшими форму Указов Правительствующего Сената, положений Комитета Министров и Всемилостивейших манифестов царствующих особ. Первое Полное собрание законов Российской империи, изданное в 1830 году, включает в себя более 30 тысяч законодательных актов от 1649 до 1825 годов. Второе собрание, охватывающее период с декабря 1825 до февраля 1881 года, содержит более 60 тысяч законодательных актов. В третье, не завершённое, собрание вошли более 40 тысяч документов. Эти документы позволяют увидеть эволюцию российского еврейского законодательства в соотношении с общей политикой того или иного монарха. Свод законов Российской империи дает возможность проследить еврейский сюжет в контексте того или иного закона, к примеру, Устава о ссыльных, и сравнить разрешения или запреты, установленные в отношении евреев, с таковыми относительно других национальных или конфессиональных групп.

Особую ценность для исследователя представляют те издания, где законодательные акты не только публикуются, но и комментируются, что позволяет увидеть динамику и противоречия российского «еврейского» законодательства.⁵¹ Известные исследователи и комментаторы законов В.О. Леванда, И. Г. Оршанский, М. И. Мыш и другие не просто проследили эволюцию российской законодательной политики по

отношению к евреям, но и положили начало отдельному направлению в истории еврейских общин, которое представляет интерес не только для историков, но и юристов. Характерно, что в 1890 году группа молодых юристов-евреев в Петербурге организовала кружок для сбора материалов по законодательству о евреях, чтобы в процессе занятий ликвидировать некомпетентность юристов в этом вопросе и самим издать сборник соответствующих материалов. Постепенно от специальных вопросов истории законодательства участники кружка пришли к необходимости изучения истории российских евреев.

Во второй группе источников выделяются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. Дополненные материалами и отчетами органов власти разных уровней, они дают всесторонний статистический анализ жизни евреев исследуемого региона. Особый интерес в этой группе источников представляют Всеподданнейшие отчеты Иркутских генерал-губернаторов, в которых положение евреев в Сибири выделялось в отдельный блок. При строго официальной форме отчетности эти документы, тем не менее, несут на себе отпечаток личности их авторов и их представлений о решении «еврейского вопроса» в регионе. Выразителем наиболее либеральных взглядов в этом вопросе был, на наш взгляд, Иркутский генерал-губернатор А.И. Пантелеев, который, отдавая должное еврейской предприимчивости, предлагал существенное расширение прав евреев, имеющих право жительства в Сибири.⁵²

Официальные источники дополняются «неофициальными» – путевыми заметками, воспоминаниями, личными впечатлениями, которые, накладываясь на цифры отчетов и обзоров, дают более полную и живую картину жизни исследуемого региона. По целям, преследуемым их авторами, характеру воспоминаний и интонации их, в свою очередь, можно разделить на несколько групп. Первая представляет собой

тяготеющие к справочным изданиям этнолого-географические описания населенных пунктов, где побывали авторы.⁵³ Не задаваясь целью специально описывать быт сибирских евреев и раскрывать причины их экономической состоятельности, они, тем не менее, довольно подробно описывают жизнь последних: евреи были слишком заметной этнической группой, чтобы оказаться вне поля зрения путешественников. Вторая группа – воспоминания более личностные, где анализ сибирского характера, сибирского общественного мнения приближается к психологическому очерку.⁵⁴ Эти источники достаточно глубоко исследуют сибирскую ментальность как одну из причин успехов сибирских евреев в экономике и общественной жизни. Третья группа – воспоминания лиц, занимавших в свое время высокие должности и имевших возможность влиять на политику самодержавия в еврейском вопросе – С.Ю. Витте, В.Н. Коковцова и других.⁵⁵ Исповедовавшие в этом вопросе, если можно так выразиться, «имперский прагматизм», их авторы в своих мемуарах значительное место уделяют своим попыткам убедить царствующих особ в необходимости предоставить евреям равноправие. Подобные настроения витали в окружении двух последних монархов, что, впрочем, не повлияло на проводимое ими ужесточение антиеврейского законодательства. Однако при анализе этих источников следует иметь в виду вполне естественное желание их авторов создать образ прогрессивного общественного деятеля в глазах потомков.

Особняком стоят воспоминания представителей еврейской интеллигенции с их взглядом на «еврейский вопрос» «изнутри».⁵⁶ Особенно важны для понимания обстановки, в которой проходило становление сибирской «еврейской» жизни, воспоминания представителя одной из наиболее видных сибирских еврейских семей Моисея Новомейского.⁵⁷ Острый ум, наблюдательность, меткость языка, знание сибирского быта позволили автору превратить свои воспоминания в

замечательный очерк сибирской еврейской жизни во всем ее многообразии. Книга несвободна от некоторой идеализации автором баргузинской жизни, что вполне объяснимо ностальгией (Новомейский писал ее в эмиграции). К тому же на русском языке воспоминания изданы в урезанном виде: в частности, «за кадром» осталась сионистская деятельность автора. Но это не снижает ценности его воспоминаний как источника для изучения быта маленького уездного городка, сыгравшего немалую роль в еврейской жизни на переломе эпох.

Наконец, большой научный интерес представляют сибирские периодические издания, позволяющие «окунуться» в то время, почувствовать его атмосферу и эмоциональный накал. Здесь можно выделить две группы: официальную прессу («Иркутские губернские ведомости», «Енисейские губернские ведомости», «Забайкальские областные ведомости») и свободную («Восточное обозрение», «Забайкальская новь», «Верхнеудинский листок», «Якутская окраина» и другие). Еврейская тема в последних обсуждалась достаточно активно и смело, часто публикации носили полемический характер. В частности, для понимания общественного настроения на рубеже XIX-XX веков интересна словесная дуэль между откровенно шовинистическими изданиями сибирской газетой «Сибирь» и российской «Гласностью», с одной стороны, и иркутским «Восточным обозрением», где еврейский вопрос очень остро поднимался из номера в номер – с другой, за что его редактора И.И. Попова даже обвиняли в «юдофилизме-дрейфусизме» и «поклонении Ротшильду».⁵⁸ Правовое положение сибирских евреев было постоянной темой публикаций журнала «Сибирские вопросы».

Многие интересные сведения безотносительно к региону удалось почерпнуть из журналов «Еврейская старина», «Еврейская жизнь», «Восход».

Опираясь на широкий круг источников и исследований по проблемам региона и российского еврейства, автор попытался реконструировать историю еврейских общин Восточной Сибири во всем ее многообразии от начала их формирования в середине XIX века до 1917 года, когда отмена черты оседлости как главного регламентирующего элемента жизни российских евреев коренным образом изменила их жизнь.

Научная новизна работы заключается в том, что это первое комплексное исследование истории еврейских общин на территории Восточной Сибири. Впервые проводится сравнительный анализ процессов формирования общин и динамики их численности в регионе, особенностей их экономической, общественной и культурной жизни. На основе впервые вводимых в научный оборот документов анализируется социальный, экономический и культурно-психологический статус общин, их взаимоотношения с органами власти и местным населением, опыт адаптации в новой культурной среде без потери национального «лица».

Автором впервые предпринята попытка систематизации сибирского «еврейского» законодательства, проанализированы его особенности по сравнению с сложившимися общеимперскими стереотипами в еврейском вопросе, обоснована целесообразность введения в научный оборот термина «сибирская черта еврейской оседлости».

Впервые в сибирской историографии проведена реконструкция внутриобщинной жизни сибирских евреев. На основе архивных данных в диссертации исследуется хронология и процесс формирования институтов общинного самоуправления, определены особенности внутриобщинных взаимоотношений, показана роль еврейской духовной жизни в сохранении этнической общности, традиций, менталитета сибирского еврейства, исследованы отличительные черты сибирского раввината, показан процесс формирования и развития религиозных, благотворительных и

просветительских учреждений, составляющих «духовную территорию» общин.

Результаты диссертационного исследования позволяют существенно дополнить уже накопленный исследователями материал по истории российского еврейства и ликвидировать пробелы в исторической судьбе Восточной Сибири. Отдельные сюжеты диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе, при написании новых научных работ по истории исследуемого региона, создании спецкурсов по истории Восточной Сибири, в краеведческой работе. Большое значение исследование будет иметь для представителей еврейской национальности: оно восстанавливает историческую память, способствует процессу национального возрождения, пробуждению интереса к деятельности своих предков.

Диссертационная работа может послужить основой для дальнейших исследований по истории еврейского населения Восточной Сибири с расширением хронологических рамок и углубленным изучением отдельных аспектов деятельности еврейских общин региона.

¹ Двести лет вместе или сто лет одиночества? «Круглый стол». // Родина. 2002. №4-5. С. 69.

² Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. Глава вторая, третья. // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1983. Т.25. С.74-92; Розанов В.В. Юдаизм. // Тайна Израиля. СПб., 1983. С. 105-227.

³ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Глава вторая. Т. 25. С. 78, 81-82, 85; Розанов В.В. Указ. соч. С. 231.

⁴ Соловьев Вл. С. Еврейство и христианский вопрос. // Тайна Израиля. С.31-103; Бердяев Н.А. Христианство и антисемитизм. // Там же. С.325-342.

⁵ Соловьев Вл. С. Указ. соч. С.32, 55; Бердяев Н.А. Указ. соч. С.327.

⁶ Столыпин П.А. Указ. соч. С.219.

⁷ Мережковский Д.С. Еврейский вопрос как русский. // Тайна Израиля. С.302-303; Ленин В.И. К еврейским рабочим. // Полн. собр. соч. Т. 10. С. 266-267; он же. Национализация еврейской школы. // Там же. Т. 375-376 и др.

⁸ Ганелин Р.Ш., Кельнер В.Е. Проблемы историографии евреев в России. Историографические очерки. 2-я половина XIX века – 1-я четверть XX века. // Евреи в России. 2-я половина XIX века – XX век. М. - Иерусалим, 1994. С. 183-184.

- ⁹ Оршанский И.Г. Евреи в России. Вып. 1. СПб., 1872; Никитин В. Евреи земледельцы. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение колоний со времени их возникновения до наших дней. 1807-1877. СПб., 1877; Блюх И.С. Сравнение материального быта и нравственного состояния населения в черте оседлости евреев и вне ее. СПб., 1891; Брамсон Л. К истории начального образования евреев в России. СПб., 1896; Бруцкус Б. Д. Профессиональный состав еврейского населения в России. СПб., 1908; Марек П. Очерки по истории просвещения евреев в России. - М., 1909; Переферкович Н. Религиозные вопросы у современных евреев. СПб., 1911; Усов М. Л. Евреи в армии. СПб., 1911; Чериковер И.М. История Общества для распространения просвещения между евреями в России (культурно-общественные течения в русском еврействе (1863-1913) Т.1. СПб., 1913; Познер С.В. Евреи в общей школе. СПб., 1914; Цинберг И. История еврейской печати в России. СПб., 1915 и др.
- ¹⁰ Бруцкус Б. Указ. соч. С. 8.
- ¹¹ Усов М.Л. Указ. соч. С. 20.
- ¹² Эльяшевич Д.А. Источниковедение истории евреев в России (к постановке вопроса). // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. СПб., 1993. С. 27-28.
- ¹³ Гессен Ю. История еврейского народа в России. Пг., 1916.
- ¹⁴ Он же. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906; он же. Законодательство о жизни евреев в России. // Русская мысль. Т.У. М., 1911. С.82-96; он же. Закон и жизнь. Как создавались ограничительные законы о жительстве евреев в России. СПб., 1911.
- ¹⁵ Дубнов С.М. Всеобщая история евреев на основании новейших научных исследований: В 3 кн. СПб., 1904-1906; он же. Евреи в царствование Николая II (1894-1914). Пг., 1922; он же. Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. Пг., 1923.
- ¹⁶ Трунк И. Историки русского еврейства. // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. М. - Иерусалим, 2002. С. 24.
- ¹⁷ Ганелин Р.Ш., Кельнер В.Е. Указ. соч. С.214.
- ¹⁸ Бакштановский Н. О юридическом положении сибирских евреев. // Русский еврей. 1883. №25; Ф.В. Евреи в Сибири. // Восход. 1887. №9; М-шь М. О евреях в Сибири. // Восход. 1889. №7-8; М-ъ. Еврейский вопрос в Сибири. // Сибирские вопросы. 1908. №19-20. С.9-14; Моравский В. К положению евреев в Сибири. // Еврейский мир. 1910. №25-26; Мытарства евреев в Сибири. // Сибирские вопросы. 1911. №22-23. С.63-68; Нейман И. Как прикрепили сибирских евреев к местам их приписки (1885-1893). // Еврейская старина. 1915. Вып. III-IV. С. 381-385 и др.
- ¹⁹ Тихонов Т.И. Сибирские евреи, их права и нужды. // Сибирские вопросы. 1905. №1. С.278-309; Белковский Г.А. Русское законодательство о евреях в Сибири. СПб., 1905.
- ²⁰ Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911.
- ²¹ Войтинский В., Горнштейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915.
- ²² Материалы для истории антиеврейских погромов в России. / Под ред. Г. Красног-Адмони: В 2-х Т. Пг., 1919-1923.
- ²³ Лукин В. К столетию образования Петербургской научной школы еврейской истории. // История евреев в России. Проблемы источниковедения...С.22.
- ²⁴ Курас Л.В. Есть ли будущее у российского еврейства? // Сибирский еврейский сборник. № 1. Иркутск, 1992. С. 108.
- ²⁵ Рафес М.Г. Очерки по истории Бунда. М., 1923; он же. Очерки истории еврейского рабочего движения. М. - Л., 1929; Бухбиндер Н.А. История еврейского рабочего

движения в России. По неизданным архивным материалам. Л., 1925; Агурский С. Еврейский рабочий в коммунистическом движении. Минск, 1926 и др.

²⁶ Плисецкий М. Религия и быт грузинских евреев. М., 1931; Пайкин С. Евкомбед Грузии. Тифлис, 1933.

²⁷ Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М., 1929; Лозинский С.Г. Социальные корни антисемитизма. М., 1929.

²⁸ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. // Соч. Т. 2. С. 334.

²⁹ Ганелин Р. Еврейский вопрос в СССР в представлении современников 1930-1950-е годы. // Труды по иудаике. Вып. 3. СПб., 1995. С.36-37.

³⁰ История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. / Сб. научных трудов под ред. Д.А. Эльяшевича. СПб., 1993; Документальные материалы по истории евреев в архивах СНГ и стран Балтии. / Сост. Д.А. Эльяшевич Д.А. СПб., 1994; Евреи в России. Историографические очерки. 2-я половина XIX века – XX век. М., 1994; Литература о евреях на русском языке, 1890-1947. Библиографический указатель. / Сост. В.Е. Кельнер, Д.А. Эльяшевич. СПб., 1995; Локшин А. Иудаика в России. Русско-еврейская история и ее исследователи. // Евреи в Российской империи XVIII – XIX веков. М. – Иерусалим, 1995; он же. История евреев в России конца XVIII – начала XX веков в современной зарубежной историографии. // Евреи в России. История и культура. Труды по иудаике. Вып. 5. СПб., 1998. С. 15-37; Евреи и русская революция. Материалы и исследования. / Редактор-составитель О.В. Будницкий. М. – Иерусалим, 1999; Рутберг Н.И., Пидевич И.Н. Евреи и еврейский вопрос в литературе советского периода. Хронологически-тематический указатель литературы, изданной за 1917-1991 гг. на русском языке. М., 2000; Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. Сб. статей. М. – Иерусалим, 2002 и др.

³¹ Дубнов С.М. Краткая история евреев. Ростов-на-Дону, 1997; он же. Новейшая история еврейского народа: В 3 кн. М., 2002.

³² Российская еврейская энциклопедия. М., 1994-2002.

³³ Солженицын А.И. Двести лет вместе. М., 2001-2002.

³⁴ Каган И.И. Очерк истории евреев Оренбуржья в XIX- начале XX вв. Оренбург, 1996; Иоффе Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. Краткий научно-популярный очерк. Минск, 1997; Шкурко Э.А. Очерки истории евреев Башкортостана. Уфа, 1999; Вайсерман Д. Биробиджан: мечты и трагедия. Хабаровск, 1999; Шолом, Владикавказ! / Сб., посвященный 200-летию еврейской общины г. Владикавказа. Владикавказ, 2001; Акиншин А.Н. Еврейская община в Воронежской губернии во второй половине XIX – XX веках. // Исторические записки. 2001. Вып. 7. С.22-44; Иванов Ю.А. Документы о положении евреев в Шуйском уезде Владимирской губернии. // Отечественные архивы. 2001. № 6. С.17-23.

³⁵ Сибирский еврейский сборник. №1. Иркутск, 1992; Сибирский еврейский сборник. №2. Иркутск, 1996; Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Тезисы докладов международной научно-практической конференции 6-8 октября 1994 г. Иркутск. 1994; Россия и Восток: взгляд из Сибири. Материалы и тезисы докладов к XI международной научно-практической конференции. Иркутск, 1998.

³⁶ Мучник Ю. Религиозная жизнь сибирских евреев в XIX столетии (по материалам Томской губернии). //Диаспоры. 1999. №1. С.58-76; Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска: наброски к портрету // Там же. С.77-103; Гончаров Ю. Еврейское купечество Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Диаспоры. 2000. №3. С. 155-172.

³⁷ Евреи в Сибири. Сб. статей. / Под ред. Э.И.Черняка и Я.М.Кофмана. Томск, 2000; Очерки истории еврейских общин Сибири и Дальнего Востока (XIX – начало XX вв.) / Сб. под ред. В.И. Дятлова и Я.М. Кофмана. Красноярск, 2001; Евреи в Сибири и на дальнем Востоке. Библиографический указатель отечественной литературы. /Сост. Л.В. Кальмина, Л.В. Курас. Красноярск, 2001; Звягин С.П. Министр юстиции Г.Б. Пагушинский. Красноярск, 2001; Юшковский В. Жернова. События и судьбы века минувшего. Красноярск, 2001.

³⁸ Гройсман А. Евреи в Якутии. Ч.1. Община. Якутск, 1995; Ч.2. После революции. Якутск, 1999.

³⁹ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX века – февраль 1917 года). Улан-Удэ, 1999; Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002.

⁴⁰ Романова В.В. Евреи на Дальнем Востоке России (II пол. XIX в. – I четв. XX в.). Хабаровск, 2000; она же. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX в. – 20-е годы XX в.) Красноярск, 2001.

⁴¹ История Якутской АССР: В 3 т. / Под ред. С.А. Токарева. М., 1957; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т.3. Сибирь в эпоху капитализма. Л., 1968; Очерки истории Сибири. Т. 1 и 2. Иркутск, 1970-1974; Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма./ Под ред. О.Н. Вилкова. Новосибирск, 1978; Петров П. Города Якутии 1861-1917 гг. Социально-экономический очерк истории. Якутск, 1990; История Бурятии в вопросах и ответах. Вып. 2. Улан-Удэ, 1991; Красноярский край в истории Отечества. Кн. 1. (1890-1917). Красноярск, 1996; Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск, 1997; Гоголев А.И. История Якутии (обзор исторических событий до начала XX в.) Якутск, 1999; Иркутск в панораме веков/ Сб. под ред. Л.М. Дамешека. Иркутск, 2003.

⁴² Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963; Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири. Иркутск, 1984; Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX- начало XX вв.) Иркутск, 1986; Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832-1917). Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990; Бердников Л.П. Вся Красноярская власть. Очерки истории местного управления и самоуправления. 1822-1916. Красноярск, 1995; Казарян П.Л. Якутия в системе политической ссылки России 1826-1917 гг. Якутск, 1998 и др.

⁴³ Friedberg M. Why They Left. New York, 1960; Frey S. The Truth about Jews in the Soviet Union. New York, 1960; Skoizylas E. The Realities of Soviet Antisemitism. Philadelphia, 1964; Korey W. The Soviet Cage: Anti-Semitism in Russia, New York, 1973; Eckman L. Soviet Policy Towards Jews and Israel, 1917-1974. New York, 1974; Gilison J. The Soviet Jewish Emigre. Baltimore, 1977.

⁴⁴ Rogger H. The Jewish Policy of Late Tsarism: a Reappraisal. // Wiener Library Bulletin. 25 (1971). P. 42-51; Baron S. W. The Russian Jews under Tsars and Soviets. New York., 1976; Stanislawski M. Tsar Nicolas I and the Jews. The Transformation of Jewish Society in Russia. 1825-1855. The Jewish Publication Society of America. Philadelphia. 1983; Pinkus B. The Jews of the Soviet Union, Cambridge University Press, 1988.

⁴⁵ Локшин А. Современная зарубежная историография российского еврейства XVIII – начала XX вв. Взгляд из России // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы III региональной научно-практической конференции (26-27 августа 2002 года). Красноярск - Улан-Удэ, 2002. С. 4.

⁴⁶ Rogger H. Ibid. P. 42-51.

- ⁴⁷ Klier J. *Imperial Russia's Jewish Question. 1855-1881*. Cambridge University Press, 1995.
- ⁴⁸ Стемпневская-Хольцер Б. Повседневная жизнь евреев Беларуси в 19 веке. // *Материалы Девятой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике*. Ч.1. М., 2002. С.31-32.
- ⁴⁹ Зисерман Д. К вопросу о генезисе сионизма. // *Российский сионизм: история и культура*. Материалы научной конференции. М., 2002. С. 24-26.
- ⁵⁰ Haberer E. *Jews and revolution in nineteenth-century Russia*. Cambridge University Press, 1995. P. 257.
- ⁵¹ Леванда В.О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения Алексея Михайловича до настоящего времени, 1649-1873. СПб, 1874; Оршанский И. Г. Русское законодательство о евреях. СПб., 1877; Левин Э.Б. Сборник ограничительных законов и постановлений о евреях по 1 июля 1902 года. СПб, 1902; Мыш М.И. Руководство к русским законам о евреях. СПб, 1904; Зайденман Л. Правовое положение евреев в России. СПб., 1906; Сборник действующих законов о евреях (по своду законов по продолж. 1906 г.) (под руководством Г.Б.Слиозберга). СПб., 1909; Гимпельсон Я.И. Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего Сената и Центральных правительственных установлений: В 2 т. СПб., 1914-1915 и др.
- ⁵² Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1900-1901 гг. Б.м., б.г. С.71-72.
- ⁵³ Долгоруков В.Д. Путеводитель по всей Сибири и среднеазиатским владениям России. Томск, 1898; Виноградов А. В дальних краях. Путевые заметки и впечатления. М., 1901.
- ⁵⁴ Попов И.И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск, 1989; Кропоткин П. Дневники разных лет. М., 1992 и др.
- ⁵⁵ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. Кн. 1.1903-1919 гг. М., 1992; Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. М. - Таллин, 1994.
- ⁵⁶ Из пережитого Виктора Мандельберга (бывшего члена 2-ой Государственной Думы). Давос, 1910; Фрумкин Я.Г. Из истории русского еврейства (воспоминания, материалы, документы). // *Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г.* М. – Иерусалим, 2002. С. 54-112 и др.
- ⁵⁷ Новомейский М. От Байкала до Мертвого моря. Иерусалим, 1979.
- ⁵⁸ Восточное обозрение. 1897. №64; Попов И.И. Указ. соч. С.171.

ГЛАВА 1. Правовое положение евреев Сибири

1.1 Регламентация въезда в Сибирь

Еврейский вопрос занимал в деятельности правительства Российской империи особое место – неизмеримо большее, нежели политика по отношению к другим населявшим ее народам, за исключением разве что поляков. Практически все структуры системы государственного управления – министерства и ведомства, многочисленные комитеты, периодически создаваемые для выработки новых законов и положений, – были регуляторами правового, экономического и культурного положения евреев России. Весь строй законодательства Российской империи предусматривал притеснения за саму принадлежность к еврейской нации и иудейской религии.

Исследователи отмечали, что евреи представляют собой совершенно исключительное явление, не имеющее аналогов среди всех остальных классов населения России, какое-то особенное сословие полу-граждан, или, лучше сказать, граждан известной части государства. По отношению к ним законодатель принимает за правило следующий принцип: гражданские права, принадлежащие всем другим национальностям как естественные права каждого человека в обществе, евреями могут быть приобретаемы лишь в силу особых гражданских доблестей.¹ «Если бы законы еврейские в течение более века всегда осуществлялись во всей их полноте, – отмечал Ю. Гессен, – вряд ли еврейский народ мог бы их пережить, сохранив человеческий облик».²

Положение евреев регулировалось многочисленными, порой неясными, часто вовсе противоречащими друг другу законами и подзаконными актами. Большинство из них вводились в виде разъяснений и решений Правительствующего Сената, положений Комитета Министров, циркуляров министерств. По подсчетам исследователей, без учета частных решений, только более или менее общих законов и распоряжений о евреях за 1810-1917 годы в материалах высших государственных учреждений России на-

считывалось 557.³ Даже высшие сановники не всегда знали, как трактовать тот или иной законодательный акт. В Канцелярии Иркутского генерал-губернатора отмечалось, что указания по еврейскому вопросу, постоянные многочисленные разъяснения Правительствующего Сената, издававшиеся по отдельным частным случаям и потому не всегда согласованные между собой, представляются не всегда достаточно ясными.⁴

В дополнение к документам центральной власти постоянно следовали разъяснения и толкования на местах, что усиливало беспорядочность в законодательстве. По оценке С.Ю. Витте, «вся груда еврейских законов представляет смесь неопределенностей с возможностью широкого толкования в ту или другую сторону».⁵

Разнобой в «еврейском» законодательстве правоведы объясняли разницей во взглядах различных ведомств на культурно-экономическое значение евреев. Что касается разнобоя в документах Правительствующего Сената, то последний, как отмечалось в юридических исследованиях, руководствовался «не только буквальным текстом и смыслом подлежащих узаконений, но и соображениями политико-экономического характера, коим местная и высшая администрация придавали и придают первостепенное значение».⁶

Личные представления царствующих особ по еврейскому вопросу существенно влияли на политику по отношению к этому народу. При относительном либерализме главы Российской империи законоположения смягчали дискриминацию исповедующих иудаизм. Если же государь страдал какими-либо предрассудками в этом вопросе, чаще выходили акты, усугубляющие и без того тяжелое положение российских евреев. Анализируя «еврейское» законодательство по периодам, отмечаем, что годы наибольшей законодательной интенсивности в отношении евреев приходятся на царствование Николая I и Александра II с той разницей, что законодательство первого имело ярко выраженный антиеврейский характер и отли-

чалось стремлением детально регламентировать весь еврейский быт, тогда как второй, особенно в начальный период царствования, вполне соответствовал сложившимся представлениям о либерализме его правления. Характерно, что правление практически каждого монарха начиналось с послаблений в еврейском вопросе и кончалось ужесточением.

Самым жестоким ущемлением прав евреев в России, «апофеозом дискриминации», по выражению историка Виктора Шевырина,⁷ стала черта еврейской оседлости, отлучаться за пределы которой евреи не имели права без специального разрешения. При разрешении той или иной группе евреев проживать в запретном месте предварительно доказывалось, что таковая по своим качествам составляет исключение из общей массы. Но была территория, «на которой в виде изъятия могли проживать лишь те евреи, которые признавались наиболее порочными, на которой евреям с честным именем, евреям труда, запрещалось водворяться. То была Сибирь».⁸

Существование евреев в Сибири поставило вопрос об их специальных правах. Во всех узаконениях и распоряжениях Сибирь определялась как одна из тех местностей, «в коих относительно евреев установлены особые ограничительные правила». Сложившиеся общеимперские стереотипы, преломляясь через сибирские условия, приобретали нюансы, в целом для России не характерные. Петербургские представления о решении еврейского вопроса накладывались на собственные поведенческие мотивы в отношении евреев сибирских губернаторов и генерал-губернаторов. Привнесенные ими из европейской части страны уже сложившиеся взгляды, динамично в ту или другую сторону меняющиеся при знакомстве с местными условиями, безусловно, накладывали отпечаток на решение еврейского вопроса, иногда в значительной степени. Вполне понятно, что дореволюционные еврейские исследователи не могли избежать искушения привязать национально-политическую ситуацию в регионе, в частности, политику гонений или послаблений в отношении еврейства к симпатиям и антипати-

ям главного начальника края.⁹ Однако мы не склонны абсолютизировать эту зависимость и разделяем мнение исследователей об отсутствии прямой связи между еврейской политикой на местах и личной позицией по этому вопросу конкретных высших чинов сибирской администрации.¹⁰ Национальная политика в Сибири все-таки в большей степени формировалась отношением к ней Петербурга, нежели личным терпимым или, напротив, настороженным отношением к евреям местной власти.

В сибирском еврейском законодательстве условно можно выделить два раздела: документы, регламентирующие въезд евреев в Сибирь (первым можно считать Уложение о наказаниях, определявшее каторжные работы и ссылку в Сибирь в качестве меры наказания за уголовное преступление), и определяющие права уже водворившихся в Сибири евреев. Не претендуя на исчерпывающую полноту в перечислении и трактовке указов и постановлений о евреях в Сибири, мы попытаемся расставить хотя бы основные акценты в сибирском законотворчестве властей по еврейскому вопросу и определить общие тенденции в появлении тех или иных законов..

История сибирского еврейского законодательства – это история усилий власти по пресечению въезда и поселения евреев в Сибири и всяческое ограничение прав евреев, уже там оказавшихся. На протяжении почти целого столетия в «недрах» правительственных учреждений рождались законы, препятствующие въезду сюда евреев. На Всеподданейшем отчете Приамурского генерал-губернатора генерала Духовского за 1893-1895 годы по этому вопросу императором оставлена резолюция: «Вопрос о евреях в Сибири должен быть отделен от общего вопроса, иначе он никогда не получит своего разрешения. С каждым годом Сибирь наводняется ими в возрастающем количестве».¹¹ При этом, отметим, заселение евреями Сибири происходило по инициативе самой власти. Евреи попадали сюда, прежде всего, в качестве “ссылного элемента”: практика их ссылки в Западную Сибирь существовала еще в XVIII веке. Другой путь освоения евреями си-

бирских просторов – земледельческая колонизация – также был инициирован верховной властью. 20 ноября 1836 года Николай I подписал Высочайшее разрешение на отвод земель для поселения евреев в Тобольской губернии и Омской области. На каждую мужскую душу, пожелавшую участвовать в проекте правительства по освоению восточных территорий империи, полагалось по 15 десятин удобной для пахоты земли, земледельческие орудия, рабочий скот и все необходимое для хозяйствования за счет казны, а вся имеющаяся недоимка списывалась как с самих поселенцев, так и с общества. После многочисленных малорезультативных попыток царской администрации привязать евреев к земле в рамках взятого в России «курса» на их ассимиляцию сибирская колонизация имела неожиданный успех. Число потенциальных сибирских иммигрантов превысило все предполагаемые расчеты.¹² Уже через полтора месяца после первого отвода земель, 5 января 1837 года, в журнале Комитета Министров появилась Высочайшая отметка: «Переселение евреев в Сибирь приостановить», а 15 мая этого же года в соответствии с Высочайше утвержденными правилами о мерах «против переселения евреев в сибирские губернии и для уменьшения числа поселенных уже в Сибири евреев» их приезд в Сибирь «решительно и навсегда» прекращался.¹³ Даже ссылка в Сибирь как наказание для евреев до 40 лет заменялась отдачей в солдаты и арестантскими ротами. Только перешагнувшие этот возрастной рубеж могли оказаться в наиболее отдаленных местах Сибири - в Якутской области и за Байкалом. Тогда же отправляли на поселение отбывших срок каторжных работ. Из еврейских пионеров-земледельцев в Сибири остались лишь 1367 человек, успевших перебраться до 1837 года.¹⁴

Монаршее разрешение колонизации Сибири евреями столь же трудно поддается объяснению, как и стремительное ее приостановление. Исследователи со ссылкой на некоторые источники объясняют быстрое сворачивание проекта опасениями высшей власти, что поселение евреев в Сибири

ухудшит и без того низкую нравственность населения и вызовет трудности контроля над их поведением.¹⁵ Однако некоторые сомнения в этой версии вызывает то, что последующие неоднократные предложения Иркутских генерал-губернаторов и сибирских губернаторов о сокращении еврейской ссылки в регион по этим же причинам¹⁶ не вызвали никакой реакции Петербурга – при том, что «ссылный элемент» в отличие от вольных земледельцев действительно мог представлять опасность для «общественной нравственности».

15 мая 1837 года стало своеобразным водоразделом, отделявшим законно поселившихся в Сибири евреев от самовольно зашедших. Все, кто по собственной инициативе оказался в Сибири после этой даты, считались незаконно поселившимися и подлежали выселению в черту еврейской оседлости. Между тем, Положение о евреях 1835 года, главное детище еврейской законотворческой политики Николая I, хотя и не причислило Сибирь или какую-либо ее губернию к территории постоянного жительства евреев, косвенно не отрицало права жительства в Сибири за всеми евреями, не исключая ссылных и их потомков. По мнению Г. Белковского, такой вывод логично следует из главной цели документа - «устроить положение евреев на таких правилах, кои бы открывали им свободный путь к снисканию безбедного содержания упражнением в земледелии и промышленности».¹⁷

Либеральное законодательство Александра II, согласно которому некоторые категории евреев – купцы I гильдии, ремесленники, лица с высшим образованием, солдаты, отслужившие полный срок службы по рекрутскому набору, - получили право «исхода» из черты оседлости, мало повлияло на структуру сибирского еврейского населения. Полученной льготой в значительной мере воспользовались лишь солдаты, оказавшие заметное влияние на состав сибирского еврейства и сыгравшие значительную роль в его истории. Выпускники университетов не особенно стремились в торговый край, а записавшееся в I гильдию черты оседлости купечество

использовало дарованное ему право лишь для того, чтобы осесть в столичных городах.¹⁸ Что касается ремесленников, то для них это право в значительной степени оставалось формальным. Практикой оно не признавалось по отношению к степным и сибирским губерниям и областям, что было труднообъяснимо, поскольку именно здесь постоянно ощущался недостаток в мастерах.¹⁹ Зато, как писал министру внутренних дел Иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин, разрешительным законодательством и невозможностью усвоить «всех подлежащих понятий о правах евреев на жительство в Сибири» воспользовались евреи, к привилегированным категориям никакого отношения не имеющие. Официально разрешенный «прорыв за черту» имел последствием «наплыв из Европейской России под видом ремесленников и купцов просто евреев, ищущих наживы и оправдывающих свое пребывание в Сибири тем, что она будто бы входит в черту постоянной еврейской оседлости. Многие из них, проживая здесь много лет, обзавелись недвижимой собственностью или издавна устроили себе какой-либо промысел, так что выселение их без расстройств их быта представляется невозможным».²⁰

В дальнейшем ужесточение мер по пресечению приезда в Сибирь каких бы то ни было, в том числе и привилегированных, евреев свело эту «статью пополнения» общины практически к нулю. Роковую роль в этом сыграла статья 23 Устава о паспортах издания 1890 года (до этого в Уставе по продолжению 1886 года подобная статья значилась под номером 30), которая запрещала всем евреям приезд и водворение в Сибири, кроме указанных в Уставе о ссыльных ссылаемых по суду и в административном порядке и в Законе о состояниях – поселившихся в Сибири до 15 мая 1837 года и допущенных там к занятиям золотым промыслом. Отныне на Сибирь не распространялось действие законов, позволяющих некоторым категориям евреев повсеместное жительство в империи, но не указанных в самой статье 23.

Эту статью, получившую наименование «Основного закона об ограничении пребывания евреев в Сибири» и оказавшуюся в эпицентре законодательства о сибирских евреях, историки еврейства характеризовали как квинтэссенцию беззакония. Она родилась из правил 15 мая 1837 года, прекращавших поселение евреев в сибирских губерниях. Запрет приезжать и водворяться в Сибири всем, кроме преступников, противоречил специально изданным указам, дающим право на повсеместное жительство различным категориям евреев. Ввиду прямого указания в статье Сибири она представляла собой **специальный местный закон** и потому, по мнению Сената, не могла отменяться последующими **общими** законами о разрешении некоторым категориям евреев повсеместного жительства в империи. Тем самым Сибирь была изъята из разрешительного законодательства. Общие выражения, употребляемые в законоположениях и заключающие в себе позволение некоторым категориям евреев «приписываться на общих основаниях вне черты постоянной еврейской оседлости в купечество ко всем вообще городам Российской империи», «иметь постоянное жительство вне черты, для постоянной оседлости евреев назначенной», «иметь постоянное пребывание во всех губерниях и областях империи» автоматически подразумевали «кроме Сибири», даже если прямо этого указано не было. Сенат взял на себя смелость самостоятельно определять отдельные местности, «на которые закон тоже распространяется», тем самым доказывая, что одного выражения «повсеместно» недостаточно для того, чтобы закон вошел в силу во всех частях империи. Обращающиеся с прошениями евреи, ссылаясь на «повсеместное право жительства», даже не подозревали, что Сибирь уже исключена из «повсеместности». Статья 23, являвшаяся специальным запрещением, поставила Сибирь в исключительное, совершенно отличное от других частей империи положение в отношении права жительства в ней евреев.²¹

Но действительно ли она запрещала приезд в Сибирь всем евреям? Очевидно, нет. В первоначальном варианте статьи 30 Сибирь исключалась только из числа местностей, где евреи могли заниматься хлебопашеством. В нашем распоряжении по крайней мере два подтверждения этого вывода. Первый - закон 5 февраля 1859 года, согласно которому «евреям, приписанным не в сибирских губерниях и не состоящим в гильдии (выделено нами. – Л.К.), приезд в Сибирь воспретить». Пункт этот свидетельствует о том, что прежнее запрещение приезда евреев в Сибирь не было безусловным, а знало уже одно исключение – купцов. Второе – статья 978 Т. IX Закона о состояниях по продолжению 1890 года, которая допускала евреев, имеющих право повсеместного жительства, к занятию золотым промыслом в Сибири.²² В ней специально оговаривалось, что «поселение евреев в Сибири для хлебопашества воспрещено».²³ Правильность такого ее толкования подтверждается письмом Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова с перечислением категорий евреев, имеющих право поселения в Сибири по причине «дозволения им повсеместного жительства» и занятий золотодобычей: купцы I гильдии, а также имеющие ученые степени или закончившие высшие учебные заведения». Отставным солдатам генерал-губернатор отказывает в праве въезда в Сибирь, «ибо такие солдаты золотым промыслом не занимаются».²⁴

Получается, что злополучная 23 статья не только не имела никакой почвы в Высочайшем повелении 15 мая 1837 года о прекращении поселения евреев в Сибири для хлебопашества, но попросту противоречила тем законодательным источникам, на которые опиралась. По-видимому, законодатель не ставил себе цели пресечь въезд всех евреев в Сибирь, и статья обязана своим происхождением позднейшим наслоениям. Еврейские правоведы, считавшие ее кодификационным анахронизмом, требовали вовсе убрать ее из свода законов.²⁵

Однако желание администрации оградить Сибирь от «тлетворного влияния еврейского племени» способствовало не только сохранению данной статьи, но и дальнейшему развитию ограничительного сибирского законодательства в отношении евреев. 80-е годы XIX века характеризуются ужесточением дискриминационных действий, что определялось общей политикой царствования Александра III, положившей конец либеральным тенденциям правления его предшественника, и служебным рвением министра внутренних дел графа Н.П. Игнатьева, принявшего крутые меры для «ограждения населения от вредной деятельности евреев». Выработанная программа репрессий предусматривала запрет выезда за пределы черты оседлости для всех евреев, не исключая и тех, которым это дозволено законом. К тому же евреи ремесленники и механики подлежали выселению, если жители указывали, что они в действительности занимаются не своим делом, а по требованию сельских обществ евреев могли выселить из деревень. Таким образом, евреи стали заложниками фискальной системы, пронизавшей всю страну.

Предпринимавшиеся по отношению к евреям Европейской России карательные меры неизбежно должны были распространиться на Сибирь - с опозданием, продиктованным сибирской отдаленностью, и ожесточенностью, определявшейся сибирской «особостью». 90-е годы XIX века коренным образом изменили правовое положение сибирских евреев и поставили их в такие условия, что говорить о большинстве из них как о полноправных гражданах можно было разве что в насмешку.

В 1891 году Правительствующий Сенат своим подтверждением, что право жительства евреев вне черты оседлости не распространяется на пределы Сибири, окончательно изъял ее из разрешительного законодательства. Коренное изменение взглядов Сената имело последствием, что многие водворившиеся в Сибири в твердом убеждении, что имеют там право жительства, оказались вне закона – на территории, запретной для их прожи-

вания. В такое положение попали все сибирские евреи, пришедшие сюда добровольно, и потомки переселившихся в Сибирь в предыдущие десятилетия. Местная администрация стала энергично выселять тех, кто проживал в Сибири «без надлежащего основания». Иногда выселению подлежали целые еврейские общины или значительная часть еврейских семейств.

14 января 1893 года циркуляр Министерства внутренних дел, предписывавший удалить всех незаконно поселившихся в Сибири евреев в черту оседлости до 1 ноября, положил начало одной из самых массовых «выселенческих» кампаний. Сотни еврейских семей оказались в положении «не имеющих права жительства». Только в Иркутске выселению подлежали 255 семей, в Нижнеудинском округе Иркутской губернии – 56.²⁶ В число живущих и работающих на частных золотых приисках Олекминской системы «без достаточных на то оснований» попал весь инженерно-технический персонал, имеющий право на свободное проживание во всех городах и селениях Российской империи, в том числе и сын самого владельца приисков барона Горация Гинцбурга Авраам, который мог жить повсеместно по праву, приобретенному отцом и дедом, Санкт-петербургскими купцами I гильдии с 1859 года, и лично приобретенному – как офицер, состоящий в запасе на учете в Якутской области и окончивший курс в Рижском политехническом училище.²⁷

Циркуляр вызвал массу прошений со стороны евреев, жалующихся что «выдворение совершенно разорит их экономическое состояние», и со стороны христиан, связанных с евреями правовыми, имущественными и личными отношениями. Чтобы соблюсти имущественные интересы как «евреев, подлежащих выселению, так и коренных обывателей тех местностей, в коих евреи незаконно проживали», Высочайшим повелением 21 июля 1893 года срок выселения продлевался до 1 июня 1894 года, а принудительная высылка лиц, просивших об отсрочке, запрещалась. Причем губернаторам предоставлялось право ходатайствовать перед Министерством

внутренних дел о продлении срока выселения для тех, чье быстрое сворачивание дел могло нанести ущерб местному населению, но не более чем до 1 июня 1895 года. В исключительных случаях по особо уважительным причинам губернаторы могли ходатайствовать перед Министерством внутренних дел об оставлении евреев в местах их временного поселения до рассмотрения в законодательном порядке общего о них вопроса.²⁸ (Это не касалось тех, кто под давлением властей уже выехал в черту оседлости. Для них право вернуться в Сибирь было утрачено).

Пользуясь этой лазейкой, евреи подавали прошения, оттягивая время выезда.²⁹ В ряде случаев им удавалось остаться в Сибири по причине «полезности» и «одобрительного поведения». В последующем Иркутский генерал-губернатор А.Н. Селиванов высказался, что мера эта из-за массы еврейских ходатайств практически оказалась неосуществленной.³⁰ Тем не менее дата 14 января 1893 года поделила евреев на законно и незаконно проживавших в Сибири так же, как в свое время 15 мая 1837 года. Спустя более чем десятилетие при рассмотрении права еврея остаться в Сибири последним аргументом было его пребывание здесь до 14 января 1893 года.

По определению I Общего Собрания Правительствующего Сената 18 декабря 1898 года, проезд и водворение в Сибири каких бы то ни было евреев, «даже привилегированных в отношении права жительства вне черты еврейской оседлости», становится невозможным.³¹ Запрет этот должен был войти в силу только после публикации, но, опасаясь, что правила о водворении евреев в Сибири, которые должны были в ближайшее время пересматриваться, незамедлительно начнут применяться, публикация определения Сената Высочайшим повелением 11 июня 1899 года была приостановлена.³²

Тем не менее с 1899 года ни одному еврею, причисленному вне Сибири, не разрешается оставаться в ней хотя бы на короткое время. Отныне на законных основаниях сюда могут прибыть лишь сосланные по суду или в

административном порядке. Комитет Министров заметил этот парадокс: для законопослушных, полноправных – насколько это вообще применимо к евреям – приезд в Сибирь становится непозволительной роскошью, и «для приобретения еврейской семьей права водвориться в означенном крае глава этой семьи должен совершить преступление».³³ При всем драматизме ситуации это служит поводом для иронии историков и публицистов.³⁴

В 1903 году статья 23 благополучно перекечевала в новое издание Устава о паспортах под номером 68. Согласно пункту 11 приложения к этой статье приезд и водворение в Сибири воспрещались всем евреям, за исключением ссыльных и членов их семей, которые могли последовать за ними. И хотя пункт 17 приложения к этой же статье предоставлял евреям право жить вне черты оседлости, в соответствующем разъяснении указывалось, что это относится лишь к Европейской России и на Сибирь не распространяется, что определено Указанием Первого Департамента Правительствующего Сената от 29 сентября 1903 года за № 9065.³⁵

Дабы исключить поток жалоб пользующихся правом повсеместного жительства, пунктами приложения перечисляются категории евреев, для которых Сибирь окончательно становится недоступной: коммерции и мануфактур-советники, купцы I гильдии – пункт 12 приложения к статье 68; окончившие вузы, дантисты, фельдшера, акушерки – пункт 13, механики, винокуры – пункт 17. Бывшие военные кантонисты вовсе не входили в число имеющих право повсеместного жительства, поскольку сама по себе служба в кантоне не являлась доказательством отбывания воинской повинности по рекрутскому уставу. Сибирская администрация вообще рассматривала их как детей ссыльных, обращенных в податное сословие.³⁶

Исключение составляли лишь отставные солдаты рекрутского набора и их потомки, но только приписанные к обществам Сибири³⁷, что было закреплено Высочайшим мнением Государственного Совета по делу Шрагера 3 июня 1894 года и определением I Департамента Правительствующе-

го Сената по делу Утина 28 сентября этого же года. Приписанные же вне Сибири льготы теряли. Получается, сама по себе рекрутская служба никаких преимуществ в Сибири не давала. Почему еврей-солдат, приписавший своего сына в черте оседлости, лишается своих прав, остается необъяснимым.

Здесь уместно привести факты, иллюстрирующие вышесказанное. Военный губернатор Забайкальской области И.В. Холщевников отказал в прошении на право повсеместного жительство сыну отбывшего военную службу по рекрутскому уставу во 2-ом Восточно-Сибирском Линейном батальоне Рафаилу Шленкевичу на том основании, что он не был приписан к обществу вне черты оседлости своим отцом. Но когда отец приписывался вместе с женой и тремя детьми, Рафаила Шленкевича еще просто не было на свете. Он родился уже в семье баргузинского мещанина и считал себя таковым по рождению, хотя для губернатора аргументом это не стало.³⁸ Как позже выяснилось, проситель оказался прав. В Законе о состояниях издания 1900 года указывалось: дети нижних чинов еврейского закона, родившиеся уже после перечисления отцов, сохраняют приобретенное последними право повсеместного жительство в империи. Показательно, что это было закреплено определением I Департамента Правительствующего Сената еще 9 ноября 1882 года за №392.³⁹ Но в массе противоречащих друг другу документов оно осталось незамеченным.

То же касалось и ремесленников. Решение Правительствующего Сената от 7 августа 1890 года по делу Элисберга о том, что «винокуры, механики и вообще мастера и ремесленники, не имеющие особого разрешения на проживание, должны быть выселяемы к местам приписки», давало основание для массового выселения из региона ремесленников. Но жалобу золотых и серебряных дел мастера Михаила Суровых, которому отказали в праве жительство в Иркутской губернии, Правительствующий Сенат в 1908 году признал обоснованной: евреи, пользующиеся на законном осно-

вании правом жительства в какой-либо местности Сибири, не лишаются льготы, если значатся ремесленниками и занимаются своим ремеслом. Су-
ровых как ремесленник пользуется правом повсеместного жительства в
Сибири, тем более что его отец был приписан к обществу иркутских ме-
щан распоряжением Иркутской казенной палаты.⁴⁰

Такие «добавки» в решения высших учреждений вносились практически постоянно, плодя путаницу в и без того не отличающемся четкостью «ев-
рейском» законодательстве. Иркутский генерал-губернатор А.И. Пантеле-
ев 9 марта 1901 года писал в Министерство внутренних дел: «Вопрос этот,
недостаточно нормированный законом и потому постоянно вызывающий
новые правительственные распоряжения даже для Европейской России,
представляется еще более сложным в Сибири, поставленной законода-
телем по отношению к евреям в особо ограничительные условия. Только пу-
тем медленного и систематического разрешения в инстанционном порядке
ряда частных дел этот недостаток точных норм закона приблизительно к
началу 1896 года был настолько восполнен разъяснениями Правительст-
вующего Сената и правительственными распоряжениями, насколько это
было необходимо для твердого, как казалось, руководства в еврейском во-
просе ... Но последовавшие затем в 1898 году и позднее по частным случа-
ям новые разъяснения Правительствующего Сената, обнаружив отсутствие
закономерности во многих из выработанных местных административных
правил, пошатнули установившуюся практикой систему ограничений прав
евреев в отношении приезда их в Сибирь и передвижения их по этой стра-
не. Кроме того, применение этих позднейших сепаратных разъяснений
Правительствующего Сената к случаям, подобным тем, коими они были
вызваны, повело к новым недоразумениям, оставшихся в большей части
неразрешенными до настоящего времени».⁴¹ К тому же неустойчивость в
применении ограничительных законов, помимо сложностей в их трактовке,

а следовательно и исполнении, создавали почву для произвола со стороны низших исполнительных органов административной власти.

Противоречие между безусловным для евреев запретом въезда в Сибирь и фактическим проживанием там евреев, которым позволено жить вне черты оседлости, а, следовательно, и в Сибири, стало предметом рассмотрения Комитета Министров 16 июня 1899 года, который определил необходимость согласования специальных изданных для Сибири правил с общими для империи постановлениями и с положением, созданным в Сибири фактическим допущением туда евреев. По признанию Комитета, от «разрешения этого существенно важного для Сибири вопроса будет зависеть и определение положения проживающих уже в пределах, хотя и незаконно, евреев».⁴² Было решено, что новое законодательство относительно поселения евреев в Сибири должно быть разработано не столько в русле безусловных запретов, которыми обычно руководствовался в этом вопросе Правительствующий Сенат, и независимо от ограничительного толкования им смысла 23 статьи, сколько «в направлении, которое наиболее будет отвечать всем новым выяснившимся условиям».⁴³ «Новыми условиями» были еврейские массы, издавна оседло поселившиеся в Сибири с ведома и дозволения администрации, хотя и без законного основания. Комитету ничего не оставалось как признать беспомощность законодательства перед настырностью еврейского населения, правдами и неправдами стремившегося обосноваться в Сибирском крае.

Вопрос о праве проживания льготных категорий евреев в Сибири вставал неоднократно, но чаще всего в конечном итоге принимал ограничительный характер. К примеру, Указ Николая II Правительствующему Сенату 11 августа 1904 года «О некоторых изменениях в действующих постановлениях о правах жительства евреев в различных местностях империи» мало что изменил в жизни сибирских евреев. В соответствии с ним, казалось бы, право повсеместного жительства, как и в правление Алексан-

дра II, получал довольно широкий круг еврейского населения: окончившие учебные заведения, их жены и дети (сыновья – до совершеннолетия или до окончания курса в высших учебных заведениях, но не старше 25 лет, дочери – до замужества); купцы I гильдии и члены их семей, включенные в сословное свидетельство; еврей-ремесленники при условии занятия ими своим ремеслом; отставные нижние чины, отслужившие полный срок службы по рекрутскому уставу, участники боевых действий на Дальнем Востоке, «кои удостоились пожалования знаками отличия или вообще беспорочно несли службу в действующих войсках». Но приписка «Действие настоящих правил не распространяется на такие местности, в коих относительно евреев установлены особые ограничительные правила» сводила все дарованные милости к нулю. В частности, сибирские еврей-купцы, пробывшие 10 лет в I гильдии вне черты оседлости, так и не получали права повсеместного жительства, обещанного Указом: на детей ссыльных он не распространялся.⁴⁴ А практически все еврейские купеческие роды вели начало от ссыльных. С осторожностью предоставлялась эта льгота и участникам боевых действий на Дальнем Востоке, ибо «в противном случае было бы непоследовательно воспрещать водворение в Сибири и другим однородным категориям евреев, располагающим безусловным правом повсеместного жительства в империи». Ущербность логики очевидна.

В дальнейшем в среде привилегированных евреев наблюдается деление на более привилегированных и менее. В частности, до 19 ноября 1907 года Министерство внутренних дел, а вслед за ним и Канцелярия Иркутского военного генерал-губернатора, все же признавали привилегии в праве жительства за отбывшими рекрутскую повинность, их семьями и потомками, участниками войны с Японией, купцами I гильдии и окончившими курсы высших учебных заведений, поселившимися до 15 мая 1837 года и их потомками, не говоря уже о ссыльных и их родившихся в Сибири или прибывших с ними детей и их потомков.⁴⁵ Но ремесленникам в этом праве уже

отказывали. Иркутский губернатор Гран в 1908 году в циркуляре Иркутскому полицмейстеру, уездным и горным исправникам предписывал в случае приезда имеющих право повсеместного жительство представлять документ, удостоверяющий это право, на его рассмотрение. Среди перечисленных ими «льготных» категорий евреев нет винокуров, механиков и «вообще мастеров и ремесленников». Окончательно изъятые из разрешительного законодательства, они подлежали выселению. Право предоставления разрешения на пребывание в Сибири остальным категориям евреев губернатор, по-видимому, присвоил себе.⁴⁶

Постепенно круг привилегированных евреев еще больше сужается. В частности, Комитет Министров проявил недовольство по поводу права повсеместного жительства для отбывших рекрутскую повинность, «из коих многие приняты рекрутами перед введением общей повинности и не несли той тяжелой службы...за которую, собственно говоря, и признано было справедливым наградить отставных солдат евреев правом на повсеместное жительство». К тому же Комитету казалось несправедливым, что рекруты не евреи никакой особой льготой не пользовались.⁴⁷

Указом Правительствующего Сената от 19 ноября 1907 года на въезд евреев в Сибирь был сформирован новый взгляд: «Всем евреям без изъятия проезд и водворение в Сибири воспрещается». Правительствующий Сенат оставался верен запретной политике. Категоричный тон документа смутил даже не отличавшуюся лояльностью по отношению к евреям сибирскую администрацию. Иркутский губернатор, не препятствуя до Указа поселению в губернии евреев с правом повсеместного жительства, отныне запрашивает инструкции по каждому еврею, подпадающему под действие данного Указа.⁴⁸ Но жесткость формулировок в документе тем не менее не смогла скрыть факта отступления Сената перед напором обстоятельств: Указ затрагивал только вновь приезжающих евреев, о фактически уже живущих в Сибири речь не шла.

Следуя запретительной политике, Министерство внутренних дел в отношении к Иркутскому генерал-губернатору от 7 декабря 1909 года вновь констатирует, что евреи, располагающие по закону правом повсеместного жительствова, в Сибири водворяться не могут.⁴⁹ Все приехавшие в Сибирь после подписания данного документа в короткий срок подлежали выселению.

13 декабря 1910 года Общее Собрание Правительствующего Сената квалифицировало закончивших курс в высших учебных заведениях, аптекарских помощников, дантистов, фельдшеров и повивальных бабок, изучающих фармацию, фельдшерское и повивальное искусство, а также мастеров-ремесленников как «имеющих право повсеместного жительствова в империи, если это прямо не воспрещается им в данной местности». Неясность формулировки не может скрыть, с одной стороны, нужду Сибири в специалистах, а с другой – нежелание допустить туда хоть одного «лишнего» еврея. Все перечисленные лица получали право жительствова вне черты оседлости лишь «условно временное», только потому, что «они приобрели известные профессиональные познания и изучили то или другое ремесло».⁵⁰ Запрет на приобретение ими недвижимой собственности вне черты оседлости не давал им забыть об «условности» своего жительствова в Сибири.

Законодательство по отношению к привилегированным группам евреев преследовало две цели: создать вне черты оседлости запретные для этих категорий области и по возможности прикрепить евреев этих категорий к местам их жительствова, стеснив свободу передвижения. И хотя ограничительное законодательство затронуло только вновь поселившихся и все евреи, до сих пор водворявшиеся в Сибири на законных основаниях и с разрешения местной или центральной власти, оставлялись на дальнейшее жительство, сопутствующая распоряжению формулировка «впредь до разъяснения в законодательном порядке общего вопроса о сибирских евре-

ях» допускала последующее изменение этого порядка и заставляла евреев пребывать в постоянном напряжении.

Отмена для привилегированных категорий евреев права повсеместного жительства фактически свела на нет либеральное законодательство Александра II. Заметим, что несколько раньше сам же Правительствующий Сенат отменил решение Главного управления Восточной Сибири об отказе купцу Кальмееру в причислении к Иркутскому I гильдии купечеству. Обратив внимание ГУВС на указанное в законе право евреев - купцов I гильдии, приписанных к городам Европейской России, записываться в купечество I гильдии во всех городах Российской империи, Правительствующий Сенат подчеркнул: никаких указаний на то, чтобы эти узаконения не распространялись на сибирские губернии и области, в законодательстве не содержится. Но поскольку решение Сената явно противоречило статье 30 Устава о паспортах по продолжению 1886 года, на основании которой евреям проезд и водворение в Сибири воспрещались, Сенат оценил ее как имеющую исключительное значение и касающуюся преимущественно еврейского земледельческого населения, не согласованную с законоположениями, предоставляющими разным категориям евреев права на повсеместное в империи жительство, не исключая Сибири, и...как вовсе не имеющую того смысла, который вытекает из прямого ее содержания.⁵¹ Хотя в данном случае решение принято в пользу еврейского купца, но был создан опасный прецедент произвольного толкования любого закона на предмет соответствия его собственному содержанию, что в дальнейшем открыло дорогу постоянным злоупотреблениям.

Проходит совсем немного времени, и разрешительная интонация совершенно меняется. Если раньше запрет проезда в Сибирь не касался привилегированных категорий евреев, то теперь, напротив, этот запрет превалировал над дарованным монаршей милостью правом повсеместного жительства. Сенат пришел к непонятному выводу, что право, распростра-

няющееся на более обширную территорию (право повсеместного жительства), не вмещает права жительства на отдельные ее области (Сибирь). Вводимые запреты явно противоречили существующему законодательству, что мало смущало их инициаторов и не имело для них никаких последствий. С.Ю. Витте объяснял свободное «хождение» наиболее существенных ограничительных законов о евреях, противоречащих общему законодательству, тем, что они принимались не в общем законодательном порядке. Законодатели не решались выносить их на рассмотрение Государственного Совета, поскольку тот бы сразу заметил несоответствие проекта новых притеснений евреям существующему законодательству, а проводили их через Комитет Министров. А если и тут опасались возражений, то через особые совещания или просто Всеподданнейшими докладами. В случае публикации в печати к ним неизменно добавлялась фарисейская формула «впредь до общего пересмотра законодательства о евреях», чтобы тем самым подчеркнуть их «временный характер» и сделать заявку на будущее расширение прав евреям.⁵² Россия нуждалась в притоке иностранных капиталов, и к ограничительным постановлениям старались не привлекать особого внимания, так как мировые биржи очень чутко реагировали на притеснение евреям. Но фактически «временные правила» существовали десятилетиями.

Очевидно, центральная власть все же понимала, что сложившиеся стереотипы в еврейском вопросе безнадежно устарели, да и противоречия в законодательстве были слишком уж явными. Созданная еще в 1883 году «Высшая комиссия для пересмотра действующих законов о евреях» под председательством графа Палена в Общей записке высказалась, что «с государственной точки зрения еврей должен быть полноправен. Не давая ему одинаковых прав, нельзя собственно требовать и одинаковых государственных обязанностей».⁵³ Но и политика Николая II в отношении к евреям практически следовала в фарватере политики Александра III. Последний

российский монарх не решился уравнивать евреев в правах со всеми не столько по логическим, сколько по каким-то мистическим соображениям, слушаясь «внутреннего голоса», хотя, по его признанию, доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу были вполне убедительны.⁵⁴ Уходил от ответа на вопрос об отмене ограничений политических и гражданских прав евреев и П.А. Столыпин.⁵⁵ Не считая нужным полностью отменить ограничения для евреев, многие государственные деятели в окружении царя стояли за то, чтобы хотя бы их смягчить, однако, по их собственному признанию, все попытки к разрешению еврейского вопроса «приводили только к возбуждению напрасных ожиданий, так как они кончались обыкновенно второстепенным циркуляром, не разрешавшим ни одного из существенных вопросов».⁵⁶

Утверждение исследователей о преобладании либеральных тенденций в еврейской политике на рубеже XIX – XX веков и отсутствии в законодательстве с 1897 по 1904 годы сколько-нибудь серьезных антиеврейских актов⁵⁷ по отношению к Сибири, на наш взгляд, является спорным. Именно в 1898 году появляется определение Правительствующего Сената о запрете приезда и водворения здесь каких бы то ни было евреев, «даже привилегированных в отношении права жительства вне черты еврейской оседлости». И хотя он должен был вступить в силу только после опубликования, фактически он сразу же был взят администрацией Сибири на вооружение. В 1903 году вышло новое издание Устава о паспортах, где запрет евреям на въезд в Сибирь, практически не допускающий исключений, отличался категоричностью, редкой даже для ограничивающих права документов

Идея введения практики полного недопущения евреев в Сибирь без всякого исключения упала на благодатную почву. Демонстрируя свою «особость», в еврейском вопросе Сибирь проявляет большую непримиримость, нежели Петербург. Будучи не в состоянии полностью противостоять наплыву евреев из России из-за запутанности и неопределенности законов,

сибирская администрация упражнения в «еврейском» законотворчестве центральных властей дополняет самодеятельностью местного уровня. «Кроме так называемого законодательства о евреях, существует еще нечто неизмеримо худшее - так называемая «местная политика» по отношению к евреям, которая в сибирских губерниях и областях постоянно меняется, находясь в зависимости не только от местных губернаторов и генерал-губернаторов, но и более скромных по положению, но всемогущих по существу уездных начальников, исправников, полицмейстеров, приставов и околоточных, «оставаясь неизменной в направлении всякого рода стеснения, угнетения и злоупотребления», - писал Т.И. Тихонов.⁵⁸ Безусловно следуя в фарватере общероссийской запретительной еврейской политики, сибирские губернаторы накладывали на нее собственные представления о решении еврейского вопроса в Сибири. За редким исключением их предложения были направлены к мерам по пресечению приезда в Сибирь всех евреев без всякого исключения. Приамурский генерал-губернатор барон Корф еще 22 февраля 1890 года сообщил военному губернатору Забайкальской области о своем обращении годичной давности к министру внутренних дел с ходатайством о совершенном прекращении дальнейшей высылки евреев в Забайкалье как для отбывания каторжных работ, так и для поселения или водворения их на житье в этой области. Через два года Корф вторично обратился в Министерство внутренних дел с представлением о прекращении ссылки евреев в Приамурский край, запрещении приезда и водворения в крае всем евреям свободного состояния за исключением назначенных на государственную службу и о предоставлении ему права выселять всех евреев, вредно влияющих на остальное население. Однако понимания не встретил. Только в 1897 году он получил ответ, что отмена водворения евреев в Сибири в принудительном порядке за совершение преступлений потребует пересмотра соответствующего законодательства, начиная с Уложения о наказаниях, что находится в компетенции министра

юстиции. Министерство юстиции, в свою очередь, отказало в ходатайстве, основываясь на том, что действующий закон не допускает кары в зависимости от «народности» преступника, и едва ли возможно прекратить ссылку евреев в каторжные работы Нерчинского округа Забайкальской области. «Вредное влияние их на свободное население» министр отнес на счет плохого надзора за ними со стороны военного губернатора области и слабого использования права перечислять ссыльных в пределах края с тем расчетом, чтобы они могли быть наименее вредны для населения.⁵⁹

Иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин настаивал на запрещении приобретения евреями земельной собственности в Сибири, поскольку это «знаменует постоянное с потомством водворение в этой местности», что «ввиду особо вредной для Сибири еврейской деятельности не может быть признаваемо желательным и согласным с видами правительства». Ссылаясь на то, что разрешением не разлучаться с родителями детям ссыльнопоселенцев евреев и детям евреев, поселившихся в Сибири до 15 мая 1837 года, не оговаривается право остаться в Сибири на постоянное жительство дальнейшему их потомству, генерал-губернатор настаивал, чтобы внуки указанных евреев по достижении ими совершеннолетия возвращались в черту оседлости. Только таким путем, по его мнению, можно «достигнуть со временем необходимого освобождения Сибири от чрезмерного размножения в ней еврейского населения». При послаблении, предупреждал бдительный Главный начальник края, «в виду нахождения дел о ведении метрик евреев в руках их духовных властей, трудности контролирования их и способности евреев к всевозможным подлогам и изворотам всегда окажется в Сибири громадное число этих якобы потомков евреев 1837 года (что отчасти замечается и ныне), и освобождение Сибири от еврейской эксплуатации станет недостижимым». Сетуюя на то, что Сибирь при ее огромном пространстве находится в борьбе с еврейской деятельностью в худшем положении, нежели внутренние губернии империи, в кото-

рые евреи вовсе не допускаются, Горемыкин настаивал, чтобы Правительствующий Сенат разъяснил права жительства евреев в Сибири в ограничительном смысле.⁶⁰ Военный губернатор Забайкальской области И.Н. Надаров в своей телеграмме в Хабаровск в 1902 году настаивал, что въезд в Сибирь должен быть воспрещен всем евреям, за исключением отставных солдат и их детей, приписанных отцами вне европейской оседлости, и даже лица с высшим образованием должны пребывать в области только с разрешения Главного начальника края.⁶¹ Енисейский губернатор М.А. Плещ пошел еще дальше, предложив для уменьшения численности евреев в губернии отменить их ссылку, заменив ее заключением в тюрьме или исправительных арестантских ротах в черте оседлости, потому что «этот способ служит главнейшей причиной ежегодного наводнения Енисейской губернии евреями в возрастающем количестве», и так постепенно очистить Сибирь от полноправных евреев и от ссыльных, которые не имеют ни оседлости, ни образования. Чтобы стимулировать выселение евреев в черту оседлости, он предлагал добровольно туда переселившимся дать отсрочку по отбыванию воинской повинности. Даже Иркутский генерал-губернатор А.И. Пантелеев скептически отнесся к этим предложениям, оставив на полях донесения Енисейского губернатора свои комментарии: «Чем же, каким критерием руководствоваться при выселении одних и оставлении других? Образование и оседлость – понятия весьма условные». И относительно отсрочки от армии: «Смелый проект! Коренное изменение лестницы наказаний по отношению к одной национальности».⁶² Однако он тоже был против открытия евреям из Европейской России свободного доступа в Сибирь и предлагал оставить в неприкосновенности 23 статью, полагая, что «зарождающиеся в этом крае новые многочисленные отрасли торговли и промышленности, несомненно, привлекут такую массу лиц иудейского вероисповедания, что контроль за их деятельностью станет невозможным», а евреи, «не связанные с Сибирью как родиной или местом

постоянного жительства и имеющие целью пребывания в ней только скорейшую наживу, могут оказаться весьма вредными для местных интересов». ⁶³

А.И. Пантелеев тем не менее представлял умеренную точку зрения на еврейский вопрос в Сибири, в то время как Иркутский генерал-губернатор А.Н.Селиванов – крайнюю. И если первый считал, что не надо «препятствовать дальнейшему жительству в крае всех лиц иудейского вероисповедания, водворившихся в Сибири...хотя и самовольно, но пробывших в ней не менее 10 лет», то второй пребывал в уверенности, что «несправедливо освящать давностью право проживания евреев, которое они приобрели захватным вполне незаконным способом». ⁶⁴ Опасаясь даже временного пребывания в Сибири евреев, не имеющих по закону права водворения, Селиванов настаивал на запрете их приезда на курорт Усолье, поскольку «чины уездной полиции будут не в силах пресечь доступ в Усолье для нежелательных евреев, если принять во внимание их изумительную изворотливость». В конце концов Селиванов настоял, чтобы евреи обращались с ходатайством о лечении только к нему. Как правило, разрешение могли получить лишь евреи, имеющие право жительства в Сибири. ⁶⁵

Начало усиленным мерам по выселению евреев Сибирь положила сама: циркуляр Министерства внутренних дел от 11 июня 1879 года № 4368 о предоставлении губернаторами данных о проживающих в каждой губернии евреях ремесленниках и их учениках послужил поводом к немедленной высылке в места постоянной оседлости массы еврейского населения, якобы не удовлетворяющего требованиям закона. В дальнейшем складывается определенный стереотип действий сибирской администрации: каждый подобный циркуляр, каждый запрос о положении и численности евреев принимается за невыраженный намек на немедленное «очищение» от них местности, вверенной ее попечению. Это принимало иногда такие размеры, что даже из Петербурга одергивали не в меру рьяных сибирских поли-

цейских чиновников, которые слишком энергичным выселением евреев могли подорвать экономику края. Министерство внутренних дел 3 апреля 1880 года направило циркуляр, согласно которому не следовало прибегать к высылке даже тех евреев, которые к этому времени не имели права жительства в Сибири (впоследствии он был отменен вышеупомянутым циркуляром 14 января 1893 года). Министр внутренних дел граф Д.А. Толстой 21 июня 1882 года дополнительно предписал: «Не допуская новых поселений неспособных евреев вне черты оседлости, вместе с тем не высылать собственной властью евреев, поселившихся до 3 апреля 1880 года». А впоследствии министр внутренних дел Плеве циркуляром от 11 августа 1903 года вновь потребовал от сибирской администрации не прибегать к высылке евреев собственной властью. Однако подобные распоряжения в большинстве случаев имели уточнения, лишаящие Сибирь права на послабления. В частности, приостановка выселения по распоряжениям 3 апреля 1880 года и 21 июня 1882 года, по разъяснению министра внутренних дел на имя Санкт-Петербургского градоначальника, имела характер меры временной и относилась к высылке только из внутренних губерний. Так что документы «о приостановлении» лишь усугубляли положение сибирских евреев, вызывая разорительную для них высылку. Местные власти читали «между строк» и демонстрировали служебное рвение, прекрасно сознавая, что неисполнение в данном случае не повлечет за собой наказания.

Более того, по своей инициативе они один-два раза в год, а то и чаще устраивали проверки законности проживания евреев и в случае сомнения в таковой выселяли провинившихся в черту оседлости. О том, какое важное значение придавалось этой операции, говорит инструкция Иркутского генерал-губернатора А.И. Пантелеева сибирским губернаторам об использовании для этого всех находящихся в их распоряжении источников: не только городской и уездной полиции, но и других органов правительст-

венной власти и сословного самоуправления, крестьянских начальников, городской, мещанской и ремесленной управ.⁶⁶

Право жительство в Сибири местной властью рассматривалось в каждом конкретном случае. Во внимание принимались происхождение, социальный статус, давность жительство в городе, имущественная состоятельность, род занятий, семейное положение. Определяющим порой становились «вредность» или «полезность» данного еврея для города и края. Периодические кампании выселения проводились по принципу маятника. Получив указание о безотлагательном выселении под грифом «Секретно» и «Очень спешно», окружные полицейские управления рьяно брались за выполнение. Однако служебное рвение часто сдерживалось самими губернаторами, незадолго перед тем отдавшими очередное распоряжение о выселении на основании свежеспеченного Указа Правительствующего Сената. При этом они руководствовались не столько чувством жалости, сколько здравым смыслом, так как не могли не замечать идущей на пользу краю активной хозяйственной деятельности еврейского населения. Показательным примером кампанейского характера политики выселения евреев из Сибири может служить следующий: 27 января 1897 года военный губернатор Забайкальской области Мациевский в циркулярном письме пеняет окружным начальникам и полицмейстерам за невнимательное отношение к вопросу о выселении евреев, а через несколько месяцев он же упрекает их за слишком энергичное выполнение Указа Правительствующего Сената о выселении и просит с учетом признанного ранее права жительства этого народа в Забайкалье «приостановиться выселением евреев, проживающих здесь много лет, имеющих большую торговлю или недвижимое имущество».⁶⁷ Эта политика была быстро зафиксирована в сознании еврейского населения, которое очень умело ее использовало. Понимая, что важно «пересидеть» до окончания очередной кампании выселения, евреи сводили к минимуму контакты с администрацией, часто меняли место жи-

тельства, вновь возвращались туда, откуда недавно были выселены. Имеются факты, когда в течение многих лет власти безуспешно пытались выселить одного и того же человека и в конце концов отказывались от подобных попыток. Безотказно действовал метод подачи жалоб и прошений. Пока они находились в процессе рассмотрения, просителей, как правило, не трогали.

С изданием закона 12 июня 1900 года об отмене уголовной и существенном ограничении административной ссылки был почти уничтожен главнейший источник проникновения евреев в Сибирь, чего и добивались сибирские губернаторы. С этого времени акцент в усилиях сибирской администрации по решению «еврейского вопроса» был перенесен на «устройство правового положения (а вернее, ограничение права жительства в Сибири) тех евреев, которые были высланы в Сибирь до настоящего времени»: уже отбывших срок наказания и их детей, последовавших за ними в Сибирь.

Поначалу евреи, отбывшие ссылку, в соответствии с Указом I Общего собрания Правительствующего Сената от 20 мая 1887 года были обязаны вернуться в черту оседлости, так как не имевшие права проживать за ее пределами до осуждения не могли приобрести это право после освобождения. Сосланный за бродяжничество еврей Штейнер после отбытия ссылки в Илинской волости Верхоленского округа Иркутской губернии ходатайствовал об оставлении его на жительство в Сибири на основании Всемиловейшего Манифеста 15 мая 1883 года, дававшего право через 9 лет после перечисления в крестьяне самим избрать себе место жительства, за исключением столиц и столичных губерний, с отдачей на пять лет под надзор полиции. Возвращаться в Гродно Штейнеру не хотелось: там не осталось никого из родных, а в Иркутске он имел дом и хозяйство, и местное мещанское общество было не против его принятия в свою среду. Однако Правительствующий Сенат Указом от 21 марта 1889 года отказал

Штейнеру в прошении, разъяснив, что отбывшие ссылку евреи имеют право переселяться из одного общества в другое только в черте оседлости, а предоставленное Манифестом право к лицам еврейского вероисповедания не относится.⁶⁸ На основании чего Сенат пришел к такому выводу, остается загадкой, так как в самом Манифесте нет никакого намека на право перечисления из общества в общество в зависимости от вероисповедания. Получилось, что царская милость, «назначенная к облегчению участи ссыльных», послужила источником нового наказания для евреев – ссылки в черту, куда они вовсе не рвались. За время пребывания в Сибири ссыльные евреи женились, приобретали хозяйство, находили постоянный заработок, и выселение из Сибири было для них равносильно полному разорению и обречению на нищету. К тому же они полностью теряли связь с чертой оседлости, и тамошние общества часто отказывались принять их в свою среду. Понимая это и опасаясь «залпового выброса» ходатайств ссыльных евреев, желающих остаться в Сибири по применению к ним Манифеста 15 мая 1883 года, Указа 17 апреля 1891 года (о позволении приписываться к городским обществам уже причисленным в крестьяне) и Манифеста 14 ноября 1894 года (о сокращении срока обязательного пребывания в Сибири после получения права приписки к городскому обществу), Иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин отдал распоряжение, чтобы при рассмотрении прошений евреев об освобождении от ссылки с них брали подписки об их обязательном выезде в черту оседлости. Те, кто не пожелает выехать, должны оставаться в местах причисления.⁶⁹

Однако через некоторое время стало ясно, что вопрос требует пересмотра: многие евреи предпочитали оставаться в звании ссыльнопоселенца, чтобы не выезжать в черту оседлости. Получалось, что по мере продолжительности пребывания в ссылке права евреев не расширялись, а сокращались. Иркутский генерал-губернатор А.И. Пантелеев считал решение по делу Штейнера ошибочным. «Если по освобождению из ссылки евреев по

их ходатайствам оставлять в Сибири, это способствовало бы их безукоризненному поведению и полезной деятельности», - писал он в Министерство внутренних дел.⁷⁰

Особенно остро проблема встала в Якутской области, где практически не было «вольно зашедших» евреев, и все местное еврейское общество составляли исключительно ссыльные и их потомки. «...Ссыльные эти и их дети...по-видимому, прервали всякую связь с родиной, - писал Иркутскому генерал-губернатору А.И.Пантелееву Якутский губернатор В.Н.Скрипицын. - По крайней мере, ходатайства о возвращении на родину со стороны таких евреев составляют редкое исключение... были случаи, что они...возвращались вновь, ссылаясь, что решительно не могли примениться к новым условиям жизни». А поскольку Правительствующий Сенат разъяснением от 17 сентября 1901 года указал, что правом причисления из сельского общества в городское на основании Высочайшего Указа 17 апреля 1891 года можно воспользоваться только после окончания срока ссылки и выезда в черту оседлости, применительно к евреям Якутии льгота фактически утрачивалась. Для облегчения положения сосланных и их потомков губернатор предлагал разрешить в подобных случаях фактически проживающим в городах под разными предлогами евреям причисление к местным городским обществам, а также предоставление им возможности свободного передвижения в пределах области, «не лишая, однако, тех и других права приписки на законных основаниях к обществам в черте еврейской оседлости, если это представляется для них возможным без личного туда выезда».⁷¹

Волею обстоятельств Сенат смягчил свою практику даже раньше предложений Якутского губернатора. (Мы привели их здесь, поскольку он обозначил общесибирскую проблему наиболее четко). От принудительной высылки были освобождены потомки ссыльных, состоящие на причислении в сибирских городах, что было закреплено в определении по делу Минского

(тот до осуждения как потомок ссыльного состоял на причислении в Мариинске Томской губернии). Затем определением I Департамента от 11 декабря 1900 года по делу Пандре Сенат признал, что на основании Всемиловейшего Манифеста крестьянин из ссыльных Пандре имеет право выезда из Сибири, но при этом не утрачивает права жительства в ней в пределах волости, к обществу которой он причислен. (Кстати, уже 14 апреля этого же года Сенат признал, что черта оседлости еврея в Сибири – округ, а не волость. Но подробнее речь об этом пойдет ниже). Иркутский губернатор Моллериус, признавая, что выселение для потерявших связь с Европейской Россией евреев было бы равносильным обречению их на полное разорение, оценил решение Правительствующего Сената по делу Пандре как «весьма справедливо и гуманно исчерпывающее вопрос о применении к ним Высочайшего Манифеста».⁷²

Точку в решении этой проблемы поставило дело Иоселя Когана. Согласно Манифесту 15 мая 1883 года он был перечислен из ссыльнопоселенцев в крестьяне, а после Высочайшего Указа 17 апреля 1891 года принят в число красноярских мещан из ссыльных. 15 октября 1901 года Сенат признал, что «определенное Всемиловейшим Манифестом 14 мая 1896 года облегчение участи ссыльных не может служить поводом к наложению новых стеснений и ограничений и что разрешение Когану выехать из Сибири и избрать себе место жительства в черте еврейской оседлости не может быть признано равносильным обязанности его выехать из настоящего места водворения в Сибири в городе Красноярске, где он в установленном порядке и с разрешения начальства приписан к мещанскому обществу».⁷³ Впоследствии Указом I Департамента от 11 сентября 1903 года №7891 было закреплено, что в соответствии с Всемиловейшим Манифестом 15 мая 1883 года евреи ссыльнопоселенцы вправе покинуть Сибирь, но не могут быть к тому принуждаемы. Получается, что, хотя сосланные в Сибирь евреи не должны были получить большие права чем те,

которыми они пользовались до осуждения, фактически они их получили. К тому же, по мнению Комитета Министров, это решение Сената противоречило 23 статье Устава о паспортах.⁷⁴

Интересно, что уже уехавшие после отбытия ссылки в Европейскую Россию не утратили шанса вернуться, если со времени отъезда до определения Сената по делу Когана прошло немного времени. Архивные документы зафиксировали дело якутского мещанина Нохима Мышлемовича, рассматривавшегося на «границе» изменения Сенатом решения. После отбытия срока административной ссылки Мышлемович был выдворен в черту оседлости в соответствии с Указом от 21 марта 1889 года по делу Штейнера. Он обратился к Иркутскому генерал-губернатору с ходатайством о возвращении в Якутск, где был приписан к местному мещанскому обществу. Ему повезло: как раз в это время последовало разъяснение Правительствующего Сената по делу Когана, и Мышлемович получил разрешение вернуться.⁷⁵

Однако и применение Манифестов по отношению к ссыльным евреям имело национальный (или вероисповедный) оттенок. Сенат не мог позволить евреям выбрать, как было предусмотрено монаршей милостью, город по своему усмотрению, дабы те не оказались с большими правами, чем в черте оседлости. Поэтому специально оговаривалось, что «применение Манифестов о разрешении избрания места жительства по отношению к евреям должно быть понимаемо не иначе как в связи с ограничительными о них постановлениями».⁷⁶ Манифесты смягчали лишь последствия судебного приговора, но не признавали за отбывшими ссылку евреями права на избрание жительства. Заметим опять-таки, что в самих документах об этом ни словом не упоминалось. Сенат также определял, что причисляться к цеховым и мещанским обществам евреи могут только в месте приписки, что звучало совсем уже нелепо, если учесть, что в Сибири евреев расселяли в основном по деревням.

Поняв свою ошибку, Сенат Указом от 8 февраля 1902 года приспособил закон к обстоятельствам: освобожденные Манифестами евреи считались уже не ссыльнопоселенцами, а «евреями черты оседлости, которым позволено жить в Сибири». Поэтому местное начальство получило право изменять место их жительства и приписывать к городам.⁷⁷

Однако и после Указа Правительствующего Сената по делу Когана на местном уровне продолжалась борьба за освобождение Сибири «от отягощения ее евреями». В 1909 году Иркутский генерал-губернатор А.Н. Селиванов, по характеристике историков Иркутской общины, в каждом еврее видевший личного врага и не скрывавший намерений «искоренить» евреев в Иркутске,⁷⁸ обращался к Столыпину с предложением уменьшить еврейский элемент немедленной отсылкой отбывших каторгу в места их приписки под надзор полиции с ограничением прав, определенных судом, и заменой ссылки по суду в Сибирь на поселение и житье тюремным заключением. Он также предлагал отменить право на свободное проживание в Сибири потомков николаевских солдат, оставив это право лишь за старшими в роду лицами мужского пола, т.е. старшим сыном, старшим внуком и т.д. В ответе ему значилось, что при Главном тюремном управлении уже образована комиссия о преобразовании каторги, и в проекте нового закона будет определенно указано, где следует водворять отбывших каторгу евреев; к отмене ссылки евреев в Сибирь нет оснований, поскольку число направляемых в Сибирь ссыльнопоселенцев сравнительно невелико. Что касается вопроса о жительстве евреев нижних чинов, служивших по рекрутскому уставу, и их потомков, то он исчерпывается разъяснением от 7 декабря 1909 года, и возможность нового водворения в Сибирь евреев этой категории исключается.⁷⁹

Вторую массовую группу евреев, чей статус и право жительства в Сибири вызывали много вопросов, составляли дети ссыльных. Исследователи отмечали, что численность добровольно следовавших за ссыльными ев-

реями членов их семей в Иркутском генерал-губернаторстве была выше, чем собственно наказанных.⁸⁰

Статьей 264 Устава о ссыльных издания 1890 года вновь закреплялось положение, что ссыльным евреям разрешается брать с собою детей мужского пола в возрасте не старше пяти лет. Однако требование это практически не соблюдалось, что вызвало значительный наплыв в Сибирь еврейских мальчиков в возрасте старше дозволенного законом.⁸¹ Их судьба была предметом рассмотрения губернских советов еще в 40-е годы XIX века.⁸²

По закону мальчиков в возрасте старше 5 лет должны были либо записывать в военные кантонисты, либо по достижении 16-летия за счет казны отправлять в черту еврейской оседлости. Как правило, родители предпочитали первый вариант, пусть связанный с изъятием детей из привычной среды и насильственным их «оправославливанием», поскольку за 8-10 лет рвались все родственные связи с чертой, и у прибывшего из Сибири молодого человека не было никакой возможности заработать себе на жизнь. Институт военных кантонистов был отменен Александром II в 1856 году. С этого времени малолетних мальчиков разрешали оставлять при родителях. Сибирская администрация отдавала себе отчет во всех сложностях, связанных с отправкой в черту оседлости детей: осторожная среда при пересылке по этапам могла оказать на них «растлевающее влияние, родители их оставались в Сибири, а в черте оседлости часто вовсе не было никаких родственников. К тому же отправка детей домой была связана с расходами казны». Но по достижении совершеннолетия их отправляли в Европейскую Россию.⁸³

Проблема тем самым не только не снималась, но усугублялась. Незамедлительное решение вопроса о детях, прибывших в Сибирь за родителями в возрасте старше пяти лет, напрашивалось ввиду сложившейся обстановки: третье отделение было не на шутку обеспокоено тем, что «многие еврейские сыновья, подлежащие переселению из Восточной Сибири в губернии черты оседлости, или уже отправленные туда из мест жительства, остановились

под разными предлогами на пути и не желая следовать далее по назначению, проживают по несколько лет в разных местах Восточной Сибири, не будучи нигде приписаны; местное же городское и земское начальство несмотря на неимение этими людьми установленных видов свободно позволяет им такое жительство».⁸⁴ Решив, что лучше разрешить еврейским сыновьям жительство в Сибири, чем терпеть ежегодную потерю для казны немалых денег, «председательствующий в Совете Главного Управления Восточной Сибири нашел возможным остановившимся по дороге в черту евреям остаться на жительство в Восточной Сибири до разрешения о них вопроса».⁸⁵

Однако «разрешение о них вопроса» затягивалось, что породило и здесь изрядную путаницу. В частности, Иркутский губернатор Моллериус считал, что ограничение в возрасте детей ссыльных евреев относится только к прибывшим из внутренних губерний, а не из сибирских, с чем категорически не соглашался военный губернатор Забайкальской области Мациевский.⁸⁶ Практика выселения из Сибири евреев зрелого возраста, обремененных семьей, за то, что они когда-то прибыли за родителями в возрасте старше 5 лет, была достаточно распространенной.⁸⁷ Определение I Департамента Правительствующего Сената от 24 ноября 1897 года по жалобе Лейбы Марксона на распоряжение министра внутренних дел об исключении просителя с семейством из Красноярского мещанского общества эту практику закрепило. Марксону отказали, так как в свое время четыре сына Гершона Марксона, сосланного в Сибирь на поселение и водворенного в деревне Лопатиной Вознесенской волости Красноярского округа, прибыли за своим отцом в возрасте старше пяти лет. «Ввиду сего министерства финансов и внутренних дел правильно распорядились об исключении Марксонов из числа мещан города Красноярска Енисейской казенной палатой».⁸⁸ Осевший в Якутии, имеющий хозяйство и большую семью Исай Золотушкин, пришедший сюда за отцом Аароном, подвергся выселению

после выезда отца в черту, в Переяславскую губернию. Ссылки на нездоровье и беременность жены не помогли: согласно статье 497 Устава о ссыльных издания 1890 года дети ссыльных должны были находиться на месте причисления родителей. Ему грозили отправкой по этапу и требовали подписки о выселении из станции Булгуняхтатской, где он не был причислен. Переписка длилась с июня 1895 по январь 1898 года, после чего станцию он все-таки покинул, но, не желая ехать в черту оседлости, попытался поселиться в Якутске. Волостное правление жаловалось, что все меры выселения из-за упорства евреев оказываются бессильными.⁸⁹

Это упорство становится понятным после отслеживания судьбы принудительно выехавших в черту евреев. Не принятые тамошними еврейскими обществами, они возвращались, чтобы по возвращении также не найти общества, пожелавшего принять их в свою среду, вследствие чего получали категорическое предложение о повторном выдворении в пределы Европейской России. От высылки их спасало причисление казенными палатами к местным податным обществам - скорей всего по недосмотру, поскольку это противоречило вышеуказанной статье 264 Устава о ссыльных. В 1894 году по распоряжению Министерства финансов это причисление было отменено, но незаконно прибывшие в Сибирь дети ссыльных евреев по решению Министерства внутренних дел подпали под действие Высочайшего повеления 10 июня 1894 года и были оставлены на жительство в Сибири «впредь до разрешения общего законодательным порядком вопроса о правах евреев». Отчисленные из обществ в черте еврейской оседлости, к которым принадлежали до ссылки их родители, и не причисленные ни к каким обществам в Сибири, эти уже повзрослевшие дети составили, по признанию Иркутского генерал-губернатора А.И.Пантелеева, «совершенно ненормальную категорию лиц непривилегированного сословия и в то же время не принадлежащих ни к каким податным обществам, что вредно отзывается на фискальных интересах казны».⁹⁰ К тому же они избегали и

исполнения воинской повинности. Пантелеев предлагал быстрое и безболезненное решение проблемы: детей ссыльных возрастом не ограничивать и брать с собой всех, которые не отделены и значатся с ними в одном свидетельстве. Однако это смелое по тем временам предложение осталось не услышанным. Циркулярное письмо Министерства внутренних дел начальникам губерний и областей Восточной Сибири рекомендовало в случае причисления в местные общества приехавших к сосланным родителям детей оставлять их в Сибири, хотя тут же предписывало не имеющих права жительства в Сибири не приписывать.⁹¹ Получается, что еврею, для того, чтобы остаться в Сибири на законных основаниях, надо было вначале закон нарушить.

22 апреля 1903 года Министерство юстиции Высочайшим повелением получило право в особо уважительных случаях по ходатайствам местного губернского или областного начальства и при предварительном согласовании с Министерством внутренних дел разрешать следовать за осужденными евреями в ссылку их детям в возрасте до 14 лет. Однако Главное тюремное управление, опасаясь, что применение Высочайшего повеления нейтрализует действие 264 статьи Устава о ссыльных, ограждавшей Сибирь «от нежелательного водворения в ней лиц иудейского вероисповедания», предложило разрешать детям следовать за родителями только в том случае, когда по собранным сведениям становится ясным, что они остаются на родине без всякого попечения.⁹² Следует добавить, что дети евреев ссыльнопоселенцев могли оставаться с родителями только если они прибыли вместе с ними. Если же вслед за ними, то они уже не имели права жить в Сибири. Приезд взрослого семейного сына на место ссылки отца и вовсе считался незаконным, и сын вместе с семьей подлежал выселению.

На фоне многочисленных документов, преграждающих евреям доступ в Сибирь, совершенно иной, мягкой по отношению к ссыльным евреям и их детям интонацией выделяется мнение Якутского губернатора В.Н. Скри-

пищина, оставившего любопытные заметки по еврейскому вопросу, предназначавшиеся, по-видимому, для Иркутского генерал-губернатора. Размышляя, что делать с сыновьями евреев, «которые будучи выдворенными отсюда мерами полиции, ...вновь возвращались в Якутскую область, поскольку не были приняты в свою среду обществами внутренних губерний», он предлагал для облегчения участи молодых евреев, «выросших здесь, нередко уже оседло устроившихся и чуждых еврейской среды внутренних губерний, с которой утратили всякую связь, применять хотя бы и обратно, Высочайшее повеление 22 апреля с.г. ...конечно, по особым ходатайствам на каждый отдельный случай и с обязательной для таких евреев припискою к податным сословиям с согласия или даже без согласия последних».⁹³ (Пантелеев считал, что прибывших в нарушение статьи 264 и исключенных из общества в Европейской России детей надо опять приписать в прежние общества, даже без согласия последних. Но это сделало бы детей очень уязвимыми, потому что они бы жили вне мест приписки).

Положение молодых евреев, прибывших в область с соблюдением 264 статьи Устава о ссыльных, то есть в возрасте до 5 лет, а также родившихся в Сибири, тоже оставалось неясным. В своих записках Якутский губернатор приводит историю сына еврея-ссыльнопоселенца, родившегося в области и отбывшего воинскую повинность. По закону он должен быть причислен к месту причисления его покойного отца - в одном из улусов Якутского округа, однако он, будучи полноправным, желал бы причислиться к городскому сословию. Между тем местное мещанское общество не дало ему приемного приговора, что сразу же породило вопрос: можно ли причислить его к Якутскому мещанскому обществу без согласия последнего?

Неясным оставалось и положение детей умерших евреев. Их дальнейшее житье в Сибири на месте причисления отцов или выселение в черту оседлости целиком зависело от произвола местных властей. Еще журналом Иркутского губернского правления 22 января 1852 года зафиксировано

решение отказать в праве жительства в Сибири даже молодым людям, принявшим православие, поскольку «переход из еврейства в Христианство чрез Святое Крещение не может отменять закона против умножения евреев в Сибири». ⁹⁴ А через 50 лет после этого решения, 23 февраля 1912 года, Правительствующий Сенат своим Указом определил, что евреи с переходом в секты, причисляющие себя к христианским протестантским исповеданиям, не освобождаются от ограничений, установленных для них законом. ⁹⁵

Политика жесткого ограничения въезда евреев в Сибирь фактически изжила себя в годы первой мировой войны. Объективно этому способствовали новые ограничительные антиеврейские акты в зоне военных действий, тщательно инициированные представлениями о повальном «предательстве евреев». Приказ Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича от 27 января 1915 года, в котором российские евреи объявлялись «надежными союзниками врагов России», повлек за собой тотальные депортации евреев из прифронтовой полосы. В августе 1915 года в связи с отступлением русской армии и движением в глубь России потоков беженцев фактически был снят запрет на пребывание евреев вне черты оседлости. Им разрешалось проживать «повсеместно в городах, кроме тех, откуда они были высланы по статьям о военном положении, а также столиц и местностей, состоявших в ведении министерств двора и военного». Был позволен въезд в Сибирь с семьями и детьми без каких-либо возрастных ограничений. По крайней мере на вопрос Иркутского генерал-губернатора, «может ли быть дозволено женам евреев, высылаемых в порядке правил военного положения или положения об охране в Сибири, следовать в места водворения мужей и разрешается ли брать с собой детей», Департамент полиции дал ответ, что согласно Т. X кн. 1 Свода законов (статья 103) строго воспрещаются всякие акты, клонящиеся к самовольному разлучению супругов, и что при переселении мужа жена должна

следовать за ним». Разрешалось брать с собой и несовершеннолетних детей.⁹⁶ Де-факто черта оседлости была уничтожена задолго до ее уничтожения де-юре 20 марта 1917 года постановлением Временного правительства «Об отмене вероисповедальных и национальных ограничений».

В чем же заключается причина появления законодательства о евреях, принесшего столько хлопот законотворцам и столько страданий «объектам» законотворчества? Ряд причин, названных дореволюционными правоведом, в частности экономическая (неудовлетворительное экономическое положение сельского населения в некоторых заселенных евреями губерниях, что послужило основанием к их обвинению в эксплуатации сельского населения и расстройстве его хозяйства путем содержания аренд, шинков) и политическая (усиление еврейского элемента между землевладельцами западных губерний)⁹⁷ не применимы к Сибири. Несостоятельны и объяснения законодателями своего неустанного творчества «необходимостью уберечь русский народ от экономической силы еврейства» путем постановки евреев как более сильной в социально-экономическом и национальном отношении инородческой группы в заведомо невыгодные условия и тем гарантировать прочность государства.⁹⁸ Обилие свободных земель, отсутствие конкуренции, незаполненные экономические ниши, низкий процент евреев в Сибири не позволяют применить здесь расхожий стереотип о «еврейской эксплуатации православного населения». Нет и оснований считать, что сибирские евреи сознательно наводняли Сибирь из-за предпочтения ими этого края, даже при условии ограничения их свободы, жительству в черте оседлости. С последней сибирские евреи в большинстве не имели ничего общего и потому сравнивать условия жизни в ней с существующими в Сибири не могли, что признавалось даже самой сибирской администрацией.⁹⁹ Опасность «еврейского засилья» колонизируемому краю не грозила.

Наиболее убедительной нам кажется версия В. Романовой, объясняющей жесткую политику пресечения въезда евреев в Сибирь желанием держать эту инациональную и иноверческую группу под постоянным контролем, что гораздо проще было сделать в черте оседлости.¹⁰⁰ В Сибири с ее бескрайними просторами и ограниченными фискальными возможностями полицейской власти евреям проще было «затеряться» и постепенно обрести ту самодостаточность, которая позволяла если не полностью обойти ограничительное законодательство, то в значительной степени нейтрализовать его негативное действие.

Несмотря на постоянные правовые ограничения евреи в Сибири жили спокойней и зажиточней, нежели в черте оседлости. При обилии экономических возможностей и отсутствии жесткой конкуренции, скученности и тесноты черты оседлости здесь складывались условия для реализации своих способностей и обеспечения достойного уровня жизни. Поэтому понятны их усилия закрепиться в колонизируемом крае даже без легализации. Местная администрация обратила внимание на то, что число нигде не записанных евреев в три раза превышает зафиксированное списками, которые подавали еврейские общества. Почти на каждое семейство приходилось по два-три незаписанных.¹⁰¹ В конце XIX века из всех иудеев Иркутска половина жила нелегально.¹⁰²

Возможность для большой массы еврейского населения обойти закон и остаться в Сибири даже при частых жестких выселенческих кампаниях мы объясняем следующими причинами. Во-первых, неопределенностью в законоположениях о евреях, допускающей самое разнообразное их толкование даже в высших государственных установлениях, на что указывается Правительствующим Сенатом и Департаментом полиции в циркулярном письме губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам от 6 марта 1904 года.¹⁰³ Это не могло не сказаться на единообразии основанных на них распоряжений местных властей как высших, так и в особенности низ-

ших, которые толковали эти законы каждый в меру своего разумения. Иркутские генерал-губернаторы называли неустойчивость правового положения евреев в Сибири в числе вопросов, вызывающих наибольшее затруднение.¹⁰⁴ Но все попытки привести эти законы в какую-то систему, чтобы они по крайней мере не противоречили друг другу, ни к чему не привели. Во-вторых, при огромном множестве дел такого рода, сравнительной малочисленности городской и окружной полиции и при отсутствии полиции сельской, а также небрежности ведения документации многим евреям удавалось проникнуть в Сибирь и при этом избежать печальной участи водворения. Представители местной власти часто жаловались, что «повсеместное расселение евреев сильно затрудняет надзор за ненарушением ими ограничительных узаконений».¹⁰⁵

Сложность и внутренняя противоречивость законодательства о евреях, неопределенность их статуса и бесконтрольность чиновников в Сибири открыли простор для злоупотреблений местной администрации. Евреи дорожили возможностью остаться в Сибири, боялись выселения и потому были постоянным объектом шантажа. Практиковались доносы евреев друг на друга с обвинениями в незаконности проживания: «сдачей» единоверцев они покупали себе право на жительство.¹⁰⁶ Их вечный страх был стабильной кормушкой для чиновников всех рангов. Постоянные вымогательства стали массовым явлением. За взятку можно было остаться «незамеченным» при проведении переписи, получить практически вечную отсрочку выселения, стать обладателем права на повсеместное жительство. Массовым явлением было получение от сибирских полицейских управлений паспортов и билетов, положенных ремесленникам, хотя многие из получивших эти документы не представили при этом каких-либо свидетельств, удостоверяющих их квалификацию.¹⁰⁷ (Кстати, приезд в Сибирь из черты оседлости евреев, не знающих никакого ремесла, по свидетельствам ремесленных управ тоже был явлением достаточно распространен-

ным¹⁰⁸ – взяточничество в черте оседлости процветало не менее, чем в Сибири). «В Сибири к чести ее...еврейских кровавых погромов...никогда не бывало, но зато массовых высылки, изгнаний, оскорбительных, унижительных для человеческого достоинства и разорительных для населения, сколько угодно было и чуть ли не повсеместно. В Сибири, очевидно, предпочитали и предпочитают не дубьем, а рублем бить и наказывать евреев», - писал Т.И. Тихонов.¹⁰⁹ С.Ю. Витте отмечал, что ни с кого администрация не берет столько взяток, сколько с евреев. «В некоторых местностях прямо создана особая система взяточного налога с жидов».¹¹⁰ Евреи в полном смысле этого слова покупали себе право на жизнь.

Не следует сбрасывать со счетов и простые человеческие чувства, не чуждые низшим полицейским чинам. Нам удалось найти немало фактов заступничества за евреев непосредственных исполнителей жестоких распоряжений и даже прямого саботажа их выполнения. Якутский полицмейстер Богачевский даже пострадал по службе за то, что медлил с выселением из города Симона Натансона, прожившего в Якутске 20 лет. И только после заступничества Якутского губернатора В.Н.Скрипицына, заявившего, что «упущения по службе допущено Богачевским не из-за каких-либо предосудительных побуждений, а исключительно по снисходительности к беспомощному положению бедняги», генерал-губернатор Горемыкин согласился уволить Богачевского «по прошению».¹¹¹

Оставляли евреев в Сибири как «полезных и нужных граждан» и по многочисленным ходатайствам христианского населения, связанного с ними деловыми отношениями. Множество интересных случаев заступничества за евреев перед властями приводит Ю. Островский.¹¹²

Анализируя действия сибирской администрации по выполнению параграфов сибирского еврейского законодательства, можно прийти к следующему выводу: она не стремилась вовсе не допустить евреев в Сибирь или выселить их совсем из Сибири. Власти все время балансировали на грани

какого-то известного только им процента, превышать который не следовало, но в рамках которого евреи вполне были ею терпимы. Суть этой политики была выражена Иркутским генерал-губернатором Пантелеевым: «Послабления в ограничительных законах по отношению к небольшому числу противозаконно, но с давнего времени проживающих в Сибири и получивших на это разрешение евреев, необходимы. Это изъятие из строгого действия закона допустимо, поскольку евреи безвредны, а иногда и полезны для населения. К тому же насильственное выселение неизбежно повлечет за собой лишение долгими трудами приобретенного благосостояния. ...процентное соотношение проживающих в Иркутском генерал-губернаторстве евреев с остальным населением не настолько велико, чтобы требовать каких-то мероприятий по уменьшению их числа».¹¹³

Евреи нужны были власти, потому что играли важную роль в регионе: экономическую - как предприимчивые люди, способные колонизаторы, необходимые развивающемуся краю, и социальную - как «раздражающий фактор», на который в случае чего можно было направить общественное недовольство. Сумевшие закрепиться в регионе евреи внесли большой вклад в его экономическое и культурное развитие.

1.2. Законодательство о жизни евреев в Сибири

Наряду с группой документов, регламентирующих въезд евреев в Сибирь, существовала масса законодательных актов, ограничивающих гражданские права тех, кто уже оказался в Сибири.

Первым по времени ограничением в правах сибирских евреев можно считать закон 1826 года о евреях, проживающих в Омской области на границе с инородцами. Хотя Первый Сибирский комитет постановил оставить их там и выслать только ссыльных, «кои поведением своим навлекли основательное подозрение», но вместе с тем предписал генерал-губернатору строго наблюдать, «чтоб евреи ни с паспортами, а тем менее

еще без паспортов не были терпимы в городах, на линии лежащих, и вообще не были допускаемы к промыслам, законами им воспрещенным». В 1834 году на вопрос, могут ли ссыльные евреи и их дети пользоваться в Сибири гильдейскими правами, Сибирский комитет дал утвердительный ответ.¹¹⁴ Но права постоянного проживания в крае постановление Комитета не давало. Более того, «дабы вообще евреи как из ссыльнопоселенцев, выслуживших сроки, так и родственники их в прежнее время с ними в Сибирь зашедшие, не умножились там чрезмерно в классе торгующем, ко вреду коренных обывателей», вопрос выдачи им свидетельств на право торговли в Сибири министр финансов решал по собственному усмотрению.¹¹⁵ По мнению историков Иркутской общины, если 1826 год был началом ограничения права поселения евреев в Сибири, то 1834 год – началом ограничения их **гражданских прав**.¹¹⁶

Самую значительную группу документов об ограничении прав евреев Сибири представляют законоположения, запрещающие им свободно передвигаться по всей ее территории и устанавливающие так называемую сибирскую «черту оседлости» евреев. Этот термин имеет полное право на введение в научный оборот: он открыто фигурировал в официальной переписке и ограничивал право жительства и деятельности каждого сибирского еврея определенной территорией подобно тому, как эти права для евреев западных губерний были действительны только в четко очерченных границах – черте еврейской оседлости. «Апофеоз дискриминации» не обошел и Сибирь.

Сибирская черта еврейской оседлости появилась практически одновременно с появлением самих «виновников». Юридически она была закреплена Положением Комитета Министров от 11 ноября 1847 года: «Правительствующий Сенат...полагает, что в отношении к находившимся в Сибири до 15 мая 1837 г. евреям и детям их мужеского пола, там родившимся, или вместе с ними, по распоряжению правительства, отправленным в Сибирь и

достигшим 18-летнего возраста, а равно и женщинам, которым дозволено оставаться на местах их жительства, т.е. в Сибири, место их поселения должно считаться постоянной для них оседлостью». ¹¹⁷ (Выделено нами. – Л.К.) (В Законе о состояниях т. IX издания 1899 года это Положение закреплено приложением к статье 791). ¹¹⁸ Практически все правоведы, которые анализировали сибирское законодательство о евреях, сталкивались с вопросом: что считать «местом поселения» - всю Сибирь или конкретный населенный пункт, место жительства того или иного еврея? Неясное выражение в законодательном акте 1847 года - «место поселения» - дало простор для его произвольного толкования. Правительствующий Сенат рассматривал это понятие в самом узком ограничительном смысле: «место поселения» – не вся Сибирь, а места настоящего их (евреев) жительства». В случае иного толкования, дескать, законодатель бы это оговорил. Но и видимых оснований для ограничительного толкования тоже нет. Положение Комитета Министров называется «О выдаче торговых свидетельств евреям, в Сибири находящимся». В самом названии нет и намека на какое-то территориальное ограничение и специальную черту оседлости. Положение содержит в себе лишь ответ на запрос министра финансов, как выдавать торговые свидетельства находящимся в Сибири евреям: «Выдача торговых свидетельств тем евреям, которые этим правом пользовались уже до 15 мая 1837 года, и тем, коим на основании 1736 ст. Уст. о ссыльных дозволено остаться в Сибири, должна быть производима, за исключением ссыльных поселенцев, на общем основании». По мнению правоведов, составители закона 11 ноября 1847 года просто хотели подчеркнуть, что Сибирь - место постоянной оседлости живущих в Сибири евреев - не является таковым для других евреев, не имеющих здесь права жительства. Вся Сибирь составляет для евреев, оставленных там на жительство, такую же территорию постоянной оседлости, каковой являются губернии черты оседлости для проживающих в них евреев. В пользу этого говорит и По-

ложение о евреях 1835 года, декларирующее право свободного переселения евреев с места на место в черте оседлости и везде, где им позволено постоянное пребывание. (Евреям, сосланным в Сибирь, и их потомкам пребывание в Сибири было позволено). К тому же в уже упомянутой статье 791 Закона о состояниях, на основании которой Правительствующий Сенат якобы и ограничил место поселения сибирских евреев городом или селением, о таком ограничении нет ни слова: «место поселения» там не расшифровывается. Сенат Указом внес в Закон свои «коррективы».

Трудно допустить, чтобы законодатель мимоходом ввел столь важный институт как специальную черту оседлости для каждого отдельного еврея, не оговорив хотя бы при этом, что «находящимся в Сибири евреям дозволено проживать лишь в месте их постоянного жительства, из коего переселение и временные отлучки им могут быть разрешены в случае признания местными властями их о сем ходатайства заслуживающими уважения».¹¹⁹ Но в кодификационной переработке закона 11 ноября 1847 года пояснение, что местом поселения евреев является вся Сибирь, исчезло, что в дальнейшем и послужило формальным основанием для создания специальной черты оседлости для каждого сибирского еврея.

По сравнению с западной у сибирской есть свои особенности: она не имеет четких границ, но каждый отдельно взятый сибирский еврей обретает собственную «черту», приравненную к нарицательному месту жительства, и отлучаться из нее может только, как и из «черты» в общепринятом смысле, по следующим причинам: принятие наследства, отстаивание законных прав собственности, для лечения по свидетельству врача и по торговым делам. По книгам прошений на выдачу торговых билетов и промышленных свидетельств можно определить принадлежность просителя к иудейскому вероисповеданию, даже не вчитываясь в фамилии: если к прошению приколото разрешение полицейского управления на жительство в том месте, где он желает развернуть свою торговлю, значит проситель иу-

дей.¹²⁰ Представителям других вероисповеданий для получения торгового свидетельства достаточно было уплатить положенный сбор.

До 90-х годов XIX века сибирская черта оседлости, хотя и обозначала свое присутствие в документах,¹²¹ соблюдалась не строго. Евреи жили в Сибири почти повсеместно, не оглядываясь на место приписки. По оценке современников, «общественно-бытовые условия в Сибири складывались... настолько благополучно, что не могло быть и речи о возникновении национальных трений – слишком уж разношерстна Сибирь по своему национальному составу и наиболее демократична из всех областей России. Безграничный простор и удаленность не только от центра, но и от местных административных органов... ставили сибирское население вне непосредственного влияния власти и создавали ...относительно свободную атмосферу, в которой не могли развиваться, хотя и усердно культивируемые, семена вражды к определенной нации. Администрация Сибири, в свою очередь удаленная от центра и не находящаяся под его непосредственным влиянием, разбросанная между собой в пределах самой Сибири теснее, чем в Европейской России, примыкала к местному обществу и была много чувствительнее и восприимчивее к влиянию последнего. В то же время и сама центральная власть, считаясь с характером расселения сибирского еврейского элемента, не находила, по-видимому, в пределах Сибири необходимым вести борьбу с еврейским населением, в большинстве случаев переброшенным туда по его инициативе, и ограничивалась, главным образом, наблюдением за тем, чтобы евреи не попадали в Сибирь помимо воли правительства».¹²²

По нашему мнению, проведение именно в 90-х годах XIX века «границы» между жизнью сибирских евреев в качестве полноправного (насколько это вообще применимо к евреям), относительно благополучного слоя населения и существованием их в категории «вне закона» обусловлено факторами как общероссийского, так и местного сибирского значения.

Ужесточение дискриминационных действий по отношению к сибирским евреям стало естественным следствием ужесточения «еврейской» политики администрации Александра III. Немалую роль в этом процессе сыграл рост экономического влияния евреев, что настораживает власти и заставляет принимать меры, искусственно сдерживающие еврейскую активность. По-видимому, нельзя полностью игнорировать и настроения сибирской администрации и ее собственные представления о решении «еврейского вопроса». Характерно, что ужесточение дискриминационных действий пришлось на правление Иркутского генерал-губернатора А.Д.Горемыкина, изрядно страдавшего антисемитизмом и проводившего антиеврейские акты в жизнь не только по приказу, но и, что называется, по велению души.¹²²

Начало полному прикреплению евреев к месту приписки в Восточной Сибири и «выселенческой политике» властей по отношению к живущим вне его положило его циркулярное распоряжение от 18 сентября 1891 года о выдворении евреев к местам приписок.¹²³ После этого последовал шквал прошений евреев с просьбой оставить их на месте. В числе просителей были люди, прожившие в нынешнем месте жительства по 35 лет, занимавшиеся хлебопашеством, имевшие недвижимость и большие семьи.¹²⁴

В октябре 1891 года мнение генерал-губернатора было закреплено решением Иркутского губернского совета, задолго до центральной власти «прикрывшего» сибирских евреев к месту их приписки. Ссылаясь на Положение Комитета Министров 1859 года о разрешении причисленным в Сибири полноправным евреям переселяться в губернии черты оседлости, совет не признал за ними права свободного передвижения по Сибири, так как последняя к числу этих губерний не относится, и разрешил им лишь временные отлучки для принятия наследства, «отыскания права собственности» и для торговых дел. Что касается ссыльных, то здесь губернский совет был еще более категоричен: по закону ссыльные по перечислении в

крестьяне не пользуются полной свободой передвижения по Сибири, а выбирают подходящую для себя местность и затем, с разрешения начальства, туда и следуют. «Коль скоро закон требователен вообще к ссыльным, то он еще требовательнее должен быть по отношению к ссыльным евреям (выделено нами. – Л.К.), ибо если сии последние при условии обладания всеми гражданскими правами не могут свободно передвигаться по Сибири, то тем более этой свободы должны быть лишены евреи, ограниченные в своих правах». Сосланные в Сибирь с лишением особенных прав и преимуществ по истечении определенного судом срока по закону получали право свободного передвижения по всей Сибири. Но, по мнению совета, «такое право едва ли может быть предоставлено в полной мере ссыльным евреям. Прежде всего, как выше сказано, даже полноправные евреи не пользуются свободой передвижения по Сибири, в силу каких побуждений эту свободу даровать евреям, лишенным прав и очевидно наиболее опасным для населения?» Наконец, из буквы закона, определяющей, что «дети ссыльных (евреев. – Л.К.) оставляются при родителях на общих правилах о детях ссыльных» вовсе не следует, что Правительство желает предоставить какие-либо особые льготы и привилегии детям ссылаемых в Сибирь евреев против тех, какими уже пользуются их родители. Оно только давало возможность сыновьям не разлучаться с родителями, так что дети евреев не могут претендовать на большую свободу, чем их родители. И выражение «дети евреев могут записываться в податное сословие и купечество в Сибири на общем основании» нельзя понимать как равное с христианским населением право передвижения по Сибири. Таковым они могут пользоваться только при выезде в черту общей еврейской оседлости.¹²⁵

Интересно, что решение судьбы сибирских евреев в значительной степени пошло в фарватере иркутской губернской мысли. 26 апреля 1896 года Общее Собрание Правительствующего Сената вынесло решение по делу Мариупольского, ставшего классикой сибирского еврейского ограничи-

тельного законодательства. Просителю Мариупольскому, внуку ссыльно-поселенца Хаима Мариупольского и сыну военного кантониста Якова Мариупольского, причисленного в крестьяне Юдинской волости Томской губернии, губернский совет отказал в совершении крепостного акта на купленную им землю вне места причисления. Сенат признал действия губернского совета правильными, поскольку, во изменение многолетней прежней практики, было доказано, что потомки евреев-поселенцев в Сибири не могут проживать вне места приписки, которое должно считаться для них специальной чертой оседлости. В противном случае они приобретали бы ссылкой большие права, чем те, которые имели на родине, и, следовательно, ссылка была бы для них преимуществом, а не наказанием.¹²⁶

Об окончательном вступлении в свои права сибирская черта оседлости объявила в 1897 году Указом Правительствующего Сената от 24 марта по делу Бронштейна: с этого времени евреи практически были прикреплены даже не к месту жительства, где они обжились и работали, а к тому, где их предки были когда-то приписаны. Тем более драматичным это стало для сибирских евреев, что в течение многих лет местная и центральная администрации, трактовавшие закон о праве жительства евреев в Сибири как праве повсеместного жительства в ее пределах, предоставляли евреям возможность свободно передвигаться и селиться по всей Сибири, на что исполнявший обязанности Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенант Беневский указывал в своем рапорте в Правительствующий Сенат. По этой причине многие из них давно порвали с первоначальным местом приписки, перейдя в другие более населенные торговые села и города, приобретали там недвижимость, заводили торговые и промышленные дела. Иные даже никогда не знали места своего причисления, родившись и приписавшись в другом пункте. Газета «Восточное обозрение» писала по этому поводу: «...далеко не все евреи, живущие в Мариинске, принадлежат к числу тех, которые приписаны к местному обществу и которые, по

закону, имеют право жить в Мариинске. Среди этих, так сказать, контрабандных евреев, есть много таких, которые и родились в Мариинске, и никогда не выезжали из Мариинска, знают только один город Мариинск и уже несколько десятков лет ведут какое-либо «свое дело», чаще всего по «коммерческой части», полученное по наследству от отца или деда. Как известно, в настоящее время как из Томска, так и из всех уездных городов Томской губернии, такие евреи, а равно их семьи, раз они не приписаны к местным обществам, выселяются по месту причисления... Должна произойти форменная перетасовка». ¹²⁷

Она и произошла: евреев из Томска и Енисейска выселяли в Иркутск и наоборот, горожанам не разрешали выезжать из города даже на окрестные дачи. Такое пригвождение евреев к одному населенному пункту даже сама местная администрация считала ненормальным. ¹²⁸ Со стороны выселяемых последовала масса жалоб, многие из которых, по признанию Приамурского генерал-губернатора, были «вполне основательны»: некоторые евреи были причислены в таких местах, «где они решительно не имеют возможности получить какой-нибудь заработок и по необходимости должны искать его на стороне». ¹²⁹ Но переселиться в другое место, перечислиться в другое общество еврей мог не иначе как с разрешения высшей власти, «если это будет признано соответствующим обстоятельствам дела».

Таким образом, по характеристике Л. Зайденмана, в Сибири был создан институт потомственных ссыльнопоселенцев, на веки вечные прикрепленных к местам приписки их сосланных предков. ¹³⁰ Сибирь, не знавшая крепостного права, дала его уникальную разновидность – прикрепление к земле по конфессиональному признаку.

В дальнейшем «крепостное» состояние сибирских евреев, их право проживать в Сибири «лишь в силу приписки к одному из местных обществ, которое и является для них постоянным местом жительства», неоднократно подтверждалось различными документами: Законом о состояниях из-

дания 1899 года с продолжением 1902 года, Определением I Департамента Правительствующего Сената от 11 декабря 1900 года, Указом II Департамента Правительствующего Сената от 27 февраля 1904 года.¹³¹ «Еврейский вопрос» в Сибири приобрел все специфические свойства, присущие ему в Европейской России, наложив на них еще и специальные законы и запреты.¹³²

Свободного передвижения по Сибири лишались и так называемые привилегированные категории евреев, обладатели права повсеместного жительства. По Указу Правительствующего Сената от 3 октября 1901 года по делу Вайнштока выезд за пределы сибирской черты оседлости запрещался потомкам поселившихся в Сибири до 1837 года и ремесленникам, поскольку право «проживать повсеместно вне черты оседлости не распространяется на Сибирь».¹³³

Оговоренная законом 11 апреля 1866 года приписка в податное сословие и купечество детей и потомков ссыльнопоселенцев на общих основаниях для евреев, тем не менее, имела существенное ограничение: они могли приписываться только в тех местностях, где им разрешалось водворение. Получается, что если евреи могут записываться в городское сословие только в местах приписки, а местом приписки для них служат сельские волости, то приведенный закон в сущности вообще не предоставляет им права приписки. Иркутский генерал-губернатор Пантелеев даже оставил по этому поводу заметку на полях: «т.е. иркутских купцов быть не может?», имея в виду то обстоятельство, что ссыльных евреев и их детей приписывали, как правило, к сельским обществам.¹³⁴

Евреи, приписанные в Сибири по особым Высочайшим повелениям и ни по роду занятий, ни по образованию не приобретшие права повсеместного жительства, по определению I Департамента Правительствующего Сената от 28 февраля 1899 года, могли жить только в черте оседлости и в месте своей приписки в Сибири. Что касается права повсеместного жительства

для некоторых категорий евреев, дарованного Высочайшим Указом 11 августа 1904 года, то оно, по разъяснению сенатора Крыжановского, могло быть реализовано только в случае выезда в Европейскую Россию.¹³⁵ В Сибири они должны были подчиняться общим ограничениям, то есть жить в месте приписки.

Явное противоречие между правом повсеместного жительства и вышеуказанным ограничением требовало дополнительных разъяснений. Такое «разъяснение» в 1914 году сделал исполнявший должность Енисейского губернатора Б.П. Писаренков: «...домогательства некоторых евреев о признании за ними права на повсеместное проживание в Сибири в силу того или другого привилегированного их положения не должны быть принимаемы во внимание».¹³⁶

Окончательно определившись с тем, что право свободного передвижения по Сибири для еврея более недоступно, власть задалась вопросом, что же все-таки считать местом его поселения. На протяжении нескольких лет сибирская черта оседлости подвергалась трансформации, то не выходя за пределы города или селения, то расширяясь до волости, а позже до округа или уезда, являвшегося местом приписки каждого конкретного еврея.¹³⁷

В соответствии со статьями 327, 333, 423 и 424 Устава о ссыльных, статьей 4 Устава о паспортах издания 1890 года, статьей 2 Положения о видах на жительство от 3 июня 1894 года и утвержденного Приамурским генерал-губернатором журнала общего присутствия Забайкальского Областного управления от 18 августа 1893 года местом оседлости следовало считать: «для мещан – город, посад или местечко, к мещанскому или ремесленному обществу которого они причислены, а для ссыльнопоселенцев и крестьян – волость, в коей они приписаны».¹³⁸ Характерно, что и в этом вопросе законодательная инициатива Петербурга дополнялась (а то и предварялась) законотворчеством местной власти, которая считала себя вправе восполнять недостаток существующих законов различными поста-

новлениями и циркулярами. В частности, уже упоминаемое нами решение Иркутского губернского совета, принятое в октябре 1891 года, ограничивало черту постоянной оседлости евреев исключительно местом их поселения (записи в ревизские книги). При этом оно ссылалось на статью 2 Устава о паспортах, «по силе коей постоянным местом жительства считается то место, где кто был записан в книгах городских или ревизских...».¹³⁹

Примером следования центральных органов в русле местного законодательства могут служить решения по еврейскому вопросу Хабаровской комиссии, назначенной Приамурским генерал-губернатором Гродековым после объезда края в 1899 году. Протоколом заседания комиссии от 24 сентября 1899 года зафиксировано, что местом причисления каждого еврея следует считать: для мещан - город, посад или местечко, к мещанским или ремесленным обществам которых они приписаны, а для ссыльнопоселенцев и крестьян – волость, к которой они приписаны, и что еврей-ссылные и их потомки не имеют права на свободное переселение из одного места в другое. Назначение мест причисления для ссыльных евреев принадлежит местному начальству, и хотя евреи могут ходатайствовать перед последним об их изменении, окончательное решение зависит от усмотрения начальства. Предусматривалось, что перечисление в пределах области входит в компетенцию губернатора, а из одной области в другую евреи перечисляются по соглашению губернаторов и с утверждения генерал-губернатора.¹⁴⁰ Считая, что «допущение полной свободы передвижения противоречило бы основному закону об ограничении пребывания евреев в Сибири, а с другой стороны, безусловное воспрещение выезда из мест причисления было бы напрасным и вредным стеснением, комиссия полагает возможным применить к потомкам ссыльных евреев порядок разрешенных отлучек, установленный для ссыльнопоселенцев: 1 неделя – волостные правления, мещанские управы, 6 недель – городские и окружные по-

лицейские управления и до 6 месяцев – губернатор. Отлучки в течение года не должны превышать 6 месяцев».¹⁴¹

Этот порядок не имел законных оснований, как и само назначение комиссии с предоставлением ей прерогатив «по обсуждению вопроса о правах на жительство, перечисление и отлучки евреев». Она не была законодательным органом, и все циркуляры, протоколы и постановления, исходящие от нее и от других организаций, не имеющих законодательных прав и полномочий, по идее должны были быть признаны незаконными. Тем не менее они приобретают силу закона, входят в сенатские решения и указы и строго соблюдаются.¹⁴² Не законодательные органы страны нормируют законодательство о евреях, а местные власти диктуют законодательные положения, которые вопреки самым очевидным нарушениям покорно принимаются и закрепляются Сенатом. Но поскольку, как уже говорилось выше, наиболее существенные законы, ограничивающие права евреев, с 80-90-х годов проходили не в законодательном порядке, а через Комитет Министров как законы «временные», никаких возражений это не вызывало.

«Прикрепление» евреев к городу или волости тормозило экономическое развитие края, и постепенно сибирская администрация начинает понимать ущербность политики тотального притеснения. В телеграмме в Хабаровск военный губернатор Забайкальской области И.П. Надаров предлагал считать местом оседлости евреев в Сибири уезд, т.к. город, волость – слишком ограничительное толкование. Такого же мнения придерживался Иркутский губернатор Моллериус, оговаривая при этом запрещение нового наплыва евреев из Европейской России и переездов из уезда в уезд.¹⁴³ Весьма обстоятельно по вопросу, что же считать чертой оседлости сибирского еврея, в письме в Министерство внутренних дел высказался Иркутский генерал-губернатор А.И.Пантелеев: понимание «места оседлости» в самом узком ограничительном смысле (города или селения) «представляется нежела-

тельным и ведет к невозможности осуществления евреями даже тех ограниченных прав, которые прямо предоставлены законом. К тому же это не приносит пользы и по отношению к занятию золотопромышленностью». Необходимость получения торговых удостоверений для выезда на собственные торговые предприятия, находящиеся вне мест причисления, затрудняли развитие торговли, от чего страдало местное население. По мнению генерал-губернатора, документы по торговым делам можно было выдавать лицам торгового сословия бесконтрольно.¹⁴⁴

Первый Указ Сената, расширяющий границы черты еврейской оседлости в Сибири от города и волости до округа или уезда, датируется 14 апреля 1900 года. В дальнейшем следующие один за другим документы - решение Правительствующего Сената 7 ноября – 19 декабря 1901 года № 10773, Указ от 8 февраля 1902 года, определение I Департамента Правительствующего Сената от 27 февраля 1902 года, от 4 октября 1903 года № 9590 на имя Томского губернатора, от 17 ноября 1903 года, от 22 марта 1907 года № 3283, от 6 сентября 1907 года № 8920, от 1 мая 1908 года уже по рапорту Иркутского генерал-губернатора – подтвердили: «В Сибири место причисления еврея есть место постоянного его жительства и потому тот округ, в котором еврей приписан, представляется для него чертой оседлости».¹⁴⁵ Тем не менее сибирские губернаторы, не рассчитывая на четкость в этом вопросе, перестраховывались, при малейшем сомнении уточняя границы сибирской «черты». Даже в 1903-1904 годах на губернаторском уровне постоянно обсуждалось, что все-таки подразумевать под местом приписки – город или уезд - и следует ли считать чертой еврейской оседлости не административный округ (уезд), а округ приписки, то есть волость или город, в котором евреи приписаны.¹⁴⁶

Сомнения становятся понятными, если учесть, что при интенсивности и запутанности еврейского законодательства законодатель и сам иной раз забывал о собственных недавно принятых законах, и один и тот же доку-

мент получал различное толкование даже в высших правительственных учреждениях. Пожалуй, самым показательным примером может служить дело Бляхмана, желавшего выехать за пределы своего города. Указом от 17 февраля 1905 года Сенат определил, что место его причисления – город или селение, «и к территориальному расширению этих мест до размеров округа или уезда никаких законных оснований не представляется». И только после напоминания Иркутского генерал-губернатора Сенату, что согласно его же определению 7-19 декабря 1901 года местом жительства еврея в Сибири считается территория округа или уезда, в котором находится место его приписки, законодатель отозвал свой предыдущий Указ, разъяснив, что «место жительства еврея в Сибири действительно округ или уезд, и указу по делу Бляхмана как сепаратному не может быть придаваемо значение руководящего разъяснения».¹⁴⁷ Самым интересным в этом деле является то, что и в первый и во второй раз при принятии решения Сенат опирался на один и тот же документ – дело Мариупольского, трактуя в одном случае «черту специальной оседлости» как округ (уезд), в котором еврей приписан в Сибири, а в другом – как «место настоящего жительства, к территориальному расширению которого до размеров округа или уезда никаких законных оснований не представляется».¹⁴⁸ Местная администрация в случае затруднения предпочитала «сузить» границы черты оседлости. В частности, Иркутский генерал-губернатор П.И. Кутайсов счел решение Сената по делу Бляхмана от 17 февраля 1905 года более точно основанным на законе.¹⁴⁹

Подобная ситуация повторилась в 1912 году при рассмотрении Правительствующим Сенатом дела Реновых, ходатайствующих о разрешении переезда из деревни Мазульской Ачинского уезда в сам Ачинск. Опираясь на то же дело Мариупольского, Правительствующий Сенат разъяснил Енисейскому губернскому правлению, что местом постоянной оседлости евреев следует считать место настоящего их жительства, и что ни губерния, ни

тем более совокупность губерний не подходит под определение «места жительства». Напоминанием Енисейского губернатора Я.Д.Бологовского о том, что по Указу того же Правительствующего Сената от 29 сентября 1908 года пределами свободного проживания евреев в Сибири вновь был признан округ или уезд, в котором находится место приписки, законодатель, по-видимому, ничуть не смутился. Запрет переезда Абрама, Вениамина и Фридмана Реновых был одобрен Государственным Советом и санкционирован императором, после чего окончательно запутавшийся Енисейский губернатор потребовал от окружного суда приостановки дела о выселении Реновых из Ачинска в связи с необходимостью дополнительного разъяснения, а Иркутский генерал-губернатор отправил запрос в Министерство внутренних дел.¹⁵⁰ Ответ из Министерства гласил: «...имея в виду, что коренная ломка уже установившейся практики в разрешении прав сибирских евреев на передвижение в пределах уезда и сопряженное с этим массовое выселение евреев в пункты их приписок вызовет нежелательное осложнение и даже явится мерою нецелесообразною, Министерство не встречает препятствий к тому, чтобы при определении прав евреев на жительство...местная администрация и впредь руководствовалась Указом Правительствующего Сената от 29 сент. 1908 г. за №11989». На полученном письме торжествующий Я.Д.Бологовской оставляет пометку: «Из сего видно, насколько я был прав».¹⁵¹ Однако радоваться нечему. Разнобой в законодательстве, когда последнее слово остается даже не за императором или Государственным Советом, а любым чиновником, на стол которого в нужный момент ляжет соответствующее прошение, становится нормой. Газета «Восточное обозрение» прокомментировала ситуацию: «...ввиду возможности толкования общих законоположений о евреях в том смысле, что местом оседлости должно считаться место приписки, также применяется... «поставление в известность» и назначение сроков пребывания. Однако вопрос о том, должно ли считать причисление создающим право на

оседлость в пределах всей губернии или только округа, волости, а может быть, даже селения, куда тот или иной еврей причислен, или это право распространяется на генерал-губернаторство и всю Сибирь, ...остается пока открытым».¹⁵² Иркутский генерал-губернатор А.И. Пантелеев, указывая на излишне свободную трактовку «черты оседлости» – от города или селения до губернии или области, - обращает внимание на неустойчивость правового положения евреев в Сибири.¹⁵³ Даже Департамент полиции в некоторых случаях оправдывал пребывание евреев в местах, где им жительство не положено, неопределенностью законоположений, допускающую самое разнообразное их толкование.¹⁵⁴

Черта оседлости вошла в быт сибирских евреев с еще более жесткой формулировкой, чем в западных губерниях, фактически прикрепив каждого конкретного еврея к волости (позже уезду), покидать который он не мог без специального разрешения. «Сибирским евреям отпускается меньшая доза свободы передвижения чем та, которой закон наш предоставляет преступнику, - отмечали современники. - Сибирский еврей не может по своему желанию приискать место приписки. Он не имеет права отлучаться из места приписки. Даже на самые кратковременные сроки он может отлучиться не иначе, как с разрешения местного начальства, которое требует от него заблаговременного указания пункта отправления, на какое время и для какой надобности. Он отдан всецело в распоряжение и под гласный надзор местной власти, без усмотрения и решения которой он не может совершить ни одного шага».¹⁵⁵ Даже Иркутский губернатор Моллериус и Иркутский генерал-губернатор Пантелеев отметили парадоксальность ситуации: по мере приближения к свободному состоянию, то есть приписываясь к сельским или городским обществам, евреи получают меньше прав на свободу передвижения по Сибири, чем будучи ссыльными, которые с разрешения начальства могли отлучиться на заработки.¹⁵⁶

Постепенное расширение понятия «черты оседлости» от отдельного населенного пункта до округа или уезда было прежде всего продиктовано той экономической ролью, которую играли евреи в крае. Востребованные Сибирью как колонизаторы, как незаменимое связующее звено между городами, с одной стороны, и глухими таежными поселками, приисками, инородческими селениями – с другой, евреи, прикрепленные к месту, не смогли бы выполнять объективно закрепившиеся за ними функции. Экономическая активность, ставшая причиной ограничения «жизненного пространства» евреев в Сибири, по иронии судьбы способствовала и его расширению. Объясняя постоянное стремление евреев обойти закон их прикреплением, обрекающим на бедность, генерал-губернатор Пантелеев предлагал дать им право свободного передвижения по губернии или области.¹⁵⁷ Однако на столь радикальное расширение границ черты еврейской оседлости законодатели не решились.

С окончательным установлением сибирской «черты» процедура получения разрешения на выезд по делам представляла собой длинную цепочку прошений и уведомлений: проситель обращался к городскому старосте или волостному старшине, который ставил в известность об этом желании уездного начальника, после чего прошение отправлялось в область к губернатору. По получении резолюции бумаги путешествовали по тем же инстанциям в обратном порядке. Нередко это «хождение» предпринималось по второму кругу, когда областным чиновникам казалось, что сведений для выдачи разрешения или отказа в таковом недостаточно. Последствия такой практики были тяжелы даже для хорошо отлаженной бюрократической машины империи: поток прошений буквально захлестывал губернаторские канцелярии. Военный губернатор Забайкальской области И.П. Надаров, к примеру, вынужден был разослать уездным начальникам и полицмейстерам области циркуляр следующего содержания: «Многие евреи обращаются непосредственно ко мне с ходатайством о разрешении им

отлучек с мест приписки. Прежде чем удовлетворить означенные ходатайства, приходится требовать от местной полиции необходимые справки, вызывая этим излишнюю переписку и замедляя разрешения ходатайств. В устранение сего поручаю гг. Уездным начальникам объявить всем евреям, чтобы они с ходатайствами о разрешении отлучек из мест оседлости обращались к надлежащим уездным начальникам с указанием, куда они желают отлучиться и для какой надобности.¹⁵⁸ Подобное распоряжение отдавал и Енисейский губернатор.¹⁵⁹ Призванный ослабить бумажный поток циркуляр эффекта не имел. Привычка обращаться с прошениями на самый «верх» в надежде, что там вопрос скорее получит желаемое разрешение, имеет глубокие корни: число прошений в адрес губернаторов не уменьшилось. Спустя несколько лет военному губернатору Забайкальской области пришлось вновь разослать такой циркуляр – на этот раз с требованием, чтобы каждому еврею об этом было объявлено под расписку.¹⁶⁰

Надо сказать, некоторые из них и не обременяли себя и администрацию прошениями и уезжали по делам самовольно. Так же поступали и получившие отказ. «Охота» на каждого исчезнувшего в никуда еврея становилась похожей на фарс. «Пропажа» 75-летней Этны Франкфурт из Красноярска подняла по тревоге всю красноярскую полицию, которая два месяца разыскивала ничего не подозревающую старушку. Красноярский уездный исправник получил от губернатора серьезную взбучку за недогляд: мало того, что Франкфурт самовольно выехала в Енисейск без надлежащего разрешения, так еще и не была выдворена оттуда и не привлечена к ответственности за самовольную отлучку. Как оказалось, заскучавшая по внукам нарушительница по старости и неграмотности даже не представляла, что на выезд из города требуется какое-то особое разрешение.¹⁶¹

Что же касается прошений об оставлении в нынешнем месте жительства, то они рассматривались в каждом случае особо. При принятии решения обращалось внимание на давность жительства просителя, наличие недви-

жимости, семьи и своего дела, наконец, пресловутую «полезность». Обладающие всем этим имели больше шансов остаться в месте своего нынешнего жительства, хотя реакция властей на экономическую состоятельность еврея была непредсказуемой. Баргузинский окружной начальник, например, возможность оставить в Баргузине одесского мещанина Мордуха Левитина мотивировал наличием «отрицательных для еврея качеств: смирен, беден и не способен к наживе».¹⁶²

«Индивидуальный подход» мы хотим продемонстрировать на примере семьи Сегельманов. Глава семейства Хаим Сегельман был искусным токарем, имевшим удостоверение мастера токарного дела ремесленного цеха города Пружаны Гродненской губернии. В начале 70-х годов XIX века он поселился в Верхнеудинске, работал по специальности и даже выполнил заказ для Спасской церкви, о чем имел свидетельство ее настоятеля. Военный губернатор Забайкальской области Педашенко разрешил ему постоянное проживание в городе, но Сегельман переселился в Иркутск, открыл там мастерскую и получил удостоверение ремесленной управы. Однако по закону о сибирской черте оседлости он должен был в шестинедельный срок покинуть город. Сегельман ходатайствовал о разрешении остаться в Иркутске, приводя в качестве аргумента дарованное ремесленникам право повсеместного жительства и циркуляр Министерства внутренних дел от 3 апреля 1880 года о невысылке евреев, поселившихся до этой даты. Однако Иркутский губернский совет сослался на то, что право повсеместного жительства, зафиксированное примечанием к статье 283 XIV тома Устава о паспортах по продолжению 1886 года, в Сибири применения не имеет, а циркуляр МВД относится только к внутренним губерниям – в том случае, если еврей прибыл туда из черты оседлости (хотя это нигде не оговорено). И только после его прошения на имя Иркутского генерал-губернатора высылку приостановили.¹⁶³ Сын Сегельмана Вульф, тоже токарь, подлежал высылке к месту причисления. Но за него вступились местные жители, на-

писав, что «названный Сегельман по своей честности, добросовестности, отличном поведении и знании своего ремесла крайне необходим при выполнении частных и казенных заказов», и просили оставить его на год. К прошению было приложено свидетельство инженера-архитектора барона Розен о том, что при руководимых им постройках в городе Иркутске с 1880 по 1892 годы Сегельман исполнял деревянные токарные работы всегда тщательно и добросовестно, и удостоверение обывателей Иркутска, что Сегельман «поведения безукоризненного трезвого...и как обремененный значительным семейством снискивает себе пропитание единственно усиленным трудом по своему мастерству». Иркутское губернское правление признало ходатайство заслуживающим внимания и оставило Сегельмана в городе более чем на год.¹⁶⁴ Брат Вульфа, второй сын Хаима Сегельмана, Зелик тоже просил приостановить его высылку из Иркутска, указав, что он отбыл воинскую повинность, а до службы в армии тоже занимался токарным делом и хлебопашеством. Однако его обязали немедленно выехать из Иркутска, поскольку он как отслуживший службу по новому уставу о воинской повинности права повсеместного жительства не имеет. Местом его жительства определили волость или город, где он состоит на причислении.¹⁶⁵ По-видимому, в Верхнеудинск выехал и Вульф, потому что позже его имя встречается в среде местного купечества.

Решения о выселении или оставлении на месте принимались произвольно, в меру своего разумения. Даже Правительствующий Сенат порекомендовал Иркутскому губернскому совету руководствоваться законом, а не собственными постановлениями, ранее того состоявшимися.¹⁶⁶ Пользуясь неразберихой в законодательстве и лихоимством сибирских чиновников, сибирские евреи годами жили вне мест причисления. (Табл. 1). Иркутский генерал-губернатор А.И.Пантелеев в докладе в Министерство внутренних дел пытался оправдать сложившуюся ситуацию «очень сильной потребностью передвижения у евреев, несмотря на самые настоятельные меры к

воспрещению такового» и «бессилием местной администрации бороться с вызываемыми насущной потребностью отлучками евреев».¹⁶⁷

Военный губернатор Забайкальской области Мациевский в циркулярном письме окружным начальникам и полицмейстерам показал механизм приобретения ссыльными евреями и их детьми жительство за чертой своей оседлости. Получив билеты на отлучку из мест водворения, они прибывают на жительство в города или в более населенные торговые селения, приобретают там дома, заводят торговлю и в случае их обнаружения «домообзаводство и торговлю выставляют причиной невозможности немедленного выезда в свои волости, возбуждая по этому поводу большую переписку во всех инстанциях». Указав на недопустимость выдачи волостными правлениями и отдельными сельскими обществами билетов на отлучку ссыльно-поселенцев–евреев, губернатор пригрозил чинам полиции и волостным управам ответственностью по всей строгости законов.¹⁶⁸ Однако евреи продолжали нарушать «черту оседлости», что периодически вызывало по отношению к ним репрессивные меры.

Сибирская еврейская история знает три крупные волны выселения евреев, имеющих безусловное право жительство в регионе. Первая связана с принятием закона 12 июня 1860 года, согласно которому евреям запрещалось селиться на 100-верстном расстоянии от китайской границы и вообще с не подвластными России народами. Касающийся поначалу только пограничной полосы в Омской области, закон распространил этот запрет на всю территорию Сибири.¹⁶⁹ К тому же его первоначальной целью был запрет на поселение в 100–верстной полосе только ссыльных евреев, что оговаривалось статьями 263 и 729 Устава о ссыльных по продолжению 1876 года.¹⁷⁰ Но Указом Общего собрания 22 мая 1887 – 29 сентября 1889 года по делу Побержанского и 26 апреля 1896 года по делу Мариупольского он распространился «на потомков ссыльных и вообще на евреев, водворенных в Сибири, но не обладающих какими-либо особыми правами». Иуда По-

бержанский, нерчинский купец, который вел торговлю в приграничной зоне, распоряжением генерал-губернатора Восточной Сибири не получил торговых документов на следующий год.¹⁷¹ Рассмотревший его дело Правительствующий Сенат признал действия Главного начальника края правильными, поскольку «цель закона именно в том, чтобы сделать недоступной для евреев вообще 100-верстное расстояние от границы, а не в том, чтобы установить в этом отношении изъятия для каких-либо евреев». ¹⁷² И хотя I Департамент Сената, видимо, опять забыв о собственном решении, Указом от 25 января 1902 года по делу Шварцберга вновь разъяснял, что запрещение поселять евреев в 100-верстной пограничной полосе относится лишь к ссыльным¹⁷³, сибирская администрация по традиции в случае сомнений в трактовке документов предпочла ограничительное толкование, распространив его на всех евреев. Журналом Совета Главного управления Восточной Сибири еще 23 марта 1883 года было разъяснено, что это запрещение распространяется и на рожденных в Сибири, и на пришедших туда за ссыльными родителями «...или в видах предупреждения вредного со стороны их путем эксплуатации влияния на местное население...или же... в видах предупреждения контрабандного через границы провоза товаров, к чему так склонно еврейское племя. В данном случае не подлежит сомнению, что ограничение места оседлости евреев в Сибири расстоянием не ближе 100 верст от китайской границы установлено в видах предупреждения со стороны их сбыта за китайскую границу хищнического золота и вообще контрабанды. Поэтому, если эта мера признается законом целесообразною в отношении евреев поселенцев...то естественно в тех же видах она должна быть распространена и на детей их».¹⁷⁴

В 1890 году закон окончательно приобрел расширительное толкование, сводившееся к тому, чтобы сделать 100-верстную полосу «зоной, свободной от еврейского элемента». Военный губернатор Забайкальской области Е.О.Мацевский жестко и категорично указывал окружным начальникам,

полицмейстерам и горным исправникам на полное воспрещение евреям «не только водворения на постоянное жительство, но даже и временного пребывания в 100-верстном расстоянии от Китайской границы».¹⁷⁵ На пребывание там получили право только отслужившие полный срок службы по рекрутскому уставу вместе с потомками, причисленными к обществам вне черты еврейской оседлости, а позже участники боевых действий на Дальнем Востоке (русско-японской войны и подавления «боксерского» восстания в Китае в 1900 году), а также поселившиеся «в полосе» до обнародования закона евреи и их потомки - и то лишь в местах своего причисления, что было льготой весьма относительной. К примеру, акшинскому купцу Ионе Бронштейну, родившемуся в 100-верстной полосе до публикации закона и в течение 20 лет беспрепятственно жившему в приграничной станции Мангутской, разъяснили, что «в 100-верстной полосе он имеет право пребывания только в месте причисления - городе Акше - без права выезда из оно́го» даже на принадлежащие ему Илинские прииски. «Как бы узко ни толковать мое право проживания, - писал Бронштейн военному губернатору области, - то, смею думать, нельзя предполагать, чтобы оно ограничивалось исключительно одним пунктом места приписки». Однако вердикт военного губернатора был жестким: жительство купца Бронштейна, причисленного к Акше, должно быть ограничено одним этим городом. Следовательно, он не имеет права владения находящимися за его пределами приисками. Если бы не справка начальника Иркутского горного управления, что прииски Бронштейна находятся в 112 верстах от границы, в местности, разрешенной евреям для занятий золотым промыслом, Бронштейну, три года боровшемуся за право владеть собственными приисками, пришлось бы с ними расстаться.¹⁷⁶

При полной неразберихе в документации решение иногда зависело от настроения или даже каприза того, кем оно принималось. Крестьянин Бальзинского селения Читинского округа Исай Троицын в своем прошении

доказывал, что его отец Лейба Троицын был приписан к селению указом Забайкальского областного правления от 24 марта 1860 года, то есть до издания закона. В распоряжении военного губернатора оказались три документа: справка Бальзинского сельского старосты о причислении Троицына 12 января 1861 года, справка Тыргетеувского волостного правления о причислении 24 марта 1860 года и подпись Усть-Илинского волостного правления о причислении Троицына 27 августа 1860 года. Судьба Троицына оказалась между двумя первыми документами: один лишал его права жительства в селении, где он родился, второй это право давал. Военный губернатор руководствовался третьим.¹⁷⁷ Поскольку Забайкальское областное правление получило закон только в декабре 1860 года, с этого времени он и вошел в силу. Троицыну повезло, но так везло не всем.

В своем запрете местные власти руководствовались Высочайшим повелением 19 декабря 1824 года, сделанным Александром I после путешествия «по хребту Уральскому». Согласно Указу евреям было запрещено пребывать на казенных и частных заводах, состоящих в горном ведомстве. На нем был основан циркуляр Восточно-Сибирского губернатора графа Муравьева от 22 ноября 1858 года «о недозволении евреям свободного состояния пребывания на сереброплавильных заводах и золотых промыслах ни проездом ни жительством», окончательно сделавший горные промыслы заповедной для евреев, вернее, от евреев, зоной. Но, во-первых, Указ никогда не был обнародован в установленном порядке, а всего лишь сообщен министром финансов начальникам Уральских казенных горных заводов при секретном предписании, хотя по установленному порядку министры не могли привести законы в действие, не предъявив Сенату и не получив от него указа для дальнейшего распоряжения.¹⁷⁸ Во-вторых, из императорского Указа не совсем ясно, относится ли запрет только к заводам Урала или распространяется на все горные заводы кабинета, что в последующем породило разногласия в его толковании. Наконец, запрет пребывания евре-

ев на частных золотых промыслах породил курьезную ситуацию, на что указал военный губернатор Забайкальской области Я.Ф.Барабаш, потому что некоторые из евреев сами этими промыслами и владели.¹⁷⁹ 30 апреля 1886 года Правительствующий Сенат по жалобе томского купца Гудовича определил, что запрещение евреям не только жительства, но даже кратковременного пребывания на казенных и частных заводах Уральского хребта относится лишь к этим заводам и, так как законы должны быть исполняемы по точному и буквальному их смыслу, то данное ограничение не должно распространяться на Алтайский горный округ, о котором вовсе не упомянуто в Указе.¹⁸⁰ Правовая основа для закона исчезла, но сам он остался. Местная власть объясняла свои ограничительные действия даже в противовес мнению Сената стремлением пресечь провоз через границу контрабандных товаров и похищенного с приисков золота. Приамурский генерал-губернатор барон Корф в письме в Министерство внутренних дел предлагал не только запретить евреям проживать в 100-верстной полосе, но даже выдавать заграничные паспорта на отлучку в Китай, мотивируя предложение «жалобами на эксплуатацию евреями местного населения и на разные их незаконные действия, в том числе на покупку хищнического золота и контрабандную торговлю». На необходимости применения этой меры как весьма полезной «ввиду того, что присутствие еврейского элемента... в местах производства золотого и серебряного промыслов, несомненно, вредно отражается как на самом этом промысле, так и на горнозаводском населении», настаивали и другие чиновники.¹⁸¹

Кампания по выселению евреев из 100-верстной полосы в конце 80-х – начале 90-х годов XIX века была, пожалуй, наиболее массовой и жестокой. Меры «неукоснительного соблюдения закона» конкретно не оговаривались, но подразумевались. Во всяком случае, Нерчинско-Заводской окружной начальник в сентябре 1891 года в ответ на свое прошение «...не отказать в указании – какие принудительные меры могут быть приняты

полицией в отношении евреев, уклоняющихся от выселения из 100-верстного района от Китайской границы», получил резолюцию военного губернатора Забайкальской области Хорошхина, развязывающую руки и поощрявшую любую форму принуждения: «Выражение «мерами полиции», конечно, обозначает принудительную меру, а потому, полагаю, что проектируемые меры Г. Нерчинско-Заводским окружным полицмейстером вполне разработаны». ¹⁸²

Только в Верхнеудинском округе Забайкальской области оказалось 87 селений, расположенных в 100-верстной полосе. Более чем в 30 из них жили евреи. Под выселение в округе попали 29 семей. ¹⁸³ Сотни человек жили и в приграничных селениях Читинского округа, особенно в районе Карийских золотых промыслов. Срочно продавая свой бизнес, оставляя прииски, сворачивая торговлю, за бесценок расставаясь с нажитым, евреи терпели огромные убытки, из более или менее состоятельных разом превращались в людей бесприютных и без средств к существованию. Из-за контрактов, расторгнутых в одностороннем порядке, им приходилось платить громадные неустойки, причем все уже затраченное им не возвращалось. Однако сибирская администрация оставалась непреклонной. ¹⁸⁴ По масштабам выселения Ю. Островский приравнивал облавы в Забайкальской области к Киевским. ¹⁸⁵

Привилегированным в отношении жительства евреям не разрешалось оставаться в 100-верстной полосе на основании того, что «последующий закон отменяет силу предыдущего». Даже крупные золотопромышленники, «первогильдейцы» отнюдь не были застрахованы своим богатством от выселения с собственных приисков. Во избежание убытков им рекомендовали продавать их русским купцам, дав на устройство дел два года. ¹⁸⁶ В лучшем случае владельцы приисков при «одобрительном поведении» могли получить разрешение их посетить. ¹⁸⁷ Еврейских купцов не пускали на ярмарки в 100-верстной полосе, и побывать на них они могли только с

персонального разрешения Министерства внутренних дел.¹⁸⁸ Золотопромышленнику Фиселю Рифу, имеющему казенные подряды и состоящему в I гильдии 10 лет, разрешили иметь свое пароходство на Амуре и Шилке с условием, чтобы все служащие пароходства были русскими. А Мейеру Вайзерову особая комиссия отказала в свидетельстве на звание командира парохода, хотя он прослужил 25 лет - матросом, боцманом, заведующим Кокуйским складом по отправке железнодорожных грузов, а в навигацию 1898 года был командиром парохода «Зея», успешно сдал экзамен и получив звание командира с подписью «без права плавания по рекам Амурского бассейна в 100-верстной полосе от китайской границы». Дальнейшее плавание Вайзерову при самой лестной характеристике его деловых качеств военный губернатор Забайкальской области запретил.¹⁸⁹

Выселяемые пытались отстаивать право остаться в запретной зоне, где они уже имели налаженный быт и торговые связи, с помощью прошений в разные инстанции: 1886-1890 годы отмечены валом ходатайств «приграничных» евреев, полных мольбы и отчаяния. «...это выселение лишило меня всех человеческих прав, лишило звания, лишило места причисления. Кто такой я теперь? где я должен проживать?...Всюду, куда бы я ни прибыл, я ровно библейский Агасфер слышу за собой голос: «Иди», «Иди», но куда? за что? мне не разъяснено...».¹⁹⁰ Это строки из прошения Хаима Клеймана, который вначале был выселен из селения Хилкотойского, где занимался торговлей и земледелием, в место своего причисления – село Коротковское Забайкальской области, а затем и оттуда, поскольку Коротковское попало в 100-верстную полосу. С жалующимися разбирались сообразно «памятке», что «100-верстная полоса не должна быть доступна евреям вообще».¹⁹¹

Одним из наиболее часто применяемых способов отстаивания своих прав была перемерка расстояния до границы. Она давала, по крайней мере, выигрыш во времени, а иногда и результат, как в случае с Бронштейном,

тем более что в законе не было прямого указания, как это делать. Приамурский генерал-губернатор, признавая, что «вопрос этот имеет практическое значение», даже изложил собственные соображения: мерить расстояние по маршруту дорожного сообщения, так как при описании по масштабу не принимаются во внимание неровности почвы и тем самым действительное расстояние значительно сокращается. К тому же тропы, по которым не проехать экипажу, вовсе не препятствие для ходьбы пешком или проезда верхом в Забайкалье, где верховая езда едва ли не преобладающий способ передвижения.¹⁹²

Архивные документы зафиксировали факт найма евреями Усть-Кары за 200 рублей землемера для перемерки расстояния от Усть-Карийского и Шилкинского селений до границы, поскольку по списку, составленному с карты областным забайкальским землемером, Усть-Кара значилась на расстоянии 78 верст, а по донесению Нерчинско-Заводского полицейского управления в 1884 году – более, чем 150 верст.¹⁹³ (Они не знали, что Усть-Кара и Шилка попали под Указ 19 декабря 1824 года, и даже расстояние до границы, превышающее 100 верст, ничего бы для них не изменило).¹⁹⁴ Промерить расстояние землемеру не удалось из-за поломки инструмента, и он возвратился в Читу, отложив свою миссию до весны 1890 года. А в апреле землемер отрапортовал, что «...ввиду состоявшегося в марте месяце распоряжения...о выселении из Усть-Кары всех проживавших там евреев вполне миновала надобность в производстве землемерных работ».¹⁹⁵ Позже и Шилкинское волостное правление донесло, что в Усть-Карийском селении никаких евреев не проживает.¹⁹⁶ Власти оказались расторопней землемера.

Запрет селиться в 100-верстной полосе резко увеличил спрос на заграничные билеты - только таким образом можно было туда попасть. А оказавшись в запретной зоне, евреи старались там задержаться подольше. Военный губернатор Мациевский в письме Приамурскому генерал-

губернатору Духовскому даже предлагал в целях борьбы с «некрасивыми инстинктами, всегда приуроченными к каким-либо гешефтам», отказать евреям в выдаче паспортов для поездки в Китай и Монголию. Однако Духовской ответил, что запрещение выдавать забайкальским евреям паспорта для отлучки в Монголию было бы так же незаконно, как и отказ в выдаче таких паспортов русским, что закон не запрещает переезд пограничной полосы евреям, направляющимся за границу, и даже напротив, выдача евреям паспортов даст возможность полиции более тщательно следить за их передвижениями по Забайкалью до Монголии и при случае конфисковать вывозимое за границу золото.¹⁹⁷ Защищая свой бизнес, евреи наведывались на свои прииски тайком. Губернаторы отмечали случаи нахождения евреев в 100-верстной полосе под предлогом заграничной торговли без взятия торговых свидетельств и даже беспрепятственного там проживания без каких бы то ни было предлогов.¹⁹⁸

При проведении кампании выселения из 100-верстной полосы, как и во всех последующих подобных кампаниях, судьба каждого еврея, подлежавшего выселению, решалась из расчета «экономической целесообразности» – какую пользу он мог принести. Показателем прагматизма властей в этом вопросе может служить телеграмма Приамурского генерал-губернатора Гродекова от 22 мая 1898 года, разрешающая временное пребывание на строительстве железной дороги евреям, имеющим подряды на постройку, до окончания контрактов. Разрешение последовало после заявления начальника работ по постройке железной дороги, что при удалении евреев со строительства оно будет просто парализовано, так как «в некоторых местностях Забайкалья не имеется вовсе предпринимателей, желающих взять ту или иную поставку для железной дороги, кроме евреев». Но после окончания оговоренных контрактами работ их выселяли без промедления, а начальникам участков предписывалось до заключения контрактов связываться с областным правлением, которое и будет определять, имеет

ли тот или иной еврей здесь право на жительство и стоит ли заключать с ним контракт.¹⁹⁹

Нам удалось найти всего один факт сопротивления провинциального чиновника несоответствию исходящих из Петербурга предписаний существующему законодательству. В 1894 году Забайкальский областной прокурор в своем мнении, изложенном военному губернатору Забайкальской области, настаивал на праве дальнейшего жительства в приграничной Кяхте аптекарского помощника Кивы Рабиновича, ибо «аптекарские помощники имеют право повсеместного жительства в Российской империи, и Государев закон никакими циркулярами и отдельными распоряжениями исполнителей Воли Его отменяем быть не может».²⁰⁰

Цель ограничения пребывания евреев в пограничной полосе достигнута не была. Удаление отсюда евреев отнюдь не повлияло на ослабление контрабандного промысла. Министерство внутренних дел и Министерство финансов, признав, что контрабанда не является специфическим еврейским злом, внесли в Государственный Совет законопроект об отмене запрета жительства евреев в 50-верстной полосе от западной границы, который был принят 7 июня 1904 года. Однако на существовании 100-верстной полосы это никак не отразилось.

С разрешением свободного обращения золота закон вообще потерял всякий смысл, поскольку принимался как раз для пресечения его нелегального вывоза, а допущение евреев на линию КВЖД и вовсе лишило его всякого намека на логику. Зато опасения «исполняющего должность» Приамурского генерал-губернатора Беневского, что из-за запрета проживания евреев на приисках в 100-верстной полосе они прекратят золотодобычу, что приведет, с одной стороны, к их разорению, а с другой – к сокращению золотопромышленности в Забайкальской области,²⁰¹ полностью оправдались. Массовое выселение евреев из приграничной полосы не только разорило сотни еврейских семей, но и нанесло непоправимый урон местной

экономике: золотые прииски Чикойской системы в Забайкальской области, владельцами которых, главным образом, были евреи, пришли в полное запустение. Выселение евреев оказалось чревато последствиями и для тех, кто был связан с ними долгосрочными экономическими отношениями. В частности, в 1889 году при сильной засухе в Верхнеудинском и Селенгинском округах Забайкальской области значительные запасы хлеба оказались именно у евреев, подлежащих выселению по закону о 100-верстной полосе.²⁰²

Вторая волна выселений относится к 90-м годам XIX века, когда состоялось окончательное прикрепление сибирских евреев к черте их оседлости. В это время наблюдается массовое переселение евреев из мест, где они провели с ведома администрации большую часть жизни, обжились, имели свое дело и недвижимость, в места их приписки, о чем уже частично говорилось выше. Например, по циркуляру от 14 января 1893 года, согласно которому удалялись не только не имеющие права жительства в Сибири евреи, но и сибиряки, живущие вне мест приписки, только в Иркутске попало под выселение 50 семей (225 человек). Почти половина из них имела так называемое «домообзаводство», то есть недвижимость: дома, мукомольные мельницы. 11 семей жили к этому времени в Иркутске от 10 до 20 лет, а 5 семей - более 20 лет. Прошения подали практически все. Было решено из всех просителей 27 семей выслать, 18 – оставить на усмотрение губернского правления (8 из этих 18 выслали), три семьи оставить, высылку одной – приостановить. В Балаганском округе под выселение попали 26 семей (99 человек), в Верхоленском – 28 семей, в Нижнеудинском – 7. 21 декабря 1890 года Енисейский губернский совет на своем заседании решил, что иногородние евреи безусловно должны быть выселены из Красноярска. По циркулярам от 14 января и 26 июня 1893 года из губернии было выслано 145 человек.²⁰³ Практиковалась насильственная конфиска-

ция паспортов, которые выселяемые могли получить обратно только в месте причисления.

От выселения в место приписки не были застрахованы даже весьма состоятельные люди. В Читинском архиве сохранилось прошение иркутского купца I гильдии Кауфмана Бляхера на имя Забайкальского военного губернатора, редкое по эмоциональному накалу. «...Состоя Иркутским купцом I гильдии и имея беспрепятственное право проживания даже в столицах Москве и С. Петербурге, до шести месяцев ежегодно, я был удивлен...на указание мне как еврею немедленного выезда из Забайкалья и на сделанное мне одолжение 48 часов, при чем мне крайне больно, что при разговоре о записке меня в члены императорского Географического общества поставили на вид, что хотя это сделаете, но находите это якобы подкупом с моей стороны. ...На Ваше распоряжение я телеграфировал...в Хабаровск Г-ну Генерал-Губернатору и оплатил 40 срочных слов (глас вопиющего в пустыне)...В Нерчинске же получилась за Вашею подписью телеграмма...об отобрании у меня подписки или отправления этапным порядком. ...я теперь хожу по улице и жду, что вот-вот наскочит полицмейстер, свяжет и отправит на этап, т.е. лишит меня жизни – это равносильно. При моем положении я имею возможность расходовать чуть ли не вдвое получаемого Вашим Превосходительством жалования. Вами же я опозорен, разжалован, из первогильдейца превращен в изгнанного жида». Пообещав солидную помощь местному ремесленному училищу, Бляхер просил оставить его в Забайкалье. Однако губернатор Е.О.Мацевский остается непреклонным: «Полиции передать господину Бляхеру, чтобы возвращался в Иркутск, т.к. права проживать в Забайкалье не имеет».²⁰⁴

Еврейским купцам запрещалось торговать вне мест причисления, что породило всевозможные «форс-мажорные» способы спасения своего бизнеса.²⁰⁵ Запрещалось лечиться на курорте озера Широ Енисейской губернии, поскольку для лечения приходилось переступать через границу своей

«черты оседлости». И только после ходатайства администрации и местного населения о снятии запрета, грозящего им большими убытками, Министерство внутренних дел пошло на уступки.²⁰⁶ Разрешение на приезд давал Енисейский губернатор при предоставлении свидетельства врача. Непременным условием допуска на курорт евреев была подписка, что едут они исключительно для лечения без права заниматься там какими-либо промыслами.²⁰⁷

Дело иногда принимало курьезный оборот. Лее Рейф разрешили жить вне места причисления в селении Уринском Баргузинского округа только потому, что она собиралась замуж за местного уроженца. Для устройства семейных дел ей дали пять месяцев, предупредив, что если за это время она не выйдет замуж за своего жениха или любого другого крестьянина этого селения, она будет выслена без всяких отсрочек.²⁰⁸

При скрупулезном исполнении распоряжения о «черте», по подсчетам Войтинского и Горнштейна, пришлось бы только из Томска выселить 800 семейств, имеющих собственность в городе, а в Иркутске – не менее тысячи, владевших приблизительно сотней домов общей ценностью в 2 млн. рублей, свыше 100 торговых и промышленных предприятий с годовым оборотом около 3 млн. рублей, что составляло не менее 10 процентов торгового оборота в городе.²⁰⁹

К счастью для евреев и всего населения Сибири, выполнить подобную меру на местах было труднее, чем предписать ее из Петербурга. Хозяйственные интересы евреев слишком тесно переплелись с таковыми остальных сибиряков. Банки, государственные и частные торгово-промышленные, видя непрочность прав на жительство евреев, стали прекращать и закрывать кредиты из-за опасения убытков, вследствие чего отмечался упадок торговых и промышленных дел и предприятий.²¹⁰ Полное выселение евреев в места их приписки вызвало бы в Сибири промышленный и финансовый крах. Это понимали сами высшие сибирские чинов-

ники, признавая, что вины евреев в факте многолетнего жительствова вне мест приписки нет: они селились там не самовольно, а с ведома администрации, долгое время признававшей за сибирскими евреями право свободного жительствова по всей Сибири за исключением 100-верстной полосы.²¹¹

К тому же шквал прошений, последовавших от самих евреев и их деловых партнеров, тоже нельзя было полностью проигнорировать.²¹² Поэтому даже при громких акциях выселения администрация оставляла некий допустимый процент живущих вне мест приписки евреев, не переходя «критической черты», которая могла иметь необратимые последствия. Некоторые евреи жили вне мест причисления, в том числе и в Иркутске по 20-25 лет без всякого разрешения.²¹³

На выселенческой политике, безусловно, сказывалось социально-экономическое положение и политическая ситуация. В частности, во время русско-японской войны выселение евреев, неправильно поселившихся или поселившихся на законных основаниях, но впоследствии утративших это право, было приостановлено. Дело в том, что в числе подлежащих мобилизации запасных чинов находились и подпадавшие под выселение евреи, и их семьи во избежание осложнения и без того нелегкого положения были оставлены в местах их проживания до окончания военных действий.

Наконец, третья волна последовала после циркуляра П.А. Столыпина от 22 мая 1907 года за № 20 о том, что евреи, поселившиеся вне мест причисления до 1 августа 1906 года, могут там остаться в том случае, если они приобрели семью и «прочное домообзаводство», поскольку «склонность евреев входить в самые разнообразные имущественные сделки» создала «весьма сложные отношения евреев к лицам других исповеданий», прервать которые «невозможно без значительного потрясения имущественных интересов обеих сторон». Констатируя, что давность незаконного поселения не может создавать для евреев никакого права жительствова, цир-

куляр в то же время считается с реальностью их массового проживания вне мест приписки.²¹⁴

На наш взгляд, циркуляр Столыпина не только не принес облегчения евреям, но имел печальные для них последствия, породив новую волну репрессий. Во-первых, абстрактное понятие «прочное домообзаводство» дало широкие возможности для произвольного толкования: считать ли таковым собственный дом или удовлетвориться арендуемой квартирой. В отношении Министерства внутренних дел к Иркутскому генерал-губернатору указано, что «определенно, конкретно установить содержание этого понятия, исчерпать все его признаки представлялось бы неудобным, потому что такого рода детальное определение могло бы стеснить административную власть в применении циркулярных распоряжений в каждом отдельном случае».²¹⁵ Тем самым Петербург развязал руки административной власти, предоставив ей возможности для полицейского произвола и безудержного взяточничества. Понятием «прочное домообзаводство» полиция стала оперировать при малейшем сомнении в праве каждого иудея оставаться вне места причисления. Во-вторых - и это главное - циркуляр послужил сигналом к очередной проверке прав на жительство евреев и «очистке» местности от «незаконно находящихся вне мест причисления», хотя до этого они беспрепятственно жили там по несколько лет: постоянная проверка прав жительства каждого еврея была задачей непосильной даже для хорошо отлаженной полицейской машины империи. Все разрешения, выданные на тот момент генерал-губернатором и дававшие безусловное право жительства, были признаны недействительными, а получение новых оказались делом сложным из-за утери или небрежного ведения домовых книг. Круг бесправных стал шире. Только в Чите, например, под выселение по этому циркуляру попал 101 человек, 70 из которых были выселены, в Нерчинске - 24 человека, в Красноярске - 63 семьи.²¹⁶ В Енисейской губернии под выселение попадали и поселившиеся до 1 августа 1906

года, но не имеющие семьи,²¹⁷ поэтому практически каждому холостяку грозила опасность быть выдворенным. Крестьянина Пинхуса Мордоховича выдворили из Южно-Енисейского горного округа, где он пять лет проработал драгером на приисках Александровского общества «Драга» и имел удостоверение правления общества о безупречном поведении и добросовестном исполнении своих обязанностей. Енисейский губернатор заподозрил «временность» пребывания здесь Мордоховича из-за отсутствия семьи и домообзаводства.²¹⁸ Управление постройки Западно-Амурской железной дороги было всерьез обеспокоено предстоящим выселением евреев: они доставляли провизию на строительство, и перебои в снабжении могли вызвать нежелательные волнения среди рабочих. Однако отъезд снабженцев-евреев со строительства отсрочили только на месяц.²¹⁹

Очевидно, жестокие проверки права жительства евреев в Иркутске и массовые их выселения в 1906-1910 годах, объяснявшиеся историками Иркутской общины антисемитизмом генерал-губернатора А.Н. Селиванова, можно с большой долей вероятности отнести на счет исполнения циркуляра от 22 мая 1907 года. В пользу этого говорит постановка на широкую ногу кампании выселения, когда каждый еврей в отдельности вынужден был доказывать свое право оставаться в городе. За четыре года Селивановского правления, по подсчетам авторов, из города было выселено не менее 300 семей (около 1,5 тысячи человек).²²⁰ Вряд ли такую массовую кампанию можно объяснить только не подкрепленной определенными указаниями личной неприязнью главного начальника края. Подобные меры проводились и в Красноярске. У любого еврея, появившегося в городе, отбирали документы до выяснения прав его пребывания. Этой процедуре подверглись, в частности, артисты приехавшей сюда на гастроли оперной труппы и врач Лейба Литман, сын красноярской купчихи, закончивший здесь гимназию и выезжавший на два года в Петербург и Берлин на учебу. Анекдотичность ситуации заключалась в том, что лишенный паспорта до

выяснения обстоятельств «недавно явившийся в город Красноярск» Литман незадолго до этого Енисейским губернатором был утвержден... в должности красноярского санитарного врача.²²¹

Распоряжение о приостановлении выселения евреев сохраняло силу лишь в тех местах, где они проживали в момент применения документа. С переменой места жительства они утрачивали право на льготу и подчинялись всем действующим о жительстве евреев ограничениям, так как циркуляр, приостанавливая выселение евреев, имел целью обеспечить им дальнейшее жительство именно в тех местах, где их застал, и тем избежать разорения из-за принудительного выселения, а не расширить право проживания.²²²

Выселения часто проводились спешно, в сжатые сроки, что окончательно разоряло еврейские семьи, поскольку у них не было времени ни распорядиться имуществом, ни дожидаться возврата выданных под будущий урожай ссуд. Даже Министерство внутренних дел, отмечая массу жалоб в само Министерство и в Государственную думу из Енисейской губернии и Забайкальской области на то, что на выезд дается 2-3- дня, иногда даже 24 часа, сочло сроки для выселения слишком короткими и рекомендовало избегать, по возможности, одновременного выселения значительного числа лиц и предоставлять им более продолжительные сроки для ликвидации и устройства дел. Однако новые сроки для выселения, установленные после этого исполняющим обязанности Иркутского губернатора Граном, были ненамного длиннее и существенно положения выселяемых не изменили: не имеющих предприятий и домообзаводства холостякам давалось три дня на то, чтобы покинуть губернию, семейным – семь, холостым обладателям предприятий и недвижимости семь дней, семейным – десять.²²³

Помимо массовых кампаний, практиковались постоянные единичные выселения лиц, живущих вне мест приписки. Их выявляли во время переписей, которым регулярно подвергалось еврейское население. За полтора

года евреев могли подвергнуть переписи четыре раза, отбирая при этом документы и придерживая их по несколько месяцев.²²⁴ Эти переписи часто влекли за собой «внеплановое» выселение, так как любой приказ о ее проведении низшие полицейские чины в своем служебном рвении воспринимали как команду к немедленному выселению евреев. Иркутскому генерал-губернатору А.И.Пантелееву пришлось даже указывать Енисейскому губернатору М.А. Плещу на массу телеграмм ачинских евреев, подвергшихся выселению после указания о сборе статистических сведений о проживающих в крае евреях и пояснять, что «требование касалось исключительно собрания сведений о числе и положении проживающих в крае евреев и не должно служить поводом к принятию мер против этих лиц». Не в меру рьяных полицейских чиновников приходилось одергивать по этому поводу и Иркутскому губернскому правлению.²²⁵

Но наихудшей для евреев была формулировка «озаботиться выселением, не прибегая к общей проверке прав проживающих в губернии». По такому толкованию любой мог быть выселен без всякой проверки его права на проживание. Подобное положение заставляло даже вполне законно проживающих в данной местности евреев постоянно пребывать в напряжении.

Постоянные высылки к месту оседлости, хотя и принесли много горя сотням еврейских семей, не дали ожидаемого властями результата. На 1891 год, к примеру, в Иркутской губернии вне мест причисления жили 58,7 процента евреев, а в Енисейской – 65,6.²²⁶ Причины этого явления нам видятся те же, что и в случаях незаконного пребывания евреев в Сибири. Во-первых, неопределенность в высших законоположениях, усиленная «рядом весьма многочисленных, не всегда согласованных между собой и с общим духом законодательства разъяснений», что, как отмечалось губернской властью, «продолжает служить к еще большим недоразумениям местных административных органов».²²⁷ И, как следствие, неспособность местной администрации при огромном множестве дел такого рода контро-

лизовать точное исполнение всех законов и предписаний. Во-вторых, реально сложившаяся обстановка, когда евреи фактически годами проживали в недозволенных местах, что трудно было одномоментно подвергнуть какому-то радикальному изменению. Вне мест причисления с разрешения губернаторов проживали десятки семей.²²⁸ (Табл.1) По этому поводу даже не отличающийся сочувствием к положению еврейского населения Иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин писал: «...имея ввиду, что непринятие губернскими начальствами своевременных мер к недопущению водворения евреев в местах, в которых таковое им воспрещается, дало им возможность устроить в этих местах свой быт для всегдашнего в них жительства, и что, следовательно, выселение таких евреев в места причисления и установленной для них оседлости имело бы естественным последствием расстройство экономического их быта или совершенное их разорение, имею честь предложить...при строгом и неуклонном исполнении на будущее время требований закона и вышеозначенных моих указаний и распоряжений относительно недопущения жительства евреев в недозволенных им для сего местах, не выдворять однако же в виде исключения впредь до особых распоряжений тех из них, которые ... приобрели в местах теперешнего их жительства прочное домообзаводство или многогодний промысел за исключением замеченных в дурном поведении».²²⁹

На руку евреям сыграла и неупорядоченность системы выдачи видов на жительство, когда их можно было получить и в тюремном отделении, и в губернском правлении, и в казенных палатах. Причем, вопреки Уставу о ссыльных, не в назначенных для этого местах, а в разных селениях и городах Сибири по собственному выбору. Достаточно распространенным явлением была приписка жен ссыльных евреев, добровольно последовавших за ними, к обществу вне мест причисления этих евреев, куда постепенно подтягивались и сами ссыльные главы семейств. Когда же предоставление права жительство в 1908 году было монополизировано Иркутским генерал-

губернатором, в местах, недозволенных для проживания, уже находилось достаточно много евреев с семьями и определенными занятиями, не без основания питавших надежду на получение надлежащего разрешения.²³⁰

За время пребывания в Сибири евреи изрядно поднаторели в искусстве уклонения от переписей, обзаведясь знакомыми и надежными партнерами, которые при случае могли дать нужные показания. Военный губернатор Забайкалья отмечал, что при установлении времени поселения еврея в городе надежнее пользоваться паспортами, договорами, доверенностями, торговыми книгами, фиксирующими разные сделки. Свидетелей же лучше не опрашивать, потому что «каждому еврею ничего не стоит набрать сколько угодно нужных свидетелей и даже с видным общественным положением, которые охотно дают благоприятные отзывы о евреях, зная, что это их ни к чему не обязывает». К тому же они указывали несуществующие сроки проживания евреев в городе и дома, в которых те никогда не квартировали.²³¹ Умением лишний раз не «светиться» перед полицейскими чинами евреи обеспечивали себе относительно спокойную жизнь на протяжении довольно длительного времени. Иркутский уездный начальник отмечал, что в некоторых селениях уезда лица еврейского исповедания, не имеющие права жительства, обнаруживаются только тогда, когда сами заявят о своем пребывании путем подачи прошений или заявлений.²³²

Одним из способов остаться в привычном месте жительства был переход в другую веру. Иркутский губернатор Гран писал в канцелярию Иркутского генерал-губернатора, что многие евреи, «коим отказано в удовлетворении ходатайств о проживании в Иркутской губернии», стали систематически переходить из иудейской в православную, лютеранскую и римско-католическую религию и настаивают на оставлении их на жительство в губернии. Правда, и это не всегда помогало: иногда местные власти отправляли просителей к месту причисления, невзирая на принесенную веру жертву. А ответ канцелярии на вышеуказанный запрос Грана был и вовсе в

высшей степени неожиданным: «С дарованием населению по Высочайшему Манифесту 17 октября 1905 года свободы совести и вероисповедания едва ли могут сохранять силу прежние постановления закона, предоставляющие евреям в случае принятия ими христианской религии известной льготы по избранию места жительства».²³³ Право жительства вне места причисления имели и доверенные еврейских купцов I гильдии, однако они теряли его, если их хозяин менял веру.²³⁴

Избегать огульных выселений в место приписки евреям помогала и процветавшая в Сибири система взяточничества в среде местного чиновничества, когда за известную сумму более или менее состоятельный еврей мог «расширить» свою черту оседлости. «Евреи покупали себе облегчение... Последние крохи бедняка уходили на то, чтобы не быть изгнанным с векового места жительства, чтобы не лишиться права на занятие, чтобы получить разрешение восстановить ветхое здание молельни... – каждый шаг еврея требовал своей оплаты».²³⁵

Наконец, не следует сбрасывать со счетов значительную роль, которую сыграли евреи в экономическом развитии края. Даже высшее сибирское чиновничество в лице Иркутского генерал-губернатора А.И. Пантелеева признавало, что «толкование понятия «места оседлости» в самом узком ограничительном смысле... представляется нежелательным», «не приносит пользы и по отношению к занятию золотопромышленностью», а «вызываемые необходимостью противозаконные отлучки их (евреев. – Л.К.) из мест приписки не только не приносят населению особого или большего, чем в других местностях империи вреда, но даже полезны в качестве ремесленников и мелких торговцев, понижающих путем конкуренции высокие цены на предметы первой необходимости». Как уже упоминалось, он даже предлагал расширить границы черты оседлости сибирского еврея до губернии, а для механиков, винокуров и возчиков – до генерал-губернаторства, полагая, что большая часть полноправных евреев, совершенно

стесненных в выборе места, а потому и рода своей деятельности, неизбежно вынуждена или нарушать воспрещение им всяких отлучек из места приписки, или обращаться для пропитания к предосудительным занятиям.²³⁶ Все эти факторы в комплексе и позволяли евреям безнаказанно нарушать законодательство о причислении. Некоторые без всякого разрешения жили вне мест своей оседлости по 20 и более лет.²³⁷

Подводя итог, можно констатировать, что правовое положение евреев в Сибири во многом определялось ее ролью в системе социально-экономического развития России. Составляя предмет особой регламентации как вековое место ссылки и при этом колонизационный край, с которым правительство связывало определенные перспективы, Сибирь должна была принять евреев, отторгнутых чертой оседлости из-за совершенного правонарушения. Приняв этот факт за исходную точку, Сибирь постоянно отстаивала и подтверждала свой статус особой территории, «в коей относительно евреев установлены особые ограничительные правила». Царская администрация, установившая черту оседлости из опасения, что предоставление «сильным в социально-экономическом и национальном отношении инородческим, в том числе еврейским, группам одинаковых прав с группами слабейшими» равносильно «преданию этих групп на общественное рабство», перенесла ее и на Сибирь. Тень «еврейской эксплуатации», которая всюду мерещилась экспериментаторам от законодательства, неизбежность движения Сибири в фарватере общероссийской «еврейской» законодательной политики, инерция мышления в вопросе «сопротивления экономической силе еврейства», которую принесли с собой в Сибирь назначенные сюда чиновники, требовала выхода законодательной инициативы, «законодательных мероприятий», какими бы исключительными они ни были.²³⁸ «Исключительными законодательными мероприятиями» стали практически полный запрет въезда евреев в Сибирь, кроме ссыльных, и специальная черта еврейской оседлости в более жестокой и уродливой

форме, чем в западных губерниях, фактически являвшаяся специфической формой крепостничества. Место закона в Сибири заступает административное усмотрение. Сибирский еврей не может по своему желанию избрать место приписки, но администрация может ему это позволить. Он не вправе покинуть место приписки, но с разрешения окружного начальника может отлучиться. Это расширение правомочий административной власти имело своим последствием выработку непроходимой сети разных правил, которые как путы сковывали каждый шаг сибирского еврея. Путем разных циркуляров без законных оснований были рождены к жизни ограничительные правовые нормы о сибирских евреях, что породило их массовое выселение из одного места Сибири в другое.²³⁹

В чем же причина живучести специфического сибирского еврейского законодательства? Чего боялась администрация Сибири? Здесь не существовало опасности «еврейской эксплуатации» из-за отсутствия жесткой конкуренции и из-за относительного позднего вхождения евреев, вчерашних ссыльных, в систему общественного разделения труда. На наш взгляд, инерция государственного антисемитизма, проводниками которого были приехавшие из центра сибирские чиновники различного ранга, породила привычную черту оседлости как форму сдерживания еврейской активности. Постоянные опасения, что «евреи в силу своих религиозных верований имеющие в Талмуде кодекс не только духовный, но и гражданский, никогда не будут считать себя частью русского народа»,²⁴⁰ породили уверенность: всякая вне крайней необходимости уступка евреям в предоставлении им прав вредно отразится на правительственных интересах.

Еврейское законодательство в Сибири постоянно вращалось вокруг трех основных вопросов: понимать ли места, назначенные для оседлости евреев, как черту оседлости или как все места, где евреям позволено жить; распространяется ли безусловный запрет приезда евреев в Сибирь на привилегированные категории евреев, которым предоставлено право повсем-

стного жительство; и, наконец, что считать «местом поселения» – всю ли Сибирь подобно черте оседлости или нарицательное место поселения каждого еврея. Ответы на все три вопроса администрация давала в ограниченном смысле, хотя повышающийся статус евреев в Сибири заставлял считаться с реальным положением вещей и в ряде случаев идти на уступки. По меткому выражению Ю. Гессена, «закон упорно старался разрушить то, что творила жизнь, а жизнь спокойно уничтожала то, что создавал закон. Борьба закона с жизнью и составила содержание законодательства о жительстве евреев».²⁴¹

¹ Оршанский И.Г. Русское законодательство о евреях. Очерки и исследования. СПб., 1877. С.6; Тихонов Т.И. Сибирские евреи, их права и нужды. //Сибирские вопросы. 1905. №1. С.287, 289.

² Гессен Ю. О жизни евреев в России. // Толстой И.И., Гессен Ю. Факты и мысли. Еврейский вопрос в России. СПб., 1907. С. 135.

³ Раскин Д. «Еврейский вопрос» в документах высших государственных учреждений Российской империи XIX- нач. XXв. // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. СПб., 1993. С.64.

⁴ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.916. Д.12. Л.28.

⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. Т.2. М. - Таллин, 1994. С.201.

⁶ Белковский Г.А. Русское законодательство о евреях в Сибири. СПб., 1905. С.5-6.

⁷ Из истории и мифологии революции. Почему евреи? Материалы «круглого стола»// Отечественная история. 2000. №2. С.110.

⁸ Гессен Ю. Закон и жизнь. Как созидались ограничительные законы о жительстве евреев в России. СПб., 1911. С. 106.

⁹ Войтинский В., Горнштейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 133-153.

¹⁰ Пинигина Ю. Н. Опыт взаимодействия еврейской общины дореволюционного Иркутска с местной властью. // Очерки истории еврейских общин Сибири и Дальнего Востока (XIX- начало XX вв.) Красноярск, 2001. С.99.

¹¹ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.124. Л.45.

¹² Никитин В.Н. Евреи-земледельцы. 1807-1887. СПб., 1887. С.206.

¹³ Леванда В.О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающийся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени от 1649-1873 г. Извлечение из Полных собраний Законов Российской империи. СПб., 1874. С.410.

¹⁴ Белковский Г.А. Указ. соч. С.11.

¹⁵ Романова В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX в. – 20-е годы XX в.). Красноярск, 2001. С.26.

¹⁶ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.30. Л. 42, 95; Д. 124. Л.93-95; Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л.57-59, 60а, 247, 250-251; НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д.4444. Л.93-94.

¹⁷ Белковский Г.А. Указ. соч. С.68.

¹⁸ Кальмина Л.В. Еврейское купечество Восточной Сибири (60-е годы XIX века – 1917 г.) Улан-Удэ, 2002. С.3

- ¹⁹ Тихонов Т.И. Указ. соч. С.298.
- ²⁰ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л.60.
- ²¹ Моравский Вал. К положению евреев в Сибири. // Еврейский мир. 1910. №25. С.16.
- ²² ГАРФ. ДП. 2. 1906 г. Оп. 63. Д. 78. Ч.2. Л. 17.
- ²³ Гимпельсон Я.И. Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего Сената и центральных правительственных установлений. Ч.1. СПб., 1914. С. 212.
- ²⁴ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.13705. Л.38-39.
- ²⁵ Белковский Г.А. Указ. соч. С.31; Зайденман Л. Правовое положение евреев в России. СПб., 1906. С.26.
- ²⁶ ГАЧО. Ф.106. Оп. 1. Д.24. Л. 236-239, 244-276, 287-296.
- ²⁷ НАРС(Я), Ф. 12-и. Оп. 1. Д.12525. Л. 19; Д.8599. Л.240-241.
- ²⁸ Систематический сборник действующих законов о евреях, составленный Роговиным Л.М. СПб., 1913. С.86.
- ²⁹ НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д.12525.
- ³⁰ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.916. Д.12. Л.17.
- ³¹ Гессен И.В., Фридштейн В. Сборник законов о евреях с разъяснениями по определениям Правительствующего Сената и циркулярам Министерств. СПб., 1904. С.72; Систематический сборник действующих законов... С.102.
- ³² Гимпельсон Я.И. Указ. соч. Ч.1. С.213-214.
- ³³ ГАРФ. Ф.102. ДП. 2. 1906 г. Оп. 63. Д.78. Ч. 2. Л.19.
- ³⁴ М-шь М. О евреях в Сибири. // Восход. 1889. №7. С.14; М-ъ. Еврейский вопрос в Сибири. // Сибирские вопросы. 1908. №19-20. С.11-12; Кандель Ф. Очерки времен и событий. Из истории российских евреев. Ч.II.(1772-1882). Иерусалим, 1990. С.286.
- ³⁵ Систематический сборник действующих законов... С. 103.
- ³⁶ ГАЧО. Ф.24. Оп. 2. Д.139. Л.76.
- ³⁷ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К. 979. Д.3480. Л.4-5.
- ³⁸ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.14196. Л.3-6.
- ³⁹ Гессен И.В., Фридштейн В. Указ. соч. С.34.
- ⁴⁰ ГАИО. Ф.32. Оп. 1. Д.4987. Л. 8; Д. 4989. Л.1; Ф.25. Оп. 9. К.979. Д.3480. Л. 20.
- ⁴¹ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л.254.
- ⁴² ГАРФ. Ф.102. ДП. 2. 1906 г. Оп. 63. Д.78. Ч.2. Л. 19.
- ⁴³ НАРБ. Ф.123. Оп. 1. Д.425. Л.21-22.
- ⁴⁴ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 14287. Л.176, 227.
- ⁴⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К.916. Д.12. Л.16.
- ⁴⁶ Там же. Л.125, 129, 132.
- ⁴⁷ ГАРФ. 102. ДП. 2. 1906 г. Оп. 63. Д.78. Ч.2. Л.21.
- ⁴⁸ ГАИО. Ф.32. Оп. 1. Д. 4987. Л.1.
- ⁴⁹ Там же. Ф.25. Оп. 9. К. 979. Д.3480. Л.4-5.
- ⁵⁰ НАРБ. Ф.337. Оп. 2. Д. 1704. Л.5.
- ⁵¹ М-шь М. Указ. соч. С.15, 17.
- ⁵² Витте С.Ю. Указ. соч. Т.2. С.200.
- ⁵³ Дубнов С. М. Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. Кн. 1. Евреи в царствование Александра III (1881-1894). Пг., 1923. С.77.
- ⁵⁴ Коковцов. В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С.208.
- ⁵⁵ Миндлин А. «Еврейская политика» Столыпина. М., 1996. С.11.
- ⁵⁶ Коковцов. В.Н. Указ. соч. Кн. 1. С.207; Зайцев М. В.Н.Коковцов и предоставление избирательного права еврейскому населению России в 1905 г. // Материалы Девятой

- Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Тезисы. М., 2002. С.83-84.
- ⁵⁷ Энгель В. Либеральные тенденции в «еврейской политике» самодержавия конца XIX- начала XX века. // Вестник еврейского университета в Москве. 1994. №3. С.54.
- ⁵⁸ Тихонов Т.И. Указ. соч. С.290.
- ⁵⁹ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП.3. Д.30. Л. 95, 242; Д.124. Л.68-69, 72.
- ⁶⁰ Там же. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л.57-59, 60 а.
- ⁶¹ Там же. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.124. Л.93-95.
- ⁶² Там же. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л.247, 250-251.
- ⁶³ Там же. Л.387-388.
- ⁶⁴ Всеподданейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1900-1901 гг. Иркутск, 1901. С. 71-72; ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.916. Д.12. Л.28.
- ⁶⁵ ГАИО. Ф.32. Оп. 1. Д. 4972. Л. 4,6, 8, 16,29.
- ⁶⁶ НАРС(Я). Ф. 477-и. Оп. 1. Д.9. Л.24-25.
- ⁶⁷ НАРБ. Ф.123. Оп. 1. Д. 331. Л.1, 24.
- ⁶⁸ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л.232-238.
- ⁶⁹ НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д.4444. Л.3-4.
- ⁷⁰ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л. 261.
- ⁷¹ Там же. Л.366.
- ⁷² Там же. Л.315.
- ⁷³ Лозина-Лозинский М.А. Систематический сборник разъяснений Правительствующего Сената по делам о жительстве евреев. СПб., 1902. С.573.
- ⁷⁴ ГАРФ. Ф.102. ДП. 2. 1906 г. Оп. 63. Д.78. Ч.2. Л.32.
- ⁷⁵ НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д.4444. Л.13.
- ⁷⁶ Там же. Л.11.
- ⁷⁷ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.916. Д.12. Л.20.
- ⁷⁸ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С. 144.
- ⁷⁹ НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д.4444. Л.93-94.
- ⁸⁰ Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002. С.55.
- ⁸¹ ГАИО. Ф.32. Оп. 1. Д.1265. Л.2.
- ⁸² ГАЧО. Ф.106. Оп. 2. Д. 10. Л. 1-2, 8-11.
- ⁸³ ГАИО. Ф.32. Оп. 1. Д.1265. Л.5,7; Гройсман А. Евреи в Якутии. Ч.1. Община. Якутск, 1995. С.33.
- ⁸⁴ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 12005. Л.1.
- ⁸⁵ Там же. Л.2.
- ⁸⁶ Там же. Д.9555. Л. 71-72.
- ⁸⁷ ГАКК. Ф.161. Оп. 1. Д.5. Л. 92; Гройсман А. Указ. соч. С.33.
- ⁸⁸ Гимпельсон Я.И. Указ. соч. Ч.1. С.228.
- ⁸⁹ НАРС(Я). Ф. 15-и. Оп. 1. Д.7649. Л.1-25, 28.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 477-и. Оп. 1. Д.9. Л.19.
- ⁹¹ Там же. Ф. 15-и. Оп. 1. Д.1890. Л.24.
- ⁹² ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.124. Л.57.
- ⁹³ НАРС (Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д.4444. Л.37.
- ⁹⁴ ГАЧО. Ф.1 (о). Оп. 1. Д.15640. Л.425.
- ⁹⁵ ГАРФ. Ф.102. ДП.2. 1912 г. Оп. 69. Д.8. Ч.269. Л.14-15.
- ⁹⁶ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.979. Д.3480. Л.62.
- ⁹⁷ Мыш М.И. Руководство к русским законам о евреях. СПб., 1904. С.2-7.
- ⁹⁸ Из истории и мифологии революции. Почему евреи?... С.94.

- ⁹⁹ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л.384-385.
- ¹⁰⁰ Романова В. Указ. соч. С.113.
- ¹⁰¹ НАРС(Я). Ф. 15-и. Оп. 1. Д.1890. Л.29.
- ¹⁰² Рабинович В.Ю. О противоправной деятельности евреев дореволюционного Иркутска. // Восток и Россия: взгляд из Сибири. материалы и тезисы докладов к научно-практической конференции. Иркутск, 1996. С. 362.
- ¹⁰³ НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д.4444. Л.41; Сборник ограничительных законов и постановлений о евреях на 1-е июля 1902 г. / Сост. Э.Б. Левин. СПб., 1902. С.67.
- ¹⁰⁴ Всеподданейший отчет Иркутского военного генерал-губернатора за 1896-1898 гг. Б.м., б.г. С.49; То же за 1900-1901 гг. С.70.
- ¹⁰⁵ Белковский Г. А. Указ. соч. С.156.
- ¹⁰⁶ ГАИО. Ф.32. Оп. 1. Д.2864.
- ¹⁰⁷ НАРС(Я). Ф. 15-и. Оп. 1. Д.6703. Л.2; НАРБ. Ф.337. Оп. 2. Д.4209. Л.29, 115-116.
- ¹⁰⁸ ГАКК. Ф.161. Оп. 1. Д.74. Л.51.
- ¹⁰⁹ Тихонов Т.И. Указ. соч. С.290.
- ¹¹⁰ Витте С.Ю. Указ. соч. Т.2. С.201.
- ¹¹¹ ГАИО. Ф.25. Оп. 6. К.442. Д.76. Л.34-38, 57, 59.
- ¹¹² Островский Ю. Указ. соч. С. 59-60.
- ¹¹³ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л.384.
- ¹¹⁴ РГИА. Ф.1264. Оп. 1. Д. 268, Л.33; Д. 360.
- ¹¹⁵ Леванда В.О. Указ. соч. С.340.
- ¹¹⁶ Войтинский Вл., Горнштейн А. Указ. соч. С.13.
- ¹¹⁷ Леванда В.О. Указ. соч. С.677-678.
- ¹¹⁸ Систематический сборник действующих законов о евреях... С.101.
- ¹¹⁹ Белковский Г.А. Указ. соч. С.74, 79.
- ¹²⁰ НАРБ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 425. Л.122.
- ¹²¹ РГИА. Ф.1265. Оп. 4. Д.149.
- ¹²² Моравский Вал. К положению евреев в Сибири. // Еврейский мир. 1910. №25. С.15.
- ¹²³ ГАИО. Ф.32. Оп. 1. Д.2864. Л.47.
- ¹²⁴ Там же. Л.127, 131.
- ¹²⁵ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.3066. Л.7-14; ГАИО. Ф.32. Оп. 1. Д.5622. Л.13-22.
- ¹²⁶ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 13764. Л.1, 3-4.
- ¹²⁷ Восточное обозрение. 1904. №103.
- ¹²⁸ Нейман И. Как прикрепляли сибирских евреев к местам их приписки (1885-1893). // Еврейская старина. 1915. Вып. III-IV. С. 385.
- ¹²⁹ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.124. Л.45.
- ¹³⁰ Зайденман Л. Указ. соч. С.27.
- ¹³¹ Гессен И.В., Фридштейн В. Указ. соч. С.70; Систематический сборник действующих законов о евреях... С.483.
- ¹³² Бакштановский Н. О юридическом положении сибирских евреев. // Русский еврей. 1883. №25. С.5.
- ¹³³ НАРС (Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д.4444. Л.20.
- ¹³⁴ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.916. Д.12. Л.19, 21.
- ¹³⁵ Там же. К.975. Д.3103. Л. 32.
- ¹³⁶ ГАКК. Ф.595. Оп. 3. Д.3085. Л. 149.
- ¹³⁷ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л.258; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 3341. Л. 150; Устав о паспортах со всеми изменениями, дополнениями и разъяснениями по решению Правительствующего Сената и циркулярам Министерств со включениями правил о праве жи-

- тельства евреев. / Состав. К. Абрамович. СПб., 1905. С.89; Гимпельсон Я.И. Указ. соч. Ч. I. С.225.
- ¹³⁸ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 13992. Л.78; Гимпельсон Я.И. Указ. соч. Ч.1. С.229.
- ¹³⁹ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.3066. Л.7.
- ¹⁴⁰ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.322. Л.55-56.
- ¹⁴¹ Тихонов Т.И. Указ. соч. С.306.
- ¹⁴² ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. ДП. 3 Д.322. Л.50, 52.
- ¹⁴³ Там же. Д.124. Л.93-95; Ф.25. Оп. 9. К.917. Д. 26. Л. 316-317.
- ¹⁴⁴ ГАИО. Ф.25. Оп. 6. К.461. Д.1047. Л. 6; Оп. 9. К. 917. Д.26. Л. 259-260.
- ¹⁴⁵ НАРБ. Ф.337. Оп. 2. Д.417. Л.13; Гимпельсон Я. И. Указ. соч. Ч.1. С.225; Белковский Г.А. Указ. соч. С.97; Систематический сборник действующих законов о евреях... С.482-483; Гессен И.В., Фридштейн В. Указ. соч. С.71; Устав о паспортах...С.89; Фриде И.Е. Законы о праве жительства евреев в черте их оседлости и вне оной. СПб., 1909. С.62.
- ¹⁴⁶ НАРБ. Ф. 337. Оп. 2. Д.417. Л.6; ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л.399.
- ¹⁴⁷ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К. 916. Д.12. Л. 83, 98, 137.
- ¹⁴⁸ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4987. Л.10.
- ¹⁴⁹ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л. 448.
- ¹⁵⁰ ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 4534. Л. 23-26, 29; Ф. 162. Оп. 1. Д.103. Л. 5-6.
- ¹⁵¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 3085. Л. 129.
- ¹⁵² Восточное обозрение. 1893. №16.
- ¹⁵³ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л.259; Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1900-1901 г. С.70.
- ¹⁵⁴ НАРБ. Ф.337. Оп. 2. Д. 417. Л.15.
- ¹⁵⁵ Моравский Вал. Указ. соч. С. 18.
- ¹⁵⁶ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л.262, 315.
- ¹⁵⁷ Там же. Л. 389а.
- ¹⁵⁸ НАРБ. Ф.123. Оп. 1. Д.381. Л.22.
- ¹⁵⁹ ГАКК. Ф.595. Оп. 3. Д. 3085. Л.15.
- ¹⁶⁰ НАРБ. Ф.123. Оп. 1. Д.425. Л.17.
- ¹⁶¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д.903. Л. 2,7.
- ¹⁶² ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.13863. Л. 10.
- ¹⁶³ ГАИО. Ф.32. Оп. 1. Д.3201. Л.1-2, 9-10.
- ¹⁶⁴ Там же. Д. 2864. Л.263.
- ¹⁶⁵ Там же. Д.3201. Л.1-2.
- ¹⁶⁶ Там же. Д.3100. Л.28-29.
- ¹⁶⁷ Там же. Ф.25 Оп. 9. К.917. Д.26. Л. 384.
- ¹⁶⁸ Там же. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д. 124. Л.25-26.
- ¹⁶⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 268. Л.38-39.
- ¹⁷⁰ Белковский Г.А. Указ. соч. С.57-58.
- ¹⁷¹ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.13512. Л.161.
- ¹⁷² Забайкальские областные ведомости. 1890. 11 мая.
- ¹⁷³ М. М-шь. О евреях в Сибири. // Восход. 1889. № 8. С.7; Гессен И.В., Фридштейн В. Указ. соч. С.72.
- ¹⁷⁴ ГАИО. Ф.29. Оп. 2. ДП. 3. Д.43. Л.3.
- ¹⁷⁵ НАРБ. Ф.337. Оп. 1. Д.8057. Л.12.
- ¹⁷⁶ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.13812. Л.23; Д.13992. Л.88; Д.13886. Л. 25, 57, 75, 92.
- ¹⁷⁷ Там же. Д.13806. Л.19, 24, 43, 49.
- ¹⁷⁸ М-шь М. Указ. соч. С.7.

- 179 ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.30. Л.17.
- 180 М-шь М. Указ. соч. С.7.
- 181 ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д. 30. Л.3, 7.
- 182 ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 13512. Л.206.
- 183 Там же. Д. 13515. Л.35-41; Кальмина Л.В., Курас Л.В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX века – февраль 1917 года). Улан-Удэ, 1999. С.28.
- 184 ГАЧО. Ф.1 (о). Оп. 1. Д.13512. Л. 175, 180-183.
- 185 Островский Ю. Указ. соч. С.35.
- 186 ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.14287. Л.31.
- 187 Кальмина Л.В. Еврейское купечество... С.45.
- 188 ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.152. Л.42,44; Д.216. Л.116; Лозина-Лозинский М.А. Указ. соч. С.573.
- 189 ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.194. Л. 1-2, 4, 7-7а, 11.
- 190 ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 13515. Л.362.
- 191 Там же. Л. 362, 370.
- 192 Там же. Д.13668. Л. 28-29; ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП.3. Д.30. Л.32.
- 193 ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 13668. Л. 3.
- 194 Там же. Д. 13512. Л.85.
- 195 Там же. Д.13668. Л.15.
- 196 Там же. Д.13512. Л.173.
- 197 ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.152. Л.7, 15-16.
- 198 Там же. Ф.25. Оп. 4. К.353. Д.472; Оп. 9. К. 917. Д.26. Л. 60.
- 199 ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 14070. Л. 35, 47.
- 200 Там же. Д.13753. Л.35.
- 201 ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.124. Л.46.
- 202 Там же. Д.30. Л.69.
- 203 Там же. Ф.32. Оп. 1. Д.2864. Л.298-400, 404-413; Ф. 25. Оп. 4. К.353. Д. 472. Л. 93-96, 105-112.
- 204 ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 13992. Л.143-145.
- 205 Кальмина Л.В. Указ. соч. С.50-51.
- 206 Островский Ю. Указ. соч. С.61.
- 207 ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 14328. Л. 17; ГАКК. Ф.595. Оп. 48. Д.879. Л.1.
- 208 ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 17012. Л.168.
- 209 Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.31.
- 210 Тихонов Т.И. Указ. соч. С.298.
- 211 ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП.3. Д.30. Л. 46.
- 212 ГАКК. Ф.595. Оп. 1. Д. 1308, 1309, 1311.
- 213 ГАИО. Ф.91. Оп. 1. Д. 2627. Л.318-320.
- 214 НАРС(Я). Ф. 15-и. Оп. 8. Д. 204. Л.3.
- 215 ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.979. Д.3480. Л.17-18.
- 216 Там же. К.953. Д.1962. Л.2, 13; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 14215. Л. 314 –326; ГАКК. Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л.25.
- 217 ГАКК. Ф.595. Оп. 48. Д.604. Л. 143, 163-164.
- 218 Там же. Оп. 7. Д.507. Л.3, 6-7, 11, 19.
- 219 ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 14223. Л. 10, 13.
- 220 Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.152.
- 221 ГАКК. Ф.112. Оп. 1. Д. 53. Л. 24-27, 84-85.
- 222 ГАИО. Ф.32. Оп. 1. Д.4972. Л.32.
- 223 ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.916. Д. 12. Л.125, 129-130.

-
- ²²⁴ Мытарства евреев в Сибири. // Сибирские вопросы. 1911. №№22-23. С.65.
- ²²⁵ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.916. Д.12. Л.298; Ф.91. Оп. 1. Д.2454. Л.2.
- ²²⁶ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л.90 а.
- ²²⁷ Там же. Л.371.
- ²²⁸ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.14022. Л.1-21, 276; Д.14089. Л.2-17; Д.17139. Л.198.
- ²²⁹ Там же. Д.3066. Л.3-4.
- ²³⁰ ГАИО. Ф.25. Оп.9. К.916. Д.12. Л.107.
- ²³¹ Там же. К.953. Д.1962. Л.9; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 14215. Л.179-180.
- ²³² ГАИО. Ф.90. Оп. 1. Д.316. Л.46.
- ²³³ Там же. Ф.32. Оп. 1. Д. 4989. Л.19-20; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.13992. Л.242.
- ²³⁴ ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д.2160. Л.4-5.
- ²³⁵ Гессен Ю. О жизни евреев в России. С. 135.
- ²³⁶ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л.259, 384-385; Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1900-1901гг. С.71-72.
- ²³⁷ ГАИО. Ф.32. Оп. 1. Д. 88. Л.1, 43; Ф.91. Оп. 1. Д. 2627. Л.319-320.
- ²³⁸ Из истории и мифологии революции. Почему евреи? С. 94.
- ²³⁹ Белковский Г. А. Указ. соч. С.158-159.
- ²⁴⁰ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.916. Д.12. Л. 316-317.
- ²⁴¹ Гессен Ю. Законодательство о жизни евреев в России. // Русская мысль. Т.У. М., 1911. С. 85.

Глава 2. Особенности формирования еврейских общин Восточной Сибири

2.1 Численность, расселение, сословно- профессиональная структура

Еврейское население Сибири формировалось в течение трех столетий. В отличие от других народов западных губерний Российской империи Сибирь своей репутацией «каторжного края» евреев не отпугивала. Напротив, после черты оседлости с ее перенаселенностью, жесточайшей конкуренцией в традиционно «еврейских» отраслях хозяйства и лишением возможности заработать на жизнь, следующими одна за другой законодательными мерами, ограничивающими права евреев, и жестким контролем властей за их исполнением, Сибирь с ее обширными территориями и кладезями природных богатств казалась краем неограниченных возможностей. Колонизация Сибири давала евреям прекрасный шанс вырваться за границу черты оседлости, и ради этого они использовали все доступные методы, не останавливаясь даже перед намеренным совершением уголовных преступлений.

Косвенные данные говорят о том, что евреи могли появиться в Сибири с отрядами русских землепроходцев. В числе первых сибирских евреев были и военнопленные. В деле Сибирского приказа за 1635 год о возвращении из Сибири военнопленных, сосланных «в службу» и «на пашню», упоминаются «литовские и немецкие люди и жиды».¹

Точно неизвестно, когда началась ссылка евреев в Сибирь, но уже с середины XVIII века она сделалась постоянной. В начале XIX века евреи стали составной частью сибирского населения: в Западной Сибири в это время образовались уже небольшие еврейские колонии в Томске, Омске, Каинске, а в Восточной Сибири – в Канске и Нижнеудинске.² Компактное поселение находящихся на каторге и «освобожденных на пропитание» евреев в начале века отмечено и в Петровском Заводе.³ 15 еврейских семей в 1828 году прибыли в ссылку в Якутск.⁴

В середине XIX века в Сибири было четыре категории евреев: ссыльные, земледельцы – колонисты, приехавшие осваивать здешние земли по закону 20 ноября 1836 года, военные кантонисты и солдаты, отслужившие срок службы по рекрутскому уставу и пожелавшие остаться в месте службы и, наконец, «случайные» - ремесленники и торговцы, при различных обстоятельствах и в разные годы по своей воле «зашедшие» в Сибирь и осевшие здесь.

Самой многочисленной была группа ссыльных. Они, «проложив» путь в Сибирь, стали и первой относительно устойчивой группой сибирского еврейского населения. Как правило, евреи ссылались за преступления против собственности. С. Максимов писал: «Прежде и сильнее всего евреи заявляют склонность к воровству – краже. По склонностям к грабежу, к подделке ассигнаций, к контрабанде чувствуется в этом племени тоже присутствие хищнической склонности... Слаба в евреях склонность к смертоубийству, и только озлобленный ссылкой и каторгою еврей нередко становится злодеем. Еврей никогда не уличается в преступлениях против власти, которой он льстит и которую подкупает... Зато он – первый контрабандист, недурной делатель фальшивых денег и перевозчик краденых металлов с промыслов, приисков и россыпей. Зато ни в одном из иноверцев не развита в такой степени склонность к преступлению воровства, как в еврейском населении России».⁵ Статистическими данными это подтвердил и Е.Н. Анучин. Сосланные за 1837-1846 годы 939 иудеев дали самый высокий процент преступлений против собственности по сравнению с исповедующими другую религию: 74,88 – почти три четверти от всего числа ссыльных евреев, в то время как процент преступлений против жизни (4,26) и против власти (1,38) оказался самым низким.⁶ Якутский губернатор В.Н. Скрипицын отмечал, что значительное число евреев было выслано в область в 1870-х годах без суда, административным порядком, и в некоторых случаях по Высочайшему

повелению на всегдашнее жительство за порочное поведение и конокрадство.⁷

Каторжные работы евреи отбывали либо в Иркутской губернии в Александровской центральной каторжной тюрьме, либо в Забайкалье, в Нерчинском округе на Карийских промыслах, Кутомарском заводе и Горно-Зерентуйском руднике. Забайкальское областное правление настаивало на прекращении еврейской каторги в области, ссылаясь на Указ 19 декабря 1824 года о запрещении всякого жительства евреев на казенных, частных и Кабинета Его Величества заводах и промыслах. Однако генерал-губернатор Восточной Сибири Анучин был против этого, так как в таком случае каторжных евреев пришлось бы перераспределять между островом Сахалин и Александровской центральной каторжной тюрьмой. По мнению Главного начальника края, «водворение их на Сахалине было бы еще вреднее, нежели в Нерчинском крае, а заключение в Александровскую центральную тюрьму превратило бы ее в тюрьму исключительно еврейскую и совершенно изменило бы характер этого места заключения». Для охраны «нравственности» от «совершенно бесполезного для тюрьмы и дурно влияющего на остальных каторжных контингента» в Александровском центре тюремное управление продолжало ссылать евреев в Забайкалье на каторгу, а Министерство юстиции, в свою очередь, признав невозможным прекращение высылки евреев в Забайкалье и освобождение от них Приамурского края за счет Иркутского, порекомендовало забайкальским властям лучше присматривать за евреями, чтобы свести к минимуму их вредное влияние на местное население.⁸

Практически весь период сибирской еврейской дореволюционной истории губернаторы боролись за уменьшение масштабов ссылки как основного источника пополнения еврейского населения. В своей «Летописи» В.Л.Приклонский указывает 1851 год как дату, когда

«повелено прекратить ссылку евреев в Сибирь вследствие непомерного увеличения в ней числа их».⁹ Однако речь, как мы знаем, шла лишь о возрастных и некоторых территориальных ограничениях еврейской ссылки в Сибири. Ссылные, напротив, были единственной стабильной составляющей еврейского населения Сибири. Нерчинско-заводской земский исправник в 1866 году в своем рапорте указывал, что еврейское население в Нерчинском округе «образовалось через ссылку их за разные преступления в каторжную работу, и проживающие в настоящее время евреи или уволенные от работ ссыльнокаторжные, находящиеся на свободе по билетам Горного правления, или причисленные уже на поселение к волостям».¹⁰ Якутская еврейская община также сложилась исключительно за счет ссылных и добровольно приехавших за ними членов их семей, о чем Якутский полицмейстер в 1908 году писал в донесении губернатору области И.И.Крафту.¹¹ Енисейский губернатор М.А. Плец предлагал для уменьшения численности евреев отменить их ссылку, потому что «этот способ служит главнейшей причиной ежегодного наводнения Енисейской губернии евреями в возрастающем количестве».¹² К тому же за евреями в ссылку добровольно следовали члены их семей, по численности вплотную приближаясь, а то и значительно превосходя собственно ссылных (Табл.2). Иркутский генерал-губернатор А.И. Пантелеев в докладе в Министерство внутренних дел отмечал, что процент ссылных весьма незначителен по сравнению с числом их полноправных единоверцев, хотя еврейский контингент в крае и образовывается главным образом за счет ссылки.¹³ Например, в 1895-1897 годах в Иркутскую губернию за 365 ссылными евреями добровольно последовали 226 членов их семей, в Енисейскую губернию за 147 ссылными – 108 членов семей. На территории Якутской области к началу 1898 года насчитывалось 291 отбывших каторгу и ссылных евреев, с которыми жили 328 жен и детей. Всего же к этому времени на территории Иркутского генерал-

губернаторства числилось 7946 ссыльных евреев с семьями, из которых 4197 человек составляли добровольно последовавшие.¹⁴ В Енисейской губернии в 1901 году ссыльные составляли 12 процентов всех здешних евреев, тогда как члены их семей - 33,8 процента.¹⁵ Главное тюремное управление, определяя место отбытия каторги евреям, обращало внимание Иркутского генерал-губернатора на то, что в Александровскую центральную тюрьму могут помещать лишь прибывших «из тюрем Европейской России мужчин, за которыми не последовали семейства, а число евреев преступников этой категории незначительно».¹⁶

В 50-60-е годы XIX века общины пополнялись за счет бывших военных кантонистов, в свое время проходивших муштру в военных школах – кантонах, а позже поступавших на военную службу. Закон 1867 года позволил остаться в Сибири солдатам, отслужившим полный срок службы по рекрутскому уставу и получившим право повсеместного жительства. Эта категория евреев, поселившаяся на законных основаниях, оказала заметное влияние на состав еврейского населения в Сибири и сыграла значительную роль в позднейшей истории сибирских еврейских общин (в частности, томской, иркутской). Бывшие кантонисты (кантоны были отменены Манифестом Александра II 26 августа 1856 года) и еврей-солдаты, служившие в местных частях - основной источник полноправного еврейского населения. Приписываясь к городским мещанским обществам, а в некоторых случаях дав начало купеческим родам, они были самыми сплоченными членами еврейского общества и вместе с ссыльными составляли ядро будущих религиозных общин.¹⁷ Верхнеудинский земский исправник в своем рапорте выделял такие категории городского еврейского населения: « а) сосланные на житье мещане и дети их б) исключенные из военных кантонистов еврейские сыновья на основе Всемилостивейшего...Манифеста, дарованного всем верноподанным ...в день 26 Августа 1856 г. в) исключенные из военного ведомства не

достигшие до Всемилостивейшего Манифеста в службе 20-летнего возраста г) солдатские сыновья нижних чинов из евреев, которые остались на жительство в Сибири д) пришедшие из России за родителями в малолетстве по воле – все они записаны... в податное состояние».¹⁸ Основные источники формирования сельского еврейского населения были такими же – ссыльнопоселенцы и их дети, а также «исключенные их военных кантонистов с оставлением их при родителях» - с той разницей, что и те и другие были причислены к крестьянским обществам.¹⁹

Что касается «случайных», то они не стали столь значительной «составляющей» еврейского общества, как первые две категории. Среди них были получившие официальное разрешение на жительство в Сибири в силу каких-то особых доблестей. В частности, винокурам Лейбе и Якову Давыдовым в 1827 году Высочайшим повелением было разрешено винокурение на иркутских заводах. Для купца III гильдии Михаила Каминера также Высочайшим повелением было сделано исключение из правил 1837 года о недопущении евреев в Сибирь, с тем, однако, «чтобы изъятие допущено было исключительно для него и не в пример другим».²⁰ Купец Моисей Прейсман, проживший в Сибири без разрешения почти сорок лет, в виде исключения «как полезнейший человек для своего края», пожертвовавший Нижнеудинской церкви 10 тысяч рублей ассигнациями, получил право «остаться и впредь на жительство в Сибири».²¹ Одним из первых обнаруженных нами из «самовольно зашедших в Сибирь» был дед нижнеудинской еврейки Софьи Флекель, который поселился здесь в 1812 году.²²

XX век внес некоторые изменения в источник формирования еврейских общин: в Сибирь приехали несколько десятков врачей, адвокатов, учителей. Хотя привилегированным категориям евреев въезд в Сибирь к этому времени был уже запрещен, но с учетом недостатка образованных людей, особенно медиков, в которых остро нуждалась Сибирь, и

ходатайств общин о приглашении учителей для преподавания в национальных школах, в ряде случаев запрет снимался. Они оседали в Сибири, образуя костяк местной еврейской интеллигенции.

На протяжении периода с середины XIX до начала XX веков статистика фиксирует медленный, но устойчивый рост еврейского населения в регионе: от 0,23 до 1,3 процента общей численности населения Иркутской губернии, от 0,5 до 0,9 - в Енисейской губернии, от 1,0 до 1,7 - в Забайкальской области. За период с 1862 по 1909 годы число евреев в Якутской области выросло с 94 до 661 человека, то есть в семь раз.²³ (Табл. 3).

Резкий скачок численности евреев в забайкальских городах Чите, Нерчинске и особенно в Верхнеудинске в 1905 году (по сравнению с 1901 годом более чем в пять раз!) объясняется, по-видимому, бегством от погромной волны, которая, поднявшись в западных губерниях и распространившись и на Сибирь, все же не докатилась до Забайкалья. Это предположение подтверждается записями в метрических книгах, которые фиксируют новые, ни разу до того не встречавшиеся фамилии приехавших из губерний черты оседлости: Виленской, Витебской, Гродненской, Екатеринославской, Минской, Могилевской, Полтавской.²⁴ И, наконец, последний виток численного роста еврейских общин Сибири наблюдается в период первой мировой войны, когда выселение из прифронтовой полосы «неблагонадежных инородцев», в первую очередь евреев, подозревавшихся в «сепаратизме» и симпатиях к враждебным странам, принимает массовый характер. Вначале выселенцы оседают в Западной Сибири, в частности, в Томской губернии, но уже весной и летом 1915 года они появляются в Енисейской губернии, а к концу года и в Иркутской, главным образом на Ангаре и в Приленском районе. Позже появляются и беженцы. 85 процентов их приходится на западную и центральную часть Сибири. В Енисейской губернии оказываются 10769 еврейских беженцев, в Иркутской

– 7990 и в Забайкальской области – 1666.²⁵ Последние две категории евреев были «временным», в некоторой степени аморфным элементом. Резко снизившаяся вслед за столь же стремительным скачком вверх численность еврейского населения забайкальских городов говорит о том, что они расселились по другим населенным пунктам.

Представление о численности и сословной структуре еврейских общин дают материалы Первой всеобщей переписи населения, однодневных переписей, в разное время проводившихся в Иркутске, Нижнеудинске, Киренске, Верхнеудинске, Нерчинске и других городах, обзоры губернских и областных статистических комитетов, данные окружных и городских полицейских управлений, так называемая «специальная» отчетность по отдельным категориям - ремесленников, медиков, отчетность городских управ и волостных старшин, посемейные карточки, списки владельцев недвижимости, а также метрические книги духовных правлений еврейских общин. При анализе численности необходимо учитывать весь комплекс источников, поскольку из-за разницы в методах ведения учета цифры друг от друга отличались весьма существенно. Например, разница численности населения Иркутска по данным Статистического комитета и городского полицейского управления за 1906 год составила более 30 тысяч человек,²⁶ то есть в материалах комитета бесследно «исчезла» почти треть населения города. Подобная ситуация обнаружилась и в Верхнеудинске, где по данным городской управы в 1897 году проживали 5280 человек, а Всеобщая перепись населения зафиксировала 8086.²⁷ То же можно сказать и о еврейском населении: при сравнении статистических источников, которыми пользовались исследователи, и данными Иркутского полицмейстера, на которые опирались мы, в 1908 году обнаруживается разница почти в 20 процентов.²⁸

По-видимому, статистика, представляемая комитетами, была более далека от реальности и составлялась механическим способом: путем прибавления к данным последней переписи цифр естественного прироста населения, прибывших ссыльных и их семей. «При таком порядке, - отмечал Иркутский губернатор Моллериус, - весьма возможны колебания между действительными и исчисляемыми цифрами населения, особенно где оно быстро изменяется под влиянием тех или иных экономических условий или такого населения как евреи, которое само по себе по местным условиям наиболее подвижно».²⁹ Полицейские сведения можно считать более точными, чем данные статистических органов, хотя бы потому, что они собирались с большей степенью регулярности. За 1910–1911 годы евреев подвергли общей переписи четыре раза, а с 1911 года списки прибывающих, например в Иркутск, евреев каждым приставом составлялись ежемесячно.³⁰ Но и они были несвободны от недостатков из-за уклонения евреев от учета. Каждая перепись вполне могла иметь последствием выселение незаконно живших в данной местности евреев, поэтому в это время они старались не попадаться на глаза приставам. И никакие заверения, что «настоящая регистрация не влечет за собой высылки незаконно поселившихся в Сибири», чтобы «сим успокоить евреев и тем привлечь их к свободной регистрации себя», не помогали. После проведения, к примеру, переписи в Иркутске в сентябре 1875 года Иркутский губернатор К.Н. Шелашников писал: «В Иркутске...евреев оказалось свыше тысячи душ, тогда как по всем сведениям их...едва только до 400 душ обоюбого пола. При первом приступе к переписи г. Иркутска тотчас же встретились с затруднениями – с чего начать и чем руководствоваться: ни посемейных списков, ни обязательных метрик и других записей о евреях нигде не оказалось; раввина, утвержденного правительством, и резаки у иркутских евреев...нет...в мещанской управе записавшиеся евреи в мещане записаны единично – один из семьи, тогда

как другие члены, особенно несовершеннолетние, оставались по-прежнему детьми ссыльных и большей частью нигде не записанными... Наконец, при известии о переписи евреев к привлечению к воинской повинности - многие из них при переписи в одной части города переезжают в другую и наоборот или отлучаются из города временно, отдают сыновей в другие семьи и проч.».³¹ Официальная печать отметила роль самих евреев, «весьма сочувственно отнесшихся к переписи своей братии», в точном учете еврейского населения, благодаря чему «евреев...оказалось больше того, что предполагали и сколько считали их сами евреи».³² А Иркутский генерал-губернатор А.И. Пантелеев, обратив внимание на существенную разницу статистических данных о евреях, собранных статистическим комитетом и полицией, напротив, усомнился в цифрах последней, поставив на вид крайне небрежное исполнение возложенных на нее поручений.³³ Точность приведенной нами статистики еврейской ссылки, составленной по сведениям волостных правлений и мещанских управ, Иркутский военный генерал-губернатор также подвергал большому сомнению, поскольку «простое наблюдение показывает значительно больший процент еврейского элемента». Заниженные, на его взгляд, данные объяснялись тем фактом, что в ведомости не попали родственники уже умерших или не обнаруженных на месте ссыльных, а также евреи, родившиеся в Сибири, а потому числящиеся полноправными.³⁴ К тому же ссыльные тоже уклонялись от записи.

Исследователи склонны считать, что наиболее качественны в ряде случаев данные церковного учета. В частности, после появления института раввината евреи исчислялись куда точнее, чем в процессе соответствующих ревизий. Еврейское население изрядно поднаторело в способах укрывательства от ревизского учета, чтобы избежать подушной подати и воинской повинности, так что перечни «наличного населения» недосчитывали многие тысячи евреев мужчин. При церковном же

исчислении погрешность сводилась к минимуму: запись в метрической книге религиозного общества не грозила главе еврейского семейства неприятными последствиями, так что укрываться от учета не было особого смысла.³⁵ Кроме того, книги еврейских религиозных общин были свободны от недостатка, присущего прочим «вероисповедным» книгам: зафиксированного в них можно со стопроцентной вероятностью отнести к евреям, тогда как в разряде православных или мусульман могли оказаться представители других национальностей. Большая надежность этого источника по сравнению с прочими признавалась даже циркулярным письмом Министерства внутренних дел и Департамента Духовных дел иностранных исповеданий от 9 января 1903 года. Оба ведомства считали, что не стоит доверять метрификацию евреев местной городской и сельской полиции, которая ввиду своей малочисленности вряд ли справится с делом, и настаивали на полном доверии и повышении роли в учете еврейского населения раввинов. «Трудно допустить, чтобы раввины из племенной солидарности или вследствие материальной зависимости от своих соплеменников позволяли себе в деле ведения метрических книг...сознательные злоупотребления в ущерб...государственным интересам, - отмечалось в циркуляре. – Во всяком случае, как показал опыт последних 28 лет, протекших со времени введения всеобщей воинской повинности, в деле метрификации евреев не было замечено поворота к худшему».³⁶

Согласно Уставу о ссыльных до 1860 года сосланные в Сибирь евреи «должны быть водворяемы особыми селениями в отдаленных местах Сибири, именно: в Якутской и Забайкальской областях».³⁷ Место поселения, исходя из здешних условий, определял губернатор, после чего принятое решение утверждалось генерал-губернатором Восточной Сибири или председательствующим в Совете Главного управления Восточной Сибири. Степень вины ссыльного, а, следовательно, потенциальная

опасность для общества, целесообразность его проживания в том или ином районе в конечном итоге и определяли удаленность от крупных городов. В 95 процентах случаев эти рекомендации утверждались.³⁸

Земские исправники давали свои предложения, руководствуясь более земными соображениями: достаточное количество свободных пахотных и сенокосных земель, наличие леса для строительства жилья и степень использования поселенческого капитала. «Хотя крестьяне Нерчинского округа всех вообще волостей на предложение назначить места для поселения...евреев отзывались неимением земель, но это одна их уклонность и желание выказывать недостаток земель, тогда как таковых в здешнем крае огромный избыток», - писал в 1854 году Нерчинский земский исправник в Забайкальское областное правление. По его мнению, в 25 верстах от города Читы и в 7 верстах от Домнинского селения на берегу реки Ингоды «удобно завести поселение евреев на 200 ревизских душ, которых без всякого стеснения Домнинских крестьян легко можно наделить санными и пахотными землями». Подходящим он считал и 50-верстное расстояние между Тыргетуевским и Бальзинским селениями Усть-Илинской волости. Забегая вперед, скажем, что к рекомендациям исправника прислушались, и указанные им места стали постоянным «адресом» еврейской ссылки. Верхнеудинский исправник порекомендовал селить евреев на правах земледельцев около Верхнеудинска между Укыром и Шакшею. Считая важным создание еврейской земледельческой колонии на Нерчинском тракте, исправник предлагал оставлять при евреях детей, добровольно следующих за ними из Европейской России (через 6 лет и эта его идея станет реальностью). При таких условиях, считал исправник, «было бы из числа евреев поселенцев довольно охотников и тогда можно было бы избежать ссуд для расселения из экономического капитала». Однако на тот момент власти поостереглись выполнять пожелания исправника из опасений потока желающих.³⁹

За несколько десятилетий сложились традиционные еврейские поселенческие места: Балаганский округ (главным образом, Черемховская волость), Верхоленский и Иркутский округа Иркутской губернии (в первом из них жили 32,9 процента всех евреев - жителей деревень, во втором – 18,9, в третьем – 17,0), Алзамайская и Кимильтейская волости Нижнеудинского округа,⁴⁰ Красноярский, Канский, Ачинский округа Енисейской губернии (в Минусинском поселение евреев было ограничено). В Красноярском округе евреев в первую очередь селили в Заледеевской, Еловской, Сухобузимской, Частоостровской, Нахвальской, Вознесенской, Погорельской волостях, в Ачинском – в Покровской, Ужурской и Назаровской волостях, в Канском округе – в Рыбинской, Ирбейской, Анцирской и Уринской волостях.⁴¹ В Забайкальской области местами поселения евреев считались Верхнеудинский, Читинский, Селенгинский, Нерчинский округа (в Троицкосавском и Акшинском не селили, поскольку они были приграничными). В Верхнеудинском округе еще в 50-е годы XIX века «еврейскими» волостями считались Тарбагатайская, Мухоршибирская, Ильинская, Итанцинская, где компактно жили по 200 и более евреев, в Нерчинском – Усть-Илинская, Успенская, Татаурская.⁴² Но, пожалуй, одним из наиболее «популярных» мест поселения евреев был Баргузинский округ. Близость Нерчинской каторги и удаленность от больших городов и китайской границы делали этот край, по мнению властей, идеальным местом для ссылки. Интенсивность ее в этих местах была такова, что если в 1840 году Верхнеудинский земский исправник докладывал окружному начальнику, что местное население не будет возражать против поселения здесь евреев «по множеству имеемых земель, то в 1850 году здесь жило уже до 1000 евреев, а в 80-е годы Читканский волостной старшина регулярно докладывал Баргузинскому окружному начальнику, что «причислять вновь ссыльнопоселенцев решительно невозможно по неимению здесь удобной

для хлебопашества и сенокосения земли», вследствие чего «коренные жители до крайности стеснены хлебопахотными землями».⁴³

На перенасыщенность округа ссыльными обращал внимание и военный губернатор Забайкальской области. Однако эти доклады не имели последствий, и определение сюда на поселение отбывших каторгу евреев, равно как и ссылка их в эти края продолжались. Большая часть сосланных в округ евреев (свыше 87,8 процента) была расселена в Читканской волости. Да и в последующем две трети баргузинских евреев жили здесь. В каждой из названных волостей образовались селения с традиционно высокой концентрацией еврейского населения.⁴⁴ В Якутскую область еврейская ссылка в 80-90-е годы была ограничена распоряжением генерал-губернатора Восточной Сибири от 13 августа 1886 года из-за малолюдности и непригодности большей части мест к земледелию. К тому же земли, заселенные якутами, были принадлежностью их родов, и поселение здесь чужеземцев считалось противозаконным. В дальнейшем их чаще селили в самом Якутске с редкими «вкраплениями» в Покровской волости и Батурусском улусе Якутского округа, Сунтарском и Верхне-Вилуйском улусах Вилуйского округа, в Западно-Кангаласской инородной управе.⁴⁵

Закономерностью еврейской колонизации стало поселение вновь прибывавших в край евреев поближе к единоверцам. Вряд ли это было вызвано сознательным стремлением евреев к созданию национальной общинной жизни. Скорее диктовалось более прозаическими причинами: у соплеменников можно было на первых порах получить кров или денежную помощь, пока ссыльный не обзаведется собственным хозяйством. Через некоторое время оказывалось, что евреи живут среди остального сибирского населения уже более или менее заметными «кусками».

Закон 12 июня 1860 года определял, что сосланные в Сибирь евреи поселяются на общем основании в деревнях старожилов. Архивные

документы позволяют реконструировать процесс обсуждения вопроса о поселении евреев на местном уровне, где он встал со всей остротой много раньше, чем оказался на обсуждении в министерских кабинетах. Еще в начале 50-х годов XIX века Верхнеудинский земский исправник, характеризуя населяющее округ еврейское население, писал, что «поселенцы евреи большей частью при дряхлости лет⁴⁶ по неимению способов к пропитанию себя в селении вновь образованном... должны вести жизнь бродяжническую, по билетам мелочным товаром или же где-нибудь в услужении» и предлагал их как людей, не способных к сельским работам и не могущих существовать в местах, не населенных русскими старожилами, приписывать к ним.⁴⁷ Его поддержал Нерчинский исправник, добавив в качестве аргумента, что «и в России они (евреи. – Л.К.) ...не могут встать в параллель по сельскому хозяйству с окрестными жителями, а сосланные в Сибирь евреи тем более не имеют способностей к земледелию».⁴⁸ Предложение не в меру инициативных исправников встретило гневную отповедь генерала-губернатора Восточной Сибири графа Муравьева. Ссылаясь на министра государственных имуществ графа Киселева, он писал: «Причисление евреев поселенцев к селениям старожилов в Забайкалье – как мера не согласная с законом и вредная по своим последствиям – должно быть немедленно и безусловно прекращено» и «приступлено к водворению сих евреев отдельными селениями».⁴⁹ Понадобилось восемь лет, чтобы идея исправников была реализована. По иронии судьбы законопроект о поселении евреев среди сибирских старожилов был предложен его бывшим противником Муравьевым и представлен другим его противником – министром государственных имуществ.

После принятия закона 12 июня 1860 года о расселении евреев среди старожильского населения Сибири число мест поселений евреев заметно выросло.⁵⁰ К тому же они с позволения администрации сами переезжали в

другие места. Иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин писал в Министерство внутренних дел: «Со времени издания закона о разрешении поселять ссыльных евреев в деревнях старожилов администрация расселила их по всем местностям края и не препятствовала им переходить на жительство не только в другие округа, но и в другие губернии и области. Вследствие сего в губернии Иркутской и Енисейской почти нет селения, где бы не жило несколько еврейских семейств, занимающихся вне всякого надзора власти, главным образом, эксплуатацией местного населения».⁵¹

Закон 12 июня 1860 года, «рассеивая» евреев по разным населенным пунктам, не допускал их компактного поселения. Однако однозначно негативное его толкование исследователями кажется нам небесспорным. Водворение евреев прежним порядком особыми селениями рано или поздно породило бы вторую черту оседлости с ее скученностью и невозможностью прокормиться даже не столько из-за высокой численности евреев, сколько из-за однопрофильности их занятий. Закон объективно сыграл в пользу евреев: несколько еврейских семей, «вкрапленных» в русские селения, не вызывали раздражения окружающих, а в сложившейся системе разделения труда евреи с легкостью отыскивали свою нишу и становились полезными, а в ряде случаев просто необходимыми для принимающего общества в качестве ремесленников или торговцев. Трудность заключалась только в исполнении ими религиозных обрядов, ибо по закону молитвенную школу можно было иметь только в местностях с числом еврейских домов не меньше 30.

После отбытия ссылки по закону место причисления также должен был определить губернатор, однако евреи нередко определяли для себя таковое по своему выбору, предварительно заручившись приемными приговорами крестьянских обществ. В 1893 году Иркутский генерал-губернатор распекал губернские правления за то, что они разрешают отбывшим

ссылку свободно водворяться в разных сибирских областях и губерниях по предъявлении ими приемных приговоров обществ о готовности принять их в свою среду: «...мною ...было разъяснено, что ссыльнопоселенцы, приобретшие на основании Уст. о ссыл. или Всемиловейшего Манифеста право на перечисление в крестьяне, не перестают быть ссыльными, а потому те из них, которые принадлежат к еврейскому племени, не могут быть водворяемы в иных местностях, кроме назначенных гг. начальником края в каждой губернии».⁵²

Запрет селить евреев в 100-верстной полосе внес некоторые коррективы. В запретную зону попали традиционные места еврейской ссылки: село Шаралдаевское Мухоршибирской волости и несколько сел Ключевской волости Верхнеудинского округа.

Особенностью расселения евреев в Сибири по сравнению с западными губерниями, где разработанные министром внутренних дел графом Игнатьевым «Временные правила» 3 мая 1882 года пресекали проживание евреев за пределами городов и местечек и приобретение там ими недвижимости, было как раз стремление не допустить их в города. Евреев привязывают к глухим местам, затрудняя их перемещение в многонаселенные торгово-промышленные центры. Чтобы закрепить их в сельской местности, потомкам ссыльных решением общего собрания I и Кассационного Департаментов Правительствующего Сената позволялось постоянное пребывание и приобретение недвижимости в пределах сельских поселений или волостей, к которым они приписаны.⁵³ Очевидно, в Сибири такая политика диктовалась «послужным списком» ссыльных евреев и опасением наводнить губернские и уездные центры «преступным элементом».

Тем не менее евреи как «природные» горожане, не приспособленные к условиям деревенской жизни и лишены необходимых в деревне профессиональных навыков, стремились вернуться в привычную для них

городскую обстановку, осеть поближе к людным местам – у транспортных магистралей, заводов. Отмечая их «центростремительные» наклонности, не симпатизировавшая им газета «Сибирь» писала: «...сосланного еврея на месте причисления его в селении где-нибудь и даже в волости нет возможности удержать; он всегда сумеет всякими правдами и неправдами удрать в место злачное, в город, или другое какое много более подходящее для него место, и если задержится где-нибудь в селении...то всегда уж в виду какой-нибудь наживы или гешефта. Наши большие сибирские города по числу евреев не уступают...(по крайней мере Иркутск) любому городу Европейской России, за исключением только западного края».⁵⁴ Управляющий Иркутской казенной палатой предостерегал Председательствующего в Совете ГУВС, что перечисление еврейских поселенцев по их просьбе из отдаленных округов в селения, ближайšie к Иркутску, чревато их самовольным прибытием в город, который и «без того переполнен евреями». Для пресечения их «эксплуаторской деятельности» в городе он просил распорядиться, чтобы Иркутское губернское правление на будущее время не причисляло в селения Иркутского и Балаганского округов ссыльных евреев даже при предъявлении ими приемных общественных приговоров.⁵⁵ Однако высшая сибирская администрация имела свою точку зрения на этот счет. Руководствуясь пусть совершенно различными мотивами, губернаторы и генерал-губернаторы считали концентрацию евреев в городах меньшим злом, чем расселение их по деревням. В частности, Иркутский губернатор Моллериус, сразу заметив разницу в порядке расселения евреев в Европейской России, где руководствовались Временными правилами 3 мая 1882 года, и в Сибири, поставил вопрос: если на западе страны поселение евреев среди крестьянского населения признается вредным, почему же в Сибири оно будет считаться полезным? Тем более что уездные города губернии далеко не насыщены евреями. Иркутский генерал-губернатор

А.Д. Горемыкин ввиду «неподготовленности Сибири к борьбе против еврейства» и «крайнего недостатка здесь при огромных пространствах необходимых органов власти для преследования», настаивал на «не прочном водворении евреев в деревнях, а сосредоточении их впредь до отмены ссылки в Сибирь в городах (за исключением губернских и областных), где надзор за ними городской полиции представляется в некоторой степени достижимым». Генерал-губернатор А.И. Пантелеев также пребывал в уверенности, что концентрация евреев в городах более соответствует государственным интересам ввиду «необходимости ограждать от их эксплуататорских наклонностей главным образом менее развитое сельское население». Пребывание «более половины общего числа лиц иудейского вероисповедания с надлежащим разрешением или самовольно в городских поселениях» он, кроме того, оправдывал «исключительно большей возможностью в последних торговых и ремесленных заработков, наиболее доступных евреям по их привычной деятельности».⁵⁶ Такой же точки зрения придерживался и Якутский губернатор В.Н.Скрипицын.⁵⁷ А Енисейский губернский совет, грозя взысканиями волостным правлениям, окружным исправникам и городским полицмейстерам за выдачу евреям ссыльнопоселенцам билетов на жительство в городах, в том числе и Красноярске, без разрешения губернского начальства, не возражал против жизни в городах и занятий ремеслом и промышленностью евреев, перечисленных в крестьяне. Тем более что Устав о ссыльных это разрешал. Остаться в городах, в том числе и губернском центре, могли и сосланные евреи, по прибытии перечислившиеся в местные мещане или купцы.⁵⁸

Таким образом, поселенные первоначально в сельской местности, евреи постепенно стягиваются в города. Стабильные этнические общности евреев в городах сложились уже в середине XIX века. В частности, в Красноярске в 1863 году число евреев достигало 362 человек (4,1 процента

населения города), в Канске – 134 (5,3 процента), в Енисейске – 211 (3,9), в Ачинске – 161 (5,95). В Иркутске число евреев достигло 283 человек (более одного процента), в Чите к 1870 году в городе проживали 317 евреев (12, 2 процента), в Верхнеудинске – 148 (4,2 процента), в Баргузине – 124 (17,2), в Нерчинске – 60 (1,6).⁵⁹ Процесс концентрации евреев в городах был характерен для всей Сибири. В частности, в городское еврейское население в Западной Сибири за период с 1825 по 1859 годы выросло в 3,8 раза, а с 1859 до 1864 года – в 1,7 раза.⁶⁰

Процент евреев в городском населении был неизменно выше, чем таковой в сельской местности, причем он постоянно рос по отношению к общему числу евреев в губерниях, достигая половины и больше (Табл. 5). Во всех городах рассматриваемого региона евреи стабильно занимают вторую позицию по численности после русских. Такая же ситуация наблюдалась и в черте оседлости, где почти половина еврейского населения сосредоточилась в городах, составляя более трети городского населения, в то время как в сельской местности жили лишь 18,1 процента евреев, составлявших только 2,8 процента населения.⁶¹

Более высокий, чем в среднем по губерниям, процент еврейского населения отмечается и в округах, примыкающих к губернским городам. В частности, по данным переписи населения 1897 года, 55 процентов евреев Иркутской губернии жили в Иркутском округе, в то время как все население округа составляло только 30 процентов населения губернии.⁶²

Процесс и темпы урбанизации еврейского населения зависели от особенностей экономического развития городов и политики властей по отношению к евреям. Посмотрим это на примере нескольких городов. В Иркутске в 60-70-х годах XIX века отмечается быстрый рост еврейского населения: за 10 лет с 1863 по 1873 годы оно удвоилась, а за 12 – с 1863 до 1875 увеличилось в 3,5 раза. По темпам роста евреи опережали в 7 раз все население города.⁶³ По данным 1887 года, примерно одинаковый процент

евреев – 24 и 23, 6 – прибыли сюда из Иркутской губернии и других сибирских губерний и только 6,5 процента – из черты оседлости.⁶⁴ В самом Иркутске самой «еврейской» была третья часть города: здесь жило около половины всех городских евреев.⁶⁵

Иркутск был для них центром притяжения как крупный, динамично развивающийся город. Расцвет торговли и золотопромышленности, оборот крупных капиталов, нажитых разработкой золотых приисков и торговыми операциями по их снабжению, при нестрогом соблюдении ограничительных норм «еврейского» законодательства дал здесь рост еврейского населения в два раза больший, чем в деревнях и селах губернии. При сравнительном анализе населения Омска и Иркутска по вероисповеданию отмечалось полное сходство цифр, кроме иудеев: в Иркутске этот процент был в полтора раза выше, что объяснялось предпочтением евреями торгового Иркутска чиновничьему Омску.⁶⁶ Спад же численности евреев в Иркутске во второй половине 80-х годов (с 1884 по 1893 годы она уменьшилась в полтора раза) исследователи связывают с ужесточением правовых ограничений, характерных для эпохи Александра III и действиями местных чиновников строго в русле общероссийской запретной политики.⁶⁷ Новый всплеск в конце 90-х годов следует соотнести с строительством и открытием Транссибирской железнодорожной магистрали. Иркутский губернатор И.П. Моллериус даже высказывал опасения, что «если не принимать меры противодействия, евреи переполнили бы г. Иркутск, в котором для огромного региона сосредоточены наиболее прибыльные заработки, причем сюда стеклись бы евреи не только из Иркутской губернии, но и Енисейской губернии, Якутской, Забайкальской и других областей Сибири.⁶⁸ Однако темпы роста на этот раз были «скорректированы» перетасовками евреев, которых выселяли к месту приписки: с 1893 по 1897 годы их число в городе выросло незначительно. А последующая

селивановская выселенческая политика и вовсе снизила число иркутских евреев почти на тысячу человек.⁶⁹

Тем не менее, в городе уже в 80-е годы XIX века образовалась солидная прослойка истинно иркутских евреев: 45,4 процента еврейских семей прожили в городе к тому времени более 10 лет, около 5 процентов здесь родились.⁷⁰ А в первое десятилетие XX века абсолютное большинство иркутских евреев составляли местные уроженцы, прибывшие в город, когда только-только начался его рост, и прожившие здесь не менее 15-20 лет, тогда как большую часть остальных иркутян составляли пришлые, прибывшие в город в течение последнего десятилетия.⁷¹

Быстрый рост еврейской общины Нерчинска (с 1875 по 1889 годы в 2,5 раза – с 129 до 333 человек) объяснялся выселением евреев из пограничных районов. Не рассчитывая обосноваться в Чите или Сретенской из-за большого скопления там единоверцев, они реализуют свою тягу к городу в Нерчинске.⁷² Дальнейший быстрый рост населения города, в том числе и еврейского, был связан со строительством Амурской железной дороги. Еще одной «точкой притяжения» для евреев стала казачья станица Сретенская Нерчинского уезда: с 1879 по 1886 годы еврейское население станицы выросло вдвое: с 176 до 358 человек.⁷³ Концентрация здесь евреев объяснялась выгодным положением Сретенской как «перевалочного» торгового пункта на Амурской железной дороге, от которого «начинается правильное судоходство по Амурскому бассейну и прямое сообщение Дальнего Востока по Великому Сибирскому железнодорожному пути». Близость золотых приисков и возможность торговли с Китаем не могли не привлечь сюда массу торгово-промышленного населения. В короткое время из казачьей станицы Сретенская выросла в значительный торгово-промышленный центр с годовым оборотом свыше 10 миллионов рублей, где открылись представительства почти всех иркутских, благовещенских и кяхтинских

торговых фирм.⁷⁴ По мнению военного губернатора Забайкальской области Я.Ф.Барабаша, одной из причин быстрого роста еврейского населения стало прекращение работ на Желтуринском прииске на китайской стороне: оставшиеся без заработка еврейские старатели, «выйдя в Сретенск, остановились в нем как в селении, ближайшем от Желтуры и вместе с тем промышленном торговом пункте».⁷⁵ А перспективы развития Сретенской сделали ее для еврейских промышленников и торговцев еще более притягательной.

Как чуткий индикатор промышленного развития евреи динамикой своей численности служат хорошей иллюстрацией «блеска и нищеты» сибирских городов. (Табл. 5). Пошедший в гору с развитием золотопромышленности Красноярск в 40-50-е годы XIX века сразу становится приманкой для еврейского населения. Однако его недолгое благополучие и перемещение центра развития золотодобычи в Енисейск ведет к падению численности в нем евреев (при росте общего населения горожан) и их росту более чем вдвое в Енисейске. Однако как только в Красноярск в 1895 году приходит первый поезд и город обретает «второе дыхание», играя роль передаточного пункта на Сибирской железной дороге и снабжая товарами всю губернию, вновь начинается приток сюда евреев. Утративший свое экономическое значение Енисейск теряет для них свою притягательность. На рубеже XIX–XX веков динамично развивающаяся Забайкальская область дает прирост населения, превышающий таковой не только во всех европейских государствах, но и в России – 1,9 процента ежегодно.⁷⁶ Чита, расцветшая после введения в строй Транссибирской магистрали, «лихорадочно-прогрессивно» растущая по численности населения и торгово-промышленному значению, с 1894 по 1905 годы «вырастила» общее и еврейское население в 4,7 раза. Причем, следует отметить, что в 1894–1897 годы рост еврейского населения существенно замедлился, очевидно, тоже в результате политики выселения

к местам приписки. Зато в последующем город продемонстрировал стремительные темпы роста «еврейской прослойки». Иллюстрацией еврейского экономического «чутья» служит Мысовск, получивший статус города только в 1902 году, имеющий торговые перспективы из-за своего расположения на железной дороге и близости монгольской границы. За пятилетие с 1905 по 1910 годы еврейское население выросло в нем на 37 процентов, хотя в целом население города – только на 5. И это при том, что из Мысовска евреев очень интенсивно выселяли по циркулярному распоряжению Министерства внутренних дел от 22 мая 1907 года. В 1915 году в Мысовске насчитывалось 6500 жителей, 1500 из них – евреи.⁷⁷ Тенденция тяготения евреев к городам, через которые прошла железная дорога, прослеживается явно. (Табл. 5)

Маленькие же города их не привлекают. Отсюда и медленный рост или даже полный застой в численности еврейского населения Канска, Ачинска Енисейской губернии, Нижнеудинска, Киренска, Верхоленска Иркутской губернии. Долгое время еврейское население в них увеличивается даже медленнее, чем в деревнях и селах. Войтинский и Горнштейн отмечали, что с 1863 по 1875 годы сельское еврейское население выросло на 60 процентов, тогда как во второстепенных городах Иркутской губернии оно почти не изменилось.⁷⁸

В 90-годах XIX века значительная часть еврейского городского населения была уже сибирскими уроженцами, или «природными» сибиряками, хотя по численности все еще уступали сосланным: в Енисейске 32,7 процента глав еврейских семей родились в Сибири и 67,3 составили ссыльные и прибывшие за отцами, в Красноярске – соответственно 24 и 76 процентов, в Ачинске – 25,5 и 72,7, (остальные – служившие в армии и оставшиеся здесь), в Канске – 36,8 и 63,2.⁷⁹ В Якутске к 1903 году из 63 глав еврейских семейств 48 прожили здесь больше 15 лет, 46 – более 20, а трое родились здесь. А в 1907 году здесь

уже не было никого, кто прожил бы в городе менее 15 лет.⁸⁰ В Верхнеудинске в 1907 году 14,3 процента семей жили более 10 лет, 24,7 – более 20 лет, 8,2 – более 30 лет.⁸¹

Анализируя сословную структуру еврейского общества, следует отметить несколько особенностей. Во-первых, очень высокий процент ссыльных – от трети в городах до двух третей и более в округах. (Табл. 6.1 и 6.2). Это объясняется тем, что по полицейской статистике в разряд ссыльных заносились крестьяне и мещане в первом поколении, происходившие из ссыльных. Исполнявший обязанности Енисейского губернатора И.Н.Сазонов в письме Иркутскому генерал-губернатору называл очень низкий процент полноправных евреев - 16,6.⁸²: по-видимому, недавно приписавшихся к податным обществам он числил как ссыльных. Якутский полицмейстер также в своем донесении губернатору области И.И.Крафту делил евреев на три категории: на ссыльных, состоящих на причислении в мещанском или крестьянских обществах, на прибывших в ссылку с семьями и также причисленных к обществам, и собственно ссыльнопоселенцев.⁸³ Во-вторых, большое число крестьян-евреев даже в городах. Крестьяне составляли основную массу еврейского населения во всем рассматриваемом регионе (Табл. 6.3), в то время как в Европейской России евреи – это преимущественно мещане или купцы. Дело в том, что на основании 735 статьи Т. XIV Устава о ссыльных по продолжению 1863 года переход ссыльнопоселенцев в городские звания, т.е. в цеховые мещане и купеческие гильдии, воспрещался. Но они могли с позволения местного начальства, перечислившись в крестьяне и не выходя из этого сословия, жить в городах и заниматься ремеслами и промышленностью. Словом, крестьяне – это потомки ссыльных, приписавшиеся к крестьянским обществам, и с земледельческим классом у большинства из них не было ничего общего. Довольно высок и процент

«не принадлежащих к этим сословиям»: под ними подразумевались ссыльнопоселенцы.

В городах самым многочисленным «еврейским» сословием были мещане: 47,5 процента в Енисейской губернии, 53,1 в Иркутской и 53,3 в Забайкальской области. Вторую позицию занимали крестьяне (соответственно 45,8; 24,2; 31,1). В округах это соотношение менялось в пользу крестьян: 59,3 процента в Енисейской губернии, 49,8 в Иркутской и 56,8 в Забайкальской области. Мещане перемещались на второе место везде, за исключением Иркутской губернии, где 26,4 процента составляли ссыльнопоселенцы. Кстати, везде – и в городах, и в округах, кроме городов Забайкальской области, - ссыльные занимали по численности третье место. В самом Иркутске, по данным 1887 года, поселенцы занимали вторую позицию (17,3 процента) после мещан (53,2 процента). Такая же картина наблюдалась в Енисейске и Ачинске. Третью строчку занимали крестьяне.⁸⁴

Объяснение высокого процента мещан – при том, что ссыльным запрещалось записываться в городские сословия - видится нам в следующем. Желая осесть в городах на законном основании, еврей-крестьяне, накопив денег, выкупали гильдейские свидетельства. На будущий год из-за финансовой несостоятельности они их не возобновляли и по закону причислялись к мещанскому обществу того города, где состояли в купечестве. Очевидно, это было достаточно распространенным явлением, так как Забайкальская казенная палата даже предлагала не возобновивших гильдейские свидетельства купцов причислять в мещанские общества тех городов, где они состояли в купечестве, только с согласия этих обществ. В случае отсутствия такового бывшие еврейские купцы должны были перечислиться в то состояние и то общество, из которого они были записаны в купечество.⁸⁵

Следует отметить высокий процент гильдейского купечества, что свидетельствует об экономической активности еврейского населения. В 1897 году в Енисейской губернии еврейские купцы составили пятую часть городского купечества, в Иркутской – четвертую, в Забайкальской области – почти половину. Это при том, что евреи в городах Енисейской губернии составляли лишь около пяти процентов населения, в Иркутской – 6,4 и, наконец, в Забайкальской области – 8,1 процента (Табл. 5, 6 (II)).

Наконец, необходимо сказать о евреях-военнослужащих. То, что их процент в русской армии был выше относительно их численности, чем таковой остального населения, было подтверждено данными переписи населения 1897 года и впоследствии отмечалось и отечественными, и зарубежными исследователями.⁸⁶ В частности, по подсчетам Б. Пинкуса, евреи составляли 5,2 процента служащих в армии, хотя их процент в населении России равнялся 4,13. Такая же тенденция отмечена и в рассматриваемом регионе.⁸⁷ Поскольку в Сибири метрические книги стали вестись относительно поздно и установить точный возраст призывника не представлялось возможным, практиковалось освидетельствование еврейских юношей по внешнему виду. Это порождало множество недоразумений, и местные чиновники сетовали на то, что при освидетельствовании евреев, подлежащих призыву, следуют постоянные протесты, в то время как у христиан такого почти не бывает.⁸⁸ Евреев постоянно обвиняли в уклонении от призыва, что, конечно, имело место, но, по нашим подсчетам, далеко не всегда в большей степени, чем у других.⁸⁹ М.Л. Усов разгадал «загадку», как воинские присутствия постоянно недосчитываются евреев-призывников, хотя евреи дают солдат больше остального населения: «Перепись не могла зарегистрировать лиц, в России к моменту производства переписи в действительности не существовавших, а воинские присутствия вполне могли призывать и призывали в огромном числе евреев, фактически в России не

существовавших». ⁹⁰ (Имеются в виду, например, умершие еще в младенческом возрасте, но продолжавшиеся числиться в документах воинских присутствий). Тем не менее каждая семья уклонившегося от призыва еврея (реального или виртуального) наказывалась штрафом в 300 рублей.

За время службы евреи успевали освоиться в новых местах, установить связи и даже приискать занятие по выходе в запас. В Иркутске, например, прослойка отставных солдат и унтер-офицеров была весьма заметной – 9,5 процента. Некоторые из них, так же как и оставшиеся после службы в Красноярске, Верхнеудинске, позже стали родоначальниками купеческих семей.

Профессиональная структура еврейских общин региона сложилась, главным образом, под влиянием двух факторов: особенностей экономического развития Сибири как колонизируемого края и правового статуса сибирского еврейства, четко регламентирующего разрешение или, напротив, «запрет на профессии». В Сибири, в отличие от Европейской России, где промышленный капитал получил преимущественное развитие еще в XVIII веке, даже и XIX остался веком торгового капитала, что объясняется ее удаленностью от центра и положением колониального региона в экономической системе государства. С другой стороны, законодательство Российской империи способствовало закреплению за евреями исторически сложившихся традиций в определении сферы их занятости. Отстраненные по закону от государственного управления, ограниченные в праве проживать за пределами городов и местечек, наталкивающиеся на препятствия при получении высшего образования, они были весьма ограничены в выборе профессий и поставлены перед необходимостью найти сферу приложения усилий, которая, с одной стороны, не вызвала бы раздражения у принимающего их общества, а, с другой, предоставляла возможность для создания материального

благополучия. Сибири, при отсутствии здесь жесточайшей конкуренции, характерной для черты оседлости, неразвитой инфраструктуре и пустующих нишах в сложившейся системе общественного разделения труда, евреи требовались в качестве торгово-промышленного элемента, что в целом соответствовало сложившемуся стереотипу еврейской профессиональной специализации. Сводные ведомости о характере занятий членов еврейских общин позволяют говорить о том, что они сполна использовали предоставленные Сибирью возможности и успешно сыграли предназначенную им роль. (Табл. 7). Даже более того: если исследователи не склонны были считать еврейское население в целом торговым, поскольку торговлей был занят всего 31 процент (менее одной трети) самостоятельного еврейского населения России⁹¹ - кормильцев, имеющих самостоятельный заработок, то в рассматриваемом регионе евреев вполне можно отнести именно к этой категории: 49, 2 процента еврейских семей в Енисейской губернии, 55,5 в Иркутской и 39,7 процента в Якутской области были заняты торговлей, причем их доля все время росла. Эта тенденция отмечена в отдельных городах и округах: в Верхнеудинском округе в 1886 году торговлей занимались 40,5 процента еврейских семей, а в 1908 – уже 48,2, в Иркутске в 80-е годы – 32,6 процента, в Чите – 24, в Верхнеудинске – от 31 в 1898 году до 46,7 в 1907, в Якутске от 46,0 в 1903 году до 62,0 в 1911. Торговля занимает первую позицию практически во всех округах, достигая в некоторых селениях (например, в Кабанском Селенгинского округа) 68,6 процента занятий самостоятельного еврейского населения.⁹² В. Войтинский и А. Горнштейн отмечали, что процент занимающихся торговлей евреев в 8 раз выше, чем в среднем всего населения Иркутской губернии.⁹³

Здесь надо иметь в виду, что в России серьезную конкуренцию этому виду деятельности составляла промышленность, где было занято более трети всех евреев, тогда как в Сибири ее развитие запаздывало в силу

роли региона в экономической системе государства и из-за нежелания местной буржуазии отказаться от быстрых денег, которые приносила торговля.

Статистика отмечает высокий процент ремесленников (41,3 процента семей в Красноярске, 41,8 в Ачинске, 24,2 в Иркутске, 24,0 в Верхнеудинске). Ремесло занимает вторую строчку в перечне занятий практически во всех городах региона после торговли, а в городах Енисейской губернии даже первую. Это, на наш взгляд, объясняется несколькими обстоятельствами. После закона 28 июня 1865 года, согласно которому ремесленники получали право повсеместного жительства, они при выходе из черты оседлости больше оседали в ближайших к ней губерниях. Часть их достигала Западной Сибири, некоторые поселились в Енисейской губернии как более близкой. Однако ремесленники были очень уязвимой частью сибирского еврейского общества и одним из основных объектов высылки, так как по указанию Правительствующего Сената, «незанятие своим ремеслом может служить поводом к высылке еврея». На ремесленные управы возлагалась обязанность удостоверяться в действительности занятия евреями своим цеховым ремеслом и исключать из числа цеховых всех евреев, его оставивших.⁹⁴ И хотя это противоречило закону 1865 года, дававшему евреям право поступать в цеха на общем основании и вне черты оседлости, а не обязывавших их к этому, данное решение позволяло держать деятельность еврейских ремесленников под неусыпным контролем, а их самих – в постоянном напряжении. После определения Сената о том, что право жительства «повсеместно, вне черты для постоянной оседлости евреев назначенной, на Сибирь не распространяется и не может вообще иметь здесь применения», губернские советы стали целенаправленно выселять прибывших из Европейской России ремесленников. Но освободившаяся ниша при растущих потребностях дала возможность открытия ремесленных

мастерских ссыльнопоселенцам, которые у себя на родине владели каким-либо ремеслом.⁹⁵ В исследованиях отмечалось, что при полном отсутствии в Сибири наемной прислуги и крайнем недостатке ремесленников ссыльные удовлетворяли потребности общества и в тех, и в других. В Красноярске довольно долго существовал порядок организации работных домов, в которых ссыльные работали по многим специальностям, изготавливая все необходимое, вплоть до мебели и экипажей.⁹⁶ Массовый приток еврейских ремесленников в Сибирь наблюдается в начале 1900-х годов, после погромной волны, прокатившейся по стране. На этот раз они доезжают даже до Забайкалья и обосновываются здесь. Более 26 процентов всех евреев, приехавших в это время в Западное Забайкалье, зарабатывали на жизнь ремеслом.⁹⁷ Судя по телеграмме прихожан Читинского еврейского молельного дома, ходатайствующих об оставлении в городе бежавших сюда от погромов из черты оседлости, число последних здесь тоже было значительным.⁹⁸

Среди еврейских ремесленников больше всего было портных и сапожников. Но в каждом более или менее крупном населенном пункте можно было встретить и шапочников, кирпичников, шорников, парикмахеров, стекольщиков, каменщиков, кузнецов, столяров, а ювелиры, жестянщики, часовые мастера были почти исключительно евреями.

Как региональную особенность следует отметить высокий относительно черты оседлости да и губерний вне ее процент евреев, занимающихся земледелием: от 6,6 в Енисейской губернии до 12,9 в Забайкальской области (Табл. 8). В Российской империи процент занимающихся сельским хозяйством евреев был всего 3,55. Если на 10 тысяч человек в среднем за пределами черты оседлости земледелием занимался 251, то в Сибири – 825.⁹⁹ Особенно высоким процент хлебопашцев был в земледельческих районах Верхнеудинского округа. Например, в Мухоршибирской волости земледелием кормилось вдвое

больше евреев, чем торговлей. В Никольской волости из 12 семей хлебопашеством занимались 8, а торговлей – только 3.¹⁰⁰

Следует отметить и довольно высокий процент лиц без определенных занятий, особенно в округах. В частности, в Красноярском округе в 90-е годы случайными заработками перебивались 47 процентов еврейских семей.¹⁰¹ Это вполне объяснимо самим процессом формирования еврейского общества в округах: ссыльным и вышедшим на поселение нужно было время, чтобы обзавестись хозяйством и обрести постоянный источник существования.

Хотя в целом в регионе профессиональная специализация евреев укладывалась в традиционно сложившуюся систему разделения труда, в каждом городе или округе сложилась своя еврейская специализация, продиктованная особенностями экономического развития и структурой занятий местного населения (Табл. 8). Из 65 видов деятельности, указанных в Первой всеобщей переписи населения, мы выбрали 9, которые наиболее часто служили сферой приложения сил евреев. Здесь видно, например, что в Енисейской губернии и Якутской области довольно высокий процент евреев кормился извозом (6,6 процента в Енисейской губернии и 10,5 в ее городах, в Якутской области соответственно 11,6 и 15,7). Выгодность этого рода занятий была определена близостью приисков, и в структуре занятий населения Восточной Сибири пушной, извозный промысел и «разные занятия около приисков» играли более значительную роль, чем в Западной. В Енисейской и Иркутской губерниях многие торговцы-евреи специализировались на торговле продукцией сельского хозяйства (скот здесь в расчет не берется): соответственно 10,2 и 16,3 процента. В городах Забайкальской области этот процент тоже высок – 16,9, в то время как в округах он сильно уступает собственно сельскому хозяйству. В Баргузинском крае специализация была predeterminedена обилием рудников и приисков: почти каждый четвертый еврей Баргузина

кормился добывающей промышленностью, а в округе – каждый третий.¹⁰² В самом Баргузине из живших здесь в 1900 году 65 еврейских семей практически все были связаны с приисками: главы 9 из них были золотопромышленниками (либо владельцами, либо арендаторами приисков), еще 9 – управляющими на тех же приисках, 13 служащих, 24 чернорабочих, 8 зимовщиков.¹⁰³ В Прибайкалье наряду с хлебопашеством и торговлей евреи занимались рыбопромышленностью, в частности, это отмечено в Посольской, Батуриной, Турунтаевской волостях.¹⁰⁴ В Мысовой (будущем городе Мысовске) структура еврейских занятий определялась расположением на Байкале и железной дороге: торговля, извоз, рыбопромышленность, работа на железной дороге.¹⁰⁵ А в селениях Хоринского ведомства, где жили в основном буряты, евреи занимались скотоводством. Практически каждая семья имела по 10-20 и более лошадей и голов крупного рогатого скота, ничем по образу жизни не отличаясь от местного населения.¹⁰⁶

В. Розанов не без сарказма замечал, что «они (евреи. – Л.К.) избегают и не выносят трудных работ... Охотника с ружьем среди евреев нельзя себе представить ...еврей верхом – смешон и неуклюж...за дело ли они возьмутся – это будет развешивание товаров, притом легких (аптека, аптекарский магазин), конторское занятие, часовое ремесло».¹⁰⁷ Его рассуждения были далеки от реальной жизни евреев в Сибири, где им приходилось работать и в не традиционной сфере. Охота на пушного зверя, ловля рыбы, разведение лошадей были привычными занятиями евреев, поселившихся в суровом сибирском крае.

Но несмотря на быструю адаптацию к непривычным условиям и довольно жесткую привязку к особенностям экономического развития региона, евреи сохранили присущую им тягу к городской жизни. Вынужденные жить в деревенской глуши, они первоначально и естественно становятся торговыми посредниками между деревней и

городом, а потом постепенно стягиваются к большим городам, где кипит жизнь, дающая больше возможностей для заработков. Их процент в городском населении, постоянно возрастаая, был существенно выше такового в сельском. Объективно этому способствовала сложившаяся система разделения труда, где евреям было отведено место промышленно-торгового элемента.

Профессиональная структура еврейских общин все время находилась в динамике. Сохраняя на протяжении всей своей сибирской истории в целом сложившиеся пропорции – стабильно высокий процент в традиционных еврейских отраслях ремесле и торговле и относительно низкий в занятиях сельским хозяйством – еврейские общины тем не менее качественно росли. В Иркутской общине, например, за 20 лет исследователями отмечено сокращение числа прислуги с 4,6 до 0,6 процента при одновременном росте доли квалифицированных специалистов: учителей, медиков, лиц творческих профессий.¹⁰⁸ В значительной степени «еврейским» делом становятся занятия фотографией. Из-за малочисленности фотографы пользовались особым расположением властей. Были случаи, когда их оставляли в городе «ввиду приносимой ими пользы» даже при выселении представителей других профессий.¹⁰⁹

2.2. Семья как структурная единица еврейской общины

Дореволюционная сибирская еврейская семья еще не стала предметом обстоятельного изучения. Ей посвящены лишь единичные статьи.¹¹⁰ Источниками для изучения «людности», внутренней структуры, брачно-возрастных особенностей еврейской семьи послужили посемейные карточки купцов и мещан и, главным образом, метрические книги Иркутской, Верхнеудинской, Читинской, Сретенской, частично Нерчинской еврейских молелен. Большинство этих документов вводится в

научный оборот впервые. Значение их трудно переоценить при скудости документов, дающих представление о внутренней жизни общин.

Разумеется, их нельзя считать абсолютно достоверным источником. К примеру, они не всегда точно регистрировали движение населения: более или менее четко регистрируя рождения, допускали большой недоучет смертных случаев. Поэтому результаты церковного учета показывают более высокие проценты прироста, чем было на самом деле. К тому же метрические книги присылались в общину не всегда регулярно, все данные о рождении, смерти, бракосочетании евреев записывались вначале в черновом варианте. При переписывании ошибки, неточности, пропуски записей были неизбежны. Городские власти, периодически проверяя книги, неоднократно указывали должностному лицу, делавшему записи (раввину или резнику), на отсутствие в книгах возраста и сословной принадлежности вступающих в брак, пропуски места приписки того или иного еврея.¹¹¹ Иногда не фиксировались не только названия населенных пунктов, но даже волостей, уездов и губерний.

К тому же систематический учет в еврейских общинах начался довольно поздно, со становлением институтов общинного самоуправления (в Иркутске – с 1878 года, в Чите – с 1880-го, в Верхнеудинске – с 1885-го и в Сретенской – с 1897-го). До появления в Восточной Сибири института общественных раввинов метрические книги велись зачастую случайными лицами без всякой системы.¹¹² Вдобавок из-за дальности расстояний и трудностей в сообщении евреям приходилось получать метрические свидетельства процессуальным порядком через окружной суд и оформлять свой брак у общественных раввинов, когда у них уже были дети. Рождение детей они также регистрировали с большим опозданием, по делам оказавшись в городе. Поэтому число фактически рожденных в данный год и в данном городе было меньше зафиксированных в метрических книгах: часть записанных в книги детей была рождена в

уездах и к тому же несколько лет назад. Известны случаи, когда, например, иркутские купцы I гильдии Яков Патушинский и Михаил Шейнис лишь в 1900 году после решения Иркутского окружного суда зарегистрировали всех своих детей, родившихся в промежутке времени с 1870 до 1889 года.¹¹³ Факты судебного решения Забайкальского окружного суда по поводу несвоевременного объявления о рождении детей зафиксированы и в Чите.¹¹⁴ (Заметим, что они относятся к 1853 году, когда община организационно еще абсолютно не была оформлена). Запоздалые записи составляли 5-10 процентов от общего числа родившихся. В официальной переписке указывалось, что еврейские метрические книги ведутся обыкновенно неаккуратно, с большими пропусками, главным образом, потому, что «многие евреи не заявляют своевременно раввину о времени рождения своих детей, предпочитая доставлять сведения по этому предмету своим частным раввинам. Вследствие этого многие дети в книгах общественных раввинов не значатся вовсе; представлять же записи, имеющиеся у частных раввинов, родители-евреи опасаются, боясь подвергнуться ответственности».¹¹⁵ Но, несмотря на все указанные недостатки, метрические книги – наиболее важный и ценный источник, дающий возможность проследить происходящие в общинах демографические процессы.

Сибирские евреи «первой волны» не составляли традиционной еврейской семьи, поскольку еврейское общество формировалось, главным образом, за счет ссыльных (большой частью, мужчин), что с самого начала породило диспропорцию между мужским и женским еврейским населением. (Кстати, преобладание мужского населения практически во всех городах Сибири изначально было обеспечено статусом Сибири как «края каторги и ссылки»). Широко известен факт обращения каинских евреев с ходатайством о разрешении им жениться на калмычках. Ходатайство было поддержано сибирским генерал-губернатором,

сочувственно отнесемуся к факту «истомления их жизни от безнадежности иметь когда-либо жену по крайнему недостатку там женщин их веры». Государственный Совет решил, что в просьбе этой не содержится ничего подрывающего основы православной веры, поскольку женами иудеев предстояло стать женщинам нехристианского исповедания и к тому же не российским подданным, и 2 апреля 1817 года такое разрешение Высочайше было дано. Нехватка женщин сделала «поставку» невест для иудеев весьма прибыльным бизнесом: маклеры, привозившие невест из Европейской России, получали за них от 50 до 200 рублей и больше.¹¹⁶

Разрешение семье ссыльного еврея следовать за своим главой несколько изменило ситуацию. Выше уже говорилось, что число добровольно последовавших за главой семьи евреев превышало собственно ссыльных. Правда, по закону можно было взять с собой сыновей только младше пяти лет. Сын известного сибирского золотопромышленника Абрама Новомейского Моисей вспоминал, что его сосланному в Сибирь деду пришлось оставить в еврейском местечке на западе сына, которому уже исполнилось 11 лет.¹¹⁷

Необходимость отдавать мальчиков, прибывших в Сибирь в возрасте старше 5 и моложе 18 лет, в кантонисты или отправлять их по достижении совершеннолетия в черту оседлости не особенно изменила картину в пользу преимущественного роста женского населения, хотя для последнего не существовало специальных ограничений пребывания в Сибири, кроме общего для всех евреев законодательства, призванного обеспечить «уменьшение еврейского элемента». Во-первых, малолетних сыновей разрешалось оставлять при родителях, а подросших они предпочитали отдать в кантонисты, чем отправлять в черту оседлости, где все родственные связи уже были фактически утеряны. Во-вторых, анализ метрических записей подтвердил наличие отмеченного демографами

«еврейского феномена» стремительного опережения по рождаемости лиц мужского пола. И только в первое десятилетие XX века в Иркутской и Читинской общинах обнаруживается преимущественное рождение девочек. Таким образом, нами не отмечено резкой половой диспропорции, кроме обычной, свойственной краю каторги и ссылки. Исследователи отмечали заметное сокращение разрыва между численностью мужчин и женщин в 30-60-х годах XIX века, относя оптимизацию структуры населения по полу на счет уменьшения роли ссылки в формировании еврейского населения Сибири и торговли еврейскими девушками-невестами.¹¹⁸ Однако, как уже отмечалось, ссылка вплоть до XX века продолжала служить основным источником пополнения еврейского общества Сибири, а уменьшению дисбаланса, на наш взгляд, более всего способствовало разрешение женам ссыльных следовать за мужьями, чем еврейские женщины пользовались в большей степени, чем представительницы других национальностей. А вот следование Высочайше утвержденным правилам 15 мая 1837 года, согласно которым для уменьшения «еврейского элемента» в Сибири ссылка евреям до 40 лет заменялась другими видами наказаний - отдачей в военную службу или к определению в арестантские роты¹¹⁹ - создало возрастную диспропорцию. Во всяком случае, Верхнеудинский земский исправник в 1856 году, отвечая на запрос губернских властей о ссыльных евреях, характеризует их как «людей далеко не первой молодости».¹²⁰

В еврейских общинах Восточной Сибири четко прослеживается тенденция к исключительно высоким темпам естественного прироста населения¹²¹ – даже при недоучете смертных случаев, которыми грешили еврейские метрические книги. Евреи независимо от сословия и имущественного положения в силу целого ряда свойственных им культурных и национальных особенностей всегда стремились иметь много детей: 7-8 детей в семье было обычным явлением. Д.А. Милотин отмечал

высокую плодovitость еврейского брака: если на иркутскую православную семью, по данным 1873 года, приходилось в среднем 2,42 ребенка, на католическую 1,43, то на еврейскую – 5,6.¹²² Историки Иркутской общины зафиксировали более высокие темпы прироста еврейского населения в сравнении со всем населением: в 1863 году - в 3 раза, в 1872 году - в 2,1 в 1882 году - почти в 10 раз. По всей Иркутской губернии относительно своей численности рождаемость евреев была в 6 раз выше, чем остального населения.¹²³ Исследователи даже выделили периоды 1863-1871, 1893-1897 годы, когда рост еврейского населения в Иркутске достигался исключительно за счет естественного прироста, и 1897-1909 – когда рост преимущественно шел за счет него, поскольку механический прирост (приток пришлого населения) практически полностью или в значительной мере нейтрализовался высылкой.

Следует отметить, что евреи всегда давали естественный прирост, даже когда в целом по губернии наблюдался отрицательный баланс населения. Рождение незаконорожденных детей было редким явлением.

Тенденция высокого естественного прироста отмечена и в Енисейской губернии, и в Западной Сибири: исследователи указывают на превышение людности еврейской купеческой семьи по сравнению, к примеру, с семьей православной, иной раз вдвое.¹²⁴ Несколько выбивается из общей картины Чита. Анализ посемейных списков читинских купцов и мещан указывает на то, что средняя людность еврейской мещанской семьи (4,5) не намного выше таковой в среднем (3,6), а разница в людности еврейской и средней купеческой семьи - соответственно 5,6 и 5,3 – и вовсе незначительна.¹²⁵

Быстрый рост еврейского населения за счет естественного прироста был замечен властями. 17 июля 1910 года из канцелярии Иркутского генерал-губернатора в адрес военного губернатора Забайкальской области ушла депеша с сетованием, что евреи, «составляя сами по себе значительное количество... способствуют увеличению в Сибири еврейского элемента

особенно тем, что от них со временем образуется весьма значительное потомство».¹²⁶

Отмечая более высокую, чем у других народов, рождаемость евреев, следует в то же время иметь в виду, что их растущая численность определялась не только высокой рождаемостью (коэффициент рождаемости у евреев мог быть и ниже, чем в целом по городу), сколько низкой по сравнению с представителями других национальностей смертностью. (Табл. 9), особенно в детском возрасте. По крайней мере, в 1863 году в Иркутске общий коэффициент рождаемости (число рожденных на 1000 человек) составлял 47,5, в то время как евреев - 42,4; в 1877 и 1882 годах он составлял 50, 9 и 63, 7 (евреев соответственно лишь 21,1 и 37,1). Но зато коэффициент смертности в те же годы у евреев был значительно ниже: 10,6; 9,3; 15,4 (общий коэффициент смертности по городу - 55, 48,5 и 60,1 соответственно).¹²⁷ То же отмечалось и в Западной Сибири: индекс смертности, к примеру, в еврейской среде Тобольской губернии был почти вчетверо ниже, чем в целом по губернии.¹²⁸ Более половины всех смертей наступало от желудочно-кишечных инфекций и приходилось на летние месяцы. Весьма распространенной причиной смерти было воспаление легких.

Дореволюционными и современными исследователями отмечен существенно более низкий уровень младенческой смертности у евреев.¹²⁹ А вот зафиксированная в целом по России более высокая смертность евреев в зрелом возрасте из-за тяжелых условий, в которых они вынуждены были вести борьбу за существование, для Сибири не характерна. Напротив, «сибирской еврейской» особенностью можно считать сравнительно высокую продолжительность жизни. Более 14,5 процента общинников, зафиксированных в метрических книгах Иркутска в графе «умершие», дожили по тем меркам до весьма преклонного возраста (старше 60 лет). В Чите этот процент был почти таким же - 14.¹³⁰ Были среди них и настоящие

долгожители. До 99 лет дожил крестьянин Абрам Кнохт, умерил целый век Читинский мещанин Абрам Розенфарб, до 106 лет дожил Верхнеудинский мещанин Давид Ралюшер, рекорды долголетия побили 110-летние поселенец Оловской волости Читинского округа Меер Васелович и крестьянин Акшинского уезда Забайкальской области Григорий Вигир, от старческой дряхлости, как записано в Иркутской метрической книге, испустил дух в 115 лет поселенец Иосиф Шведловский.¹³¹ Допуская «приписки» при имеющем место нечетком учете, следует все же признать, что возраст некоторых евреев был весьма почтенным. Интересно, что в среде купечества долгожителей не было. Деловые люди покидали мир рано, чаще всего от инсультов и инфарктов.

Исследователи отмечали, что процент самостоятельного населения в округах Иркутской губернии был выше, чем в городах.¹³² Такая же картина обнаружена нами и в Забайкальской области. Это объясняется прежде всего тем, что семьи в городах были более людными. В деревнях, где евреи отбывали поселение, семьи складывались не сразу, поэтому было много самостоятельных мужчин-холостяков. При концентрации евреев в городах и обзаведении семейством процент самостоятельного населения снижался.

По данным метрических книг Верхнеудинской, Иркутской и Читинской еврейских общин, за 23 года (с 1885 по 1907 годы) в Верхнеудинске было заключено 149 браков, в Иркутске за 30 лет с 1878 по 1917 годы (метрические книги за 1880–1885, 1887, 1889 и 1899 годы не сохранились) – 1540 браков, в Чите за 12 лет с 1903 по 1915 годы (книг за 1908 и 1911 годы не сохранилось, но имеются записи 1896 года) – 275 браков. Для еврейской крестьянской семьи не стало характерным типичное для русской семьи стремление взять в дом невестку постарше и тем самым заполучить работницу.¹³³ Напротив, по еврейским традициям жених должен был иметь источник существования семьи, прежде чем свяжет себя узами брака. Брачный возраст у евреев был более высоким, чем у русских: 21,1 в среднем

для невесты и 26-27, 8 – у жениха (в Читинской, Верхнеудинской, Сретенской общинах). В Иркутской еврейской общине средний возраст вступления в брак мужчины еще выше – 32,1 года.¹³⁴ Поздно вступали в брак ссыльнопоселенцы: молодость уходила на суды, этапы, обустройство на новом месте. Их средний брачный возраст – около 30. В Якутской области, по разрозненным данным, он оказался еще выше: 46,2 у мужчин и 38,1 у женщин.¹³⁵ Это вполне вероятно, тем более что вступление в первый брак в возрасте 55-60 лет в среде ссыльных было обычным явлением, а отдельные «молодожены» перешагнули 70-80-летний рубеж. Для женщин позднее вступление в первый брак (в возрасте за 40 и даже за 50), очевидно, тоже не было чем-то из ряда вон выходящим, хотя такое случалось гораздо реже.¹³⁶ В условиях ссылки семья становилась содружеством оказавшихся в одинаково тяжелом положении, формой выживания: здесь невозможно было прожить в одиночку.

Вступление в брак тотчас по достижении брачного возраста по закону (18 лет у мужчин и 16 у женщин) обнаружено нами в Иркутской общине в 31 случае у мужчин и в 54 у женщин (это 2,3 и 3,5 процента всех браков), в Читинской общине - в 4 случаях у мужчин и в 2 у женщин (соответственно 1,5 и 0,8 процента). Нам удалось найти всего один факт, когда невеста не достигла положенного по закону брачного возраста. Разрешение на брак давал Иркутский генерал-губернатор.¹³⁷

Как правило, жених был старше невесты на 10-15, порой на 20 -30 лет. Но зафиксированы случаи, для которых даже «неравный брак» – слишком мягкая характеристика. Они больше тянут на «вопиющий мезальянс»: отставной солдат, отслуживший полный срок службы по рекрутскому уставу, Бер Мартхин в 71 год женился на 20-летней девушке. Разведясь с ней, через год он вступил во второй брак с 29-летней вдовой.¹³⁸

Браки, где невеста старше жениха, составляли небольшой процент (8,3 в Иркутске и 7,7 – в Чите). Как правило, разница в возрасте была

символической – один-два года. Нами отмечены считанные случаи, когда невеста была старше жениха почти вдвое. В первый брак с 18-летним женихом, уже имевшим опыт семейной жизни, вступила в Иркутске 40-летняя невеста Рейза-Рухля Аксельрод. Приехавшая из Якутска дочь неоднократно избиравшегося старостой духовного правления Якутской общины Льва Мордоховича 30-летняя Эстер составила себе партию с 19-летним цеховым Исаем Хейсиным.¹³⁹

При анализе состава брачных пар по сословиям (Табл. 10) тенденция к заключению брака с человеком «своего круга» прослеживается явно. В Иркутской общине более трети всех браков внутрисословны, в Чите их более половины (58,5 процента). Наиболее высок процент внутрисословных браков в среде мещан (50,8 в Иркутске, 63,3 в Чите). Процент внутрисословных браков среди крестьян также значителен – 32,8 в Иркутске, 44,3 в Чите. Если прибавить к этому процент браков, заключенных мещанами с крестьянами (22 в Иркутске и 25 в Чите), доля внутрисословных браков резко возрастает – до двух третей. Дело в том, что большинство еврейских крестьян по занятиям и образу жизни мало чем отличались от мещанского сословия: жили в городах, занимались ремеслом и торговлей, хотя в силу разных причин не могли быть приписаны к городскому сословию. Высокий процент браков ссыльных с мещанами (38,5), даже более высокий, чем с дочерьми ссыльных, – явление обычное в еврейской среде, поскольку статус ссыльного – закономерный этап в «становлении» еврея-сибиряка. Еврейские крестьяне – это, как правило, бывшие ссыльные, причисленные к податному сословию после отбытия наказания, а практически каждый еврей – представитель городского сословия – был сыном или внуком ссыльного. По крайней мере, брак ссыльного Якова Домбровского с дочерью зажиточного еврея Мелеховича¹⁴⁰ в глазах еврейского общества отнюдь не выглядел мезальянсом. А деловые связи тестя, взявшего Домбровского компаньоном

в свое дело, составили первоначальный капитал, который помог бывшему ссыльному быстро достигнуть достойного положения в купеческой среде и занять лидирующее положение в Иркутской общине.

В конце XIX – начале XX веков, когда еврейское общество становится более однородным и воспоминания о прошлой жизни в качестве ссыльного начинают тяготить, прослеживается стойкое желание еврейских купцов объединить капиталы с помощью заключения брачного союза между своими детьми. В это время «случайных» браков с людьми не их круга – ссыльными, поселенцами, крестьянами из ссыльных - уже практически не наблюдается, и купцы, особенно I гильдии, превращаются в замкнутую касту. Примерами такого брака может служить семейный союз верхнеудинского купца Самуила Сегельмана и дочери читинского купца I гильдии Исая Шергова Иты, брак иркутского купца Мордуха Самсоновича и дочери купца I гильдии Бориса Файнберга. Сын богатейшего нерчинского купца, владельца золотых приисков, крупнейшего поставщика мануфактурных изделий Фиселя Рифа женился на дочери верхнеудинского купца I гильдии Евсея Цыгальницкого, а дочь Рифа Надежда стала женой богатейшего золотопромышленника купца I гильдии Якова Фризера¹⁴¹. Окончившие высшее учебное заведение и получившие должность также могли рассчитывать на хорошую партию – тем более, что чаще всего это были купеческие сыновья¹⁴².

Необходимо отметить и так называемые «профессиональные браки», получившие распространение в начале XX века, чаще всего между медиками. Возраст новобрачных весьма солидный. В основе брачного союза, по-видимому, лежит общность интересов. Он более напоминает деловое сотрудничество. В качестве примера можно привести брак зубных врачей Шмуля Шпицмана и Сары Губерман, дантистов Герша Кауфмана и Гиты Гиршин, лекаря Наума Кавенюкия и фельдшерицы Хаси Бродской, лекаря Семена Филицы и врача Сары Бланковой.¹⁴³

Для вступления в брак от потенциальных молодоженов требовалось представить документ, удостоверяющий их холостое существование. По Уставу Духовных дел иностранных исповеданий такой документ должен был выдать раввин того города, где предполагалось заключить брак. Но в Восточной Сибири раввины появились поздно (в Иркутске – в 1891 году, в Красноярске – в 1892, в Забайкальской области, к примеру, до 1883 года был всего один раввин – в Чите), а метрические книги начали вестись только в конце 70-х годов XIX века да и то только в крупных городах. По этому поводу правление Читинской еврейской молельни даже вошло с ходатайством о разъяснении в Забайкальское областное правление.¹⁴⁴ Ходатайство путешествовало по инстанциям больше месяца, хотя само правление решило, что удостоверения местных властей с отметкой «холост» будет вполне достаточно. Обычно власти четко отслеживали семейное положение каждого еврея. Однако одному из них, Иосифу Дисмановичу, как-то удалось усыпить их бдительность и жениться дважды. Впрочем, он довольно быстро был разоблачен и разведен с обеими женами¹⁴⁵.

До появления института раввината в Сибири брак регистрировался еврейским обществом, которое выдавало молодоженам соответствующее удостоверение, скрепленное подписями нескольких его членов.¹⁴⁶ Да и в дальнейшем отсутствие раввинов в большинстве населенных пунктов, где осели евреи, далекие сибирские расстояния, лишение права свободного перемещения накладывали отпечаток на обрядовую сторону еврейской жизни, заставляя пренебрегать условностями. Часто за неимением раввина или резника религиозные требы выполняли случайные, мало подготовленные люди. Но если отпеть умершего они в силу обстоятельств все же могли, то таинство брака находилось исключительно в компетенции раввина, и семейный союз обретал законную силу только после освящения его духовным лицом и составления брачного договора – ксуба. В этих

условиях находящиеся в сотнях верст от его резиденции молодые заключали брак, так сказать, в неофициальном порядке, чтобы, оказавшись в городе, быть перевенчанными – явление достаточно распространенное. Тем более что годами находившиеся на золотых промыслах или на строительстве железной дороги предприниматели, с одной стороны, желали создать семью, а с другой – стремились соблюсти формальности, чтобы в глазах общества их сожителство не считалось чем-то предосудительным. Женившийся в Бодайбинской резиденции Рувим Левитин через два года, будучи в Иркутске, вновь обвенчался со своей женой Леей-Гитлей. Обряд провел иркутский раввин Соломон Бейлин. Через два года обвенчался со своей женой Абрам Лоцман, создавший с ней семью на станции Маньчжурия КВЖД. Брачный обряд, совершенный мещанином Гершгориним, также не был признан законным, и через два года Бейлин перевенчал «молодоженов».¹⁴⁷ Возможность в силу сложившихся условий пренебречь формальностями иной раз порождала курьезные случаи. Мариинский мещанин Михаил Петров, не исповедующий иудейство, в селе Барыкинском Ключевской волости Верхнеудинского уезда вступил в брак с еврейской девушкой по еврейскому обряду. Самое интересное, что на это никто бы не обратил внимания, если бы село Барыкинское не находилось в 100-верстной полосе, где евреям находиться запрещалось. На требование сельского старосты покинуть село Петров ответил, что он христианин, «а брак с еврейкой не делает его принадлежащим к еврейской нации»¹⁴⁸.

Доля вторых браков была значительной: в Чите – 9,5 процента, в Иркутске – почти вдвое больше (18, 5 процента). Причем среди иркутских евреев отмечена тенденция к росту повторных браков: 19,2 процента от всех заключенных браков в 1895 году, 22, 9 процента – в 1901 году, 23, 7 – в 1906 году, 26, 5 – в 1907 году. То есть каждый четвертый брак, заключенный между евреями Иркутска в 1907 году, был повторным. В Чите подобной

тенденции не наблюдалось, но в 1913 году был достигнут наивысший процент – 29,1. В Верхнеудинской общине число повторных браков было незначительным. Повторные еврейские браки нельзя считать чисто сибирской особенностью: исследователи отмечали их исключительную частоту на всей территории России.¹⁴⁹

Мужчины во второй брак вступали чаще. Среди них значительную долю составляли разведенные - из-за упрощенной процедуры развода, о чем речь подробнее пойдет ниже. 40,3 процента разведенных мужчин и вдовцов в Иркутской общине вторично вступали в брак также с вдовами или разведенными, 59,7 вторично женились на девушках. Женщины во второй раз в 49,2 процентах случаев предпочитали вдовцов или разведенных, в 50,8 процентах – холостяков. В Читинской общине в 80,8 процентах случаев повторного брака он был вторым для женщин. Причем в 68,4 процентах случаев женщины вышли замуж за молодых людей, не обладающих опытом семейной жизни. Доля третьих браков была незначительной – 1,5 процента в Иркутской общине, 3,8 – в Читинской, в Верхнеудинской общине их не было вовсе. И, наконец, нами обнаружен факт вступления в четвертый брак в 50-летнем возрасте Иркутского мещанина Берко Каменского¹⁵⁰ - случай совершенно невозможный в среде православных. Похоже, у евреев не было в этом смысле ограничений. В пользу этого говорит и факт третьего развода, также зафиксированный в Иркутской общине: вряд ли человек тем самым обрекал себя на безбрачие до конца дней своих.¹⁵¹

Отдельно стоит сказать о женитьбе мужчин на своих же женах, брак с которыми был незадолго до того расторгнут. Промежуток времени от расторжения брака до повторного его заключения колебался от нескольких лет до нескольких дней (рекордно короткий срок между двумя событиями – 5 дней. Столько понадобилось уволенному в запас рядовому 6-го пехотного Сибирского Енисейского полка, чтобы вновь жениться на своей недавно покинутой жене).¹⁵² Судя по легкости совершения обеих процедур здесь не

было ничего из ряда вон выходящего, хотя объяснить этот феномен мы не беремся.

В еврейских семьях сохранялся обычай левирата: брат умершего должен был жениться на его вдове. Вернее, он должен был содержать ее и тем препятствовать вступлению в новый брак, пока она не освободится с помощью обряда халицы. Обряд предусматривал, что женщина должна публично снять с деверя башмак, плюнув при этом в его сторону, после чего становилась свободной – и от его заботы, и для следующего брака. Нами обнаружены два факта женитьбы (вернее, упорного нежелания жениться) на вдове умершего брата. Очевидно, невестки халицы не желали. Оба брака счастливыми не стали и скоро распались.¹⁵³ Удивительно, что в Сибири, где религиозные семейные традиции соблюдались не очень строго, иск Гиты Корх к старшему брату ее покойного мужа Калману Корху о нежелании совершить обряд халицы и тем самым лишить ее материального обеспечения и возможности вступить в новый брак слушался в Иркутском окружном суде – дело в судебной практике редкое. Поверенный истицы требовал возместить ей убытки за три года вдовства в сумме 4500 рублей. Однако поверенный ответчика известный в городе адвокат Л.Шапиро выиграл процесс, доказав, что иск не имеет силы даже с точки зрения Талмуда, согласно которому старший деверь должен содержать вдову брата всего три месяца и то только в том случае, если собирается на ней жениться. Если же вдова требует халицы, он свободен от обязанности ее содержать. Для получения развода путем халицы вдова должна обращаться ко всем братьям покойного мужа (а их оказалось трое) и только в случае отказа всех вновь обратиться к старшему. «Талмудическая догматика не санкционирована русским законом, - доказывал в суде Шапиро, - а лишь терпима в России как любое из иноверческих учений, и никакой закон не может подвергаться таким религиозным обрядам, которые сопряжены с телесной неприкосновенностью или оскорблением достоинства» (имелся в

виду плевков вдовы). К тому же истице не удалось доказать, что в новом браке ей жилось бы не хуже, чем при муже, и обосновать свои материальные претензии. Этим делом очень интересовалась вся Иркутская община, которая в течение трех лет после смерти мужа Гиты Корх безуспешно пыталась примирить враждующие стороны и заставить ответчика совершить обряд, который, на ее взгляд, не заключал в себе ничего унижительного. Подробный отчет о процессе дала газета «Восточное обозрение».¹⁵⁴

Особенностью брачной жизни евреев можно считать относительно высокий процент разводов: в отдельные годы на каждые 6-9 браков в Иркутской общине приходился один развод. Исследователи отмечали, что процент разведенных у евреев несравненно выше, чем у других народов.¹⁵⁵ Объяснялось это отнюдь не непрочностью еврейской семьи, а скорее простой и безболезненной процедурой развода. Стоило супругам изъявить «обоюдное согласие» расстаться – часто фигурируемая в метрических книгах причина развода – и обряд обретения сторонами свободы проводился незамедлительно. В большинстве случаев причина развода в книгах даже не указывалась. А среди указанных значатся «несходство характеров», «нежелание жены ехать в Сибирь», «неверность жены». Серьезной причиной считалась бездетность. Примером иска о расторжении брака по этой причине может служить письмо Ешия Гольдшмидта, где он уведомляет о предстоящем разводе Иркутского полицмейстера: «...С названной женой прожил непрерывно 18 лет, детей с ней не имел; по закону нашей иудейской веры, муж, проживший с женой своей 10 лет и детей с ней не имеет (подчеркнуто в тексте. – Л.К.) обязан с ней развестись. ...нравственно и по закону веры нашей вправе отказаться от совместной супружеской жизни с такой женщиной, что может подтвердить Иркутский казенный раввин».¹⁵⁶

Немало браков было расторгнуто на религиозной почве, чаще всего из-за нежелания жены перейти в православие. Женщины вообще в большей степени сохраняли приверженность вере предков. Брак с человеком другой веры по закону допускался. Еврейка, вышедшая замуж за иноверца, допустим, христианина, получала все права на жительство своего мужа. В частности, нам удалось обнаружить факт, когда еврейке Фейге Аминовой было позволено жить в приграничном Троицкосавском уезде, поскольку она вышла замуж за врача Кударинской войсковой больницы Цыбиктарова и венчалась с ним по буддийскому обряду.¹⁵⁷ Но если еврей переходил в христианство, а его жена оставалась в иудейской вере, им обоим уже не разрешалось жительство в местах, запрещенных для оседлости евреев. Приявший православие балаганский мещанин Михаил Бланков не смог добиться разрешения на проживание в Иркутске для своей семьи, оставшейся в иудейской вере.¹⁵⁸ Видимо, поэтому мужья, перешедшие в христианство, расторгали брак с женами-иудейками: без этого права повсеместного жительства они все равно не получали.

Развод можно было получить даже заочно, и брошенная жена узнавала об этом из разводного листа, вручавшегося ей третьим лицом. В соответствии с решением Раввинского совета, принятым в 1910 году, в случае отказа жены в повиновении мужу, проявлении ею «строптивости и мятежности» и при отказе ею в совместной жизни муж вполне мог считать себя свободным – после заседания духовного суда (Бес-дина) из трех еврейских богословов, или так называемых духовных раввинов. Решение суда вступало в законную силу после одобрения его ста духовными раввинами из трех разных округов. Однако если будет безошибочно установлено, что жена бежала с мужчиной, то вступление в брак ее бывшего мужа становится возможным при вручении разводного акта третьему лицу даже и без предварительного соглашения ста раввинов. Такое решение было принято по делу Иоселя Эльбаума, пожаловавшегося,

что Красноярский раввин Шмеркович не пожелал расторгнуть его брак, хотя его жена бежала по подложному паспорту, прихватив все деньги и драгоценности.¹⁵⁹

Обычное для черты оседлости дело обретало много преград при перенесении его на сибирскую почву, где не то что ста – трех духовных раввинов отыскать было затруднительно: во всей Забайкальской области, к примеру, их было всего два. Поэтому заочный развод посредством вручения разводной грамоты, изготовленной общественными раввинами по месту приписки или нахождения мужа, без всякого согласования с кем бы то ни было стал обыденным явлением.¹⁶⁰ Здесь уместно привести такой пример: баргузинскому мещанину Лейбусу Киферу, желающему получить развод, Читинский общественный раввин Лев Шергов предложил приехать в Читу, так как поездка духовного раввина в Баргузин для изготовления разводной грамоты сопряжена с большими расходами. Баргузинский общественный раввин Глизбург заметив, что у Кифера тоже нет денег на поездку, сделал встречное предложение: выслать разводную грамоту ему для вручения жене Кифера. Если же она откажется ее принять, то он будет хранить ее у себя, а Киферу выдаст разрешение на новый брак.¹⁶¹ Более того, решение о разводе в условиях «кадрового кризиса» духовных лиц единолично мог принять, к примеру, ученый еврей.¹⁶² Но некоторые даже и при этой сверхупрощенной процедуре, не желая обременять себя формальностями, самовольно принимали решение о собственной свободе и в случае, например, смены женой вероисповедания вступали в новый брак – без расторжения прежнего.¹⁶³

Еврейские семьи, если пользоваться принятой у демографов типологией семей,¹⁶⁴ как видно из метрических записей и посемейных книг 80-90-х годов XIX века, были большей частью простыми: брачная пара с неженатыми (незамужними) детьми или без них. Реже встречались трехпоколенные расширенные и сложные отцовские семьи, когда с

престарелыми родителями жил взрослый сын с семьей или две и более супружеских пар, основанных их детьми, со своим потомством.¹⁶⁵ Для примера воспользуемся посемейными списками евреев Иркутска, составленными в 1887 году. Всего в городе насчитывалось 432 еврейские семьи, из них брачных пар с детьми было 229 и без детей – 50. То есть простые семьи составляли почти две трети. Добавим к этому 71 одиночку. Расширенных семей мы насчитали всего 9, одиноких матерей с детьми – 15 и одиноких отцов с детьми – 8. Зафиксировано 10 семей престарелых родителей, живущих на иждивении своих холостых или женатых, но бездетных детей. Представителей сложных братских семей, когда без родителей вместе живут братья и сестры со своими семьями, и сложных отцовских семей насчитывались единицы. Что касается линейной семьи (три и более брачные пары, связанные между собой прямой линией родства), то таких не встречено вовсе.¹⁶⁶ Такая же картина наблюдалась нами и среди купеческих семей Красноярска, Читы, семей Нерчинска, Нижнеудинска.¹⁶⁷

Исследователи, отмечая, что в 60-е годы XIX века доля сложных семей у купцов иудейского вероисповедания была гораздо выше, чем у православных (соответственно 66,7 и 15,6), объясняли это устойчивыми традициями сохранения сибирскими евреями патриархального семейного быта. Но в дальнейшем, по мере упрощения там и там внутренней структуры семьи, процент сложных семей резко снизился, а различие в доле сложных семей иудеев и православных вовсе исчезло.¹⁶⁸ Очевидно, к тому времени, когда семейное положение евреев Восточной Сибири стало скрупулезно отражаться в метрических книгах, еврейская семья проходила как раз стадию перехода от сложной к упрощенной структуре.

К началу XX века в общем числе еврейских семей, особенно в городах, значительно преобладала доля простых. В посемейном списке купцов-иудеев Иркутска в 1900 году числились 105 семей. 75 из них (почти три

четверти) были простыми - супружеские пары с детьми или без детей, 5 расширенных семей и только одна сложная отцовская семья. Остальные семьи представляли собой либо брачную пару с детьми плюс брата или сестру главы семьи, родителей с женатым, но бездетным сыном или холостых-незамужних братьев-сестер, живущих под одной крышей. 16 купцов были одинокими. По структуре и образу жизни иудейская семья практически ничем не отличалась от православной. Можно отметить лишь две особенности. Во-первых, многодетность оставалась «визитной карточкой» еврейской семьи. Из 63 брачных пар 9 имели четверых детей, 12 – пятерых, 7 – шестерых, по 4 семьи имели восьмерых детей и один – 9. Один из виднейших представителей иркутского купечества купец I гильдии Исай Файнберг имел многочисленное потомство - 11 детей.¹⁶⁹ Во-вторых, на любом этапе развития, даже патриархальном, еврейскую семью отличала значительная роль женщины, отнюдь не ограничившаяся традиционными женскими занятиями. Еврейки не только вели дом, но и занимались бизнесом, вели самостоятельную торговлю в городах и селениях, создавая материальную основу существования большой семьи в новых местах. Отмечая их коммерческие способности, С. Максимов писал: «Женщина у евреев, умевшая выбиться из затвора и завоевать своими дарованиями право на участие во всех хлопотливых и меркантильных делах мужа, представляет собою более видное явление. ...Еврейка во всех делах продажи и купли, где не требуется хлопотливой, нервной деятельности факторства и непоседливой беготни, в лавочной домовой торговле с достоинством занимает место мужчины, и еще не решено, чьи способности определеннее и сильнее...».¹⁷⁰ Моисей Новомейский вспоминал, что именно его бабушка, проявив в Сибири недюжинную коммерческую хватку, кормила торговлей рыбой в Иркутской губернии большую семью.¹⁷¹ Подобно русским купеческим вдовам еврейские матери семейств после смерти своих мужей успешно продолжали их торговые

дела, умножая оставленный им в наследство капитал и работая на благо Сибири. Крупнейшую торговлю пушниной в Красноярске держала Этна Франкфурт. Самодостаточными фигурами, занимавшими видное положение в иркутской купеческой среде были занимавшаяся подрядными работами Ольга Копп и владелица иркутских питейных заведений, винокуренных и водочных заводов Аграфена Маркевич. Верхнеудинские купчихи Рива Цыгальницкая, Вера Герштейн, Лея Сегельман, овдовев, возглавили ими созданные товарищества и торговые дома. Первые два были в числе наиболее крупных предприятий Забайкалья.¹⁷² После смерти братьев Лейбович их жены Малка Давидовна и Раиса Яковлевна сохранили торговый дом под тем же именем. Обе они состояли в купечестве I гильдии: одна в Иркутске, другая в Балаганске.

Для еврея семья была чем-то большим, нежели просто кругом близких людей, будущих компаньонов и продолжателей семейного бизнеса. При правовых ограничениях евреев в Сибири семья была гарантией дополнительных прав и свобод. При решении судьбы конкретного еврея – о выселении его или оставлении в месте причисления – наличие семьи играло столь же важную роль как «прочное домообзаводство и многогодний промысел», потому что это свидетельствовало о прочной оседлости, основательности и исключало временное пребывание. Зафиксированы случаи, когда евреев даже при наличии собственного дела и приезда в регион до определенного срока, после которого он оказывался вне закона, выселяли при отсутствии семьи.¹⁷³ Выселению подвергались и евреи, которые в данный момент жили отдельно от своих семей.¹⁷⁴

Итак, в процессе заселения евреями Восточной Сибири можно проследить некоторые закономерности. Основным источником пополнения еврейского населения региона служила ссылка. При расселении евреев власти стремились разбросать их по деревням, не желая сосредоточивать «неблагонадежный элемент» в городах. Не имея права

приписываться к городским сословиям, вчерашние поселенцы записывались в крестьяне, что и определило их абсолютное большинство в этом сословии. Но евреи, горожане по прошлому опыту и образу жизни, лишённые необходимых в деревне профессиональных навыков, стремились вернуться в привычную для них обстановку. С разрешения или самовольно они стягивались в города, оседая там и пополняя собой слой мещан. Тенденция концентрации населения в крупных, развивающихся городах, на трассе Транссибирской магистрали, постоянный и динамичный рост их численности прослеживается очень четко. Массовые выселения, которые время от времени практиковали власти, соблюдая сибирское еврейское (а вернее, антиеврейское) законодательство, практиковались до каких-то определенных пределов, не допуская тотального разрушения еврейских общин. Сибирская администрация искусственно регулировала еврейскую численность, соблюдая некий ей известный процент, выходы за пределы которого были уже нежелательны. Тем более что, по признанию Иркутского генерал-губернатора А.И.Пантелеева, «отношение общего числа евреев к остальному населению весьма незначительно». По выражению Ю. Пинигиной, евреи в Сибири для власти были «необходимым злом», поэтому, создавая систему запретов, они тут же создавали и систему возможностей их обойти.¹⁷⁵ С подачи властей евреи играли важную социальную роль – роль раздражителя, на который в случае чего можно было направить общественное недовольство. Но не менее важной была в их глазах и экономическая роль евреев – роль колонизаторов края. Потребности его развития диктовали необходимость еврейского присутствия. Тот же Пантелеев, признавая пользу деятельности евреев в качестве ремесленников и торговцев, считал «желательным облегчить евреям доступ к честному, свойственному их способности заработку».¹⁷⁶

Принципы расселения евреев, определенные существующим законодательством и потребностями в развитии региона, сложившаяся система общественного разделения труда, сословная структура городов во многом определили особенности и тенденции развития «еврейской» экономики.

¹ Сибирская советская энциклопедия в 4 т. Т.1. Новосибирск, 1929. Стб. 869.

² Островский Ю. Указ.соч. С.8.

³ ГАРФ. Ф.109. Оп. 1835. Д.260. Л.1.

⁴ Гоголев А.И. История Якутии (обзор исторических событий до начала XX в.). Якутск, 1999. С. 156.

⁵ Максимов С. Сибирь и каторга. Ч.II. СПб., 1871. С. 314-315.

⁶ Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827-1846 годов. Материалы для уголовной статистики России. СПб., 1873. С.146-147.

⁷ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. Д.26. К.917. Л.363.

⁸ Там же. Ф. 29. Оп. 1. ДП. 4. Д.22. Л. 29, 80, 82, 130.

⁹ Приклонский В.Л. Летопись Якутского края, составленная по официальным и историческим данным. Красноярск, 1896. С.176.

¹⁰ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 754. Л.5-6.

¹¹ НАРС(Я). Ф.12- и. Оп. 2. Д.3452. Л.8.

¹² ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д. 26. Л.247.

¹³ Там же. Л. 382.

¹⁴ ГАИО. Ф.25. Оп. 6. К.449. Д.196. Л.4, 6, 26, 28-29.

¹⁵ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д. 26. Л.247.

¹⁶ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 4. Д.22. Л. 65.

¹⁷ ГАКК. Ф.161. Оп. 1. Д.5; Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.199.

¹⁸ ГАЧО. Ф.1 (о). Оп. 1. Д.754. Л. 9-10.

¹⁹ Там же. Л. 25.

²⁰ Войтинский Вл., Горнштейн А. Указ. соч. С.22; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.17012. Л.181.

²¹ Кандель Ф. Очерки времен и событий. Из истории российских евреев. Ч.1. Иерусалим, 1990. С. 284.

²² ГАИО. Ф.32. Оп. 1. Д.2864. Л. Л.131.

²³ Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб., 1864. С.37; Обзор Якутской области за 1909 г. Якутск, 1909. С.45.

²⁴ НАРБ. Ф.196. Оп. 1. Д.23-26; ГАЧО. Ф.282. Оп. 1. Д.2976-2977, 2998; ГАКК. Ф.12. Оп. 1. Д.9. Л.11.

²⁵ Сибирская советская энциклопедия. Т.1. Стб. 262-263.

²⁶ Обзор Иркутской губернии за 1906 год. Иркутск, 1909. С.12-13.

²⁷ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С. 48.

²⁸ Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска.... Прил. 3; ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 943. Д.1571. Л.165.

²⁹ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л. 369.

- ³⁰ Сибирские вопросы. 1911. №22-23. С.65; Фоменко Ю.Н. Социально-профессиональная структура еврейской общины Иркутска по материалам Иркутского полицейского управления (кон. XIX – начало XX вв.) // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Сибири. Тезисы докладов международной научно-практической конференции 6-8 окт. 1994 г. Иркутск, 1994. С.105.
- ³¹ ГАИО. Ф.32. Оп. 3. Д.482. Л.107.
- ³² Иркутские губернские ведомости. 1875. №40.
- ³³ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. 368.
- ³⁴ Там же. Оп. 6. К.449. Д.196. Л.30.
- ³⁵ Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX века. М., 1992. С.83.
- ³⁶ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.2267. Л. 169.
- ³⁷ Св. законов Российской империи. Кн. 5. Устав о ссыльных. Т. XIУ. СПб., 1903. Ст. 872.
- ³⁸ Гончаров А.Н. Еврейская ссылка в Сибири в пореформенный период (1861-1881 гг.) // Диаспоры в историческом времени и пространстве... С.99.
- ³⁹ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 7145. Л. 23-24, 28, 45.
- ⁴⁰ Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска... Прил. 2; ГАИО. Ф.32. Оп. 1. Д.179. Л.246-248; Д.609. Л.6-7.
- ⁴¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 4. К.353. Д. 472. Л. 208-227, 295-319, 441-448.
- ⁴² ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.481. Л.181; Иркутские губернские ведомости. 1877. №12.
- ⁴³ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.53; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.7200. Л. 70.
- ⁴⁴ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 7200. Л.49
- ⁴⁵ НАРС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 17985. Л. 10-19, 21-22, 36-39, 42-51, 54.
- ⁴⁶ Здесь необходимо вспомнить, что в целях ограничения поселения евреев в Сибири в ссылку отправляли лишь перешагнувших 40-летний возрастной рубеж.
- ⁴⁷ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 7145. Л.68; Д.7200. Л. 20, 46.
- ⁴⁸ Там же. Д.7200. Л.47.
- ⁴⁹ Там же. Д.7145, Л.6; Д.7200, Л.71.
- ⁵⁰ Там же. Д.14022. Л.103-160.
- ⁵¹ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К. 917. Д.26. Л. 60.
- ⁵² Там же. Ф.32. Оп. 1. Д.4010. Л.1.
- ⁵³ Систематический сборник действующих законов о евреях... С.483.
- ⁵⁴ Сибирь. 1878. №17-18.
- ⁵⁵ ГАИО. Ф.32. Оп. 1. Д.2187. Л.2.
- ⁵⁶ Там же. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л. 60 а, 315-316, 379-381.
- ⁵⁷ Там же. Л.363.
- ⁵⁸ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 1308. Л.27; ГАИО. Ф.25. Оп. 9. Д.26. К.917. Л.35-37.
- ⁵⁹ Кальмина Л.В. Евреи Восточной Сибири: «духовная территория» (середина XIX века – 1917 год). Красноярск, 2002. С.10.
- ⁶⁰ Ивонин А.Р. Еврейское население Западной Сибири в демографических процессах 30-х - начала 60-х гг. XIX в. // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы III региональной научно-практической конференции (26-27 августа 2002 года). Красноярск -Улан-Удэ, 2002. С. 17.
- ⁶¹ Бруцкус Б.Д. Статистика еврейского населения. Распределение по территории, демографические и культурные признаки еврейского населения по данным переписи 1897 г. СПб., 1909. С. 59.
- ⁶² Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.66.
- ⁶³ Там же. С.52,56.

- ⁶⁴ Подсчитано по материалам ГАИО. Ф.91. Оп. 2. Д.466. Л.1-81.
- ⁶⁵ Там же. Оп. 1. Д.2844. Л.85.
- ⁶⁶ Сибирь. 1881. №7.
- ⁶⁷ Рабинович. Евреи дореволюционного Иркутска... С.60.
- ⁶⁸ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. Д.26. К.917. Л.315-316.
- ⁶⁹ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.56-57; Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска... С. 218.
- ⁷⁰ Подсчитано по материалам ГАИО. Ф.91. Оп. 2. Д.466. Л.1-81.
- ⁷¹ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.61.
- ⁷² Нерчинск по однодневной переписи 8 окт. 1889 года. Нерчинск, 1891. С.8.
- ⁷³ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.10. Л.48
- ⁷⁴ Весь Иркутск с отделом Забайкальской области на 1908 год, I год издания. Иркутск, 1908. Отд. У. Забайкальская область. Стб. 17-18.
- ⁷⁵ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.10. Л.53.
- ⁷⁶ Забайкалье. Краткий географический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск, 1891. С.64.
- ⁷⁷ Сибирский торгово-промышленный ежегодник, 1914-1915. Б.м., б.г. С. 307.
- ⁷⁸ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.52.
- ⁷⁹ Подсчитано по материалам ГАИО. Ф. 25. Оп. 4. К. 353. Д.472. Л.142-167, 182-206, 286-293, 472-489.
- ⁸⁰ Подсчитано по материалам НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д.1992. Л.12-29; Д. 3452. Л. 10.
- ⁸¹ Подсчитано по материалам НАРБ. Ф. 337. Оп. 2. Д.890.
- ⁸² ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д. 26. Л.250.
- ⁸³ НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д.3452. Л.8.
- ⁸⁴ Подсчитано по материалам ГАИО. Ф. 91. Оп. 2. Д. 466. Л.1-81; Ф.25. Оп. 4. К.353. Д. Д.472. Л. 142-167, 472-489.
- ⁸⁵ Там же. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.30. Л.86-87.
- ⁸⁶ Бруцкус Б.Д. Профессиональный состав еврейского населения России. Вып. II. СПб., 1908. С.14; Усов М.Л. Евреи в армии. СПб., 1911. С.19; Дубнов С.М. Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. Кн. 1. Евреи в России в царствование Александра III (1881-1894). Пг., 1923. С. 74; Pinkus V. The Jews of the Soviet Union, Cambridge University Press, 1988. P.26.
- ⁸⁷ Обзор Забайкальской области за 1894. Б.м., б.г. С.16.
- ⁸⁸ ГАЧО. Ф. 212. Оп. 1. Д.22. Л.4.
- ⁸⁹ Обзор Иркутской губернии за 1891 г. Иркутск, 1892. С.22-23; Обзор Иркутской губернии за 1904 г. Иркутск, 1905. С.25; Обзор Иркутской губернии за 1907 г. Б.м., б.г. С.31; Обзор Иркутской губернии за 1909 г. Иркутск, 1911. С.53, 60; Обзор Иркутской губернии за 1910 г. Иркутск, 1912. С.62, 76.
- ⁹⁰ Усов М.Л. Указ. соч. С.20.
- ⁹¹ Бруцкус Б.Д. Профессиональный состав... С.8.
- ⁹² Подсчитано по материалам ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.13515. Л.11-33; Д.13526. Л.11-22; Д. 14022. Л.164-217. НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 1992. Л. 12-29; Д.5640. Л.42-53.
- ⁹³ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.77.
- ⁹⁴ О правах ремесленников евреев. СПб., 1893. С. 39-40, 52.
- ⁹⁵ ГАКК. Ф.798. Оп. 1. Д.82, 92, 93; НАРБ. Ф.337. Оп. 2. Д. 890.
- ⁹⁶ Смирнов В.А. Исторический очерк Приенисейского края. Ч.2. Красноярск, 1928. С.27.
- ⁹⁷ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.69.
- ⁹⁸ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 14215. Л.405.

- ⁹⁹ Бруцкус Б.Д. Профессиональный состав... С. 74.
- ¹⁰⁰ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.14022. Л. 128-137, 149-152.
- ¹⁰¹ ГАИО. Ф.25. Оп. 4. К.353. Д. 472. Л. 295-319.
- ¹⁰² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1904. LXXIY. Забайкальская область.
- ¹⁰³ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.14022. Л.227-242.
- ¹⁰⁴ Там же. Д.13526. Л.20-22.
- ¹⁰⁵ Там же. Д.14070. 1-2.
- ¹⁰⁶ Там же. Д.14022. Л.116-119.
- ¹⁰⁷ Розанов В. В соседстве Содомы. // Тайна Израиля. СПб., 1993. С.248.
- ¹⁰⁸ Пинигина Ю.Н. Указ. соч. С.104.
- ¹⁰⁹ ГАКК. Ф.595. Оп. 1. Д. 1309. Л. 33-34.
- ¹¹⁰ Гончаров Ю. М. Еврейская семья Сибири в конце XIX – начале XX вв.: демографическое развитие. // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Материалы II региональной научно-практической конференции. Красноярск-Иркутск, 2001. С.26-28; Кальмина Л.В. Еврейская семья Восточной Сибири (середина XIX – начало XX в.): опыт историко-демографической характеристики (по материалам метрических книг еврейских общин). // Семья в ракурсе социального знания. Сб. научных статей. Барнаул, 2001. С.146-158.
- ¹¹¹ ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д.8. Л.14-15; Д.34. Л. 17-23.
- ¹¹² ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д. 166. Л.47, 55, 89; Д.184. Л.9; НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 385. Л.5.
- ¹¹³ ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 41. Л. 25-26.
- ¹¹⁴ ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. Д.7092. Л.11.
- ¹¹⁵ ГАКК. Ф.595. Оп. 1. Д.5288. Л.46.
- ¹¹⁶ Островский Ю. Указ. соч. С.10.
- ¹¹⁷ Новомейский М. От Байкала до Мертвого моря. Иерусалим, 1979. С.7.
- ¹¹⁸ Ивонин А.Р. Указ. соч. С. 18.
- ¹¹⁹ Второе Полное собрание законов Российской империи (ВПСЗ). Т.ХII. СПб., 1838. Ст. 10242.
- ¹²⁰ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.7200. Л.19.
- ¹²¹ В.М.Кабузан указывает, что на рубеже XVIII –XIX веков евреи численно находились на девятом месте, уступая русским, украинцам, белорусам, полякам, литовцам, латышам, татарам и финнам. Но уже к 60-м годам XIX века они вышли на пятое место и удерживали его до конца века. Ни одна народность России не знала таких темпов прироста.
- ¹²² Милютин Д.А. Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Т.1. СПб., 1875. С.101.
- ¹²³ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.45, 59.
- ¹²⁴ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. М., 1999. С.123–124; Никифорова И.О. Семейно-брачная структура купеческого сословия Енисейской губернии (60-е годы XIX – начало XX вв.) // Духовно-исторические чтения Тезисы докладов межвузовской научно-практической конференции 21 июня 2000 г. Вып. 5. Красноярск, 2000. С. 66.
- ¹²⁵ Подсчитано по материалам ГАЧО. Ф. 94. Оп. 1. Д.217. Л.18-30.
- ¹²⁶ Там же. Ф. 1 (о). Оп. 1. Д.14328. Л.4.
- ¹²⁷ Подсчитано по данным Памятных книжек Иркутской губернии на 1865 год. Иркутск, 1865, Табл. II и III; на 1881 год. Иркутск, 1881. С.4, 27-29; на 1884 год. Иркутск, 1884. С. 39, 48, 53.
- ¹²⁸ Ивонин А.Р. Указ. соч. С.18.

- ¹²⁹ Бруцкус Б.Д. Статистика еврейского населения... С.12-13; Гончаров Ю.М. Еврейская семья Сибири... С. 28.
- ¹³⁰ Подсчитано автором по материалам ГАИО. Ф.789. Оп. 1. Д. 1, 5- 7, 12, 15, 20, 23, 30, 32, 36, 44, 47, 49, 50, 57, 60, 63, 66, 69, 72, 79, 82, 85, 88, 91, 94, 97; ГАЧО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2578, 2682, 2687, 2697, 2758, 2794, 2816, 2827, 2848, 2856, 2883, 2928, 2940, 2949, 2955, 2999, 3005, 3014, 3027, 3042, 3056, 3069, 3084, 3097. Оп. 2. 73, 142, 156, 117, 181, 201, 212.
- ¹³¹ ГАИО. Ф.789. Оп. 1. Д.30. Л.2; Д.32. Л.36; ГАЧО. Ф. 282. Оп. 2. Д.105. Л.1,5; Оп. 4. Д.63. Л.2; Кальмина Л.В. Еврейская семья... С.149-150.
- ¹³² Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.73.
- ¹³³ Мамсик Т.С. Сибирская аграрная буржуазия дореформенного периода. Опыт социально-демографического анализа. //Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991. С.109-110.
- ¹³⁴ Подсчитано по материалам ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д.1, 3, 6, 10, 14, 19, 22, 29, 1, 34, 42, 46, 52, 54, 56, 59, 62, 65, 68, 71, 74, 78, 81, 84, 87, 90, 93, 96; ГАЧО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2854, 2977, 3055, 3083; Оп. 2. Д. 72, 106, 118, 143, 157, 225; Оп. 4. Д. 1, 5, 10, 17, 18, 20, 22, 26, 30; НАРБ. Ф.196. Оп. 1. Д.5-38.
- ¹³⁵ НАРС (Я). Ф.12- и. Оп. 2. Д. 1992. Л. 12-29.
- ¹³⁶ ГАИО. Ф.789. Оп. 1. Д.81. Л.42; Д.87. Л.48; Д.90. Л.17; Д.93. Л.58.
- ¹³⁷ Там же. Д.71. Л.14.
- ¹³⁸ Там же. Д. 72. Л.2; Д.78. Л.32.
- ¹³⁹ Там же. Д.59. Л.58; Д.84. Л.31.
- ¹⁴⁰ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С. 204.
- ¹⁴¹ ГАЧО. Ф. 282. Оп. 2. Д.143. Л.11; ГАИО. Ф.789. Оп. 1. Д.52. Л.17; Д. 70. Л. 31; Д. 80. Л.45.
- ¹⁴² ГАИО. Ф.789. Оп. 1. Д. 46. Л.2; Д.54. Л.29; Д.56. Л.33; Д.70, Л. 31; Д.74. Л.34.
- ¹⁴³ Там же. Д.55. Л.51, 63; Д.56; Д.59. Л.15.
- ¹⁴⁴ ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. Д.17120. Л. 1.
- ¹⁴⁵ Там же. Ф.282. Оп. 2. Д.107. Л. 1-2.
- ¹⁴⁶ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.11. Л. 63.
- ¹⁴⁷ ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д.54. Л.7; Д.87, Л.39; Д.93. Л.10-11.
- ¹⁴⁸ НАРБ. Ф. 337. Оп. 2. Д.2110. Л.66.
- ¹⁴⁹ Бруцкус Б.Д. Статистика еврейского населения... С. 26.
- ¹⁵⁰ ГАИО. Ф.789. Оп. 1. Д.74. Л.23.
- ¹⁵¹ Там же. Д.53. Л.2.
- ¹⁵² Там же. Д.52. Л.2; Д.59. Л.20, 51; Д.68. Л.41; Д.87. Л.7; Д.96. Л.60
- ¹⁵³ Там же. Д.37. Л.2; ГАЧО. Ф. 282. Оп. 2. Д. 199. Л.1.
- ¹⁵⁴ Восточное обозрение. 1897. № 41.
- ¹⁵⁵ Бруцкус Б.Д. Статистика еврейского населения... С.26.
- ¹⁵⁶ ГАИО. Ф. 91. Оп. 2. Д.1910. Л.82.
- ¹⁵⁷ ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. 14215. Л.55.
- ¹⁵⁸ ГАИО. Ф.91. Оп. 2. Д. 1688. Л.108.
- ¹⁵⁹ ГАЧО. Ф.1 (о). Оп. 1. Д.5074. Л.9.
- ¹⁶⁰ Там же. Ф.282. Оп. 2. Д.183. Л.3; Д.199. Л.1-3; Д.214. Л.1-2.
- ¹⁶¹ Там же. Ф. 1(о). Оп. 1. Д.5074. Л. 32-33.
- ¹⁶² Там же. Ф.282. Оп. 2. Д.74. Л.1-2; Д. 119. Л.1-2.
- ¹⁶³ ГАИО. Ф.789. Оп. 1. Д.52. Л.28.
- ¹⁶⁴ Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). Новосибирск, 1991. С. 39-40.

¹⁶⁵ Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002. С. 154.

¹⁶⁶ Подсчитано по материалам ГАИО. Ф.91. Оп. 2. Д.466. Л.1-181.

¹⁶⁷ ГАКК. Ф.161. Оп. 1. Д. 6. Л.28-30, 41-42, 53-54, 61-67, 76, 88, 92 –94; ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. ДП. 3. Д.10. Л.187-191; Ф.32. Оп. 2. Д. 40. Л.20-35. ГАЧО. Ф.94. Оп. 2. Д. 1. Л.2-30.

¹⁶⁸ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX... С.139-140.

¹⁶⁹ Подсчитано по материалам ГАИО. Ф.70. Оп. 3. Д. 1019. Л.34 -57.

¹⁷⁰ Максимов С. Каторга и ссылка. Т.2. С.313.

¹⁷¹ Новомейский М. Указ. соч. С.130.

¹⁷² Сибирский торгово-промышленный календарь на 1906 год. Томск, б.г. С.235;

Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С. 87, 92.

¹⁷³ ГАКК. Ф.595. Оп. 48. Д.604. Л. 164; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 14215. Л.290.

¹⁷⁴ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 14215. Л.290.

¹⁷⁵ Пинигина Ю.Н. Указ. соч. С.108.

¹⁷⁶ Всеподданейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1900-1901 г. С.71-72.

Глава 3.

Хозяйственная деятельность еврейских общин

3.1. Первоначальное накопление капитала

Структура экономической деятельности еврейских общин региона складывалась под влиянием нескольких факторов. Во-первых, еврейскому населению, заявившему о себе как участнике хозяйственного освоения края лишь в середине XIX века, необходимо было найти свободную нишу, чтобы «вписаться» в его экономическую структуру. Во-вторых, занятия евреев не должны были вступать в противоречие с существующим законодательством, четко регламентирующим, что им разрешено, а что запрещено. В крае, который, с одной стороны, был надолго законсервирован политикой царизма в качестве рынка сбыта продукции Европейской России и поставщика колониального сырья, а с другой - служил сферой вложения немалых денег в связи с вновь открытыми золотыми приисками и последующим строительством железной дороги, основным родом деятельности могла стать только торговля. Собственно, особого выбора в этом плане и не было: евреи были обречены на роль торгово-промышленного элемента, которую успешно играли со времени появления в Сибири и до установления Советской власти. В этом качестве они были востребованы колонируемым регионом, остро нуждавшимся в развитии ремесла и торговли: во-первых, потому, что еврейская, как и вся сибирская ссылка, рассматривалась местной сибирской администрацией скорее как колонизационный элемент, нежели «штрафной».¹ Во-вторых, социально-правовой статус евреев в Российской империи, по которому они были отстранены от наиболее престижных в обществе сфер деятельности – государственного управления и сельского хозяйства, так как это подразумевало владение землей и операции с ней, - оставлял им единственную возможность создания материальной основы жизни в Сибири: жизнь в качестве «торгового меньшинства»,² специализация на

профессиях с низким социальным статусом – торговля, финансы, в том числе ростовщичество. Ибо при всей денежной власти, какую давали эти занятия, данные группы населения веками были презираемы обществом.³ Факт искусственного отстранения евреев от ряда отраслей экономики и постоянного сужения круга доступных им профессий с помощью ограничительного законодательства признавался и высшей властью.⁴

На выбор торгово-промышленной сферы деятельности объективно сыграло правовое положение сибирских евреев: постоянная неуверенность в завтрашнем дне требовала быстрого оборота капитала при одновременном получении высокой прибыли, скорого и безболезненного свертывания работ при первой угрозе выселения из города. Наконец, некоторую роль следует отнести и привнесенным сюда из черты оседлости традициям и определенной ими ментальности. «Еврей-поселенцы не поступают в батраки, потому что не хотят да и не умеют делать черную работу; они не уходят в бега, потому что не находят ничего заманчивого в бесцельном путешествии по тайге, а лишения таежные для них, городских жителей или сельских торговцев и ремесленников – просто страшны...», - писал Н. Астырев.⁵ Зато они, дерзкие и авантюристичные по натуре, уже имевшие опыт торгово-коммерческой деятельности в черте оседлости, занимались торговлей даже, казалось бы, в совершенно не мыслимых для этого условиях. Горный исправник промыслов Кабинета Его императорского Величества в своем рапорте отмечал, что даже евреи «штата тюремного управления», живущие на Каре, торгуют все без исключения чаем, сахаром, табаком, мылом, конфетами и другими припасами, а также водкой, а время для этого выкраивают, заменив ежедневные работы единовременным уроком по доставке дров.⁶

Происходившие, как правило, из социальных низов, а потому не избалованные большими доходами и не зараженные предпринимательским снобизмом, евреи на первых порах не гнушались никаким заработком.

Будущий иркутский купец I гильдии Яков Домбровский начал с торговли ваксой собственного производства, будущий крупнейший золотопромышленник Забайкалья Абрам Новомейский мальчишкой зарабатывал подвозом продовольствия на прииски, а верхнеудинский купец Григорий Чаповский начал путь к богатству в качестве приказчика в винной лавке.

Как правило, первоначальный капитал евреи Восточной Сибири сколачивали торговлей. Процент торгующих среди евреев был неизменно выше, чем их доля в населении городов и селений. Например, по данным Переписи 1897 года, евреи составляли 17,8 процента среди торговцев Иркутской губернии, хотя их доля в населении Иркутской губернии была менее полутора процентов. В 1884 году евреи составляли почти четверть всех торгующих иркутян. Особенно много лавочек – каждая десятая и больше - у них было на Арсенальской площади.⁷ Составляя 1,7 процента красноярского населения в 1890 году, евреи взяли 8,7 процента всех годовых торговых свидетельств. Енисейский губернатор Яков Гололобов в рапорте о погроме 1916 года в Красноярске указывал, что число еврейских лавок в городе больше, чем число таковых русских.⁸ И хотя это могло быть сказано для объяснения причин большего ущерба, нанесенного торговле евреев, ее активность в губернском городе была очевидной. В Чите уже в 1856 году евреи занимали более половины лавочек в мещанском ряду Гостиного двора: по договору с областным правлением они должны были сами построить их и торговать там в течение 10 лет с уплатой аренды в пользу города. Через 10 лет лавки поступали в пользу города с выплатой компенсации торговцам – это и составило первоначальный капитал виднейших еврейских купцов.⁹ В Якутске евреи, составляя менее 5 процентов городского населения, брали в аренду почти каждую четвертую лавку или балаган на Малом базаре.¹⁰ Анализ списка прошений и заявлений на выдачу торговых свидетельств в Верхнеудинске

в 1876-1912 годах показывает: хотя доля еврейского населения в Верхнеудинске не превышала 7-13 процентов, процент евреев – обладателей торговых свидетельств редко опускался ниже 21-22. Каждая четвертая лавка или торгово-промышленное заведение в городе принадлежали евреям. В небольших населенных пунктах, где именно евреи служили носителями новых торгово-денежных отношений, этот процент был еще выше.¹¹

В действительности процент занятых торговлей был еще выше, если учесть обслуживающих торговый оборот приказчиков, сидельцев и доверенных. Их прослойка была достаточно заметной. В Чите, к примеру, этим занятием кормились 6,3 процента еврейских семей. В Иркутске доля приказничьего сословия, зафиксированная полицией в 1887 году, – 2,1 процента, – была скорей всего сильно заниженной, быть может, часть попала в разряд торговцев.¹² Более достоверными нам представляются данные Н.С. Романова: 11,6 процента от общего числа приказчиков. Но из 300 членов Иркутского общества вспоможения нуждающимся приказчикам евреев было всего 18.¹³

Ежегодно во всех городах проходили торги на отдачу в аренду мест в торговых рядах, на площадях и рынках. Евреи были непременными их участниками, выкупая до 25 и более процентов торговых мест. Однако основная их масса была мелкими торговцами. В Иркутске, к примеру, выкупив в 1885 году 28 процентов мест на Арсенальской площади, евреи заплатили за аренду только 18,6 процента общей суммы. Следовательно, они арендовали в основном мелкие лавочки. В Красноярске из 1423 лиц, взявших торговые документы на 1891 год, евреев было 124, то есть 8,7 процента. Заплаченная же ими за свидетельства сумма составила 0,84 процента.¹⁴ Красноярская городская дума отмечала, что «мелочною торговлей на базарах, на берегу реки и вообще повсеместно в городе занимаются преимущественно евреи и ссыльнопоселенцы».¹⁵ У трети

торгующих евреев Верхнеудинска годовой оборот не превышал 300-500 рублей.¹⁶ Городские мещане, недовольные активностью еврейской торговли, в своем прошении в адрес городской управы в 1900 году указывали, что из 80 торговых мелочных заведений в городе 64 принадлежат евреям.¹⁷ Такая же картина отмечена и в Якутске: процент евреев - городских торговцев был выше суммы, уплаченной ими за свидетельства на право торговли.¹⁸ Но, не обладая размахом, еврейские торговцы имели многовековые традиции, были мобильны, быстро реагировали на растущий спрос, моментально нащупывали рынок и умело завязывали контакты с населением самых глухих и удаленных уголков края.

Вынужденные жить в деревенской глуши и тяготеющие к промышленным центрам, еврей-сибиряки в первом-втором поколениях совершенно естественно становятся торговыми посредниками между деревней и городом. Представленные волостными правлениями и окружными исправниками списки евреев с указанием рода занятий говорят о том, что посредническая торговля между городом и деревней была их основным заработком: ею занимались от 29 до 68 процентов евреев-сельчан. К этой армии торговцев надо добавить еврейских землепашцев, ремесленников, рыбаков, которые тоже, как правило, приторговывали.¹⁹ Еврейская торговля дала такую ее разновидность как «торговля барахлом». Анализ занятий евреев в селениях региона показал, что практически в каждом селении было по два-три «барахольщика», скупавших предметы, казалось бы, лишенные всякой ценности: тряпье, кости, старую кожу, ношеное платье и обувь. Однако в городах, собранные в большие партии, эти предметы становились промышленным сырьем. Еврей-«барахольщики» были незаменимыми посредниками между крестьянским хозяйством, охотно за бесценок продававшим ненужное тряпье, и городской промышленностью, его утилизовавшей. Исследователи

отмечали, что во время еврейских погромов, когда «барахольщики» опасались лишней раз появляться в селениях, цены этих отбросов, как оказалось, совершенно необходимых для промышленности, сильно поднялись.²⁰

Еврейская посредническая торговля связывала экономическими отношениями отдаленные районы Сибири. В Якутской области у евреев действовала цепочка перекупщиков: мелкие купцы перекупали товары у крупных и продавали дальше. Это сокращало время передвижения и в то же время позволяло поставлять товары в самые отдаленные районы. В частности, еврейские купцы Гринштейн, Ходаб, Золотушкин, занимающиеся мелочной торговлей в улусах Виллойского округа, перекупали товары у виллойских купцов.²¹ Баргузинский окружной начальник в своем рапорте от 27 декабря 1900 года отмечает оживленность еврейской торговли: «Приманкой для торгующих, а в особенности для семитов (выделено в тексте. –Л.К.) служат: скопление у рыбопромышленников рабочих до 2 тысяч человек и приобретение от них всякими путями утайкой от хозяев рыбы, возможностью эксплуатировать тунгусов снабжением для его охоты всем нужным и даже ненужным в долг под его промыслы и нахождение в 30-40 верстах от устья р. Кичеры золотых приисков».²²

Торговля давала средства к жизни. И хотя из числа занимающихся мелкой торговлей без определенной специализации, перебивающихся случайными заработками разбогатели единицы, но и в составленном Иркутской еврейской общиной списке бедняков, которые нуждались в ее попечении, почти не было торговцев – в основном ремесленники, поденщики или лица без определенных занятий.²³ Стартовые условия почти у всех сибирских евреев были одинаковыми, поскольку «коммерческий опыт» их отцов чаще всего исчерпывался кражей, после

которой они оказывались в Сибири, а единственным «наследством», переданным детям, была возможность последовать за ними.

Среди всех видов торговли особое место занимала торговля вином, которая в западных губерниях была «как бы исторически укоренившейся монополией еврейства, к которой до такой степени привык народ, что в случае...фактического запрещения евреям заниматься продажей питей, можно предположить, что все питейные заведения закроются».²⁴ В Сибири вхождение евреев в эту отрасль начинается в 60-е годы после Высочайшего им разрешения разворачивать питейную торговлю на общих основаниях. В короткое время они занимают в ней видное место. При всей непрестижности этого вида торговли в глазах основного населения она давала быстрый доход, так что прошениями евреев об открытии «питейного заведения для продажи вина распивочно и на вынос» были просто завалены городские управы. В Иркутске, к примеру, в 1879 году евреи заявили к открытию треть всех питейных заведений, внося в кассу городской управы и треть всей суммы, полученной городом за выданные свидетельства - при том, что сами они не составляли и пятой части виноторговцев.²⁵ Дело в том, что они не ограничивались одним питейным заведением. Постепенно сложился круг еврейских виноторговцев, которые имели по несколько десятков харчевен, погребов, трактиров: Яков Домбровский, Леонтий Лейбович, Аграфена Маркевич, Яков Перцель, Исай Файнберг. Лейбович, к примеру, за один год подал прошение об открытии 24 питейных заведений. Оптовую торговлю вином иркутское еврейское купечество вело и за пределами Иркутской губернии.²⁶ Такая же картина наблюдается и в Западной Сибири: в частности, в Томской губернии из открытых в 1866 году 80 оптовых складов вин и спирта 40 принадлежали еврейским предпринимателям.²⁷ Тенденцию накопления еврейского первоначального капитала винной торговлей отметила газета «Сибирь». «...Еврей, прибывший в Сибирь ни с чем, начинает свою

деятельность в селении каким-нибудь грошевым гешефтом, потом переходит к своему излюбленному делу, кабаку; - мало-помалу деятельность его расширяется, он богатеет на счет крестьянина, начинает его всевозможно эксплуатировать, а со временем может сделаться сильным мира сего».²⁸

Подобно винной торговле винокурение также считалось «национальной» отраслью, и владеющие этим ремеслом имели возможность жить в Сибири даже не будучи приписанными к сибирским губерниям. Вспомним уже упоминавшихся братьев Давыдовых, которым Высочайшим повелением разрешено было винокурение на иркутских заводах еще в 1827 году. Практически на всех винокуренных заводах региона специалистами по виноделию были евреи. Когда в 90-е годы началась повальная кампания выселения евреев в места приписки, винокурение в Сибири пережило серьезный кризис: для поиска новых специалистов требовались месяцы, так как выписывать их приходилось из западных регионов России. «В Сибири же, - как писал в прошении один из владельцев винокуренного завода потомственный дворянин Дмитрий Буйвид, - винокуров не из еврейской нации нет». Под угрозой единовременного прекращения винокурения по всей Сибири после циркуляра от 14 января 1893 года, предписывающего удалить не имеющих права жительства в Сибири евреев в черту оседлости, Иркутский генерал-губернатор отсрочил выселение евреев-винокуров до окончания периода винокурения.²⁹ Впоследствии в ряде случаев владельцам винокуренных заводов при вмешательстве высших органов власти, вплоть до Министерства внутренних дел, удавалось отсрочить отъезд евреев-виноделов, чтобы уменьшить убытки.³⁰

Виноделие создавало стабильную материальную основу: искусные винокуры получали до 1300 рублей серебром в год плюс награды за «перекур» и квартиру с отоплением и освещением за счет хозяина,³¹ а

сочетание производства вина с его оптовой торговлей было делом обычным, поскольку позволяло получить высокую прибыль с наименьшими затратами. «Евреи – это граждане всего света, - указывалось в справочной литературе. - Все они группируются преимущественно в городах и торговых селах. Занимаются винной торговлей, подрядами и факторством; имеют винные заводы и живут довольно-таки не бедно, напротив много из них есть выдающихся капиталистов».³²

При том что процент евреев в Азиатской России, занимающихся выделкой и продажей вина, был существенно ниже такового в Европейской (4,1 против 29,3 - причем более двух третьих из них в черте оседлости),³³ достаточно устойчивые позиции евреев в отрасли напугали власти и заставили применить политику сдерживания еврейской экономической активности. В соответствии с предписанием генерал-губернатора Восточной Сибири от 8 декабря 1871 года со следующего года патенты на торговлю вином подлежали выдаче и в городах, и в селениях «только тем евреям, которые находились в Сибири до 15 мая 1837 года и детям их мужского пола, здесь родившимся, или вместе с ними по распоряжению Правительства отправленным в Сибирь и достигшим 18-летнего возраста, равно и женщинам еврейкам, которым дозволено остаться на местах их жительства в Сибири за исключением ссыльнопоселенцев»; прочим евреям, имеющим право постоянного жительства в Сибири, за исключением отставных и бессрочно отпускных нижних чинов патенты на торговлю «питиями» выдавались только в городах; ссыльнопоселенцам евреям выдача патентов запрещалась как в городе, так и в селениях. Не позволялось им быть и сидельцами во всех заведениях, где продавалось вино. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.П. Синельников телеграммой в Министерство финансов предлагал пойти еще дальше: ограничить в праве продажи спиртным и тех, кто

оказался здесь до 15 мая 1837 года, их детей, а также мещан, записавшихся в купечество.³⁴

Запрет ссыльным торговать вином относился только к евреям. Прочие ссыльные на основании статьи 324 Питейного Устава торговать «питьями» могли, что специально оговаривалось в циркулярном письме Акцизного Управления Восточной Сибири. Отныне чтобы стать обладателем билета или свидетельства на право торговли, надо было получить удостоверение от волостного правления о том, что под судом и следствием не состоял и что имеет право жительства в данной местности.³⁵ Под ограничение попадали даже именитые купцы, солидные виноторговцы. В частности, иркутская купчиха Аграфена Маркевич с трудом доказала законность своего пребывания в Сибири: она приехала за ссыльным отцом до 15 мая 1837 года, а ее 6-летний к тому времени возраст не мог служить препятствием, поскольку возрастные ограничения лиц женского пола не касались.³⁶

Хотя после указанных ограничений круг еврейских продавцов вина сузился, в целом эта мера цели не достигла: евреи документами доказывали давность своего пребывания в Сибири, а при неимении таковых предъявляли свидетелей, которые это подтверждали.³⁷ Дальнейшая борьба с питейной торговлей евреев, инициированная сибирской администрацией, велась уже на высшем уровне. Определением Правительствующего Сената от 14 мая 1874 года евреям, даже доказавшим законность своего пребывания в Сибири, разрешалось торговать вином только в собственных домах. Сидельцы (приказчики) евреи допускались только в заведениях своих единоверцев и только в том случае, если они сами докажут законность своего пребывания в Сибири. От прибыльной торговли хотели отлучить основную массу мелких торговцев, которые занимались розничной продажей и к этому времени еще не имели недвижимой собственности. Оптовики могли торговать на прежних условиях. Не ограничивались в торговле и владельцы винных заводов, по-

видимому, потому, что их было еще немного: из 16 винокуренных заводов Восточной Сибири евреям принадлежали лишь три, еще в одном еврей был совладельцем. Во всяком случае ходатайство балаганского купца I гильдии Якова Лейбовича об освобождении его от запрета торговать «только в местах, определенных для постоянной оседлости, и не иначе как в собственных домах на том основании, что он является собственником винокуренного завода, Советом Главного управления Восточной Сибири было удовлетворено: «Стеснение евреев заводчиков и предоставление каких-либо преимуществ другим заводчикам по сбыту выкуриваемого на их заводах вина было бы несправедливо». До получения указаний из Правительствующего Сената Совет ГУВС взял на себя ответственность за то, чтобы «не было воспрещено евреям заводчиками производить дробную продажу вина в наемных домах».³⁸

Что касается мелких торговцев, то, хотя их «питейной коммерции» и был нанесен урон, они быстро приспособились к обстоятельствам. Уже через полтора-два года власти отметили активную скупку евреями домов под снос по частным распискам с определением для собственно сноса довольно продолжительного времени и приобретение торговых документов на подставных лиц из христиан. Из этих домов они вели «раздробительную» продажу вина довольно активно: из 33 питейных заведений Иркутска в 1880 году 15 находились в еврейских домах.³⁹ Ничего не дала и превентивная попытка Иркутской городской думы упорядочить контроль за виноторговлей путем сокращения числа питейных заведений до 10 с отдачей их в несколько рук. Это вызвало резкое возражение виноторговцев, а купец I гильдии Леонтий Лейбович письмом в городскую думу оценил эту меру как попытку возврата к откупной системе и убедительно доказал, что она приведет только к тайной торговле, после чего губернское присутствие по городским делам,

признав постановление думы о сокращении питейных заведений неправильным, отменило его.⁴⁰

В 80-ых годах XIX века наблюдается рост винокуренных заводов, принадлежащих евреям, или открытых ими на паях с русскими купцами. Этот процесс особенно активно шел в Иркутске, в Томской губернии.⁴¹

Указ Правительствующего Сената от 16 мая 1879 года запрещал питейную торговлю потомкам прибывших в Сибирь до 15 мая 1837 года, то есть уже взрослым детям нынешних торговцев: самим им, даже прибывшим со своими отцами в младенческом возрасте, к этому времени было уже далеко за 40. Любопытно особое мнение по этому поводу вице-губернатора Забайкальской области Михаила Берестова: он считал, что потомки евреев, для которых Сибирь стала чертой оседлости, должны пользоваться теми же правами (в том числе и на виноторговлю), что и их предки. Однако он остался в одиночестве.⁴²

Дети прибывших в Сибирь до 15 мая 1837 года пытались оспорить распоряжение генерал-губернатора, запрещавшего им винную торговлю. Поверенные иркутских виноторговцев Максим Каплан и енисейских Герш Скоп обратились с телеграммой в Петербург, доказывая, что с разрешением всем детям оставаться при родителях в месте постоянной оседлости последних их собственные права на оседлость в Сибири получают полную силу, а бывший министр финансов еще в 1872 году отзывом о правах евреев в Сибири фактически уравнил поселенных здесь до 15 мая 1837 года и их потомков. На телеграмме Александр III собственноручно начертал: «На чем остановился этот вопрос? Не думаю, чтобы это было желательно для Сибири», чем участь евреев-виноторговцев Сибири была решена. Заседавший 28 июля 1883 года по их жалобе Правительствующий Сенат нашел, что распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири о запрете еврейской торговли вполне соответствует Указу Сената от 16 мая 1879 года, и что «сыновьям евреев

ссылнопоселенцев, не достигшим к 15 мая 1837 года 18-летнего возраста и родившимся после этого срока, а равно и дочерям их питейная торговля и винокурение не могут быть дозволяемы в Сибири, т.к. последняя для них, по силе 129 статьи Устава торгового местом постоянной оседлости считаться не может».⁴³

Окончательно крест на этой отрасли еврейской торговли, не дожидаясь рождения следующего поколения евреев-виноторговцев, поставило решение Правительствующего Сената от 16 марта 1887 года по делу Раисы Лейбович, закрепленное Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета: отныне всем сибирским евреям было отказано в праве торговли вином на том основании, что «под чертой оседлости следует понимать закон общей еврейской оседлости в России, а не все те местности, где дозволяется постоянное пребывание или оседлость некоторым евреям». То есть евреи, имея право проживания в Сибири, которая вошла в число мест, разрешенных для их поселения, торговать вином не могли, поскольку в официально определенную Уставом о Паспортах черту оседлости она не входила.⁴⁴ Указ о запрещении евреям производства и продажи акцизных напитков был объявлен всем под расписку. От торговли вином были отстранены все евреи без исключения, невзирая на заслуги. В частности, в праве виноторговли было отказано купцу I гильдии Вениамину Каминеру, чей предок Михаил Каминер получил именное разрешение на жительство в Сибири в изъятие из закона 15 мая 1837 года. Правительствующий Сенат разъяснил просителю, что «сделанное для него изъятие из правил касалось исключительно прав его жительства в Сибири, но вовсе не устанавливало за ним тех прав, пользование которыми евреям вне места их постоянной оседлости воспрещено, к числу коих относится и право винопромышленности и виноторговли».⁴⁵ Крупным виноделам – Файнбергу, Маркевич Патушинскому - удалось отсрочить исполнение указа до истечения срока

патентов, чтобы хотя бы распродать имеющиеся запасы спирта и тем снизить убытки.⁴⁶ В 1889 году сбор с трактирных заведений в Иркутске – второй по объему сбор в пользу города после оценочного сбора с недвижимого имущества - упал по сравнению с 1881 годом в 2,5 раза.⁴⁷ Можно предположить, что наряду с официально указываемыми причинами – падением значения трактирного промысла и беспатентной продажей вина – на городских доходах пагубно сказалось отстранение евреев от питейного промысла. Дело Раисы Лейбович стало типичным образцом так называемой «юриспруденции прецедентов», когда раз рассмотренное Правительствующим Сенатом дело входило в законодательство под именем просителя и все новые прошения уже рассматривались просто по аналогии с ним.

Удар, нанесенный запретом торговли спиртным, был для евреев ощутимым, но не смертельным. «Евреи люди торговые, а не филантропы, и коммерческий склад их ума всегда стремится изыскать всевозможные средства к тому, чтобы получить заработок посредством удовлетворения существующему или возникающему спросу, - писал Н. Лесков. -... Ему нельзя...производить ныне предметы, которые у него никто не потребует».⁴⁸ Гибкие в бизнесе, чуткие к растущему спросу, мгновенно приспособившиеся к новым условиям еврейские торговцы сразу же нашли новую нишу: торговля продукцией сельского хозяйства (в Иркутске ею занимались 45,7 процента всего числа евреев-торговцев),⁴⁹ поставки на прииски, а позже – на строительство железной дороги. В июле 1902 года верхнеудинским купцам Иосифу Родовскому и Иосифу Розенштейну было отказано «в отлучке на Кругобайкальскую дорогу ввиду большого скопления там евреев».⁵⁰

В торговле продукцией сельского хозяйства большую роль играли экономические связи с инородческим населением, которые сложились еще в середине XIX века. Развозной торг по улусам стал чисто «еврейским»

видом торговли, полезность которого буряты оценили общественными приговорами.⁵¹ В последующем контакты с ними оченьгодились еврейским купцам, поставлявшим продукты на прииски. Забайкальские евреи были частыми посетителями инородческих ярмарок: Анинской при Хоринской Степной думе, Агинской. С ними охотно вступали в торговые связи, поскольку они практиковали продажу товаров в кредит. После вступления в силу запрета находиться в 100-верстной полосе читинские купцы Шергов, Фромберг, Либерман, братья Помусы – завсегда и Агинской ярмарки – лишились права на ней торговать. Однако, не желая терять столь емкий рынок, они добивались приезда прошениями в Министерство внутренних дел.⁵² Будучи крупнейшими поставщиками пушнины на иркутский рынок, еврейские торговцы покупали ее непосредственно у промысловиков в самых глухих уголках сибирской тайги, что высоко ценилось местными деловыми кругами.⁵³ Выгода от этого торга была явной и для самих тунгусов, что зафиксировано, к примеру, общественным приговором бродячих тунгусов Верхнеангарского Чильчигирского рода. С появлением в тайге еврейских торговцев цена на пушнину повышалась, а отпускаемые из их лавок припасы и товары наоборот понижались в цене, что делало еврейских посредников желанными гостями на тунгусских торжках.⁵⁴

Крупные торговцы, успевшие скопить первоначальный капитал, занимались поставками на прииски. Она требовала значительных оборотных средств. Товары в кредит под предстоящую золотодобычу, ранее принятые во всей Сибири, впоследствии больше практиковались в Баргузинском округе, где благодаря еврейским торговцам была сильнее развита конкуренция между поставщиками. В доставке на прииски припасов и товаров евреи приобрели значение еще в середине XIX века. Уже в 60-70-х годах среди поставщиков на прииски Енисейского горного района фигурировали Хейсин и Мильштейн, позже – Хотимский и

Каминер. Доставкой туда продуктов занимались томские, красноярские, канские евреи.⁵⁵ Войтинский и Горнштейн указывали, что из иркутских промышленников мало кто не имеет постоянно действующих контактов с золотопромышленными предприятиями.⁵⁶

У торговцев с приисками существовало два вида операций: доставка запасов на приисковые склады крупных золотопромышленников и доставка товаров на прииски для продажи в розницу приисковому населению. В обеих принимали участие евреи. Торговля шла, главным образом, с приисками Приленского края и Забайкалья. Она имела огромное значение, так как затруднения с доставкой фуража и провианта, говорилось в отчете Иркутского генерал-губернатора, «крайне удорожает местную жизнь и служит одной из главнейших причин, останавливающих развитие золотопромышленности».⁵⁷ Когда в 1903 году военный губернатор Забайкальской области по какой-то причине временно запретил торговлю с бурятами, у которых баргузинские купцы-евреи покупали скот и масло, это поставило под угрозу снабжение приисков и было чревато уходом рабочих, поскольку в самом городе рынка скота не существовало.⁵⁸

Отдельно следует сказать об экономических связях еврейских торговцев с Монголией и Китаем. Тяга к ним евреев была отмечена всеми сибирскими губернаторами, тем более что в получении заграничных паспортов никаких препятствий не чинилось. Запрет находиться в 100-верстной полосе от границы снизил интенсивность заграничной торговли, но в ряде случаев еврейские торговцы перешли на «нелегальное положение». Иркутский генерал-губернатор Горемыкин в своем рапорте в Министерство внутренних дел в 1892 году указывал, что один иркутский еврей много лет ведет оптовую торговлю с Монголией и Китаем без взятия торговых свидетельств, а отдельные случаи убеждают, что евреи беспрепятственно проживают в пределах 100-верстной полосы.⁵⁹ Кяхтинский пограничный контроль сообщал, что не менее 100 человек в

год из евреев приезжают в соседний с Кяхтой город Маймачен для продажи китайцам хищнического золота или для обмена на чай и шелковые материи. Причем выезд сюда совершается с большими предосторожностями, через Монголию и обыкновенно ночью.⁶⁰

В Монголии особенно значительной была торговля забайкальских евреев, которые главным образом закупали там скот и потом поставляли его на прииски. Но и иркутские еврейские фирмы проявляли в этом направлении большую активность. В частности, одна из них - Горбоносова и Бороховича - в северо-западной части страны, в частности, в Ахайчуне, вела торговлю почти монопольно. Обороты евреев в Монголии быстро росли: из Тунки в Монголию ежегодно отправлялись караваны из нескольких сот верблюдов, навьюченных товарами еврейских торговцев.⁶¹ Еврейская активность в этом крае была настолько очевидной, что российский консул в Урге даже просил военного губернатора Забайкальской области Надарова несколько поумерить ее в Маньчжурии и Монголии.⁶² А с 1903 года евреи допускались в Маньчжурию только с особого разрешения Приамурского генерал-губернатора по соглашению с главным инженером КВЖД.⁶³

Вчерашние ссыльные и николаевские солдаты на удивление быстро адаптировались в новых, не привычных для них условиях. Востребованные Сибирью как торгово-промышленный элемент, евреи быстро заняли пустующую нишу, став незаменимыми торговыми посредниками. Коммерческая хватка евреев признавалась властями с самого начала. Еще в 50-е годы XIX века при заселении Забайкалья ссыльнопоселенцами Нерчинский земский исправник писал в Забайкальское областное правление: «Вновь приходящим на водворение евреям давать на первоначальное обзаведение по 15 рублей серебром с обязательством тоже начать уплату таковых чрез три года после приезда и

окончить в 5 лет. Более евреям никакого пособия не нужно, т.к. этот народ весьма способен к всякого рода промышленности». ⁶⁴

Еврейская торговля отличалась несколькими особенностями. Во-первых, скупкой и продажей всего и вся, без какой-то специализации – образно говоря, «всеядностью». Евреи не гонялись за какими-то престижными товарами, часто оказывая услуги в реализации дешевых товаров, скупая в маленьких селениях и придавая торговую ценность продуктам, которые без них вовсе бы таковой не представляли. Во-вторых, быстрой оборачиваемостью, которую отмечал И. Оршанский: «Еврейская торговля основана не на монопольном принципе заламывания втридорога, которое составляет жизненный нерв великорусского кулачества... а на вытекающем из неограниченной конкуренции в еврейском мире начале быстроты оборота при малом барыше, подчас даже убытке, следовательно начале рациональном и прогрессивном сравнительно с русской торговлей. ...купцы говорят, что пока рубль обернется у русского два раза, он у еврея обернется пять раз». ⁶⁵ Торговля с маленьким барышом, иной раз даже себе в убыток, вопреки расхожим представлениям о еврейской алчности, была типично еврейским принципом. Исследователи отмечали способность евреев пожертвовать прибылью для того, чтобы впоследствии заработать больше. ⁶⁶ В Сибири же эта особенность еврейской торговли в силу социального положения ее носителей проявилась еще рельефней: для вчерашних ссыльных, которым надо было адаптироваться в крае, необходимость как можно большему кругу людей, незаменимость в качестве посредников между городом и деревней, русскими селениями и инородческими улусами, торговыми центрами и приисками была на первых порах важней, чем сиюминутная выгода. Даже Высшая комиссия по еврейскому вопросу под руководством графа Палена отмечала, что «характер еврейской торговли полезен для государства, т.к. евреи связывают торговыми сношениями отдаленнейшие районы, довольствуясь

куда меньшими барышами, чем купцы-христиане». Опубликованные в «Восточном обозрении», выводы комиссии обрадовали сибирских евреев, поскольку их заслуги признавались официальным органом в Петербурге.⁶⁷ В-третьих, еврейскую торговлю отличала довольно высокая степень риска. В черте оседлости банкротства в среде еврейских торговцев были чрезвычайно редким явлением. Они слишком дорожили кредитом и старались соблюдать аккуратность в платежах, так как раз прибегнувший к банкротству для избежания обязательств платить по счетам должен был навсегда отказаться от торговли: кредита ему больше никто бы не дал.⁶⁸ В Иркутске же, к примеру, задолженность евреев по кредитам почти в четыре раза превышала сумму их вкладов, тогда как задолженность остальных членов кредитного общества не доходила даже до удвоенной суммы сделанных вкладов.⁶⁹ Полное исчерпывание кредитных ресурсов плюс отсутствие оборотных средств привели к череде банкротств даже в среде крупных еврейских промышленников и торговцев, причем, по мнению председателя Иркутского губернского суда, признаки несостоятельности были преднамеренно сфабрикованы, чтобы избежать платы по кредитам.⁷⁰ Вряд ли это действительно было так: евреи - клиенты банков - в основном были мелкими предпринимателями с небольшими размерами кредитов. Причем кредиты использовались ими намного интенсивнее, чем другими клиентами, что служило показателем их экономической активности. По-видимому, процент разорившихся иудеев соответствовал проценту рисков, характерных для нового края, новых условий хозяйствования, когда воображаемые перспективы на время заслоняют действительность с незнакомыми условиями хозяйствования, отсутствием связей и поручителей. Убедительным нам кажется и мнение исследователей, что подобный тип поведения не был чем-то исключительным в краю, где большинство населения было либо ссыльными, либо их потомками, и где еще не сложились традиции

предпринимательской этики.⁷¹ Евреи попросту приняли существующие здесь правила игры. Наконец, пожалуй, главной особенностью еврейской торговли был не столько размах (выше уже говорилось, что большинство торговцев были мелкими), сколько проникающая сила. Евреи с легкостью снимались с насиженных мест, устремляясь туда, где еще не ступала нога конкурента: в дальние северные села, отстоявшие друг от друга на десятки, а то и сотни километров, в глухие бездорожные районы, в места наибольшего скопления потребителей. Еврейских торговцев можно было встретить и в сибирской тайге, и в военных гарнизонах, и на строительстве железных дорог, и в инородческих селениях.

За 30-40 лет активной деятельности начавшаяся с мелких сделок еврейская торговля в Восточной Сибири приобрела солидность, и ее носители заняли в ней прочные позиции. В Иркутске в 1901 году из 133 наиболее значительных торговых фирм четверть принадлежала евреям, а в Верхнеудинске - 16 из 35.⁷² В 1908 году в Чите из 46 фирм евреи владели 20, в Нерчинске из 21 – 12 и в Сретенской из 30 - 22. Из пяти компаний, имеющих свои пароходства, три принадлежали евреям.⁷³ Лидирующее положение еврейские купцы занимали в торговле пушниной, готовым платьем, металлическими изделиями, скобяными товарами, оконным стеклом. В Иркутске евреи удерживали устойчивые позиции в торговле хлебом, им принадлежала половина фирм, торгующих парфюмерией, готовым платьем, головными уборами, крупчаткой, в Красноярске – треть фирм, занимавшихся мясной торговлей, в Мысовске практически вся мясная и галантерейная торговля. В Нерчинске евреям принадлежала половина фирм, торгующих мануфактурой, скобяными товарами, а торговля москательными товарами – полностью, в Петровском Заводе – практически вся торговля галантереей и большая часть бакалеей, мануфактурой, обувью и готовым платьем, в Чите – половина торговли жировыми товарами, железом и другими металлами, большая часть

торговли ювелирными, лакокрасочными изделиями, парфюмерией, кожевенными товарами, лесом. Вся мясная торговля Читы была сосредоточена в руках еврейских торговцев.⁷⁴

По справочным данным 1914-1915 годов, в Баргузине из 25 предприятий, торгующих мануфактурой, 16 принадлежали евреям, а из 24 поставляющих бакалейные и колониальные товары – 8. В Верхнеудинске соответственно 12 из 21 и 8 из 18. Готовым платьем в Баргузине торговали 9 еврейских фирм из общего числа 12.⁷⁵

Из 47 промышленных предприятий I разряда с годовым оборотом до 600 тысяч рублей и более в Иркутске в 1908 году 13 принадлежали евреям. При том, что сами они среди владельцев этих предприятий составляли 27,7 процента, годовой оборот их фирм достигал 34 процентов общего оборота. В то же время среди предприятий II разряда еврейские составляли только 13,7 процента, их годовой торговый оборот равнялся 7,4, а процент оценочного сбора – только 6, 21.⁷⁶ То есть наблюдается тенденция роста доли крупных еврейских торговцев в общей городской торговле при снижении доли мелких. Особенно крупными были магазины готового платья Лейбы Мерецкого, Товарищества «Кальмеер и сыновья», «Торгового дома Штанбок, сыновья и Ко» (оптово-бакалейная торговля).

Статистика обнаруживает явную тенденцию роста значимости еврейской торговли при движении с запада на восток. Это закономерно, так как восточные окраины Российской империи подверглись колонизации позже, когда евреи, уже скопившие первоначальный капитал, могли принять в этом процессе деятельное участие. Это отмечено и путешествовавшим в конце XIX века по Сибири А. Виноградовым, назвавшим в своей книге наиболее крупные фирмы, оказывающие заметное влияние на облик сибирских городов: Семена Кальмеера в Иркутске, Якова Рейхбаума, Евсея Цыгальницкого, Осипа Розенштейна, Моисея Сегельмана, Моисея Самсоновича в Верхнеудинске, Исаю

Шлезингера, братьев Помус, Абрама Либермана, Хаима Потехи, Исая Шергова в Чите. В Сретенске особое внимание он обращает на торговлю Андоверовых, имеющих свой пароход, который возит грузы по Амуру. Из 20 крупных торговцев Нерчинска евреев было 9.⁷⁷ Среди них особенно выделялся Фисель Риф, купец I гильдии с 1888 года, владелец многомиллионного состояния, имевший широкую торговлю в Забайкалье и Хайларе с годовым оборотом 400 тысяч рублей. Он торговал мануфактурой, сельскохозяйственным сырьем, машинной техникой, выписывал товары из Европейской России и Китая, возил грузы по Амуру через Николаевск, а когда при их отправке у него появились сложности из-за необязательности пароходных компаний, открыл свое пароходство. Его буксиры с баржами плавали по Амуру и Шилке. Он брал подряды, владел золотыми приисками, имел паровую мукомольную мельницу в Харбине.⁷⁸

Именно о них, выбившихся из «низов», сколотивших состояние своими трудами говорилось в очерке об Иркутске, изданном городским головой В.П. Сукачевым: «...старого родовитого...купечества более не существует. Нынешние иркутские капиталисты и торговцы – люди новые, выдвинутые или золотопромышленностью, или каким-либо иным случайным и удачным для них оборотом дел».⁷⁹ Интересно, что если на первых порах евреи торговали «ощупью», без какой-то определенной направленности, то в последующем они заняли ведущие позиции именно в торговле товарами повышенного спроса: галантерея, мануфактура, кожевенные и металлические изделия, москательные и колониальные товары.

Вторую позицию в традиционной еврейской экономической специализации занимало ремесло, хотя еврейские ремесленники черты оседлости практически не воспользовались правом повсеместного жительства для поселения в Сибири. Положение евреев-ремесленников в Сибири было очень шатким: даже добровольно переселившиеся из черты оседлости по-прежнему числились там для отбывания государственных

податей и повинностей, и, следовательно, их пребывание в Сибири было как бы временным, зависящим от усмотрения властей и случайных обстоятельств. На местах следили, чтобы евреи, попавшие в Сибирь по законодательству, занимались своим ремеслом. Ремесленные управы должны были исключать из цехов всех, кто оставил ремесло, а исключенные подлежали высылке как потерявшие права на пребывание вне черты оседлости. Повод для высылки мог быть изобретен в любой момент. По выражению исследователей, еврейские ремесленники одной ногой стояли в черте оседлости, другой – вне ее.⁸⁰

В маленьких селениях три-четыре сапожника или столяра просто не могли найти себе клиентов, но их желание поменять занятие неизменно наталкивалось на сопротивление властей. Те постоянно напоминали, что право на повсеместное жительство было дано только для того, чтобы «разгрузить» черту оседлости, установить разумный баланс между предложением и потреблением и чтобы евреи могли с пользой применять свои технические знания и ремесла в местах вне черты оседлости. Но при этом вовсе не имелось в виду предоставление евреям каких-либо других прав, кроме занятий предметами своего мастерства и торговли собственными изделиями.⁸¹ Разъяснением Правительствующего Сената даже удостоверения станового пристава или других лиц о выполнении евреями кузнечных, слесарных и каретных работ не могли иметь значение свидетельства на звание мастера или подмастерья, дающего жительство вне черты еврейской оседлости. Не принимались во внимание и паспорта с обозначением, что их владелец «мастер» - только свидетельства ремесленных управ на звание мастера с указанием специальности.⁸² Поскольку многие евреи для того, чтобы остаться в Сибири, выдавали себя за ремесленников, некоторые ремесленные управы стали экзаменовать их на предмет знания ими мастерства, прежде чем записать в местное ремесленное общество.⁸³

Статья 68 Устава о паспортах издания 1903 года, запрещавшая евреям въезд в Сибирь, вовсе пресекла появление здесь ремесленников из черты оседлости, хотя логики в этом было мало: Сибири требовались мастерские люди. После разъяснения военного губернатора Забайкальской области о том, что разрешение Министерства внутренних дел остаться в месте проживания поселившимся до 3 апреля 1880 года не касается еврейских ремесленников Сибири, даже поселившихся до этой даты, некоторые ремесленники для того, чтобы здесь остаться, бросились доказывать... что ремесло они давно бросили.⁸⁴

Мастерские открывали большей частью оказавшиеся здесь ссыльнопоселенцы, которые на родине знали какое-нибудь ремесло, а таких было достаточно много. В Красноярске, например, в 1888 году каждый десятый мастер был евреем. В 1902 году – уже почти каждый пятый. Особенно «еврейской» специальностью была портняжная: из 22 городских портных евреи составляли половину (по некоторым данным, даже больше). Причем, как указывалось в списках ремесленной управы, почти все они имели прочную оседлость и домообзаводство.⁸⁵ В Иркутске в 1887 году ремеслом занималась каждая четвертая еврейская семья, каждая пятая жила ремеслом в Чите, каждая седьмая – в Якутске. В маленьких уездных городках ремесло также занимало вторую строчку в числе еврейских занятий.⁸⁶ Евреи занимались сапожным, стекольным, парикмахерским, кузнечным, скорняжным ремеслом. Были среди них искусные пряничники, квасники, шорники, башмачники, шапошники, булочники, кирпичники, конопатчики, столяры, плотники, часовых дел мастера.

Подобно еврейским торговцам в основном это были мелкие производители. Хотя процент евреев среди работников и подмастерьев был незначителен и большинство сами были хозяевами,⁸⁷ но громкое «владелец мастерской» чаще всего означало мастера-одиночку, без

наемных рабочих, подмастерьев и учеников. Некоторые из них были настолько бедны, что даже обращались в общину за благотворительной помощью. Особенно много такой бедноты было среди шапочников. Историки Иркутской общины приравнивали их к «барахольщикам» среди еврейских торговцев.⁸⁸

Немногие из ремесленников разбогатели. В Верхнеудинске, в частности, в числе зажиточных ремесленников были кузнецы, открывшие ряд мастерских на Батарейной площади. В купечество записался иркутский ремесленник Вениамин Лонцих.⁸⁹ Довольно быстро адаптировались мастера, приехавшие в регион после начавшихся на западе в 1905 году погромов: искусные шляпники, жестянщики, обувщики, они сразу нашли себе богатых клиентов в городах, фактически основав здесь эти виды ремесел. Среди их заказчиков были и губернаторы, что придавало вес и давало какую-то гарантию от выселения.⁹⁰

Что касается земледелия, то выше уже говорилось: в силу сложившихся обстоятельств процент занимающихся им евреев был значительно выше, чем в черте оседлости - до 12,9, например, в Забайкальской области, а во многих селениях им занималось даже большее число семей, чем торговлей. Еврейское земледелие не раз становилось поводом для комментариев в печати. Однако все они – хоть восхищенные, с умилением расписывающие еврейские земледельческие опыты как способ «ассимиляции с мужиком», хоть негативные, доказывающие что «еврей-земледелец – неслыханная вещь, восьмое чудо в свете»,⁹¹ имели мало общего с действительностью. Евреи просто органично вписались в существующую здесь структуру хозяйства (в Енисейской губернии, по свидетельству Н. Астырева, существовали целые поселки, жители которых – евреи – занимались исключительно земледелием, что редкости в Сибири не составляло⁹²). По отзывам крестьян и отчетам волостных правлений, они «трудолюбивы в земледелии». Их старательность в земледельческом труде нередко служила

основанием в заступничестве за них перед властями крестьянских обществ в случае принятия решения об их выселении. Заметной была еврейская прослойка среди извозчиков: 2,9 процента в Чите, 1,9 в Иркутске, 11,3 в Якутске.⁹³

Отдельной страницей в истории сибирских евреев можно считать их вклад в золотодобычу. Первые немногочисленные золотоискатели из евреев появились на приисках Забайкалья в 1856 году, когда постановлением Второго Сибирского Комитета были разрешены частные золотые промыслы в Верхнеудинском округе Забайкальской области.⁹⁴ Свободный доступ в сибирскую золотопромышленность евреи получили в 1870 году (по новому Уставу о частной золотопромышленности, утвержденному 11 июня 1870 года), по времени совпавшим с началом упадка добычи золота. Причиной упадка послужили техническая отсталость и прекращение дел более солидными компаниями, нехватка оборотного капитала из-за медленных расчетов за добытое золото, почти полное отсутствие технических и специальных знаний у лиц, управляющих приисками и ведущих дела. К этому времени почти весь золотоносный район (особенно в Енисейской губернии) был занят заявками, и на долю евреев достались либо выработанные прииски, либо месторождения с бедным содержанием золота. Благородную роль эксплуататоров старых отвалов и покинутых, опустошенных хищническим путем россыпей евреи-золотоискатели сыграли не по доброй воле, а в силу необходимости. Подобная разработка покинутых приисков успешно проводилась Борисом Хотимским, единственным до 1870 года крупным золотоискателем из евреев, который с партией в несколько сот человек работал в Енисейской губернии. Роль еврейского капитала в добыче здесь золота была незначительной. Расцвет этого промысла в губернии пришелся на 40-е годы XIX века (в 1848 году Енисейский уезд дал 95 процентов всего добытого в России золота),⁹⁵ когда евреи еще не имели денег на его развитие. Немногие же приобретенные еврейскими купцами

Красноярска прииски годами не разрабатывались, потому что были истощены и требовали вливания значительных капиталов, которых у хозяев не было.⁹⁶ Енисейские и красноярские купцы арендовали маленькие прииски в Южно-Енисейском горном округе. Самый крупный из них – Конкордьевский прииск Тонконогова – добывал немногим более 36 фунтов золота в год. На приисках других округов евреев были единицы: в Северно-Енисейском горном округе – 10 человек, на всех приисках Ачинского уезда семеро, а среди арендаторов в Канском уезде – только четверо. Сами прииски были мелкими, на них работало максимум по 30 человек.⁹⁷ Более или менее состоятельными золотопромышленниками были только енисейские купцы Тонконозовы. Опоздав к дележу золотоносного «пирога» в своей губернии, некоторые красноярские еврейские предприниматели старались застолбить участки за пределами мест жительства. В частности, семья Славиных владела несколькими приисками на Олекме.⁹⁸

Еврейский капитал принял самое деятельное участие в добыче золота в Приленском крае по Витимской и Олекминской системам, которая началась лишь в 50-х годах XIX века и достигла пика в 1880 году. В эти годы Олекминский округ по добыче золота занимал первое место среди всех золотопромышленных округов Сибири.⁹⁹ Известна роль барона Г. Гинцбурга, создателя Ленского золотопромышленного товарищества (Лензолото), которое сосредоточивало в своих руках большую часть добычи золота в регионе. Через посредство Гинцбурга в сибирскую золотопромышленность были привлечены крупные капиталы из-за границы, в том числе и деньги иностранных евреев.

В середине 70-х–80-х годах и позже среди золотопромышленников появился целый ряд евреев: Хейсин, Флееры, Лейбович, Мильштейн, Каминеры, Вульфович, Бронштейны, Новомейские, Кальманович, Шепшелевич, Фризер, Риф и другие. Разработки велись главным образом за Байкалом – в Читинском, Баргузинском и Нерчинском округах. Но в 80-

х годах количество добываемого золота уменьшилось более чем втрое из-за обеднения золотых приисков, а к 90-ым золотодобыча окончательно приобрела «золотничный» характер, который по сути означал ее дробление и возвращение к кустарным формам.¹⁰⁰ Крупные компании русских золотопромышленников Рязановых, Соловьевых, Щеголевых давно ликвидировали свои дела, поскольку золотодобыча стала приносить больше убытков, чем доходов. Их прииски приобретали более мелкие предприниматели, в том числе и еврейские. В частности, баргузинский купец Абрам Новомейский приобрел свои дялянки у известных в Сибири золотопромышленников Сибирякова, Базанова и Базилевского, покинувших край и выехавших в столицу.¹⁰¹ В тайгу устремились мелкие золотоискатели, торопившиеся использовать свой шанс. В создании крупных, технически оснащенных компаний они не были заинтересованы. А еврейские предприниматели к тому же в соответствии с законом по истечении максимум шестимесячного срока могли быть выселены в места их постоянной приписки, и ограниченный срок золотодобычи надо было использовать для получения максимальной прибыли. В обзорах и отчетах Иркутской губернии и Забайкальской области постоянно указывалось, что «стремление к быстрому обогащению и несообразные доходы некоторых золотопромышленников возбуждают каждого имеющего даже небольшие средства кидаться на поиски и разработку золота, так что в крае «не было купца, который если не сам владеет промыслами, то не имел бы известной доли участия у другого, или не занимался разведкою золота, или же не потерпел убытков».¹⁰²

Настоящим бедствием приисков стали хищники. Троицкосавский окружной исправник в донесении военному губернатору Забайкальской области писал, что «хищническая работа золотых россыпей в Чикойской системе развита до такой степени, что коренное прекращение ее едва ли возможно. Серьезных капиталов в этой системе нет, а те

золотопромышленники, которые занимаются добычей золота, почти все такие же хищники, как и крестьяне».¹⁰³

На наш взгляд, процесс перехода золотодобычи в 80-90-е годы XIX века из рук крупных русских компаний к дельцам средней руки, в том числе и еврейским, был объективно обусловлен. Во-первых, технической отсталостью золотодобычи в Сибири. В условиях транспортной оторванности от предприятий Европейской России, выпускавших оборудование для золотых промыслов, и отсутствия местных металлургических заводов, которые сами бы обеспечили выполнение таких заказов, вряд ли можно было нарастить золотодобычу. Следовательно, она более не сулила перспектив для вложения крупного капитала. Во-вторых, до 80-х годов евреи Восточной Сибири в массе своей, за некоторым исключением, еще не располагали достаточными накоплениями для самостоятельных разработок золотых россыпей. В 70-е годы, когда казенная золотодобыча уступила место предпринимательской и явного кризиса отрасли не наблюдалось, еврейский капитал еще проходил стадию первоначального накопления.

Занятия золотопромышленностью при всех издержках помогли еврейским предпринимателям умножить свой капитал, особенно в Забайкалье. В частности, нерчинский купец Фисель Риф, получивший право на разработку золота в 1879 году, удачно вложил в него заработанные торговлей деньги. На его приисках в трех верстах от Нерчинска только в 1894 году было добыто 6 пудов 35 фунтов золота. Крупнейшими золотопромышленниками были Рубинштейн, Клейман. Добывали золото в Забайкалье иркутские купцы Домбровский и Лейбовичи.

Напуганные еврейской активностью в этом направлении, власти опять-таки приняли сдерживающие меры. Еврейская золотопромышленность пережила два тяжелых удара. Первый – запрет селиться в 100-верстной

полосе, где было сосредоточено множество приисков еврейских владельцев. Как уже говорилось, поводом послужили как раз операции еврейских дельцов по вывозу за границу золота. Горное управление сразу же оценило негативные последствия этого шага для золотопромышленности и пыталось смягчить удар. В частности, горный исправник частных золотых промыслов Восточно-Забайкальского горного округа пытался предотвратить выселение Фиселя Рифа, Якова Домбровского с сыновьями с их собственных приисков, а само управление 18 ноября 1892 года приняло постановление, разрешающее евреям-купцам I гильдии производство золотого промысла в 100-верстной полосе. Однако канцелярия Приамурского генерал-губернатора обратилась в Министерство внутренних дел с отношением об отмене этого постановления, заявив, что «означенные евреи не имеют права владеть золотыми приисками в этом районе». ¹⁰⁴

Последствия этого шага были тяжелы не только для еврейской золотопромышленности. В Чикойской системе на границе с Монголией, где в 80-х годах добывалось по несколько десятков пудов золота ежегодно, с выдворением ряда крупнейших золотопромышленников прииски были заброшены. В начале XX века во всей системе вырабатывалось лишь несколько пудов золота в год, и промышленное развитие местности замерло. ¹⁰⁵

Второй удар - сенатское разъяснение 1893 года, согласно которому евреи сохраняли право разведки и добычи золота исключительно в месте их приписки - грозил разорением золотопромышленников и упадком отрасли в крае. Золотопромышленность требует самой широкой свободы передвижения, только возможность одновременных поисков во многих местах смягчает крайнюю рискованность предприятия. К тому же выселенные в места причисления еврей-арендаторы золотоносных участков терпели большие убытки, так как по контрактам если они

отказывались от работ ранее истечения их срока (причины, видимо, во внимание не принимались), то расходы на все подготовительные работы – вскрытие торфа, возведение построек и сооружений – не компенсировались. Видя идущую на пользу краю активность еврейских золотопромышленников, власти часто закрывали глаза на нарушения. По-видимому, по этой причине и после сенатского разъяснения еврейские купцы подавали заявки и получали удостоверения о полной правоспособности на поиски и разработку золотосодержащих россыпей вне мест своего причисления, а о вновь открытых ими там месторождениях писали газеты.¹⁰⁶

Но, не решаясь вызывающе нарушать параграфы Общего горного устава о запрещении евреям заниматься золотодобычей вне мест приписки, власти искали способ его обойти при одновременном создании видимости его четкого соблюдения. К примеру, военный губернатор Забайкальской области дал свою «трактовку» закона, согласно которой выселению в места причисления подлежали только не имеющие собственных приисков доверенные, приказчики и конторщики, но никак не сами золотопромышленники.¹⁰⁷

После 1893 года участие евреев в золотопромышленности заметно снизилось. На приисках Витимской и Олекминской систем Ленского горного округа их численность с каждым годом становилась меньше. За пять лет – с 1893 по 1898 годы – число иудеев-золотоискателей на приисках Олекминской системы снизилось более, чем в три раза.¹⁰⁸ В 1894 году евреям принадлежало менее пятой части из 156 приисков Забайкальской области, на которых добывалось 16,4 процента золота области: в Читинском округе из 55 приисков евреям принадлежали только 3, в Нерчинском из 11 – 4, в Верхнеудинском, Акшинском и Нерчинско-заводском округах они и вовсе не владели приисками. Сравнительно много евреев было занято только в золотопромышленности

Баргузинского округа, поскольку баргузинские евреи занимались золоторазработками в месте приписки на законных основаниях и тем самым были застрахованы от выселения. Первое десятилетие XX века было отмечено «бумом» прошений баргузинских евреев, которые становятся своеобразными монополистами золотодобычи по отношению ко всему еврейскому населению Сибири.¹⁰⁹ Из 71 прииска в округе евреям принадлежали 22, то есть более четверти, они добывали 64 процента золота в округе и львиную долю всего добытого ими золота в области – свыше 23 пудов.¹¹⁰ Лидирующее положение евреев в золотопромышленности Баргузина даже послужило темой заседания общего присутствия Забайкальского областного правления, на котором Забайкальский областной прокурор высказал особое мнение, что «разрешение евреям заниматься золотопромышленностью составляет один из редакционных промахов, достаточно говорящим о вреде своем, если мы взглянем на действительность баргузинских евреев золотопромышленников».¹¹¹

Большинство евреев, промышленявших золотом, тем не менее были мелкими дельцами. В 1908 году из 67 иудеев, работавших на приисках Баргузинской тайги, лишь 7 владели приисками или арендовали их. Спустя несколько лет число золотопромышленников выросло до 46, но лишь 9 из них состояли в гильдейском купечестве.¹¹² Одному золотоискателю затруднительно было найти средства для добычи золота и обороны от хищников, поэтому часто по несколько приисков разрабатывались семейными кланами: Славиными в Витимской системе, Новомейскими в Баргузинском округе.¹¹³ Но именно евреи внесли новшества в технику золотодобычи в районе, не попавшем в сферу ее крупной капитализации. Им, немногим, находившимся здесь на законных основаниях и имеющим достаточные средства, суждено было начать первые серьезные опыты технического перевооружения золотодобычи. Механическое извлечение

мелкого золота с применением калия впервые в «Российском золотопромышленном обществе» было опробовано на Евдокиевасильевском руднике С.Хотимского. Гидравлический способ впервые в 1909 году применен на Королонских приисках Фризера и Николаевском прииске Новомейской. Одним из первых на Андреевском прииске по Ципикану применил дражные работы А.Х.Новомейский. Вечная мерзлота не стала для них помехой: всего драгой намыли более шести пудов золота.¹¹⁴

Для крупных баргузинских золотопромышленников конец XIX – начало XX веков стал периодом расцвета. На приисках Новомейских по Витиму, Витимкану, Ципикану и Большому Амалату с 1882 по 1911 годы было намыто 106 пудов «желтого металла». За один 1913 год на 13 приисках Абрама Новомейского добыто 10,3 пуда золота.¹¹⁵ Самым крупным золотопромышленником Забайкалья в конце XIX - начале XX веков был Яков Фризер. Он начал добычу золота в 1889 году вместе с купчихой Х.Р.Хотимской на двух арендованных у М.Хотимского приисках – Петровском и Ново-Ивановском в Баргузинском округе. В 90-е годы Фризер продолжал арендовать прииски у различных владельцев, в том числе у Забайкальского Товарищества. В 1899 году он с женой Надеждой Фиселевной уже вел добычу на шести собственных приисках. На двух его приисках – Фризеровском и Рифовском – работало более 300 человек, и золота добывалось немногим меньше, чем на всех приисках Витимканского участка.¹¹⁶ Опираясь на сведения Кропоткина, опубликованные по результатам экспедиции на Олекму и Витим, Фризер открыл богатые россыпи в районе Королона. За 10 лет - с 1898 по 1909 годы - на Королонских приисках было добыто около 250 пудов золота, которые дали доход в казну 400 тысяч рублей. Он финансировал разведку и снаряжение поисковых партий в других местах Сибири, в 1907-1908 годах едва ли не единственный послал поисковую партию на побережье

Охотского моря в район порта Аян. В отдельных случаях поиски приводили к неожиданно блестящим открытиям: только в 1912 году Фризер дал девять объявлений об открытии золотосодержащих россыпей.¹¹⁷ Участвуя во многих экспедициях, он собрал обширный материал об экономической, бытовой и хозяйственной жизни на сибирских приисках, написал ряд книг, наиболее известная из которых «Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды».

Еврейская золотопромышленность совершенно преобразила облик восточных золотоносных районов, и владельцы приисков получили возможность давать свои рекомендации с довольно представительных трибун. Фризер неоднократно принимал участие в работах петербургских съездов и совещаний, посвященных нуждам сибирской золотопромышленности. а Павел (Пинхус) и Михаил Тонконоговы поочередно были членами Совета съезда золотопромышленников Северной части Енисейского горного округа.¹¹⁸ К тому же еврейские предприниматели играли важную социальную роль: были работодателями. Вокруг них кипела жизнь. На приисках Фризера работали русские, китайцы, грузы сюда доставляли буряты. Сам Фризер вспоминал, как ему удалось уговорить одного из них Сидена Урбаткаева перевезти летом на прииски ради опыта около ста пудов груза и прогнать скот из Баргузина на средний Витим – дело сложное и небезопасное. Тот согласился только тогда, когда Фризер поклялся, что в случае его гибели позаботится о его семье. Урбаткаев справился с делом, после чего объявилось немало желающих доставлять грузы на прииски по пройденному им пути.¹¹⁹

Еврейский капитал участвовал и в разработке угольных месторождений: каменноугольные копи близ станции Кутулик Сибирской железной дороги имели иркутский купец Кузнец, распорядитель дел Кузнецовского горно-промышленного товарищества, и Товарищество «Абрамсон и Милнер», в разработке Харанорских копей участвовал тот же Кузнец. Свидетельство

на право производства в течение трех лет разведочных работ месторождения каменного угля в районе Мысовска брал и Яков Фризер.¹²⁰

Успешные занятия торговлей и золотодобыча позволили многим потомкам ссыльных и отставных николаевских солдат за 30-35 лет прочно закрепиться в занятой экономической нише, обеспечить достойный уровень жизни и расширить «еврейскую» прослойку в среде сибирского купечества. Здесь необходимо отметить, что право повсеместного жительства на территории Российской империи, дарованное еврейским купцам I гильдии Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета 16 марта 1859 года, практически никак не повлияло на формирование еврейского купечества Восточной Сибири. Департамент полиции в переписке сетовал на то, что еврейские купцы пользуются этой льготой лишь для того, чтобы осесть в столичных городах и губерниях. Собрав в 1890 году сведения о еврейских купцах I гильдии, развернувших свою деятельность за пределами черты оседлости, Министерство внутренних дел обнаружило, что в Иркутскую губернию поехали всего два купца и 11 членов их семей, а в Енисейскую губернию – вовсе ни одного и что из 470 евреев – купцов I гильдии - 296 (65 процентов) обосновались в Санкт-Петербурге и Москве. Зато ситуацией воспользовались приказчики и прислуга, которых вместе с семьями оказалось втрое больше, чем собственно купцов.¹²¹ (По данным Иркутского городского полицейского управления, на жительство в Иркутск из черты еврейской оседлости приехали восемь купцов I гильдии и два лица не совсем ясного статуса, возможно, их приказчики).¹²² Но в данном случае неточность в учете большой роли не играет. Факт то, что еврейское купечество, занявшее на рубеже XIX –XX веков прочные позиции в экономике обширного региона и сыгравшее значительную роль в промышленном и торговом развитии края, сформировалось исключительно из сибиряков во втором-третьем поколении.

Активное формирование еврейского купеческого сословия в Восточной Сибири началось в 70-е годы, хотя в Енисейской губернии, самой западной в обширном регионе, евреи выкупали гильдейские свидетельства еще в первой половине XIX века, а в 60-е годы уже были весьма заметны в среде купечества. К примеру, в Енисейске в 1861 году было 5 купцов-евреев, что составляло 6,67 процента местного купечества, в 1868 году – 11 (13,25 процента), в 1869 – 10 из 16 состоящих в I гильдии и 9 из 71 – во II. В Канске в 1867 году из 57 купеческих семей евреи составляли 15. В списках евреев домовладельцев Красноярска, составленных в 1858 году, значатся четыре еврейских купца, а в 1874 году только выбывших из гильдии города по разным причинам купцов-евреев числилось 11.¹²³

В Иркутске в 60-70-х годах, кроме Домбровского и Лейбовичей, жили от силы две-три зажиточные семьи. Яков Домбровский был первым еврейским купцом Иркутска. Разбогатевший на Илге на торговле хлебом и спиртом, он переселился в Иркутск и приобрел два золотых прииска в Нерчинском округе, два винокуренных завода в компании с Сибиряковым, Немчиновым, Базановым, Трапезниковым, братьями Лейбовичами. Его барки с грузами ходили по Лене уже в 1859 году.¹²⁴ Первое прошение о причислении его в иркутское купечество с женой и тремя сыновьями Домбровский подал еще в 1857 году. Рассматривавший его прошение Совет Главного управления Восточной Сибири отказал на том основании, что причисляться к купечеству Сибири могут только те евреи, которые происходят не из ссыльнопоселенцев.¹²⁵ В 1867 году Домбровский вновь возбудил ходатайство о разрешении приписаться в купцы. На этот раз власти были снисходительнее: поскольку он прибыл сюда до 1837 года, ему разрешили. Но скорей всего свою роль сыграли возросшее богатство, а следовательно, и влияние Домбровского.

В 80-е годы процент зажиточных евреев в Иркутске был уже солидным: при строительстве новой синагоги после пожара 1879 года только за места,

купленные в вечное владение, выручили более 22 тысяч рублей, хотя продали их менее чем 30 лицам.¹²⁶ Многие иркутские купцы состояли в гильдии весьма продолжительное время: к 1913 году среди еврейских купцов Иркутска было шестеро состоящих в I гильдии от 15 до 20 лет, двое – от 20 до 25 и двое – больше четверти века. Старейшими «первогильдейцами» Иркутска были Штамбок, Дубников, Аарон Патушинский и Шепшелевич. От 10 до 15 лет во II гильдии состояли 14 человек, от 15 до 20 лет – 22 человека. Пятеро пробыли в гильдии 25 лет. Владелец дрожжевого и уксусного завода Яков Перцель состоял в гильдии с 1874 года.¹²⁷ Столь же стабильно растет прослойка евреев в купеческой среде и в Чите: в 1875 году 29 из 69 выкупивших гильдейские свидетельства, в 1884 году - 36 из 68, в 1890 году - 20 из 49, в 1899 году – 17 из 34.¹²⁸ Причем процент евреев в I гильдии часто выше и растет быстрее, нежели во II. Например, в 1897 году в Иркутске в купечестве I гильдии числились 52 человека, из них 13 евреев (25 процентов), во II гильдии из 174 купцов евреи составляли 33 (18,9 процента), в 1900 году – 28 купцов в I гильдии, из них евреев 16 (57,1 процента) и 165 во II – евреев 95 (57,5).¹²⁹ В 1913 году евреи составляли абсолютное большинство во II гильдии и квалифицированное - в три четверти – в I.¹³⁰ В Верхнеудинске с 1898 по 1901 годы процент евреев в купечестве I гильдии вырос на 5,4, а во II – на 2,3. В Чите в 1897-1899 годы было всего три купца I гильдии (из них два еврея), а во II еврейская прослойка за три года выросла на 15 процентов, достигнув 48, 4.¹³¹ Исследователи отмечали, что вообще в губерниях за пределами черты оседлости евреи более многочисленны в среде купцов I гильдии и почти незаметны во II (в 12 смежных с чертой губерниях евреи составляли почти четверть числа купцов I гильдии и только 1/70 II) - в то время как в черте оседлости все наоборот и в сфере крупных оборотов они вытеснены на второй план.¹³² Однако объяснение этого факта возможностью выхода за черту оседлости купцов I гильдии по

отношению к Сибири кажется нам сомнительным: выше уже приводились доказательства сибирского происхождения еврейских купцов I гильдии в регионе. Высокий процент евреев-первогильдейцев в Сибири скорее объясняется большими возможностями сколачивания капитала в силу объективно сложившихся в регионе социально-экономических условий. Следует обратить внимание на тот факт, что общее число обладателей гильдейских свидетельств на рубеже веков падает при росте таковых в еврейской среде. То есть в процессе капитализации экономики региона евреи лучше приспособились к новым условиям, чем представители других этнических групп.

Тенденция роста процента евреев в среде купечества прослеживается практически во всех сибирских городах, несмотря на сильные позиции, давние традиции и более раннее формирование как сословия русского купечества. (Табл. 11). К тому же процент евреев среди сибирских купцов почти везде значительно превышал таковой в городском населении, что свидетельствовало об их экономической активности. (Табл. 12). Оба этих явления - рост купеческой прослойки среди евреев и более высокая их доли в среде купечества, чем вообще в населении региона, - прослеживались и в Западной Сибири. При сравнении процента евреев в купеческих гильдиях Западной и Восточной Сибири исследователями отмечается заметный его рост при движении с запада на восток.¹³³

Для евреев факт пребывания в гильдии означал не просто материальную состоятельность. Именно количество денег определяло статус человека, его ценность и способности, а для евреев дополнительно - рамки гражданских свобод, которые были тем шире, чем выше денежное состояние. Более высокий статус придавало и обладание собственным домом: «домообзаводство» свидетельствовало о прочной оседлости. К тому же покупка недвижимости говорила о материальной состоятельности: евреи вкладывали в нее деньги, только накопив значительные средства (до

этого они пускали деньги в оборот). В селениях Забайкальской области на рубеже XIX-XX веков процент евреев-домовладельцев был уже достаточно высок: в станице Сретенской в 1897-1899 годах из 83 семей имели собственный дом 27, в Кульской волости Верхнеудинского округа - каждая третья семья, в Мухоршибирской и Бичурской - каждая четвертая, в Петровской - более половины. В селении Кабанском Селенгинского округа в 1875 году из 71 семьи собственный дом имела 31.¹³⁴

По мере роста еврейского населения городов там тоже росла прослойка домовладельцев: в Чите в 1872 году из 82 живущих там еврейских семей 52 имели собственный дом, а в 1899 году из 271 семьи - 99 (каждая третья).¹³⁵ В Якутске в 1902 году свои дома имели 9 евреев, что составляло 1,9 процента домовладельцев, в 1907 - 11 (2,2 процента), в 1911 - 20 (3,6), в 1916 году - 31 (5,0).¹³⁶ Причем процент евреев среди домовладельцев зачастую был выше их доли в городском населении. К примеру, в Чите в 1877 году евреи составляли пятую часть всех владельцев жилья - при том, что процент еврейского населения в городском не превышал 10. Правда, тогда еще не будучи в массе своей людьми состоятельными, они покупали недорогое жилье: его стоимость составляла 16,3 процента общей стоимости. В Красноярске в 1909-1911 годах доля евреев в городском населении не превышала 3 процентов в то время как они составляли более 5 процентов домовладельцев. В Якутске евреи, составляя в 1910 году 4,6 процента городского населения, также имели более высокую долю в числе его собственников - 7,5.¹³⁷

Списки лиц, определяющих состав выборщиков для избрания депутатов Государственной думы в 1906 году, позволяют выявить процент евреев-домовладельцев в разных городах и селениях региона. Как известно, в соответствии с положением о выборах, право участия в них имели лишь состоящие на учете в городских и земских управах и казенных палатах как плательщики земских и городских сборов за недвижимое имущество или

за взятое промысловое свидетельство, а также состоящие на службе и уплачивающие налоги в сословных учреждениях или на железных дорогах. Правда, данные здесь несколько занижены: из числа выборщиков исключались не достигшие 25 лет и не уплатившие налоги за текущий год к моменту составления списков, даже если они соответствовали всем прочим требованиям. Согласно этим спискам в Иркутске евреи составили 315 человек из общего числа избирателей 4347 (7,2 процента). Треть из них попала в списки по квартирному налогу.¹³⁸ В Верхнеудинске и уезде из 551 человека, обладателя недвижимости, в избирательные списки попали 39 евреев (7,0 процентов), в Баргузинском уезде из 151 владельца недвижимости евреи составили 54 человека (35,8 процента). Каждый десятый владелец недвижимости – еврей зафиксирован в Мысовске. В Чите из 641 выборщика, обладателя недвижимости, евреи составляли 60 (9,4 процента), в Нерчинском уезде из 318 домовладельцев евреи составляли 31 (9,7 процента).¹³⁹ В 1913 году, когда в Иркутске при выборах в городскую думу из I избирательного списка (список по имущественному цензу) исключили 172 еврей-домовладельца, в нем осталось 1314 человек,¹⁴⁰ то есть евреи составляли 11,6 процента всех владельцев недвижимости. Процент, как видим, колебался незначительно – 9-11, за исключением Баргузина, где евреи традиционно составляли самый зажиточный слой населения.

Отмечено и стремление евреев иметь достаточно дорогое жилье: процент его стоимости был выше, чем процент собственников жилья. В Иркутске по данным 1885 года евреи составляли среди собственников жилья 2,7 процента, при этом по стоимости им принадлежало 9,1 процента жилья и они уплачивали 6,8 процента сбора за недвижимость. Самое дорогое жилье у них было на II участке: 11,4 процента общей стоимости при том, что они составляли 2,3 процента собственников.¹⁴¹ В 1912 году евреи, составляя четыре процента домовладельцев Иркутска, владели 13

процентами недвижимости.¹⁴² То есть средняя стоимость каждого еврейского владения была выше, чем таковая у прочих домов более чем в три раза.

То же отмечено нами в Верхнеудинске: евреи, составляя 8,8 процента домовладельцев, платили более 22 процентов сборов от недвижимости в пользу города, а наибольший процент евреев – 41,5 – зафиксирован среди владельцев самых дорогих домов стоимостью 10000 рублей и выше.¹⁴³ В 70-80-е годы XIX века в Якутске недвижимостью обладали только местный купец Лев Мордохович и иркутский Яков Домбровский: первый имел пять домов, второй – дом, подвал для хранения спирта, людскую, юрту и амбар на Большой улице общей стоимостью 13700 рублей.¹⁴⁴ Через несколько десятилетий картина разительно изменилась. Правда, в среднем процент стоимости еврейского жилья был вдвое ниже процента евреев-домовладельцев среди собственников недвижимости, но в 1910 году в числе 13 обладателей самой дорогой недвижимости стоимостью 10000 рублей и выше оказались 6 евреев – более четверти всех евреев-домовладельцев в городе.¹⁴⁵

С именами евреев связано строительство зданий, некоторые из которых до сих пор служат украшением сибирских городов: дома Зельмановича и Либмана в Красноярске, Исаия Файнберга в Иркутске, Капельмана и Рубинштейна в Верхнеудинске (Улан-Удэ). Само стремление даже внешним видом жилья подчеркнуть свое экономическое положение и повысить статус характерно для еврейского купечества. Документальные источники, которые дают представление о жилых домах еврейских купцов, – оценочные акты, непременно составлявшиеся при взятии подряда или ссуды, поскольку имевшаяся недвижимость оставлялась в залог в счет погашения возможного долга. «Дом каменный, одноэтажный с подвальным этажом мерой 4 1/2 и 8 1/6 вышины...крытый железом, внутри дома 4 комнаты, разделенные капитальной стеной и переборками,

12 окон с рамами со стеклами... две печи голландки ...вышеозначенный дом находится в настоящее время в исправном виде, т.к. постройка начата и окончена в настоящем 1883 году и построен таковой прочно и из надлежащего качества материала. Оценен в 12000 рублей». Это оценка дома иркутского купца I гильдии Исаия Файнберга по Медведниковской улице. «Дом в улицу каменный одноэтажный мерой 6 на 11 сажень, крыт временно тесом. Вышины в 11 аршин с подвальным этажом, внутри верхнего этажа 3 капитальные стены, 5 тесовых заборков, 4 двойных, оштукатурены в 3 ряда, 12 комнат, в них 20 окон с двойными рамами и стеклами в них, печей голландских 3, также два камина...два шкафа стальных с дверями на навесах...в доме две торговые лавки, одна из них питейная...» - это из описания дома Якова Перцеля на углу Троицкой и Казарминской в Иркутске, оцененного в 9560 рублей.¹⁴⁶

В материалах Читинского архива сохранилось прошение нерчинского купца Якова Андоверова, датированное 1884 годом, о постройке дома в станице Сретенской на Набережной улице. План дома, свидетельствовавший о состоятельности заказчика, соответствовал равно моде и представлениям о том, каким должен быть дом делового человека: предусмотрены зал, гостиная, столовая, буфетная, детская, спальня, кухня и помещения для служащих. К жилым помещениям примыкает «деловая часть»: кабинет хозяина, контора, приемная, передняя. В усадьбу входят два дома, контора, амбар, людская, конюшня с сеновалом, баня, загоны.¹⁴⁷

При подорожании жилья в начале XX века стоимость многих еврейских домов оценивалась очень высоко: в частности, дом купца Якова Рубинштейна на Базарной площади в Верхнеудинске стоил 92994 рубля.¹⁴⁸

О размерах еврейских купеческих особняков говорят следующие факты: когда Управлению Забайкальской железной дороги в Чите понадобилось здание под контору, в числе предложенных были здания, принадлежавшие исключительно евреям - Гроховскому, Токарю,

Китаевичу, Берковичу, Розенфарбу, Файнгольду, двух- и трехэтажные, деревянные, каменные и полукаменные, площадью от 70 до 750 квадратных саженей. Предложение далеко опередило спрос, так как в результате строительной лихорадки, охватившей город в 1900–1902 годах, была построена масса домов.¹⁴⁹ Читинский купец Хаим Потехо на год в 1908 году сдал внаем два дома: один по Аянской улице - под Штаб 2-го Сибирского армейского корпуса, второй по Селенгинской – под управление начальника артиллерии этого корпуса. Причем контрактом предусматривалось, что если арендаторам потребуются дополнительные помещения, то Потехо им их предоставит. В доме Гроховского в Чите после национализации открыли столовую и библиотеку для безработных, а в доме Зазовских – канцелярию 3-го Верхнеудинского полка, а позже – комитет по кожевенным делам. В двухэтажном доме Поляка свободно размещались 100 человек, а в доме Зазовских – и того больше.¹⁵⁰ В доме Розенштейна в Верхнеудинске находилось городское общественное собрание. В годы первой мировой войны, когда под размещение военнопленных приспособляли самые вместительные здания, в этом качестве часто выступали особняки еврейских купцов. В доме Моисея Сегельмана в Верхнеудинске разместилось 300 военнопленных, а в доме Самуила Розенштейна - более полутора тысяч.¹⁵¹

Для еврея обладание собственным домом было чем-то большим, нежели просто утверждение престижа. Дом служил залогом безопасности в случае регулярных «чисток», проводившихся властями, от которых не было застраховано даже купечество. Имеющий «прочное домообзаводство», символом которого был собственный дом, мог рассчитывать на снисхождение, даже если во всем остальном не соответствовал предъявленным требованиям для проживания в данной местности. Обладание недвижимостью стало и одним из основных условий для развития «еврейской» промышленности.

3.2 Экономическая деятельность еврейских общин на рубеже

XIX- XX веков

На рубеже XIX - XX веков сибирские города сохраняли торговую специализацию. Например, в 1893 году в Иркутске было 48 промышленных и 1050 торговых предприятий. В 1900 году во всей Забайкальской области числилось всего 285 промышленных предприятий, 163 из которых составляли прииски, а в Верхнеудинске сборы за заводские патенты составили всего 846 рублей 75 копеек, в то время как за выдачу торговых свидетельств всех «рангов» – от сборов с общественных рядов до мест на Базарной площади – было собрано в 10 раз больше - 8638 рублей 56 копеек.¹⁵²

Промышленная специализация сибирских городов не отличалась разнообразием: кожевенное, мыловаренное, лесопильное, кирпичное, свечное производство. Да и предприятия в большинстве своем были маленькими, больше напоминавшими кустарные мастерские: общая сумма производства на всех 48 фабриках и заводах Иркутска едва превышала 615025 рублей.

Еврейские предприниматели не торопились вкладывать деньги в производство и еще по одной причине: власти так часто упражнялись в законодательстве о евреях, что даже при всей законности проживания в данной местности сегодня еврей не был застрахован от выселения на основании нового закона, который мог родиться завтра. Иллюстрацией к сказанному может служить резолюция военного губернатора Забайкальской области на прошение одного из пионеров еврейской промышленности в Забайкалье Аарона Самсоновича о разрешении ему построить кожевенный завод о неимении к тому препятствий, «если Самсонович не будет заявлять претензии на обязательство закрыть в недельный срок завод, буде на дальнейшее проживание его в Верхнеудинске не последует разрешения Г. Министра Внутренних Дел».¹⁵³

Евреи сознательно открывали маленькие заводы-мастерские с одним-двумя рабочими и быстрым оборотом денег. Они были рассчитаны на скорое и безболезненное свертывание работ в случае выселения из города. Исследователи отмечали высокий процент евреев - «владельцев фабрик по производству продуктов питания».¹⁵⁴ Этой «фабрикой», как правило, была мельница, не требующая значительных капиталов. Стабилизировался процесс вкладывания еврейскими купцами денег в производство лишь тогда, когда появилась уверенность, что длительное время проживания в данном населенном пункте, сложившаяся репутация полезного для города человека плюс обладание недвижимостью служат определенной, хотя и не полной гарантией от неприятных неожиданностей.

Постепенно и в производстве еврейские предприниматели нашли свою нишу, став первооткрывателями и монополистами в отдельных отраслях. Чисто «еврейскими» отраслями на всей территории обширного региона были мыловарение, кожевенное, мукомольное производство.¹⁵⁵ Практически во всех городах все мыловаренные заводы принадлежали евреям. Первым мыловаренным предприятием Верхнеудинска был завод, принадлежавший отцу верхнеудинского купца Лазаря Самсоновича еще в 50-е годы XIX века.¹⁵⁶ По-видимому, он же был и первым предприятием, построенным евреями в Забайкалье. Продолжателями дела Самсоновича-старшего были сын Лазарь и внук Моисей. Оба расширили бизнес своего предка, занявшись кожевенной промышленностью. За Лазаря Самсоновича, просившего права аренды неработающего кожевенного завода в селе Ньюки в трех верстах от Кабанского, перед Приамурским генерал-губернатором ходатайствовал даже военный губернатор Забайкальской области, поскольку Самсонович имел каменные дома на центральной улице Верхнеудинска – Большой, и мыловаренный завод, доставшийся в наследство от отца. Его сын Моисей, в придачу к мыловаренному имевший свечной и завод минеральных вод, в 1900 году

получил разрешение на строительство кожевенного предприятия в трех верстах от Верхнеудинска.¹⁵⁷ Первым иркутским мыловаром был Александр Левенберг. На своем свечном и мыловаренном заводе он применял все технические новинки, что позволило ему, как гласило рекламное объявление, по качеству оставить «далеко за собой произведения этого рода всех других, как здешних, так и вообще сибирских заводов» при умеренности цен.¹⁵⁸ Первый в Иркутске паровой краскотерочный и олифоваренный завод был открыт А. Лоцманом в 1889 году. В дальнейшем большая часть краскотерочных заводов Иркутска, изготавливавших тертые краски, олифу, замазку и обслуживавших огромный регион от Красноярска до Читы, также принадлежала евреям. Совершенно естественным представляется занятие евреев мукомольным и кирпичным производством: мельница или кирпичный сарай не требовали значительных денежных вложений, могли быть быстро поставлены в любой местности и давали быстрый оборот денег. Но постепенно это производство ставится еврейскими предпринимателями на солидную основу. В Красноярске производство кирпича было полностью сосредоточено в их руках, а крупнейшие мукомольные предприятия Сибири принадлежали верхнеудинскому купцу Нафтолию Капельману и Торговому дому «Братья Клейман и Родовский», которые стали постоянными поставщиками военного ведомства. Заметную роль играли еврейские купцы в обработке металла, им принадлежала значительная часть находящихся в Иркутске слесарных, медно-литейных, сеточных и т.п. мастерских заводского типа. Они раньше всех начали заниматься дрожжевым делом и производством искусственных минеральных вод и кваса. Первое и долгое время единственное предприятие по производству дрожжей в Иркутске принадлежало купцу Якову Перцелю. С именем сына крупного еврейского золотопромышленника Абрама Новомейского Моисея связано строительство первой в районе Северного Байкала

фабрики по очистке соли, которая поставляла сернокислый натрий всем стекольным заводам Восточной Сибири. Он сам разработал и осуществил простую и дешевую технологию получения почти химически чистого сернокислого натрия. Постройка фабрики вдохнула жизнь в маленькое село Альга, почти все жители которого получили работу. Деятельность предприятия получила высокую оценку посетившего ее казенного инспектора, который опубликовал хвалебный отзыв о нем в отраслевом Петербургском вестнике.¹⁵⁹

Продукция еврейских предприятий отличалась высоким качеством, неоднократно отмеченном на выставках. 17 сентября 1896 года на выставке в Нижнем Новгороде иркутский предприниматель Виник получил бронзовую медаль за перловую, смоленскую и овсяную крупу.¹⁶⁰ Паровой завод тертых красок, олифы, замазки Лоцмана в 1908 году удостоен большой золотой медали на Лемзальской выставке.¹⁶¹ Крупчатка И.Ф. Рифа получила серебряную медаль на выставке в Ростове-на-Дону.¹⁶² Мука завода Капельмана была удостоена серебряной медали на первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке в Омске в 1911 году, там же малую серебряную медаль получила продукция кондитерской фабрики верхнеудинца Пейсаха Родовского, а на международной выставке в Брюсселе она была удостоена высшей награды Grand Prix и большой золотой медали.¹⁶³ В Чите на сельскохозяйственной и промышленной выставке бронзовую медаль Министерства финансов за хорошо выделанную кожу получил Рубанович. На этой же выставке еврейские предприниматели были отмечены за высокое качество шуб, за минеральные и фруктовые воды, за свечи и мыло, хлеб, фотографические снимки.¹⁶⁴ Двух золотых медалей на промысловых выставках была удостоена типография и переплетная С.Б.Нодельмана в Верхнеудинске.¹⁶⁵

На рубеже XIX-XX веков евреи начинают проводить крупные операции по поставкам и подрядам. В этом виде деятельности они были заметны довольно давно: в книге записей Иркутского городского маклера за 1879 год мы обнаружили, что каждый третий подряд заключался с участием еврейского предпринимателя.¹⁶⁶ Возросшее экономическое влияние, установившиеся связи, помноженные на традиции и менталитет торгового «первопроходца», сделали еврейских бизнесменов носителями капиталистических отношений в крупной торговле, транспортном деле, подрядах, необходимым связующим звеном при заключении сделок не только для обывателей, но и для солидных заказчиков – железнодорожного и военного ведомств, крупных строительных фирм.

Право евреев на участие в казенных подрядах в 90-х годах XIX века подвергалось сомнениям со стороны иркутской администрации, но Правительствующий Сенат по делу А.Я. Прейсмана разъяснил, что сомнения в данном вопросе лишены оснований. В качестве подрядчиков евреи не просто востребованы – предпочтительны в принимающем их обществе, поскольку предлагают, как правило, самые выгодные условия. В частности, Якутская городская управа в 1912-1913 годах заключила контракты на поставку керосина с Яковом Фризером, чьи условия оказались выгоднее таковых товарищества Нобеля и Торгового дома «Кушнарев наследники» (П.А. Кушнарев даже посетовал на то, что Городская управа «слишком поспешно дала заключение о приемлемости предложенных Фризером условий»). На самом деле Торговый дом, воспользовавшись тяжелым положением с керосином в городе, заломил цену выше городской.¹⁶⁷ Иркутская купчиха Ольга Копп поставляла провиант для войск в Приморской области и продовольственных магазинов Забайкалья.¹⁶⁸ По контракту, заключенному с Иркутским губернским правлением, она была поставщиком арестантской одежды и обуви для пересыльных арестантов Иркутской губернии. Поставщиком

продовольствия для верхнеудинской тюрьмы был купец I гильдии Евсей Цыгальницкий. Еврейские купцы вообще были постоянными поставщиками продуктов для арестантов и фуража для лошадей тюремного ведомства. В Чите даже в торгах на подряд участвовали, как правило, одни евреи.¹⁶⁹ Подрядчиком строительных работ и по поставке продовольствия был иркутский купец I гильдии Исай Файнберг. В XX веке практически каждая крупная еврейская фирма в своем уставе указывала подрядные работы как один из основных видов деятельности.

В постройке Великого сибирского пути еврей-подрядчики играли видную роль: поставляли стройматериалы, занимались земляными работами, строили мосты. Контракты часто входили в противоречие с законодательством, поскольку перемещение евреев по региону было ограничено, а отдельные участки железной дороги проходили по 100-верстной полосе. Следуя в фарватере запретной политики, сибирская администрация пыталась ограничить проживание евреев на строительстве в качестве торгующих и подрядчиков «в видах улучшения положения рабочих, эксплуатируемых при всяком удобном случае». Но добросовестное исполнение евреями своих обязательств как строителей и подрядчиков не единожды служило основанием для заступничества за них при нарушении ими права жительства.¹⁷⁰ В частности, начальник работ по постройке Забайкальской железной дороги неоднократно обращался к военному губернатору Забайкальской области с прошением оставить евреев-подрядчиков на строительстве железной дороги до окончания контрактов: «отстранение их от работ, несомненно, повлечет за собой дезорганизацию всего дела», «так как, с одной стороны, некоторые евреи являются весьма исполнительными и добросовестными подрядчиками и поставщиками, а с другой – в некоторых местностях Забайкалья не имеется вовсе предпринимателей, желающих взять ту или другую поставку для железной дороги, кроме евреев». ¹⁷¹ (Выделено нами. –

Л.К.). Военному губернатору пришлось принимать сложное решение: разрешить евреям остаться – значило бы препятствовать проведению политики ограничения «скопления еврейского элемента на железной дороге», а неукоснительное соблюдение «официальной линии» грозило срывом строительства. И все-таки власти нашли компромисс: Давиду Кузнецу, взявшему подряд на постройку Селенгинского и Удинского мостов, разрешили остаться на строительстве с тем, чтобы... все служащие у него были русскими.¹⁷² А Приамурский генерал-губернатор Гродеков телеграммой позволил остаться в Мысовой временно тем евреям, которые имеют подряды на постройку железной дороги впредь до окончаний контрактов.¹⁷³

Более скромную, но все еще довольно заметную роль евреи играли и позже, при строительстве Амурской железной дороги. Здесь были те же проблемы: их все время пытались выселить. Управление постройки Западно-Амурской железной дороги также обращалось к военному губернатору, доказывая, что выселение евреев, весьма надежных и полезных для дороги, может привести к волнениям рабочих из-за проблем в снабжении их провизией и поставит управление в затруднительное положение, замедляя успех работ на участке протяжением свыше 50 верст, но военный губернатор их оставить не позволил. Более того, одного из подрядчиков в Нерчинске арестовали за неимение права жительства в уезде и предложили выслать по этапу в место приписки Читу.¹⁷⁴

Военное ведомство также неоднократно вступалось за своих поставщиков, вынуждая сибирскую администрацию нарушать еврейское законодательство. Братьям Зазовским для выполнения контракта на поставку мяса Березовскому гарнизону было разрешено жить в приграничном Троицкосавске. Иркутскому купцу Шевелю Шадхану, подрядившемуся обжигать и доставлять кирпичи в Нижнеудинск для строительства военной казармы, разрешено было ежемесячно по 10 дней

находиться в Нижнеудинске, поскольку штаб Иркутского военного округа настаивал, что отсутствие Шадхана, «весьма опытного руководителя по производству кирпича, наносит существенный ущерб как качеству, так и успеху работ». За Якова Меттера, попавшего под высылку из Читы по циркуляру от 22 мая 1907 года, ходатайствовали командиры сразу нескольких стрелковых дивизий: во время русско-японской войны он был поставщиком продуктов в разные воинские части и в военный госпиталь и показал себя «как подрядчик вполне исправный». Позже он стал поставщиком военно-инженерного управления.¹⁷⁵ Единственным в Чите специалистом по асфальтовым работам был Зельман Готлиб. В числе его клиентов были инженерная военная дистанция, областное казначейство.¹⁷⁶

На развитие «еврейской» экономики на рубеже веков объективно сыграли два фактора: строительство железной дороги и военные действия на Дальнем Востоке 1904-1905 годов, а в дальнейшем первая мировая война. С проведением железной дороги сибирская торговля совершенно изменила свое лицо: отпала необходимость в крупных торговых посредниках, которые монополизировали весь товарный поток в пунктах сосредоточения больших партий товаров, каковыми были Томск и Иркутск. Более стремительным стал оборот товаров и капитала. «Железная дорога удешевила привозные товары, расширила рынок сбыта и увеличила емкость рынка, - отмечал М. Боголепов. - Но есть потребность в ярмарках, обслуживающих небольшие районы. Городская торговля не может удовлетворить все сельские местности, т.к. селения слишком далеко отстоят от города. Заметны следы распада старых форм торговли: ранее торговый капитал сосредоточивался в руках монополистов, теперь в торговом посредничестве выступают многочисленные представители средних, мелких и даже миниатюрных капиталов».¹⁷⁷ И если многие предприниматели, не сумевшие приспособиться к новым условиям торговли, продиктованным Великим Сибирским путем, вынуждены были

уйти в сторону, то для еврейской торговли, всегда базировавшейся не столько на объемах, сколько на гибкости и стремительности, с ее наработанными связями и всепроникающей способностью, настал звездный час.

Исполнителями растущих во время боевых действий военных заказов также в значительной мере стали принадлежащие еврейским предпринимателям предприятия. Евреи, отлученные вначале от питейной торговли, а затем в массе своей от золотодобычи, были вынуждены переориентироваться на выпуск всегда необходимой региону продукции - лесоматериалов, муки, мяса, кожи, которая во время войны попала в разряд стратегического сырья. Еврейские предприятия оказались лучше приспособленными к нуждам военного времени. Во время первой мировой войны в Верхнеудинске 83,4 процента городской продукции приходилось на предприятия, владельцами которых были евреи.¹⁷⁸

На рубеже веков происходит смена поколений еврейских купцов. Материальное положение богачей первого поколения рушилось, от состояния Домбровских и Лейбовичей не осталось и следа. Но сформировалось новое поколение зажиточных и богатых людей, купечество новой формации - более гибких, лучше приспособленных к новой, более динамичной системе хозяйствования, имеющих наработанные связи и традиции, более образованные, располагающие первоначальным капиталом, достаточным для открытия солидного дела. Перемены в среде еврейского купечества совпали с закономерным периодом расширения сфер и районов предпринимательской деятельности, необходимостью увеличения размеров торговых предприятий и сосредоточения значительных денежных капиталов в одних руках, что ускорило процесс их объединения. Удачное стечение этих двух обстоятельств стало одной из главных причин расцвета «еврейской» промышленности в последнее десятилетие перед революцией 1917 года.

Предприятия, основанные на складочном капитале, возникали преимущественно в форме паевых товариществ полных (торговых домов) или на вере. За период 1895-1916 годов только в Забайкалье, к примеру, было создано 150 паевых предприятий с совокупным капиталом почти в 7,9 миллиона рублей.¹⁷⁹ В каждое из этих товариществ входил узкий круг солидных предпринимателей, которым становилось тесно в рамках своего региона. Многие из них были учреждены еврейскими дельцами или при их активном участии, причем этот факт отмечен во всем исследуемом регионе. В Енисейске Файфиш и Пинхус Тонконоговы стали основателями торгового дома «Братья Тонконоговы», специализировавшегося на продаже зерна, меховых изделий, соли. Братья контролировали большую часть торговли пушниной в Енисейской губернии, которую возили на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки и для иностранцев, их фирма поставляла хлебные припасы и другие товары на прииски, владела солеваренным заводом.¹⁸⁰ Еврейские купцы были в числе основателей «Сибирско-Монгольского торгово-промышленного АО» с уставным капиталом 200 тысяч рублей, которое занималось кожевенным производством и торговлей, преимущественно с Монголией. Они же учредили «Иркутское мукомольное товарищество», созданное для конкуренции с западно-сибирскими мукомолами. В Забайкалье выделялось Торгово-промышленное Товарищество «Братья А., М. и Д. Самсонович» с основным капиталом в миллион рублей, которое учредили на основе Высочайше утвержденного устава в апреле 1909 года. Дела велись в Харбине, Хайларе, Благовещенске, Хабаровске. Они торговали модно-мануфактурными товарами, столовым и постельным бельем, обувью, дорожными вещами. У них была фабрика по производству обуви и готового платья в Варшаве. Сотрудники железнодорожного ведомства свидетельствовали, что пребывание Рифа и Самсоновичей желательно в интересах дороги.¹⁸¹

Одним из виднейших представителей новой формации еврейских предпринимателей был Яков Андоверов, хотя начал он свою предпринимательскую деятельность в 1863 году. Через 30 лет его торговые обороты достигли 600 тысяч рублей в год. Имея главную контору в Сретенской, открыл отделения в Хайларе, Харбине, на станции Маньчжурия, в Чите и Горбицах, занимался золотопромышленностью, брал казенные подряды в Восточном Забайкалье и Маньчжурии. Торговый дом Андоверовых, основанный в 1910 году с сыновьями Яковом и Захаром и нерчинским II гильдии купцом Абрамом Андоверовым, имел основной капитал более 720 тысяч рублей.¹⁸² Обороты торгового дома составляли несколько миллионов рублей. Собственность, которой владела «империя Андоверовых», говорит о размахе еврейских купцов Сибири: пароходные и горно-промышленные предприятия, паровые заводы - кожевенный, шубный, красочный, мыловаренный, лесопильный, клееваренный, пимокатно-войлочный, торгово-промышленные предприятия, электрическая станция в Сретенске. Андоверовы производили и поставляли шубы, сбрую, присковую обувь, вели оптовую и розничную торговлю мануфактурными, галантерейными, бакалейными, табачными, кондитерскими, гастрономическими и другими товарами, готовым платьем, бельем, обувью, чаем, сахаром, свечами, керосином и железом. Принадлежащие им пароходы возили грузы по Шилке и Амуру.¹⁸³

В числе 12 наиболее крупных купцов Якутской области, общий оборот годовой торговли которых составлял 655 тысяч рублей, числились ТД «Рубанович и Мордохович», специализировавшийся по доставке в Якутск железных и скобяных, жировых товаров (в компании с рыбопромышленником Спиридоновым), Сруль Капуста и иркутский купец Давид Гайдаров. Заметна была деятельность торговых домов «Штейнер и Сегель», «Капуста и Цугель».¹⁸⁴ Среди крупных торговых домов, образованных в начале XX века (их было не более десяти), выделяется «Т-

во П.Ю.Блох и Ко», которое Блох основал вместе с иркутским купцом Хаимом Ширманом. Компаньоны внесли по 10 тысяч рублей. В 1909 году годовой оборот товарищества, торговавшего обувью и галантерей, составлял 50 тысяч рублей.¹⁸⁵ Объемы его торговли были, конечно, несопоставимы с известными фирмами «Коковин и Басов» или А.И.Громовой. Но в Якутске крупная торговля была в основном в руках русских и якутских купцов. Евреям, вчерашним ссыльным, трудно было занять высокое положение, когда основные ниши по золотодобыче, торговле хлебом и пушниной уже были захвачены. Но купцов 3 и 4 категорий с оборотом 15-20 тысяч рублей и торгующих вне Якутска в улусах среди них тоже не было.¹⁸⁶ Еврейское купечество играло в регионе роль «среднего класса».

12 из 20 торговых домов, которые вели дела в Верхнеудинске, принадлежали евреям или были созданы с их участием. В апреле 1916 года Верхнеудинская городская управа по просьбе члена торговой палаты Сан-Франциско Western Body Company составляет список 14 наиболее солидных фирм города и уезда, половина из которых принадлежит евреям.¹⁸⁷

В число учредителей созданных евреями торговых домов чаще всего входили родственники («Братья Лейбовичи», «Семен Кальмеер и сыновья», «ТД Я.С.Андоверов и сыновья», «Братья Зазовские»). Братья, взрослые сыновья становились компаньонами, партнерами по бизнесу, продолжателями дела, что характерно для всех купеческих семей. К тому же евреи с их шатким правовым статусом больше других нуждались в поддержке близких людей.

Торговые дома, созданные еврейскими предпринимателями, были постоянными поставщиками военного ведомства, снабжавшими обмундированием, снаряжением, продовольствием действующую армию. В мае 1915 года в Верхнеудинске при острой нехватке мясных продуктов

выяснилось, что для крупных мясоторговцев, поставщиков военного ведомства Товарищества «Братья Зазовские», Грифа, Давыдовича потребителем давно стала казна, а частный рынок перешел в разряд второстепенных. Других же мясоторговцев, которые могли поставить свою продукцию на рынок, просто не оказалось. Крупнейшим поставщиком хлеба для военного ведомства был учрежденный в Чите Торговый дом «Братья Клейман и Родовский»: наличных запасов хлеба у них и Торгового дома верхнеудинских купцов братьев Розенштейн в 1916 году было больше, чем на всех складах, станциях, пристанях и элеваторах Забайкалья.¹⁸⁸ Самые значительные запасы кожевенного сырья, по данным Забайкальского Комитета по делам кожевенной промышленности, оказались на складах читинских купцов Фиселя Лонгоцкого и Лейзера Гроховского: к 5 августа 1916 года свыше 1000 штук скотских кож и около 300 конских. «За месяц с 5 августа по 5 сентября поступило еще 1000, с 5 сентября по 15 октября – еще около 1500 штук. Из этого количества две трети получено от убоя собственного скота, остальное количество приобретено покупкою от других лиц».¹⁸⁹

Еврейским промышленникам и торговцам становится тесно в рамках региона, они ведут свои торговые операции «всюду, где надобность укажет, не исключая и заграницы», как записывается в уставах торговых домов. Постоянную связь с именитыми московскими купцами имел Семен Кальмеер, представителем Николаевско-Журовского порохового завода М.И.Попова и Ко был верхнеудинский купец Нафтолий Капельман, агентом Санкт-Петербургской торговой компании «Надежда» в Верхнеудинске состоял купец Яков Файнберг.

Следует заметить, что на рубеже XIX-XX веков евреи в экономике региона выступают уже не только как «торгово-промышленный элемент». Появляются первые представители сибирской еврейской технической интеллигенции. На постройке Кругобайкальской железной дороги они

работали начальниками участков пути, техниками, инженерами-технологами, служили в ряде банков. Их участие на производстве или в банковской сфере было, конечно, не столь заметным, как в торговле, однако некоторые из них занимали довольно видные посты. Например, инженер Давид Магидей служил старшим архитектором управления строительной и дорожной частями при Иркутском генерал-губернаторе. Управляющим Красноярским отделением Сибирского торгового банка был Леонтий Хейсин, директором Сретенского отделения Русско-Китайского банка - Трахтенберг.¹⁹⁰

Их проникновение во все сферы экономики и быстрое обогащение вызывали неприязнь отдельных слоев местного населения и ненависть конкурентов. В Красноярске, Иркутске, Верхнеудинске, Баргузине, в инородческих селениях неоднократно составлялись приговоры о непринятии евреев в свою среду, о запрещении торговать с инородцами, о выселении их из сел. Недовольство вызывала скупка – явная или мнимая – продуктов повышенного спроса для последующей перепродажи, «переполнение» евреями городов и захват ими торговли.¹⁹¹ В частности, в Верхнеудинске, торговом уездном городе, отличавшемся веротерпимостью, такие приговоры выносились по крайней мере трижды. Первый – Верхнеудинским Градским обществом от 10 марта 1874 года, второй - Верхнеудинским мещанским обществом от 22 октября 1889 года, третий - 23 апреля 1900 года. Суть всех трех сводилась к тому, что «свойственная евреям пронырливость дает им перевес над христианским населением в приобретении материальных средств», что Верхнеудинск через каких-нибудь 20 лет обратится в город чисто еврейский, и христианское население, в настоящее время еще преобладающее, будет вытеснено» и что «еврейское население положительно овладело в большинстве всякой городской промышленностью.¹⁹² Вопрос «захвата всего в свои руки Ицками, Абрашками и Хаимками, соединяющими

нахальство волка и хитрость лисицы, отладившими связи с уездной администрацией и захватившими в свои руки казенные подряды и поставки», поднимался на страницах печати.¹⁹³ В основе антиеврейских настроений лежала отнюдь не религиозная нетерпимость, которая вообще не была характерна для многонациональной и многоконфессиональной Сибири, а боязнь экономической конкуренции менее расторопных и удачливых торговцев. Выказанные опасения потерять «христианское лицо» сибирского города не сумели замаскировать истинной причины приговоров, проявившейся в одной написанной как бы между прочим фразе: «Все же торговые дела города сейчас уже почти в руках евреев». Сами евреи тоже не могли не видеть экономических мотивов конфликта. «Если казак на торге на известный подряд предлагает известную плату, а еврей дает меньшую и выигрывает подряд, последние поселяют злобу, являя обвинение в эксплуатации, - объяснял причину неприязни казаков к евреям доверенный сретенских евреев Гдалией Добисов - Завтра еврей построил дом, отдав кортом (аренду. – Л.К.) за меньшую плату, чем казак, опять получается неудовольствие и обвинение в эксплуатации. Ряд подобных коммерческих столкновений и есть истинная причина упомянутых приговоров».¹⁹⁴

Пытаясь утвердиться в экономической системе региона, евреи нередко шли и на нарушение закона. Для них, не имеющих четкого правового статуса, ограниченных в выборе профессиональной занятости, противоправная деятельность становилась возможной специализацией, позволяющей получить быструю прибыль.¹⁹⁵ Изготовление поддельных бланков и печатей, кражи, содержание злачных мест были обычным делом в еврейском бизнесе. Евреи неоднократно привлекались к ответственности за нарушение правил торговли, особенно питейной – на этом попадались и солидные купцы (Яков Перцель, старейший иркутский купец, к примеру, за торговлю вином в местах недозволенных даже угодили под суд. За

незаконную торговлю вне черты еврейской оседлости был наложен арест на имущество купца I гильдии Михаила Шейниса), использование неискренности инородцев в торговле, не говоря уже о банальном обвесе и обсчете. Взятки еврейских дельцов были тоже делом вполне заурядным. Противники еврейской торговли в одном были правы: евреи действительно отладили связи с уездной администрацией, в значительной степени захватив в свои руки торговлю, поставки и подряды. Однако занять выгодную экономическую нишу и утвердиться в ней вряд ли бы удалось только подкупом, хитростью и «пронырливостью», в которой их постоянно обвиняли. К тому же обман в делах отнюдь нельзя считать чисто национальным явлением: в той или иной степени он был присущ представителям всех этносов и являлся в некотором роде стереотипом предпринимательского поведения при первоначальном накоплении капитала, тем более в краю каторги и ссылки, без устойчивых традиций «честного торгова».

В пользу действительной полезности евреев региону говорят факты заступничества за них властей, деловых кругов и общественного мнения, которых было практически столько же, сколько жалоб на «хищность» евреев. Власти всех уровней – от пристава до губернатора - высказывались против «очищения» от евреев городов и селений, разглядев за выступлениями в защиту христианского населения попытки устранения более удачливых конкурентов.¹⁹⁶ Более того, иной раз в интересах развития экономики они сами шли на нарушения. Например, право проживания евреев в станице Сретенской, где по закону находиться им было не положено, закреплялось циркулярным письмом военного губернатора Забайкальской области Е.О. Мацеевского окружным начальникам, полицмейстерам и горным исправникам о том, что «ввиду исключительного положения Сретенска, являющегося для края не обыкновенной казачьей станицей, а значительным торговым и до

некоторой степени промышленным пунктом, который в недалеком будущем имеет шансы даже на переименование в город, полное воспрещение евреям жительства в Сретенске не соответствовало бы интересам начинающегося экономического развития края».¹⁹⁷

Экономическая активность евреев была оценена деловыми кругами. Иркутский Биржевой Комитет отправил в Министерство торговли поступившее в его адрес письмо от 27 крупнейших иркутских фирм, которые настаивали на праве приезда и временного проживания в Иркутске иногородних купцов евреев. Запрет приезда евреев в Иркутск, говорилось в письме, приводит к сокращению торгово-промышленных отношений с городом, его торгово-промышленной жизни грозит серьезная опасность.¹⁹⁸

Общественное мнение тоже в конечном итоге сложилось в пользу евреев. Попытка не допустить их в Иркутское общество вспоможения нуждающимся приказчикам поддержки не получила, более того, ее осудили как «упадок общества». Красноярское мещанское общество, отказавшее в 1889 году евреям в приеме в свою среду, впоследствии признало свою ошибку и приговор отменило: непринятие евреев, которые, по признанию членов общества, заслуживали уважения, сразу сказалось на размерах взносов - складочного капитала.¹⁹⁹ (Интересно, что отказ в свое время получили и татары. Похоже, красноярские мещане хотели изолировать себя от иноверцев, видя в них угрозу своему бизнесу. Но в дальнейшем им тоже было разрешено вступать в общество, хотя иноверцев принимали с крайней разборчивостью, проверяя занятия и образ жизни). В «Восточном обозрении» меры непринятия евреев в свою среду назывались «крайне нерациональными». Газета призывала более трезво взглянуть на вопрос и не относить людскую порочность исключительно к евреям. Проїдох, ворующих и грабящих население, и среди русских хватает.²⁰⁰ Открытое письмо Самуила Нодельмана Верхнеудинскому

мещанскому старосте, фактически санкционировавшему неприятие евреев в городское мещанское общество, было опубликовано газетой «Забайкальская новь». «Всякому понятно, - писал автор, - что он имел целью уронить авторитет членов евреев в надежде обеспечить себя от вмешательства их в общественные дела».²⁰¹ И даже не отличающаяся симпатиями к евреям газета «Сибирь» отказалась печатать поступающие в адрес редакции жалобы на «эксплуатацию местного населения евреями», отметив при этом, что «собственно евреи здесь ни при чем; пускай они (жалующиеся. – Л.К.) обратят свои взоры на тех русских иудушек, которые... в погоне за наживой не брезгают «ни хапаным, ни цапаным»... Эти свои-то «иудушки» поопаснее всяких иудеев; они и русских-то сделали «жидами».²⁰²

Думается, что известную роль в конечном признании общественным мнением вклада евреев в экономическое развитие края сыграли и сложившиеся здесь иные, нежели в черте оседлости, поведенческие стереотипы еврейских деловых кругов. Охарактеризованный Ю. Островским процесс ассимиляции как «становление еврея рабом окружающей среды» на деле был признанием того, что бизнес не терпит национальной замкнутости и интернационален по своей сути. В желании преуспеть евреи быстро переняли сибирский образ жизни и во многом отошли от национальных традиций: «Если в Рош-Гашона выпадает ярмарочный день, он продолжает торговать... Лишенный... национальной духовно-культурной жизни, сибирский еврей вынужден уделять почти весь свой досуг устройству личной и материальной жизни... и это в значительной степени удается», - отмечал Ю. Островский.²⁰³ На «обезличивание» собственной национальности в результате занятий торговлей, «требующей ежемесячных сношений», указывал и С. Максимов.²⁰⁴ Еврейские предприниматели вступали в деловые отношения с представителями всех национальностей, населяющих край. Они

выступали поручителями русских купцов, сами становились их доверенными, создавали с ними на паях товарищества. На принадлежащих евреям предприятиях работали русские, татары, китайцы. Многолетние торговые отношения связывали евреев с бурятами: они были завсегдатаями инородческих Анинской и Агинской ярмарок.²⁰⁵

В чем же все-таки причина «еврейского экономического феномена»? Чем можно объяснить, что вчерашние ссыльные, люди с ущербным правовым статусом, скованные постоянными ограничениями, всю жизнь добивавшиеся, но так и не добившиеся прав, которые другим даны от рождения, составлявшие незначительный процент в населении региона, завоевали в экономике устойчивые позиции и стали совершенно необходимыми для принимающего общества? Этот вопрос не раз был поводом для идеологических и политических схваток. Объяснение успехов «свойственной евреям пронырливостью», имевшее хождение у обывателя и тиражирующееся на страницах печатных изданий, было бы слишком примитивно и неверно по сути. В экономическом положении Восточной Сибири были некоторые особенности, выдвинувшие на передний план эту сравнительно малочисленную, но активную этническую и конфессиональную группу, придавшие ей вес и значение, во много раз превышающие ее относительную численность. В первую очередь - типичное «колониальное» состояние Сибири: огромные земельные пространства, малочисленность населения, не расставшегося окончательно с формами докапиталистического хозяйствования, слабое развитие промышленности и сравнительно сильное - торговли, неразвитая инфраструктура и относительно свободные ниши в структуре экономики края, отсутствие жесточайшей конкуренции, характерной для губерний черты оседлости. В XIX веке приток денег, обусловленный открытием в регионе золотых приисков, стимулировал быстрое развитие хозяйственной жизни. Развитие торговли, в том числе с Китаем и приисками,

обеспечивало «жизненное пространство» не только коренному, но и пришлому населению. Мощный импульс экономическому развитию края придало строительство железнодорожной магистрали. «Колониальность» региона, остро нуждавшегося в присутствии «капиталистического духа», открыла простор для хозяйственной деятельности сибирских евреев, талантливых колонизаторов, с исторически развившейся способностью быть носителями этого духа.²⁰⁶

Вторым фактором можно считать специфику «еврейского сегмента» сибирской колонизационной волны. В большинстве своем последняя состояла из деревенских элементов. Евреи же были преимущественно городским торговым элементом колонизации, поскольку в таких условиях они существовали в России. Так как в Сибири все стремились вернуться к привычным условиям хозяйственной жизни, евреи, имевшие многовековой опыт в налаживании связей, обладатели определенных хозяйственно-профессиональных навыков, оказались вне конкуренции как носители новых капиталистических отношений.

«Естественный отбор», который пришлось пройти евреям во всех принимающих, но не воспринимающих их обществах, создал совершенно особую генерацию людей с чрезвычайно высокой степенью адаптации, умением жить в иной языковой и культурной среде, способную «делать деньги» в совершенно неблагоприятных для этого условиях и даже при отсутствии всяких условий. В исследуемом регионе их «опыт» в этом направлении был существенно дополнен. Сибирская еврейская экономическая история, поэтапно прошедшая запрет на питейную торговлю и золотодобычу вне мест причисления, выселение из 100-верстной полосы и скорое сворачивание дел при неожиданном выселении в «место постоянной оседлости», не говоря уже о местной «самодеятельности» властей, требовала от них высокой мобильности, моментального определения конъюнктуры, гибкости и пластичности,

готовности к любым неприятным неожиданностям, быстрой приспособляемости к новым экономическим условиям – навыков и умений, необходимых при переходе к капиталистическим отношениям, в приобретении которых иные этнические группы вряд ли могли с ними соперничать. Добавим к этому энергию, трудолюбие и предприимчивость, умение рисковать, готовность довольствоваться малым – характерные черты еврейского бизнеса, привнесенные с запада, а также в целом доброжелательное отношение и веротерпимость местного населения – и станет понятным феномен прочного утверждения евреев в сибирской экономике даже в условиях суровых правовых ограничений.

При всей неприязни властей к «еврейскому элементу» они не могли не заметить и не оценить его экономической активности. Департамент полиции, сетовавший на нежелание еврейских купцов направлять «свою деятельность не в те местности империи, в коих желательно было бы оживить торговлю, а в главные центры России, где...развитие торговых оборотов не требует содействия еврейского купечества», откровенно признал пользу еврейского капитала для развития промышленности и торговли.²⁰⁷ Сибирской администрацией отмечалось снижение цен на основные продукты как следствие конкуренции, созданной еврейской торговлей.²⁰⁸ Это и служило главной причиной отступления от ограничительной политики. Важнейшие законы, облегчающие положение евреев, обязаны своим происхождением государственной пользе от их экономической деятельности, равно как и нарушения запретных мер теми, кто их же и устанавливал. Срок действия этих послаблений, как правило, был недолог – пока явной была ожидаемая от евреев польза: выполнялись контракты на поставку товаров, строилась железная дорога, осуществлялись военные перевозки. Прагматизм властей в еврейском вопросе выразил С.Ю. Витте, признавшись, что несправедливыми законы против евреев он считает лишь постольку, поскольку они вредны для

русских, для России, и на еврейский вопрос надо смотреть не с точки зрения того, что приятно для евреев, а с точки зрения, что полезно для русских и Российской империи.²⁰⁹

На наш взгляд, в истории становления и развития экономической деятельности еврейских общин Восточной Сибири следует выделить три периода. Первый – 50-70-е годы XIX века – процесс первоначального накопления капитала. Вчерашние ссыльные и отставные николаевские солдаты сколачивают состояние за счет ремесла и мелочной торговли. Имея за плечами многовековую историю торгового дела, евреи, невзирая на запреты, проникают в самые отдаленные области и глухие селения, нащупывают рынок, завязывают контакты, становятся незаменимыми посредниками между отдаленными друг от друга населенными пунктами. Среди них еще очень немного зажиточных людей, а купцов лишь единицы. Второй этап – 80-е годы – начало XX века. Характеризуется устойчивыми позициями евреев в торговле и золотодобывающем промысле. Ниша не только найдена, но в значительной степени захвачена. Нажитые капиталы вращаются, главным образом, в сфере торговли, хотя уже начинают вкладываться и в промышленное производство. Евреи становятся первооткрывателями и монополистами в целом ряде отраслей: мыловарение, торговля продукцией мукомольной, стекольной, кожевенной промышленности. Солидная купеческая прослойка занимает видное место среди купечества обширного региона, усиливаясь при движении с запада на восток. На арену хозяйственной деятельности выходят крупные еврейские предприниматели: красноярский купец Энох Мильштейн, иркутские купцы Семен Кальмеер, Яков Рейхбаум, Исай Файнберг, представители первого поколения забайкальского купечества Абрам Новомейский, Яков Фризер, Яков Рубинштейн, Евсей Цыгальницкий, Иосиф Розенштейн, Исай Шергов, Фисель Риф, Исай Шлезингер, Павел Китаевич, Яков Андоверов. Третий период – 1901-1917 годы. Характеризуется устойчивым положением

еврейского капитала на рынке Восточной Сибири. Активизируется процесс концентрации денежных средств, создаются торговые дома. Торговые дела выходят далеко за пределы региона – в Москву, Петербург, за границу. Продукция, выпущенная на заводах и фабриках евреев, завоевывает признание далеко за пределами региона. Евреи пополняют собой ряды известных меценатов.

¹ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления. // Отечественная история. 1994. №2. С. 67.

² Дятлов В.И. Евреи: диаспора и «торговый народ». // Сибирский еврейский сборник. №2. Иркутск, 1996. С.10

³ Демократическая общественность протестовала против определения ростовщичества как чисто еврейского занятия. «...кроме евреев существуют ростовщики и других национальностей, - писала иркутская газета «Восточное обозрение», - ...есть в Иркутске наши кровные русские самородки, нажившие и наживающие себе «честно» капиталы, а если перетряхнуть их честность, то у робкого человека...волосы дыбом встанут». (Восточное обозрение. 1892. №7.)

⁴ ГАРФ. Ф.102. ДПОО. Оп. 226. 1898 г. Д.11. Ч.2(2). Л. 2, 6.

⁵ Астырев Н. На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891. С. 360.

⁶ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.8784. Л.43.

⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Иркутская губерния. СПб., 1904; Подсчитано по материалам ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д.487. Л.25-31; Д.868. Л.19.

⁸ Подсчитано по материалам ГАКК. Ф.161. Оп. 1. Д.55; Ф.595. Оп. 48. Д. 1074. Л. 4; Памятная книжка Енисейской губернии на 1891 год. Красноярск, 1892.

⁹ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.15051. Л. 17-18.

¹⁰ НАРС(Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 1402. Л. 16-29.

¹¹ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С. 63.

¹² Подсчитано по ГАИО. Ф.91. Оп. 1. Д. 466.

¹³ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 14022. Л.164-217; ГАИО. Ф.91. Оп. 2. Д. 466. Л.1-81; Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. Иркутск, 1993. С.62; Восточное обозрение. 1895. № 147.

¹⁴ Подсчитано по материалам ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д. 892. Л.26-98; ГАКК. Ф.161. Оп. 1. Д. 55.

¹⁵ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.1295. Л.8.

¹⁶ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.65.

¹⁷ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.17139. Л. 207.

¹⁸ НАРС(Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 1838. Л.5.

¹⁹ ГАКК. Ф.595. Оп. 7. Д.547. Л.4-12; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.13512. Л.4-24; Д.13515. Л.11-33; Д.13526. Л.11-22; Д.14070. 1-2.

²⁰ Блюх И.С. Сравнение материального быта и нравственного состояния населения в черте оседлости евреев и вне ее. Т.Ш. СПб., 1891. С.117.

²¹ Башарин Г.П. Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX – нач. XX в. Якутск, 1974. С.66.

²² ГАЧО. Ф.1 (о). Оп. 1 Д. 17012. Л. 196-197.

- ²³ ГАИО. Ф.91. Оп. 1. Д.1061.
- ²⁴ Блюх И.С. Сравнение материального быта... Т. III. С.287.
- ²⁵ Подсчитано по материалам ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 493. Л.22-72.
- ²⁶ ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 718. Л.25-26; Ф.70. Оп. 2. Д. 195.Л.564-577; ГАКК. Ф.161. Оп. 1. Д.183; НАРС(Я). Ф. 166-и. Оп. 1. Д. 2068. Л.1, 8.
- ²⁷ Мариупольский А.М. Предпринимательская деятельность евреев в винокурении и виноторговле в Томской губернии во второй половине XIX в. // История еврейских общин...Материалы II конференции...С. 18.
- ²⁸ Евреи как колонизаторы в Сибири. // Сибирь. 1878. №17-18.
- ²⁹ ГАЧО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 24. Л. 277.
- ³⁰ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.13770. Л.5-6, 14-17; Д.13932. Л.4,6, 10, 18, 20, 22; ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.216. Л.114; Ф.32. Оп. 1.Д.3604. Л.25-26.
- ³¹ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.630. Л.35-36.
- ³² Восточно-Сибирский календарь на 1885 г. Иркутск, 1884. С.25.
- ³³ Аленицын В.Д. Еврейская питейная торговля в России. // Статистический временник Российской империи. Сер. 3. СПб., 1886. У.
- ³⁴ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д.11. Л. 3, 50.
- ³⁵ Там же. Д.273.
- ³⁶ ГАИО. Ф.32. Оп. 3. Д. 98. Л.46.
- ³⁷ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.11.
- ³⁸ НАРС(Я). Ф. 15-и. Оп. 1. Д.2318. Л.33-34.
- ³⁹ ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д.195. Л.159-160; Д. 868. Л. 7-9
- ⁴⁰ Там же. Л. 6, 18, 25.
- ⁴¹ ГАИО. Ф.32. Оп. 3. Д. 98. Л.39; Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. Иркутск, 1993. С.14, 490; Мариупольский А.М. Указ. соч. С.16.
- ⁴² Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.64-65.
- ⁴³ ГАРФ. ДП. 2. Оп. 39 (1882 г.). Д.312. Л. 12, 16-18, 22-23.
- ⁴⁴ ГАИО. Ф.32. Оп. 3. Д. 98. Л.86-87.
- ⁴⁵ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л.14.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 12. Д. 58. К.1005. Л.7.
- ⁴⁷ Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. // Очерк, отредактированный и изданный иркутским городской головой В.П. Сукачевым. М., 1891. С. 141.
- ⁴⁸ Лесков Н. Еврей в России. // Искусство кино. 1992. №5. С. 18.
- ⁴⁹ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.77.
- ⁵⁰ Кальмина Л.В. Курас Л.В. Указ. соч. С.67.
- ⁵¹ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.322. Л. 4-5.
- ⁵² Там же. Д.30. Л. 222; Д.216. Л.116.
- ⁵³ Там же. Ф.25. Оп. 9. Д.3084. Л.2.
- ⁵⁴ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.14089. Л. 122.
- ⁵⁵ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.630. Л. 234, 239, 257.
- ⁵⁶ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.113.
- ⁵⁷ Всеподданейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1910-1911 гг. Иркутск, 1911. С. 6.
- ⁵⁸ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.322. Л. 4-5.
- ⁵⁹ Там же. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д. 26. Л. 60.
- ⁶⁰ Там же. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.152. Л. 3.
- ⁶¹ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.109.
- ⁶² ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 4118. Л.46.

- ⁶³ Там же. Д.14193. Л. 3.
- ⁶⁴ Там же. Д. 7145. Л.24.
- ⁶⁵ Оршанский И.Г. Евреи в России. Выпуск 1. СПб, 1872. С.112, 140.
- ⁶⁶ Зомбарт В. Евреи и хозяйственная жизнь. СПб., 1912. С.175.
- ⁶⁷ Восточное обозрение. 1904. № 14.
- ⁶⁸ Блюх И.С. Указ. соч. С. 152.
- ⁶⁹ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.123.
- ⁷⁰ ГАИО. Ф.25. Оп. 5. К. 415. Д.66. Л. 3-5.
- ⁷¹ Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска... С.103.
- ⁷² Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.68; Памятная книжка Иркутской губернии на 1902 г. Иркутск, 1902. С.221.
- ⁷³ Весь Иркутск с отделом Забайкальской области на 1908 год. Иркутск, 1908. Отд. У. Забайкальская область. Стб. 19-22.
- ⁷⁴ Торгово-промышленные календари на 1899, 1913 годы; Сибирь. Спутник и адресно-справочно-торгово-промышленная книга 1910-1911. М., 1910; Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 г. Иркутск, 1911.
- ⁷⁵ Торгово-промышленный ежегодник, 1914-1915 годы. С. 49-51, 107-112.
- ⁷⁶ Памятная книжка Иркутской губернии на 1909 г. Иркутск, 1908. С.220-224.
- ⁷⁷ Виноградов А. В дальних краях. Путевые заметки и впечатления. М., 1901. С.185, 202, 208-209.
- ⁷⁸ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.194. Л.1-2; ГАРФ. Ф.102. ДП.2 Оп. 55. Д.18. Ч.60. Л.2, 10.
- ⁷⁹ Иркутск. Его место и значение... С.128.
- ⁸⁰ Градовский Н.Д. Отношения к евреям в древней и современной Руси. СПб., 1891. С.35-37.
- ⁸¹ НАРС(Я), Ф. 15-и. Оп. 1. Д.6703. Л.2; ГАЧО. Ф.23. Оп. 2. Д.420. Л.3.
- ⁸² ГАИО. Ф.91. Оп. 2. Д. 566. Л.2-3; Забайкальские областные ведомости. 1908. 6 февраля.
- ⁸³ ГАКК. Ф.798. Оп. 1. Д.75. Л.80.
- ⁸⁴ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 13781. Л. 5, 9.
- ⁸⁵ ГАКК. Ф.798. Оп. 1. Д. 72. Л.2-32.; Д.157. Л. 42-43, 57-63.
- ⁸⁶ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 14022. Л.164-217; ГАИО. Ф.32. Оп. 2. Д. 40. Л.20-35; Ф.91. Оп. 2. Д. 466. Л.1-81; НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 5640. Л.42-53.
- ⁸⁷ ГАКК. Ф.798. Оп. 1. Д.75.
- ⁸⁸ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.112.
- ⁸⁹ ГАИО. Ф.789. Оп. 1. Д.21; Д.49. Л.24.
- ⁹⁰ ГАКК. Ф.595. Оп. 1. Д. 1309. Л.11.
- ⁹¹ Н.Д. Евреи-земледельцы в Сибири. // Восточной обозрение. 1887. № 39; Осибирячившийся. Евреи как колонизаторы в Сибири. // Сибирь. 1878. № 17-18.
- ⁹² Астырев Н. Указ. соч. С. 444.
- ⁹³ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 14022. Л.164-217; ГАИО. Ф.91. Оп. 2. Д. 466. Л.1-81; НАРС(Я), Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 5640. Л.42-53.
- ⁹⁴ РГИА. Ф.1265. Оп. 4. Д. 26.
- ⁹⁵ Сибирская советская энциклопедия. Т.1. Стб. 896.
- ⁹⁶ ГАКК. Ф.595. Оп. 48. Д.766.
- ⁹⁷ Там же. Ф.161. Оп. 2. Д. 228. Л.59; Ф.31. Оп. 1. Д. 157. Л. 4, 10, 23, 35.
- ⁹⁸ Гройсман А. Евреи в Якутии. // Илин, 1995. С.99.
- ⁹⁹ Волости и населенные места 1893 года. Вып. 9. Якутская область. СПб., 1894. С.25.

- ¹⁰⁰ Семевский. В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. Т.2. СПб, 1898. С.142, 850, 862, 875; Патронова А.Г. Особенности развития золотопромышленности в Забайкалье в конце XIX – нач. XX века. // Забайкальский краеведческий ежегодник. №6. Чита, 1972. С. 60.
- ¹⁰¹ Новомейский М. Указ. соч. С.42.
- ¹⁰² Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй пол. XIX в. Улан-Удэ, 1963. С.442.
- ¹⁰³ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.13515. Л.50.
- ¹⁰⁴ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д. 322. Л. 27-28.
- ¹⁰⁵ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.116.
- ¹⁰⁶ ГАИО, Ф.91. Оп. 1. Д.2384. Л.177; НАРБ. Ф.10. Оп. 1. Д.1584. Л.27; Д.1792. Л.62; Ф.123. Оп. 1. Д.358. Л.16; Ф.337. Оп. 1. Д.4209. Л.205; Забайкальские областные ведомости. 1895. 10 марта.
- ¹⁰⁷ ГАЧО. Ф.1 (о). Оп. 1. Д.17140. Л.4, 7.
- ¹⁰⁸ Горбачев М.Ф. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Ленского горного округа. СПб., 1905. Т.3. Табл. I.
- ¹⁰⁹ НАРБ. Ф.123. Оп. 1. Д.426.
- ¹¹⁰ Подсчитано по материалам Памятной книжки Забайкальской области на 1895 г. Ч.II. Чита, 1895. Ведомость №13.
- ¹¹¹ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.13665. Л.41.
- ¹¹² Горбачев М.Ф. Указ. соч. Т.2. С.86-87; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.
- ¹¹³ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.14233. Л.17-23; Д. 14328. Л. 93-94, 97-98.
- ¹¹⁴ Патронова А.Г. Указ.соч. С.70.
- ¹¹⁵ Там же. С.66-67; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т.III. Кн. 3. Новосибирск, 1997. С.95.
- ¹¹⁶ Подсчитано по материалам НАРБ. Ф.123. Оп. 1. Д.467.
- ¹¹⁷ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.91.
- ¹¹⁸ Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 г. Красноярск, 1913. С.58.
- ¹¹⁹ Фризер Я. Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды. М., 1901. С.50-51.
- ¹²⁰ ГАРФ. Ф.102. ДП. 2. Оп. 62. 1905. Д.11. Ч.37. Л.1; Оп. 63. 1906. Д.11 ч.72; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 14241. Л. 70; Забайкальские областные ведомости. 1906. 16 июня.
- ¹²¹ ГАРФ. Ф.102. ДП. 2. Оп. 48. Д.27. Ч.6. Л.28-29, 48-49.
- ¹²² ГАИО. Ф.91. Оп. 3. Д.53. Л.1.
- ¹²³ Туман – Никифорова И.О. Национальный состав купеческого населения Енисейской губернии (60-е годы XIX – начало XX вв.) // Духовно-исторические чтения. Вып. УП. Материалы межвузовской научно-практической конференции 26 апреля 2002 г. Красноярск, 2002. С. 431; ГАКК. Ф.160. Оп. 1. Д.365. Л.5, 16-23, 44, 66; Ф.161. Оп. 1. Д.4. Л.9-219; Д.6. Л.28-94.
- ¹²⁴ НАРС(Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д.264. Л.14.
- ¹²⁵ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.12343. Л.11-12.
- ¹²⁶ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.221.
- ¹²⁷ Там же. С.103.
- ¹²⁸ ГАЧО. Ф. 94. Оп. 1. Д.89. Л.1-4; Д.239. Л.30-31; Оп. 2. Д.1. Л.2-37; Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 г. Томск, 1899. С. 185.
- ¹²⁹ ГАИО. Ф.70. Оп. 3. Д.1019. Л.34-57; Сибирский торгово-промышленный календарь 1897. Томск, б.г. С. 654-679.
- ¹³⁰ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.103.

- ¹³¹ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. Табл. 6; Сибирский торгово-промышленный календарь 1897. С.681-682; Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899. Томск, 1899. С. 185.
- ¹³² Блиох И.С. Указ. соч. Т.Ш. С. 143.
- ¹³³ Мучник Ю.М. Евреи в досоветской Сибири (по материалам Томской губернии. //Россия и Восток: взгляд из Сибири. Материалы и тезисы докладов к XI международной научно-практической конференции. Т.1. Иркутск, 1998. С.240; Гончаров Ю. Еврейское купечество Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. //Диаспоры. 2000. №3. С. 160-161, 164.
- ¹³⁴ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.14022; Д.1416. Л. 4.
- ¹³⁵ Подсчитано по материалам ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.14022; Д. 1063. Л. 11.
- ¹³⁶ Подсчитано по материалам НАРС(Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 2308; Д.2399. Л.1-97; Д. 2794. Л.1-45; Д.3510. Л.14-20.
- ¹³⁷ Подсчитано по материалам ГАЧО. Ф.94. Оп. 1. Д.45. Л.6-16; Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 год. Красноярск, 1909; Список домов в г. Красноярске. Красноярск, 1911. С.1-34; НАРС(Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 3107. Л.11-21.
- ¹³⁸ Подсчитано по материалам ГАИО. Ф.70. Оп. 3. Д. 2285, 2376, 2380, 2516. Данные занижены, т.к. в списках выборщиков III участка города не оказалось людей, чья фамилия начинается на букву «К», а таких, как правило, больше, чем начинающих на любую другую.
- ¹³⁹ Подсчитано по материалам НАРБ. Ф.10. Оп. 1. Д.2066.
- ¹⁴⁰ Войгинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.174.
- ¹⁴¹ Подсчитано по материалам ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д.1954, 1955, 1956.
- ¹⁴² Войгинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.99.
- ¹⁴³ Подсчитано по материалам НАРБ. Ф.10. Оп. 1. Д. 1379, 2792 а.
- ¹⁴⁴ НАРС(Я). Ф. 168-и. Оп. 1 Д.1290. Л.92; Ф. 165-и. Оп. 1 Д. 958. Л.14-15; Д.959 Л. 3, 8, 14-15, 22; Ф. 166-и. Оп. 1. Д. 1616. Л.1, 9.
- ¹⁴⁵ Подсчитано по материалам НАРС(Я), Ф. 165-и. Оп. 1. Д.3107. Л.20-21; Д. 3510. Л.14-20.
- ¹⁴⁶ ГАИО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 154. Л. 3-5; Д. 196. Л. 8-10.
- ¹⁴⁷ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.2071. Л.1-2.
- ¹⁴⁸ ГАИО. Ф.32. Оп. 2. Д.154, Л.3-5; Д.196. Л.8-9; Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.74.
- ¹⁴⁹ ГАЧО. Ф. 94. Оп. 1. Д.397. Л.17, 38.
- ¹⁵⁰ Там же. Д.784. Л.263; Оп. 4. Д.75. Л.87, 146, 164.
- ¹⁵¹ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.74.
- ¹⁵² Подсчитано по материалам НАРБ. Ф.10. Оп. 1. Д.1493; Обзор Забайкальской области за 1900 г. Чита, б.г. С.9; Долгоруков В.Д. Путеводитель по всей Сибири и среднеазиатским владениям России. Томск, 1898. С.163.
- ¹⁵³ НАРБ. Ф.10. Оп. 1. Д.1510. Л.1. 17139-394.
- ¹⁵⁴ Блиох И.С. Указ. соч. С.212.
- ¹⁵⁵ ГАКК. Ф.595. Оп. 7. Д.547. Л.7-9; Торгово-промышленные календари на 1899, 1913, 1914-1915 годы; Сибирь. Спутник и адресно-справочно-торгово –промышленная книга 1910-1911. М., 1910.
- ¹⁵⁶ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.17139. Л.394.
- ¹⁵⁷ Там же. Л.391,393.
- ¹⁵⁸ Сибирь. 1881. № 44.
- ¹⁵⁹ Новомейский М. Указ. соч. С.81-83.
- ¹⁶⁰ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. С.355-356.

- ¹⁶¹ Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 г. Иркутск, 1911. ХУ.
- ¹⁶² Забайкальская новь. 1910. 7 ноября
- ¹⁶³ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.86.
- ¹⁶⁴ Торгово-промышленный календарь за 1901 г. Томск, б.г. С. 94.
- ¹⁶⁵ «Весь Иркутск» с отдел. Забайкальской и Якутской областей на 1909 г. Иркутск, 1909 г. IX отд. XXI.
- ¹⁶⁶ Подсчитано по материалам ГАИО. Ф.308. Оп. 1. Д.332. Л.1-37.
- ¹⁶⁷ НАРС(Я).Ф. 165-и. Оп. 1. Д.2936. Л. 9, 16-19.
- ¹⁶⁸ ГАЧО, Ф.152. Оп. 1. Д. 486; ГАИО. Ф.91. Оп. 1. Д.1417.
- ¹⁶⁹ ГАЧО. Ф.152. Оп. 1. Д.377. Л. 11-17, 33-37.
- ¹⁷⁰ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 13976. Л. Л.14, 16-17, 19, 21, 23, 28, 31, 49, 55-56; Д.13992. Л. 99; Д. 14033. Л.31.
- ¹⁷¹ Там же. Д.14070. Л.17, 20, 35.
- ¹⁷² Там же. Д.14033. Л. 71, 144.
- ¹⁷³ Там же. Д. 14070. Л.47.
- ¹⁷⁴ Там же. Д.14223. Л.10, 28, 30, 61.
- ¹⁷⁵ РГВИА. Ф.1468. Оп. 3. Д.277. Л.641-642; ГАИО. Ф.32. Оп. 6. Д.104. Л. 3-5; Д.117. Л. 12; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.14212. Л. 20-22, 204.
- ¹⁷⁶ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.14215. Л. 290.
- ¹⁷⁷ Боголепов М. Торговля в Сибири. // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. Сб. статей. СПб., 1908. С. 179-180.
- ¹⁷⁸ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.85.
- ¹⁷⁹ Рабинович Г.Х., Солопий Л.А. Крупная буржуазия Забайкалья в конце XIX –XX вв. // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976. С.141.
- ¹⁸⁰ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1906 г. Томск, б.г. С.72.
- ¹⁸¹ Забайкальские областные ведомости. 1909. 10 апреля; Календарь-справочник по Восточной Сибири. С.520; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.4118. Л.6, 14.
- ¹⁸² ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 4816. Л.91-92.
- ¹⁸³ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1906 год. Томск, б.г. С.254.
- ¹⁸⁴ НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д.5640. Л.6. Гройсман А. Указ. соч. Ч.1. С.29.
- ¹⁸⁵ Гоголев З.В. Якутия на рубеже XIX - XX вв. Новосибирск, 1970. С.52.
- ¹⁸⁶ Башарин Г.П. Указ. соч. С.62-63.
- ¹⁸⁷ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.89.
- ¹⁸⁸ НАРБ. Ф.10. Оп. 1. Д.2839. Л.101; там же. Д.2875. Л.175.
- ¹⁸⁹ ГАЧО. Ф.24. Оп. 1. Д.539. Л.2.
- ¹⁹⁰ Там же. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 4251. Л. 8; Памятная книжка Иркутской губернии на 1906 г. Иркутск, 1906. С.71; Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 год. Красноярск, 1907. С.68.
- ¹⁹¹ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.1295. Л.55,57; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.13937. Л.1; Д.17012. Л.27; Ф.23. Оп. 2. Д.576. Л.103.
- ¹⁹² ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д. 30. Л. 88; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 17139. Л.207; Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.75. .
- ¹⁹³ Восточное обозрение. 1884. №45.
- ¹⁹⁴ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д. 216. Д.273.
- ¹⁹⁵ Рабинович В.Ю. О противоправной деятельности евреев дореволюционного Иркутска. // Восток и Россия: взгляд из Сибири. материалы и тезисы докладов к научно-практической конференции. Иркутск, 1996. С.358.

-
- ¹⁹⁶ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 17139. Л. 214-215; Д. 13937. Л. 6, 9; НАРБ. Ф.123. Оп. 1. Д. 305. Л.10.
- ¹⁹⁷ НАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д.8035. Л.10.
- ¹⁹⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К.975. Д.3084. Л. 13.
- ¹⁹⁹ Восточное обозрение. 1895. №147; ГАКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 41. Л. 1-2.
- ²⁰⁰ Восточное обозрение. 1886. № 8.
- ²⁰¹ Забайкальская новь. 1910. 26 ноября.
- ²⁰² Сибирь. 1881. №21.
- ²⁰³ Островский Ю. Указ. соч. С.36.
- ²⁰⁴ Максимов С. Указ. соч. С.129.
- ²⁰⁵ Кальмина Л.В., Курас Л.В., Указ. соч. С.76.
- ²⁰⁶ Войтинский В. Горнштейн А. Указ. соч. С.89, 235.
- ²⁰⁷ ГАРФ. Ф.102. ДП. 2. Оп. 48. Д.27. Ч.6. Л.28
- ²⁰⁸ Всеподданейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1900-1901 гг. С.71.
- ²⁰⁹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т.2. М. - Таллин, 1994. С.199.

Глава 4. Общественная жизнь еврейских общин

4.1. Образование. Формирование общинной интеллигенции

Общественная и духовная жизнь еврейских общин Сибири подчинялась двум противоречивым тенденциям. С одной стороны, жизнь народа, не имеющего своего «национального» очага, оторванного от основной массы единоверцев, рассеянного в «многоликой» Сибири среди разных народов, культур и религий, существующего в качестве «инородного тела» в среде непонимающего, часто недоброжелательного большинства, в целях самосохранения предполагает способность к быстрой адаптации, гибкости, восприимчивости к чужой культуре (в первую очередь, языковой), умение найти в ней свое, никем не занятое место. С другой стороны, инстинкт самосохранения себя как этноса, носителя определенных национальных и культурных традиций, заставлял искать опору в себе, в своих единоверцах, в религиозной общине. Сибирские евреи органично вписались в культуру принявших их народов, сыграв свою роль в ее развитии, и одновременно остались носителями собственной национальной культуры, традиции которой передавались из поколения в поколение. Долгоруков отмечал, что евреи, «родившиеся или выросшие здесь, отличаются правильностью русского выговора и большим индифферентизмом к своим религиозным и бытовым особенностям».¹ Это было характерно не только для Сибири: практически везде в «пограничном» окружении, вдали от центров традиционного жительства евреев, при отсутствии поддержки религиозных авторитетов наблюдались тенденции к «размыванию» вековых ценностей.² В то же время иркутский раввин С. Бейлин, известный литератор и фольклорист, писал, что «в разговоре с сибирским евреем на русском или еврейско-немецком языках услышишь от них очень часто образную и меткую еврейскую поговорку, и пословицу, и чисто народный анекдот или шутку, не хуже, чем в любом еврейском центре черты оседлости».³ По выражению

В. Войтинского и А. Горнштейна, в еврейской общественной мысли боролись два течения: ассимиляторское и националистическое.⁴

Умению впитывать иные культурные ценности способствовал сам образ жизни сибиряков, особенно в глухих уголках тайги, где от умения общаться друг с другом и уважать национальные традиции представителей разных национальностей и исповедующих разную религию нередко зависело выживание. Иллюстрацией сказанному может служить образ жизни семьи баргузинского золотопромышленника Абрама Новомейского, который в совершенстве владел бурятским языком, знал и любил бурятские песни и в то же время позаботился о еврейском образовании сына Моисея, дав ему совершенное знание иврита.⁵

Первые еврей-сибиряки были практически все неграмотны, грамотой владели лишь кантонисты, что в общем-то не особенно выбивалось из общего уровня грамотности в Сибири. Даже в Иркутске, в центре генерал-губернаторства, как отмечалось в справочной литературе, в 1870 году «на 100 человек жителей 65 человек совершенно безграмотны, из остальных 35 не более 3 человек окончили курс в среднем учебном заведении, остальные получили только низшее образование. Получивших же высшее образование не найдется и 3 человек на 1000 жителей».⁶ Понятно, что дети еврейских ссыльных, расселившиеся по маленьким селениям, где не было никаких учебных заведений, не имели возможности учиться, кроме тех редких случаев, когда грамоту тайком им преподавали политические ссыльные. С трудом могли поставить свою подпись под документом представители первого поколения сибирского еврейского купечества.⁷ При покупке мест в вечное владение в Иркутской синагоге в 1882 году выяснилось, что из 93 покупателей (а это были достаточно зажиточные люди) 29 совершенно неграмотны, а из остальных 64 самостоятельно расписавшихся 2/3 еле выводят свою фамилию.⁸ Но своим детям они уже старались дать хорошее образование.

Первые еврейские юноши появились в городских учебных заведениях Сибири в 60-е годы. Тогда их были еще единицы. По данным о числе обучавшихся и окончивших курс наук во всех учебных заведениях Енисейской губернии за 1853-1863 годы, в Красноярском приходском училище учились всего два еврея - при том, что в приходском классе ежегодно обучались более 80 человек. В Ачинском приходском училище учились 8 евреев (это большой процент, если учесть, что всего обучались 30-32 человека), в Канске - пять евреев из 70 учащихся (в 1861 году), в Частоостровском приходском училище - два еврея из 22 учеников (в 1862 году).⁹

По данным на 1871 год во всей Забайкальской области обучались всего 19 человек, в то время как православных - 9233 человека. То есть процент обучающихся иудеев ко всем учащимся составлял 0,2 в то время как иудеи составляли 1,5 процента населения области. Процентное отношение учащихся иудеев ко всем иудеям области - 0,5 процента - тоже было ниже такового у православных - 3,55.¹⁰

В 80-е годы XIX века процент обучающихся евреев резко вырос на всей территории России: в 1881 году они составляли 12,32 процента к общему числу учащихся. За 1870-1881 годы процент всех учащихся увеличился на 65,18, а евреев - на 262,98 (почти втрое). За 1870-1881 годы число евреев-гимназистов возросло в 2,5 раза, а в отдельных округах - в 20 и более раз.¹¹ Исследователи, в частности, связывали этот «прорыв» в еврейском образовании с закрытием в 1873 году еврейских казенных училищ и процессом обрусения образования евреев, которое проводилось силами не только власти, но и учителей - евреев и смотрителей еврейских казенных училищ. На смену хедерному и иешиботскому воспитанию пришло гимназическое и университетское. По выражению П.Марека, «в будущую сокровищницу общего сближения евреи внесли свой аванс: лозунги просвещения они связали с идеей обрусения». Просвещение, которое ведет к приобщению евреев к русской гражданственности, считалось более целесообразным. Отсюда

полное сочувствие еврейской интеллигенции ко всем правовым мерам, клонившимся к умалению значения еврейского конфессионального образования и к подчеркиванию заглавной роли русского языка.¹² На стремление еврейской молодежи в русские учебные заведения, которое даже приводило к конфликту придерживавшихся национальных традиций «отцов» и желающих слиться с русской студенческой средой «детей» указывает и С. Дубнов.¹³

Процесс обрусения еврейского образования оценивался исследователями по-разному. Если С.В.Познер не без сарказма отмечал, что «то, что тщетно добивались в течение полувека правительства двух предшествовавших царствователей, было достигнуто в несколько лет» самими евреями без всякого принуждения, то Ю. Гессен в уничтожении специальной еврейской школы видел и положительные моменты: усиление в еврейском населении интереса к общим учебным заведениям, после чего число евреев в гимназиях и университетах стало возрастать, и самостоятельную работу еврейского общества на пользу просвещения, которую их вынудило проводить уничтожение казенных училищ.¹⁴

Сильнейшая тяга к образованию была отмечена и у сибирских евреев. Газета «Восточное обозрение», опубликовавшая сведения о студентах-сибиряках Казанского университета, обратила внимание на быстрый рост студентов-иудеев: за один учебный год – с 1885-1886 по 1886-1887 - число их выросло на 4,3 процента, а по сравнению с 1880-1881 годами – на 12,3 процента, тогда как число православных за этот же период уменьшилось на 10 процентов, лютеран и католиков – также уменьшилось. В числе сибиряков - студентов Казанского университета евреи составляли 18,3 процента. Большинство студентов были выпускниками Иркутской, Красноярской и Томской гимназий.¹⁵ Процент евреев по отношению ко всем учащимся во всех сибирских городах с 80-х годов стабильно превышал процент евреев в городском населении. (Табл. 13). По переписи 1897 года ев-

реи составляли 7 процентов населения Иркутска, а число евреев, обучающихся во всех учебных заведениях города, достигло 11 процентов. В Нерчинске во время однодневной переписи 1889 года отмечалось, что соотношение учащихся евреев к еврейскому населению города – 15 процентов – почти вдвое больше, чем соотношение православных учащихся к православному населению (в пяти учебных заведениях Нерчинска учились 45 евреев из общего числа 369 учеников, причем в Нерчинском уездном училище – 21 еврей и 41 православный). Составлявший доклад по результатам переписи нерчинский городской секретарь Михаил Суворцев объяснял это тем, что евреи в общем обладают лучшими средствами к жизни, чем православное население.¹⁶ Однако истинная причина была в другом: получение образования было самым надежным способом приобретения права выйти за черту оседлости, повышения своего социального статуса и получения шанса занять достойное положение в обществе. Чтобы войти в I гильдию и тем более удержаться в ней, требовались немалые усилия, сопряженные с риском разорения и почти неизбежно сопровождающиеся неприязнью обывателя. Положение ремесленников было шатким из-за постоянной угрозы потери дарованного права повсеместного жительства. Даже солдаты рекрутского набора получали это право при соблюдении определенных условий. Университетский диплом был беспроигрышным вариантом. Поэтому евреи поступали во все учебные заведения, где уставом не было оговорено, что прием евреев запрещен: в мужские и женские гимназии и прогимназии, приходские и реальные училища, начальные училища и частные школы. Едва ли не самой частой причиной обращения евреев к раввину было желание получить свидетельство о рождении для поступления в учебное заведение.

Понимая, что путь к университетскому диплому возможен только при хорошем аттестате, они отличались прилежанием. В 1886 году из 8 выпускников Красноярской мужской гимназии единственный закончивший с

серебряной медалью – еврей Пинкус Левин, который потом поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. В 1888 году из четверых выпускников единственный золотой медалист – опять-таки еврей Иосиф Ицын, поступивший в университет Святого Владимира на юридический факультет. Единственным, кто получил медаль из пяти выпускников 1889 года, был Аарон Фельдман, после чего поступил на медицинский факультет Томского университета.¹⁷

Что касается русификации еврейского образования в Сибири, то здешние евреи были обречены на нее с самого начала. У них просто не было выбора: еврейские национальные школы появились в регионе только на рубеже XIX- XX веков.

Исследователи отмечали, что, несмотря на ряд факторов, затруднявших евреям изучение русского языка (в частности, запрет преподавания его в хедерах), еврейское население не только не отстало, но значительно опередило в усвоении русской грамотности остальное население империи (24,6 процента против 16,8), в том числе и русских, процент грамотных среди которых равнялся 19,7.¹⁸ Перепись населения 1897 года выявила, что и во всех губерниях и областях исследуемого региона процент евреев-мужчин, владевших русской грамотой, был в 2-2,5 раза выше, чем процент таковых у русских, а процент женщин-евреек - в 3-5 раз выше русских женщин. (Табл.14). Здесь следует уточнить, что эта разница достигалась не столько за счет высокого уровня образования женщин-евреек, процент грамотности которых был все же вдвое ниже такового у евреев-мужчин, сколько за счет традиционно низкого уровня грамотности женщин.¹⁹ Только в Якутской области разница между грамотными русскими и евреями не столь существенна, по-видимому, из-за значительного процента политических ссыльных, имевших высокий образовательный уровень. Грамотность еврейского населения во всех четырех областях и губерниях рассматриваемого региона и в городах, и деревнях была выше, чем у русских. В 1897

году она была выше, чем средний уровень грамотности по губерниям региона даже в 1910 году.²⁰ В каждой возрастной группе процент грамотности евреев тоже оказывался значительно выше. (Табл. 15). Особенно заметна разница в возрастных группах 10-19 и 20-29 лет и старше 60: молодежь – это уже дети ссыльных, приобретших средства для обучения детей и понимающих ценность образования, а старики овладели грамотой еще до ссылки. Существенную разницу в уровне грамотности исследователи отметили между сельскими женщинами русскими и еврейками: в Иркутской губернии, к примеру, в 8 раз.²¹

Следует иметь в виду, что в Переписи в разделе «грамотность» указаны не евреи, а еврееязычные, что не совсем одно и то же. «Еврееязычные» - это сохранившие язык и считающие его родным. Интересно, что в Сибири процент признавших родным еврейский язык оказался выше такового во внутренних губерниях, Прибалтике, Кавказе, Средней Азии и даже в черте оседлости. Разговорно-еврейский как родной язык указали 96,9 процента евреев-сибиряков (в черте оседлости – 80,5) и лишь 1,28 процента сибирских евреев считали родным языком русский.²² Родным еврейский язык считали даже те, кто владел письменным только русским и по-еврейски не мог написать ни слова. При том, что свыше 96 процентов еврейского населения родным считали еврейский, грамотность по-русски превышала грамотность на других языках в 8-10 раз.

Тенденции к обрусению заметны при движении из деревень в города. При проведении в 1911 году переписи всех учащихся в Якутской области на вопрос, на каком языке говорят дома, опрашиваемые ответили: в Якутске по-русски, в улусах – по-еврейски.²³ При Переписи 1897 года выяснилось, что в Забайкальской области еврейский родным считают 97 процентов евреев-горожан и 97, 5 евреев-сельчан, в Иркутской губернии - 91,7 процента горожан и 96,4 живущих в округах. В больших городах эта разница становится заметнее: в Иркутске вовсе не знающие еврейского языка

составляют 8,5 процента еврейского населения, тогда как в деревнях и селах – только 3. Три четверти обрусевших евреев также жили в Иркутске (хотя процент грамотных по-еврейски в Иркутске вдвое выше, чем в деревнях, что объясняется вообще более высокой степенью грамотности, нежели в округах).²⁴ Более интенсивное обрусение горожан объясняется преобладанием в городах уже родившихся в Сибири, в то время как деревенские евреи – недавние выходцы из черты оседлости.

При сравнении степени овладения национальной грамотой по возрастным группам прослеживается явная тенденция к обрусению образования еврейской молодежи (Табл.16): самый высокий процент владеющих не русской (еврейской или польской) грамотой наблюдается в возрастной группе 60 лет и старше. Два обнаруженных нами прошения об открытии молельного дома евреев Баргузина и Читканской волости, датированные 1862 годом, подписали в общей сложности 49 человек – все на иврите.²⁵ То есть это люди, изучавшие язык, по-видимому, еще в черте оседлости и к Переписи 1897 года как раз попавшие в указанную возрастную группу. При снижении возраста от группы к группе прослеживается снижение и процента владеющих еврейской грамотой, так как до XX века, когда в Сибири начали открывать еврейские национальные школы, возможности изучения национальной грамоты были весьма ограничены.

В еврейском образовании особенно четко прослеживаются две тенденции, о которых шла речь выше. Высокий процент считающих еврейский родным языком говорит о том, что в культурном отношении евреи составляют довольно однородную массу, несмотря на рассеяние среди различных народов, и сохраняют самоидентификацию, национальное самосознание и национальную сплоченность. Высокий уровень овладения русской грамотой, в свою очередь, говорит об ассимиляции, естественной в сибирских условиях, большой способности к интеграции в культуру окружающих народов, что отнюдь не служит свидетельством потери «национального

лица». «Ассимиляция евреев не является результатом механического общения, ни даже только давления государственной организации, - считал Б.Д.Бруцкус, - а является результатом воздействия на евреев высшей культуры».²⁶ Суждение И. Левина о том, что способность нации к поглощению и ассимиляции тем больше, чем она сильнее внутренне и духовно,²⁷ неоспорно, но, безусловно, это поглощение при осознании своей этнической принадлежности не опасно для народа, не желающего бесследно «раствориться» в окружающей его культуре, и свидетельствует лишь о проявляемом им к ней уважении.

Стремление самоутвердиться в обществе, помноженное на умение адаптироваться к его культуре, дало высокий процент евреев в среде учащейся молодежи. Рост еврейской молодежи в среде студенчества насторожил правительство и заставил опять-таки применить сдерживающие меры: 1 июля 1887 года циркуляром Министерства народного просвещения в высших учебных заведениях была введена процентная норма: число студентов евреев не должно было превышать 3 процентов всех студентов в столичных городах, 5 - в губерниях вне черты оседлости и 10 - в черте оседлости. 22 июля 1901 года эти процентные нормы снизились соответственно до 2, 3 и 7. Одновременно процентные нормы были утверждены и для средних учебных заведений, и только 22 августа 1909 года они были повышены соответственно до 5, 10 и 15. Положение распространяло процентные нормы и на частные учебные заведения с правами правительственных. В средние учебные заведения, не предоставляющие своим учащимся никаких прав и не открывающие доступа в высшие учебные заведения - художественные, технические и ремесленные училища, зубоврачебные школы, низшие технические училища Министерства народного просвещения - евреев принимали без ограничения.

С 1896 года в средних учебных заведениях процентная норма стала исчисляться по отношению к общему числу обучающихся, а не к числу вновь

принимаемых. (16 сентября 1908 года Высочайше утвержденным постановлением Совета Министров этот порядок был распространен и на высшие учебные заведения). Но поскольку при таких условиях в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах, уже имеющих значительное число учеников евреев, прием еврейских детей грозил прекратиться на несколько лет, Министерство народного просвещения сразу оговорилось, что новые правила исчисления процентной нормы будут введены не раньше того времени, когда окончат курс евреи, находившиеся в учебных заведениях в момент принятия новых правил. Если по окончании приема в учебные заведения число евреев в нем оказывалось ниже процентной нормы, установленной для данной местности, или после приема детей евреев еще имелись свободные места, то в пределах этой нормы могли быть приняты новые ученики –евреи, а в особо уважительных случаях, по усмотрению и решению педагогического совета, свободные места могли быть заняты еврейскими детьми и сверх процентной нормы. Процентные ограничения не применялись к ученикам, поступающим в гимназии после окончания прогимназии, и поступающим в 7 класс реального училища после окончания 6 классов.²⁸

В письме Министерства народного просвещения Попечителю Иркутского учебного округа от 18 октября 1896 года разъяснялось, что кроме процентных норм и набранных баллов педагогические советы должны обращать внимание на возраст поступающих, так как дети предельного возраста в случае непринятия их в учебные заведения в данном году вынуждены будут в следующем году держать экзамен уже в старшие классы; затем на общественное положение и благосостояние родителей, отдавая при приеме предпочтение детям образованных классов, лиц, состоящих на государственной или общественной службе, например, врачей, учителей еврейских училищ и т.п. (Кстати, этой идеи придерживался министр народного просвещения А.Н. Шварц, который считал более правильным и целесообразным

ным не установление нормы, которая, по его мнению, не ограждает школу от проникновения в нее нежелательных элементов, а допущение в средние учебные заведения лишь детей из зажиточной еврейской среды, которые «вследствие большей культурности их семейств будут оказывать менее вредное влияние на своих товарищей – христиан». Для остальной еврейской массы министр считал достаточным прохождение курса городских училищ). Затем приему подлежали «ранее подвергавшиеся испытанию и в особенности неоднократно (в течение двух, трех и более лет подряд), но не принятые по неимению свободных вакансий, также поступающие в старшие классы пред поступающими в младшие; при равных же прочих условиях отдавать предпочтение детям местных жителей перед иногородними». В письме особо оговаривалось, чтобы начальники средних учебных заведений объясняли родителям, что «за силою сего циркуляра все ходатайства о приеме детей евреев **сверх процента** или в изъятие из ныне устанавливаемых или подтверждаемых правил министром будут оставлены без последствий».²⁹ Были случаи, когда детей, даже успешно выдержавших экзаме́н в гимназию, не принимали, поскольку процентная норма была уже превышена.³⁰

Лишенные возможности попасть в среднюю школу, еврейские юноши находили единственный выход в прохождении курса средних учебных заведений на дому и в сдаче экзаменов экстерном. Получение образования с помощью экстерната стало настолько характерным явлением русско-еврейской жизни, что власть сочла необходимым распространить процентные нормы и на экстернов. 11 марта 1911 года Совет Министров своим положением закрыл и этот путь к получению евреями общего образования.³¹ А в 1916 году впервые на правительственном уровне обсуждались нормы процента приема евреев в негосударственные (общественные и частные) высшие учебные заведения - таковых в России на рубеже XIX - XX веков насчитывалось более 80 (к февралю 1917 года их круг сузился до 59).³²

Процентные ограничения приема евреев в государственные высшие учебные заведения были механически распространены на «вольные» учебные заведения, хотя Закон о неправительственной высшей школе от 1 июля 1914 года не предусматривал национальных и вероисповедных ограничений - напротив, даже допускал создание специальных высших учебных заведений для «нехристиан». Еврейскому образованию в очередной раз был нанесен весьма чувствительный удар, поскольку с началом первой мировой войны, сделавшей недоступным обучение за границей, высшие неправительственные учебные заведения предоставляли евреям единственную возможность получить высшее образование. На отмену процентных норм могли рассчитывать лишь отдельные категории еврейских детей, как правило, родственников военнослужащих в военное время. Например, 12 августа 1905 года проценты были отменены по отношению к детям евреев, несущих военную службу на Дальнем Востоке, а 10 августа 1915 года распоряжением Совета Министров был объявлен льготный прием в высшую школу участников мировой войны и их детей без различия национальности и вероисповедания как тех, кто «по обстоятельствам переживаемого времени заслуживают особого внимания». Без ограничений допускались и дети лиц, состоящих на службе по ведомству народного просвещения, независимо от установленной для этих заведений процентной нормы. Ю. Островский указывал, что в Ачинске Енисейской губернии благодаря крупным пожертвованиям на постройку реального училища евреям удалось исходатайствовать беспроцентный прием,³³ хотя это, пожалуй, единственный случай.

Установление процентных норм для учащихся средних учебных заведений и здесь поставило вопрос: можно ли отнести Сибирь к черте еврейской оседлости, если евреям жительство здесь позволено. Директор Читинской мужской гимназии Ганзен даже обращался к военному губернатору: можно ли принять 10 процентов еврейских мальчиков от общего числа посту-

пающих, если Читу отнести к местам постоянной оседлости евреев. Но военный губернатор ответил, что Чита – место оседлости лишь некоторых евреев - ссыльных и их детей. А главный инспектор училищ Восточной Сибири, разъяснив, что к местностям, входящим в черту постоянной оседлости евреев, отнесены только некоторые губернии Европейской России и прием еврейских мальчиков должен быть ограничен 5 процентами, не преминул сделать внушение директору: в гимназии 38 учеников, из них принято два еврея, хотя по установленным процентным нормам должен быть только один.³⁴ 16 купцов-евреев Читы - Фромберг, Либерман, Шлезингер и другие - 13 октября 1895 года обратились к военному губернатору Е.О. Мацеевскому с просьбой увеличить прием еврейских мальчиков до 10 процентов. Тот отдал это дело на усмотрение директора гимназии, который, в свою очередь, уже поняв, чего от него ждут, ответил, что для этого не видит оснований. Приамурский генерал-губернатор оставил жалобу купцов без последствий и тем не просто ограничил, но практически пресек читинским евреям путь в университет, так как эта гимназия была единственной на всю область.³⁵ Некоторые учебные заведения в своих уставах открыто записывали, что прием евреев запрещен. В частности, в Иркутское горное училище принимались русские подданные без различия званий и вероисповеданий, кроме евреев.³⁶ В Якутске в местную фельдшерскую школу по уставу 1908 года не принимали женщин и лиц иудейского вероисповедания. Впоследствии это ограничение было снято, но установленная вопреки закону квота для евреев - 3 процента – фактически лишала их возможности получить образование в единственном профессиональном учебном заведении. При обычном наборе 30 человек в школу мог попасть только один еврей.³⁷ Были случаи перехода в другие вероисповедания евреев, желающих получить аттестаты зрелости и поступить в университет.

Для приема евреев в средние учебные заведения Сибири, кроме процентной нормы, препятствием служила приписка: сельским детям необхо-

димо было получить право жительства в городе для сдачи вступительных экзаменов. А в начале XX века для поступления нужно было еще и приложить удостоверение о политической благонадежности.

Как правило, процедура получения разрешения на жительство носила формальный характер, и поступающих обязывали лишь в случае незачисления тотчас же выехать в место приписки. Нами обнаружен факт отказа Якутского губернатора Крафта дочери фотографа Полякова из Бодайбо в праве поступления в Якутскую гимназию, поскольку ей нельзя проживать в Якутске,³⁸ но это едва ли не единичный случай.

Процентные нормы приема евреев в учебные заведения, хотя и сделали образование для еврейской молодежи менее доступным, все же не смогли сдержать наплыв еврейских студентов, что даже дало повод черносотенцам говорить об «ожидовлении» интеллигентных профессий.³⁹ В Сибири процентные нормы практически не соблюдались, причем на территории исследуемого региона процент учащихся евреев был значительно выше, чем в других округах (Табл. 17). Если же посмотреть эти цифры в динамике, то в 1887 году в Западно-Сибирском учебном округе в гимназиях и прогимназиях евреи составляли 6,1 процента учащихся, а в 1909 – 5,2, в Восточно-Сибирском учебном округе – соответственно 13,1 и 6,4, хотя тенденция к снижению процента евреев налицо: политика их ограничения в получении образования все же давала себя знать. В Приамурском учебном округе процент учащихся евреев укладывался в норматив, составляя соответственно 4,4 и 4,8.⁴⁰ Но это, скорей всего, не столько по причине строгого следования закону, сколько ввиду незначительности числа евреев в регионе – они составляли менее одного процента населения. Снижение процента студентов-евреев при, тем не менее, превышении установленных норм наблюдается и в университетах за пределами черты оседлости: в Томском университете в 1888 году евреи составляли 8,3 процента всех студентов, в 1909 году – 7,1, в Казанском – соответственно 9,6 и 5,8.⁴¹

Практику постоянного балансирования на грани дозволенного процента можно проследить на примере учебных заведений Иркутской губернии. В конце сентября 1894 года в прогимназии Киренска учились 7 евреев из 45 учащихся (15,5 процента), в уездном училище - 2 из 44 (4,5), в приходском училище - 5 из 50 (10 процентов). Всего в числе 139 учащихся Киренска было 14 евреев, что составляло 10 процентов.⁴² В 1910 году процент евреев равнялся 7,3 в Иркутской гимназии, 19,5 в трех частных женских гимназиях, 8,8 в двух женских гимназиях им. Хаминова, 7,7 - в женских прогимназиях Нижнеудинска и Киренска. Всего евреи в губернии составили 11 процентов учащихся.⁴³ В Иркутской акушерско-фельдшерской школе из 118 учениц, обучавшихся в 1908-1911 годах, евреек было 10, что составляло 8,5 процента, в 1912-1913 годах - 11 из 94 учениц (11,7 процента). В 1914 году учениц-евреек также было 11, но при снижении числа учениц до 65 процент евреек вырос до 16,9.⁴⁴

Снижение процента евреев в правительственных учебных заведениях автоматически вело к повышению такового в частных: мужской гимназии Горцейт в Иркутске, женской гимназии Ициксон в Красноярске и Некрасовой в Иркутске, училищах Кашперовой и Молчановой и Цымбал-Миклашевской в Чите. В гимназии Некрасовой, например, процент евреев вырос с 7,7 в 1910 -1912 годах до 10,2 в 1913 году. В отдельных классах частных училищ евреи составляли до половины и больше учеников.⁴⁵

Причины несоблюдения процентных норм видятся, во-первых, в том, что в ряде случаев иудеи просто заполняли незанятые представителями православия места. Особенно это касается женских мест: уровень женского образования у православных традиционно был существенно ниже, чем мужского, и еврейские девочки в большей степени могли претендовать на незанятые места. По-видимому, именно по этой причине их процент в женских училищах и гимназиях всегда был выше, чем процент еврейских мальчиков в мужских, и значительно превышал установленные нормы: в

Читинской женской гимназии, к примеру в 1899 году иудейки составляли 18, 7 процента всех учениц, а в 1900 – 17, 1.⁴⁶ К тому же бедные еврейские семьи не меньше состоятельных стремились дать детям образование: для них это был единственный шанс «выбиться в люди». Обучение было дорогим: полный пансион в мужской гимназии стоил 330 рублей, в женской – 360. Приходящие платили 40 рублей в год.⁴⁷ Но бедняки от платы за обучение освобождались. В 1904-1905 годах в 1-ом Читинском приходском городском училище еврейских детей, не вносящих плату, было втрое больше, чем оплачивающих обучение, и они составляли половину всех бедных детей. Во 2 –ом приходском училище из 36 учеников 20 были детьми небогатых еврейских мещан. В 4–ом училище среди платно обучающихся детей, не принадлежащих к мещанскому обществу, евреев не было вовсе, а из 25 детей мещан, не вносящих плату за обучение, четверо. В 5-ом приходском училище из 42 «платных» учениц было 6 евреек, а из 23 «бесплатных» – 7.⁴⁸

Вторая причина несоблюдения процентных норм заключалась в сопротивлении сибирских учебных заведений их введению. Показателен пример Красноярской фельдшерско-акушерской школы общества врачей Енисейской губернии, одном из старейших специальных учебных заведений Сибири. Когда выяснилось, что в числе 116 учащихся школы 39 евреек, то есть 33, 6 процента, канцелярия Иркутского генерал-губернатора посоветовала Енисейскому губернатору принятых сверх нормы лиц иудейского вероисповедания не исключать, но и не принимать евреек в школу до тех пор, пока оставшиеся вместе с принятыми не составят установленной Министерством нормы.⁴⁹ Директор школы М. Козьмин просил разрешения принимать лиц иудейского исповедания в соответствии с Уставом школы (между прочим, утвержденным Министерством внутренних дел в 1905 году), которым никаких ограничений сословия или вероисповедания не предусмотрено. Свою просьбу он также аргументировал большой потребо-

стью фельдшеров в Сибири и постоянно поступающими предложениями из Акмолинского и Енисейского переселенческого управлений и различных ведомств Забайкальской области о направлении фельдшера, тогда как запрещение принимать евреек свыше 10 процентов общего числа учащихся привело бы к уменьшению вновь поступающих, а следовательно, и оканчивающих курс фельдшерниц. К тому же для евреек, имеющих право жительства в Сибири, естественным было бы обучаться в сибирской частной школе.

Директора М. Козьмина в его действиях за отмену процентных норм в возглавляемой им школе фактически поддержал и даже подвигнул на это Енисейский губернатор Лубенцов, в своем письме к нему напомнивший: журналом Совета Министров от 22 августа 1909 года об условиях приема евреев в фельдшерские и повивальные школы указывалось, что «нормы применяются различно в зависимости от распоряжения губернских начальств». В связи с этим товарищ министра сенатор Крыжановский циркуляром от 12 июня 1910 года уведомил его: в частных школах, открытых до издания правил 22 августа 1909 года могут быть допущены, «с особого каждый раз разрешения министра внутренних дел, отсрочки в применении процентных норм - в зависимости от времени открытия и состава учащихся и удостоверенной местным начальством полезной их деятельности».⁵⁰

Сопrotивление процентным нормам было отмечено исследователями и в Томском технологическом институте, куда евреев принимали безо всяких ограничений. На недовольный запрос министра народного просвещения фон Кауфмана совет института ответил, что руководствуется уставом, в котором никаких ограничений приема не содержится, а указ 17 октября 1905 года дает основание для заключений об уравнивании всех вероисповеданий перед законом.⁵¹

Наконец, процентные нормы в ряде случаев удавалось обойти благодаря общественному мнению, негативно оценивавшему потуги правительства

ограничить возможность получения евреями образования. Показателен описанный Войтинским и Горнштейном случай о попытке снизить число еврейских учащихся в Иркутском коммерческом училище, где их было более трети. Дело в том, что училище в значительной степени содержалось на средства купцов, вносивших деньги ежегодно при выкупе торговых свидетельств – с обязательным условием, чтобы в училище принимались дети всех вероисповеданий без ограничения, что, с согласия Иркутской городской думы было записано в уставе и утверждено Министерством торговли и промышленности. Отсутствие ограничений при приеме с самого начала обеспечило высокий процент евреев-учащихся. Но когда после введения процентных норм по Положению 22 августа 1909 года Министерство торговли и промышленности само же потребовало их неукоснительного соблюдения, иркутское купеческое общество на общем собрании постановило прекратить взносы на училище. Иркутский Биржевой Комитет пытался сохранить старый порядок приема, представив председателю Совета Министров докладную записку о том, что иркутские купцы участвуют в содержании училища все без исключения, и будет в высшей степени несправедливым, если часть из них не сможет обучать в нем своих детей, и что на изменение устава училища нужно согласие всех содержащих его учреждений, в том числе иркутского купеческого общества. Но канцелярия Совета Министров настаивала на введении процентной нормы. Обращение попечительского совета к Иркутскому генерал-губернатору с просьбой добиться отмены ограничения приема евреев тоже ничего не дало, и в конце концов купеческое общество возобновило взносы в пользу училища. Но сам факт говорит за себя: против введения процентной нормы выступили именно те, во имя защиты которых от «еврейского засилья» они и вводились.⁵²

В Верхнеудинске, когда реальное училище было переведено в разряд казенных и на него была распространена процентная квота для евреев, по хо-

датайству городского головы перед Главным инспектором училищ Восточной Сибири и Иркутским генерал-губернатором были открыты три дополнительных класса. Средства на оборудование и содержание этих классов собрала комиссия из 14 самых именитых и состоятельных граждан – русских и евреев. Таким образом были получены дополнительные места и для еврейских детей.⁵³ В Якутске предложение выписывать книги разных фирм, за исключением еврейских, было отклонено советом учителей.⁵⁴ Политика ограничения приема евреев в учебные заведения, равно как и слепое следование ей на местах резко осуждалась на страницах демократической печати.⁵⁵ Газета «Забайкальская новь» описала случай отчисления еврейских детей из школы в селении Малоархангельское Читинского уезда по требованию членов местного общества, поскольку в виду исповедания единоверия они не могут обучать своих детей совместно с евреями. Несмотря на то, что евреи школу и отапливают и моют, и платят 3 рубля в год с человека, подчеркивала газета, все же просьба единоверцев была удовлетворена, и дети евреев были исключены из школы. «Нельзя умолчать о том, что те же крестьяне, бывая у евреев, не стесняются выпивать с евреями и водку, и чай, а вместе учиться в школе не позволяют, считая это за грех. Говорят, что приговор не шел навстречу большинству и составлен под давлением 2-3 воротил».⁵⁶

Сами евреи тоже пытались отстаивать свои права в получении образования. Отмечены случаи перехода в другую веру для получения университетского диплома, хотя массовыми они не были. Интересна, пусть несколько наивная, попытка Иркутского комитета Общества распространения просвещения между евреями повлиять на ситуацию своим отношением к открытию университета в Иркутске. Надо ли поддерживать материально открытие учебного заведения, куда евреям доступ ограничен? Для ответа на этот вопрос члены комитета собирались несколько раз. Мнения разделились. Большая часть комитета, в том числе и иркутский раввин Со-

ломон Бейлин, высказалась против прямого участия в сборе денег на учреждение университета, хотя личное участие отдельных членов комитета не возбранялось. По мнению же Якова Фризера, ОПЕ обязательно должно принять участие в открытии учреждения, которое несет просвещение. Окончательная резолюция комитета звучала так: Комитет ОПЕ, находя открытие университета в Иркутске желательным и необходимым, считает, однако, активное свое участие в его учреждении невозможным впредь до полной отмены вероисповедных и национальных ограничений. Однако Фризер, будучи против столь радикальной формулировки, ее в городскую думу не отправил, за что его осудили Бейлин и доктор Юдалевич. В щекотливом положении оказался Моисей Кроль: как председатель общества изучения Сибири он подписал резолюцию за самую широкую агитацию идеи университета, а как член комитета ОПЕ он должен был поддержать его формулировку. Такое двусмысленное положение вынудило было его выйти из состава Комитет ОПЕ, хотя деятельность общества была ему дорога и близка. Его поддержал Шиллингер, который был делегатом от комитета ОПЕ на совещании культурно-просветительских учреждений, где подписался под резолюцией о пропаганде университета. На очередном заседании комитета 20 октября 1916 года вопрос был поднят вновь, и большинством 7 против 3 комитет принимает резолюцию Кроля: «Считая невозможным участвовать в каких-либо сборах в пользу будущего Иркутского университета, пока не будет отменена ограничительная норма для евреев, комитет ОПЕ примет самое деятельное участие в пропаганде идеи университета, одинаково доступного для всех без различия национальности и вероисповедания, в тесном единении с другими культурно-просветительскими и национальными обществами». Поправка Г. Кана об отказе от всякой помощи комитета в учреждении университета до отмены национальных ограничений была отклонена.⁵⁷

«География» высшего образования сибирских евреев была широкой: Санкт-Петербургский, Киевский и Томский университеты, Харьковский медицинский и технологический институты. Некоторые из них получали образование за границей, чаще всего в Германии. В частности, сын баргузинского золотопромышленника Абрама Новомейского Моисей закончил Прусскую королевскую академию шахтного дела в Клаустеле.⁵⁸ В начале 90-х годов в сибирских еврейских общинах появились первые сибирские уроженцы с университетскими дипломами. С этого времени идет постоянный рост еврейской интеллигенции и лиц свободных профессий. В частности, в Иркутской общине за 20 лет - с 1888 по 1908 годы - процент медиков вырос с 0,5 до 5,9, учителей и лиц творческих профессий – более чем вдвое.⁵⁹ В числе избранных специальностей чаще всего были юриспруденция, журналистика, медицина, реже – естественные науки и инженерное дело.

Участие евреев в местной печати, кроме газет официального характера - «Епархиальные» и «Губернские ведомости» - было очень заметным. Газеты, в которых сотрудничали евреи, например, «Забайкальская новь», часто и достаточно остро обсуждали на своих страницах «еврейский вопрос».⁶⁰ У закончивших юридический факультет евреев большого выбора не было: поскольку на государственную службу их не принимали, они могли заниматься только частной практикой. Поэтому в числе присяжных поверенных, по крайней мере, Иркутска еврейская «прослойка» тоже была заметной. Однако Высочайшее повеление 8 ноября 1889 года, в соответствии с которым представители нехристианских вероисповеданий могли быть приняты в присяжные поверенные каждый раз только с разрешения министра юстиции, видимо, было призвано установить некий негласный процент, превышать который не следовало. Из Министерства юстиции стали постоянно поступать требования предоставить списки таких лиц, и число присяжных поверенных -евреев постепенно заметно поубавилось. По дан-

ным на 1903 год только в Иркутске было 6 евреев - частных поверенных, в 1908 году из 23 частных поверенных Иркутска евреев было 4, а на 1 апреля 1916 года в округе Иркутской судебной палаты, например, из 11 присяжных поверенных был лишь один еврей.⁶¹

В системе образования евреев были единицы, кроме музыкальных классов, где они, как например, в Иркутском отделении Императорского русского музыкального общества могли составлять до половины и более преподавателей.⁶² Власти не решались доверить воспитание молодежи «сомнительному элементу». Их имена изредка можно встретить в списках преподавательского состава гимназий и других средних учебных заведений Иркутска, Канска, Якутска. Как правило, они преподавали математику и физику.⁶³

Самой «еврейской» специальностью была медицина. Выбор в ее пользу обуславливался несколькими факторами. Во-первых, процентные нормы при приеме в медицинские учебные заведения были более щадящими. К примеру, для изучающих аптекарское дело 6 – в Московском университете, 19 – в университетах прочих местностей и 20 – в черте оседлости.⁶⁴ А в 1897 году рядом циркулярных распоряжений Министерства внутренних дел по Медицинскому Департаменту процентные нормы для поступающих в фельдшерские, повивальные, зубоврачебные школы, подведомственные МВД, а также в аптеки и к дантистам были вовсе отменены.⁶⁵ Во-вторых, присутствие евреев в этой сфере деятельности не вызывало раздражения, а достигнутые успехи пользовались признанием.

По Закону о состояниях еврей-врачи имели право занять должность штатного ординатора в городской больнице и активно пользовались этим, принимая участие в конкурсах на замещение вакансий.⁶⁶ Здесь еврей мог заслужить чины и звания и достичь достаточно высокого положения в обществе. Врач в общественном мнении был человеком полезным и ввиду его полезности с него снимались многие правовые ограничения. В частно-

сти, по ведомствам Министерства народного просвещения и внутренних дел евреи могли поступать на службу без ограничений места пребывания, исключая столицы и столичные губернии, и не имея высших медицинских ученых степеней. Только врачи могли находиться в местах, где евреев не селили (к примеру, в Минусинске, где еврей Григорий Фридман заведовал городской лечебницей), и в приграничной зоне, запретной для всех прочих категорий евреев. В частности, в Троицкосавске еврей-медики занимали разные должности: от городского врача и общественного врача Троицкосавской больницы до Троицкосавской общественной повивальной бабки и заведующего вольной аптекой торгующего на Кяхте купечества.⁶⁷ Врачебный инспектор настаивал, что врачи, аптекари и их помощники, зубные врачи изъяты из закона, запрещающего селиться в 100-верстной полосе, хотя постепенно они оттуда все же выехали.⁶⁸

Наконец, при недостатке врачей в Сибири, на что постоянно сетовали практически все губернаторы, уездные начальники и городские головы, еврей с медицинским дипломом мог довольно легко найти себе занятие, если не в казенном лечебном учреждении, то открыть частную практику (путь на университетскую кафедру и на государственную службу был для них закрыт. С 1882 года пятью процентами во всем военном ведомстве ограничивалось число евреев-врачей в армии – «в видах устранения постепенного возрастания в армии числа врачей Моисеева Закона и их неблагоприятного влияния на санитарную службу в войсках и военно-лечебных заведениях»⁶⁹). Но занятие должности вольнонаемного городского врача по договору с городским управлением не возбранялось даже после введения Городового положения 1892 года, когда евреям практически был прегражден доступ к участию в городском самоуправлении. О заинтересованности местной власти в медицинских работниках говорит любопытный документ, обнаруженный в Читинском архиве - письмо городскому голове от читинского мещанина Моисея Файнберга, который получил субсидию из

городских сумм для обучения детей в университете. Кстати, сын Файнберга Даниил, получивший медицинское образование, претендовал на должность Читинского городского врача, желая таким образом отблагодарить родной город, но почему-то этого места не получил.⁷⁰

По официальным данным, на 1887 год врачи-евреи составляли более 6 процентов общего числа врачей в Российской империи, а в черте оседлости – почти 25, дантисты-евреи – 21 процент от общего числа, повивальные бабки – 19, фельдшера – 22 процента.⁷¹ В Сибири их пребывание в медицинской «касте» было очень заметным. Они служили в качестве участковых и окружных врачей практически во всех уездах, ординаторов городских больниц в губернских и уездных городах, в военных госпиталях, в сиротских домах, приютах, училищах и гимназиях, на железной дороге, «врачами для командировок». В Ачинской лечебнице медицинский персонал практически весь состоял из евреев, в Красноярской больнице общественного призрения – тоже. В Иркутске в 1901 году практиковали 57 врачей, из них 15 евреев, из 9 дантистов – 5 евреев, из 13 акушерок – 3. (По другим данным даже больше: из 9 дантистов – 7 евреев). В 1908 году из 49 врачей, практикующих частным порядком, евреев было 17, то есть каждый третий, из 11 дантистов – 9. Из 6 лечебных заведений евреям принадлежали 3, из 9 зубо врачебных кабинетов – 5, из 6 аптек – 4.⁷² Подобная тенденция сохранялась и далее: врачи-евреи составляли от четверти до трети всех практикующих в городе врачей, а среди дантистов их процент был еще выше.⁷³ В Красноярске и Чите процент врачей-евреев был гораздо ниже, но зубо врачебное дело было чисто «еврейской» отраслью. Это вполне понятно: в зубо врачебные школы евреи принимались без ограничений. Занятия родовспоможением считались подходящими для девицы из приличной еврейской семьи, поэтому еврейские купеческие дочери охотно получали специальность акушерки. Их прослойка тоже была весьма заметной.⁷⁴ Широко известность имели глазная лечебница З.Г. Франк-Каменецкого, ро-

дильный дом и лечебница женских болезней Зисмана и Левенсона, частная лечебница доктора медицины Г.Л. Юдалевича в Иркутске.

Шанс занять должность, соответствовавшую диплому и способностям, в медицине был выше, чем в других областях. Показательна история Читинского городского врача Аарона Цейтлина. Он выставил свою кандидатуру на вакантное место Читинского городского общественного врача и заведующего городской лечебницей в 1899 году, но военный губернатор Забайкальской области не хотел утверждать его в этой должности, требуя «приискать кандидата христианского вероисповедания». Такого не оказалось. Единственный врач православного исповедания Бородин, рекомендованный ректором Томского университета, от должности отказался, и в конкурсе принимали участие одни евреи. Городскому голове Хлыновскому удалось отстоять Цейтлина на том основании, что на работу он идет по вольному найму без прав государственной службы, условия работы им уже подписаны, и он выехал в Читку. В дело пришлось вмешаться Приамурскому генерал-губернатору Бенеvскому, и Цейтлина на службу приняли. (До этого он еще студентом работал на каникулах в переселенческом пункте Енисейской губернии, затем на приисках Олекминской системы, а после окончания университета занимался частной практикой в Томске). В должности Читинского городского врача Цейтлин получал 1500 рублей в год. По-видимому, его очень ценили. Медицинский департамент МВД предоставил ему право государственной службы. Когда Цейтлин в 1903 году попросил отпустить его в Санкт-Петербург на «занятие своей специальностью» на 6-7 месяцев, ему выдали беспроцентную ссуду 500 рублей. В 1905 году с ним продлили контракт и увеличили жалованье до 1800 рублей, «принимая во внимание, - как доложил городской голова гласным городской думы, - безукоризненное отношение г. Цейтлина к исполнению своих обязанностей по должности общественного врача и заведующего городской лечебницей». В 1906 году он был награжден орденом Святой Ан-

ны 3-ей степени. Заседавшая в 1913 году городская дума под председательством городского головы Саврасова собиралась представить Цейтлина к награде за то, что он прослужил в должности 12 лет. За это время, как отмечалось на заседании, он «зарекомендовал себя с отличной стороны, чем и приобрел полное уважение городского общества... По службе он отличается редкой трудоспособностью, благодаря чему городская лечебница превратилась в больницу II класса на 110 кроватей, оборудование которой всем тем, чем она располагает в настоящее время, является результатом неусыпных и долгих трудов врача Цейтлина». Попытки военного губернатора лишить его должности городского врача со ссылкой на примечание 3 к статье 24 Городового Положения, запрещающей евреям занятие должностей в городском общественном самоуправлении, успеха не имели. Городская управа доказала, что данная статья закона к главному врачу неприменима, так как заведует этой отраслью городского хозяйства не главный врач, а исполнительная комиссия в лице больничного совета. Цейтлин, кстати, работал не будучи утвержденным в должности, и городской управе и думе пришлось приложить немало усилий для его утверждения. Городской голова лично ходатайствовал об этом в Петербурге.⁷⁵ Интересно, что позже об этом ходатайствовал и бывший противник его назначения военный губернатор Забайкальской области Мацевский.⁷⁶

Когда в 1915 году Цейтлин изъявил желание ехать на Западный фронт в качестве врача полевого лазарета, город не пожелал с ним расстаться. Военный губернатор несколько раз взывал к патриотизму городских властей, требуя от них «стать на общегосударственную точку зрения» и отпустить Цейтлина, поскольку в формируемом полевом лазарете должен быть хотя бы один хирург, а во всей Забайкальской области кроме Цейтлина хирургов нет. Но дважды собиравшаяся по этому вопросу городская дума его так и не отпустила, заявив, что нужды города тоже имеют общегосударственное значение, особенно теперь, когда в Чите эпидемия оспы и сыпного ти-

фа, а врача, который мог бы заменить Цейтлина, в Чите нет. Судя по всему, Цейтлин остался в городе. В 1916 году он был назначен членом совета присутствия Врачебного отделения областного правления.⁷⁷

Практически во всех крупных городах Восточной Сибири евреи в медицине занимали достаточно высокие должности. Лейба Литман, обучавшийся в Еленинском институте в Петербурге и продолживший образование в Берлине, был Красноярским санитарным врачом. Заведующим Красноярской городской аптекой долгие годы был Исай Гефтер. Литман Шлаин, выпускник Киевского университета, управлял Нерчинской городской, а позже Верхнеудинской аптекой, которая переросла в крупную аптечную фирму. В Верхнеудинске городским общественным врачом и заведующим городской больницей был Исай Шинкман, городской повивальной бабкой - Анна Муниц. Окружным врачом Вилюйского округа был выпускник Казанского университета Абрам Шафир, управляющим аптекой гражданской больницы в Якутске в 1897 году стал Герш Ранц. В Баргузине окружным врачом был М. Иогалевич.⁷⁸

Обладая наиболее высокой медицинской квалификацией, они преподавали во всех медицинских учебных заведениях: военно-фельдшерской школе в Знаменском предместье и при госпитале в Иркутске, в Иркутской городской акушерско-фельдшерской школе, где евреи составляли половину всех преподавателей. В Красноярской акушерско-фельдшерской школе директорствовал ординатор городской больницы Яков Гинцбург, а позже Матвей Фельдман – при том, что процентная норма для учащихся-евреев сохранялась. Открывали они и частные лечебницы, к примеру в Чите открылась повивальная школа докторов Лаврова и Цейтлина.⁷⁹ При ограниченном числе медиков в отрасли наблюдалась даже некая еврейская «клановость»: одни и те же лица состояли в советах городских аптек, заведовали больницами, занимались преподавательской деятельностью.⁸⁰

В общественных организациях, создававшихся сибирскими врачами, евреи тоже были весьма активны. Наиболее влиятельной из них было общество врачей Восточной Сибири. Посты и председателя, и секретаря, и казначея общества были традиционно «еврейскими». Долгие годы секретарем общества был иркутский врач Леонтий Зисман, которого на этом посту сменил широко известный врач-окулист Захарий Франк-Каменецкий. Общество организовывало слушание научных докладов, собирало деньги на благотворительные цели. Активность евреев-членов общества отмечал Н.С.Романов.⁸¹ Еврейские врачи Иркутска были председателями, секретарями или казначеями практически во всех медицинских общественных организациях: зубоврачебном обществе, Иркутском отделении общества борьбы с заразными болезнями, Обществе борьбы с туберкулезом, в Восточно-Сибирском окружном управлении Российского Общества Красного Креста. Много лет Леонтий Зисман был членом Совета, а потом вице-председателем Иркутского отделения попечительства о слепых, попечителем Хаминовского училища для слепых детей. Секретарем Общества врачей Енисейской губернии был Моисей Хейсин.

Во всех городах Восточной Сибири врачи составляли наиболее активную часть еврейского общества, игравшую важную роль в городской жизни. Они выступали с лекциями, работали в местных отделениях Красного Креста, занимались преподавательской и просветительской деятельностью в учебных заведениях, сиротских домах и приютах, в еврейских общинах. Особенно заметной была эта работа в Иркутске. Имена Якова Брегеля, Бориса Ельяшевича, Григория Писаревского, Григория Юдалевича, Леонтия Зисмана, Захария Франк-Каменецкого были хорошо известны общественности Иркутска и медицинскому сообществу Восточной Сибири. Деятельность врачей-евреев не раз удостоивалась хвалебных отзывов в демократической печати. Отмечались, к примеру, заслуги Франк-Каменецкого, который в составе глазного отряда сделал 160 операций, появлялись заметки о

врачах, пользующихся любовью пациентов. Приведем пример такой заметки: «...из Бирюлек Верхоленского округа...переводился в Тулун нижеудинский окружной фельдшер Израиль Иевлевич Локшин, пользующийся громадной популярностью в Качугской волости. Недавно качугское общество преподнесло г. Локшину лекарственный набор и адрес, под которым подписано до 1000 имен. Этот факт лучше всего говорит, что честный деятель, какого бы вероисповедания он не был (г. Локшин еврей), везде будет пользоваться всеобщим уважением. Тем приятнее отметить, что г. Локшин завоевал симпатию населения, будучи сам небольшим человеком – скромным фельдшером...Мы не сомневаемся, что г. Локшин и на новом месте служения завоюет такие же симпатии населения, какими он пользуется в Качугской волости. Дай Бог побольше таких тружеников».⁸²

В случае попытки выселения врачей по сибирскому еврейскому ограничительному законодательству у них сразу находилась масса заступников даже в лице служителей православной церкви, которым была оказана медицинская помощь, а часто и в лице чиновников сибирской администрации.⁸³

Врачебная деятельность повышала общественный статус евреев и создавала благоприятную репутацию в обществе. И хотя антисемитские выпады на обывательском уровне все же имели место, в этих несчастных случаях администрация и общество брали сторону евреев. В частности, на уже упоминаемого нами Читинского городского врача Цейтлина казаком Тихоном Титовым была написана жалоба, суть которой сводилась к тому, что в городской больнице «собрались и всем командуют жида, а русских докторов туда не пускают», «Цейтлин преступно относится к своим обязанностям врача и простым людям там нет никакого внимания, а когда придет еврей с пустяком, все за ним бегают». Однако она не имела для Цейтлина никаких последствий, и он остался в должности. Очевидно, его тайный недоброже-

латель чувствовал уязвимость своих обвинений, ибо подписался вымышленным именем: никакого Титова найти вообще не удалось.⁸⁴

При том, что правовое положение врачей было более прочным, нежели у других евреев, они тоже не были застрахованы от нелепостей сибирского еврейского законодательства. Основным было противоречие между правом повсеместного жительства для евреев с высшим медицинским образованием, последовавшим 19 января 1879 года, и неоднократными разъяснениями Правительствующего Сената (определение Первого Общего Собрания 19 декабря 1897 года – 18 декабря 1898 года, Указы от 19 ноября 1907 года и 22 мая 1912 года), что на Сибирь оно не распространяется. Сибирские губернаторы оказались в двойственном положении: с одной стороны, они были безусловными исполнителями закона, предписывавшего евреям в Сибирь не пускать, с другой – заинтересованными в его постоянном нарушении в связи с острой нехваткой врачей в Сибири. Неясность в законодательстве они использовали каждый в меру своего разума – то прибегая к помощи центральной власти для отказа врачам-евреям в практике, то, напротив, отстаивая перед ней их право врачевать сибиряков.⁸⁵ Доходило до смешного: вопрос о праве жительства в Сибири управляющего Читинской вольной аптекой провизора Тальрозе встал после...представления его к награждению орденом Святого Станислава III степени военным губернатором Забайкальской области.⁸⁶

Нехватка медиков в Сибири при заметной численности занимающихся ею евреев была достаточно сильным аргументом, к которому прибегали для того, чтобы оставить их на месте. Приамурский генерал-губернатор, например, 21 декабря 1904 года в письме в Министерство внутренних дел отстаивал право евреев-фармацевтов практиковать в Забайкальской области ввиду «недостатка в области фармацевтов и того обстоятельства, что места аптекарских помощников и изучающих фармацию в аптеках области занимают почти исключительно евреи (выделено нами. – Л.К.)

и притом прибывшие из других мест, т.к. несмотря на сравнительно выгодные предложения содержателей аптек лица христианского исповедания из Европейской России не идут на эти места, а в самой области, за редким исключением, не находится желающих и среди евреев».⁸⁷ В ряде случаев это срабатывало. Например, в Якутской области по просьбе медицинского инспектора Вонгородского к управлению аптекой Якутской гражданской больницы был допущен аптекарский помощник Герш Хинчук, поскольку в Якутске и области вообще нет провизоров. Получивший образование в Берлинском и Бернском университетах, он сдал экзамен на звание аптекарского помощника в Харьковском университете. В Якутске он работал сначала бесплатно, потом за жалованье 480 рублей в год как помощник аптекаря, а впоследствии стал управляющим этой аптекой и получал 1200 рублей в год.⁸⁸

Только 29 декабря 1913 года губернаторами был получен ответ на годами задаваемый вопрос: можно ли оставить в губернии врачей-евреев, пользующихся правом повсеместного жительства, и имеют ли они право практиковать во всей Сибири, где границы их проживания - уезд или округ, в которых находится место их приписки, и изъятий из этих правил ни для каких категорий сибирских евреев не делается. Правительствующий Сенат разъяснил: ввиду того, закон о праве повсеместного жительства для евреев-медиков последовал не из желания изменить их правовое положение, а с целью привлечения лиц с медицинским образованием на службу в отдельных местностях, особенно в отдаленных губерниях и в Сибири, за евреями-врачами из уроженцев Сибири должно быть признано право на повсеместное жительство и медицинскую службу в пределах всей Сибири. Такое исключение для врачей из евреев «допущено законом, очевидно, во внимание к той пользе, которая ожидается для государства от медицинской деятельности, и оно тем большее применение должно иметь для Си-

бири, где врачебная помощь населению за сильно заметным недостатком врачей вообще очень мало развита».⁸⁹

Предоставленная льгота имела практическое значение как раз только для евреев-лекарей в Сибири, ибо во внутренних губерниях империи они и без того имели право жительства по образовательному цензу. Но она была половинчатой. Во-первых, ею пользовались только медики с высшим образованием. В делах Красноярского архива сохранился документ 1916 года, запрещающий ученикам Красноярской акушерско-фельдшерской школы из евреев, состоящих на причислении в Красноярском уезде, даже временно на летних каникулах работать в сельских врачебных участках других уездов, поскольку по Указу Правительствующего Сената от 29 сентября 1908 года местом свободного проживания для сибирских евреев считается лишь тот уезд, в котором они состоят на причислении.⁹⁰ Во-вторых, жить вне черты оседлости и свободно передвигаться аптекарские помощники, дантисты, фельдшера и повивальные бабки могли лишь при условии занятия своей специальностью, хотя ранее они имели право торговли и промыслов.⁹¹ Власти постоянно подозревали, что медицинский диплом – лишь средство для выхода за черту оседлости. Поэтому численность аптекарских помощников, повивальных бабок, фельдшеров, дантистов, а также изучающих эти специальности постоянно отслеживалась. Данные о том, на каком основании они здесь живут и занимаются ли своей деятельностью, собирались полицией по несколько раз в год.⁹² Хотя представителей этой категории евреев было немного (во всей Иркутской губернии, например, по данным на ноябрь 1901 года – 46 человек вместе с семьями: 21 в городах и 25 в уездах), и они, по донесениям инспекторов врачебных управ «по малочисленности их на преуспевание аптекарского и акушерского дела никакого влияния не имеют и причин, по которым представлялось бы желательным или нежелательным дальнейшее сохранение указанных льгот...не имеется».⁹³ Рост их численности искусственно сдерживался су-

ществующим законодательством: 10 октября 1893 года Министерство внутренних дел своим циркуляром потребовало ограничить число аптекарских учеников евреев 5 процентами от таковых христиан. Вышедшие вслед за тем циркуляры Медицинского Департамента от 22 и 23 декабря требовали, чтобы евреев - и учеников дантистов, и аптекарских - не принимать до тех пор, пока установленное Министерством внутренних дел процентное отношение их к ученикам из христиан не сделает такой прием возможным. При том, что далеко не все аптеки брали себе учеников, для евреев доступ к этому виду образования тоже был практически пресечен: к примеру, в Красноярске аптечному делу обучали только трех учеников в год и только в одной аптеке. А наличие в Енисейской губернии 5 евреев-учеников дантистов надолго лишало евреев возможности поступить на обучение этому делу. Возможность для обучения евреев теоретически могла появиться ввиду малого числа лиц других вероисповеданий, желающих учиться в аптеке, на что обращал внимание инспектор Енисейской врачебной управы, подобно тому как из-за нехватки врачей в Сибири евреи все же получали здесь право жительства.⁹⁴

Врачи составляли самую высокообразованную часть общины, ее элиту. Выпускники западных университетов, обладающие блестящими знаниями, они не гнушались работой в глухих уголках Сибири, где занимались просветительской деятельностью и пользовались уважением населения. Они быстрее всех воспринимали и распространяли новые идеи, именно из них как из наиболее образованной части еврейского общества чаще всего избирались казенные раввины.

4.2. Общественная, культурно-просветительская и благотворительная деятельность

Экономическая состоятельность, относительно высокий уровень образования, стремление не просто не быть отторгнутыми местным населением, но и повысить свою значимость в общественном мнении и завоевать хо-

рошую репутацию в обществе сформировали поведенческий стереотип членов еврейских общин, отличный от такового в черте оседлости: стремление вписаться в сформировавшийся общественный быт, органическое вхождение в жизнь городов и селений со всеми их проблемами и радостями и подчинение существующим в обществе неписаным законам. Еврейское общество стало частью сибирского, в общественной жизни евреи участвовали наравне с представителями других национальных групп населения, и в духовной жизни их активность была не ниже, чем в области хозяйственной. Эта сторона их деятельности, одобрявшаяся общественным мнением, была тоже родом борьбы за авторитет и стабильность.

Им не удалось избежать неприязни, через которую в той или иной степени прошли все чужаки. Ярким выражением этой неприязни стали «Деревенские письма» некоего М.З., который сетовал на засилье в Сибири иностранцев: «Зачем к нам, как в помойную яму валят и черкесов с Кавказа...и киргизов из Средней Азии, и жидов и цыган со всей России?»⁹⁵ Но это не было отражением широкого общественного мнения, хотя такая идеология была достаточно сильна в определенной среде, а только отдельной маргинальной группы. Г. Белковский, описывая тип сибирского еврея, отмечал, что евреи в Сибири не занимают обособленного положения. «В общественной жизни они являются типичными сибиряками, и никто не замечал никакой племенной вражды. Жизнь русских и евреев, частная и общественная, совершенно переплетаются, семейные и религиозные праздники справляются вкупе приятными кружками без различия вероисповедания. Обособливаются эти простые сердцем люди только для молитвенных отправлений, которые всеми одинаково уважаются».⁹⁶ На этот же указывал и Ю. Островский.⁹⁷

До принятия Городового положения 1892 года, запретившего евреям занимать должности в городском общественном управлении, они наравне со всеми исправно относились к различным службам. В Красноярске еще в 1867

году местные купцы и мещане категорически на этом настаивали и даже постановили обратиться в городскую думу с представлением о разрешении на будущее время избирать в общественные службы евреев как купцов, так и мещан, причисленных к городу. Енисейский губернский совет против этого не возражал, тем более что городские общества тогда были немногочисленны и приходилось избирать одних и тех же лиц по несколько раз.⁹⁸ В 60-80-е годы XIX века евреи избирались городскими старостами, гласными городской думы. В Чите, например, из 30 гласных городской думы, избранных в 1880 году на четырехлетие, было 5 евреев.⁹⁹ А иркутский купец I гильдии Семен Кальмеер служил городу в этом качестве восемь лет. Городскими старостами в Чите избирались Лейба Шмуилович и Зельман Помус, а в Иркутске - Леонтий Лейбович. В документах зафиксирован случай, когда читинский городской голова уговаривал Абрама Либермана принять обязанность гласного городской думы на срок 1888-1892 годы, поскольку избранные на эту должность Федор Черкасов, а позже и Степан Минин от несения обязанностей отказались.¹⁰⁰ Это, кстати, был последний срок, когда евреи могли занять должность в городском общественном самоуправлении: Городовое положение 1892 года лишило их этой возможности.

Избирались евреи на общественные должности и в сельской местности. Н. Бакштановский приводит факт избрания крестьянами одной из волостей, в которой жила единственная принадлежащая к их сословию еврейская семья, члена этой семьи в волостные головы. Но генерал-губернатор этот выбор отменил, хотя, как резонно замечает автор, совершенно непонятно, какая опасность может исходить от избрания еврея в волости, где на несколько тысяч душ приходится одно еврейское семейство?¹⁰¹ Этот факт избрания не был единичным. Несмотря на ущербность правового положения, согласно которому они не могли покинуть место причисления, евреи относили общественную службу в качестве сельских и волостных долж-

ностных лиц, что свидетельствовало об их авторитете в сельских обществах.¹⁰²

Ни одна из созванных в 60-е годы XIX века 170 губернских комиссий по еврейскому вопросу не высказалась за совершенное устранение евреев от деятельности, связанной с городским управлением. Более того, они отнеслись к предоставлению евреям права принимать участие в общественной жизни как к явлению вполне естественному и не вызывающему никаких сомнений, хотя система известного отчуждения евреев от христианского общества и ограничения их в избирательном праве не была исключена совершенно. Евреи в группе нехристиан согласно Городовому положению 11 июля 1870 года могли избираться в гласные и в члены управы в числе не более одной трети общего состава и только они одни не имели права быть городскими головами.¹⁰³ (В. Войтинский и А. Горнштейн упоминают, что в Балаганске местные жители несколько раз изъявляли желание избрать городским головой еврея, но по закону это было не положено).¹⁰⁴ Несмотря на то, что губернские комиссии и общественное мнение не имели ничего против участия евреев в городском управлении, а последние, составляя в числе гласных лишь треть, не имели решающего значения при выборе должностных лиц, опасения «вредного влияния на городское управление» родило к жизни Городовое положение 1892 года, согласно которому евреи не допускались к участию в городских избирательных собраниях, к занятию должностей в городском общественном управлении и к руководству отдельными отраслями городского хозяйства и управления. За ними осталась, по выражению Ю. Гессена, лишь «выходная» роль. Они были допущены к исполнению обязанностей городских гласных на особых основаниях: городские управы должны были вести списки евреев, которые на основании общих правил Положения, не будь они евреи, могли бы избираться в гласные, и из этого списка присутствие по городским делам по своему ус-

мотрению назначало гласных в числе, определенном министром внутренних дел, но не свыше одной десятой части общего состава думы.¹⁰⁵

Яркой иллюстрацией изменения общественного статуса евреев с введением нового Городового положения может служить такой факт: 12 марта 1892 года председатель Иркутского губернского суда Клопов пишет письмо Иркутскому генерал-губернатору Горемыкину, где выражает опасения по поводу утверждения пяти евреев присяжными попечителями по делам несостоятельности лиц купеческого сословия и тем самым сосредоточения столь важных обязанностей всецело в еврейских руках в городе Иркутске, «имеющем около 50 тысяч христианского населения, составляющем центр экономической и гражданской жизни в Восточной Сибири». Казалось бы, это не должно было иметь никаких последствий для евреев, законно избранных на эти должности. Но Правительствующий Сенат, слушавший вопрос о возможности занятия евреями этих общественных должностей в январе 1893 года, решил, что «они избираемы в списки лиц, из коих назначаются присяжные попечители, быть не могут».¹⁰⁶ Дело в том, что между письмом Клопова и решением Правительствующего Сената уже было принято новое Городовое положение, и эта должность попала в число тех, которые не могут занимать евреи, поскольку она, как должность судьи или городского головы, сопряжена с единоличной властью.

Отстранение от возможности принимать участие в судьбе своего города нанесло жестокий удар по самолюбию евреев, исправных плательщиков податей, в руках которых было от 20 до 25 процентов городских торговых оборотов и от 5 до 20 процентов недвижимой собственности. Но так же, как в экономике, они сразу же нашли выход своей общественной активности, работая в многочисленных обществах и благотворительных организациях.

Одной из таких организаций стал Комитет попечительства о тюрьмах, который был «еврейской» организацией практически во всех крупных го-

родах Восточной Сибири. Служить там для еврейского купечества было делом почетным и престижным. В Чите Братья Помусы были членами Попечительского совета о тюрьмах много лет: 20 лет состоял в звании одного из директоров комитета Залман Помус, заведовавший продовольствием для арестантов. После его смерти в должности директора утвердили его брата Михаила, который до этого был членом Попечительского совета 12 лет.¹⁰⁷ Более четверти века в качестве одного из директоров ведал заготовкой продовольствия для арестантов читинский купец Исая Шлезингер, причем все его заготовки обходились куда дешевле, чем покупка по базарным и подрядным ценам. К тому же он заведовал хозяйственной частью тюремной больницы. В Нерчинском попечительском о тюрьмах отделении в числе директоров работали Яков Андоверов и Фисель Риф. В числе директоров Верхнеудинского попечительского о тюрьмах отделения был купец Лазарь Пастернак. Директором Иркутского комитета попечительства о тюрьмах в течение нескольких лет был Семен Кальмеер, а в 1891-1897 годах он его возглавлял. Также традиционно патронессами дамских отделений попечительств о тюрьмах были еврейские купеческие жены. Жена Исая Шлезингера Сарра Матвеевна много лет председательствовала в дамском отделении Забайкальского областного попечительского о тюрьмах комитета. С ней работали жена купца I гильдии Любовь Андоверова и жена купца II гильдии Вера Френкель. Директрисами дамского отделения Иркутского попечительства о тюрьмах были Елизавета Патушинская и Мария Кальмеер, директрисами дамского отделения Губернского комитета попечительского общества о тюрьмах – Татьяна Кальмеер, Малка Лейбович и Ольга Воллернер.¹⁰⁸

Другой «сферой приложения» усилий деятельных еврейских купцов стали сиротские и совестные суды, в которых рассматривались - иногда очень щекотливые - имущественные и наследственные дела. Частота, с какой их членами избирали еврейских купцов, с полной определенностью

говорит об их серьезном отношении к своим обязанностям. В разное время добросовестными (т.е. членами Читинского совестного суда) были Исай Гиллер, Абрам и Пейсах Китаевичи, Матвей Либерман. Членами Читинского сиротского суда были Исай Гиллер и Абрам Либерман, Ачинского - купец Соломон Патушинский, Минусинского - купец Герш Вильнер.¹⁰⁹

Отдавая должное коммерческим способностям и порядочности в делах еврейских предпринимателей, их привлекали к службе, требующей экономических знаний. О доверии, которым пользовался читинский купец I гильдии Исай Шлезингер, говорит то, что более 14 лет он был членом учетного комитета при Читинском отделении Государственного банка, а позже и отделения Сибирского торгового банка. Управляющий Читинским отделением Государственного банка с полного одобрения военного губернатора представил членов учетно-ссудного комитета Шлезингера и Залмана Помуса к награждению золотой медалью для ношения на шее на Аннинской ленте.¹¹⁰ Членами учетно-ссудного Комитета Иркутского отделения Государственного банка были Яков Патушинский и Яков Фризер, членом Иркутско - Верхоленского окружного податного присутствия - иркутский купец Исай Файнберг, Енисейского уездного раскладочного присутствия по дополнительному промысловому налогу с торгово-промышленных и с золотопромышленных предприятий - Андрей Тонконогов и его сын Максим, а Минусинского - Герш Вильнер.¹¹¹

Весьма заметным было участие евреев в общественных собраниях. Уже в 1882 году в Иркутском коммерческом собрании, первом местном клубе, евреи составляли 10 процентов (16 из 160), а другой, более демократичный клуб - «Иркутское ремесленное собрание» - появился в значительной степени по инициативе евреев, которые вошли в число его официальных учредителей.¹¹² В числе старшин общественных собраний всех крупных городов исследуемого региона - Иркутска, Красноярска, Читы, Верхнеудинска, Якутска - мы находим известных еврейских купцов и представителей

интеллигенции, экономическая и общественная роль которых была признана и за пределами еврейских общин: иркутского врача Леонтия Зисмана, иркутского купца Самуила Кальмеера, адвоката Лазаря Шапиро, верхнеудинского купца Якова Рейхбаума, читинского купца Клеймана, врача Аарона Цейтлина, якутского купца Павла Блоха и других.¹¹³ А в Баргузине, где долгое время не было никаких общественных помещений, роль общественного собрания играл дом Новомейских, куда по вечерам заглядывал и уездный начальник.

По закону евреи были лишены возможности занимать должности ремесленного головы и цеховых старшин, но местные ремесленники избирали их то в качестве заведующих цехами, то учетчиками общественных сумм, то членами ревизионной комиссии. Историки Иркутской общины отмечали, что за 30 лет в среде иркутских ремесленников не было случая, чтобы они воспротивились избранию на общественные должности лиц иудейского вероисповедания.¹¹⁴

Пожалуй, не было ни одной общественной организации, которых насчитывалось несколько десятков – от обществ вспоможения приказчиков и обществ взаимного кредита до обществ любителей музыки и литературы, добровольно-пожарных обществ или покровительства животным, в деятельности которых не принимали бы участие евреи. Они входили в состав правлений, в советы, ведали кассой, а в ряде случаев и председательствовали в разных организациях, давая таким образом выход своей общественной активности.

Особой сферой ее проявления была культурно-просветительская деятельность, роль которой можно оценить двояко. С одной стороны, она была таким же бизнесом, как к примеру, торговля, способом вложения и зарабатывания денег. С другой - работая на удовлетворение духовных потребностей, повышала статус занимающихся ею, поскольку они станови-

лись в некоторой степени учителями и духовными наставниками общества, прививающими ему какие-то нравственные ценности.

Опыт евреев в этой сфере был скромнее, чем в торговле и промышленности. В нее евреи стали проникать гораздо позже, чем в другие отрасли, в которых они имели многолетний опыт, устойчивые традиции и не особенно боялись неудач. На наш взгляд, сказался устоявшийся стереотип, что носителем светской культуры в православном городе не может быть человек другого вероисповедания, тем более иудейского. Тем не менее их вклад в типографское дело и книготорговлю был заметен: в Чите в 1907 году из 9 типографий-литографий 6 принадлежали евреям, в Верхнеудинске из 15 типографий, фотографий, книжных лавок евреям принадлежали 4.¹¹⁵

Наиболее известными в типографском и издательском деле были Абрам Рейфович, основатель одной из первых типографий в Забайкалье, и Самуил Нодельман, поставивший печатное дело на высокий уровень и имевший широкую книготорговлю. Абрам Рейфович, изучив типографское дело в Западной Сибири и Европейской России и располагая необходимым оборудованием, решил открыть типографию в Верхнеудинске.¹¹⁶ К его прошению городская управа отнеслась сочувственно, поскольку для печатания документов типографским способом обращаться приходилось в Иркутск или Читу, а военный губернатор области сразу дал согласие, так как Верхнеудинский окружной начальник отрекомендовал Рейфовича как человека поведения безукоризненного, имеющего недвижимую собственность и занимающегося переплетным мастерством. Единственное условие, которое ему предъявлялось, - не печатать литературу на еврейском языке.¹¹⁷

По-видимому, городская управа поддержала идею и финансово, поскольку для открытия типографии Рейфовичу недоставало 1000 рублей. Во всяком случае уже в 1899 году, через год после подачи прошения, его ти-

пография дала первую продукцию. В ней печаталась и первая в Верхнеудинске газета «Верхнеудинский листок».¹¹⁸

Самуил Нодельман почти сразу стал компаньоном Рейфовича, а в 1903 году открыл собственную типографию. Обладая завидной предприимчивостью, он оборудовал полный комплекс для производства печатной продукции – от стереотипной до переплетной, открыл фабрику каучуковых штампелей, книжный и писчебумажный магазины. Его оптовый склад готовых бланков и амбарных книг был по существу единственным в Забайкалье. Его типография за качество продукции была удостоена двух золотых медалей.¹¹⁹

В книжной торговле у него были очень широкие связи. На его складах хранилась разнообразная научная и художественная литература не только на русском, но и на бурятско-монгольском языках - в частности, «Землеописание и обзор жизни бурят» Ц.Намсараева, «История русско-подданных бурят», «Потемба» и сборник «Дамапада», изданные в Петербурге монголо-бурятским книгоиздательством «Наран» и присланные в Верхнеудинск Агваном Доржиевым.¹²⁰ Опасаясь за содержание книг, власти отправили их в Кяхтинскую пограничную комиссию, в составе которой был переводчик с бурятского. Комиссия дала заключение, что «Дамапада» и «Обзор жизни бурят» - сборник отвлеченно-нравственных изречений, а оригинал, возможно, изложен по-санскритски в браминском вероучении. В заключении комиссии было сказано, что имена академика Ольденбурга, Руднева, Рамстедта и других участников издания, приводимые Агваном Доржиевым в сопроводительном письме, служат ручательством за благонадежность книг, после чего военный губернатор распорядился вернуть конфискованные книги, так как «они способствуют образованию и против шаманства».¹²¹

В 1907 года разрешение на типографию под фирмой «Преемник» печати «Прогресс С. Б. Нодельмана Г. А. Нодельман» получил брат Самуила Но-

дельмана Григорий, а год спустя он открыл первую типографию в Баргузине. В 1907 же году Абрамом Неером, приобретшим оборудование в Петербурге у фирма Г. Бертольд, была открыта типография в Чите. Он издавал газету «Летопись Забайкалья».

Владельцы типографий подвергались полицейскому преследованию и даже сидели в тюрьме за печатание запрещенной литературы и публикацию статей антиправительственного содержания в своих газетах. Верхнеудинский уездный начальник Афанасьев даже ходатайствовал перед военным губернатором о закрытии типографии и книжного магазина Нодельмана как человека неблагонадежного в политическом отношении: у него в январе 1913 года были конфискованы 40 брошюр, запрещенных к продаже и отосланных начальнику Читинского охранного отделения. Рейфович также сидел в тюрьме за то, что несколько номеров «Верхнеудинского листка» имели острую политическую направленность. За перепечатку статьи антиправительственного содержания был подвергнут трехмесячному аресту и Неер, после был вынужден на год выехать в Харбин. Однако нельзя с полной уверенностью сказать, что хозяева разделяли взгляды, отражавшиеся в печатавшихся в их типографиях изданиях. Скорей всего, они не вникали в содержание газет и брошюр, за которые были наказаны, и просто выполняли заказ для получения прибыли. В пользу этой версии говорит тот факт, что и Рейфович, и Неер не только довольно скоро вышли на свободу, но с их типографий был снят арест и им разрешили продолжать работу. Нодельман также был освобожден от суда и наказания за хранение нелегальной литературы, а Иркутский генерал-губернатор отменил постановление о закрытии его книжного магазина.¹²²

Члены еврейских общин охотно участвовали в работе местных просветительских обществ - «Просвещение», «Общедоступные курсы», «Знание». Практически в каждом из них евреи были либо председателями, либо секретарями. Например, в составе правления общества «Просвещение», кото-

рое открылось в Иркутске в 1907 году, работал Я.Д. Фризер, который к этому времени переехал из Баргузина в Иркутск. В Иркутском отделении общества изучения Сибири и улучшения ее быта председателем был Моисей Кроль, а секретарем – И. Гольдберг, председателем кружка музыки и литературы в Якутске был Я. С. Нейман, казначеем – П.Ю. Блох. В кружке читались лекции о русских писателях, занимался он и издательской деятельностью. В 1908 году вышел в свет «Первый литературный сборник в Якутске». В клубе приказчиков Якутска читались лекции для горожан. Особенно часто с лекциями по политэкономии, сбор от которых шел на строительство городской библиотеки, выступал Матвей Аронов. В городской газете «Якутский край» его выступления оценивались как весьма талантливые, в результате чего «сухой предмет получил чрезвычайно популярный характер».¹²³

Весьма заметным было участие евреев и в сфере развлечений – как в качестве организаторов зрелищ, так и на профессиональной и любительских сценах. В частности, сын верхнеудинского купца Евсея Цыгальницкого Яков открыл кинотеатр «Люкс» на центральной улице города Большой, на открытие которого пришел городской голова. Одним из наиболее популярных в городе увеселительных мест был театр Розенштейна на 252 зрителя, в котором ставили до 40 спектаклей в год.¹²⁴

Вклад евреев в сценическое искусство лучше всего иллюстрирует письмо антрепренера Иркутского городского театра Алексея Кравченко к иркутскому полицмейстеру, с которым он обратился после предписания о выезде из Иркутска артистов-евреев, не имеющих здесь права жительства. Антрепренер доказывал, что его антреприза – «предприятие, имеющее общественное значение», и просил распорядиться о предоставлении права временного пребывания в Иркутске артистам, которые служат у него в настоящее время и которых он собирается пригласить на будущий сезон, ибо «то общепризнанное явление, что большинство сценических деятелей,

равно как оркестр и хор, принадлежат к еврейскому племени, ставят предпринимателя в крайнюю необходимость приглашать таковых деятелей сцены». ¹²⁵ Когда в 1908 году Иркутский генерал-губернатор Селиванов потребовал удалить всех артистов-евреев из театров, клубов, ресторанов, увеселительные заведения обезлюдели. Только в оркестре городского театра играли 7 музыкантов-евреев. В результате выехать пришлось всем, кроме одного, который оказался сыном николаевского солдата. ¹²⁶

Кстати, свои музыкальные способности евреи демонстрировали и в армии в качестве музыкантов военных оркестров. В архивах сохранился любопытный документ о заступничестве командира 2-ого Сибирского батальона, базировавшегося в поселке Березовка Забайкальской области, за капельмейстера Корнблита. Хор под управлением последнего стал лучшим в Березовском гарнизоне. Но согласно секретному отзыву Главного управления Генерального штаба от 18 октября 1910 года евреи потеряли право занимать эту должность. Ходатайство командира ни к чему не привело, равно как и намерение Корнблита принять лютеранство ради сохранения этой должности: в штабе Иркутского военного округа пояснили, что понятие «еврей» разумеется в племенном смысле, независимо от вероисповедания, а потому держать на службе капельмейстера из евреев не представляется возможным. ¹²⁷

Любительская сцена тоже не обходилась без еврейских артистов, и каждый данный ими спектакль становился событием в городской культурной жизни. «22 июля в общественном собрании (Верхнеудинска. – Л.К.) был дан спектакль кружком юных любителей драматического искусства, - писало «Восточное обозрение». - Почти все они подростки, ученики разных учебных заведений, приехавшие сюда на каникулы из других городов. Поставлена была «Женитьба» Гоголя. ...Спектакль нужно считать вполне удавшимся. Особенно выделились игрой Л.Б. Клейман в роли Подколесина, г. Муниц – свахи и С.Б. Нодельман – Кочкарева». ¹²⁸ В созданном при

клубе приказчиков города Якутска самодеятельном театре евреи занимали все должности от директора и заведующего сценой до суфлера. Интересно, что пьесы из еврейской жизни были частыми гостями на любительских сценах Сибири. В Иркутске, например, была поставлена пьеса Макса Нордау «Два мира», прошедшая с большим успехом и удостоенная одобрительной рецензии в «Восточном обозрении». Даже характеристика автора как «убежденного сиониста» отнюдь не прозвучала осуждающе, напротив, отмечалось, что «лучшая сторона пьесы – это беспощадная злая критика того положения вещей, которые создали и создают гонимому еврейству культурные «христианские» народы. Эта-то сторона и имела, нам кажется, главным образом, успех среди иркутской публики при постановке пьесы на нашей сцене».¹²⁹ Хвалебной была и рецензия на пьесу Чирикова «Еврей», опубликованная под рубрикой «Театр и музыка»: «Пьеса Чирикова – это страстный, горячий протест против тех обид, унижений и несправедливости, которые в течение целых веков вполне незаслуженно выпадают на голову обездоленного еврейского народа вообще и евреев в России – в особенности».¹³⁰ С большим успехом пьеса шла и в Якутске. Впоследствии она была запрещена к постановке.¹³¹

Думается, такой репертуар диктовался не только тем, что евреи занимали ведущее место в любительских труппах, но и тем, что в среде демократической интеллигенции еврейский вопрос действительно стоял достаточно остро.

Степень участия евреев в благотворительной деятельности была не ниже их участия в местной торговле. Этот вид деятельности, помимо самореализации, которая особенно нужна людям самодостаточным, но при этом не имеющим равные со всеми возможности, более всего интегрировал их в местное общество, повышал их статус, делал полезными и давал признание, необходимое при их правовой уязвимости. Он растворял их в обществе при сохранении собственного лица, служил доказательством их патриот-

тизма, не давал замечать их «чужеродности». Благотворительность хорошо вписывалась в поведенческие стереотипы сибирского купечества.

Особенно заметен вклад еврейских предпринимателей Восточной Сибири в развитие образования. Иркутский купец Яков Домбровский приобрел в Иркутске помещение, где обучались грамоте дети бедноты. В 1873 году он открыл в Верхоленске первое женское начальное училище, для которого выстроил и оборудовал дом. Он же оказался единственным жертвователем в пользу училища, поскольку городское и окрестные крестьянские общества отказали в материальной поддержке его начинанию. Девочки всех национальностей и вероисповеданий долгое время обучались за счет иркутского еврея. В этом же году по ходатайству Якова Лейбовича и на его средства было открыто первое училище в Балаганске в специально выстроенном им для этого двухэтажном деревянном доме. В первое время он выдавал на содержание училища по 1000 рублей ежегодно. По ходатайству учредителя училищу было присвоено имя «Алексеевского» в честь великого князя Алексея Александровича, незадолго перед тем посетившего Сибирь. Лейбович получил от Государя и великого князя, именем которого было названо училище, благодарность, а Балаганское городское общество избрало Лейбовича почетным блюстителем школы. Но Министерство народного просвещения утвердило его «без предоставления права на какое-либо участие в делах этого училища по учебной и воспитательной части».¹³² Об участии еврейского купечества Иркутска в содержании коммерческого училища уже говорилось выше. Членами попечительского совета Нижнеудинской женской прогимназии в разное время были Иосиф Салманович и Вульф Варшавский, Читинской женской гимназии – Исай Шлезингер, Залман Помус и Леонтий Либерман. В архиве сохранилось письмо последнего городскому голове, где он дал согласие войти в число попечителей с ежегодным взносом 20 рублей.¹³³

Евреи систематически вносили пожертвования в больницы и переселенческие комитеты, приюты и богадельни, к примеру, в пользу Читинского детского и женского приюта ведомства императрицы Марии, Иркутского и Верхнеудинского городских приютов-богаделен для арестантских детей. В числе попечителей приюта арестантских детей в Иркутске была Елизавета Патушинская. Постоянным жертвователем, откликавшимся на любую нужду города, был Абрам Шепшелевич.¹³⁴ Более 20 лет жертвовал разные суммы на детей бедных почетный старшина Александринского детского приюта иркутский купец I гильдии Семен Кальмеер. Вместе с женой Татьяной Леонтьевной они были членами Иркутского благотворительного общества. Она к тому же вместе с Михаилом Шейнисом входила в попечительский Совет Иркутского детского сада. За благотворительную деятельность Татьяна Кальмеер даже была представлена Иркутским губернатором к награде.¹³⁵

Еврейские фирмы «Рубанович и Мордухович», «Штейнер и Сегель», «Капуста и Цугель» были членами Олекминского благотворительного общества, жертвовали на строительство Олекминского четырехклассного училища, Олекминского приюта.¹³⁶ В попечительских советах евреи состояли в качестве казначеев, работали врачами. К примеру, читинские врачи Григорий Криворучко и Аарон Цейтлин работали в попечительстве о доме трудолюбия. Врач Леонтий Зисман, много лет бывший попечителем о слепых, уговорил крещеного еврея Петра Кравца выстроить каменное здание общежития для слепых.¹³⁷

Одной из распространенных форм благотворительности были благотворительные и музыкальные вечера, которые купеческие жены устраивали в пользу детских приютов, а также ряда общественных организаций: Забайкальской общины сестер милосердия, общества Красного Креста, добровольных пожарных обществ. В частности, в Чите их регулярно проводила жена Шлезингера, в Якутске - супруги Павел и Софья Блох. Крупные сум-

мы в 50-100 рублей вносили еврейские купцы Рубанович, Мордохович, Штейнер. Еврейские благотворители всегда участвовали в сборе пожертвований в пользу детей и бедных по случаю рождества Христова по подписным листам, организовывали лотереи - аллегри в пользу приютов арестантских детей и богаделен, о чем регулярно появлялись отчеты в газетах.¹³⁸ Охотно помогали и в удовлетворении культурных нужд городов – создании музеев, строительстве театров. Купец I гильдии Исай Файнберг подарил книги Иркутской городской библиотеке. Учредителем бесплатной публичной библиотеки в Якутске был Павел Блох. На строительство каменного здания библиотеки и музея в Якутске внесли деньги купцы Цугель, Капуста, Рубанович, Мордохович, Блох и Фризер. Софья Блох участвовала в организации вечера, посвященного якутской культуре: на нем в пользу бесплатной народной библиотеки было выставлено около 100 картин самодеятельных художников, в том числе и еврейских. Свои коллекции музею Забайкальского областного отделения Приамурского отдела Русского Географического Общества подарили Яков Фризер и Иона Бронштейн, писаную масляными красками картину из жизни бурят отдал Фисель Риф.¹³⁹ Большую финансовую помощь оказали евреи Иркутска в строительстве театра взамен сгоревшего. Только три человека – Кальмеер, Файнберг и Воллернер внесли в общей сложности 2600 рублей. Деньги в пользу нуждающихся сибиряков, студентов Петербурга, отправляла семья Цукасовых и доктор Эльяшевич из Иркутска.¹⁴⁰

У Ю. Островского приводится интересный факт: когда в Чите некто предложил Читинскому обществу приказчиков пожертвовать свою библиотеку стоимостью 8 тысяч рублей с тем, однако, чтобы евреи не имели права пользоваться ею, и общество отказалось от дара на таких условиях, евреи в знак благодарности пожертвовали обществу 3 тысячи рублей на устройство своей библиотеки.¹⁴¹

Еврейская благотворительная деятельность стала еще более активной с началом первой мировой войны. В Якутске, например, уже в начале войны в октябре 1914 года горожане собрали 538 рублей для семей призванных в армию. 200 рублей из этой суммы поступило от еврейской общины.¹⁴² Был создан Дамский Комитет помощи, который собирал пожертвования в пользу раненых и беженцев. Евреи были в числе постоянных жертвователей. В составе комитета работала Софья Блох, которая регулярно устраивала спектакли в пользу Красного Креста.

Устройством евреев-беженцев занимались специально созданные еврейские общественные организации. В частности, Еврейский комитет помощи жертвам войны (ЕКОПО), общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России (ОРТ) и другие имели отделения в Иркутске. Было создано Забайкальское общество для оказания помощи еврейскому населению, пострадавшему от военных действий. Оно принимало беженцев, размещало их, детей определяло в школы. Комитет общества был в каждом городе – Чите, Нерчинске и других. На 1 января 1917 года в Чите из 2152 беженцев было 58 евреев.¹⁴³

Пожалуй, не было ни одной нуждавшейся в средствах организации – от Попечительства о слепых до Комитета помощи раненым и беженцам первой мировой войны, – в котором не участвовали бы еврейские деньги. Евреев среди жертвователей было не так много, но их взносы всегда были очень весомы. Например, на вечере в пользу читинского детского и женского приюта императрицы Марии, проведенном 20 февраля 1907 года, из пожертвованных сверх проданных билетов 112 рублей 21 рубль внес Исай Шлезингер. Это была самая крупная сумма. За 1908 год на воспитание бесприютных детей и подкидышей Читы 23 человека пожертвовали 427 рублей. Почти половину этой суммы - 200 рублей – внесли два еврейских купца Шлезингер и Самсонович. Практически на каждом благотворитель-

ном вечере пожертвование одного еврейского купца составляло до одной десятой всей пожертвованной суммы.¹⁴⁴

И. Попов, отмечая, что выдающихся благотворителей среди современного ему купечества нет, все же признавал вклад Патушинских в строительство театра, а Воллернера, Кальмеера, Штамбока – много сделавшими для евреев города.¹⁴⁵ Но, думается, он не совсем прав, и некоторые еврейские купцы без особой натяжки могут быть названы выдающимися благотворителями. Один из них – читинский купец Исай Моисеевич Шлезингер. Во время русско-японской войны он, имея запасы муки крупчатки и керосина, существенно сбил цену на оба товара, продавая муку по 2 рубля 40 копеек за пуд против существующей продажной цены 3 рубля 40 копеек, а пуд керосина – за 3 рубля 20 копеек против рыночной цены по 5 – 10 рублей за пуд, не допуская ее повышения. По таким ценам не продавал ни один коммерсант Читы. В результате сумма, которую Шлезингер сэкономил бедным и средним слоям читинцев, которые и были главными покупателями, вылилась в очень солидную цифру - 149948 рублей 8 копеек. Он дал городскому общественному управлению займы 10 тысяч рублей на очень выгодных условиях, без процентов, для организации продажи по низкой цене муки и мяса населению города. Также беспроцентно дал городу ссуду 2000 рублей для постройки каменных лавок. Об общественной деятельности на посту директора Попечительства о тюрьмах и попечителя Читинской женской гимназии, о членстве в учетно-кредитном комитете Читинского отделения Госбанка уже говорилось. Он также был председателем общества взаимного кредита в Чите. За благотворительную и общепользную деятельность по тюремному комитету и министерству финансов Шлезингер был награжден серебряной и золотой медалями на Станиславской ленте, двумя золотыми медалями на Аннинской ленте с надписью «За усердие» и золотой медалью с такой же надписью на Александровской ленте. Читинская городская дума, специальным постановлением от 16 ок-

тября 1909 года охарактеризовав Шлезингера как «образец представителя своего сословия», «безукоризненного общественного деятеля», чья «многолетняя коммерческая и общественная деятельность полезна для населения самого города и местной промышленности и торговли», возбудила ходатайство о предоставлении ему звания коммерции советника.¹⁴⁶ Очевидно, Шлезингер много сделал для города, если учесть настойчивость, с каким городское начальство добивалось для него вождя звание. Городской голова Саврасов даже был в Санкт-Петербурге у министра торговли и промышленности, обращался к военному губернатору области и депутату Государственной думы Волкову с просьбой походатайствовать о присвоении Шлезингеру этого звания в первую очередь.

Благотворительная деятельность баргузинского купца Якова Фризера была известна в Баргузинском уезде, Иркутской губернии, Якутской области. В 1898 году он пожертвовал 1600 рублей на постройку училища в Баргузине, за что был награжден серебряной медалью с надписью «За усердие». Спустя несколько лет для постройки нового здания училища он пожертвовал еще 1000 рублей. Для оборудования ремесленного класса выделил 100 рублей, на общественную библиотеку 500 и 300 обществу вспомоществования учащимся. Представив Иркутскому генерал-губернатору докладную записку об экономической и стратегической важности сухопутного пути от Читы до Баргузина и Байкала, Фризер пожертвовал 1000 рублей на поиски этого пути. Неоднократно снаряжал на свои деньги экспедиции по поиску золотоносных месторождений. В своем рапорте Баргузинскому уездному начальнику городской староста Баргузина характеризовал Фризера как хорошего гражданина, отзывчивого на всякое доброе дело.¹⁴⁷

На своих приисках Фризер выступал за обязательное страхование рабочих, доказывая целесообразность этого шага даже при внесении золотопромышленниками очень крупных сумм. Был очень чуток к религиозным

потребностям рабочих и весьма щепетил в вопросах чужой веры. На принадлежащих ему Королонских приисках построил православную церковь, за что Епископ Забайкальский представил его к званию Потомственного почетного гражданина.¹⁴⁸ Во всей Баргузинской тайге единственная церковь, где могли молиться русские рабочие, была построена евреем Фризером.¹⁴⁹ Он же платил жалованье священнику. После визита на Королонские прииски в 1900 году миссионер Курумканского стана отец Михаил Белоногов написал Фризеру благодарственное письмо за уважительное отношение, с каким тот относится к православной религии, за отпуск рабочих в дни православных праздников и неизменное радушие, какое он встречал на всех пяти станах Королона со стороны рабочих и управляющего приисками Соломона Гольцберга.¹⁵⁰ У себя на приисках Фризер открыл две начальные школы, где обучались 30 мальчиков и 10 девочек, а позже - Королонское училище, где он был почетным блюстителем. Построил он и больницу для рабочих на 20 кроватей: за год здесь лечились около 250 человек.¹⁵¹

Пожертвования Бориса Патушинского были столь значительны, что Комитет Министров просил у царя позволения на объявление благодарности именем Его Императорского Величества, и 19 декабря 1886 года согласие было получено.¹⁵² Правда, к этому времени Патушинский, приняв православие, фактически отошел от общины.

В своей общественной деятельности евреи не отступали от норм, принятых в обществе, и она практически ничем не отличалась от таковой православного населения. Даже нелояльная к евреям газета «Сибирь» отмечала: «Сибирское еврейское общество мало-помалу сливается с русским обществом... Что касается еврейской «изолированности», то она существует здесь настолько, насколько евреи встречают оттолкновение в среде русского общества».¹⁵³ Только в том случае, если общество, сея антисемитизм,

открыто угрожало евреям, еврейская общественная деятельность начинала переходить в политическую плоскость – к защите своих прав.

4.3 Политические настроения общин Восточной Сибири

В отличие от евреев западной части Российской империи, связывавших решение «еврейского вопроса» с успехом русской революции и в силу своего неполноправного положения и национального унижения «производивших» из своей среды революционеров,¹⁵⁴ сибирские евреи отличались некоей политической инертностью. Возможностью нарушить черту оседлости они исчерпывали свои чаяния, никак не связывая их со сменой государственного строя. Ю. Островский указывал, что сибирские евреи требуют только права передвижения, а не общегражданских и национальных прав, как российские.¹⁵⁵

Очевидно, одной из причин индифферентного отношения к политике были национальная терпимость и отсутствие почвы для антисемитизма. Причину этого В. Войтинский и А. Горнштейн видели в хозяйственных условиях Сибири, где отношения между обществом и администрацией содержали куда больше противоречий, чем между русскими и евреями.¹⁵⁶ Такой же точки зрения придерживался и Н. Астырев: «Привыкнув издавна видеть в своей среде ссыльных сектантов разных толков, затем – евреев, магометан, лютеран, католиков, приглядываясь к жизни и верованиям своих близких соседей – буддистов и шаманистов, он (сибиряк. – Л.К.) выработал известную веротерпимость взглядов; нельзя отрицать и того, что экономические условия, гораздо более благоприятные в Сибири, чем в России, не так энергично толкают местное население на путь страстного искания идеалов и «правды, ушедшей на небо».¹⁵⁷

При том безусловном влиянии, которое политические ссыльные оказали на развитие духовной жизни Восточной Сибири, еврейская масса практически осталась вне пределов этого влияния. Случаи, когда политические

ссылки еврейской национальности прибывали к общине, как например, Павел Блох, ставший одним из активнейших членов Якутской еврейской общины, были скорее исключением, чем правилом. К тому же Блох не пытался нести в общину идеи, за которые он оказался в ссылке, а, напротив, подчинился ее законам. Мы поостереглись бы считать типичным для общины явлением и образ жизни семьи Цукасовых, где хозяйка дома Мария Цукасова, принимавшая активное участие в жизни Иркутской общины, по воспоминаниям ее брата Моисея Новомейского, с одной стороны, вращалась в буржуазном обществе и была на коротке с Иркутским генерал-губернатором, с другой – принимала и прятала у себя социал-демократов и брала на себя любую черную партийную работу.¹⁵⁸ В доме Цукасовых часто устраивались вечеринки, на которых бывали ссылки Илья Ромм и Вигдор Мандельберг, будущий депутат Государственной думы от социал-демократов, по донесениям полиции, «неоднократно обращавшие на себя внимание как лица безусловно неблагонадежные в политическом отношении» и «поселявшие в умах местной молодежи мысль о необходимости борьбы с правительством».¹⁵⁹ Цукасов и врач Писаревский, по-видимому, предоставляли Мандельбергу свои квартиры, уплачивая за него квартирный налог, чтобы он мог избраться в думу по имущественному цензу, хотя оба это отрицали.¹⁶⁰ Но эти единичные случаи не оказали влияния на жизнь общин. В большинстве своем политические ссылки держались от общин в стороне, что отмечалось их правлениями. В частности, председатель хозяйственного правления Якутской еврейской общины, отправляя областному правлению именную ведомость прихожан Якутского молитвенного дома, оговорил, что «кроме всех поименованных в этом списке лиц, в городе Якутске имеются еще несколько евреев из административных ссыльных за государственные преступления, которые никогда не посещают молитвенный дом, никогда не обращаются к членам

хозяйственного правления молитвенного дома за чем бы то ни было и поэтому не известны мне и не занесены в вышесказанную ведомость». ¹⁶¹

Исследователями отмечалось слабое ориентирование сибирских евреев в расстановке политических сил и равнодушие к деятельности политических партий. ¹⁶² «Не говоря уже о еврейских социалистических партиях, не имеющих почвы, в среде сибирского еврейства не могли привиться и буржуазные партии, играющие вообще немаловажную роль в жизни русского еврейства, - писал Ю. Островский. - Средний еврей – обыватель Сибири не интересуется ни политикой, ни партиями. На выборах в Государственную думу его в большинстве случаев интересовала не партия, а популярность кандидата. Он поддерживал кандидатуру и «левого кадета», и социал-демократа (в Иркутске), не разделяя политических воззрений ни того, ни другого». ¹⁶³ По мнению историков Иркутской общины, местные евреи интуитивно скорее склонялись к умеренному либерализму, так как значительный их процент был самостоятельными хозяевами-предпринимателями, что делало еврейскую группу самой буржуазной их всех национальных групп в городе. ¹⁶⁴ Радикальные настроения находили для себя почву почти исключительно среди учащейся молодежи, которая часто даже не могла определиться в своих политических симпатиях, выступая просто против «несправедливости». К тому же она не пыталась привносить их в общину, а напротив, отрывалась от нее. ¹⁶⁵

Для еврейской общественной мысли Сибири были более характерны два постоянно боровшихся друг с другом течения: ассимиляторское и националистическое. Утвердившиеся в общепризнанной за ними экономической роли и добившиеся общественного положения, сибирские общины в своем стремлении «не высовываться» и раствориться в массе достаточно благожелательно относившихся к ним сибиряков вплоть до начала XX века делали выбор в пользу ассимиляторства. Значительную брешь в ассимиляторской идеологии пробил сионизм, распространившийся во всей Сибири

уже в первую половину 1900-х годов, - единственное политическое течение, вошедшее в практику общинной жизни.

Вопрос зарождения и распространения сионистского движения в Сибири в дореволюционный период остается до сих пор мало исследованным, а в некоторых ее регионах, в частности, в Забайкалье, не изученным вовсе. Найденные нами архивные документы позволяют в какой-то степени реконструировать процесс развития сионизма в крае и определить некоторые его региональные особенности.

Распространение сионизма в исследуемом регионе началось в 1901 году после массового приезда проповедников – магидов, как они назывались в полицейских донесениях, хотя отдельные сионистские издания попадали сюда и раньше через сочувствующих движению комиссионеров книжных магазинов, а в полицейских донесениях Файнберг еще в 1900 году упоминался как сборщик денег по акциям Еврейского колониального банка в Иркутске.¹⁶⁶ Инициатива приезда магидов исходила от евреев-сибиряков, уже увлекшихся идеями сионизма и рассматривавших Сибирь, а в особенности Забайкалье, как перспективную «площадку» для популяризации его идей, где «можно ожидать не только обильных взносов по шекелям, но и по акциям на сотни тысяч рублей».¹⁶⁷

По донесению Нерчинского уездного исправника, после выступлений магидов в молельных домах и еврейских школах «касательно сплочения еврейства и объединения капиталов для борьбы с угнетением евреев» среди последних стали появляться акции и временные свидетельства Еврейского Колониального банка в Лондоне. Не чувствуя поначалу никакой опасности и не подвергаясь полицейскому преследованию, евреи Забайкалья открыто носили значки на лацканах как «наружные признаки» принадлежности к обществу сионистов. В Иркутской синагоге заезжие проповедники, открыто укоряя местных евреев за то, что они никак не заботятся о поддержании своего национального самосознания и даже как бы стыдятся

быть евреями, призывали к воспитанию детей в духе еврейской культуры.¹⁶⁸

Министерство внутренних дел тогда еще не определилось, является ли рост сионизма благом или представляет опасность для режима, и заняло выжидательную позицию, предписав местным администрациям ограничиться наблюдением за деятельностью сионистских организаций, а Департамент полиции даже считал сионистское движение «идеалистическим и симпатичным по существу» и оценивал просветительскую деятельность сионистов как благотворную, обезопасившую еврейскую учащуюся молодежь «от возможности воздействия на нее антигосударственной пропаганды».¹⁶⁹ Однако ожидания властей от сионизма оставались призрачными, а опасность и в национальном, и в социальном плане становилась вполне реальной. Сионистское движение, имевшее в империи де-факто легальный статус, становилось все менее прогнозируемым. Правительство волновало, что обещанный сионистами массовый исход евреев не происходит, а в самой империи приобретает все новые оттенки и формы.¹⁷⁰ Поэтому политика государства в отношении к сионистам резко изменилась. В циркулярном письме Министерства внутренних дел от 24 июня 1903 года «О сионизме и еврейском национальном движении» указывалось, что сионистские организации, поставив себе первоначально целью содействие переселению евреев в Палестину для создания там самостоятельного государства, ныне...направили свою деятельность на развитие и укрепление национальной еврейской идеи, проповедуя сплочение в замкнутые организации евреев в местах их нынешнего пребывания. Направление это, будучи враждебно ассимиляции евреев с другими народностями, усугубляя между первыми и последними племенную рознь, противоречит началам русской государственной идеи и потому не может быть терпимо». Письмом предупреждалось об опасности сионизма, запрещалась пропаганда его идей в публичных местах и любая сионистская деятельность в империи, не направленная на

немедленный выезд евреев из России. Предписывалось воспрепятствовать деятельности сионистских агитаторов – «магидов» и денежным сборам на сионистские цели и пополнение «национального еврейского фонда». ¹⁷¹

О распространении движения, в частности, в Забайкалье, можно судить по сообщению военного губернатора Забайкальской области Надарова в Министерство внутренних дел 19 ноября 1903 года: «Сионистское движение проявилось в станице Сретенской Нерчинского уезда, в городе Нерчинске и отчасти в Чите. В остальных населенных евреями местностях области – в селе Кабанском, городах Баргузине и Верхнеудинске евреи в означенном направлении не проявили никакой деятельности»¹⁷². По данным Департамента полиции, в Верхнеудинске все-таки существовал кружок во главе с М. Гроссманом-Коганом, который предполагал собрать библиотеку сионистской литературы, устраивать публичные чтения, а также организовать подписку на акции. Очевидно, всерьез их не принимали. Верхнеудинский уездный начальник рапортовал, что в городе и уезде вовсе не было сионистских кружков или, по крайней мере, они никак себя не проявили.¹⁷³ Между тем, в печати открыто сообщалось о денежной помощи, поступившей в пользу жертв Кишиневского погрома в 1903 году от верхнеудинских сионистов. ¹⁷⁴

Особую активность, как говорилось в донесениях, в Забайкалье проявили евреи Сретенской и Нерчинска, где «почти все поголовно вступили в непосредственное общение как с кружками Сибири, так и Европейской России, представляя в последние на образование «Национального Еврейского Фонда» сбор по 40 коп. с каждой души мужского пола с целью развития и укрепления еврейского объединения».¹⁷⁵ Сбор стал проводиться с конца 1901 года, т.е. с того времени, когда сюда стали наезжать магиды, и здесь оказалось и наибольшее число подписчиков на акции. В рапортах и донесениях приставы I стана Нерчинского уезда Юринского, на территории которого находилась станица Сретенская, Сретенского станичного правле-

ния, Нерчинского уездного начальника и Читинского полицмейстера назывались имена наиболее активных членов организации, сборщиков шекелей и распространителей акций Еврейского Колониального банка – представителей местного купечества и интеллигенции. В частности, Сретенское станичное правление указывало на резника и учителя еврейской школы Илью Гершгорина, который «по своим обязанностям довольно часто отлучается из станицы и почти наверняка в эти отлучки производит сбор денег и пропагандирует идею сионизма в других местах».¹⁷⁶

Первые нелегальные сионистские кружки в Иркутске были организованы в 1903 году. По данным полиции, здесь существовало общество сионистов, разделенное на два кружка с отдельным комитетом в каждом, председателями которых были Иона Гольдберг и Яков Шимановский. Судя по бумагам, обнаруженным во время обыска квартиры последнего, они имели переписку с представителями Колониального банка в Лондоне.¹⁷⁷ В Красноярске центр тяжести движения, по-видимому, был сосредоточен в обществе врачей Енисейской губернии. У полиции были основания подозревать врачей в противоправной деятельности, поскольку те проявляли сочувствие к политическим арестантам, помогали им получать передачи, а заведующий тюремной больницей врач Гинсбург устраивал им свидания прямо в тюрьме. Приезд магидов в Красноярск укрепил их подозрения. О приезде сюда из Берна студента Мосельзона, который «взволновал Красноярское общество речами о сионизме», полиция узнала из письма агента за подписью «Май». В донесении также указывалось, что Мосельзон, «разъезжающий по городам и весям Сибири, собирает сионистов и произвел колоссальное впечатление на публику». В число подозреваемых попали заведующий аптекой провизор Иосиф Гефтер, директор фельдшерской школы Матвей Фельдман, врачи Моисей Тонконогов и Моисей Хейсин.¹⁷⁸

Сионисты оказали большое влияние на общины, приняв деятельное участие во внутриобщинной жизни: они взяли под контроль обучение в хеде-

рах, устраивали вечера и публичные чтения и вообще всячески содействовали оживлению общинной жизни. Всего по Сибири было продано акций на несколько десятков тысяч рублей.

В 1903 году в Томске состоялся съезд сибирских сионистов, на который съехались делегаты из Иркутска, Омска, Томска, Читы, Красноярска, Канска, Каинска, Баргузина, Боготола, Мариинска, Нерчинска. На съезде решили собирать всесибирские съезды раз в полтора-два года, но последующие события и русско-японская война приостановили деятельность сибирских сионистов.¹⁷⁹

После циркулярного письма Министерства внутренних дел, почувствовав опасность, евреи стали более осторожны: значки с лацканов исчезли, и вечера по сбору денег перешли на «нелегальное положение». К примеру, в Нерчинске негласно было утверждено Нерчинское еврейское собрание, выделившееся из Нерчинского общественного городского собрания, и сочувствующие сионизму собирались в частных домах под видом танцевальных вечеров, чтобы усыпить бдительность полиции.¹⁸⁰

Интересно, что если на уровне губернаторов сионизму придавалась политическая окраска как «движению, в основе своей имеющему чисто революционные цели», и способному оказать революционизирующее влияние на русское население, а собираемыми для сионистских целей деньгами оказать поддержку русским революционным партиям, то уездные и казачьи начальники были более обеспокоены ростом экономического влияния евреев, «опасному соединению еврейских капиталов с эксплуатационными целями», что позволит им «опутать своими сетями местное население и тем подчинить беспрекословно своей воле», «убить всякую экономическую жизнь населения и забрать таковую в свои руки».¹⁸¹ Наиболее четко эти точки зрения были выражены военным губернатором Забайкальской области Надаровым и атаманом 3-его военного отделения Забайкальского казачьего войска. Надаров 19 ноября 1903 года писал в Министерство

внутренних дел: «...движение это, как в основе своей имеющее чисто революционные цели, должно быть признано безусловно вредным. Евреи, объединяясь под знаменем сионизма в тесно сплоченные организации, показывают совместно живущему с ним русскому населению, что такое объединение с их стороны вызвано противодействием правительственной власти, которая, по их рассуждениям, своими репрессивными мероприятиями стремится к полному угнетению еврейской нации в ее личных и имущественных правах. Такого рода идеи, распространяемые евреями среди русского населения, производят на последнее самое деморализационное действие».¹⁸² Атаман, в свою очередь, в письме военному губернатору так оценивал сионистскую опасность: в г. Нерчинске сионистских кружков открыто не существует; но несомненно все проживающие здесь евреи не только платонически сочувствуют целям сионистских обществ в европейской России и заграничных, но и помогают им материально по примеру ст. Сретенской, где все евреи обложены денежным сбором «на общее еврейское национальное дело» - «не только для возрождения еврейского государства в Палестине, но и другие более реальные цели – борьба на экономической почве с христианами вообще и с русскими в особенности, дабы в результате «христиан» (гоев) сделать рабами (в экономическом отношении) сынов Израиля, хотя бы даже в отдаленном будущем. Это цель жизни каждого истого еврея».¹⁸³

Очевидно, сионистская опасность на тот момент была сильно преувеличена. Во всяком случае, властям удалось ликвидировать ее одномоментно и без особых хлопот: в Сретенской были изъяты имеющиеся на руках акции Еврейского Колониального банка (арестовать собранные денежные суммы не удалось, так как они уже были отправлены в Москву и Киев), у всех руководителей сионистских организаций были взяты подписки, что они отказываются от руководства и поддержки этого движения и прекращают подушный шекельный сбор, у членов духовного правления религи-

озной общины - в том, что в синагоге кроме отправления богослужения не будет произноситься никаких речей, «клонящихся к привлечению слушателей в ряды сионистского движения», а у учителя открытой при синагоге Сретенской еврейской школы Гершгорина - о том, что в ней, кроме преподавания религиозного учения, не будет никакой пропаганды идей сионизма.¹⁸⁴ Нарушившим подписку жителям Сретенской грозило выселение. Такие же меры были приняты и в Чите, после чего, как видно из рапорта Читинского полицмейстера, «деятельность кружка в лице главным образом Шапиро, если и не прекратилась, то начала значительно падать...По крайней мере спрос...на сионистскую литературу значительно сократился и стали раздаваться голоса об утопичности проповедываемого сионистами учения, и большинство еврейской молодежи перешло в «другие лагеря» – надо полагать, примкнуло к организации, преследующей чисто политические цели».¹⁸⁵

В Иркутске член сионистского кружка некто «Гдалий» в изъятом полицией письме сообщал Элле Левенсон во Фрейбург: «В Иркутске теперь стоит страдная пора. Обыски без конца. Ныне, например, в одну ночь были обыски чуть ли не у всех евреев-гимназистов, нигде ничего не нашли. Только у философа Винника взяли его дневник под глубокомысленным названием «Беседы с совестью», в котором, говорят, есть много указаний на деятельность различных лиц. Что будет дальше – неизвестно, а пока в городе в тревоге, ждут обыска лица, не принимающие никакого участия в социальной работе или сионистической, но посмеявшие читать национальные еврейские газеты или еврейскую историю».¹⁸⁶ Врач красноярской тюремной больницы Гинсбург распоряжением Иркутского генерал-губернатора был уволен.¹⁸⁷

В Иркутске, который власти обоснованно считали крупнейшим центром сионистского движения в Сибири, общая численность членов сионистских кружков достигала 700 человек.¹⁸⁸ Но обнаруженные полицией списки

сионистов и число изъятых акций в Забайкалье не позволяют делать выводы о размахе здесь сионистского движения. В Чите в состав кружка сионистов входили 49 человек. В Сретенской было изъято всего семь свидетельств Еврейского Колониального Банка на 21 акцию, хотя не исключена правота Нерчинского уездного начальника, заподозрившего, что в действительности акций было значительно больше, и евреи утаили их из боязни конфискации.¹⁸⁹ Но возможностью остаться в станице они, похоже, дорожили больше, чем национальными идеями. Во всяком случае, в дальнейшем они ничем не обнаруживали политической активности, в своих объяснительных записках открестившись от каких бы то ни было симпатий к сионистской идее. В частности, выпускник юридического факультета сын купца Якова Андоверова Захар написал, что никогда не состоял и не состоит членом общества сионистов, не может в этом смысле чувствовать за собой вины и даже настаивал на дознании - на чем основано и какими фактами подтверждено его там якобы участие. «Не симпатизируя по идее означенному движению, я и фактически не мог принимать участия в нем уже потому, что проживаю в Сретенской после окончания курса университета всего один год, в течение которого поездки по торговым делам отца занимали более 6 месяцев».¹⁹⁰

Лишенные подпитки извне (в 1903 году магида в Забайкалье уже не приезжали), запуганные властями, забайкальские евреи быстро свернули всякую деятельность в этом направлении. Шекельный сбор прекратился, был ликвидирован еврейский клуб в Нерчинске. «В данное время, - пишет Нерчинский уездный начальник военному губернатору области 10 сентября 1903 года, - в Нерчинске нет сионистских кружков... ввиду признания Правительством сионистского движения вредным, местные евреи стараются показать, что они или вовсе не сочувствуют этому движению или окончательно отреклись от сионизма...». Сионисты были настолько напуганы, что перестали устраивать даже традиционные вечеринки из опасения, что

их заподозрят в возобновлении запрещенной деятельности.¹⁹¹ Один из наиболее активных распространителей акций в Сретенской Самуил Вейнерман бежал в Аргентину.¹⁹²

Сибирские почитатели сионизма, по крайней мере на первых порах, значительно отличались по менталитету от таковых в черте оседлости. Последние, хотя и создавали общества палестинофилов не для немедленного возрождения еврейского государства, а для финансовой поддержки эмигрантов с целью колонизации Палестины, все-таки были полны стремления ускорить национальное возрождение.¹⁹³ В Забайкалье же, например, вопреки донесениям полицейских чинов о «поголовном сочувствии», за исключением немногих увлекшихся, еврейская масса отнеслась к сионистской идее достаточно равнодушно. Рассчитывавшие на многотысячные денежные вливания забайкальских евреев сионисты сделали экономически верный расчет: забайкальские евреи были весьма состоятельными людьми, контролировавшими ряд отраслей экономики. Но они не могли предусмотреть, что их идеи упадут на плохо «унавоженную» почву. По мнению историков Иркутской общины, практические сионистские лозунги мало занимали умы сибирских прозелитов, так как успех сионистской идеи предполагает наличие определенного «быта», который был в черте оседлости, но отсутствовал в Сибири.¹⁹⁴ По мнению Нерчинского уездного начальника, «сибирским евреям живется настолько хорошо, что ни в какую Палестину они добровольно не пойдут».¹⁹⁵

Для сибиряков, по крайней мере сначала, сионизм был привлекателен как воскресшая мессианская идея – и только. Интенсивное создание сионистских кружков отнюдь не свидетельствовало об их эффективной деятельности. В делах Департамента полиции сохранились замечания некоего Ноэхима Миркина: «Практические кружки нашей большей частью бездеятельны, ... делом, т.е. сбором шекелей и акций занимаются отдельные лица, или, в лучшем случае, особые комиссии. Живой работы, которая будила

бы самосознание, перевоспитывала – нет. Обвинить сионистов в этом печальном явлении едва ли возможно, большинство записывающихся в члены практических кружков, люди пожилые, которые не могут или не хотят отдавать свое время сионизму. В результате – народ сочувствует, охотно дает шекель, подписывается на акции, но его внутренний мир остается тот же, его самосознание глухо спит; что же касается молодежи, то она очень далека, по-прежнему, не только от сионизма, но и от еврейства. Приходится каждый день убеждаться, что шекели и акции недостаточны для возрождения народа».¹⁹⁶

Сибирь к политическому и духовному сионизму (по классификации С. Дубнова)¹⁹⁷ добавила свою разновидность - назовем ее прагматическим сионизмом. Желание помочь братьям по вере соседствовало с не менее горячим стремлением к получению прибыли. Забайкальские евреи, к примеру, охотно подписывались на акции Еврейского Колониального Банка, но похоже, больше из-за ожидаемой коммерческой выгоды, чем по политическим мотивам. По мнению Нерчинского уездного начальника, если бы евреи имели гарантию возвращения денег за акции, то сами передали бы их в руки властей. Они были уверены, что по отобранным у них акциям правительство востребует деньги из Еврейского Колониального банка и вернет им.¹⁹⁸ При сомнении в выгодности сделки акции распространялись с трудом. Сретенское отделение Сибирского Торгового Банка 30 ноября 1903 года донесло военному губернатору, что в 1901 году «фирма «Братья Уриксон» в Москве выслала в здешнее отделение банка 46 сертификатов на 100 акций Еврейского Колониального Банка, из которых взято 29 сертификатов, остальные 17 за не востребованностью отосланы обратно. В текущем году та же фирма выслала для вручения Гершгорину 25 акций, из которых он взял 3, остальные 22 были отосланы обратно».¹⁹⁹ Сионистская идея для забайкальских евреев осталась, по выражению Читинского полицмейстера, «модностью вопроса» и желанием приверженностью ей

«приобрести популярность среди евреев».²⁰⁰ Ее носителями оставались лишь несколько весьма состоятельных купцов, более информированных в силу частых разъездов и достаточно широких контактов.

Своеобразным водоразделом, изменившим менталитет сибирских евреев, стал 1905 год. Погромная волна, охватившая 126 городов России и затянувшая в кровавую мясорубку десятки тысяч человек, докатилась до Сибири, в один день разрушив мирную спокойную жизнь сибирской провинции.²⁰¹ Русская действительность шире и острее чем когда-либо поставила вопросы национального самосохранения и достоинства. По мнению историков Иркутской общины, с этого времени ассимиляторство больше никого не могло удовлетворить. Та часть еврейской интеллигенции, верившая, что решение еврейского вопроса может стать только следствием решения общеполитических вопросов, признала за решением вопросов о праве на национальное самоопределение самостоятельную ценность.²⁰² Ю. Островский отмечал, что сибирские евреи, до сих пор мало менявшиеся в смысле поднятия национального самосознания, несмотря на погромы, высылки и избиения, за последние годы переживают некоторый национальный подъем.²⁰³ Власть вынуждена была признать, что всплеск сионизма — ничто иное, как реакция на антисемитизм.²⁰⁴

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы прямо не подтверждают широкого распространения сионистского движения в исследуемом регионе после 1905 года. Даже напротив, забайкальская администрация, к примеру, пребывала в полной уверенности, что сионистское движение подавлено еще в 1903 году «отобранием подписок у его членов». В Чите, по донесению Читинского полицмейстера, в 1909 году при обыске у бывшего активного члена сионистского движения Аарона Шапира было изъято около 20 пудов даже не распакованной за ненужностью литературы, тогда как ранее она пользовалась большим спросом. Очевидно, литература эта была прислана давно, так как никакой переписки обнаружено не

было. Сам Шапиро к этому времени был старым, больным человеком, не совсем адекватно воспринимающим происходящее, и потому от полицейского преследования освобожден, а полицмейстер в своем рапорте указал, что сионистского кружка в Чите не существует.²⁰⁵ О том, что сионистское движение полицией здесь больше всерьез не воспринималось, говорит и тот факт, что найденные у Шапиро бумаги долгое время чиновниками не рассматривались и не систематизировались как, на их взгляд, не представляющие интереса.²⁰⁶ Однако косвенные данные свидетельствуют о том, что сионисты оставались достаточно влиятельной силой в сибирских еврейских кругах, но действовали теперь весьма осторожно. В пользу этого говорит, во-первых, донесение Сретенского станичного правления, сетовавшего на то, что дело сионистами «ведется умело и в полном секрете, так что проникнуть и узнать учение и идею сионизма не представляется возможным в полном объеме», и Нерчинского уездного начальника, что все «совершенно секретные» бумаги и мероприятия Правительства по этому поводу быстро становятся известными здешним и Сретенским евреям.²⁰⁷ Во-вторых, тот факт, что читинские купцы Исай Шлезингер, Исаак Помус и Эхиил Шерих по ходатайству того же Шапиро получили листы «Золотой книги», очевидно, за крупные пожертвования, а в 1906 году, когда считалось, что сионистской организации в Чите уже нет, перед Центральным сионистским комитетом в Вене возбуждалось ходатайство о выдаче Шлезингеру особого диплома.²⁰⁸ В-третьих, в рапорте прокурора Красноярского окружного суда прокурору Иркутской судебной палаты от 18 марта 1914 года о ликвидации местной сионистской организации упоминалось, что при обыске у председателя кружка ученика местной мужской гимназии Ицхока Розенштока, секретаря кружка Вульфа Свирского и казначея Ихиеля Марксона обнаружен литографический отчет поступлений от сионистских организаций в Иркутске, Баргузине, Верхнеудинске, Канске, Ачинске, Харбине, Петровском Заводе, Мысовске, Чите, Бодайбо, Томске,

Красноярске, Нерчинске за 1913 год в сумме 3903 рубля 80 копеек с отдельными рубриками прихода по статьям «Шекель. «Обложение» «ЦФ» (вероятно, центральный фонд), «НБ» (Нац. Банк или бюро), «Койрес» и т.д. и с отметкой, что в отчете Харбина имеется еще 900 рублей, собранные на издание еврейского поэта. При обыске нашли также брошюры на еврейском языке, счета от магазина «Эзро» за сионистскую литературу, марки с видами Палестины и портретами деятелей сионизма, сионистские значки в виде шестиугольной звезды с надписью «Сион», кружку-копилку со знаком «Сион» и еврейскими надписями для сбора пожертвований на сионистские учреждения, письмо Главного фонда с палестинской маркой от 14 января 1914 года о получении из Красноярска из местной сионистской организации первого взноса 193 руб. 25 коп., брошюры «Сионизм и социализм», «К вопросу о нашей политической платформе» и т.д.²⁰⁹ И, наконец, в пользу существования сионистских кружков в Восточной Сибири, в том числе и в Забайкалье, говорят сводки агентурных сведений Иркутского жандармского управления по Восточно-Сибирскому районному охранному отделению за январь 1914 года. Согласно этим документам сионисты имели достаточно разветвленную организацию с окружным комитетом в Иркутске, созывающем общие собрания после предварительного обсуждения в группах по крайней мере раз в месяц. Неоднократно в сводках упоминался один из лидеров сионистского движения в Сибири Моисей Новомейский, который в 1914 году, вернувшись из Англии, выступил в Иркутске перед местными сионистами с докладом о последнем конгрессе, на котором он был делегатом от Иркутска, после чего выбыл в Забайкалье. Жандармерия сетовала на то, что схватить Новомейского за руку трудно: при себе он не имеет ничего компрометирующего, а оправдать свои поездки всегда может тем, что имеет завод в Енисейской губернии и прииски в Забайкалье.²¹⁰ Между прочим, за два года до того Новомейский в Баргузинском общественном собрании выступал с докладом о Палестине, из кото-

рой он недавно возвратился. Сборы, превысившие 70 рублей, поступили в городское училище на создание дополнительных ученических мест.²¹¹ Есть основания полагать, что кроме просветительских и благотворительных Новомейский преследовал и вполне определенные задачи пропаганды будущей жизни в Палестине.

Однако мы не разделяем эйфории Войтинского и Горнштейна по поводу всеобщего «прозрения» сибирского еврейства и повального его увлечения сионистским движением после 1905 года. Будучи сами активистами этого движения, авторы распространили собственное настроение на всю сибирскую еврейскую общественность. На самом деле сионизм, хотя и был наиболее популярным политическим течением в сибирском еврействе, увлек лишь «верхний» слой купечества и часть интеллигенции. Основная масса еврейства оставалась к нему равнодушной.

Но актуальность пропагандируемых сионистами идей в Сибири получила свое подтверждение в 1916 году: еврейский погром произошел в Красноярске.²¹² Как указывалось в материалах Департамента полиции, местная полиция к установлению порядка не применила никаких решительных мер, и даже возвращение из Иркутска губернатора Гололобова несколько не содействовало прекращению беспорядков, хотя, по свидетельству пострадавших и случайных прохожих, достаточно было десятка-двух городских, чтобы прекратить погром и грабеж и арестовать зачинщиков.²¹³ Успокоившиеся было после 1905 года антиеврейские настроения, в 1915-1916 годах подогреты антисемитской прессой, вновь овладели определенной частью общества. Война, дороговизна и якобы пособничество евреев врагам сделали направление на них общественного недовольства совсем простым делом. Интересно, что Департамент нигде ни словом не упоминает, что погром еврейский. При передаче донесения из Сибири в центр национальная окраска действий вообще исчезает и все выглядит как акт хулиганства, направленный погромщиками не столько против евреев, сколько вообще к

«возбуждению беспорядков». Хотя погромная волна прокатилась и по другим городам Сибири.

По-видимому, к этому времени в Сибири перестали считать сионистов силой, представляющей опасность для государственного строя. По отношению к ним власти не предпринимали никаких решительных действий, ограничиваясь слежкой. Правда, в Красноярске четверо организаторов сионистского кружка Эхиель Марксон, Перец Мушат, Вульф Свирский и Ицхок Розеншток попали под суд. Красноярский окружной прокурор Иванов настаивал, что «сионизм... в свою программу текущего момента внес необходимость участия в общей пролетарской борьбе в странах «Галуса» (так в тексте. – Л.К.),²¹⁴ т. е. изгнания. Приведенное, естественно, меняет физиономию данной организации».²¹⁵ Делом заинтересовалось Министерство юстиции, I Департамент в январе 1915 года запросил материалы у прокурора Красноярского окружного суда для доклада министру юстиции. Но, несмотря на то, что все четверо, «состоя членами организованной ими «Красноярской группы сионистов», преследующей национально-политические цели, производили денежные сборы для партии сионистов», судом они были оправданы.²¹⁶ Имеются сведения, что незадолго до этого начальник Енисейского губернского жандармского управления интересовался у начальника Иркутского губернского жандармского управления, чем закончилось у них дело о 18 сионистах, так как подобное возбуждено во вверенном ему управлении.²¹⁷ К сожалению, нам не удалось найти документа, отвечающего на этот вопрос.

Возможно, оправдание красноярских сионистов диктовалось общей сменой настроения. В ряде аналогичных случаев в Европейской России и вовсе прекращалось уголовное преследование за принадлежность к сионистскому сообществу. К тому же активность российских сионистов и их денежные сборы значительно снизились, что отмечалось в воззвании, обнаруженном в портфеле у одного из членов сионистского кружка.²¹⁸ К тому

же у администрации Сибири появляется новый враг в лице социалистических партий.

В 1915-1916 годах в городах Сибири оседает несколько тысяч беженцев и выселенцев евреев, среди которых преобладают рабочие и ремесленники. Усиливается и приток административных ссыльных из черты оседлости, а также концентрация в городах ссыльнопоселенцев, в большинстве своем рабочих, служащих и ремесленников. С появлением этих групп в более крупных городах возникают подпольные организации национально-социалистических еврейских партий: Бунд, сионистов-социалистов и «По-алей Цион». Однако многочисленными они не стали. В частности, в Иркутске, где организаторами бундовской группы стали осужденные по делу Бунда Я. Баум, А. Винокамень, О. Меер и другие, к февралю 1916 года она насчитывала около 60 человек.²¹⁹

Заметных изменений в социальной структуре сибирского еврейства или их общественно-культурной жизни с появлением этих групп не произошло. Симпатии сибирских евреев всецело остались на стороне сионистов, что подтвердилось и в 1917 году на первых же повсеместно проводившихся общинных выборах, где они одержали убедительную победу.²²⁰ Это было объективно обусловлено идеологией их движения, тактикой и стратегией деятельности в регионе, а также условиями формирования еврейского общества Сибири. Бундовцы, основные оппоненты сионистов, появились в Сибири только в 1915 году с притоком беженцев и выселенцев, носителей традиционной субкультуры еврейской черты оседлости. Сибирские же евреи сформировались в иной общественной и социально-культурной среде, нежели их западные единоверцы, и были далеки от идей социализма. Угнетенным национально более, чем социально, им были ближе общедемократические ценности, провозглашенные сионистами. По мнению исследователей, «чрезвычайная острота вопроса о правах и вообще о будущем всего сибирского еврейства вынуждала к сплочению. Но

сплотить таких людей, дать перспективу могли организации, в идеологии которых заложена склонность к сглаживанию социальных конфликтов».²²¹ Бундовцы, делавшие главный акцент на социальном признаке при выделении интересов общинников, не способны были их консолидировать.

Успех сионистов среди еврейского населения региона во многом объяснялся и их конкретной деятельностью: они были лучше организованы, имели четкую программу действий, у них была отлажена связь с центральными органами движения. Известный историк еврейства С. Дубнов отмечал, что сила сионизма не в политических целях, а в самом факте организованности.²²² Сионисты могли внести устойчивое организующее начало в благотворительную, юридическую и другую помощь людям в атмосфере всеобщей неуверенности и бессилия перед антиеврейской политикой государства. Не последнюю роль сыграло и более раннее проникновение идей сионизма в регион: ко времени появления здесь Бунда сионистские ценности успели уже «отложиться» в сознании евреев Сибири.

К тому же в отличие от бундовцев сионисты с самого начала действовали через общину, сосредоточив все усилия на внутриобщинной работе. Они рассматривали еврейские учебные заведения как площадки для обкатки своих идей, а учащихся – как их проводников и потому очень интересовались обстановкой в них и качеством преподавания.²²³ А высокая степень включенности сибирских евреев в общественную жизнь, деятельное участие в культурно-просветительских организациях подготовили платформу для развития именно этой идеологии. В борьбе двух течений, разделивших передовую часть еврейства на «искавших желанного пристанища и конца многовековых страданий» в сионизме, и увидевших в нем лишь «проявление узкого национализма, не указывающего пути к устранению зла более сильного – эксплуатации трудящихся масс кучкой буржуа», в Сибири победили первые. Победили, главным образом, потому, что вторые были более интернационалистами, чем евреями.

Итак, на рубеже XIX–XX веков с ростом экономического влияния еврейских общин Восточной Сибири становится заметной их потребность в самореализации в общественной деятельности. После отстранения от участия в городском самоуправлении возможностью проявить свою общественную активность оставались благотворительность и работа в многочисленных общественных организациях, в большинстве из которых евреи сразу заняли руководящие должности. Объективно этому способствовали рост уровня образования сибирских евреев и появление общинной интеллигенции - с одной стороны, и их желание включиться в общественную деятельность сибирских городов и готовность общества принять их и в этом качестве – с другой. Высокая активность евреев в общественной жизни региона повышала их значимость в обществе и создавала у них иллюзию правового равенства.

В целом политически индифферентные, еврейские общины к началу XX века определились с политическими симпатиями. Из общественных движений, в конце XIX века завоевавших популярность среди еврейского населения России, в Сибири живой отклик нашел только сионизм. Представляя собой единственную организованную и сплоченную группу среди еврейского населения Сибири, сионисты быстро овладевают местной еврейской общественностью, в которой приобретают значительное влияние. Сионистские организации появляются во всех более или менее крупных сибирских городах. Идеи социал-демократии и еврейского социалистического движения, приобревшие популярность преимущественно среди организованного еврейского пролетариата, в Сибири, с учетом ее хозяйственной жизни, распространения не имели.

До 1905 года евреи отрицали самостоятельность национального вопроса, но погромы конституционной эпохи привели к перелому настроений. Отныне возрождение личности связывалось с национальным освобождением, и взгляды евреев опять устремились в сторону Палестины. Там, где

появляются ростки антисемитизма, общественная деятельность евреев начинает сводиться главным образом к защите своих прав и становится еврейской общественной деятельностью. Большое значение начинают приобретать национальная культура и традиции. На передний план выходит воспитание национального самосознания.

¹ Долгоруков В.Д. Указ. соч. С.153.

² Ципперштейн С. Евреи Одессы. История культуры 1794-1881. М, 1995. С.44.

³ Бейлин С.Х. Пословицы и поговорки сибирских евреев. // Сибирский архив. 1912. №4. С.215.

⁴ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.327.

⁵ Новомейский М. Указ. соч. С.6, 16.

⁶ Иркутск и Иркутская губерния с очерком прочих губерний и областей Сибири. Иркутск, 1870. С. 18.

⁷ Кальмина Л.В. Еврейское купечество... С. 58.

⁸ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.221.

⁹ Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год. СПб., 1863. С. 314- 315, 318-319.

¹⁰ Подсчитано по данным Памятной книжки Забайкальской области на 1871 год. Иркутск, 1871. Прилож. к ст. о народном образовании.

¹¹ Познер С. В. Евреи в общей школе. СПб., 1914. С. 37

¹² Марек П. Очерки по истории просвещения евреев в России (два воспитания). М, 1909. С. 195 -196.

¹³ Дубнов С. Краткая история евреев. Ростов-на-Дону, 1997. С. 568.

¹⁴ Познер С. В. Указ. соч. С. 39; Гессен Ю. О жизни евреев в России. С.107.

¹⁵ Восточное обозрение. 1887. №24; 51-52.

¹⁶ Нерчинск по однодневной переписи 8 октября 1889 года. С. 26.

¹⁷ Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 г. Красноярск, 1889. С.229-231.

¹⁸ Бруцкус Б.Д. Статистика еврейского населения... С. 48-50.

¹⁹ Волости и населенные места 1893 года. Вып. 10-11. (Т. XXXIX. Статистика Российской империи). Тобольская и Енисейская губернии. СПб, 1895. С.227.

²⁰ Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 г. С.60.

²¹ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.69.

²² Бруцкус Б.Д. Статистика еврейского населения...С.35; Табл. 5.

²³ НАРС(Я). Ф. 288-и. Оп. 1. Д. 301. Л.1-132.

²⁴ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.68.

²⁵ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.6782. Л.10-11,13.

²⁶ Бруцкус Б.Д. Статистика еврейского населения... С. 60.

²⁷ Левин И. Сочинения. Т. 2. М., 1994. С.222.

²⁸ ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д.66. Л.2-3.

²⁹ Там же. Л.1.

³⁰ ГАКК. Ф.595. Оп. 48. Д.858. Л.1; Гройсман А. Указ. соч. С.76.

³¹ Познер С.В. Указ. соч. С.110, 160, 195.

- ³² Иванов А. «Еврейский вопрос» и высшее образование в России (конец XIX – нач. XX в.) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. №1. С. 48.
- ³³ Островский Ю. Указ. соч. С.47.
- ³⁴ ГАЧО. Ф.1(о). Д.3439. Л.2 –3.
- ³⁵ Там же. Л.3-6, 10.
- ³⁶ Высочайше утвержденное Положение об Иркутском горном училище и штат сего училища. СПб., 1893. С.7.
- ³⁷ Гройсман А. Указ. соч. С.74.
- ³⁸ НАРС(Я), Ф. 12-и. Оп. 2. Д.5640. Л.68-69,72.
- ³⁹ Шмаков А.С. Свобода и евреи. М, 1906. С. СХСII.
- ⁴⁰ Познер С.В. Указ. соч. Прилож. 4.
- ⁴¹ Там же. Прилож. 2.
- ⁴² ГАИО. Ф.193. Оп. 1. Д.159. Л.25.
- ⁴³ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.70.
- ⁴⁴ Подсчитано по ГАИО. Ф.127. Оп. 1. Д.111-228; Д.243-336; Оп. 2. Д.18-65.
- ⁴⁵ Подсчитано по ГАИО. Ф.63. Оп. 1. Д.1768.
- ⁴⁶ Памятная книжка Забайкальской области на 1899 г. Чита, 1899. С.28, 30; Памятная книжка Забайкальской области за 1901 г. С. 28-29, 31.
- ⁴⁷ Памятная книжка Забайкальской области на 1901 год. Чита, 1901.С.29-31.
- ⁴⁸ ГАЧО. Ф.94. Оп. 1. Д.524. Л.2-12.
- ⁴⁹ ГАКК. Ф.595. Оп. 3. Д.3050. Л. 5,7, 10-11.
- ⁵⁰ Там же. Л. 21-23, 31.
- ⁵¹ Познер С.В. Указ. соч. С.94.
- ⁵² Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.163-165.
- ⁵³ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С. 101-102.
- ⁵⁴ Гройсман А. Указ. соч. С.76.
- ⁵⁵ Восточное обозрение. 1900. №198.
- ⁵⁶ Забайкальская новь. 1912. 16 февраля.
- ⁵⁷ ГАИО. Ф.417. Оп. 1. Д.7. Л.98.
- ⁵⁸ Новомейский М. Указ. соч. С.61.
- ⁵⁹ Фоменко Ю.Н. Указ. соч. // Диаспоры в историческом времени... С.106.
- ⁶⁰ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.14215. Л.323.
- ⁶¹ Памятная книжка Иркутской губернии на 1904 год; Памятная книжка Иркутской губернии на 1908 год. С.137-138; Курас Т.Л. Евреи в составе адвокатуры в округе Иркутской судебной палаты (1897-1917 гг.) // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы II региональной... С.62-63.
- ⁶² Памятная книжка Иркутской губернии 1908 г. С.86-87.
- ⁶³ Справочник по городу Иркутску и Иркутской губернии на 1915 г. Иркутск, 1915. С.41-42, 48; Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 год. С.63; Гройсман А. Указ. соч. С.74.
- ⁶⁴ Систематический сборник действующих законов... С.263, 267, 269-270.
- ⁶⁵ ГАИО. Ф.127. Оп. 1. Д.17. Л.2.
- ⁶⁶ ГАЧО. Ф.94. Оп. 1. Д.648. Л.4,11, 14, 83.
- ⁶⁷ Там же. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 13512. Л.241; Д.13753. Л. 1, 2, 11; Памятная книжка Забайкальской области на 1871 г. Иркутск, 1871. С.35, 37, 39; Памятная книжка Енисейской губернии на 1905 г. С. 68.
- ⁶⁸ ГАЧО. Ф.1 (о). Оп. 1. Д. 13753. Л.17; Д.14164. Л.3-5, 7.
- ⁶⁹ РГВИА. Ф.1468. Оп. 1. Д.91. Л. 34.
- ⁷⁰ ГАЧО. Ф.94. Оп. 1. Д.431. Л.7.

- ⁷¹ Кандель Ф. Указ. соч. Ч. III. (1882-1920 годы). С. 149.
- ⁷² Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 год. С. 30, 34, 38; Памятная книжка Иркутской губернии на 1902 год. С. 214-219; Иркутский календарь на 1901 г. Иркутск, 1901. С. 82-83; Памятная книжка Иркутской губернии на 1908 год. С. 133-137; Весь Иркутск с отделом Забайкальской области на 1908 год. Иркутск, 1908. II отд. Стб. 249.
- ⁷³ Весь Иркутск с отделом... Стб. 246, 249-250; «Весь Иркутск» с отделом Забайкальской и Якутской областей на 1909 г. II отд. С. 114-115; Сибирский Торгово-промышленный ежегодник. Томск, 1915. IV отд. С. 187-188; Справочник по городу Иркутску и Иркутской губернии на 1915 г. Иркутск, 1915. I-У.
- ⁷⁴ Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 год. . III отд. С. 25-27; Памятная книжка Енисейской губернии на 1911 год. С. 211, 213; Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 г. Иркутск. С. 505, 565.
- ⁷⁵ ГАЧО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 431. Л. 32, 37, 48-50, 55, 62, 72, 91-92.
- ⁷⁶ ГАИО. Ф. 29. ДП. 3. Оп. 1. Д. 246. Л. 26.
- ⁷⁷ ГАЧО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 431. Л. 94-99.
- ⁷⁸ ГАКК. Ф. 112. Оп. 1. Д. 53. Л. 84; ГАИО. Ф. 29. ДП. 3. Оп. 1. Д. 246. Л. 67-69, 83; ГАЧО. Ф. 1(вр.) Оп. 1. Д. 576; Памятная книжка Забайкальской области на 1901 г. С. 77; Гройсман А. Указ. соч. С. 25, 70; Кальмина Л. В., Курас Л. В. Указ. соч. С. 106.
- ⁷⁹ Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 г. Иркутск. С. 549.
- ⁸⁰ Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем на 1901 г. Красноярск, 1901. С. 23, 29; Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 год. 1903. Отд. 1. С. 30, 32, 49-50, 65; Памятная книжка Иркутской губернии на 1908 г. С. 86-87; Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 г. С. 334.
- ⁸¹ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. С. 93, 148.
- ⁸² Восточное обозрение. 1893. № 33; 1897. № 85; 1901. № 241.
- ⁸³ ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 13753. Л. 47, 49-50, 57, 69.
- ⁸⁴ Там же. Ф. 94. Оп. 1. Д. 431. Л. 67, 89.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 14215. Л. 382; ГАИО. Ф. 29. ДП. 3. Оп. 1. Д. 246. Л. 7, 11, 76.
- ⁸⁶ ГАИО. Ф. 29. ДП. 3. Оп. 1. Д. 246. Л. 15, 17.
- ⁸⁷ Там же. Л. 73.
- ⁸⁸ НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 6. Д. 2825. Л. 5, 11, 15, 17.
- ⁸⁹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4987. Л. 3; Ф. 25. Оп. 9. К. 974. Д. 3005. Л. 1-4; К. 979. Д. 3480. Л. 4, 43.
- ⁹⁰ ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 3085. Л. 173-174.
- ⁹¹ ГАРФ. ДП. 2. 1906 г. Оп. 63. Д. 78. Ч. 2. Л. 25.
- ⁹² ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4896. Л. 2-6, 10; Ф. 91 Оп. 1. Д. 2454. Л. 11, 38-39.
- ⁹³ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4896. Л. 13; ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 125. Л. 1, 5-6.
- ⁹⁴ ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 407. Л. 2, 5-9.
- ⁹⁵ Восточное обозрение. 1889. № 38.
- ⁹⁶ Белковский Г. Указ. соч. С. 13.
- ⁹⁷ Островский Ю. Указ. соч. С. 44.
- ⁹⁸ ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 2190. Л. 1, 10.
- ⁹⁹ ГАЧО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 89. Л. 47.
- ¹⁰⁰ Там же. Д. 226. Л. 105, 120.
- ¹⁰¹ Бакштановский. Н. О юридическом положении сибирских евреев. // Русский еврей. 1883. № 25. С. 5.
- ¹⁰² ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. К. 461. Д. 1047. Л. 2.
- ¹⁰³ Гессен Ю. И. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906. С. 273, 283-284.

- ¹⁰⁴ Войтинский В., Горштейн А. Указ. соч. С.175.
- ¹⁰⁵ Там же. С.286-287; Систематический сборник действующих законов...С.323.
- ¹⁰⁶ ГАИО. Ф.25. Оп. 5. К. 415. Д.66. Л.1-2, 26-28.
- ¹⁰⁷ ГАЧО. Ф.152. Оп. 1. Д.486. Л.1; Д. 492. Л. 5-6, 10-12.
- ¹⁰⁸ Памятная книжка Забайкальской области на 1899 год. Ч.1 Чита, 1899. С.20; Адрес-календарь Забайкальской области 1903 г. Чита, 1903. С.26-27; Памятная книжка Забайкальской области на 1901 год. Чита, 1901. С.57, 70; Адрес-Календарь Забайкальской области на 1908 год. С.71; Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 г. С.4; Памятная книжка Иркутской губернии на 1904 год. С.171; Памятная книжка Иркутской губернии 1908 года. С.74.
- ¹⁰⁹ ГАЧО. Ф. 94. Оп. 1. Д.196. Л.9-13; Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 год с адрес-календарем. Красноярск, 1891. С.63; Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 год. Красноярск, 1907. С.70.
- ¹¹⁰ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 4162. Л.13-14.
- ¹¹¹ Памятная книжка на 1915 год. Красноярск, 1915, С.57; Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 год. Иркутск, 1891. С.31; Сибирский торгово-промышленный ежегодник, 1914-1915. С.181; Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 год. Красноярск, 1909. 1 отд. С.103.
- ¹¹² Войтинский В., Горштейн А. Указ. соч. С.177.
- ¹¹³ Памятная книжка Иркутской губернии на 1904 год. С. 210; Памятная книжка Иркутской губернии на 1906 год. С.110; Памятная книжка Иркутской губернии на 1909 г. Иркутск, 1908. С. 185; Весь Иркутск с отделом Забайкальской области на 1908 год. Отд. II. Стб. 283-284, 287-289; Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 г. С. 552; Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С. 45.
- ¹¹⁴ Войтинский В., Горштейн А. Указ. соч. С.175.
- ¹¹⁵ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.4512. Л.44, 48-49.
- ¹¹⁶ Там же. Д.3472. Л. 4.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 1-3, 7.
- ¹¹⁸ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С. 103.
- ¹¹⁹ НАРБ. Ф.10. Оп. 1. Д. 2874. Л.40.
- ¹²⁰ РГИА. Ф.821. Оп. 133. Д.394. Л.14; ГАЧО. Ф.24. Оп. 1. Д.831. Л. 58.
- ¹²¹ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 4512. Л. 59, 63,70.
- ¹²² ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. К.599. Д.4901. Л. 4, 41- 43, 47, 68, 88; ГАЧО. Ф.24. Оп. 1. Д.831. Л.13; Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.103.
- ¹²³ Романов Н.С. Летопись...за 1902- 1924. С.94; Гройсман А. Указ. соч. С.79-80.
- ¹²⁴ НАРБ. Ф.10. Оп. 1. Д. 2915. Л.44.
- ¹²⁵ ГАИО. Ф.25. Оп. 6. К.465. Д.1262. Л.1.
- ¹²⁶ Там же. Ф.91. Оп. 2. Д.1769. Л. 300-301, 325.
- ¹²⁷ РГВИА. Ф.1468. Оп. 3. Д.144. Л. 46, 49.
- ¹²⁸ Восточное обозрение. 1904. №185.
- ¹²⁹ Там же. 1906. №4.
- ¹³⁰ Восточная Сибирь. 1906. №9. (Это «Восточное обозрение», после закрытия выходящее под другим названием).
- ¹³¹ ГАРФ. Ф.102. ДП. 2. Оп. 63. 1906. Д.40.
- ¹³² Войтинский В., Горштейн А. Указ. соч. С.175-176.
- ¹³³ ГАЧО. Ф.94. Оп. 1. Д. 287. Л. 2,8; Памятная книжка Иркутской губернии на 1887 г. С.110; Памятная книжка Иркутской губернии на 1905 г. С.219.
- ¹³⁴ Восточное обозрение. 1901. №269; 1902, №290.
- ¹³⁵ ГАИО. Ф.25. Оп. 2. К. 175. Д.131. Л. 1-5.

- ¹³⁶ Гройсман А. Указ. соч. Ч.1. С.79.
- ¹³⁷ Романов Н.С. Воспоминания. Рукопись. С.313.
- ¹³⁸ Восточное обозрение. 1888. №50; 1890. №№4-5; Забайкальские областные ведомости. 1907. 22 февраля, 15 апреля; 1909. 28 января. .
- ¹³⁹ Восточное обозрение. 1889. №27; Гройсман А. Указ. соч. Ч.1. С.80; Забайкальские областные ведомости. 1895. 23 июня .
- ¹⁴⁰ Романов Н.С. Летопись...за 1881-1901. С.373; Восточное обозрение. 1901. №17.
- ¹⁴¹ Островский Ю. Указ. соч. С.60.
- ¹⁴² Гройсман А. Указ. соч. С.81.
- ¹⁴³ ГАЧО. Ф.57. Оп. 1. Д.3. Л.92-93.
- ¹⁴⁴ Забайкальские областные ведомости. 1901. 19 августа; 1907. 17 января; 9 марта; 1908. 18 апреля.
- ¹⁴⁵ Попов И.И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск, 1989. С.18.
- ¹⁴⁶ ГАЧО. Ф.94. Оп. 1. Д.640. Л.1, 5-6, 8.
- ¹⁴⁷ Кальмина Л.В. Еврейское купечество... С.63.
- ¹⁴⁸ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.92.
- ¹⁴⁹ Из всех приисков Читинского округа единственная церковь была на Надеждинском, принадлежащем Товариществу Домбровских и Лейбовичей. (ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.2076. Л. 23).
- ¹⁵⁰ Фризер Я. Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды. М., 1901. С.128-129.
- ¹⁵¹ Обзор Забайкальской области за 1904 год. Чита, 1905. С. 43; Адрес-календарь Забайкальской области на 1908 г. С.54.
- ¹⁵² ГАИО. ф.70. Оп. 2. Д.2209. Л.1.
- ¹⁵³ Шевич В. О евреях в Сибири. // Сибирь. 1878. №28.
- ¹⁵⁴ Будницкий О. В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция. // Евреи и русская революция. Материалы и исследования. М. – Иерусалим, 1999. С. 7, 10.
- ¹⁵⁵ Островский Ю. Указ. соч. С.41.
- ¹⁵⁶ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.128.
- ¹⁵⁷ Астырев Н. Указ. соч. С.30.
- ¹⁵⁸ Новомейский М. Указ. соч. С.46.
- ¹⁵⁹ ГАРФ. Ф.102. ДПОО. Оп. 226. Д.9. Ч.44. Л.12-13, 16.
- ¹⁶⁰ ГАИО. Ф.25. Оп. 6. К. 513. Д.3271. Л. 70, 73-74, 83, 91, 107.
- ¹⁶¹ НАРС(Я). Ф. 12 -и. Оп. 2. Д.1992. Л.7.
- ¹⁶² Островский Ю. Указ. соч. С. 43; Войтинский В., Горнштейн А. С.327; Гройсман А. Указ. соч. С.84.
- ¹⁶³ Островский Ю. С.43. Речь идет о поддержке иркутскими евреями социал-демократа Вигдора Мандельберга на выборах во II Государственную думу.
- ¹⁶⁴ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С. 169.
- ¹⁶⁵ ГАРФ. Ф.102. ДПОО. Оп. 226. Д.3. Ч.227. Л.1-2, 21, 34, 45; ГАИО. Ф.91. Оп. 1. Д.2654. Л.1; Д.2736. Л.4; Петров П. Города Якутии 1861-1917 гг. Социально-экономический очерк истории. Якутск, 1990. С. 36.
- ¹⁶⁶ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.7016. Л.15; ГАРФ. Ф.102. ДПОО. Оп. 226. Д.11. Ч.2(2). Л. 31(52).
- ¹⁶⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. Оп. 226. Д.11. Ч.2 (1). Л.31.
- ¹⁶⁸ Восточное обозрение. 1902. №296.
- ¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. Оп. 226. Д.11. Ч.2 (1). Л.10, 12.

- ¹⁷⁰ Локшин А. Формирование политики (царская администрация и сионизм в России в конце XIX – начале XX в.) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1992. №1. С.49.
- ¹⁷¹ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д.26. Л. 326.
- ¹⁷² Там же. Ф.29. ДП. 3. Оп. 1. Д.124. Л.63-64.
- ¹⁷³ ГАРФ. Ф.102. ДПОО. Оп. 226. Д.11. Ч.2 (1). Л.13; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.4251. Л.44.
- ¹⁷⁴ Восточное обозрение. 1903. 30 мая.
- ¹⁷⁵ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 4251. Л.44.
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 17, 24; Д. 7016. Л.8; ГАРФ. Ф.102. ДПОО. Оп. 226. Д.11. Ч.2 (1). Л.15.
- ¹⁷⁷ Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска... С.193.
- ¹⁷⁸ ГАРФ. Ф.102. ДПОО. Оп. 226. Д.9. Ч.40. Л.15, 35-37.
- ¹⁷⁹ Островский Ю. Указ. соч. С.43.
- ¹⁸⁰ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.4251. Л.37.
- ¹⁸¹ ГАИО. Ф.29. ДП. 3. Оп. 1. Д.124. Л.64; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 4251. Л.8.
- ¹⁸² ГАИО. Ф.29. ДП. 3. Оп. 1. Д. 124. Л. 64.
- ¹⁸³ ГАЧО. Ф.1 (о). Оп. 1. Д. 4251. Л. 36.
- ¹⁸⁴ Там же. Л.17-18.
- ¹⁸⁵ Там же. Д.7016. Л.8.
- ¹⁸⁶ ГАРФ. Ф.102. ДПОО. Оп. 226. Д.3. Ч.227. Л.43.
- ¹⁸⁷ Там же. Д.9. Ч.40. Л.60.
- ¹⁸⁸ Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска... С.193.
- ¹⁸⁹ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 4251. Л.17-18.
- ¹⁹⁰ Там же. Л.69-70.
- ¹⁹¹ Там же. Д.4251. Л. 24, 53-54.
- ¹⁹² Там же. Л. 75-76.
- ¹⁹³ Полищук М. Евреи Одессы и Новороссии. Социально-политическая история евреев Одессы и других городов Новороссии 1881- 1904. М. - Иерусалим, 2000. С.126.
- ¹⁹⁴ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С. 327.
- ¹⁹⁵ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.4251. Л.24.
- ¹⁹⁶ ГАРФ. Ф.102. ДПОО. Оп. 226. Д.11. Ч.2 (1). Л.28.
- ¹⁹⁷ Дубнов С.М. Евреи в царствование Николая II (1894-194). Пг., 1922. С.25.
- ¹⁹⁸ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1 Д.4251. Л.63.
- ¹⁹⁹ Там же. Л.17-18.
- ²⁰⁰ Там же. Л.30-31.
-
- ²⁰¹ Рабинович В.Ю. Горячие дни: октябрь 1905 г. в Иркутске. // Сибирский еврейский сборник. №2. Иркутск, 1996. С.60-69.
- ²⁰² Войтинский Вл., Горнштейн А. Указ. соч. С. 327-329.
- ²⁰³ Островский Ю. Указ. соч. С.43.
- ²⁰⁴ ГАРФ. Ф.102. ДПОО. Оп. 226. Д.11. Ч.2(1).Л. 114.
- ²⁰⁵ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.7016. Л.8, 14-15, 23.
- ²⁰⁶ Там же. Л.18-22.
- ²⁰⁷ Там же. Д. 4251. Л.12, 37.
- ²⁰⁸ Там же. Л.9.
- ²⁰⁹ ГАКК. Ф.516. Оп. 1. Д. 1392. Л.27-28.
- ²¹⁰ ГАИО. Ф.600. Оп. 1. Д. 837. Л. 9-10.
- ²¹¹ Забайкальская новь. 1912. 16 мая.
- ²¹² Орехова Н.А. Еврейский погром в Красноярске в 1916 году. // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы II региональной... С.51-60.
- ²¹³ ГАРФ. ДП. 2. 1916. Оп. 75. Д.33, Л.2.

²¹⁴ На самом деле «галут» – это самоназвание еврейской диаспоры. Диаспора всегда воспринималась евреями как наказание, изгнание и позор, что нашло свое выражение в наименовании ее этим словом.

²¹⁵ ГАКК. Ф.516. Оп. 1. Д.1392. Л.28.

²¹⁶ Там же. Л.52, 66, 86.

²¹⁷ ГАИО. Ф.600. Оп. 1. Д.833. Л.1.

²¹⁸ Там же. Д.946. Л. 6-7.

²¹⁹ Меер О.С. В годы войны в Иркутской ссылке. // Иркутская ссылка. М., 1934. С.199, 214.

²²⁰ Романова В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX в. – 20-е годы XX в.). Красноярск, 2001. С.171.

²²¹ Соломон Е.Ш. Сионисты и общины: движение к I съезду еврейских общин Сибири и Урала (январь 1919 г.) // Восток и Россия: взгляд из Сибири... С.355.

²²² Дубнов С. Евреи в царствование Николая II. С.23.

²²³ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.4935. Л.17.

Глава 5. Внутриобщинная жизнь евреев Восточной Сибири

5.1 Борьба за признание молельных обществ

В законодательстве о евреях нет понятия «еврейская община», хотя предполагается, что это молитвенное общество (с рядом учреждений), «состоящее из всех евреев, собирающихся в молитвенных домах для совершения обрядов веры и молитвы». Закон концентрирует еврейскую общину вокруг молельни, признавая ее «законными членами» только тех, кто ежегодно делает определенный взнос на нужды молитвенного дома, однако сама жизнь дает право считать членами общины всех постоянных участников молитвенного собрания, не только активных – членов молитвенных домов, благотворительных и просветительских учреждений, - но и «пассивных» - тех, кто этими учреждениями пользуется. Не признанные администрацией, не имеющие права участвовать в общих собраниях, они все же оказывали весьма значительное влияние на дела общины.¹

Официальная точка зрения, фиксирующая существование общины лишь с момента появления институтов общинного самоуправления, получила достаточно широкое распространение. Между тем такое понятие даже чисто хронологически слишком узко. Институты общинного самоуправления в ряде сибирских городов не были признаны государством, несмотря на десятилетия их фактического существования, и говорить на этом основании об отсутствии общины как таковой, уже сложившейся и регламентировавшей все стороны еврейской жизни, было бы, на наш взгляд, в корне неверно. Регистрация молитвенного дома властями означает лишь признание де-юре того, что де-факто уже существует. Поддержкой этой точки зрения можно считать замечание историков Иркутской общины: «Для нас несущественны в данном случае официальные даты...В Иркутске лет за 20 и больше до официального разрешения еврейской молельни созрели все элементы общинной жизни».²

По нашему мнению, признаками существования общины можно считать, во-первых, численно достаточную и устойчивую этническую общность в том

или ином городе или селении. Во-вторых, об общине уже можно говорить с того момента, когда к элементарной физической потребности обосноваться, выжить, найти более или менее надежный источник существования прибавляется потребность национального самосохранения, когда заброшенные судьбой в чужой край люди начинают объединяться по вероисповедному принципу, когда наблюдается устойчивая тяга к отправлению обрядов своей веры и появляется ощущение себя как представителя своего народа, когда единоверцы избирают «инициативную группу», борющуюся за официальное признание ими права жить по законам своих предков.

Нет возможности определить точные временные границы зарождения сибирских еврейских общин. Но, похоже, говорить об их существовании в 20-30-х годах XIX века, по крайней мере, в Иркутской губернии и восточнее, не приходится: по сведениям историков Иркутской общины, в это время «миньян» (собрание 10 человек, достигших религиозного совершеннолетия, т.е. не менее 13 лет, присутствие которых обязательно для совершения общественного богослужения) едва составлялся приглашением евреев-кантонистов из местного батальона. Хотя приведение к присяге евреев рекрутов в Восточной Сибири, где не было ни духовных лиц, ни молитвенных школ, ни уже упомянутого миньяна и не велся реестр еврейских праздников, в которые присягать вовсе не полагалось, по разрешению Комитета Министров было упрощено до предела: новобранцу достаточно было для придания присяге важности в конце добавить, что присягающий отрекается от своей веры, если не исполнит данной им клятвы.³

В Енисейской губернии первые признаки еврейской общинной жизни отмечены раньше, чем где-либо на территории Восточной Сибири: уже с 1822 года в Красноярске существовала молитвенная школа, а с 1824 года – еврейское кладбище. (К слову, в Западной Сибири, где общинная жизнь началась значительно раньше, в одной из крупнейших общин – Томской – первое еврейское молитвенное учреждение появилось лишь в 1850 году).⁴ По воспо-

минаниям старожилов, к 1893 году уже не менее 60 лет существовал молитвенный дом в Ачинске, едва ли не с 1820-х годов - в Канске. (Официальное разрешение Енисейского губернского правления на открытие молельни Канское еврейское общество получило 7 мая 1882 года, через год городская управа прислала план и свидетельство на постройку. В 1895 году общество добилось разрешения подвести под деревянный молитвенный дом каменный фундамент).⁵ По-видимому, в 20-е годы начал отсчет своей истории и молитвенный дом в Енисейске. Более точную дату установить вряд ли представляется возможным, поскольку в 1869 году он был уничтожен пожаром вместе со всеми документами.⁶ Все говорит о том, что община в зародыше появилась здесь на несколько десятилетий раньше, чем в других местах региона, но, по-видимому, вплоть до середины XIX века она не получила развития. Во всяком случае, и в 60-е годы, по свидетельствам современников, евреев - купцов и мещан - в Красноярске было не более 20 человек, и они не составляли отдельного общества.⁷

Архивные документы сохранили сведения об избрании еврейских старшин как глав еврейского общества в Красноярске - факт, более нигде на территории Восточной Сибири не зарегистрированный. Нам удалось установить имя первого из них, Марка Рябцова, избранного еще в 1828 году.⁸ Эта должность в Красноярском еврейском обществе сохранялась вплоть до 50-х годов XIX века. Но мы не склонны считать это даже прообразом общинного самоуправления. Во-первых, инициатива подобной формы организации еврейского общества исходила сверху, а не была рождена духовными потребностями самого общества. Во-вторых, еврейский старшина был более представителем администрации, чем единоверцев, и функции его ограничивались сбором податей.

Первые признаки общинной жизни в Иркутской губернии и Забайкальской области появились даже не в городах, а в деревнях, потому что именно там вначале селились евреи, устремившиеся в города лишь в начале 60-х го-

дов XIX века. К примеру, в Иркутской губернии они вначале осели в селах Балаганского и Нижнеудинского уездов, а в Забайкалье – Верхнеудинского и Баргузинского. В. Войтинский и А. Горнштейн отмечают, что по официальной статистике в Нижнеудинске и уезде уже в 1861 году жило 189 евреев и даже был молитвенный дом – единственный во всей Иркутской губернии, хотя, возможно, не единственный: первая по времени еврейская община - с синагогой, еврейским кладбищем, большинство памятников на котором датированы 40-50-ми годами, и даже с ведением Пинкоса – существовала в селе Кутулик Балаганского уезда.⁹ В Забайкальской области уже в 1860 году зафиксировано существование молитвенного дома в Итанцинской волости Верхнеудинского округа, но в дальнейшем никаких упоминаний о нем не встречается.¹⁰

Здесь общину еще вряд ли можно считать устойчивой: она в течение короткого временного отрезка обслуживала, вероятно, религиозные потребности нескольких десятков евреев, а к середине 60-х годов с их расселением по городам окончательно замерла.

В середине XIX века появились заметные (и главное, устойчивые) элементы общинной жизни в городах практически на всей территории Восточной Сибири. Во-первых, в это время в Красноярске, Канске, Ачинске, Енисейске, Иркутске, Чите, Верхнеудинске, Баргузине, Нерчинске уже сложились стабильные этнические общности евреев, о чем подробнее говорилось во второй главе. По мнению исследователей, отсчет истории Якутской еврейской общины также следует начинать со второй половины XIX века, когда в результате усиления ссылки, уголовной и политической, заметно выросло число евреев в Якутской области.¹¹ Во-вторых, к этому времени потребность евреев в концентрации вокруг синагоги - стержня сохранения духовности – и в следовании обрядам веры была уже явной. Доказательством этому служит выдержка из прошения евреев Читы оставить в городе подлежащих выселению резников, где явно прослеживается эволюция духовности сибирских ев-

реев: «Первые евреи, появившиеся в Сибири – это элемент ссыльный, т.е. люд всегда с нравственным изъяном. К ним в 40-х годах стали прибывать евреи военнослужащие; последние большей частью кантонисты и малолетки. Сомнительная устойчивость в верованиях таких опороченных, какими являются первые ссыльные, и степень знания религиозных законов и обрядов, какими обладали 10-12-летние «пойманники» и кантонисты из евреев, естественно, не могли сохранить цельность еврейской религии. Когда же после 50-х годов для евреев наступили лучшие времена, то некоторые из них вспомнили о своих оторванных, загнанных и заброшенных братьях по вере. Были вызваны, так сказать, борцы за веру отцов, которые под напутствием известных еврейских раввинов «черты» и направлялись с этой целью в отдаленную Сибирь. Эти добровольные борцы за веру отцов своих, удовлетворяя сибирских евреев во всех религиозных требованиях, одинаково ревностно несут заботу о воспитании детей, содействуя разумному и правильному их первоначальному образованию».¹²

Косвенным подтверждением этой версии может служить и Высочайше утвержденное 19 августа 1868 года положение Комитета Министров о предоставлении министру внутренних дел «по представлению губернских начальств разрешать в уважительных случаях еврейским обществам, могущим на основании действующих постановлений образовываться вне черты постоянной оседлости, учреждать молельни и при них хозяйственные правления на тех началах, кои установлены для существующих в Санкт-Петербурге подобных учреждений». Очевидно, документ вызрел в результате многочисленных ходатайств губернаторов территорий, находящихся вне черты оседлости, об официальной регистрации молитвенных учреждений. Наверняка среди этих территорий были и сибирские губернии, если учесть постепенное стягивание сюда еврейского населения. Религия становится главным фактором развития еврейской общественной жизни, а сибирские города - религиозными центрами для окрестных евреев. В частности, в Иркутске уже в конце 50-х годов на

осенние праздники евреи нанимали квартиры для общей молитвы, участвовали и приезжие из соседних деревень. То есть к 60-м годам XIX века существование в Сибири еврейских общин – даже без институтов общинного самоуправления – можно считать свершившимся фактом, а последующие два десятилетия – этапом их первоначального развития.

Об официальном санкционировании еврейской общины со всеми ее атрибутами где-либо в Сибири до 60-х годов говорить не приходится, хотя, как уже упоминалось, имеются и более ранние сведения о существовании институтов общинного самоуправления в Енисейской губернии. Незарегистрированная синагога имела и в Иркутске. Тогда еще правил, определявших официальный статус и принципы существования еврейских молитвенных учреждений вне черты оседлости, не существовало, и молельни открывались стихийно, именуясь при этом «синагогами». Власти с этим вполне мирились, бесстрастно фиксируя их существование,¹³ тем более что на территории обширного Восточно-Сибирского региона их были единицы и никакой опасности в глазах администрации они для общества не представляли. Официальное же разрешение деятельности молитвенных учреждений как стержня еврейской национальной и религиозной жизни практически во всех городах Восточной Сибири было сопряжено с немалыми для еврейских обществ трудностями. Порой за право на открытое существование общинам приходилось бороться десятилетиями.

По Уставу Духовных дел иностранных исповеданий, которым регламентировалась жизнь еврейской общины, синагоги и молитвенные школы могли учреждаться только с разрешения губернского начальства. Во всяком городе или селении, где число еврейских домов доходило до 30, разрешалось открыть молитвенную школу, а там, где число таковых доходило до 80, кроме молитвенной школы можно было иметь и синагогу.¹⁴ Предполагалось, что она будет лишена налета какой-либо общественной активности и сыграет роль учреждения для удовлетворения только религиозных потребностей, что

закреплялось соответствующей клятвой: «Я, нижеподписавшийся, обещаю и клянусь Господом Богом Израилевым с чистым сердцем, а не по иному скрытому во мне смыслу, что...занимаемая нашим молитвенным обществом синагога (или школа) была навсегда посвящена исключительно одному богомолию, совершению обрядов веры и чтению книг нашего закона, чтобы кроме сего в оной никакого другого собрания, противного общественному спокойствию, распоряжениям местного начальства и полицейскому порядку производимо не было, и никаких других вещей, кроме священных для еврея списков Торы, свертков, книг и утвари, к богомолию и совершению обрядов веры принадлежащих, в оной сохраняемо не было».¹⁵

Опираясь на архивные документы, которые впервые вводятся в научный оборот, нам удалось установить дату и реконструировать историю открытия практически всех молитвенных учреждений на территории Восточной Сибири.

Раньше всех молельные дома появились в Енисейской губернии. В Красноярске существовавшая уже с 1822 году молитвенная школа имела неопределенный статус и в документах фигурировала как «временная», поскольку еврейских домов в Красноярске и в 70-е годы XIX было менее 30. Но в 1878 году ее существование было узаконено Министерством внутренних дел, признавшим, что появление ее до издания правил, обуславливающих открытие молитвенных учреждений определенным числом еврейских домов, дает право на «дальнейшее оставление помянутой молельни для удовлетворения религиозной потребности...еврейских семейств, проживающих в Красноярске».¹⁶

Известно, что молельня находилась в деревянном доме, купленном обществом у частного лица – Ривы Левиной. На покупку дома с землей бывший тогда старостой духовного правления Энох Мильштейн занял общине 958 рублей 30 копеек.¹⁷ Дом сгорел во время пожара 1881 года, а на строительство нового, по расчетам общины, требовалось около 2000 рублей. Цифра дает

представление об экономическом положении евреев Красноярска: она оказалась неподъемной. Община собиралась взять ссуду с условием ее последующего постепенного – в три срока – погашения добровольными пожертвованиями и доходами от кружечного сбора.¹⁸

В договоре с подрядчиком дается подробное описание будущего молитвенного дома, который должен был воздвигаться на готовом каменном фундаменте: «...длиной и шириной согласно сделанного уже фундамента, а вышиной внутри мужской половины между полом и потолком не менее 6 аршин, а в женской половине 4 аршина. И сверху 3 $\frac{1}{4}$ аршина, ко двору двухэтажно. ...Крышу крыть фронтонами, как показано на плане...наверху крыши сделать слуховое окно с дверцею от земли до слухового окна, для входа на крышу сделать лестницу. Окон и дверей с косяками сделать сколько потребуется, но не более 28 окон, коим приделать снаружи наличники и внутри по нем ставни с двух сторон сделать филенчатые и остальные простые, распашные, двери внутри тоже филенчатые. Внутри мужского отделения посредине сделать восьмигранно...с двух сторон по 3 ступеньки «Амвон», вокруг Амвона сделать решетки, под Амвоном независимо верхнего потолка здания сделать на столбиках кумпом...(наверно, имеется в виду купол. - Л.К.) дощатую крышку».¹⁹

Кроме этого здания, предполагалось построить небольшой флигель во дворе, «малую молельню». Строительство должно было закончиться к 1 мая 1883 года, но из-за недостатка средств в сроки не уложились. По крайней мере, Красноярская городская управа по просьбе евреев выделяла им на осенние праздники принадлежащее городу здание по Воскресенской улице без уплаты аренды, «принимая во внимание, что еврейское общество по недостатку средств не может уплатить городу какого-либо вознаграждения».²⁰ В течение еще нескольких лет строительство, которое иной раз «съедало» весь годовой бюджет общины, продолжалось за счет добровольных пожертвований.²¹ По-видимому, молились обычно в маленькой молельне, и в боль-

шую переходили только на осенние праздники, а постамент для кивота переносился с места на место.²²

В 1903 году на добровольные пожертвования решили сделать пристройку: 700 рублей были собраны сразу (20 лет назад это было маловероятно), на остальную сумму подписались жертвователи.²³ В августе 1916 года было принято решение о строительстве новой синагоги, поскольку «существующая синагога крайне мала и не соответствует в настоящее время своему назначению».²⁴ Для строительства избрали специальную строительную комиссию. Средств на строительство в кассе опять-таки не было, но правление рассчитывало собрать нужную сумму добровольными пожертвованиями.

О дате рождения других молитвенных домов в губернии мы говорили чуть выше. Переломным моментом для них стал 1893 год, когда решалась судьба всех еврейских молитвенных домов Иркутского генерал-губернаторства. В пользу их дальнейшего существования могли сыграть три фактора: стабильная еврейская этническая группа, давность появления в городах еврейских молитвенных учреждений и наличие в них духовных лиц, которые берут на себя ответственность за воспитание общества. К этому времени Ачинское общество насчитывало 122 еврея (34 семьи), причисленных к Ачинску, и 159 человек (42 семьи), приписанных к другим городам или селениям. В еврейском обществе Енисейска числился 391 человек (241 местный и 150 «посторонних»), в Канском - 213 человек, из которых 139 (26 семей) были причислены к городу и 74 (12 семей) имели другие места приписки.²⁵

Давность существования молитвенных домов сомнений не вызывала, хотя не удалось обнаружить никаких документов, которые бы это подтвердили. Официально строительство нового молитвенного дома в Канске было разрешено только в 1882 году, постройка же Енисейского молитвенного дома взамен сгоревшего - в 1886 году. Строился он на средства купца Мильштейна, руководил постройкой, которая была закончена в 1889 году,

Енисейский раввин Коппель Шмеркович.²⁶ Что касается управления, то при всех трех молитвенных домах работало хозяйственное правление, до 1886 года раввинов там не было, и их обязанности исполняли случайные лица с сомнительными правами.²⁷

Участь всех молитвенных домов решилась наилучшим образом. По непонятной причине не уцелел только Канский. Во всяком случае, по данным 1895 года среди еврейских молитвенных домов губернии – Красноярского, Енисейского, Ачинского и молитвенного дома в селении Ужурском Ачинского округа - он не числился.²⁸

Иркутские евреи получили разрешение Министерства внутренних дел на постройку молельни в 1877 году, завершив ее возведение в очень короткие сроки. Но пожар 1879 года уничтожил уже вполне готовую, только что не освященную синагогу вместе со всеми находящимися в ней бумагами, в том числе и разрешением на постройку, что грозило общине новыми изнурительными хлопотами о ее строительстве. Но к счастью, староста Яков Перцель нашел засвидетельствованную копию с предложения Иркутского губернатора от 27 июня 1877 года. В документе значилось, что «по ходатайству проживающих в Иркутске евреев из нижних чинов о позволении построить молельню с хозяйственным правлением» Министерство внутренних дел отзывом от 9 апреля 1877 года позволило устройство в Иркутске еврейской молельни с тем, чтобы «молельня эта не была именуема ни синагогой, ни молитвенной школой».²⁹

Для строительства требовалась крупная сумма, которую к тому же предстояло собрать в короткий срок. Судя по отчету, представленному впоследствии Торговым домом братьев Лейбович, в общей сложности до пожара и после было собрано 96922 рубля 88 ½ копейки, из них на устройство молитвенного дома истрачено 37380 рублей 47 копеек до пожара и 32848 рублей 55 копеек после - на его отстройку.³⁰ (Вспомним страдания красноярского общества, для которого сумма в 2000 рублей оказалась запредельной). Приго-

вором общины от 20 мая - 12 июня 1880 года были избраны 18 человек, на которых было возложено решение всех вопросов по молитвенному дому. (Кстати, в Иркутской общине сложилась некая традиция в экстремальных ситуациях в дополнение к имеющимся должностным лицам избирали какой-то орган на время решения возникшей проблемы. Правда, это далеко не всегда поддерживалось администрацией, без санкции которой такой орган не имел права на существование). Их утвердили, поскольку было нереально, чтобы два избранных общиной лица в короткое время собрали столь значительную сумму.

«Комитет 18» решил, что сделать это можно только продажей мест в будущем молитвенном доме. Предполагалось, что их будет около 30 и продаваться они будут в потомственное владение (купившие их и имеющие на то соответствующий документ уже никогда не могли быть лишены права владения ими). Но деньги за них должны быть внесены авансом и полностью — до 1 июля 1880 года. Задержка с оплатой грозила лишением права иметь вечное место, а частично внесенные деньги не возвращались и оставались в распоряжении молитвенного дома. Цена обозначалась в особом списке, подписанном членами молельни. В соответствии со статьей 1082 Устава Духовных дел иностранных исповеданий при недостатке добровольных вкладов в еврейской общине и пожертвований для компенсации всевозможных издержек обществу допускается сделать раскладку, конечно, с разрешения городской думы или управы. Но в данном случае это нельзя было считать раскладкой в обычном понимании этого слова — обязательным взносом. Скорей это был «акт доброй воли», на который охотно пошло еврейское общество, осознавая его необходимость. По-видимому, поэтому и городская управа утвердила приговор еврейского общества без всяких проволочек.

«Комитет 18» пользовался безграничным доверием общинников: он контролировал приход-расход денег, выбирал членов правления, распоряжался продажей мест и мог менять их число по своему усмотрению, а на будущее

ему доверяли наведение порядка и благоустройство в молитвенном доме. Эти 18 человек, избранные для руководства общиной на 6 лет с 1 июля 1880 года, были представителями общества практически по всем вопросам – от устройства богадельни до открытия еврейского училища. Фактически они подменяли собой общие собрания общины, на что дали согласие подписавшие приговор 82 ее члена.

Деньги за места выручили очень быстро, а собранная сумма - 29212 рублей 50 копеек - превысила даже добровольные пожертвования.³¹ Все видное еврейское купечество поддержало таким способом строительство новой синагоги. В первом ряду места купили петербуржец барон Гинцбург, Яков Домбровский, Леонтий Лейбович, Вениамин Каминер, Борис Патушинский, во втором место выкупил Исай Файнберг, в пятом в вечное владение его получил Семен Кальмеер.³² Суммы вносились значительные: достаточно сказать, что 22 тысячи рублей были собраны с 28 человек.³³

Освятили Иркутскую синагогу только в 1881 году, который и считается официальной датой рождения общины. Отметим, что фактически к этому времени она существовала без малого два десятилетия, имея стабильное «общество синагоги», выборных должностных лиц и некоторые благотворительные учреждения. На протяжении многих лет она была единственным в губернии официально утвержденным еврейским молитвенным учреждением. Во всяком случае, как докладывал Иркутский губернатор в канцелярию Иркутского генерал-губернатора, на 1895 год «кроме города Иркутска молитвенных учреждений нигде не имеется».³⁴

Хотя попытки к открытию молитвенных школ в городах губернии были. К примеру, в уездном городе Нижнеудинске приговор об открытии молитвенной школы евреи вынесли 31 января 1887 года. Поначалу это не встретило сопротивления властей, и Иркутский генерал-губернатор объявил, что в случае соблюдения строительного устава препятствий к открытию он не видит. Общество собрало 1000 рублей, высмотрело место для постройки в доста-

точном удалении от православной церкви, как вдруг последовал запрет на открытие. Формальным поводом вполне могло послужить то, что в Нижнеудинске было менее 30 еврейских домов, так что согласно Уставу Духовных дел иностранных исповеданий молельня здесь не положена. Но в черновике мотивировкой отказа стали недозволенность евреям жить в Сибири и подписание приговора неполноправными евреями. В чистовом варианте места объяснениям вовсе не нашлось.³⁵

В 1901 году группа прихожан Иркутска подала прошение об открытии еще одного молитвенного дома наряду с имеющейся синагогой, мотивируя это тем, что в праздничные дни синагога не вмещает всех желающих, многим приходится стоять на крыльце, «так что для наблюдателя получается впечатление какого-то сборища на улице и совсем с неопределенными целями». Нанятый специально для молитв дом оказался маленьким, а когда пытались нанять новый, губернское правление эту попытку пресекло, сославшись на то, что «по отзыву хозяйственного правления, теснота, выставленная просителями единственным основанием своего ходатайства, наблюдается лишь в большие праздники – всего 22 дня».

Даже ссылка просителей на Устав Духовных дел, согласно которому 80 домов уже имеют право на синагогу, а в Иркутске еврейских домов было чуть не вдвое больше (144), а следовательно, еще одно здание отнюдь не будет излишеством, не возымела действия. Иркутский губернатор И.П. Молле-риус рассудил, что «коренных жителей Иркутска иудейского вероисповедания не столь значительное количество, чтобы встречалась необходимость иметь в округе кроме уже существующей молельни помещение для богослужения, большинство же евреев Иркутска составляет временное его население и не может быть принято во внимание при рассмотрении вопроса об устройстве настоящего помещения для молитвы». Ссылка же на Устав несостоятельна, так как он относится только к черте оседлости, и наконец, теснота

наблюдается только по большим праздникам, в остальное же время в отдельном помещении и вовсе нет никакой нужды.³⁶

Из уездных городов еврейскую молитвенную школу в губернии имел еще Киренск - при том, что еврейских семей там было всего 12, и по закону она была не положена. Построена она была в 1913 году. По-видимому, здесь немалую роль сыграла зажиточность киренских евреев, один из которых сразу же пожертвовал 300 рублей в счет будущей молельни (по расчетам она должна была обойтись не более чем в две тысячи), и их готовность пополнять общинную кассу другими добровольными пожертвованиями, если собранного окажется недостаточно. Как бы там ни было, Департамент Духовных дел иностранных исповеданий 26 октября 1914 года сообщил, что с его стороны препятствий нет, «единственное условие, чтобы нанятое помещение не имело никаких признаков храма».³⁷

Достаточно давно молитвенный дом существовал в селе Черемхово Балаганского уезда Иркутской губернии, в 1912 году прихожане просили разрешения на строительство нового каменного. В. Долгоруков упоминает о наличии молитвенного дома в селении Кимильтей Нижнеудинского уезда.³⁸

Из всех молитвенных домов, официально действовавших в Забайкалье и на Дальнем Востоке, первым был Благовещенский, основанный еще в 1863 году с разрешения военного губернатора Амурской области генерал-майора Буссе. Правда, Министерство внутренних дел подтвердило право на его легальное существование только в 1880 году. Ни о каком духовном правлении и тем более раввине там не было и речи, и все службы совершал отставной унтер-офицер Зельманович. Вторым в 1874 году разрешение на существование от военного губернатора Забайкальской области генерал-майора Педашенко и Главного управления Восточной Сибири получил молитвенный дом в Чите. (План его строительства с разрешения Министерства внутренних дел был утвержден еще в 1870 году, а в 1871 году молельня была уже выстроена

– за три года до сообщения губернатором полицмейстеру Читы о его разрешении).³⁹

Это была уже вторая молельня в истории Читинской еврейской общины. Первая - деревянный дом, купленный у губернского секретаря Хрисановского в 1862 году, - к 1867 году порядком обветшала, и читинские купцы братья Шмуиловичи и Литман Иткин подали прошение на строительство новой. Им было отказано, поскольку в Чите в это время было всего 46 евреев- домовладельцев, и по закону им была положена всего одна молельня.⁴⁰ Впоследствии прихожане дважды предпринимали попытку добиться строительства второго молельного дома наряду с построенным в 1871 году каменным: в 1888 и в 1903 годах. Прошения мотивировались быстрым ростом еврейского населения Читы и наездами еврейских крестьян из окрестных деревень на праздники. Однако их прошения отклонялись.⁴¹ В 1890 году Забайкальское областное правление своим журналом переименовало единственный еврейский молельный дом Читы в синагогу.⁴²

Третьим в Забайкалье – в 1876 году - стал молитвенный дом в Кабанске, открытый с разрешения товарища министра внутренних дел князя Лобанова-Ростовского. (Даже Иркутский молитвенный дом получил такое право позже – в 1877 году). В это время в Кабанском селении жили 34 еврейских семьи, в том числе 8 купеческих и 7 мещанских, которым принадлежали 36 домов.⁴³ Кстати, любопытный факт: в 1900 году молельня в Кабанском сгорела. Еврейское общество решило тут же построить новую и собрало на эти нужды 8 тысяч рублей. Министерство внутренних дел позволило затеять новое строительство (правда, переписка по этому поводу шла пять лет). Трудность заключалась в том, что ту самую землю, на которой свыше 20 лет стояла еврейская молельня, крестьянское общество под постройку отвести отказалось. Неоднократно ставившийся на сходе вопрос так и не привел к положительному результату, несмотря на законное требование еврейского общества. Кончилось тем, что начальник областного присутствия по крестьянским де-

лам предоставил евреям место административной властью, о чем и сообщил по инстанциям.⁴⁴

18 ноября 1879 года Министерство внутренних дел сообщило Верхнеудинскому окружному полицейскому управлению о позволении открыть молитвенный дом в Верхнеудинске, хотя фактически он существовал уже в 60-х годах.⁴⁵ Земля под новую молельню была куплена у верхнеудинской мещанки Аграфены Стерховой в 1880 году, на строительство каменного двухэтажного здания, увенчанного шлемовидным куполом, было истрчено три тысячи рублей, и в 1883 здание было готово.⁴⁶ Почти одновременно с молельней в Верхнеудинске деревянный молитвенный дом появился в Петровском заводе Верхнеудинского округа. (Хотя есть сведения, что по праздникам здешнее еврейское общество собиралось уже в 60-е годы XIX века).⁴⁷ К сожалению, был ли это «самострой» или община получила официальное разрешение, осталось до конца не ясным. В справочной литературе он зафиксирован как имеющий место, но в отчете Забайкальского военного губернатора Приамурскому генерал-губернатору 1900 года среди перечисленных еврейских молитвенных домов области не значился.⁴⁸ Позже он все-таки был узаконен. Здесь даже в 1911 году был избран казенный раввин Мендель Баронский, который служил по крайней мере до 1917 года, а списки избранных членов хозяйственного правления публиковались в печати.⁴⁹

Молельный дом существовал и в Мысовске, получившем в 1902 году статус города. Есть сведения о молитвенном доме в Кударе Селенгинского уезда.⁵⁰ Ю. Островский отмечал, что хотя еврейские молитвенные дома в Сибири и не блещут особой красотой, но составляют предмет гордости общин.⁵¹ Все молельни, вопреки положению Комитета Министров, управлялись духовными, а не хозяйственными правлениями, которые несли службу на общественных началах, без платы.

Сретенское еврейское общество впервые обратилось с прошением об открытии молельни в 1881 году (доверенным от сретенских евреев был купец

тогда еще II гильдии Яков Самойлович Андоверов). Из 47 еврейских семей станицы к этому времени 19 имели собственные дома.⁵² В 1886 году, когда Андоверов вновь обратился с прошением, в Сретенской жили 35 еврейских семей, имеющих постоянную оседлость, и 27 находились здесь временно – всего 358 человек, и отсутствие молельни, как писал доверенный, «не может не сказываться деморализующим образом на религиозный культ общины и в особенности на подрастающее поколение». К тому же заготовленные для этой цели строительные материалы постепенно приходили в негодность. Андоверов, человек деловой и практичный, считал это решающим аргументом в пользу строительства, хотя власти смотрели на это явно с других позиций. Приамурского генерал-губернатора барона Корфа больше встревожило, как это за 7 лет, с 1879 по 1886 годы, число евреев в Сретенской выросло вдвое, хотя приезд и водворение в Сибири воспрещается, и он велел военному губернатору «озаботиться» стремительным ростом еврейского населения в станице.⁵³ Но 23 июля 1893 года Министерство внутренних дел все же разрешило открытие молельни в Сретенской, о чем было сообщено Нерчинскому окружному начальнику.

Якутская еврейская молельня с хозяйственным правлением открылась с разрешения Департамента Духовных дел иностранных исповеданий, о чем тот уведомил 13 марта 1880 года.⁵⁴ Открытию предшествовало прошение Герша Римлянда: «...прибывши в Якутск, мы не имели ни молитвенного дома, ни свитка заповедей, ни резника для отправления религиозных обрядов...хотя по большинству из нас мы были бедность, но все-таки...собрали денег...послали резнику, чтобы он привез свиток заповедей».⁵⁵ Официальное утверждение произошло без особых проволочек, поскольку право жительства здесь «еврейского элемента», состоявшего сплошь из ссыльных, сомнения ни у кого не вызвало. Денег, собранных еврейским обществом на постройку молельни, не хватило, поэтому роль таковой играла наемная квартира, внешне ничем не напоминающая молитвенное учреждение. В 1901 году один из

прихожан Вениамин Сосновский подавал прошение на открытие еще одной молельни в его собственном доме, поскольку в уже имеющейся «нередко бывают беспорядки», но ходатайство его не имело последствий.

В 1909 году еврейское общество обратилось в областное правление с просьбой разрешить покупку дома или участка под строительство новой молельни. Сложность заключалась в том, что Якутский губернатор запретил собирать деньги по подписке, чтобы избежать даже какого-то намека на обязательность сбора. Средства можно было собрать только либо добровольными пожертвованиями, либо кружечным сбором в молитвенном доме. Под угрозой оказалось не только строительство – прихожане могли потерять круглую сумму 500 рублей, которые они уже отдали продавцу дома священнику Орлову в задаток и которые по договору он мог не возвращать, если своевременно не последует очередной взнос. Хозяйственное правление общины пошло на хитрость, сделав-таки обязательную раскладку и оформив это в специальной книге как добровольные приношения. Но проведенная в 1911 году ревизия без труда обнаружила нарушения, хотя процент обложения вычислить не сумела.⁵⁶ Пожертвования для новой молельни – деньги и вещи – тоже были, но значительно меньшие, и ими бы наверняка не обошлись: самый крупный взнос, сделанный известным золотопромышленником Яковом Фризером, был 50 рублей, а дом у Орлова куплен за 2250 рублей. Еще 459 ушли на его ремонт и переоборудование.⁵⁷ В 1912 году новый молельный дом был построен, а в 1915 уже значился на новой карте города.

Наиболее сложная судьба была уготована Баргузинской и Нерчинской еврейским молельням, которые в ожидании официального разрешения десятилетиями существовали на «нелегальном положении».

Первое обнаруженное нами прошение евреев Баргузина о строительстве молельного дома датируется 1862 годом. В это время, по данным Баргузинского земского исправника, общество насчитывало до 100 человек «участников в отправлении общественного богомоления», 61 из которых были пла-

тельщиками государственных повинностей. По мнению исправника, в прошении следовало отказать, поскольку «для каких-либо общественных еврейских богомолений устраивать или нанимать обыкновенные дома нет дозволения» и «общественные молитвы и богослужения евреев должны быть совершаемы не иначе как в...синагогах или молитвенных школах». А «для направления евреев к соблюдению нравственных обязанностей и к повиновению общественным государственным законам» предлагал прислать из внутренних губерний России для евреев Забайкальской области хотя бы одного раввина». ⁵⁸ По донесению Баргузинского окружного полицейского управления военному губернатору Забайкальской области в июле 1878 года в Баргузине существовало два молитвенных дома, принадлежащих частным лицам. Это были обычные жилые дома, обращенные в молельни без всякого разрешения. Примерно в это же время о строительстве молитвенной школы «безгамедраш» (так в тексте прошения. – Л.К.) ⁵⁹ на собственные деньги начал хлопотать баргузинский купец II гильдии Абрам Новомейский. Первоначально, опираясь на уже известное нам положение Комитета Министров от 19 января 1868 года и отзыв Департамента Духовных дел иностранных исповеданий от 28 января 1873 года, генерал-губернатор Н.П. Синельников 9 марта 1873 года сообщил военному губернатору Забайкальской области, что он «не считает себя вправе возбуждать об этом ходатайство перед Министерством внутренних дел, так как молитвенные школы учреждаются только в местах постоянной оседлости евреев, в Сибири же могут быть разрешены только молельни с хозяйственным при них правлением без права именованя оных синагогами или молитвенными школами». ⁶⁰ Позднее, 22 ноября 1880 года, новый генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин, ссылаясь на эти же документы, уведомил военного губернатора Забайкальской области Л. И. Ильяшевича об отказе в строительстве по тем же причинам. Но и очередное прошение Новомейского о возведении на этот раз уже молельни по большому счету ничего не изменило.

За баргузинское еврейское общество ходатайствовал даже военный губернатор Забайкальской области Ильяшевич. В своей справке генерал-губернатору Восточной Сибири он указал на право, данное Министерству внутренних дел, разрешать вновь образованным еврейским обществам устройство молелен с хозяйственными правлениями. Он напомнил, что общественные молитвы евреями могут быть совершаемы только в специальных зданиях молелен и что баргузинское общество, по Уставу Духовных дел иностранных исповеданий, вполне имеет на это право, поскольку 30 евреев-домовладельцев Баргузина владеют 44 домами, а молельню можно иметь при наличии 30 домохозяев. Но и это не возымело никакого действия. То, что будущая молельня полностью соответствует требованиям строительного устава и никаких сект в Баргузине не существует, также не поколебало решения властей: генерал-губернатор Восточной Сибири со ссылкой на товарища министра внутренних дел сенатора Готовцева отвечал, что тот считает «неудобным и нежелательным разрешать устройство молелен для малочисленных еврейских обществ в Сибири впредь до разрешения общего вопроса о евреях».⁶¹

Переписка в общей сложности продолжалась более 30 лет. Мнение Готовцева как «руководящее» было взято сибирской администрацией на вооружение, и настойчивые прошения, поданные в 1893, 1894, 1896 годах, отклонялись уже новой администрацией - Приамурским генерал-губернатором, в ведение которого Забайкальская область перешла с 1884 года, - именно на этом основании, несмотря на заступничество военных губернаторов области. За это время вместо Абрама Новомейского доверенным баргузинских евреев был избран Лев Каминер, место военного губернатора М.П.Хорошхина занял Е.О. Мациевский, а Приамурского генерал-губернатора барона Корфа сменил на посту Духовской, но в вопросе о Баргузинской молельне ничего не сдвинулось с места - это при том, что к 1894 году в Баргузине жило 56 еврейских семейств, из которых 42 имели собственные дома.⁶² Кроме того, в молель-

ном доме нуждались евреи, жившие в селениях округа и временно наезжавшие по делам в город.

К тому же, как писал новый доверенный Л.Каминер, «евреи эти образовались в большое общество не из по собственной воле приехавших, а из сосланных сюда по распоряжению правительства и находившихся уже здесь их детей, но по какому-то злому року одни из всех жителей обоих полов Сибири почему-то до сих пор не имеют постоянного места для отправления молитв и исполнения обрядов своей религии по закону Моисея». Он также мотивировал надобность в открытии молельни в Баргузине и «необходимостью в интересах религиозно-нравственного воспитания подрастающего еврейского поколения... дать юношеству получить духовное нравственное направление и преданность Престолу и Отечеству».⁶³ Но и это не впечатлило власти, которые, не утруждая себя объяснениями, уже попросту отвечали, что «оснований к обращению в Министерство внутренних дел не видят», и поскольку рассмотренное Министерством ходатайство уважено не было, обращаться вновь нет смысла и, наконец, сообщали о «встреченном Министерством затруднении».⁶⁴ Уже в 1904 году «исполнявший должность» военного губернатора Забайкальской области В.Г. Белоногов отмечал, что «надобность в устройстве в Баргузине молельни не устранилась, жителей в Баргузине – 840 душ»,⁶⁵ но это опять-таки ничего не изменило.

Все это время (по сведениям военного губернатора Забайкальской области, с 1880 года – фактического открытия так и не разрешенной в официальном порядке молельни, а по данным баргузинских евреев – даже с 1874 года)⁶⁶ все обряды совершал резник, иркутский мещанин Абрам Дубников, который и вел частные метрические записи (метрических книг в общине не было). Евреи Баргузина молились в доме, выстроенном все-таки и подаренном им Абрамом Новомейским. Община существовала изолированно, сама по себе, поскольку за дальностью и незаконностью существования не могла причислиться к какому-либо раввинату.

Упорство властей в этом вопросе непонятно, помимо всего прочего потому, что именно баргузинское общество, в отличие от всех еврейских обществ Восточной Сибири, практически не имело в своем составе незаконно проживающих лиц. Географическое положение Баргузина, его отдаленность от крупных торговых центров и в течение десятилетий – вплоть до начала интенсивных золоторазработок в 70-90-х годах XIX века – его ничтожная роль в экономическом развитии Забайкалья практически пресекли появление здесь «вольно зашедших» евреев и прочно закрепили в их сознании его репутацию как места еврейской ссылки. Поэтому вполне понятно недоумение еврейского общества перед существующей по сравнению с другими уездами области дискриминацией в вопросе разрешения им отправления религиозных обрядов. Баргузин действительно был для евреев легитимным местом постоянной оседлости в Сибири – и при этом без права легально собираться в молитвенном доме, хотя практически во всех местах сосредоточения евреев в Забайкалье, даже если они не составляли постоянного места оседлости, молитвенные учреждения были разрешены.

Только 9 февраля 1905 года «ввиду значительного числа проживающих в городе Баргузине евреев» Департамент Духовных дел иностранных исповеданий разрешил, наконец, устройство в городе «особой еврейской молельни с хозяйственным правлением и с избранием раввина из числа лиц, обладающих установленным... образовательным цензом».⁶⁷ А уже через год община приняла решение о строительстве новой каменной молитвенной школы (старая за время борьбы за ее легализацию успела обветшать). Предполагалось, что строительство обойдется в 20-25 тысяч рублей. Начало строительства затянулось, видимо, из-за того, что практически в это же время началось возведение еврейско-русского училища, которое тоже требовало значительных средств. Во всяком случае, в 1916 году на одном из собраний общины вновь был поднят вопрос о новой молитвенной школе. В короткое время еврейское купечество Баргузина подписалось на сумму 1500 рублей, а хозяйственное

правление избрало из своего состава строительный комитет. Но завершить строительство до революции, по-видимому, так и не успели.⁶⁸

Не менее мучительно шли к легализации своей молельни и евреи Нерчинска. Собрав 1000 рублей, в 1875 году они открыли ее с разрешения окружного полицейского управления. Но поскольку разрешения Министерства внутренних дел получено не было, она все равно считалась вне закона, поэтому местное молельное общество не оставляло попыток добиться ее легализации.

В 1883 году по предложению окружного полицейского управления вопрос был представлен на усмотрение Забайкальского военного губернатора, и тот, по-видимому, не возражал против существования молельни. В этом же году нерчинские евреи обратились к генерал-губернатору Восточной Сибири с прошением о постройке нового молитвенного дома. Вообще-то он уже был выстроен, по прочности и месту нахождения соответствовал всем условиям (то есть находился не менее, чем в 100 саженьях от православной церкви), и просто нужно было его узаконить. Видимо, просители не сомневались в благополучном исходе: в это время в Нерчинске жило 40 еврейских семей, 37 из которых подписали прошение. Молельня была также необходима приезжающим из округа для богослужения в праздничные дни.⁶⁹ К тому же оставшийся за военного губернатора Забайкальской области Семенов обращался к генерал-губернатору Восточной Сибири с ходатайством о разрешении построить молельню с хозяйственным правлением, предписав Нерчинскому окружному полицейскому управлению до разрешения этого вопроса не стеснять евреев в отправлении богослужения в существующем там молитвенном доме.⁷⁰

Но высшие инстанции в решении этого вопроса скопировали «баргузинский вариант». Генерал-губернатор Восточной Сибири, опять-таки сославшись на мнение товарища министра внутренних дел Готовцева, «полагал бы за лучшее повременить с этим до решения общего еврейского вопроса», а Главное управление Восточной Сибири решило, что «приостановиться необ-

ходимо, потому что положение нерчинской молельни ничем не отличается от Баргузина и Сретенска».⁷¹

подававшим в 1894 году прошение о ремонте молитвенного здания нерчинским евреям, по-видимому, придавало смелости формально не самовольное строительство молельни – ведь окружным полицейским управлением оно было разрешено. К ходатайству был приложен чертеж, на котором вместо скромного дома фигурировала целая синагога. Надо полагать, такая дерзость губернатору пришлось не по вкусу. В делах Забайкальского областного правления сразу нашлась справка, что хотя Нерчинское окружное полицейское управление и разрешило евреям в свое время построить дом, но без указания цели, тогда как евреи в последующем стали собираться в нем для молитв. Все их ходатайства о постройке новой молельни неизменно отклонялись.

В 1896 году устройство молельни в Нерчинске все еще не было разрешено. Более того, 31 августа Приамурский генерал-губернатор Гродеков, отказав в ее официальном учреждении, добавил, что как открытая без надлежащего разрешения, она может подлежать закрытию по распоряжению местной администрации.⁷²

О разрешении постройки Нерчинской молельни в дальнейшем ходатайствовал купец I гильдии Фисель Израилевич Риф. В 1902 году в Нерчинске было уже 57 семей, владеющих недвижимостью, – почти вдвое больше, чем оговорено законом для приобретения права на открытие молельни.⁷³ Военный губернатор Надаров, зная о самовольном основании Нерчинского еврейского молитвенного дома, ходатайствовал перед Приамурским генерал-губернатором о его законном открытии, приложив при этом копии предложений Забайкальского областного правления от 29 октября 1874 года и 11 августа 1876 года о разрешении открытия Читинской и Кабанской молелен с позволения Министерства внутренних дел и генерал-губернатора Восточной Сибири.⁷⁴ Интересно, что в официальной отчетности Нерчинский молитвенный дом фигурировал как официально разрешенный с 1889 года.⁷⁵

Самовольное открытие еврейских молитвенных домов было в Сибири достаточно распространенным явлением, что послужило основанием для циркулярного письма Главного управления Восточной Сибири начальникам областей и губерний о том, что большая часть еврейских молитвенных домов «или вовсе не имеет на открытие надлежащих оснований, или дома эти устроены самовольно, без всякого со стороны начальства разрешения».⁷⁶ Пользуясь недостаточной компетентностью властей на местах в этом вопросе, а также опасаясь длительного хождения по инстанциям в поисках официального разрешения, евреи шли окольным путем, вначале просто тайком собираясь для молитв в каком-нибудь доме. Как правило, дома эти, по описанию полицейского чиновника, «в санитарном отношении...по устройству своему не отличаются от обыкновенных частных домов, тесны, потолки оных низки, окна малы, отчего происходит при большом стечении евреев духота, и вообще опрятности мало».⁷⁷

Постепенно число молящихся увеличивалось, и скрыть это от местной власти становилось трудно. Но к этому времени окружной исправник, как правило, уже проникался их проблемами и становился одним из ходатаев, как, например, в Баргузине, где он доказывал, что утверждение в городе еврейской молельни с хозяйственным при ней правлением никаких резких перемен вызвать не может. Более того, своими аргументами он привлек на сторону просителей военного губернатора Забайкальской области, настаивавшего на разрешении открытия молельни, тем более что закону это не противоречит.⁷⁸

За время «движения» прошений и ходатайств с ответными резолюциями к существованию не разрешенных официально молитвенных домов начинали привыкать и мирились с этим как с неизбежностью. Именно так обстояло дело с открытием Нерчинского и Баргузинского молельных домов, прихожане которых постепенно приучили всех к факту их существования. Во всяком случае, военный губернатор Забайкальской области Мациевский в 1900 году

писал Приамурскому генерал-губернатору, что «лишить евреев права собираться в зданиях молельни для богослужения, где они привыкли молиться в течение такого продолжительного времени, было бы нежелательно, не согласно с принципом Правительства о веротерпимости». Его преемник Надаров 5 июня 1902 года добавил, что «к дальнейшему существованию Нерчинской и Баргузинской еврейских молелен, не имеющих на открытие установленных законом разрешений Г. Министра внутренних дел, с его стороны препятствий не встречается ввиду долговременности их существования» (выделено нами. – Л.К.).⁷⁹

В селе Малочитканском Баргузинского уезда Забайкальской области молитвенный дом без разрешения существовал с 1860 года, хотя молились там редко из-за малочисленности еврейского населения. В четырех близлежащих деревнях, откуда помолиться приезжали только в праздники, насчитывалось 55 семей – около 400 человек. Дом был куплен с аукциона у баргузинского мещанина Герша Бутлицкого, который к тому же внес в общество 250 рублей серебром на его переоборудование и устройство молельного дома с богадельней под одной крышей. Это и стало формальной причиной отказа в его официальном признании.⁸⁰ Молельня тем не менее продолжала свое существование, обряды исполнял баргузинский резник, а ведение метрических книг взяло на себя правление Баргузинской еврейской молельни.

Только в 1909 году евреи Читканской волости вновь ходатайствовали перед военным губернатором Забайкальской области об официальном ее открытии. По-видимому, ответ был положительным. По крайней мере евреям близлежащих сел Уро и Телятниково отказали в открытии молельни на том основании, что удовлетворять свои духовные нужды они могут в молельне села Читканского.⁸¹ В Итанцинской волости Селенгинского округа евреи также без разрешения собирались в частных домах селений Турунтаевское и Туринское, причем первый из них находился всего в 40 сажнях от православной церкви, что противоречило строительному уставу. Существование и

Малочитканского, и Турунтаевского молитвенных домов зафиксировано в справочной литературе задолго до получения разрешения на их открытие.⁸²

Самовольно был открыт молитвенный дом и в селении Усть-Илинском Читинского округа, где жило всего восемь еврейских семей. А в селении Могойтуевском Ундургинской волости Забайкальской области построенный без разрешения молитвенный дом в 1911 году по распоряжению военного губернатора был закрыт, но после подачи прошения открытие его в поселке, где жило всего 15 еврейских семей, разрешили.⁸³

Но бывало и иначе. Например, в Усть-Баргузине Баргузинского округа достаточно долго существовал нигде не зарегистрированный молитвенный дом, в котором по праздникам собирались евреи. Власти об этом даже не подозревали до получения доноса о том, что еврейский староста Абрам Углов при отправлении литургии не молится о здравии и спасении их императорских величеств. Поскольку был дан ход делу об открытии без разрешения молитвенного дома, Углову ничего не оставалось, как заявить, что никакого молитвенного дома нет, что он вовсе не староста, а просто казначей, собирающий деньги на нужды бедных.⁸⁴

Практически во всех сибирских городах и крупных селениях, где наблюдалось компактное проживание еврейского населения, в 80-е годы XIX века существовали молитвенные учреждения, и религиозная потребность евреев получила выход. Но для большинства евреев, разбросанных на огромной территории (во многих селениях жили лишь отдельные еврейские семьи), отправление религиозных обязанностей делалось совершенно невозможным из-за громадных расстояний и удаленности от городских центров, где были подготовленные для совершения треб лица. Положение усугублялось существующей системой причисления евреев к тому или иному населенному пункту, когда даже выезд в ближайший город для участия в праздничной молитве был сопряжен с подачей целой цепочки прошений в разные инстанции.

Иркутский генерал-губернатор в октябре 1901 года даже писал в Министерство внутренних дел, что «проживающие в Сибири евреи лишены возможности собираться для общественных молитв исключительно ввиду крайне ограничительного понятия о месте причисления и дозволенного жительства каждого из них, под каковым по принятому толкованию подразумевается...селение или город, к которому приписан еврей... При самом незначительном расширении понятия о месте дозволения каждому из евреев в Сибири жительства лица иудейского вероисповедания, хотя бы проживающие в одной волости или уезде, уже получили бы несомненное право и возможность совершать общественные молитвы».⁸⁵

К губернаторам то и дело поступали прошения о разрешении проводить службы в частных домах, где собирались бы евреи из окрестных деревень, без строительства специальных молельных учреждений. За несколько лет в начале XX века свыше дюжины таких прошений поступило от еврейских крестьян Иркутской и Енисейской губерний и Забайкальской области.⁸⁶ Как говорилось в прошении крестьянина Сухобузимской волости Красноярского уезда Герша Гольденберга, «все евреи уезда в силу своих религиозных традиций стремятся и желают иметь определенное место, официально разрешенное, где бы они могли, не стесняясь и не укрываясь от преследования, собираться три раза в год для общественных молитв, для чего может быть частный дом».⁸⁷ В каждом конкретном случае власти руководствовались всем комплексом причин для удовлетворения ходатайства или его отклонения: законностью проживания евреев в указанных селениях, численностью еврейских семейств, месторасположением предполагаемого молитвенного дома и его удаленностью от ближайшего еврейского общества.

Но в целом прослеживаются две противоречивые позиции в этом вопросе. Одну представляло Министерство внутренних дел, полагавшее, что открытие молелен сплотит евреев в одно общество «для большей возможности эксплуатации местного населения», другую – сибирские губернаторы, мнение

которых выразил Иркутский генерал-губернатор А.И. Пантелеев: полное воспрещение молитв «при настоящих условиях и при фактических требованиях иудейского закона относительно соблюдения обрядовой стороны исповедания неизбежно вызывает и будет вызывать тайные сборища, несравненно более нежелательные и вредные, чем собрания, происходящие с подлежащим разрешением и под должным надзором».⁸⁸ Возобладала последняя точка зрения. Доподлинно известно, что разрешение собираться для праздничной молитвы получили крестьяне сел Емельяново Заледеевской волости и Атаманово Сухобузимской волости, куда приезжали и из близлежащих деревень, селений Еловское и Кокурское Красноярского уезда Енисейской губернии, села Знаменка Илгинской волости Верхоленского уезда, Усть-Уды Балаганского уезда, Тулуна Нижнеудинского уезда, Зимы и Ашехабатского отдельного общества Иркутской губернии.⁸⁹

Исследователи отмечали, что большинство сибирских евреев, не отличаясь особой набожностью, достаточно индифферентно относились к национальным обычаям и религиозным традициям: не соблюдали субботу, торговали по праздникам. В молельнях нельзя было найти ни свитков Торы, ни старинных предметов богослужения. Да и сами молельни, на открытие которых было положено столько сил, большую часть времени пустовали.⁹⁰ Оторванные от своих единоверцев в черте оседлости, из поколения в поколение проживая в регионе «размытых традиций», где практически не было людей, искушенных в обрядовой стороне иудаизма, еврей-сибиряки растеряли многие черты, присущие их единоверцам из западных губерний. Это признавалось и ими самими. «...большая часть еврейского населения уже дети ссыльных, но даже эти последние воспитаны далеко не при таких условиях и нередко настолько мало знакомы с теорией еврейских законов, что всякое использование религиозных треб является для них бессознательным машинальным подражанием традиционным обычаям», - писала группа читинских евреев военному губернатору Забайкалья.⁹¹

Но в то же время и в этих условиях многие из них сумели сохранить тягу к вере, к единению. Община была большой патриархальной семьей, защищавшей от непонятого, а то и враждебного внешнего мира. Лишаясь поддержки этой семьи переменной веры, еврей оставался чужим в глазах чужих и становился чужим среди своих. Поэтому случаи перехода в другую веру были крайне редки. За исключением единиц, искренне увлекшихся догматами другой веры, евреи крестились из сугубо меркантильных соображений: для преуспевания в делах, получения образования, льгот по уплате податей, гарантированных положением Первого Сибирского Комитета 1832 года, а то и просто для получения единовременного денежного вознаграждения.⁹² Об этом говорят и случаи возвращения в иудаизм в преклонных годах, при приближении смерти

Концентрируясь вокруг повсеместно появлявшихся в Восточной Сибири молитвенных учреждений, евреи ощущали себя единым целым, неразрывным даже в инородной среде. Именно синагоге на самых первых порах выпала миссия объединителя еврейских масс, именно она сыграла главную, если не исключительную роль в сплочении евреев, сохранении их национальной идентификации и национального самосознания, в их победе, одержанной в нелегкой борьбе за право оставаться самими собой.

5. 2. Формирование институтов общинного самоуправления

Особенностью религиозной жизни евреев Восточной Сибири было отсутствие многих свойственных иудаизму традиций. Кагалы были запрещены задолго до появления в регионе устойчивых признаков общинной жизни, поэтому их опыт управления единоверцами не мог быть перенесен в Сибирь даже в виде «остаточного явления». Другой особенностью был острый недостаток подготовленных специалистов, носителей истинно еврейского духа, искушенных в тонкостях обрядов веры, в результате чего многие из них про-

водились по упрощенному сибирскому варианту или же не проводились вообще.

Традиции управления общиной зарождались одновременно с ее появлением и развитием. Они опирались, с одной стороны, на передающийся из поколения в поколение религиозный опыт некоторых членов общины, получивших традиционное еврейское воспитание и стремившихся неукоснительно соблюдать «Моисеев закон», а с другой стороны - на особенности местностей, «в коих относительно евреев установлены особые ограничительные правила». В их числе оказалась и Сибирь.

Несмотря на исходивший от Министерства внутренних дел запрет на управление сибирских молитвенных обществ духовными правлениями с категорическим требованием замены их хозяйственными, еврейские общества Восточной Сибири с самого начала управлялись духовными правлениями. В 1875 году впервые избрало духовное правление Красноярское еврейское общество. По воспоминаниям иркутского купца Якова Перцеля, первые выборы духовного правления в Иркутской общине состоялись в июне 1877 года. Правда, губернский совет утвердил только старосту и казначея - и то через полгода. В 1882 году впервые приступило к работе духовное правление Верхнеудинской еврейской общины. Первые выборы духовного правления в Читинской еврейской общине состоялись в 1875 году, а в Якутской - в 1885 году.⁹³

На наш взгляд, пренебрежение министерскими распоряжениями объясняется всего лишь желанием устроить жизнь по знакомому и привычному образцу. Суть понятия «хозяйственное правление» была неизвестна ни властям, ни самому еврейскому обществу, тогда как духовное правление, чьи функции обстоятельно растолкованы Уставом Духовных дел иностранных исповеданий, со старостой - первым лицом в общине, ответственным за все в ней происходящее, администрацию вполне устраивало. Администрация Забайкальской области вообще не видела здесь никакого отклонения от закона, так как,

по разъяснению Министерства внутренних дел, правление молельни учреждается «для заведования ее хозяйственной частью», а духовное правление занималось хозяйственными делами. (Даже когда в еврейских обществах Восточной Сибири повсеместно произошла смена духовных правлений хозяйственными, в Читинском еврейском обществе по-прежнему по инерции избирали духовные вплоть до 1909 года, когда Забайкальское областное правление отказалось утверждать вновь избранный состав духовного правления).

Красноярская городская управа и вовсе была уверена, что обязанности духовного правления не должны «касаться религиозных толкований, а лишь административных действий его по надзору за действиями и порядком евреев в молитвенной школе и за интересами общества по сбору-расходу сумм на содержание молитвенной школы, бедным и неимущим средств к жизни, а также ведения и предоставления в управление метрических книг».⁹⁴ Поскольку выборные органы общины эти функции исправно выполняли, на другой форме правления власти и не настаивали. Наиболее дотошные толкователи закона обратили внимание, что требование «устройства молелен с хозяйственными при них правлениями» касается только вновь образовавшихся обществ вне черты их постоянной оседлости и, следовательно, изданные Министерством внутренних дел Временные правила по управлению молитвенными учреждениями вне черты оседлости, датированные 1877 годом, на общины, появившиеся раньше, не могли распространяться.⁹⁵ В частности, Томское губернское правление отказало Томской общине в замене духовного правления на хозяйственное, поскольку ко времени издания правил духовное правление уже существовало.⁹⁶

Духовное правление общины состояло из трех человек: старосты (габа), ученого еврея для объяснения сомнений, к богослужению и обрядам веры относящихся, и казначея (неймана). Их избирали раз в три года закрытым голосованием из состава самых уважаемых членов общины. Если в обществе был раввин, он становился членом правления автоматически. (Енисейский

губернатор специально оговаривал, что проводящие за неимением раввинов религиозные обряды в Канске, Ачинске и Енисейске лица только на этом основании участвовать в правлении не могут).⁹⁷

В голосовании принимали участие только так называемые законные члены, то есть регулярно платящие взносы в кассу общины и потому имеющие право голоса на общинных собраниях, хотя в разных местностях Сибири «законность» и «полноправность» члена молитвенного общества зависела еще и от особенностей формирования общины. К примеру, Енисейское губернское правление в марте 1884 года предписало городской управе, что правом участия в избрании членов правления и кандидатов к ним могут воспользоваться только местные евреи – купцы и мещане. Евреям же других категорий, как не имеющим права жительства в этих городах и оставленным в них на жительство лишь временно, участие в выборах должно быть воспрещено.⁹⁸

По мнению же Якутского областного правления предписание противоречило Уставу Духовных дел иностранных исповеданий, согласно которому должностные лица духовного правления избираются всеми евреями, посещающими синагогу или молитвенную школу. И в некоторых общинах, к примеру, Верхнеудинской или Якутской, статус ссыльного отнюдь не служил препятствием к подаче голосов на выборах. Якутское областное правление, напротив, даже своим журналом специально зафиксировало возможность всех евреев быть членами общества. И не только избирать, но и утверждаться в выборных должностях, поскольку Якутское еврейское общество формировалось преимущественно из ссыльных и подобное ограничение могло послужить непреодолимым препятствием к членству в обществе практически всем евреям.⁹⁹

Что касается регулярных взносов в кассу общины, дающих право голоса, то они тоже сильно дифференцировались в зависимости от ее экономического состояния. Согласно Временным правилам для молитвенных учреждений Санкт-Петербурга, которыми Министерство внутренних дел предписывало

руководствоваться всем еврейским молитвенным обществам, находящимся за чертой оседлости, этот взнос равнялся 25 рублям – цифра слишком высокая для еврейских обществ Сибири. Поэтому она корректировалась в зависимости от экономической состоятельности их членов. В частности, Енисейское губернское правление было за то, чтобы уменьшить ее, поскольку при этом условии большая часть евреев, не имеющая по своему имущественному положению возможности сделать столь значительный взнос, лишится права принимать какое-либо участие в управлении молельней. Не фиксируя твердо его размеры, он предлагал составить смету расходов на содержание молельни на год или трехлетие и в связи с этим сделать раскладку на каждого ее члена. Другим предложенным им вариантом была раскладка строго индивидуальная в зависимости от имущественного состояния плательщиков.¹⁰⁰

Иркутский губернатор И.П. Моллериус предложил сумму взноса с каждого члена молитвенного общества ограничить 10 рублями, мотивируя тем, что «еврейская часть населения города Иркутска не может быть сравниваема с петербургскою...по степени зажиточности, а поэтому принятый для Петербурга минимальный размер взноса в Иркутске по местным условиям оказался бы слишком высоким».¹⁰¹ В Баргузинской молельне сумму обязательного взноса также уменьшили до 10 рублей.¹⁰²

Иркутский генерал-губернатор Горемыкин, высказывая свои соображения Министерству внутренних дел в августе 1895 года, предложил взнос в Иркутске, Красноярске и Якутске ограничить 5 рублями, а в Ачинске и Канске, принимая во внимание, что «существование молелен в этих городах в течение нескольких десятков лет свидетельствует о действительной в них потребности...разрешить их дальнейшее существование...с размером взносов не выше 3 рублей».¹⁰³ В Канцелярии Иркутского генерал-губернатора в конечном итоге рассудили, что для Якутска и 3 рублей достаточно, как в Ачинске и Канске, (хотя в первоначальном проекте было 6), так как большинство проживающих в Якутске евреев – потомки ссыльных.¹⁰⁴ Правда,

якутские евреи настаивали, чтобы взнос принимался не только наличными деньгами, но и пожертвованиями различных вещей или трудом в молитвенном доме. В противном случае получалось, что внесшие три рубля деньгами имели преимущество перед пожертвовавшими дорогие люстры и канделябры на сумму до 100 рублей и больше.¹⁰⁵ Очевидно, предложение могло быть принято, потому что Якутский губернатор затребовал список прихожан с указанием размеров взноса каждого в любой форме. Но такого списка не оказалось: учет велся небрежно...

Любопытно, что в маленьких городах сами евреи готовы были установить значительный размер взносов (к примеру, в Киренске 15 рублей,¹⁰⁶ хотя такую цифру признали неподъемной и иркутские, и красноярские прихожане) и пополнять общинную кассу другими добровольными пожертвованиями, если собранного окажется недостаточно. Скорей всего, они таким способом хотели доказать посильность содержания молельного дома и правления для малочисленного киренского общества.

Для принятия решения на собрании необходимо было присутствие двух третей законных членов, что во всех общинах достигалось считанные разы. По закону при отсутствии положенных двух третей в следующий раз собрание проводилось при явке любого числа прихожан, за исключением случаев, когда в повестке значились отчет правления или выборы новых его членов. Прецеденты срыва собрания из-за неявки законных членов создавались очень часто. Бывало, что собрания переносились по несколько раз. В Верхнеудинской общине, например, из-за неявки общинников хозяйственное правление не могли избрать более года.¹⁰⁷ Более двух лет не могли собраться и евреи Красноярска для выбора духовного правления, которое в течение этого времени практически не работало. Поскольку губернские власти не утверждали приговора, составленного от силы одной десятой глав живущих в Красноярске семей, даже городская и мещанская управы старались убедить их, что больше собрать вряд ли удастся.¹⁰⁸

На наш взгляд, дело здесь отнюдь не в равнодушии к делам общины, а в особенностях правового положения евреев в Сибири. Законные члены, составляя самую экономически активную часть еврейского общества, вынуждены были часто отлучаться по торговым делам из места причисления. Каждый выезд был сопряжен с немалыми трудностями и требовал отдельного разрешения. Причем длительные, на несколько месяцев, отлучки санкционировались только губернатором. Поэтому при совпадении сроков проведения общинного собрания со сроками разрешенного, наконец, выезда приоритет отдавался последнему.

Процедура выборов была сложной и длительной по срокам. Вначале община просила разрешения на созыв общества для выбора должностных лиц, которое «спускалось» областным или губернским начальством со строгим соблюдением субординации. На собрании всегда присутствовал чиновник городского управления или полицейского ведомства, в чьи задачи входил надзор за законностью выбора, но, несмотря на это, результаты выборов должны были быть утверждены опять-таки по инстанциям: вначале городскими властями, затем губернскими, которые сообщали о своем решении опять-таки через городскую власть. После приведения избранных к присяге в присутствии чиновников из полицейского управления они могли, наконец, приступить к своим обязанностям.¹⁰⁹ С момента решения правления еврейского общества о новых выборах до вступления в должность вновь избранных проходили месяцы, а первоначально, когда процедура утверждения была не очень понятна самим представителям местной администрации, и больше. В частности, в Иркутске городской голова, Иркутское губернское управление и Иркутский губернатор по общему губернскому управлению на заре общинного правления в течение почти трех лет решали, в чьей компетенции утверждение выборов. За это время уже подошел срок новых.¹¹⁰

Становление институтов общинного самоуправления проходило в жесткой борьбе, длившейся с разными вариациями около двух десятилетий. Хотя

внутриобщинные противоречия и не имели разрушительного характера, а в случае опасности извне вовсе отступали перед растущей сплоченностью евреев, в периоды «мирного сосуществования» с властью община погрязала в борьбе, изматывающей и ослабляющей еврейское общество.

Ее региональной особенностью было отсутствие каких-либо идейных разногласий. Конфликты не имели характерного для черты оседлости религиозного оттенка (в Сибири не было сект хасидов и миснагидов), не касались разных подходов к еврейскому образованию и воспитанию прогрессистов и ортодоксов, ничего общего не имели с борьбой различных тенденций в национальном движении.¹¹¹ В ее основе лежали более прозаические причины: власть в общине, влияние на умы соплеменников и доступ к общинной кассе. (Газета «Восточное обозрение», проанализировав процесс этой борьбы, уход от религиозных вопросов при преследовании сугубо бытовых целей объяснила низкой культурой сибирского еврейства).¹¹²

Другой особенностью внутриобщинной борьбы сибирских евреев можно считать то, что пик ее - в отличие от общин западных губерний, переживших противоречия в пору своего расцвета, - пришелся на 70-80-е годы XIX века, когда общины Восточной Сибири, хотя и были уже сложившимися организациями, проходили еще «юношеский» период утверждения элементов общинного самоуправления перед переходом к зрелой коллективной жизни, предполагающей определенное влияние, развитую благотворительную и культурную деятельность. (В Якутской еврейской общине, где органы общинного самоуправления формировались позже, наибольшего накала она достигла в конце 80-х - 90-е годы). Последняя особенность, на наш взгляд, диктуется тем, что вплоть до 90-х годов, когда община еще только формировалась и из-за своей пока малой сплоченности и слабого проявления национального самосознания не представляла для власти никакой реальной (или мнимой) угрозы, она не подвергалась никаким гонениям, и свои силы общинники использовали для собственного утверждения.

В конфликтных ситуациях они не брезговали настойчивыми доносами и грязными сплетнями, всячески привлекая местную власть в союзники в борьбе с единоверцами. Хотя в каждом регионе эта борьба имела свои формы и методы – в зависимости от этапа развития общины, ее материальной устойчивости, имущественного положения и социальной принадлежности ее членов, характера взаимоотношений с местной властью. В борьбе явно просматривались либо разность групповых интересов,¹¹³ что характерно для общин с более выраженным социальным расслоением, либо чисто межличностные отношения – удел общин победнее, члены которых занимали равное или почти равное положение в обществе.

Первое характерно, к примеру, для Иркутской еврейской общины. Социальные различия, а позже и экономическая дифференциация, разница в правовом статусе породили затянувшийся на десятилетия конфликт. Вначале он возник между ссыльными и «вольными» – состоятельными крестьянами и мещанами из ссыльных, претендовавшими на роль заправил, с одной стороны, и отставными николаевскими солдатами – небогатой, но единственной официально признаваемой, а потому независимой категорией евреев в Иркутске, которым было разрешено построение молитвенного дома – с другой стороны. Затем между «интеллигентно-купеческой» партией – богатым купечеством, забравшим через своих старост всю общину в свои руки, – и «ангарщиной» – городской беднотой, искавшей в общине материальной и духовной помощи, а с началом гонений – защиты от административных притеснений. От ее лица в конфликте выступал средний класс.¹¹⁴

В средствах разрешения конфликта, отличавшегося жестокостью и бескомпромиссностью, еврейское общество не стеснялось: от прямого насилия до «экономической блокады», которую практиковала старо-купеческая партия для усмирения среднего класса, желавшего, в свою очередь, умерить ее диктат. Благотворительных и просветительских институтов, которые могли бы стать амортизатором в этой борьбе, еще не было да и не могло быть, по-

тому что их наличие – результат определенного уровня образованности и интеллигентности. А купеческая партия не имела ни того, ни другого. Но за рамки общины борьба не выходила: иркутские евреи не пытались привлечь власти на свою сторону.

Совсем иной характер имела борьба в Красноярской и Якутской общинах. Она была скорее межличностной, поскольку то и другое еврейские общества были почти однородны: в Красноярске значительную часть их составляли более или менее состоятельные мещане, в Якутске – ссыльные и мещане из ссыльных. Противоборствующие стороны, как правило, вербовали себе сторонников без опоры на материальное или социальное положение, а руководствуясь личными симпатиями. Не имея явного преимущества, противники старались переманить в свой лагерь местную власть, сделав взаимные жалобы и доносы (имеющие и не имеющие под собой основания) главным орудием для достижения «руководящей роли» среди единоверцев.

Как правило, в эпицентре борьбы находился человек, пытавшийся навязать общине свой авторитет, подмять ее под себя и заставить жить сообразно собственным меркам. В Иркутской общине первоначально это был Яков Домбровский. Историки общины характеризовали его как человека деспотичного, этакий слепок с кагального главара, настаивавшего, чтобы все в общине делалось по его воле.¹¹⁵ Его требования безусловного подчинения вызвали недовольство иркутских евреев и, прежде всего, солдат, которые отделились и образовали собственную общину.¹¹⁶ Но при всем при том это была личность. «Первый еврейский интеллигент Сибири», хорошо знавший Библию и смысливший в Талмуде, человек, «сделавший себя сам», стремительно и виртуозно преодолевший путь от бесправного ссыльного до богатейшего и влиятельнейшего лица в иркутской купеческой среде, он по существу стал первым организатором религиозной жизни евреев Иркутска.¹¹⁷ В доме, который он нанял под молельню, вскоре уже собиралось по несколько десятков человек. Резник Евсей Рябкин, приехавший с ним, прослужил в общине 30 лет.¹¹⁸

Домбровский первым по собственной инициативе стал вести метрические книги.

Не будучи официально избранным старостой, Домбровский тем не менее положил начало «старостинской эпохе», по меткому выражению В.Войтинского и А.Горнштейна, продолжавшейся до конца 90-х годов XIX века. Когда большинство общинников еще материально несостоятельны, малограмотны и к тому же в общине отсутствуют традиции коллегиального управления, она почти неизбежно группируется вокруг (или против) какого-то достаточно значительного лица, облеченного определенными полномочиями, стремящегося управлять общиной единолично.

Второй этап борьбы между старо-купеческой партией, стремившейся превратиться в родовую аристократию и действовать бесконтрольно, и средним классом, желавшим коллегиальных действий, выдвинул своих лидеров, поочередно занимавших пост старост в духовном правлении общины: Бориса Горфина и Михаила Шейниса.

Решающую роль в победе на выборах Бориса Горфина, избранного сначала казначеем, а потом, в 1888 году, и старостой, сыграли денежная запутанность и запущенность в делах всех общинных учреждений. Все недолгое время своего правления Горфин старался свести концы с концами, поскольку консервативно настроенное иркутское купечество полностью отказало общине в денежной поддержке: в первый год несения им службы поступлений было менее четырех тысяч рублей. Взяв на вооружение опыт общины, которая в экстремальных ситуациях наряду с существующим правлением создавала какой-то коллегиальный орган (вспомним комитет из 18 человек, фактически взявший на себя руководство общиной во время строительства новой синагоги), он пытался создать комитет из 7 человек, который должен был обладать всей полнотой власти «ввиду невозможности частых собраний всего общества». Предполагалось, что уполномоченные будут распоряжаться всеми имеющимися суммами, избирать членов духовного правления, а все их

распоряжения будут обязательными для исполнения членами общества. Создание комитета оправдывалось тем, что духовное правление не в состоянии справиться со всеми задачами, в результате чего после десятков лет проживания евреев в Иркутске нет ничего организованного или систематического, а «ведение дел находится в совершенно первобытном порядке».¹¹⁹

Но это решение не получило одобрения городской управы. И хотя в 1881 году городские власти утвердили комитет из 18 человек для окончательного устройства молитвенного дома, на этот раз они не решились предоставить семерым общинникам неограниченные права по распоряжению всеми делами общины. Тем более что за отсутствием всего их числа вопросы будут решаться двумя лицами (смотря по тому, на чьей стороне председатель), тогда как по закону еврейский молитвенный дом - исполнительный орган всего общества евреев.¹²⁰ Благие намерения старосты - навести порядок в делах общины, поставить денежные поступления под контроль и направить их часть на благотворительные цели - были по достоинству оценены.¹²¹ Но в стремлении вывести общину из денежных затруднений он действовал в обычном для иркутского «старостата» русле: попытках централизовать власть в своих руках, оставив органам общинного самоуправления лишь роль простых исполнителей.

Новый староста Михаил Шейнис, ставленник старо-купеческой партии, был избран 13 января 1891 года подавляющим большинством голосов и в августе утвержден на последующее трехлетие.¹²² Его приход был обусловлен острой нуждой в средствах для защиты от опасности извне, пришедшей в лице нового генерал-губернатора Горемыкина, который всячески притеснял общину и грубо вмешивался в ее внутреннюю жизнь. Однако новый староста не спешил поставить свою власть и общинную кассу на службу единоверцам. Его правление отличалось стремлением утвердить свое влияние в общине, устранив от власти всех, кто даже теоретически мог ему в этом помешать (к

примеру, ученого еврея Исая Файнберга), и бесконтрольно, по собственному усмотрению, распоряжаться деньгами общины.

По жалобе общинников на противоправные действия Шейниса городская управа даже учинила проверку законности собранных средств и порядка их расходования.¹²³ Но показания опрошенных прихожан относительно практиковавшегося Шейнисом коробочного сбора¹²⁴ настолько сильно отличались – от отрицания факта каких бы то ни было поборов или утверждения их полной законности, освященной общим собранием, до обвинений старосты в полном произволе - что сразу ясна «расстановка сил». Сам Шейнис доказывал четкое фиксирование сборов в отдельной книге и особо подчеркивал их добровольный характер.¹²⁵ По заключению проводившего проверку члена Иркутской городской управы П.Я. Горяева, коробочный сбор, введенный правлением еврейского молитвенного дома во главе со старостой Шейнисом вопреки требованиям закона и распоряжению губернского правления, в течение трех лет дал 24 тысячи рублей, которые Шейнис расходовал совершенно произвольно. (Записи, представленные самим Шейнисом, сильно отличались от материалов следствия: показанная в них сумма, собранная за год, не достигала даже до тысячи рублей).¹²⁶ По мнению управы, во избежание ответственности за растрату староста «...пытается удержать за собой должность... и на следующее трехлетие, для чего и употребляет не допускаемые законом меры, как-то: составление предварительных приговоров, которые принуждают подписывать членов еврейского общества, так или иначе находящихся в зависимости от Шейниса, а также и лиц неграмотных и темных». Таким образом, жалоба переросла рамки прошения и стала обвинением в преступлениях, предусмотренных Уложением о наказаниях. И Шейнису удалось избежать ответственности лишь в результате препирательств губернского и городского начальства, так и не определившихся, кому из них предстоит возбуждать уголовное преследование.

Шейнис заключил собой «старостинскую» эпоху, характеризовавшуюся стремлением к единоличному правлению. Из благих побуждений (или наоборот) иркутские старосты духовного правления стремились к диктату, используя данную им власть и не пытаясь прибегнуть к поддержке администрации.

Главные «борцы» Красноярской и Якутской еврейских общин Шамай Левин и Лев Мордохович были мельче. Однако и их имена были на слуху, и в течение полутора-двух десятилетий с большей или меньшей степенью успеха они заставляли считаться со своими растущими претензиями не только членов общины, но и городские власти.

Шамай Левин, неперенное и главное действующее лицо внутриобщинных противоречий, человек, по-видимому, достаточно конфликтный и склочный, оказался в Красноярске как политссылный.¹²⁷ Однако здесь он не обнаружил никаких политических пристрастий, а всю не растрченную в политической деятельности энергию употребил на борьбу за влияние на умы и кошельки общинников. Борьба, началом которой стали выборы духовного правления Красноярской общины в 1875 году, продолжалась с перерывами 15 лет. Главным объектом преследования Левина был красноярский купец Моисей Горальский, который вначале был избран старостой, а позже, в 1886 году, ученым евреем.¹²⁸ Постоянные обвинения Левина в адрес соперника – в подлоге, нанесении публичного оскорбления, в грабеже, а также нарушении порядка выборов и предварительном составлении общественного приговора¹²⁹ – имели оттенок скандальности и преследовали единственную цель: протянуть время с утверждением его в должности. Цель эта достигалась, тем более что всегда присутствовали формальные причины, по которым утверждение могло не состояться: например, неимение в правлении ученого еврея или раввина, хотя в Красноярске в это время не было людей, имеющих право по своему образовательному цензу занимать эти должности. А отсутствие большинства общинников на собрании было практически вечной причиной.

По списку Красноярской мещанской управы в 1886 году в городе было всего 100 еврейских семей, из которых находящиеся в Красноярске и при этом имеющие право голоса составляли не более 20: многие по торговым делам находились за пределами города, другие утратили право голоса из-за пребывания под следствием и судом.¹³⁰ Поэтому судьбу красноярских евреев решал очень узкий круг людей: достаточно было 12 прихожанам прийти на собрание, чтобы решить судьбу 100 семей.

В конфликт втягивались все новые и новые лица. Недругами Левина автоматически становились вновь избранные старосты и казначеи – все, кто в силу занимаемого положения мог оказать влияние на единоверцев. Постоянная перегруппировка сил, в результате которой вчерашние союзники сегодня становились злейшими врагами,¹³¹ служит доказательством их беспринципности. «Борцы» не руководствовались какими-то идеями, которые могли бы, по крайней мере, оправдать их настойчивые попытки удалить от дел соперника. По большому счету им было все равно с кем группироваться – лишь бы усидеть у общинной кассы. Левин как самый опасный, чьи бесконечные жалобы, заявления и обвинения, были постоянными объектами расследования городских властей, и потому вызывавший к себе дружную неприязнь всех «действующих лиц», был над всеми. «...мещанин из ссыльных, находящийся под следствием и надзором полиции Шамай Левин, всегда желающий встать во главе общества... разъединяет и ссорит общественников...при каждой повестке сбегает ко всякому на дом, уговаривает кого просьбою, кого угрозой, чтобы не являлся на сход», - жаловались в Красноярскую городскую управу староста Горальский и казначей Марксон.¹³² Даже Красноярская городская управа пришла к выводу, что «группа, имеющая право голоса, к общему благу не имеет никакого внимания и единодушия, и почти каждый из них преследует свои цели в желании попасть в общественные деятели».¹³³ Эти строчки из донесения в губернское правление в черновике оказались зачеркнутыми и в конечный текст скорей всего не вошли: управа не хотела возбуж-

дать недовольство властей беспомощностью в деле наведения порядка в общине. Но обстановка в общине отражена верно.

Затяжной конфликт осложнялся несколькими факторами. Во-первых, невозможностью участия в выборах ссыльных - на основании предписания губернского правления городской управе в марте 1884 года, которым к голосованию допускались лишь евреи - мещане,¹³⁴ хотя оно и противоречило статьям 1069 и 1070 т. XI Устава Духовных дел иностранных исповеданий, согласно которым должностные лица духовного правления избираются всеми евреями, посещающими синагогу или молитвенную школу. (Ссылные составляли опору Левина: не обладая высокой грамотностью, они не пытались анализировать события и охотно поддавались его натиску. Кроме того, их было значительно больше, чем полноправных, поэтому они всегда могли обеспечить большинство). Но городские власти скрупулезно отслеживали статус каждого еврея, подписавшего общественный приговор. В том случае, если обнаруживалась подпись ссыльного, итоги выборов аннулировались и назначалось повторное голосование. Во-вторых, отсутствием раввина (в это время во всей губернии был лишь один раввин - в Енисейске) и настойчивым требованием властей приписаться к какому-нибудь раввинату, что давало возможность для манипуляций как жалующейся стороне (особенно если проволочка ее устраивала), так и рассматривающей жалобы, которая на этом основании попросту на них не реагировала. Приписка к обществу Енисейского раввина означала неизбежность появления в Красноярске его помощника для текущих дел, поскольку расстояние между двумя городами превышало триста верст. В результате нескольких лет интриг Левину удалось выторговать для себя эту должность: в 1887 году он был приведен к присяге.¹³⁵ Как ему удалось занять пост первого человека в Красноярской общине и без проволочек быть утвержденным губернским правлением - остается загадкой. Любви общинников он не снискал. Симпатиями властей как политический ссыльный, а потому неблагонадежный - не пользовался. Подкупить городских чи-

новников он тоже вряд ли мог, поскольку был небогат. Как бы там ни было, губернское правление даже забыло собственное распоряжение о недопущении к выборам ссыльных и настояло, что, по Уставу Духовных дел иностранных исповеданий, выбирать помощника раввина должны все евреи, постоянно собиравшиеся в молитвенной школе или синагоге для совершения обрядов и молитв. Скорей всего, победа Левина была результатом всеобщего бессилия, этакое своеобразное «кризиса верхов» – когда потерявшее всякий авторитет духовное правление общины было не в состоянии даже собрать общинников для вынесения хоть какого-то решения, а Енисейское губернское правление полностью устранилось от разрешения конфликта, заметив, что «наблюдение за порядком... принадлежит к обязанности старосты».¹³⁶

В течение нескольких лет, умело используя противоречия в духовном правлении, призвав на помощь весь свой опыт ведения интриг, Левин сумел устранить своих соперников – сначала ученого еврея Горальского, чью должность занял сам, а затем и казначея Марксона.¹³⁷ Но вскоре сам был вытеснен появившимся в Красноярске Енисейским раввином Коппелем Шмерковичем, которому пришлось не по вкусу действия его помощника. Тем более, что при исполнении своих прямых обязанностей Левин не усердствовал. Шмеркович быстро собрал сведения о его промахах: небрежность Левина в ведении метрических книг, что в глазах властей было проступком серьезным, и самовольный развод с женой при самовольном же вступлении во второй брак. Губернское правление даже настаивало на его привлечении к законной ответственности.¹³⁸ Объективно способствовало низложению Левина и решение властей об отстранении Шмерковича от должности раввина, поскольку тот не имел установленного законом образовательного ценза. В этой ситуации Красноярскому молитвенному обществу предложили избрать другое лицо, а при затруднительности поиска такового выбрать названного Шмерковича помощником раввина, на что тот имел полное право.¹³⁹ По уровню образования Шмеркович, бывший лишь «начальным учителем», тем не менее

превосходил не только Левина, но и любого другого члена общины, а потому был вне конкуренции. Журналом Енисейского губернского правления от 27 июня 1890 года Красноярскому молитвенному обществу было предложено заменить Шамаю Левина Шмерковичем, что оно и сделало, оговорив при этом, что «избрать в раввины никого не представляется возможным по имению ...лиц с установленными для сего правами ни в Красноярске, ни в ближайших к оному городах». ¹⁴⁰

Появление института раввината в Красноярской общине объективно способствовало ее сплочению. Робкие попытки потеснить Шмерковича поначалу предпринимались, но были сразу же пресечены самими членами духовного правления, почувствовавшими «сильную руку». Сам Шмеркович далеко не склонен был недооценивать свои заслуги в деле наведения порядка в молитвенном обществе. «В июле месяце 1889 года поступив в город Красноярск, где среди евреев во всем царил хаос как в духовном, так и гражданском отношениях, мною восстановлен был законный порядок: до меня тогдашний суд также и губернское правление были переполнены кляузами и доносами по делам, творившимся в молельне...При мне в доме Божьем воцарились тишина и спокойствие». ¹⁴¹ Это отдающее хвостовством послание в адрес Енисейского губернатора тем не менее не лишено оснований.

Внутриобщинная борьба сильно ослабила еврейское общество Красноярска. И без того небогатое, оно к тому же на несколько лет полностью потеряло контроль над денежными поступлениями, которые собирались, приходились и расходовались казначеем единолично, поскольку остальные члены правления больше выясняли отношения между собой, а большинство общинников оставались в стороне, выказав в этом деле удивительное равнодушие. (В этом, на наш взгляд, одна из главных причин затянувшегося строительства молельного дома. Даже те небольшие пожертвования, которые поступали в пользу общины, бездарно растрчивались.) В результате безвластия на первые роли стали выходить случайные люди, которые брали на себя

смелость проводить религиозные обряды, не имея на то никакого права.¹⁴² Борьба была мелкой по своим целям, более межличностной, и все ее участники руководствовались только своими амбициями.

Борьба в Якутской еврейской общине по формам почти полностью копировала Красноярский вариант – разве что с опозданием на 10 лет и со страстями, пожалуй, даже более необузданными (брань и рукоприкладство прямо в молитвенном доме были делом обыденным), поскольку в Якутске оказывались либо совершившие тяжелые преступления евреи, либо продукты «вторичной ссылки» – нарушившие режим уже в Сибири. В эпицентре борьбы оказались Иосиф Левин и Лев Мордохович. Сын мещанина города Слонима Гродненской губернии, за порицание православной веры сосланного в Сибирь еще в 1828 году,¹⁴³ Лев Мордохович мальчишкой прибыл в Сибирь за отцом. Наиболее состоятельный из якутских евреев, один из первых еврейских купцов, записавшихся в гильдию Якутска, первый еврей - обладатель недвижимой собственности в городе, Мордохович был и первым старостой Якутского еврейского молитвенного дома.¹⁴⁴ Его главенство в общине было неоспоримым, когда на него посягнул Иосиф Левин, в 1878 году прибывший в Якутск из Омска и сразу принявший на себя обязанности резника. Левин при том, что был лишен какого-либо налета интеллигентности, был хорошо знаком с обрядовой стороной религии, владел искусством канторального пения и вполне мог претендовать на раввинство (это напугало Мордоховича настолько, что он хлопотал, впрочем безуспешно, о причислении Якутского еврейского общества к ближайшему раввинуату).¹⁴⁵ При других условиях они могли бы составить идеальный тандем: староста Мордохович, властный, практичный, умеющий считать деньги и отстаивать права единоверцев, и ученый еврей Левин, знающий догматы иудаизма, что в Якутии было редкостью. Но они с самого начала предпочли противоборство.

В отличие от красноярских общинников, боровшихся друг с другом практически в одиночку, конфликтующие стороны в Якутской общине стреми-

лись «нарастить ряды». По какому принципу они группировались – непонятно. Статус почти у всех был одинаков – ссыльные в первом - втором поколении, уже причисленные к мещанскому обществу или еще нет. Ближайшим сторонником, к примеру, Левина, которого ему впоследствии удалось протасовать в старосты вместо Мордоховича, был Моисей Кац, сосланный в Якутию за казнокрадство.

Новичку в Якутске, Левину удалось быстро сколотить свою «партию»,¹⁴⁶ тем более что Мордохович, человек конфликтный и заносчивый, любовью общины не пользовался, а его настойчивое желание собирать евреев для молитвы в собственном доме понимания у большинства не встретило – слишком далеко от центра города. Молитвы двух самостоятельных групп евреев в разных зданиях – молитвенном доме в центре города и в частном доме Мордоховича - закрепили деление общины на два враждующих лагеря со своими «вождями». А избрание в 1885 году старостой общины Левина сделало борьбу более ожесточенной.

Методы для подавления соперника использовались разные: от прошений в городскую управу с характеристикой друг друга как людей сомнительных нравственных качеств, способных на подлог, кражу и спаивание избирателей, до демонстративного отказа сторонников Мордоховича есть мясо резки Левина. Более того, его недруги в своей неприязни зашли столь далеко, что с легкостью нарушили первый постулат иудаизма о запрете некошерной пищи и предпочли мясо, купленное у якутов.¹⁴⁷ Общинные собрания, сопровождавшиеся оскорбительными выкриками, больше напоминали уличные потасовки. Об одном из них чиновник городской управы Гольман подал следующий рапорт: «...поднялся истый жидовский гвалт, все разом закричали во все горло...Дошло было до слов, в печати неупотребляемых, и ярость противников приняла такую степень, что можно было ожидать взрыва в виде мордобития». После этого он пригласил полицейского надзирателя и городского, которые, встав у двери, никого не выпускали до вынесения решения.¹⁴⁸

Кульминацией борьбы стала стычка в синагоге с публичными оскорблениями, после чего Левин отказался от должности ученого еврея, хотя общество настояло на его возвращении. Любопытно, что областное управление и городская управа не остались в роли наблюдателя. Судя по всему, их симпатии всецело были на стороне Левина, и все жалобы Мордоховича на незаконность выборов, даже имеющие под собой основания, оставались без последствий, как «исходящие от заинтересованного лица».¹⁴⁹

После выезда Левина из Якутска в 1895 году и смерти Мордоховича в 1902 году борьба не закончилась: выросло «второе поколение» в лице членов хозяйственного правления мещан Самуила Пиецкого и Моисея Транского, с одной стороны, и Бориса Гоммерштадта – с другой. Их не отличающиеся разнообразием жалобы с обвинением друг друга во всех смертных грехах быстро заполнили «портфели» прокурора Якутского окружного суда, областного правления и Якутского губернатора.¹⁵⁰ В Якутской общине не нашлось авторитетного лица, которое могло бы положить конец распрям.

Мы не можем с полной уверенностью распространить подобную тенденцию (или с такой же уверенностью отрицать ее) и на другие еврейские общины исследуемого региона. По-видимому, забайкальским евреям удалось избежать изнурительной внутриобщинной борьбы. По крайней мере, сохранившиеся документы не обнаруживают признаков сколько-нибудь серьезных разногласий. Объясняется это, возможно, тем, что там с самого начала во главе общины стали и сохранили руководство на протяжении многих лет личности авторитетные, пользующиеся влиянием и действительно радеющие о делах единоверцев: Иосиф Розенштейн в Верхнеудинской общине и Абрам Новомейский в Баргузинской. В Баргузинской общине первый институт общинного самоуправления – хозяйственное правление – появился лишь в 1905 году. До этого времени никакого правления при Баргузинской молельне вовсе не существовало, и Новомейский, по его собственному признанию, единолично «наблюдал за поддержанием порядка в молитвенном до-

ме»,¹⁵¹ против чего, по-видимому, никто не возражал. Во главе общины он стоял почти 40 лет подряд. Когда же он по нездоровью собирался отойти от дел, община на собрании выразила ему благодарность и просила «по восстановлении им своего здоровья не отказаться и в дальнейшем от участия в хозяйственном правлении еврейской общины».¹⁵²

В Чите, возможно, сыграло роль то, что зажиточные евреи составляли в общине весьма значительную прослойку, а читинское купечество было настолько самодостаточно, что утверждать себя через борьбу за должность в общине у него не было необходимости. Более того, купцы Исай Гиллер, Исай Шергов, Павел Китаевич чурались руководящих ролей в общине, отдавая предпочтение делам коммерческим, хотя в материальной поддержке не отказывали. Рассматривая службу в общине как повинность, они доказывали, что нести ее должны все в равной мере, а не одни и те же.¹⁵³ Возможность годами распоряжаться общинной кассой их, похоже, не прельщала. Имеются лишь отрывочные сведения о разногласиях между двумя группами евреев на заре общинной жизни вокруг предполагавшегося строительства нового молитвенного дома. Купившие места в вечное владение в старом доме побаивались растущего влияния кучки купцов, готовых соорудить новую молельню на свои деньги и на этом основании диктовать свои условия. Однако конфликт был погашен в зародыше запретом властей на новое строительство.¹⁵⁴ Есть и свидетельство расхождений между поколениями «отцов» и «детей» уже в XX веке. Увлечшаяся сионизмом молодежь пыталась навязать общине свои политические пристрастия, тогда как старики, оставаясь к политике совершенно равнодушными, часто из-за этого игнорировали общинные собрания.¹⁵⁵ Но конфликт этот, похоже, формы антагонизма не приобрел.

В период 70-80- годов XIX века внутриобщинная борьба евреев в Восточной Сибири, за редким исключением, была почти неизменным элементом становления общины как саморазвивающегося организма. На наш взгляд, продолжавшиеся полтора-два десятилетия конфликты стали проявлением

«болезни роста», неперенным спутником времени организационного оформления и создания институтов общинного самоуправления. Формы и методы порой достаточно жесткого противостояния диктовались положением и авторитетом общины в принимающем ее городе, внутренней группировкой сил, ее социальной структурой, уровнем экономического развития.

В Иркутской общине, где с самого начала рельефно обозначился конфликт лиц с разным правовым статусом и разным имущественным положением, основной формой борьбы стала «экономическая блокада». В целом при том, что в период «старостата» были заложены основы общинного самоуправления, выборные лица слабо использовали время относительной автономии общины, когда администрация практически не вмешивалась в ее дела, и не смогли привнести демократические традиции в ее организацию. Управлялась она практически единолично старостой, который использовал власть в меру своего разума и не всегда на пользу единоверцам. Установленный порядок бесконтрольного расходования денежных средств, без предварительных смет, по собственному усмотрению, провоцировал финансовые злоупотребления. Даже столкновения в Иркутской общине чаще всего велись вокруг личностей старост.

По мнению историков общины, первый этап борьбы завершился под влиянием объективного фактора - новых экономических условий (когда многие из солдат и кантонистов заняли видное место среди сформировавшейся еврейской буржуазии) и субъективного (необходимости объединения с купеческо-мещанскими слоями для сооружения молитвенного дома). У одной из противоборствующих группировок было законное положение и разрешение на строительство, у другой – деньги. Окончание второго этапа отмечено избранием хозяйственного правления, положившего начало новой - коллегиальной - форме управления общиной и объективно сыгравшего на ее сплочение. Старокупеческая партия потерпела окончательное поражение.¹⁵⁶

Борьба в Красноярской и Якутской общинах не могла, повторимся, иметь классового характера, поскольку общества были однородными – мещанским (в Красноярске) и из ссыльных (в Якутске). В Красноярске ссыльные были отсечены от участия в решении важных для еврейского общества вопросов распоряжением губернского правления, запретившим им иметь право голоса на общинных собраниях. Прослойка купечества в общине была незначительной и размытой: в гильдиях евреи, как правило, состояли самое большое на протяжении одного поколения – и то не всегда. Многие не могли объявить положенного для этого капитала уже через два-три года, то есть к следующим выборам.

В отличие от Иркутской общины, остерегавшейся вмешивать во внутренние дела городские и губернские власти, Красноярская и Якутская общины использовали этот метод в полной мере. Здесь, где не было столь ярко выраженной экономической дифференциации, а слой зажиточных общинников был очень тонок и не мог «воспитывать» единоверцев рублем, бесконечные жалобы и заявления в адрес властей с явным намерением конфликтующих сторон решить исход «войны» их предписаниями были главным «оружием».

Если «старостинская» эпоха в Иркутске характеризовалась жестким диктатом старост духовного правления, то в Красноярске – «параличом власти» и полной анархией. В течение доброго десятка лет община практически никем не управлялась. Исключая шесть лет правления старосты Эноха Мильштейна (1877-1883), влиятельного купца, оказывавшего общине существенную материальную поддержку, период «старостата» был временем сплетен, доносов и дрызг. Приход раввина, человека житейски умного и образованного, обладавшего авторитетом уже в силу своего статуса, объективно способствовал сплочению общины.

На наш взгляд, прекращение в основном внутриобщинной борьбы к середине 90-х годов XIX века было обусловлено как внешними, так и внутренними факторами. При ужесточении антиеврейского законодательства и уси-

лении гонений со стороны центральной и местной администрации, которыми отличалось это время, подобный стиль поведения мог попросту привести к разрушению общины как единого организма. Перед растущей опасностью внутриобщинная борьба пошла на спад, хотя отголоски ее были слышны еще и в начале XX века. Снижению ее остроты также способствовали смена форм общинного самоуправления, укрепление экономического положения, рост национального самосознания и культурного уровня сибирских евреев, постепенно приобретенное умение встать над интересами узких групп общинников. По мере того, как община духовно росла, уделяла большее внимание вопросам благотворительности и просвещения, заражалась идеями российской еврейской общественности, приобретала умение встать над узкогрупповыми интересами, негативные явления постепенно ослабевали.

В 90-е годы XIX века духовные правления как форма управления еврейской общиной почти повсеместно в Сибири сменились хозяйственными - избравшимся на трехлетие органом управления для всех молелен вне черты оседлости, как это было оговорено Высочайше утвержденным положением Комитета Министров. Произошло это практически одновременно, административным порядком, после того как статс-секретарь Дурново рекомендовал Иркутскому генерал-губернатору сделать распоряжение о закрытии молелен в Канске, Ачинске и Енисейске и о преобразовании духовного правления при Красноярской молельне в хозяйственное, «с тем чтобы в нем не было допускаемо установленных законом для духовных правлений должностей ученого, старосты и казначея».¹⁵⁷

Избрание первого состава хозяйственного правления в Якутском молитвенном обществе было отмечено решением Иркутского генерал-губернатора...о его закрытии. Признав существование Якутского еврейского молитвенного дома неправильным, а избрание хозяйственного правления преждевременным, он в 1896 году отменил все касающиеся этого распоряжения областного правления. Формальным поводом к решению послужил

отъезд должностных лиц общины из города на длительные сроки и желание временно передать свои обязанности другим.¹⁵⁸ Но поскольку на открытие молитвенного дома разрешение давал Департамент Духовных дел иностранных исповеданий, а решения о закрытии с его стороны не последовало, Якутское общество быстро сочинило постановление собрания, в котором вину на неправильный выбор хозяйственного правления возлагало на местное начальство. До собрания общинников и избрания нового состава хозяйственного правления свитки Торы и другие предметы культа были переданы на хранение уполномоченному общины Мордуху Транскому, прочее имущество охранялось Якутской городской управой.¹⁵⁹

Общинное самоуправление регламентировалось разработанными Министерством внутренних дел в 1877 году Временными правилами для еврейских молитвенных учреждений Санкт-Петербурга:

1. Все евреи, имеющие право жительства в столице и вносящие не менее 25 рублей в год на хозяйственные нужды молельни, имеют право участвовать в избрании шести членов правления и трех кандидатов к ним на трехлетний срок для заведования хозяйственной частью молельни по испрашиванию каждый раз на сие разрешение Санкт-Петербургского градоначальника.

2. При избрании членов хозяйственного правления присутствует чиновник от Санкт-Петербургского градоначальника для наблюдения за правильностью и законностью выборов.

3. Об избранных лицах предоставляется на утверждение градоначальника.

4. По получении утверждения члены правления вместе с кандидатами избирают из членов большинством голосов председателя. Казенный раввин есть член правления по должности.

5. Состав членов хозяйственного правления возобновляется постепенно каждые три года выбытием ежегодно одной трети оного, а именно – двух членов и одного кандидата. В первые два года члены выбывают по жребию,

затем по установившейся очереди выбывающие могут быть вновь избираемы.

6. Правление обязано ежегодно представлять общему собранию печатный отчет о своей деятельности.

Оставшиеся три пункта предусматривали процедуру принятия решений и порядок выборов членов правления.¹⁶⁰

С заменой духовных правлений хозяйственными в каждом сибирском городе были разработаны такие правила, которые являлись по существу калькой с санкт-петербургских. Изменения касались только суммы денежного взноса и числа членов хозяйственного правления – в зависимости от численности общины и ее материального благосостояния. В частности, Енисейский губернатор предлагал Иркутскому генерал-губернатору ввиду немногочисленности еврейского общества уменьшить число членов хозяйственного правления до трех человек и трех кандидатов к ним. Это предложение было принято практически во всех сибирских городах. (О размерах денежных взносов мы уже говорили). Были еще некоторые непринципиальные изменения: например, не печатать отчет о работе правления, поскольку далеко не в каждом городе есть типографии, а давать его на собрании в устной форме. Существенным было лишь дополнение, внесенное в правила Якутской общины и продиктованное спецификой ее формирования: «Из числа ...евреев, имеющих право голоса на выборах, лишаются оно за те преступления и пороки, за совершение коих установлено лишение права участия в городских общественных и сословных выборах. ...При сем означенные лица должны сами устранять себя от участия в выборах под опасением ответственности по 1434 ст. Уложения о наказаниях».¹⁶¹

Правление заведовало всеми хозяйственными делами общины: ремонтом, строительством, арендой земли и помещений, покупкой муки и выпечкой мацы перед Песахом, обучением детей и делами благотворительности. Целе-

сообразность расходов проверяла ревизионная комиссия, которая также избиралась на общем собрании прихожан.

Первое хозяйственное правление Иркутской молельни было избрано в 1895 году. Первым председателем стал врач, первый иркутский еврей, окончивший высшее учебное заведение, Григорий Леонтьевич Юдалевич. Первое упоминание о хозяйственном правлении Красноярской общины встречается в 1890 году, его председателем был Зельман Славин, последним перед революцией 1917 года, - владелец аптеки провизор Иосиф Гефтер. Архивные документы сохранили сведения о последнем составе Енисейского хозяйственного правления – Лев Мильштейн и Ананий Тонконогов. Срок их полномочий заканчивался 30 января 1918 года. Хозяйственное правление Верхнеудинской общины возглавил Моисей Родовский, совладелец торгового дома «Братья Клейман и Родовский». Многолетний фактический руководитель Баргузинского еврейского общества Абрам Новомейский стал первым председателем хозяйственного правления. В первый состав хозяйственного правления Якутского еврейского общества вошли Лев Мордохович, Нисан Мишлемович и Герш Гарбер.¹⁶²

Несмотря на то, что новая форма управления вводилась административным порядком, объективно она сыграла положительную роль в общинном «строительстве». Хозяйственное правление положило конец самовластью, бесконтрольности и деспотической форме правления, через которые прошли многие еврейские общины, и которые нет-нет да и напоминали о себе, особенно при выборах.

Одной из особенностей еврейской духовной жизни в Сибири было отсутствие подготовленных людей, обладавших знанием еврейского закона и искушенных в тонкостях обрядовой стороны. Оторванные от «национального очага», пусть не имеющие административных границ, но фактически существующего, живущие в регионе без единого учебного заведения, обучающего правилам и обрядам веры, древнееврейскому языку, духовному пению, евреи

Восточной Сибири с самого начала столкнулись с трудностями в развитии той стороны жизни, которая, собственно, играла главную роль в сохранении национальной идентичности. В Сибири не было «своих» резников (специалистов по забою скота и птицы в соответствии с нормами иудаизма), меламедов (учителей еврейского закона), канторов (синагогальных певцов). На должность ученого еврея в духовном правлении общины – человека, в чьи обязанности входило разъяснение сомнений в вопросах веры, – избирались люди не просто несведущие, но едва грамотные. Иллюстрацией этому повсеместному в Сибири явлению может послужить утверждение в должности ученого Читинской молельни Моисея Вамбурга, по его собственному признанию, человека очень малограмотного, «способного лишь по-русски подписать свою фамилию, по-еврейски знающего одни молитвы», а «делать переводы с древнееврейского на русский или даже собственный жаргон положительно не в состоянии». Но правление молельни вполне удовлетворилось его кандидатурой, поскольку **«в Чите евреев, сколько-нибудь знающих учение своей веры, очень немного, если не сказать – нет совсем (выделено нами. –Л.К.), и все служившие прежде – так же люди очень мало знающие».**¹⁶³

От религиозного невежества, кроме собственно членов еврейских общин, страдали и субботники – русские, исповедующие иудаизм, и по этой причине оказавшиеся в ссылке в Сибири. Крупные секты субботников были, к примеру в городе Мариинске и селении Зима Иркутской губернии, где в 1895 году их насчитывалось 818 человек – почти четверть населения села.¹⁶⁴ Смотревшие на иудеев как на наставников веры, они обращались к ним за помощью в организации обрядов, ритуальных служб, за толкованием иудейских книг. Знающих евреев, которые стали для них настоящими наставниками, они очень уважали. Но, по воспоминаниям М. Козьмина, пользуясь острой потребностью субботников в таковых, к ним зачастили выдающие себя за

знатоков невежественные проходимцы, из-за чего отношения в ряде случаев перестали быть доверительными.¹⁶⁵

В условиях острого недостатка людей, владеющих постулатами иудаизма, в общинах Восточной Сибири особая роль отводилась раввину – «блюстителю и толкователю еврейского закона».

Институт раввината сложился в Восточной Сибири поздно, в 80-90-е годы, через несколько десятилетий после начала фактического существования общин. Исключение составила Енисейская губерния, где в 20-30-е годы XIX века единственный раввин Шмерка Марматов наездами по губернии совершал обряды и закалывал скот по канонам иудаизма, а в Красноярской общине первый раввин – Пейсах Колманович - был избран в 1855 году.¹⁶⁶ Колманович знал еврейский закон, читал и писал по-еврейски, но главным его достоинством, на взгляд властей, было хорошее знание русского языка, что давало ему возможность вести метрические книги и делать из них выписки. Предполагалось, что для этих надобностей он будет отлучаться в Канск, Ачинск, Енисейск и Минусинск.¹⁶⁷

Роль, которая ему отводилась, была далека от роли духовного наставника еврейского общества: его рассматривали исключительно как «учетчика» еврейского населения. Избран он был не по желанию общества, а по инициативе сверху, при «понуждении к избранию, последовавшему вследствие Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета, изложенного в указе Енисейскому губернскому правлению».¹⁶⁸

Надо сказать, что евреи Красноярска еще в конце 40-х годов изъявили желание иметь в городе раввина, но губернское начальство ответило отказом, сославшись на отзыв Тобольского приказа о ссыльных: «как в Енисейской губернии евреи вовсе не исполняются, (то есть численность их не растет. – Л.К.), то и раввина иметь в оной не нужно». К тому же губернский начальник счел неудобным и необязательным иметь раввина из черты оседлости без оплаты, а денег на его содержание у красноярских евреев не было.¹⁶⁹ Так что

Колманович, по-видимому, был первым казенным раввином в Восточной Сибири. Имеются упоминания о том, что в 1866 году должность Енисейского раввина исполнял енисейский купец Нохим Циханский.¹⁷⁰ Но говорить о формировании института раввината в Енисейской губернии в середине XIX века, на наш взгляд, было бы преждевременным – хотя бы из-за долгого перерыва, наступившего после раввинства Колмановича и Циханского. В дальнейшем раввины в Красноярске и Енисейске появились только в конце 80-х годов.

В Забайкальской области первый раввин Коппель Шмеркович появился в 1879 году и на протяжении нескольких лет был единственным в области.¹⁷¹ В его ведении находились еврейские общества Баргузина, Верхнеудинска, Петровского завода и Мухоршибирской волости Верхнеудинского округа, а с его отъездом в Енисейскую губернию вплоть до XX века раввинов здесь не было вовсе.¹⁷² В Иркутске первый раввин был избран лишь в 1891 году.

Одной из причин относительно позднего формирования института раввината в Восточной Сибири была неопределенность правового положения евреев в регионе и отсюда постоянные затруднения властей в вопросе, что им можно разрешить, а чего позволять не следует - в частности, можно ли иметь раввина еврейскому обществу, которому даже синагоги иметь не положено и надлежит довольствоваться молельней. Уже поставленный перед фактом избрания Читинским обществом раввина генерал-губернатор Восточной Сибири барон Фредерикс усомнился в законности содеянного. «...хотя к проживающим здесь евреям в отношении их духовных дел и предположено применить общие правила об устройстве религиозных дел евреев, но правила эти, внесенные в Государственный Совет, не получили еще окончательного утверждения и потому ...я считаю невозможным дать какое-либо движение ходатайству Забайкальского областного правления ...относительно учреждения в Чите должности раввина», - писал он в марте 1879 года военному губернатору Забайкальской области.¹⁷³

Сомнения посещали и самого военного губернатора Забайкалья. «Не даем ли мы этим право избрать раввина; быть может, и не полагается им раввин?». Такую резолюцию М.П. Хорошхин наложил на... предложение Забайкальского областного правления ко всем еврейским обществам области избрать из своей среды раввина, а в случае неимения подходящего лица или невозможности по бедности его содержать сообщить, «в ведении раввина какого города или селения они желают состоять по делам веры».¹⁷⁴

Но постепенно сибирская администрация начала ощущать острую нужду в лице, которое взяло бы на себя ответственность за учет еврейского населения и воспитание его в духе законопослушания. К примеру, Красноярский полицмейстер в рапорте Енисейскому губернскому правлению еще в 1875 году указывал, что «по отправлению религиозных обрядов у евреев допускаются беспорядки по неимению у них положенных законом лиц для отправления сказанных обрядов». Баргузинский окружной начальник в 1892 году отмечал неудобство отсутствия раввина и для евреев, и для административных лиц. А Забайкальское областное правление в своем журнале отмечало, что «в открытии должности раввина представляется крайне необходимым»: во-первых, потому, что браки, совершенные не раввинами, не могут считаться законными, а, во-вторых, при отсутствии метрических книг воинское присутствие затрудняется с точным определением возраста призывников.¹⁷⁵ К тому же с духовным ростом сибирского еврейства потребность в людях, которые могли бы стать духовными наставниками общества, стало осознанно необходимым. Но при всеобщей необходимости в раввине его появление в сибирских общинах иногда вызывало некоторое напряжение, в частности, в Иркутске – из-за разных ролей, которые отводились ему той и другой стороной.

Введение института раввината в общинах Восточной Сибири сильно осложнялось и из-за предъявлявшихся к раввину законом требований. Он должен был, во-первых, безусловно, обладать правом жительства в Сибири –

его правоспособность проверялась очень тщательно. И, во-вторых, иметь определенный образовательный ценз, оговоренный статьей 1083 Устава Духовных дел иностранных исповеданий: закончить курс в раввинском училище, в еврейском учительском институте или в общих высшем или среднем учебных заведениях.¹⁷⁶ А в Сибири получить образование, достаточное для занятия должности раввина, было просто негде. С 1903 года, после циркулярного письма Министерства внутренних дел «О сионизме и еврейском национальном движении», потенциальные раввины перед утверждением избрания на должность проходили дополнительную проверку на степень своей причастности к сионистской организации.

Первое требование было приоритетным, и ни нужда евреев Сибири в образованных людях - знатоках еврейского закона, ни готовность этих людей из черты оседлости привнести еврейских дух в среду ассимилированных единоверцев ничего не могли изменить. В частности, канского раввина Гирша Грауса, избранного раввином Сретенской, губернатор не утвердил только потому, что он не был приписан к станичному обществу. Граус в телеграмме Иркутскому генерал-губернатору 20 марта 1911 года доказывал, что закон не воспрещает утверждать раввинами иногородних евреев, а практика городов Западной и Восточной Сибири знает раввинов даже из пределов Европейской России, как в Томске или Иркутске. Его все-таки утвердили с учетом того, что во всей Сретенской нет лица с необходимым образовательным цензом. (Между прочим, в Сретенском обществе состоял раввин Бейцор Кафиельс.¹⁷⁷ По-видимому, он был выходцем из черты оседлости и на должность не претендовал). Поэтому нашли компромиссный вариант: предоставить Граусу право жительства, но лишь на то время, пока он будет состоять в этой должности.¹⁷⁸

Следует признать, что это едва ли не единственный случай – и то, скорей всего потому, что Граус был сибиряком. Не имевшие права жительства в Сибири получали жесткий, категоричный отказ. Учителю еврейского учили-

ща Арье Виленскому, окончившему Житомирский еврейский учительский институт, в 1901 году отказали в праве баллотироваться в Иркутские равнины на основании Устава о паспортах, запрещающего евреям въезд в Сибирь. В 1898 году Якутское областное правление выслало из области Вигдора Блюма, приехавшего из Гродненской губернии и имевшего все документы на право занятия должности раввина. Об учителе с большим авторитетом, кандидате в равнины Верхнеудинска, которого власти выслали из города как не имеющего права жительства, упоминает Ю. Островский.¹⁷⁹ В 1909 году военный губернатор Забайкальской области отказался утвердить избранного Баргузинской еврейской общиной раввина дантиста Фальковича, выпускника Киевского университета, поскольку министр внутренних дел отказал ему в праве на жительство в Баргузине. Председатель хозяйственного правления общины А.Х. Новомейский ходатайствовал перед министром через депутата Государственной думы Волкова о разрешении Фальковичу проживания в Баргузине, но добился этого права только на год, после чего Фалькович обязан был покинуть город.¹⁸⁰ Единственным человеком в Баргузине, который обладал образовательным цензом, достаточным для занятия этой должности после отъезда Фальковича, оказался сын А. Новомейского Семен, который и был единогласно избран.¹⁸¹ Но скорей всего он не был утвержден, так как за политическую деятельность около двух лет провел в одиночке Александровской центральной каторжной тюрьмы, после чего, как указывалось в переписке Департамента полиции, был отдан на пять лет под гласный надзор.¹⁸²

По-видимому, в глазах властей незаконное пребывание за Уралом было грехом куда большим, чем недостаточный уровень образования. Министр внутренних дел даже специальным отзывом от 25 мая 1887 года дал знать Иркутскому генерал-губернатору, что «ему представляется возможным отнестись снисходительно к случаю выбора иркутскими евреями лица, не вполне соответствующего помянутой статье 1083 (об образовательном цензе. — Л.К.), нежели допустить лицо, не имеющее права жить в Иркутске, приоб-

ресть оное лишь путем избрания».¹⁸³ Власти скорей готовы были доверить воспитание «вредного элемента» сомнительным личностям, чем пустить в Сибирь хоть одного лишнего еврея.

Но в том случае, если право на жительство в Сибири претендентов на первую роль в общине не вызывало сомнений, администрация скрупулезно отслеживала уровень их образования для своевременного «отсева». Читинское, Сретенское еврейские общества, не имеющие в своей среде лиц с достаточным уровнем образования, обречены были оставаться без раввина долгие годы (хотя, к примеру, в Мариинске власти относились к раввинам без образования достаточно спокойно).¹⁸⁴ В Енисейской губернии поиск кандидата на должность раввина на много лет превратился в неразрешимую проблему, поскольку вплоть до XX века, когда здесь появилось первое поколение еврейских юношей с университетским образованием, положенного для этого образовательного ценза не имел ни один еврей в губернии. Такая же ситуация сложилась и в Якутской общине. «В Якутске нет не то что раввина или резника, но даже достаточно ученого еврея, как лица, которое могло бы соответствовать занятию этих почетных должностей», - писал один из членов общины Якутскому губернатору в 1901 году.¹⁸⁵

Сложность заключалась еще и в том, что сибирские общины по бедности просто не имели возможности содержать раввина. Молитвенные дома в Канске, Ачинске, Енисейске по этой причине десятилетиями не имели ни раввина, ни его помощника, и их обязанности исполняли частные лица, даже не члены духовного правления. При этом молитвенные дома не были приписаны ни к какому раввинату,¹⁸⁶ хотя по статье 1085 Устава Духовных дел там, где евреи не имеют ни синагоги, ни молитвенной школы или хотя и имеют, но по бедности своей не могут содержать особого раввина, они причисляются к ведомству раввина ближайшего города или селения и состоят по делам веры в непосредственном его ведении. Евреи всех молитвенных обществ Забайкалья – Читинского, Нерчинского, Верхнеудинского, Баргузинского, Пет-

ровскозаводского – еще в 60-х годах XIX века осознававшие необходимость раввина в своих обществах, приглашать его тем не менее не хотели, поскольку «это потребует больших расходов, а большая часть евреев имеет ограниченные средства».¹⁸⁷ Зная об этом, Забайкальское областное правление принимает решение: «Раввина не считать обязательным согласно их желанию».¹⁸⁸

У Красноярской общины в середине 70-х годов XIX века родилась идея соединения в одно общество всех евреев губернии с содержанием на общие средства общего же раввина, который жил бы в Красноярске, а для совершения религиозных треб разъезжал по городам и селам.¹⁸⁹ Предложение понравилось губернскому правлению, но до его реализации прошло 15 лет: никого соответствовавшего требованиям закона так и не нашлось. Метрических книг до 1874 года не велось вовсе, а позже записи делали члены духовных правлений: в Канске и Ачинске – ученые евреи, а в Красноярске – все, от старосты до казначея, который же и исполнял все религиозные обряды,¹⁹⁰ хотя по Уставу Духовных дел иностранных исповеданий это входило в исключительную прерогативу раввина или его помощника.

Вопрос о евреях, которые брали на себя исполнение религиозных обрядов, вставал достаточно часто – и это естественно. Лиц, имеющих на это право, на территории обширного региона было слишком мало. Власти относились к этому снисходительно. В свое время в Якутской области под суд за самовольное совершение обряда брака попал Мордохович, но генерал-губернатор не нашел здесь состава преступления. Это был 1864 год, когда даже намек на какой-либо орган управления общиной в области не было, и если следовать букве закона, то евреи были обречены оставаться не венчанными, не обрезанными и не отпетыми. Вопрос отложили до рассмотрения его Министерством внутренних дел, но за 25 лет он так и не нашел своего решения.¹⁹¹

Красноярская городская управа недолго сопротивлялась ведению метрических книг не имевшими на это права лицами. Сообразив, что игнорировани-

ем записей она оставит без всяких сведений ряд учреждений, в том числе составляющих списки для отправления воинской повинности, городская власть «поступилась принципами».¹⁹² Совершающий обряды на свой страх и риск Шамай Левин, не занимавший вообще никакой должности в общине, был оправдан судом. Оправдательный приговор гласил, что «всякий сведущий еврей по еврейскому закону вправе производить обряд» и что «закон допускает совершение религиозных обрядов посторонними лицами, не раввинами, если только от такого совершения не страдают интересы казны».¹⁹³ Да и Енисейский губернатор однажды просил у Иркутского генерал-губернатора разрешения исполнять религиозные требы другим членам еврейского молитвенного общества под наблюдением полицейских органов или городской управы, что, кстати, имело место в Иркутске, где обряды на протяжении 12 лет исполнял ученый еврей.

Но в целом Енисейское губернское правление было категорично в своем требовании совершения религиозных обрядов только официально утвержденными раввинами и их помощниками.¹⁹⁴ Канское молельное общество пыталось объяснить, что отступление от закона «совершается по необходимости», так как, «насколько известно, если есть в Сибири раввин, то только лишь в г. Томске», но безуспешно.¹⁹⁵

Еврейские общества губернии оказались в заколдованном круге. С одной стороны, обряды, совершенные лицом не раввинского звания, считались недействительными, и выданные ими документы не учитывались ни при поступлении в учебное заведение, ни в суде при доказательстве прав наследства. С другой стороны, искреннее желание подчиниться распоряжению губернского правления о выборе раввина неизменно спотыкалось о требования, предъявлявшиеся к кандидату этим же правлением: избранный Канским обществом раввин Каминер и Ачинским - раввин Патушинский не были утверждены губерньским правлением как не имеющие положенного образования. Ссылки обоих обществ на отношение Министерства внутренних дел генерал-

губернатору Восточной Сибири от 25 июня 1879 года о возможности, при малочисленности иркутских евреев, допуска к должности раввина лица без нужного образовательного ценза были признаны несостоятельными. Документ, даже исходящий от Министерства внутренних дел, по мнению губернского правления, не может изменить закона. К тому же распоряжение это сделано исключительно для Иркутска, и Енисейское губернское правление им руководствоваться не может.¹⁹⁶

Проблема обещала разрешиться в 1885 году, когда в Енисейск прибыл Коппель Шмеркович, бывший до этого два срока подряд (с октября 1879 года) раввином в Чите.¹⁹⁷ Причины его переезда в Енисейскую губернию не вполне ясны. Судя по анонимному письму, адресованному военному губернатору Забайкальской области, он не сумел поладить с влиятельным читинским еврейским купечеством.¹⁹⁸ По другой версии, причиной отъезда послужил раздор с обществом его жены. Но авантюрный характер Шмерковича и его постоянное желание первенствовать и главенствовать, помноженные на самодостаточность читинского купечества, не терпящего диктата ни от кого, включая раввина, говорят в пользу первой версии.

Шмеркович сразу был утвержден в должности раввина Енисейска, хотя тоже не соответствовал образовательному уровню (он закончил Дубровинское казенное еврейское училище по 2-ому разряду).¹⁹⁹ На это указывалось в жалобе, поступившей спустя два года в губернский совет. Но тот оставил Шмерковича в должности, поскольку он был в свое время утвержден в ней самим же советом.²⁰⁰ (Интересно, что в Чите в свое время это «несоответствие» не стало препятствием к занятию должности раввина. Более того, представленное Шмерковичем свидетельство педагогического совета Нерчинского уездного училища на звание начального приходского учителя, для получения которого он сдал специальный экзамен, приравнивалось к свидетельству окончившего полный курс наук в уездном училище. Забайкальское областное правление сочло, что для раввина этого вполне достаточно).²⁰¹

Поскольку раввин теперь в губернии был, Канское общество решило причислиться к Енисейскому раввинату, избрав Абрама Каминера в качестве помощника раввина. Решение о причислении приняло и Красноярское общество: предполагалось, что избранный им помощник раввина будет совершать обряды в городе, а Шмеркович – после его сообщений делать записи в метрических книгах, получая за это сумму «не выше той, которая будет назначена с каждого обряда или единовременно за год». Сам Енисейский раввин, похоже, был не против такого варианта.²⁰² Но окончательное решение тормозилось: то из-за нарушения Красноярским обществом процедуры выборов помощника, то последующим нежеланием евреев Красноярска причисляться к обществу енисейского раввина из-за дальности (между двумя городами было более 300 верст) и предпочтением Енисейску Томска. Прорабатывался даже вариант причисления к Ачинску, хотя там вовсе не было раввина. Но, наконец, в 1887 году Красноярское еврейское общество причислилось к Енисейскому раввинату, избрав в помощники уже знакомого нам Шамаю Левина. Аргументом в пользу решения о выборе помощника послужило расстояние между двумя городами, препятствующее своевременному выполнению религиозных обрядов, например, вступлению в брак.²⁰³

В 1889 году Шмеркович переехал на жительство в Красноярск, а в мае 1890 года по распоряжению Министерства внутренних дел был отстранен от раввинства как не имеющий должного образовательного ценза (пять лет назад это не помешало ему занять эту должность). Красноярскому молитвенному обществу предложили избрать другое лицо, соответствующее требованию закона, а при затруднительности выбора избрать того же Шмерковича помощником раввина, на что он имеет полное право.²⁰⁴ Летом 1890 года еврейское общество Красноярска заменило помощника раввина Шамаю Левина бывшим теперь раввином Коппелем Шмерковичем, поскольку «избрать в раввины никого не представляется возможным по неимению ...лиц с уста-

новленными для сего правами ни в Красноярске, ни в ближайших к оному городам». ²⁰⁵

После этого во всей Енисейской губернии вообще не осталось раввина, и еврейское общество Красноярска выразило желание приписаться к Томскому раввинату. Томский раввин Левин против решения не возражал, и в январе 1891 года Енисейское губернское правление утвердило причисление Красноярского еврейского общества к Томскому раввинату, а Коппеля Шмерковича – помощником томского раввина. ²⁰⁶ А спустя некоторое время Министерство внутренних дел уведомило губернское правление, что на основе Высочайшего повеления от 1 июля 1890 в изъятие закона он может баллотироваться на должность раввина. (Очевидно, свою роль сыграло мнение городской управы, высказанное губернским властям, что недостаточное образование Шмерковича «вовсе не представляется важным препятствием» к занятию им места раввина в городах Енисейской губернии «ввиду малочисленности евреев с образовательным цензом»). ²⁰⁷ Избранный обществом евреев Красноярска 17 декабря 1892 года Шмеркович был утвержден в должности «блюстителя и толкователя еврейского закона». ²⁰⁸ Так в Красноярске закончился период формирования института раввината, который отныне стал неотъемлемым элементом еврейской общинной жизни в городе.

На протяжении нескольких лет, пока Шмеркович оставался единственным раввином в губернии, «кадровую проблему» в еврейских обществах вряд ли можно было считать решенной: отправлять религиозные требы и вести метрические книги в еврейских обществах всей губернии он не мог просто физически. В 1893 году журналом губернского правления отмечено, что в Канске, Ачинске, Енисейске «метрических книг никто не вел, так как нет ни раввина, ни помощника». ²⁰⁹

Отказом Канскому обществу в утверждении избранного в 1891 году помощника раввина Иркутский генерал-губернатор поставил его, как писал в ходатайстве городской голова, в крайне затруднительное положение, лишив

возможности «выполнить самый главный догмат иудейского вероучения, т.е. обрезание младенцев, который...обязательно должен быть совершен на 8-й день от рождения, чего выполнить одному раввину, живущему в Красноярске и заведывающему четырьмя городами и их округами, решительно немыслимо». Только 30 июня 1893 года избранный обществом помощник раввина канский купец Абрам Каминер был, наконец, утвержден, а Канское общество официально причислено к Красноярскому раввинату. Шмеркович принимал на себя дела общины за 120 рублей в год из общественных сумм (за ведение книг и обрядов вознаграждения ему не полагалось).²¹⁰

Молитвенным домом Енисейского еврейского общества Шмеркович заведовал более 10 лет, Канского – более пяти, пока там не появились свои раввины (в Канске Гирш Граус, имя Енисейского раввина, к сожалению, установить не удалось). 12 ноября 1903 года он был официально утвержден и раввином Ачинска, хотя фактически был таковым с 1889 года.²¹¹ Бессменным раввином Красноярска он был по крайней мере до 1922 года.²¹²

Взаимные обязанности раввина и Красноярского еврейского общества предусматривались договором, который заключался ежегодно. В соответствии с ним Шмеркович исполнял обязанности и резника, в 1901 году община наняла еще одного резника, а позже подобное совмещение должностей собранием общинников было признано совершенно недопустимым.²¹³ Шмеркович был и духовным раввином общины, поскольку человека, более него сведущего в обрядах веры, в Красноярске не было. (Эти две должности община разделила только в 1916 году).²¹⁴ По договору 1901 года он получал от общины жалованье 100 рублей в год плюс отдельную плату за совершение религиозных треб и резку скота на «кошер».

Если появление раввина в Чите было инициативой «снизу», продиктованной религиозными потребностями здешних евреев, то в Иркутске все обстояло совершенно иначе. По мнению историков Иркутской общины В.Войтинского и А. Горнштейна, здесь институт раввината, введение которо-

го долго искусственно сдерживалось общиной, был столь же искусственно насажден Иркутским генерал-губернатором А.Д. Горемыкиным. Но мы позволим себе не согласиться с их оценкой этого шага как «осознанного удара, нанесенного по наиболее чувствительному месту». И уж тем более неубедительным кажется объяснение этого акта «антисемитскими настроениями, с которыми Горемыкин явился в Иркутске»²¹⁵ - куда логичнее для антисемита вовсе лишить еврейское общество раввина и выслать его из города. Скорей всего прибывший с запада новый генерал-губернатор просто собирался привести управление общиной в соответствие с законом, по которому она должна иметь общественного раввина. Другое дело, что в специфических условиях, в которых находилась Сибирь, это было непросто.

Время для введения раввина выпало удачное: община переживала состояние «духовного вакуума». Ученый еврей Исай Файнберг вовсе не горел желанием взвалить на себя обязанности раввина, хотя община на этом настаивала. Губернское управление его поддержало, предложив общине позаботиться о поисках раввина, а ходатайство Иркутского губернатора перед Департаментом Духовных дел иностранных исповеданий о разрешении исполнять обязанности раввина ученому еврею, даже в противоречие закону, понимания в Министерстве внутренних дел не встретило. Сенатор Плеве разъяснил, что «круг действия ученых евреев заключается лишь в объяснении сомнений, к богослужению или обрядам веры относящихся, и никакие другие лица, кроме утвержденного раввина и его помощника, не могут исполнять религиозных обрядов».²¹⁶ Министерство скорее готово было снисходительно отнестись к выбору евреями лица, не подходящего по уровню образования, поскольку иркутская община «по малочисленности своей едва ли в состоянии содержать образованного раввина».²¹⁷

А вот объяснение неприязни иркутских евреев к раввинату неизбежными переменами в их привычной жизни выглядит вполне убедительно. Действительно, общинникам трудно было примириться с появлением в их среде чу-

жого человека, который сразу займет видное положение, ибо по закону общественный раввин - первое лицо в общине. Возможно, отчасти сыграла свою роль непопулярность общественного раввината - структуры, навязанной еврейским общинам извне, а не вызванной к жизни их собственными потребностями. В какой-то мере повлияло желание иркутских евреев «сохранить лицо» при ограниченных материальных возможностях. Имевшая, пожалуй, наибольший вес среди других еврейских общин Сибири, община Иркутска не могла пойти на приглашение раввина без веса и имени. А все попытки пригласить «блюстителя еврейского закона» с такими данными были безуспешны: средств для этого у общины не хватало, что даже дало повод для насмешек в печати.²¹⁸

Община пыталась убедить губернатора, что раввинат неприменим в условиях Сибири, где даже синагоги и молитвенные школы запрещены, а разрешаются только молельни - и то с согласия Министерства внутренних дел. Поиск же лица с надлежащим образованием и к тому же обладающим нравственными качествами и эрудицией во всем, что относится к духовной жизни евреев, в Сибири к тому же осложняется правовыми ограничениями. И, наконец, необходимость соблюдать все условия неизбежно приведет к выбору человека, не отвечающего требованиям закона, чем «потрясены были бы основы государства». К тому же выбором раввина в Иркутске проблема духовного воспитания евреев губернии отнюдь не исчерпывалась. «Рассыпанность» по разным селениям губернии, нехватка денег для приезда в город, а для ссыльных к тому же лишение права отлучаться с места причисления делали для них раввина практически недостижимым. А при громадных сибирских расстояниях причисление к «ближайшему раввинату» становилось весьма условным.

Но власти все-таки ввели должность раввина силовым давлением. Ученому еврею, который с разрешения Иркутского губернатора совершал все обряды с 1879 года, в апреле 1891 года категорически запретили это делать, по-

сколькx совершение обрядов по закону составляет исключительную прерогативу раввинов и их помощников, и предложили правлению общины «принять безотлагательно надлежащие меры к восстановлению в Иркутском молитвенном доме законного совершения религиозных обрядов».²¹⁹ В соответствии с предписанием Иркутского губернатора перестали вестись и метрические книги. В течение 8 месяцев, вплоть до избрания раввина в ноябре 1891 года, жизнь общины была практически парализована. Из-за отсутствия раввина иркутские евреи были лишены возможности как вступить в брак, так и расторгнуть его. В этих условиях они вынуждены были пойти на уступку.

Первым иркутским раввином стал Дон Медведников, имевший свидетельство Витебской еврейской училищной комиссии, ранее бывший учителем в еврейском казенном училище в Симферополе и приехавший в Иркутск по собственной воле. Через два года он уже совмещал обязанности раввина и ученого еврея.²²⁰ Отдельные голоса за то, чтобы раввином был избран кто-нибудь из сибиряков, знакомых с сибирской жизнью, к которому местные евреи могли бы обратиться со своими нуждами, услышаны не были: в законодательстве не было указаний на то, что раввин обязательно должен избираться из местного общества.²²¹ Да и при предъявлявшихся к личности «блюстителя и толкователя еврейского закона» условиях особого выбора у сибирского еврейского общества никогда не было.

Как и в Енисейской губернии, Иркутский раввин был единственным на всю огромную территорию. Евреи Киренска, Витима, Бодайбо пользоваться его услугами не имели возможности, а ходатайства раввина о назначении помощников или лиц, уполномоченных к совершению религиозных обрядов, в местностях с значительным еврейским населением оставались без результата.²²²

Евреи Якутска еще в 1880 году собирались выписать раввина за годовое жалованье в 600 рублей,²²³ но, по-видимому, человека, соответствующего всем требованиям, не нашлось. 12 лет религиозные обряды исполнял Иосиф

Левин, который был резником и занимал поочередно должности старосты и ученого еврея в общине. Фактически он играл роль раввина и не только сам себя считал таковым, но даже умудрился уговорить часть прихожан зафиксировать свое избрание на должность раввина протоколом общинного собрания. Впрочем, утвержден он все равно не был – не без стараний своего давнего соперника Льва Мордоховича, доказывавшего, что Левин не имеет для этого требуемого законом образовательного ценза и «по степени благочестия... и нравственным качествам не только не достоин быть раввином, но даже резником». Все это дало властям повод для неудовольствия и возбуждения против него уголовного дела по обвинению в присвоении раввинских полномочий.²²⁴ Но для Якутского еврейского общества на определенное время это был все же выход: после отъезда Левина из города в 1895 году община на 8 лет осталась без единого духовного лица.

Первый раввин в Якутском молельном обществе Гирш Граус появился только в 1903 году, но уже в 1907 году он выехал в Енисейскую губернию. Оставшись без раввина и резника сразу, еврейское общество пригласило мещанина Киевской губернии Аарона Страда. Как сын отставного солдата рекрутского набора он имел право повсеместного жительства, а его знание обрядов иудейской религии делало его незаменимым для общины. Однако в должности раввина он утвержден не был, поскольку не имел положенного образования.²²⁵ Ему позволили лишь исполнять обязанности резника.

Отсутствие профессионального раввината – одна из важнейших особенностей религиозной жизни евреев Восточной Сибири. Из всех раввинов в регионе к этому разряду можно отнести лишь троих. Безусловно, самой яркой личностью был иркутский раввин Соломон Бейлин. Родившийся в городе Новогрудок Минской губернии, получивший традиционное еврейское образование, окончивший реальное училище в Пинске, Бейлин был общественным раввином Иркутска почти 20 лет. Как литератор, фольклорист, общественный деятель он получил известность далеко за пределами Сибири.²²⁶ Его

статьи в «Восходе», «Еврейской старине», «Сибирских вопросах», исследования фольклора сибирских евреев были хорошо известны читающей публике. Он имел обширную переписку в России и за рубежом. В своей должности Бейлин многое сделал для развития еврейского национального образования в Иркутске и как учитель (он несколько лет подряд получал свидетельство меламеда на право обучения еврейских детей в частных школах или домах), и как активный член Иркутского отделения «Общества для распространения просвещения между евреями». ²²⁷

Бейлин не боялся пойти на конфликт с властью. Он мог произнести зажигательную речь на митинге, он ходатайствовал перед генерал-губернатором за единоверцев, подлежащих выселению из города. Яркая, независимая личность, Бейлин вызывал раздражение Иркутского генерал-губернатора А.Н. Селиванова, который отказался утвердить его в должности и предложил в месячный срок покинуть Иркутск. Раввина спасло только то, что генерал-губернатор сам ушел в отставку. ²²⁸

В отличие от иркутского красноярский раввин Коппель Шмеркович с властью предпочитал не ссориться, а заигрывать, всячески демонстрируя свою лояльность и верноподданические чувства. Артистичный, стремящийся всегда быть в центре внимания, он любил яркие жесты «на публику». Не стесняясь похвалялся, что высшие чиновники, присутствовавшие у него на молебне по случаю отправки войск на фронты русско-японской войны, «лично убедились в поднятии им упавшего духа воинов пламенной молитвою и проповедью», отмечал собственные заслуги «в усмирении своєю сердечно-духовной проповедью озверевшей толпы» в октябре 1905 года. ²²⁹ Любой акт благотворительности он обставлял с подобающим антуражем, искусственно приурочивая его к какому-нибудь событию, чтобы сделать более заметным: «Убедившись в разнообразных нуждах бедного еврейского общества, предложил я...составить благотворительное общество в честь чудесного спасения Монарха Александра III и Его Августейшего Семейства от грозившей им опас-

ности 17 октября 1888 года. Цель общества – ссудить бедным под залог на известное время без процентов». Разумеется, еврейское благотворительное общество он собирался назвать не иначе как Александровским.²³⁰

Не страдая от избытка скромности, Шмеркович напропалую льстил властям, чтобы добиться вождя звание потомственного почетного гражданина: «Если не ныне, то когда же?»...когда во главе губернского управления стоит человек с гуманным направлением, как Вы, человек благовоспитанный, если не в это время, когда губернским управлением управляют сановники, знающие меня лично ... если я в это время не буду просить о представлении меня за отличную службу к почетному гражданству...то когда же?» Одновременно он расточал себе похвалы: «...Я вынужден сам отметить свои служебные деяния, ибо «если я не за себя постою», то кто же за меня?». Это выдержки из его писем Енисейским губернаторам Александру Гирсу и Якову Бологовскому.²³¹

Старания Шмерковича не пропали даром. Он был обласкан властями: в 1905 году награжден золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте, в 1909 году - серебряной медалью с такой же надписью для ношения на шее на Владимирской ленте.²³² Ходатайствуя перед Иркутским военным генерал-губернатором о получении Шмерковичем звания потомственного почетного гражданина, Енисейский губернатор Доброхотов отмечает, что тот «поддерживает среди своих единоверцев принципы повиновения государственным законам и установленным властям» и обращает внимание на то, что деятельность Красноярского раввина «заслуживает особого внимания в крае, где немало сосредоточено ссыльного еврейского элемента с его тлетворным влиянием на окружающую среду».²³³

Надо отдать должное, Коппель Шмеркович действительно многое сделал для духовного объединения евреев и развития еврейской культуры. Достаточно сказать, что на посту раввина, начиная с Читы, он в общей сложности пробыл более 30 лет.

Баргузинский раввин Генух Глизбург не был столь заметен, да и срок его служения общине короток. Но появление его в среде сибирского раввинства интересно тем, что его община специально выучила для удовлетворения собственных религиозных нужд. Видя трудности, сопряженные с приездом евреев в Сибирь, и памятуя о деле несостоявшегося раввина Фальковича, правление общины решило пойти по пути целенаправленной подготовки для себя служителя веры и заключило договор об обучении на Гродненских учительских курсах крестьянина Читканской волости Глизбурга. За время обучения он должен был подготовиться к педагогической деятельности и изучить канторальное пение. Хозяйственное правление обязалось оплатить ему проезд в оба конца и платить стипендию за все время обучения. После окончания курсов Глизбург должен был вернуться в общину и постепенно возместить затраченные на него 1500 рублей путем вычета из его ежемесячного жалованья 25 процентов. В случае получения неблагоприятных отзывов о поведении стипендиата хозяйственное правление брало на себя право прекратить выплату стипендии и отправить его домой.²³⁴ В течение двух с половиной лет Глизбург успешно закончил курсы, прошел дополнительную подготовку и, получив диплом на звание учителя русско-еврейской школы, вернулся в Баргузин, где был избран раввином. Это произошло в 1913 году.²³⁵

С некоторой долей натяжки сюда можно отнести и Гирша Грауса, происходившего из крестьян Енисейской губернии. О его подготовке неизвестно ничего кроме того, что он закончил среднее учебное заведение (по закону такой уровень образования для занятия должности раввина был допустим.) Раввинский стаж в общей сложности у него был солидный: в 1904 году утвержден раввином Якутского еврейского молитвенного дома, в 1907 году уехал оттуда, по-видимому, в Енисейскую губернию, так как точно известно, что в 1909–1911 годах он был канским раввином. В 1911 баллотировался в раввины Сретенской и был избран, поскольку в Нерчинском уезде никого с

положенным образовательным цензом не было. Занимал эту должность вплоть до 1917 года.²³⁶

Больше специально подготовленных раввинов в Восточной Сибири не было, и они избирались из лиц, подходящих по образовательному цензу (чаще всего, врачей), которые отправляли раввинские обязанности в свободное от работы время. За их исполнение, к примеру в Верхнеудинской общине, они не получали никакого денежного вознаграждения, кроме 50 рублей на канцелярские расходы. Все доходы, в том числе от совершения обрядов, поступали в пользу общины.²³⁷ Все три раввина Верхнеудинской общины – провизор Литман Шлаин, дантисты Давид Столпер и Энох Мильштейн – были людьми сугубо светскими, имевшими слабое представление о постулатах иудаизма. Одно из первых своих писем в должности раввина Энох Мильштейн адресовал иркутскому раввину Соломону Бейлину с просьбой разъяснить, в чем, собственно, заключаются его обязанности.²³⁸ Вряд ли был искушен в обрядах веры иркутский раввин Павел Хоммер, дипломированный агроном, сменивший в этой должности Медведникова, или читинский раввин, кандидат естественных наук Лев Шергов. Это были люди культурные и образованные, с передовыми для того времени идеями, почерпнутыми в университетах, но быть носителями истинно еврейского духа в общине они не могли.

Многие еврейские общины годами вовсе не имели раввинов и, не надеясь найти кандидата, соответствующего всем требованиям, приписывались к ближайшему раввинату. В 1908 году такое решение приняла Баргузинская община, в 1909 году Мысовская молельня была передана в ведение верхнеудинского раввина. Турунтаевская молельня в 1913 году причислилась к ведомству раввина Кабанского, а уже через год и сама Кабанская община оказалась в ведении верхнеудинского раввина. Очевидно, записи в метрических книгах делали помощники, они же совершали обряды имянаречения и обрезания, а обряд бракосочетания исполнял раввин. За дополнительные обязан-

ности молельни выплачивали ему денежное вознаграждение: Мысовская 200, а Кабанская 150 рублей в год.²³⁹

В Канске, Ачинске, Енисейске подолгу не было раввинов, и их обязанности исполняли частные лица, не имеющие на это никакого права, а причисление к ведомству красноярского раввина из-за дальности расстояния имело формальный характер. Длительный период отсутствия раввина и, следовательно, незаконность всех выполняемых обрядов пережили Нерчинск, Чита. В Сретенской за отсутствием раввина его функции выполнял ученый еврей купец Элия Гершгорин.²⁴⁰

Особенно сложным было положение якутских евреев. Предложение Иркутского генерал-губернатора причислиться к Иркутскому раввинату в случае невозможности содержать своего раввина звучит просто несерьезно: вряд ли евреи Якутска, находившегося в 3000 верстах от Иркутска, могли бы когда-нибудь воспользоваться его услугами. (В пик внутриобщинной борьбы, когда Мордохович больше всего боялся вступления в должность лидера противной стороны Левина, попытки причислиться к ближайшему раввинату все же предпринимались. «Ближайшим» оказался Иркутск, и бывший тогда раввином Медведников от такого варианта отказался).²⁴¹

Не обошлось без авантюристов, которые, пользуясь затруднительным положением общин в «деле приискания» подходящего по образованию и правовому положению лица, стремились занять незаполненную нишу. Тем более что должность раввина, имевшего высокий статус в государстве, была достаточно притягательна. История Читинской общины зафиксировала случай избрания в 1908 году на должность раввина прибывшего в Читу из Канска аптекарского помощника Берко Хейфеца, который в подтверждение своего права занять эту должность по образовательному цензу представил заверенную канским нотариусом копию свидетельства об окончании шести классов Киевско-Печерской мужской гимназии. Свидетельство оказалось фальшивым, хотя было выписано на фирменном бланке по установленной

форме с печатью гимназии, которой была «припечатана» и фотография Хейфеца. Интересно, что по этому свидетельству он был допущен к экзаменам на степень аптекарского помощника при Казанском Императорском университете, который успешно выдержал.²⁴²

Неоднозначна и личность Якова Асса, мещанина Минской губернии, обладателя свидетельства врача пехотного полка и старшего ординатора Казанского военного госпиталя, баллотировавшегося в читинские раввины в 1914 году, - впрочем, без успеха. Аттестация, данная им поначалу военным губернатором как лицу, «говорящему по-русски не чисто и всегда с еврейским акцентом», по знаниям русского языка совершенно не соответствующего предъявляемым к раввину условиям, и степенью грамотности не выше окончивших приходское училище, не оставляла ему никаких шансов даже на участие в выборах. Уже через несколько месяцев тот же губернатор характеризовал его как человека «отличных нравственных качеств», знатока еврейской религии и в совершенстве владеющего государственным языком.²⁴³ Остается догадываться, как Ассу удалось найти путь к сердцу губернатора – не своей же речью на русском и иврите в честь 300-летия царствующего дома Романовых, отправленной в адрес губернатора. Тот видел ее и раньше да и не был искушен в иврите, чтобы оценить качество перевода. К тому же еврейский акцент в разговоре Асса вряд ли куда-то делся.

Недостаток специальной подготовки для исполнения богословских обязанностей, которой не было и не могло быть у выпускников гимназий и университетов, должны были компенсировать искушенные в догматах иудаизма люди. Поэтому законом предусматривалось присутствие в еврейских обществах рядом с официальным казенным раввином, которого они обязаны избрать, раввина духовного, не утвержденного правительством, но который, собственно, и был настоящим религиозным представителем общины.²⁴⁴ Однако в Сибири счет таким лицам и вовсе шел на единицы: сибиряки в третьем поколении уже многое растеряли в знаниях обрядов веры, а вновь прибы-

вающие сюда из черты оседлости, в большинстве своем осужденные за уголовные преступления или высланные административным порядком, не пользовались никаким авторитетом в общине и потому служить арбитрами в вопросах богослужения не могли. Достаточно сказать, что соответствие построенной в Иркутске миквы (бассейна для ритуального омовения при синагогах) религиозным требованиям проверял духовный раввин Харбина Левин: иркутский духовный раввин Машевицкий в это время был в отпуске в Европейской России, а ближе никого не нашлось.²⁴⁵ В Красноярской общине должность казенного и духовного раввина совмещалась в одном лице. Во всей Забайкальской области в 1910 году было два духовных раввина, а в 1914 – всего один.²⁴⁶ Поэтому, к примеру, бракоразводные процедуры, которые должны были проводиться строго в соответствии с принципами иудаизма, в спорных случаях длились годами. (К слову, этим единственным духовным раввином был тот самый Шевель Левин, бывший до того духовным раввином Хабаровска, а еще раньше - Омска. Он имел удостоверения Ковенского и Виленского духовных раввинов о своей полной пригодности к такого рода деятельности и рекомендации как человек, «одаренный высоким умом, который способен повести общину по истинно религиозному пути». Знания Левиным языков властями не подвергались сомнению, а авторитет был столь высок, что по ходатайству военного губернатора области он довольно легко был утвержден в должности общественного раввина Читы в 1915 году, хотя и не имел положенного законом образовательного ценза. До этого он в течение года сочетал обязанности духовного раввина и помощника общественного раввина).²⁴⁷

Итак, к 90-м годам XIX века в Восточной Сибири ощущалась необходимость в институте раввината, причем обоюдная: еврейского общества, которое нуждалось в духовном наставнике, и администрации, не менее нуждавшейся в посреднике между собой и общиной - лице, ответственном за воспитание евреев в духе преданности «царю и Отечеству» и точное ведение

метрических книг, что при всеобщей воинской повинности в глазах властей приобретало государственную важность.

Главным критерием для официального признания любого духовного лица, и прежде всего раввина, было право жительства в Сибири. Предусмотренный законом образовательный ценз оказался на втором плане. По этой причине роль «толкователя и блюстителя еврейского закона» часто исполняли случайные люди, не обладающие достаточным уровнем знаний, которые не могли привести в общину истинно еврейское религиозное сознание. За исключением нескольких городов – Иркутска, Красноярска – где раввинские обязанности годами отправляли одни и те же вполне подготовленные к своей миссии люди, постепенно приобретающие авторитет и обогащающие свой опыт духовной жизни, институт раввината был структурой рыхлой и неустойчивой - из-за частой смены в городах духовных лиц, нелегитимности их существования, а в ряде случаев – годами – полного отсутствия. Но поскольку еврей-сибиряки, жившие уже в другом, построенном ими мире, обладали куда меньшей религиозностью, чем их собратья в черте оседлости, они достаточно безболезненно переносили такое положение, а их требования к духовному наставнику были значительно снижены.

5.3. Общинный бюджет

Сохранившиеся приходно-расходные книги Иркутской, Красноярской, Баргузинской, Верхнеудинской и Якутской общин - ценный источник для изучения их экономического состояния. Правда, информацию они предоставляют неравнозначную: если книги, к примеру, Баргузинской общины имеются за 10 лет – с 1907 по 1916 год, то есть весь наиболее активный период жизни общины, - то в Иркутской, Верхнеудинской, Красноярской, Якутской общинах сохранились лишь единичные экземпляры. Однако общие тенденции роста материального благосостояния и духовных потребностей общинников прослеживаются явно.

Доходы общин складывались из продажи мест в молитвенных домах в вечное и временное владение, взносов за заклание скота, добровольных пожертвований состоятельных общинников деньгами, вещами, книгами, «кружечного» сбора (кружки имелись в каждом молитвенном доме и редко пуствовали), процентов по банковским вкладам и ценным бумагам, целенаправленных сборов в помощь беднякам, а также платы за проведение обрядов венчания, имянаречения, развода и за записи их в метрические книги. (В Красноярской общине эта плата была дифференцированной в зависимости от «категории» прихожанина. Первую категорию составляли земле- и домовладельцы в городах, арендаторы, чиновники, врачи, аптекари, купцы, лица, торгующие по промысловым свидетельствам, банкиры, негоцианты, держатели меняльных контор, фабриканты, художники. Они платили за запись в книгах в 2-3 раза больше прихожан второй категории, куда входили все остальные).²⁴⁸ Статьей дохода была и плата, которую вносили окрестные молитвенные общества за оказанные городской молельней услуги. Например, каждый пятый рубль, полученный в отдельные годы Красноярской общиной, следовал из Кокурского и Еловского селений, которые платили за пользование Торой и за «Эсрик» – четыре ветви, символы праздника Суккот, которые община регулярно получала из Минска.²⁴⁹ Отдельной статьей шел «Моэс Хитим» (пасхальная помощь) – специальные сборы на проведение Пасхи.

Самой большой статьей дохода была продажа мест в молитвенном доме, она намного перекрывала добровольные пожертвования. Такой сбор практиковался, когда предстояли большие траты, например, строительство молитвенного дома. Вспомним, что в Иркутске собрать в короткое время 22 тысячи рублей на новую синагогу взамен сгоревшей удалось именно продажей мест. В Баргузинской общине в 1906 году таким способом рассчитывали выручить не менее 10 тысяч рублей на постройку нового молитвенного дома. Место в первом ряду оценивалось в 500 рублей, во втором – 300, далее – 200, 150, 75. Число предназначавшихся для продажи мест определялось с таким расчетом,

чтобы в каждом ряду оставалось пять свободных. Если претендентов было больше чем мест, предполагалось отдавать места с торгов. Если на одно конкретное место было несколько желающих, владелец определялся по жребию. О значимости для общины этой статьи дохода говорит тот факт, что когда планируемую сумму продажей мест собрать не удалось, строительство пришлось отложить, ежемесячно собирая по пять процентов от суммы подписки.²⁵⁰ Другие источники покрыть эту потребность не могли. Якутская община при строительстве нового молитвенного дома тоже смотрела на плату за вечные места как на главный источник финансирования. За один 1911 год она принесла две тысячи рублей, что составило более трети всех доходов.²⁵¹

Плата за места неизменно стояла на первом месте среди статей дохода даже и после окончания строительства. Причем такая тенденция сохранялась во всех общинах. В Иркутской в 1891-1892 годах плата за места по сумме превзошла пожертвования бедным на Пасху и кружечный сбор вместе взятые. Только за год с сентября 1882 по сентябрь 1883 года выручено 2980 рублей за право пользоваться местом в течение года и 1600 – за вечное владение, что составило около 40 процентов всех поступлений, с сентября 1891 по сентябрь 1892 года плата за места дала больше 25 процентов всех поступлений, в 1913 году – более двух третей.²⁵² При составлении сметы на 1914 год община опять планировала получить наибольшую сумму за места, мужские и женские. В Красноярской общине, которая плату за места начала практиковать относительно поздно, уже после строительства новой синагоги, эта статья дохода тоже постепенно вышла на первое место, составляя в отдельных случаях более трети всех поступлений. Каждое место в зависимости от расположения оценивалось от 50 до 145 рублей.²⁵³

Но этого все равно не доставало, тем более что бедным места предоставлялись бесплатно²⁵⁴, а большинство постоянных прихожан как раз были людьми с достатком ниже среднего или вовсе неимущие. Хозяйственное правление Иркутской общины даже обратилось ко всем активным прихожанам, не

имеющим постоянных мест в синагоге, с предложением вносить определенный взнос. Это уже практиковалось в Москве и Петербурге, где такие взносы равнялись общей плате за места, а то и превышали ее.²⁵⁵

Ежегодные взносы «законных членов», то есть получающих таким образом право голоса на общинных собраниях, покрывали потребности общин в незначительной степени. В Якутской общине, например, где ежегодный обязательный взнос составлял три рубля, а законных членов было 22 человека, уплатой «членских взносов» получали лишь 66 рублей в то время как только на содержание молитвенного дома ежегодно уходило до тысячи.²⁵⁶

В наибольшей степени – после платы за места - доход общины складывался из добровольных пожертвований прихожан. Они служат показателем не только их состоятельности, но и определенной степени культуры, предполагающей регулярные взносы на нужды бедных и в благотворительные организации. В отличие от платы за места, которые поступали один раз в год, пожертвования вносились ежемесячно, составляя от двух процентов до почти трети всех доходов. К примеру, в Иркутской общине в 1883 году в общей сумме доходов в 11833 рубля 20 копеек на долю добровольных пожертвований пришлось всего 265 рублей, что составило 2,2 процента. Еще 79 рублей 52 копейки достали из благотворительных кружек. В 1913 году, когда община материально встала на ноги, процент разовых пожертвований был тем не менее не намного больше - 2,5 (498 рублей 85 копеек в общей сумме 19705 рублей).²⁵⁷ В доход Красноярской общины в 1885 году ежемесячно поступало не более 20 рублей, а иногда пожертвованная сумма не доходила и до 10, хотя в 1880 году она была намного выше. В 1888-1889 годах наблюдается некоторый рост поступлений: от одной до двух тысяч рублей, где добровольные пожертвования составляют львиную долю. А в 1902 году в общей сумме дохода без малого 3,5 тысячи рублей пожертвования составили около 400, то есть 11,4 процента.²⁵⁸

Объяснение незначительности и «неровности» поступления взносов видятся нам в следующем. Во-первых, необходимо учитывать экономическую дифференциацию общинников и по этой причине небольшое число постоянных жертвователей. В их списках значатся одни и те же фамилии зажиточных людей, на чьи деньги в основном и жила вся беднейшая масса общинников. Половина постоянных прихожан Красноярской общины в 1899 году вносила очень незначительные деньги или не вносила вовсе. В 1902 году из числящихся при еврейском молитвенном доме 101 человека 68 могли вносить только менее 5 рублей в год. Мы насчитали едва ли дюжину активных жертвователей.²⁵⁹ 601 рубль 41 копейка, поступившие в 1895 году в распоряжение Якутской общины, были пожертвованы 10 прихожанами – при том, что всего их было 78.²⁶⁰ Жертвователями Иркутской общины в 1913 году были 49 человек - десятая часть выкупивших на этот год гильдейские, торговые, промышленные и личные свидетельства, то есть самой, казалось бы, экономически активной части еврейского населения.²⁶¹ Но эта статистика сама по себе хороший индикатор его состоятельности. Большую часть выкупивших свидетельства составляли мелкие торговцы и ремесленники, едва сводившие концы с концами, которые вряд ли могли оказать общине существенную помощь. Еще в 1867 году три еврейских купца Читы – братья Шмуйловичи и Литман Иткин – готовы были выложить по 1000 рублей для строительства новой молельни, тогда как все остальное еврейское общество не в состоянии было даже поддерживать в нормальном состоянии старую.²⁶²

Во-вторых, суммы поступлений отражают внутриобщинную обстановку. Резкое снижение денежных пожертвований с приходом на должность старосты Иркутской общины Бориса Горфина объясняется экономическим бойкотом со стороны старокупеческой партии, которая таким образом хотела вынудить средний класс к повиновению. Самые мизерные пожертвования в Красноярской общине - в 1885-1886 годах – приходятся на период кульминации борьбы за власть в общине между Шамаем Левиным и его противни-

ками, когда расходы производились практически одним человеком и были бесконтрольны, что вряд ли могло послужить для общинников стимулом к солидным денежным вливаниям. До этого, в бытность старостой Эноха Мильштейна, пожертвования были больше и поступали регулярно. Да и позже, по мере затухания конфликта, стабилизировалось и финансовое состояние общины. По-видимому, по этой же причине общины Забайкалья, где не было столь резких противоречий, не знали такого жестокого денежного дефицита.

В трудных ситуациях для его ликвидации практиковались займы у наиболее состоятельных общинников.²⁶³ К этому методу прибегла Красноярская община, заняв у купца Эноха Мильштейна, бывшего тогда старостой, 958 рублей 30 копеек для покупки дома под молельню. (Доказать потом этого он не смог, так как в делах духовного правления никаких документов на этот счет не оказалось, кроме приходно-расходной книги, в которой долг этот был записан городской управой, а не самой общиной. В феврале 1883 года Мильштейн умер, так и не получив обратно свои деньги).²⁶⁴

В периоды финансового «прорыва», который пережили все без исключения общины, отмечены попытки принятия нестандартных (и, к слову, незаконных) решений. Речь идет прежде всего о так называемом «коробочном сборе», то есть обязательной плате за каждый пуд кошерного мяса, от которого Сибирь по закону была освобождена и перед искушением которым сибирские общины устоять не смогли. Староста Иркутской общины Борис Горфин, зажатый в тиски «экономической блокадой» местного купечества, намеревался сбором по 40 копеек с пуда мяса и по пять копеек с каждой птицы выручить какую-то сумму на нужды благотворительности. Городская управа приняла тогда нейтральное решение: хотя «закон избавляет сибирских евреев от принудительного взимания с них платы за кошерное мясо, но не запрещает им, однако, устанавливать дополнительную плату на этот продукт по добровольному соглашению, равно как и другие сборы для законных

потребностей – однако чтобы сбор этот не носил принудительного характера».²⁶⁵ Но Иркутский губернатор категорически запретил такой способ решения денежных проблем, отметив, что, согласно примечанию 3 к статье 281 Положения о коробочном сборе он не распространяется на Сибирь. По-видимому, он все же был самовольно введен, судя по редакционному комментарию газеты «Восточное обозрение» с указанием цифр сбора за год: 4800 рублей за мясо плюс 300-400 рублей за птицу и разного рода дичь.²⁶⁶

Преемник Горфина Михаил Шейнис открыто практиковал коробочный сбор, мотивируя его необходимостью нехваткой средств, получаемых за места в синагоге и призывы к чтению пятикнижия, для содержания трех резников и раввина. Красноярское еврейское общество с помощью коробочного сбора намеревалось собрать средства для открытия еврейского училища.²⁶⁷ Евреи Читы готовы были пойти на коробочный сбор, чтобы купить...метрические книги²⁶⁸ - других средств не нашлось. Но особенно настойчиво навязывало принудительный сбор правление Якутской общины, руководствуясь благой целью - постройкой нового молитвенного дома. В журнале прихода за 1911 год значится попудный сбор, который составил около 15 процентов всех поступлений и в 1,4 раза превзошел размер пожертвований.²⁶⁹ Сомнения – не просто ли так названа плата за убой скота – разрешаются результатами ревизии, обнаружившей общий «коробочный сбор» и вспомогательный «за медь» (вероятно, за медные изделия), запрещенные Уставом Духовных дел иностранных исповеданий.²⁷⁰ Но здесь по крайней мере деньги понадобились общине. В свое время резник Иосиф Левин и вовсе требовал, чтобы ему лично платили по рублю с пуда, угрожая отлучением от церкви.²⁷¹

При кажущихся небольшими добровольных пожертвованиях общинников надо иметь в виду крупные пожертвования по-настоящему богатых людей, которые вносились либо в виде «вечного вклада» - неприкосновенного капитала, с которого общины получали солидные проценты, либо недвижимым имуществом, с которого они также имели доход. Такие взносы составляли

значительную часть доходов общин. Это были разовые пожертвования, поэтому в имеющихся в нашем распоряжении разрозненных отчетах они могли не проходить, но исключение их из доходов может сильно исказить картину. Активизация экономической деятельности еврейского купечества с наступлением XX века, появление в городских обществах Восточной Сибири заметного слоя состоятельных людей из евреев дали возможность вносить в общины очень значительные суммы и тем способствовать их растущему материальному благополучию. Например, Залман и Юлия Помус внесли 600 рублей в неприкосновенный капитал Иркутской общины. Проценты с взноса шли на нужды синагоги и бесплатного еврейского училища. Ранее они же пожертвовали 3000 рублей еврейскому благотворительному обществу. Дом стоимостью около 30 тысяч рублей и наличный капитал в 10 тысяч рублей пожертвовал общине купец Исай Матвеевич Файнберг с тем, чтобы на капитал и доходы с дома содержались ремесленные классы в еврейском училище.²⁷² Усадьбу с землей, оценивавшуюся в общей сложности в 7-8 тысяч рублей, подарил Баргузинской общине Яков Фризер. Он же пожертвовал тысячу рублей для выдачи беспроцентных ссуд нуждающимся. Именные вклады Фризера и другого баргузинского купца Абрама Новомейского община держала в банке, получая с них проценты.²⁷³ О значительности взносов в Верхнеудинской еврейской общине говорит тот факт, что когда братья Розенштейн попросили за 1500 рублей увековечить имя их отца, дав его Верхнеудинскому русско-еврейскому училищу, им отказали «ввиду ничтожности суммы».²⁷⁴

Еще в 1890 году Иркутская община получила первый дар по духовному завещанию — дом Я.О. Маркевича, который приносил 300-400 рублей дохода ежегодно. В последующем такого рода пожертвования постоянно росли. 28 тысяч рублей на вечный вклад были внесены общиной по завещанию Моисея Яковлевича Кремера. Он же завещал каменный дом, который перешел в собственность общины после смерти жены жертвователя.²⁷⁵ Семен Семенович

Кальмеер, потомственный почетный гражданин, купец I гильдии завещал капитал в 10 тысяч рублей на нужды Иркутского молитвенного дома.²⁷⁶ В 1913 году общая стоимость именных фондов и капиталов, завещанных общине, составляла более 60,5 тысячи рублей, а принадлежащая ей недвижимость оценивалась в 156 тысяч рублей.²⁷⁷ Более чем в 12 тысяч рублей оценивалось на 1917 год имущество Баргузинской общины, в которой было всего 19 «законных членов».²⁷⁸

Расходные статьи бюджета общин составляли содержание молельных домов, их ремонт и благоустройство, отопление и освещение, плата раввину (если таковой имелся), резникам, совершавшим убой скота по канонам иудейской религии, а также служителям молитвенного дома - трапезнику и сторожу, содержание кладбищ, приютов для неимущих, помощь бедным.

Содержание молельных домов требовало значительных сумм: во-первых, как мы уже имели возможность убедиться, их приходилось часто расширять, реконструировать, а то и строить новые в результате роста еврейского населения сибирских городов. Во-вторых, еврейское общество никогда не жалело денег, чтобы в центре общинной жизни все было «на уровне». Всем техническим новшествам – электричеству, телефонной связи - сразу находилось применение в молитвенных домах. Содержание молитвенных домов поглощало 12-13 процентов всех расходов.²⁷⁹

Значительные суммы уходили на оплату услуг резников и канторов. Счет такого рода специалистам, знатокам обрядовой стороны еврейской религии, в Сибири шел на единицы. Частично эту проблему помогали решить духовные наставники-«добровольцы», «борцы за веру отцов», о которых уже говорилось выше. Резники не только совершали заклание скота по канонам иудаизма, но и часто играли роль кантора, духовного и казенного раввина, а за отсутствием учителя исполняли и его обязанности. Их знания очень ценились, и они традиционно занимали высокое положение в общинной иерархии. (К примеру, приехавший из черты оседлости в Иркутск резник Евсей Рябкин,

прослуживший в общине 30 лет, пользовался большим уважением. Ему даже решили положить пожизненную пенсию 50 рублей в месяц. Но городская управа засомневалась в законности такого решения: его пенсия «съедала» часть средств, собранных на резников и раввина. К тому же приговор о сборе, обязательный для исполнения всеми прихожанами и не подлежащий отмене или изменению до смерти Рябкина, попахивал «принуждением большинства общинников, приговор не подписавших и даже не знающих о его составлении, подчиниться воле меньшинства».²⁸⁰

Но власти, поначалу достаточно снисходительно относившиеся к большей частью вольно зашедшим резникам из Европейской России, в 90-х годах, начав кампанию по борьбе с не имеющими права законного жительства в Сибири евреями, подвергли их тотальному выселению, что грозило параличом общинной жизни Нерчинска, Верхнеудинска, селения Кабанского, Иркутска. Евреи отчаянно боролись за сохранение резников, засыпая власти прошениями и доказывая неизбежность подрыва религиозных основ и нравственных устоев с их удалением из общины.²⁸¹ А староста Иркутской общины Михаил Шейнис даже обращался к адвокату в Петербург с обещанием крупного гонорара и вечной признательности иркутских евреев, если он добьется разрешения на жительство для резников и канторов.²⁸² Потеряв в ряде случаев надежду отстоять их право жительства в Сибири, общины начали готовить резников для себя в учебных заведениях черты оседлости, что было делом длительным и сложным. Поэтому общины не скупилась на оплату труда резников, а к их просьбам повысить жалованье обычно относились с пониманием.²⁸³

На высокую оплату имели полное право претендовать и канторы. В Сибири их почти не было, а приглашение из Европейской России неизменно наталкивалось на сложности правового характера. Смерть Павла Калмановича перед осенними праздниками поставила иркутское еврейское общество в затруднительное положение, вынудив приглашать кантора из Харбина. Хозяй-

ственное правление Иркутской молельни даже помещало объявления в сибирских газетах о надобности в опытном хоральном канторе из имеющих право жительства в Сибири, но таковых не оказалось.²⁸⁴ С такими же сложностями сталкивались и другие сибирские общины. Верхнеудинская за одно субботнее богослужение платила приглашенным канторам до 155 рублей, а за осенние праздники – Рош-Ашана, Иом-Кипур и Суккот – до 450 и больше. Привлеченные высокой оплатой, в общину зачастили хитрецы, рассчитывавшие на непритязательность сибиряков. Не тут-то было. Община, выразив неудовлетворение их искусством, запретила им богослужение.²⁸⁵ В 1905-1906 годах в потоке людей из черты оседлости появляются и специалисты канторального пения.²⁸⁶ По-видимому, их умение тоже оставляло желать лучшего, так как община по-прежнему брала на себя хлопоты по приглашению канторов из Европейской России. Практиковалась отправка местных юношей в канторские школы Вильно и Лодзи (часто искусству канторального пения обучались и поехавшие на учебу будущие резники). Первая мировая война прервала эти занятия. Когда по этой причине приглашение кантора из западных губерний стало невозможным, община обращалась в Харбин или просила кантора из числа военнопленных, которые были для нее только единовверцами, а не солдатами вражеской армии.²⁸⁷ В Красноярской общине были свои канторы, но она пользовалась и услугами приглашенных.²⁸⁸

Наконец, значительная часть общинных средств уходила на оплату услуг раввина. Специалист с образованием и достаточным опытом ценился дорого. Недаром многие общины не могли позволить себе пригласить раввина из-за недостатка средств для его содержания. В 1904 году по договору с хозяйственным правлением Красноярской общины раввин получал 100 рублей в год плюс отдельную плату за духовные требы и запись их в метрические книги: обрезание – 3-5 рублей (за рождение девочек 1-2 рубля), бракосочетание 3-5 рублей, развод – 15 рублей. За запись умерших ничего брать не полагалось. В общей сложности его доходы достигали 6000 рублей в год. В 1892 году ир-

кутский раввин получал 500 рублей, в 1913 его жалованье достигло 2400 рублей, а вся его канцелярия – секретарь, расходы на переписку, телефонная связь – обошлись общине почти в 4,5 тысячи рублей. (Сюда не вошла оплата синагогального хора и его регента). В Сретенской раввин получал 2200 рублей, что составляло 50 процентов всех расходов общины. Добавим, что жалованье получали еще шамес (служитель в молитвенном доме) и караульный.²⁸⁹ При увеличении поступлений оплата их труда, как правило, поднималась. К тому же общины Восточной Сибири, тесно связанные друг с другом и совместно пытающиеся решать вопросы, касающиеся всех, состояли в переписке. Переписка велась и с властями, особенно по правам сибирских евреев, поэтому в общинный бюджет закладывалась солидная сумма на телеграммы, почтовую корреспонденцию, делопроизводство. На первых порах, когда пожертвования были невелики, а благотворительные институты еще не сформировались, подобные расходы «съедали» до трети всех доходов и значительно превышали объем помощи бедным.²⁹⁰

Община выделяла средства для поддержания порядка на кладбищах. Небольшие участки земли, где традиционно из года в год хоронили евреев, были практически в каждом населенном пункте с их компактным поселением еще задолго до появления первых общин как таковых. В. Войтинский и А. Горнштейн указывали, что в Иркутске евреев поначалу хоронили на определенном участке католического кладбища, который впоследствии генерал-губернатор Рупперт отвел для похорон евреев по просьбе своей служанки, крещеной еврейки. (Самый старый памятник на нем датирован 1836 годом). Они же указывали на наличие трех еврейских кладбищ в Иркутске. На одном из них хоронили до 1873 года и только через 20 лет после того, как там хоронить перестали, староста молитвенного дома Шейнис попросил разрешения «загородить старое еврейское кладбище, находящееся среди католического».²⁹¹ Первый кладбищенский «Пинхос» был выписан из Вильно в 1868

году, чтобы узнать ритуал омовения и погребения. Кроме Иркутска еврейские кладбища были в Зиме, Черемхово, Нижнеудинске, Кимильтее.²⁹²

Исследователи указывают на существование еврейского кладбища в Красноярске уже в 1824 году у подножия горы Таракановки.²⁹³ Хоронили здесь в течение 50 лет, пока община не попросила другого места. Испрашиваемое место не отдали из-за близости православного кладбища, но отвели другое, площадью 2100 квадратных сажень вниз по течению Енисея за магметанским кладбищем.²⁹⁴ Спустя 20 лет община присмотрела поблизости дом для подготовки к погребению, но настойчивые просьбы о его покупке понимания городской власти не встретили. Дело в том, что ранее существовавший такой дом местные бродяги использовали под ночлежку.²⁹⁵ В Верхнеудинске участок под кладбище за рекой Удой община взяла в 1896 году. Городская дума отвела его бесплатно, поставив условием внесение общиной денег за эту землю в случае введения платы. Спустя десять лет община взяла еще один участок рядом с предыдущим. Платы за оба городское управление так и не потребовало. Сохранившиеся ныне в Улан-Удэ и Баргузине еврейские кладбища поражают великолепием и монументальностью надгробий. Ю. Островский отмечал «свивший себе прочное гнездо в Сибири» обычай евреев украшать кладбища и воздвигать красивые памятники.²⁹⁶

По крайней мере с 60-х годов XIX века существовало еврейское кладбище и в Якутске. В 1893 году Иосиф Левин получил разрешение построить на кладбище предпохоронный дом, но до революции он так и не был построен. Кладбище было неухоженным, полуразрушенным, а в 1913-1914 годах практически безнадзорным. О воцарившемся на нем беспорядке неоднократно писали местные газеты.²⁹⁷

Поначалу община поручала погребение кому-либо из старейших ее членов. Например, в Иркутске в 40-50-е годы погребением заведовал старый николаевский солдат, служитель военного госпиталя. Один из непрременных общинных институтов - погребальное братство - по-видимому, организационно

оформился ближе к началу XX века. По крайней мере раввин Медведников при вступлении в должность (1891 год) отмечал, что погребального братства как такового в Иркутске не существует.²⁹⁸ В Якутской общине оно существовало с 1885 года, хотя узаконено так и не было.²⁹⁹ Более того, из-за раздоров в общине сами прихожане во главе со старостой Львом Мордоховичем настояли на его непризнании и полном закрытии, и все дальнейшие попытки его узаконить ни к чему не привели. Областное правление рассудило, что раз в Якутске нет синагоги и раввина, то не может быть никакого погребального братства.³⁰⁰ Фактически же оно продолжало существовать.

Обычно в состав погребального братства входили рабочие и нескольких старейших членов общины, знающих весь порядок исполнения обряда погребения по еврейскому закону. Служба эта безвозмездна, почему и называется «Хеврэ Кадиша» - братство святых. Предполагалось, что честь, оказываемая при обиходе и погребении, неоплатна. Касса братства пополнялась за счет членских взносов и пожертвований при погребении состоятельных общинников. Бедняков община хоронила за свой счет. В условиях Сибири роль этой службы возрастала, поскольку первое поколение общинников состояло из ссыльных и рядом просто не было родственников, которые могли бы отдать им последний долг. К тому же в еврейских обществах была значительна прослойка бедных, у которых просто не было достаточных средств для исполнения обряда.

За счет пожертвований касса погребального братства постоянно росла, и в дальнейшем средства из нее использовались для развития образования и помощи бедным. Служить в братстве считалось почетной обязанностью. Многолетнему председателю Баргузинского погребального общества Шлеме Диманту в знак уважения даже место в синагоге в первом ряду дали бесплатно.³⁰¹

Большую статью общинных расходов составляло проведение Песаха (Пасхи) и осенних религиозных праздников: Рош-Ашана (Новый год), Иом-Кипур

(Судный день) и Суккот (праздник Кущей, или праздник шалашей). Особенно больших затрат требовал Песах – праздник освобождения, память евреев об исходе из египетского рабства. Поскольку евреи выходили из Египта с большой поспешностью, им пришлось печь хлеб из не поднявшегося теста. С этим связан один из наиболее известных пасхальных обычаев есть пресный хлеб (мацу). Покупка особой пасхальной муки, выпечка мацы, раздача ее бедному населению и снабжение ею общин близлежащих населенных пунктов входили в обязанности духовного, а позже и хозяйственного правлений больших городов. В Песах был положен обильный праздничный стол и особая пасхальная посуда, которой не пользовались в обычные дни.

Перед Песахом практиковался особый денежный сбор «Моэс Хитим», чтобы пасхальной еды хватило для всех малоимущих. Даже если в течение года пожертвований было немного, перед Пасхой они резко возрастали, порой в 10 раз.³⁰² Сбором этих пожертвований и покупкой всего необходимого занимались обычно специально избранные общиной люди. Н.С. Романов отмечал, что помощь бедным на Пасху по размерам была почти равна таковой – единовременной и ежемесячной - в течение всего года.³⁰³

Кроме бедняков общины снабжали пасхальной едой и посудой солдат-евреев местных гарнизонов, заключенных в тюрьмах и пересыльных арестантов, больных, обитателей богаделен, проезжих. Например, Иркутская община на праздники кормила 50 арестантов Иркутского тюремного замка и 108 – Александровской центральной каторжной тюрьмы. Красноярская община раздавала мясо пересыльным. В Верхнеудинском гарнизоне солдат евреев в 1909 году было 376 человек, «приварочные» для них составили более 90 рублей. В следующем году на накрытие им пасхального стола ушло уже 199 рублей. Немногим меньшая сумма пошла на подарки бедным – это помимо купленных для них съестных припасов.³⁰⁴ Если с жертвованиями было туго, община предлагала солдатам-иудеям исходатайствовать выдачи денег на все 8 дней Пасхи взамен натуральных «приварочных», каковые представить

хозяйственному правлению на покупку пасхальной еды, а то и просто просила командира объявить солдатам, что пасхальной едой их обеспечить не сможет.³⁰⁵ Но это случалось крайне редко, и обычно каждый получал свою порцию праздника. В архивах сохранилось благодарственное письмо, написанное в 1912 году в адрес Иркутской общины от имени 160 солдат, в течение 8 дней Пасхи получавших полное содержание в общественной столовой: «...Из рассеянных по полкам одиноких солдат-людей усилиями общества была создана, хотя и временно, дружная семья, связанная общей радостью наступления Великого Праздника».³⁰⁶ Во время первой мировой войны Верхнеудинская община даже переводила деньги виленскому раввину для покупки пасхальной еды для солдат (очевидно, мобилизованных туда местных евреев). За деньги пасхальной едой снабжали и военнопленных евреев, содержащихся за городом.³⁰⁷

Пасхальная помощь служила точным индикатором экономической состоятельности общины. Увеличивающийся объем пасхальных подарков говорил не о возросшем богатстве общины, а напротив, о бедности ее членов, потому что обратившиеся за помощью на Пасху были людьми безусловно бедствующими, но желавшими соблюдать традицию праздничного пасхального стола. С. Дубнов в доказательство обеднения и обнищания евреев после многочисленных ограничений на занятие разными промыслами приводит резко возросшее число обратившихся на Пасху за материальной помощью.³⁰⁸ Такую же тенденцию подметили историки Иркутской общины.³⁰⁹

И, конечно, самой значительной, постоянной статьей расхода была регулярная целенаправленная помощь бедным. Вырванные из жестоких, но привычных условий черты оседлости, отбывшие каторгу и ссылку, часто не имеющие в Сибири никаких родственников и в силу неспособности – из-за отсутствия связей, первоначального капитала, нездоровья или трудного семейного положения – заработать на жизнь, еврейские бедняки, вдовы и сироты ссыльнопоселенцев могли рассчитывать только на помощь своих удачли-

вых единоверцев. Более того, они стягивались в города, входили в общину, становились активными прихожанами, движимые не только (и даже не столько) духовными устремлениями, сколько надеждой на поддержку. Синагога была для них не символом веры, а способом объединения. На нее смотрели как на благотворительное учреждение. Красноярские евреи и не скрывали этого, отказавшись в 1876 году избирать из своей среды ученого еврея, поскольку «надзирать за порядком евреев в молитвенной школе и за интересами общества по сбору и расходу сумм на содержание и помощь бедным (выделено нами. – Л.К.) можно и без ученого еврея».³¹⁰ Есть основания предполагать, что благотворительность была развита уже на заре общинной жизни, до того, как созрели все элементы формирования общины как таковой. Хотя организационно оформленные благотворительные институты появились значительно позже.

Исследователи отмечали, что среди евреев никогда не было так называемой «нищенствующей братии».³¹¹ Община сурово относилась к тем, кто пытался обращаться за подаванием. Богатые евреи опасались, как бы из-за нищенствующих не обратили внимания и на хорошо обеспеченных. На безвозмездную помощь – небольшие ежемесячные пособия – могли рассчитывать только больные и увечные. Основной формой помощи стало единовременное пособие для приобретения какого-либо инвентаря с целью открытия собственного дела. Бедствующие получали ссуду на льготных условиях, беспроцентно, но они обязаны были ее вернуть. Поначалу ссуды были небольшими и составляли минимальную статью расхода.³¹² Первым неожиданным капиталом, полученным Иркутской общиной для этой цели, стали 2000 рублей, оставшиеся от собранных на помощь семьям ушедших на русско-японскую войну. Позже Б. Хасловский завещал общине капитал, проценты с которого – 500 рублей ежегодно – целенаправленно шли на выдачу ссуд. За без малого два года в 1913 - 1914 годах было выдано свыше пяти тысяч рублей, из которых около трех за это же время вернулось.³¹³

Пособия выдавались и евреям, попадавшим под выселение стараниями сибирской администрации. Массовые высылки обрекали на нищету уже имевших жилье и заработок в Сибири и осложняли и без того нелегкое положение еврейских общин. В правление Горемыкина в 1893 году за два месяца было выселено 700 иркутских евреев. Оказать им полноценную помощь община была не в силах. Большинство из выселяемых получили мизерное пособие - 5-7 рублей.³¹⁴ Красноярская община практиковала пособия проезжавшим и прохожим евреям, разовые небольшие – от рубля до пяти - пособия калекам и сиротам.³¹⁵

Немощные старики жили в богадельнях, которые также содержались общинами. В Иркутске богадельня находилась в каменном здании стоимостью 20 тысяч рублей, сооруженном на пожертвования молитвенного дома, комитета по управлению кладбищами и частные. Здесь постоянно содержались от 12 до 20 человек, к тому же еще несколько десятков человек, преимущественно солдат, получали обед. Содержание одного обитателя обходилось в 10 рублей в год. Богадельня для бедных евреев Верхнеудинска – маленький деревянный одноэтажный дом при молельне – открылась в 1890 году. Это было второе в городе учреждение призрения после верхнеудинской больницы, построенной в 1869 году. На добровольные пожертвования деньгами и продуктами здесь постоянно содержались от трех до восьми человек. Верхнеудинское еврейское купечество время от времени устраивало спектакли в пользу богадельни, отчеты о которых печатались в газетах. За один раз от подобных мероприятий вместе с пожертвованиями получали несколько сотен рублей чистой прибыли.³¹⁶ «Приют для безродных старцев» («Hekdesch») на общественные пожертвования был построен в Чите. В придачу к уже имеющейся в городе богадельне Красноярская община в 1916 году на одном из собраний приняла решение о строительстве приют – убежища.³¹⁷

По мере духовного роста общин помощь бедным увеличивалась, достигая иной раз 70 процентов общинных расходов.³¹⁸ Кроме того, сибирские евреи

всегда считали своим долгом помочь и далеким единоверцам: деньги в зависимости от возможностей от Иркутской, Верхнеудинской, Читинской, Баргузинской, Зиминской, Кимильтейской общин поступили в пользу жертв Кишиневского погрома 1903 года. Средства – пусть небольшие - в пользу солдат, пострадавших в русско-японской войне, собирали в Красноярской, Канской, Кабанской, Мысовской, Нерчинской, Читинской молельнях.³¹⁹

Мы не склонны разделять точку зрения Ю. Островского, считавшего, что организованные благотворительные учреждения очень редки в сибирских еврейских общинах.³²⁰ Напротив, их было достаточно много, в частности в Иркутске. Евреи всегда стремились к целенаправленной и организованной благотворительной деятельности. И хотя намерение это спотыкалось то о недостаток средств, то о сопротивление властей, они в конце концов добивались своего. Одна из самых ранних попыток организации помощи бедным относилась еще к 1883 году, когда жена иркутского купца Татьяна Кальмеер пыталась собрать деньги с состоятельных евреев на учреждение ссудной кассы, но Иркутский губернатор Носович ей этого не разрешил.³²¹ В дальнейшем нужда в такой организации возрастала: и из-за роста числа бедных, обусловленного жесткой ограничительной политикой властей по отношению к сибирским евреям, и из-за необходимости общественного контроля над суммами, поступающими на благотворительные цели. Избранный в 1888 году старостой Иркутской общины Борис Горфин сетовал на отсутствие в общине учреждений, которые могли бы «отвращать бродяжничество своих членов, учреждая разные благотворительные заведения», и на неимение «приюта или школы для сирот и беднейших детей евреев, где последние могли бы найти покровительство».³²²

В начале XX века в Иркутской общине одна за другой открылись несколько благотворительных организаций.³²³ Хотя фактически некоторые из них существовали полулегально и до официального разрешения. Одной из них было Иркутское благотворительное общество пособия бедным евреям, учре-

дительное заседание которого состоялось только в апреле 1909 года. Общество избрало правление из 12 человек и ревизионную комиссию, проверявшую целесообразность расходов. В разное время председателями общества были доктор Павел Григорьевич Шнейдерман и известная благотворительница Юлия Леонтьевна Помус.³²⁴ В уставе общества было записано, что оно «имеет целью доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных евреев г. Иркутска без различия пола, возраста, званий, состояний».³²⁵ Главным источником денежных поступлений были членские взносы (а в число членов общества входили весьма зажиточные люди). Касса пополнялась также за счет кружечного сбора и растущих процентов на капитал, спектаклей и концертов в пользу общества. В 1909 году – в первый год своего легального существования - общество собрало на благотворительные цели 5323 рубля, а в 1914 году – 7715 рублей. С началом первой мировой войны оно регулярно отсылало деньги Петроградскому комитету помощи жертвам войны, центральному комитету общества охранения здоровья еврейского населения для помощи детям беженцев, частично собранная сумма передавалась в распоряжение беженцев, прибывающих в Иркутск.³²⁶ В конце 1916 года правление общества организовало комиссию «Бикур Хайлим» для оказания помощи больным бедным евреям на дому, для улучшения питания больных и поселения желающих в деревню.³²⁷

В 1913 году Верхнеудинская еврейская община основала общество для оказания помощи бедным евреям города. Ссудную кассу для выдачи беспроцентных ссуд нуждающимся организовал в Баргузинской общине Яков Фризер.³²⁸ Общества пособия бедным евреям имелись в Красноярске и Канске. В Красноярском обществе было 177 членов, не считая 145 жертвователей. Возглавлял его врач Моисей Тонконогов.³²⁹

Как правило, бюджет еврейских общин был бездефицитным, хотя в отдельные годы расходы перекрывали приход, и благотворительность падала практически до нуля. Причины этому были не только объективные - гонения

властей, приводившие к обнищанию еврейского населения и соответственно к резкому росту потребности в материальной помощи, - но и субъективные – самоуправство и бесконтрольность в расходовании денежных средств, которыми отличался «старостинский» период. Проверки правильности ведения приходно-расходных книг, которые время от времени практиковали органы городской власти, обнаруживали небрежность, подчистки, целые страницы «ошибочно записанных расходов», отсутствие оправдательных документов, удостоверяющих действительность расхода, и графу «разное», в которой скрывались большие возможности для злоупотреблений. Например, в Красноярской общине «разные» расходы в 1878 году превысили размер помощи бедным и пособий на похороны в пять раз, в Иркутской в 1883 году – в шесть.³³⁰ А Якутская еврейская община, не скрываясь, однажды вообще устроила банкет для жертвователей, которые за один вечер прокутили пятую часть того, что пожертвовали, и немногим меньше годовой суммы для содержания бедных.³³¹

Исправление ошибок зависело только от доброй воли правления, а разумное расходование денег – от его порядочности. Объяснениям ошибок духовного правления Красноярской общины неопытностью «занимавшихся письмоводством по Духовному правлению частных лиц, тем более и потому еще, что до сего времени никакой отчетности по расходу сумм от сего правления не требовалось»,³³² можно верить. Потому что его староста Энох Мильштейн, человек порядочный, после проверки жестко контролировал все расходы, требуя оправдательные документы за каждую трату: получавшие деньги за услуги, будь то истопник или водовоз, давали расписки, выдачу пособий проезжающим и проходящим через Красноярск евреям удостоверяли жители города.³³³ Но после его смерти в период ожесточенной междуусобной борьбы все вернулось на круги своя: всеми собранными суммами распоряжался порой один человек, никому не давая в том отчета.³³⁴

Попытки контролировать общественные суммы со стороны старосты Иркутского молитвенного дома Бориса Горфина с тем, чтобы часть их пошла на нужды благотворительности, неизменно вызывали сопротивление влиятельного слоя еврейского общества. Судя по заметке в «Восточном обозрении», деньгами в основном распоряжались иркутские резники, которые не желали смириться с самой мыслью установить фиксированную плату за их услуги. И хотя следующая заметка, опровергая предыдущую, оправдывала резников, она наводит на мысль о легкости финансовых злоупотреблений, провоцировавшихся самим порядком распределения денег в общине.³³⁵ Ими и при Горфине, и после него, при Михаиле Шейнисе, распоряжался один человек. Речь шла не о замене самовольного распределения средств коллегиальным, а лишь о том, в чьих конкретно руках окажется общинная касса.

«Восточное обозрение» даже посвятило специальную статью технологии злоупотреблений в духовных правлениях в Сибири, ставших весьма притягательными для разного рода дельцов: «Крайне неосмотрительный выбор таких неблагонадежных лиц всегда был причиной обеднения церковной кассы, которую старосты расходовали произвольно, причем не показывали по книгам весь наличный сбор денег, часть которых уходила на неизвестные потребности; городская управа в делах духовных правлений вовсе не компетентна и всех шашней старост и казначеев не знает. Полное количество суммы записываются по особой черновой книге, где против имени каждого жертвователя делается отметка в получении денег. А так как квитанция в получении их не выдается, то, разумеется, нет никакой возможности проследить правильность записей по казенным книгам».³³⁶ Сидящий у общинной кассы мог потом с легкостью, выделив часть средств на благотворительность, остальные положить в карман. Уж не потому ли Энох Мильштейн так и не смог доказать внесение им без малого тысячи рублей в кассу общины на постройку новой молельни?

После окончания «старостинского» периода с заменой единоличного управления общиной коллегиальной формой, появления общинных благотворительных организаций с ревизионными комиссиями бесконтрольное распоряжение общинной кассой ушло в прошлое. Имевшие еще тут и там место эксцессы были скорее исключением, чем правилом, вызывавшим резкое неприятие общинников.³³⁷ Сибирские еврейские общины, возмужавшие материально и духовно, избавленные от распрей, проникнувшись идеей национального сплочения, создавшие материальную базу и «обросшие» благотворительными учреждениями, вступили в новый этап своего развития. На первое место стала выходить потребность в образовании, характерная для всего российского еврейства. Оставаясь в религиозном отношении евреями, они перестали смотреть на себя только как на религиозное сообщество.³³⁸ В расходах общины наибольшие затраты стали падать на долю культурно-просветительских организаций. Значительные средства тратятся на учебные пособия, книги, журналы, выписку газет и переплет книг.³³⁹ Центр тяжести национального воспитания постепенно смещается в еврейские просветительские учреждения.

5.5 Еврейское национальное просвещение

На рубеже XIX-XX веков в общинах Восточной Сибири становится явной тяга к открытию еврейских школ: борьба за национальное самосохранение получает выражение в заботах о национально-культурном воспитании детей. Позади остался период, когда единственным хранителем национальных традиций была религия. Выполнив свою миссию, она потеснилась, чтобы уступить место культурно-просветительским учреждениям. «Над рутинной и слепой приверженностью традиции взяло верх стремление к культурности».³⁴⁰ Этому способствовали, с одной стороны, растущее материальное благополучие и стабилизация внутриобщинных отношений, а с другой - появление национальной интеллигенции, которая могла реализовать себя в об-

щинных учреждениях. К тому же после погромной волны вопросы национального сохранения и национального самосознания приобрели особую актуальность.

Желание дать детям истинно еврейское образование на стихийном уровне всегда было присуще сибирским евреям. «Сибирский еврей не набожен: он редко ходит в «молельню», торгует по субботам, а некоторые – даже по праздникам...постов он так же не соблюдает, но он все же упорно добивается, чтобы его мальчик знал «что-нибудь» по-еврейски», - отмечал Ю. Островский.³⁴¹

Густая сеть ограничительных законов неминуемо должна была наложить отпечаток на еврейские общины в Сибири. Бедные культурными силами, вдали от еврейского центра, сибирские общины особенно остро нуждались в учителях. Пользуясь этим, правоспособные (то есть имеющие право жительства в Сибири), но малограмотные и невежественные мелаеды предлагали свои услуги «по обучению». Об уровне их подготовки свидетельствует тот факт, что один из учителей Красноярской Талмуд-Торы не в состоянии был даже расписаться в документе на получение денег.³⁴² Как правило, учеба сводилась к заучиванию на слух молитв, и мальчики после пяти-шести лет зубрежки у мелаедов ни правильно читать, ни тем более писать по-еврейски так и не умели. В деревнях обучением грамоте еврейских детей занимались случайные люди с сомнительными знаниями и не имеющие на то никакого разрешения, чаще всего из ссыльных (такие выявлялись при каждой переписи).³⁴³ Директор народных училищ Енисейской губернии обращал внимание на то, что обучение детей еврейскому языку родители поручают нелегально практикующим частным учителям, нимало не заботясь об основательности прохождения ими предмета.³⁴⁴ Нелегально потому, что те не имели даже мелаедских свидетельств, да и не могли иметь: для этого надо было сдать экзамен. Обучение детей у мелаедов диктовалось отнюдь не национальными или религиозными потребностями евреев, а их экономическим положением.

Да и за отсутствием подготовленных учителей выбора у них не было.³⁴⁵ Голоса в пользу замены невежественных фанатиков-меламедов, хотя и уроженцев Сибири, приезжими интеллигентными учителями, «могущими внести свет в убогую и бедную культуру жизнь сибирского еврейства», то и дело звучали со страниц публицистических изданий.³⁴⁶

Заслуга начального еврейского образования в Сибири принадлежит Талмуд-Торам - начальным бесплатным школам для бедных детей, которые были учреждениями скорее благотворительными, чем образовательными. Обучение там было самым примитивным, но детей иногда подкармливали и снабжали кое-какой одеждой и обувью. В Иркутске Талмуд-Тора существовала уже с 1863 года, в 1881 году в ней обучалось 20 учеников, в 1886 году – 30.³⁴⁷ Дети из беднейших семей жили здесь на полном пансионе. Все преподавание, как практически во всех подобных учебных заведениях, сводилось к обучению беглому чтению по молитвеннику. Преподавание еврейского языка преследовало цели скорее конфессиональные, чем национально-культурные, а русский язык не преподавался вовсе или преподавался бессистемно силами учеников местной гимназии. Школа влачила жалкое существование только за счет частных пожертвований, а в период внутриобщинной борьбы, на который как раз и пришелся пик ее деятельности, и вовсе обнищала: купеческая партия, желая принудить общину к повиновению, полностью отказала в материальной поддержке даже Талмуд-Торы. Ее развитием никто не занимался, а попытки гимназистов наладить там какой-то учебный процесс не имели должного результата, поскольку базировались на голом энтузиазме.

Издавна существовала Талмуд-Тора и в Красноярске: в приходно-расходной книге общины за 1879 год значится жалованье ее учителям - поселенцам.³⁴⁸ Обучали детей грамоте и «еврейскому закону». В последующем она была закрыта, а в 1905 году открыта вновь. Заведовал ею Давид Гольденштейн.³⁴⁹

С разрешения директора Енисейской шестиклассной прогимназии в 1889 году раввин Шмеркович открыл еврейское приходское училище для первичного образования еврейских детей при молитвенном доме. В выданном ему специальном свидетельстве училище было зарегистрировано на его имя. Он же был в нем единственным преподавателем.³⁵⁰ По-видимому, желанием расширить училище и придать ему большую значимость было продиктовано намерение Шмерковича открыть здесь и Талмуд-Тору, собрав для этого средства из 50 кружков, которые он хотел раздать по домам для сбора пожертвований. Но Департамент Духовных дел иностранных исповеданий этого не разрешил.³⁵¹

По официальной статистике в 1895 году на территории Енисейской губернии было три еврейских училища: в Канске, Канском и Енисейском округах.³⁵² Скорей всего, это были те же Талмуд-Торы, дававшие только зачатки образования. В училище Канского округа, к примеру, был всего один учитель, а в Енисейском не было вовсе. По-видимому, обучением занимались какие-нибудь случайные люди вроде тех, о ком говорилось выше. Существовали такие школы на частные пожертвования альтруистов. В Канске таковым был Алексей Борисович Каминер, который стал почетным блюстителем.³⁵³

В Верхнеудинске Талмуд-Тора открылась лишь в 1910 году в помещении местной еврейской богадельни. К слову, в это время в городе уже было русско-еврейское училище, и Талмуд-Тора предназначалась для детей немощных, чтобы дать им хотя бы зачатки образования. Учитель получал от общины три рубля в месяц за каждого ученика, но в общей сложности не более 15. Одновременно в школе обучалось до 13 мальчиков.³⁵⁴

Несмотря на примитивность учебного процесса, Талмуд-Торы были все-таки каким-то выходом для бедных детей, где их худо-бедно обучали и кормили. К тому же в ряде случаев они послужили начальной базой для открытия полноценных учебных заведений.

Вопрос о возможности открытия частных еврейских учебных заведений вне черты оседлости, которые давали бы знания и по общеобразовательным предметам, встал еще в 1888 году, но Министерство внутренних дел идею их основания отвергло.³⁵⁵ Этим была преграждена возможность приобретения еврейским юношеством общего образования в своих училищах, что усилило наплыв в христианскую школу. Чтобы ограничить ее от «переполнения» евреями и одновременно расширить способы их образования, Министерство народного просвещения обратилось в Комитет Министров, указав на возрастающую с каждым годом потребность в специальных еврейских училищах. Тогда Министерство сообщило попечителям учебных округов, что «по применению закона 19 февраля 1868 года об общих частных учебных заведениях евреям может быть разрешено повсеместно открытие частных учебных заведений всех типов соответственно образовательному цензу лиц, желающих открыть таковые. Открытие означенного учебного заведения может быть разрешено и еврейским обществам с тем, чтобы заведовали ими лица с соответствующим образованием, и порядок надзора за ними должен быть таким же, как надзор за общими частными учебными заведениями».³⁵⁶ Для развития среди евреев профессионального образования им разрешалось открытие ремесленных учебных заведений и профессиональных школ, а также ремесленных и профессиональных классов при училищах, уже существующих на правах частных учебных заведений. Эти предложения были одобрены императором.

Получив де-юре право на открытие в Сибири полноценных еврейских учебных заведений, общины споткнулись о реализацию этого права де-факто. Во-первых, для открытия и нормальной работы училищ требовались постоянные солидные денежные вливания, которые не всем общинам были по карману. Во-вторых, стремиться к «идеалу национально-культурного воспитания» было невозможно из-за отсутствия учителей. Острая необходимость общин в открытии национальных школ по времени как раз совпала с

изъятием Сибири из всех льгот для повсеместного жительствова, и еврейская школа осталась почти без учителей.

Первое еврейское училище в Сибири было открыто, по-видимому, в Томске в 1874 году. Иркутское еврейское общество несколько десятилетий боролось за право воспитывать детей в духе национального самосознания. Купец Лейбович еще в 60-х годах возбудил ходатайство об открытии еврейского училища, когда во всей Восточной Сибири не было ни одной еврейской школы, но ему отказали. В 1879 году еврейские купцы Вениамин Каминер, Леонтий Лейбович и Борис Ямпольский подали прошение об открытии в Иркутске еврейского училища (финансирование они предполагали взять на себя), но генерал-губернатор барон Фредерикс отказал на том основании, что училище может способствовать «обособлению еврейских детей от другого населения в Иркутске». ³⁵⁷

Когда в 1881 году синагога была отстроена после пожара, мысль еврейской общины опять возвращается к школе. Для сбора средств на ее открытие опять-таки прибегли к коробочному сбору, договорившись к существующему попудному сбору прибавлять еще по 5-10 копеек на пуд. А принявшие живое участие в делах школы гимназисты придумали собирать деньги с помощью благотворительных концертов. Предполагалось на вырученные средства преобразовать Талмуд-Тору в училище и передать его в ведение Министерства народного просвещения. Община обращалась к директору народных училищ Иркутской губернии с объяснением, что ни в одном заведении Иркутска не преподается закон Божий на еврейском языке, дети не знают догматов своей веры, и единственная возможность воспитать их как верноподданных своего государства и дать хоть начала образования бедным еврейским детям – открыть в городе еврейское училище.

Фактически на нелегальном положении оно существовало давно. Еще 8 декабря 1878 года по подписному листу 24 наиболее крупных жертвователя обязались вносить в «общество для распространения образования между

детьми бедных евреев г. Иркутска» ежегодно от 100 до 500 рублей и уже через день более трети назначенной суммы – 1226 рублей - было внесено. И это не все, потому что при отстройке синагоги после пожара часть средств заимствовали из училищных сумм, и это было куда больше, чем 1226 рублей.³⁵⁸ В этом же году Иркутский полицмейстер составил акт о закрытии училища. Очевидно, зная о долгих хождениях ходатайств по чиновным коридорам, община решила открыть училище на незаконных основаниях и параллельно добиваться официального разрешения. (Мы помним, что такой же путь прошли все или почти все молельные дома). Как объяснили полицмейстеру учитель Нойнблат и казначей Штамбок, дети беднейших евреев не имеют возможности учиться, потому что определение их в существующие городские школы сопряжено с большими формальностями, и главным образом потому, что в существующих школах их нельзя обучить еврейскому языку, между тем как это считается обязательным для нормального еврейского воспитания. А приглашение отдельного учителя для каждого ребенка и накладно, да и условия – квартиры, порой неряшливые – не способствуют усвоению наук.³⁵⁹

Официально еврейское училище открылось 14 декабря 1897 года, в 1899 году оно дополнилось женским отделением. Первоначально школой руководили Мария Цукасова и Юлия Помус, заведующим был утвержден член хозяйственного правления Самуил Кальмеер. Училище имело статус частного, и только спустя 10 лет его заведующему Павлу Шнейдерману удалось выхлопотать статус общественного бесплатного еврейского училища. Практически все еврейские общественные училища за пределами черты начинали со статуса частного, так как администрация препятствовала полноценному развитию еврейской общинной жизни за чертой.

Училище начало работу в старом, мало приспособленном для школы доме, еще в 1881 году пожертвованном для этой цели Яковом Домбровским и братьями Лейбович. В единственной классной комнате помещалось не более

35 человек. Но постоянный рост числа учащихся вынуждал кочевать из одного наемного помещения в другое, пока в 1903-1904 годах община не купила для своей школы землю и не построила новую школу - одно из лучших школьных зданий в городе. Только дом обошелся в 28000 рублей, а вместе с усадьбой - около 46,5 тысячи. За исключением 4000 рублей субсидии, отпущенной хозяйственным правлением, остальные деньги в течение двух лет собирались специально для этой цели. Юлии Помус и Марии Цукасовой за две недели удалось собрать 15625 рублей. Деньги сдали 89 человек, более всех пожертвовали Л.С.Пастернак, И.М.Файнберг, Д.М.Кузнец, А.Л.Шепшелевич, Я.Д.Фризер и другие.³⁶⁰ В 1905 году в двух еврейских училищах Иркутска учились 98 мальчиков и 109 девочек.³⁶¹

Большим достоинством училища было открытие здесь ремесленных классов, которые давали возможность получения профессии. Видный иркутский купец Исай Матвеевич Файнберг пожертвовал дом стоимостью 30 тысяч рублей и наличный капитал в 10 тысяч с тем, чтобы на капитал и доходы с дома были открыты ремесленные классы его имени. По завещанию Моисея Яковлевича Кремера община получила еще один каменный дом и наличными 31733 рубля. На проценты с капитала и доходы с дома должны были содержаться ремесленные классы имени Кремеров – Моисея Яковлевича и жены его Александры Яковлевны. Ремесленные классы открылись в 1910 году, а уже в 1912-1913 годах была первая выставка работ учеников, которая прошла с успехом. На содержание женских ремесленных классов, которыми заведовала Надежда Фиселевна Фризер, шли деньги, собираемые на Королонских приисках ее мужа Якова Давыдовича Фризера, и местные пожертвования. Кроме того, оба отделения зарабатывали продажей своих изделий.

Училище играло роль и благотворительного учреждения, где дети бедняков получали еду, одежду и обувь. Для них устраивали праздники Пурим, Ханука с чаепитием, подарками и развлечениями. Информация обо всех благотворительных акциях училища регулярно появлялась в печати.³⁶²

За несколько десятилетий нищая Талмуд-Тора для детей солдат и кантонистов трансформировалась в современное учебное заведение с солидной материальной базой. В 1913 году на его содержание община тратила до трети своего бюджета. За время с 1898 по 1913 годы затраты выросли с полутора тысяч до 10 тысяч рублей в год, а жалованье учителям поднялось почти в шесть раз. Первая книга для училищной библиотеки была приобретена в 1900 году, через 13 лет книжный фонд учебной библиотеки составлял 1300 томов.

По данным историков общины, за это время на нужды физического воспитания, просвещения, ремесленного образования, постройки собственного здания ушло не менее 170000 рублей, из которых 69525 рублей 84 копейки составило жалованье учителей.³⁶³ Из этой суммы 59752 рубля 63 копейки было пожертвовано 227 членами общины, 62590 рублей 71 копейка получены с концертов.

К 1914 году училище располагало недвижимостью на сумму 1235000 рублей, вечными вкладами в 31364 рубля и наличными деньгами 16142 рубля, не считая процентов с капиталов Кальмеера и Хаславского, завещанных на нужды просвещения.³⁶⁴

Иркутское еврейское общественное училище стало общим делом общины, предметом ее гордости и объектом постоянного внимания. Это было самое крупное из еврейских учебных заведений Восточной Сибири: в 1910-1911 годах в нем обучалось 265 детей.³⁶⁵ (Для сравнения: в Красноярском училище в это самое время обучалось 28 человек).³⁶⁶ Однако и этого оказалось недостаточно. Жене иркутского раввина Розе Бейлин, имевшей звание домашней учительницы и собиравшейся открыть в Иркутске двухклассное училище, без труда удалось доказать необходимость еще одного еврейского учебного заведения в городе: в 1911-1912 году около 50 еврейских детей получили отказ в приеме в общественное училище из-за отсутствия вакансий. Имелись случаи отказа им в приеме и в другие учебные заведения города.³⁶⁷ Трудность была в другом: Роза Бейлин собиралась в своем училище обучать детей обое-

го пола, что было запрещено законом. (Разрешение на совместное обучение мальчиков и девочек в общественном еврейском училище давал попечитель учебного округа, а положение об училище утвердил сам Иркутский генерал-губернатор Селиванов).

Однако вопрос решился наилучшим образом: в своем училище Роза Исааковна собиралась обучать малышей, а в соответствии с уведомлением Департамента народного просвещения на имя попечителя Одесского учебного округа совместное обучение допускалось, если возраст учащихся девочек не превышал 11 лет. Двухклассное еврейское училище Розы Бейлин по улице Пестеревской было открыто.³⁶⁸ Основные классы по своей подготовке по общим предметам соответствовали первым двум классам мужской гимназии, а по еврейским предметам – первым двум классам еврейской мужской гимназии. В училище преподавались немецкий и французский языки.³⁶⁹ По-видимому, иркутский раввин Соломон Бейлин преподавал в этом училище, поскольку его свидетельство меламеда на право обучения еврейских детей в частных школах или домах, которое он ежегодно возобновлял, было приложено к прошению его жены об открытии училища.³⁷⁰

Попытки открытия еврейских учебных заведений (в ряде случаев небезуспешные) зафиксированы практически в каждом более или менее крупном городе с компактным проживанием еврейского населения. Для решения первой из вставших на пути открытия еврейского училища проблем – сбора средств – Красноярская община пошла старым проверенным, хоть и запрещенным путем, каким пользовались все общины Сибири в случае острой нужды в деньгах: коробочный сбор. Общинное собрание постановило просить губернатора разрешить сбор на нужды еврейского общества по рублю со скотины, что может дать до 3000 рублей в год вместо прежних 2500. Из этой суммы половину тратить на оплату труда резника-раввина и его помощника (раввину – 1000 рублей, помощнику – 500), чтобы остальная сумма пошла на содержание и благоустройство училища. В объяснительной записке председатель хозяйственного правления Давид Мильштейн писал, что

училище должно поддерживаться средствами еврейского общества, для чего нужно учредить какой-нибудь сбор или найти какой-нибудь источник дохода. «Подобный уже существует как издавна установленная и добровольно вносимая здешними евреями плата за резку скота по закону нашей религии. Сначала, при малочисленности евреев в г. Красноярске плата за совершение этого обряда... предоставлена была по определенной таксе всецело в пользу одного лица, местного казенного раввина. Но...с увеличением в городе числа еврейских семейств указанный сбор в пользу одного лица становится слишком значительным и при этом один человек лишен уже возможности лично исполнять все более и более увеличивающуюся работу по убою скота». Мотивируя прошение тем, что резник при столь обременительном труде не избежит небрежности, совершенно несовместимой с религиозными правилами, и необходимостью найма помощника, Мильштейн доказывал: увеличение на рубль платы за резку скота не встретит возражения, а училище получит средства на содержание.³⁷¹

Однако Енисейский губернатор отклонил предложение, поскольку «способ уплаты денег за совершение духовных треб и убой скота носит характер коробочного сбора, каковой в Сибири не введен» и сделал встречное предложение: в контракте с раввином оговорить, чтобы он ежегодно известную часть сбора за резку скота или сумму из своего дохода жертвовал местному обществу на содержание училища.³⁷² К сожалению, в нашем распоряжении нет документов, позволяющих с уверенностью судить о дальнейших действиях еврейского общества, но скорей всего, неразрешенный коробочный сбор имел место: вряд ли община сумела бы каким-нибудь другим способом за три года собрать сумму, достаточную для открытия училища. В пользу этого предположения говорит признание Красноярского раввина Шмерковича о «приготовлении кошерного мяса по ритуалам, и от этого еще остается в пользу училища 400-500 рублей в год».³⁷³ В 1904 году Красноярское еврей-

ское училище начало свой первый учебный год.³⁷⁴ В нем обучалось 47 детей. Хозяйственными делами училища ведал попечительский комитет во главе с А. Цукерманом.³⁷⁵ В училище без оплаты преподавал Шмеркович.

Открытое как частное, Красноярское еврейское училище уже в 1905 году имело статус общественного.³⁷⁶ Коробочный сбор и добровольные пожертвования составляли хороший доход, и учителям платили приличное жалование. Имеются сведения, что сюда «из материальных выгод» перешел учитель Давид Гольденберг, выпускник Белецкого уездного училища, самовольно оставив ради этого работу в Мариинской еврейской школе.³⁷⁷ Община не только материально поддерживала училище, но и контролировала учебный процесс. В одной из повесток общего собрания значится избрание комиссии «для всестороннего ознакомления с учебно-воспитательным делом училища» и доклад о «составлении учебно-воспитательного дела».³⁷⁸

К 1 января 1907 года в Енисейской губернии было пять еврейских училищ: в Красноярске, Енисейске, Канске и два в Ачинске. Обучались там в общей сложности 150 мальчиков. Судя по отчетности, в 1908 году в губернии работали одно училище в Енисейске, где обучались 15 мальчиков, и одно в Ачинске – в нем знания еврейского закона получали 12 мальчиков и 10 девочек.³⁷⁹ Такое резкое их «сокращение», по-видимому, объясняется тем, что остальные просто не представили отчета. Во всяком случае, Красноярское училище стабильно работало по крайней мере до революции 1917 года.

В муках рождалось Читинское еврейское училище. Община подала прошение о его открытии в 1903 году, но получила отказ.³⁸⁰ Его причины военный губернатор Забайкальской области изложил в письме инспектору училищ Приамурского края 20 ноября 1903 года: согласно разъяснению Министерства народного просвещения от 30 марта 1888 года о национальных училищах вне черты еврейской оседлости открытие их «допущено быть не может, в особенности при достаточном количестве общих начальных училищ». А в Чите число начальных школ настолько достаточно, что вполне может быть

обеспечено получение евреями начального образования.³⁸¹ Черновик письма говорит о том, что глава администрации Забайкалья имел для отказа причины куда более веские, чем «достаточное число» учебных заведений в городе. «Считаю необходимым присовокупить, что...еврейская школа будет несомненно служить проводником сионистского учения, агитаторы которого находятся среди еврейского населения г. Читы, что в свою очередь должно повлечь особо бдительный надзор над этой школой со стороны учебного и полицейского начальства в явный ущерб отнесения ими своих многочисленных прежних обязанностей».³⁸² Но в чистовой вариант этот аргумент не вошел.

Что касается «достаточности» начальных училищ в Чите, то у директора народных училищ Забайкальской области было совсем другое мнение: в Чите к этому времени насчитывалось 180 еврейских мальчиков школьного возраста, из них всего 75 обучались в начальных учебных заведениях Читы – трехклассном городском училище, двух приходских, и мещанском.³⁸³ Казалось бы, особых препятствий к открытию быть не должно: место для будущего училища Читинское общество определило во дворе молельни, из своих средств сразу же выделило 3000 рублей и взяло на себя обязательство вносить постоянное денежное пособие на его содержание. Предполагалось, что училище будет содержаться за счет средств почетного блюстителя, добровольных пожертвований, сборов с вечеров и концертов, спектаклей, устраиваемых в пользу училища, сборов из кружек, вывешенных для этой цели при молельне. Однако открытие не состоялось.

Спустя некоторое время община подала новое прошение, приложив к нему план из 27 параграфов, первым из которых определялось, что цель обучения – дать еврейским мальчикам правильное элементарное еврейское образование.³⁸⁴ По плану срок обучения в училище равнялся четырем годам. Все учителя должны представляться раввином и утверждаться учебным начальством. Помимо общеобразовательных предметов (русского языка, арифметики, письма) в соответствии с программами городских приходских училищ пред-

полагалось преподавание специальных – законов еврейской веры, древнееврейского языка, библии и еврейской истории. Намечалось принять 60 учеников в возрасте от 7 до 14 лет, родители которых должны были платить за обучение 48 рублей в год. Бедные от оплаты освобождались. Сверх указанных предметов по плану могли быть введены пение, ручной труд и рисование.³⁸⁵ Почетным блюстителем Читинского русско-еврейского училища был избран иркутский купец Аарон Лазаревич Самсонович. Училище открылось только в 1912 году, и хотя рассчитывали на 60 учеников, в первый же год его работы было принято 70.³⁸⁶

Открытие училища в Верхнеудинске шло тоже достаточно долго. Во всяком случае газета «Восточное обозрение», критикуя медленную раскрутку городского образования, в объект критики включила и еврейское училище, на которое «шли сборы, но теперь ни слуху, ни духу».³⁸⁷ Медлительность касалась не только еврейского училища, а всех учебных заведений города. К тому же еврейское общество здесь менее всех было виновато. Первое прошение оно подало еще в 1903 году, но образцовый хедер был открыт только в 1908 году. Попечительский совет состоял из шести самых именитых еврейских купцов города. Почетным попечителем был купец Аарон Белокамень. Преподаванием занимались два меламеда - Л. Гросман и Х. Чаплинский.³⁸⁸ Содержание хедера обходилось в 2500 рублей в год. Сумма покрывалась частично платой за учение, частично пожертвованиями. Недостающие деньги компенсировались из общественных сумм. Плата за каждого ученика, как и в Читинском училище, равнялась 48 рублям в год с уплатой вперед четверти суммы, и бедные точно так же от нее освобождались. Временно оказавшиеся в затруднительном положении могли рассчитывать на рассрочку. В хедер принимали только способных детей, которых отбирали во время вступительных экзаменов.³⁸⁹ За преподаванием наблюдала специальная комиссия из пяти человек, избранных общим собранием. В ее компетенции было поставить преподавание «на должную высоту и следить за религиозной нравственно-

стью воспитания и обучения подрастающего поколения». Позже в Верхнеудинске открылось еще еврейско-русское училище, получившее статус общественного. К открытию его готовила училищная комиссия из семи человек, которую возглавлял Нафтолий Капельман.³⁹⁰ Программа его обучения была более светской, чем религиозной и в общем совпадала с другими училищами. Почетным попечителем несколько лет подряд избирался верхнеудинский раввин Давид Столпер.

За счет пожертвований еврейского купечества было открыто еврейско-русское училище и в Баргузине. Всю организационную работу по его открытию провел учебный комитет под председательством Абрама Новомейского. (После его смерти почетным блюстителем был избран его сын Моисей, а членом училищного комитета – второй сын Семен). Комитет собрал деньги, оборудовал классы мебелью, нанял сторожа, купил учебники. Сразу после открытия училища А. Новомейский и Я. Фризер пожертвовали соответственно 400 и 600 рублей «на усиление средств училища».³⁹¹ По-видимому, пожертвования поступали постоянно, поскольку уже в 1913 году попечительский комитет при училище поставил вопрос об уменьшении платы за обучение и освобождении от нее неимущих. В 1913 году Яков Фризер подарил Баргузинской общине дом с усадьбой под еврейско-русское училище и общественную библиотеку-читальню общей стоимостью 7-8 тысяч рублей.³⁹² Он и Абрам Новомейский оказывали училищу постоянную денежную помощь, ежегодно перечисляя по 300 рублей, не говоря уже о разовых взносах. Собрание общины избрало обоих меценатов почетными членами при училище и постановило повесить там их портреты.³⁹³

Об открытии еврейского училища в Сретенском, где было более 100 еврейских детей школьного возраста, просил Сретенский раввин Гирш Граус. Но Иркутский генерал-губернатор его ходатайство отклонил, несмотря на заступничество заведующего полицейской частью в Сретенской и военного губернатора области, считавших, что обучение еврейских детей необходимо

и открыть хедер при синагоге можно.³⁹⁴ В справочной литературе имеются также сведения о двухклассное училище имени Андоверовых.³⁹⁵ Скорей всего училище было открыто на их средства.

Единственной из крупных общин Восточной Сибири, где до революции так и не удалось открыть еврейскую школу, была Якутская, хотя впервые вопрос о ее основании был поставлен Иосифом Левиным еще в 1892 году. В прошении в областное правление он указывал, что в Якутске более 30 детей от 7 до 12 лет, в основном сирот или из бедных семей, которые не получают никакого образования, и предлагал учить их еврейской и русской грамоте и какому-либо ремеслу, «если средства дозволят», при молитвенном доме.³⁹⁶ Следующая попытка относится к 1913 году. Приходские школы Якутска были переполнены, к тому же община желала дать своим детям религиозно-нравственное воспитание в духе иудейской веры. Обращаясь к главному инспектору училищ Восточной Сибири, инспектор училищ области обращал внимание на тот факт, что из 150 еврейских детей школьного возраста в Якутске в приходских училищах учатся всего 22. Ситуация осложнялась экономическим положением общины: никаких средств для содержания училища у нее не было. Архивные документы зафиксировали совершенно неординарный факт, когда инспектор народных училищ просил отпустить 1815 рублей для открытия еврейской школы, так как среди якутских евреев «богатых людей нет, живут все и пропитываются ежедневным трудом и небольшой торговлей».³⁹⁷ Избранное в 1914 году новое хозяйственное правление опять подало прошение об открытии еврейской школы во все инстанции – от полицейского управления до губернатора - и опять безрезультатно. А в мае 1916 года на очередную телеграмму инспектору учебных заведений с просьбой открыть еврейскую школу правление получило ответ, что разрешение уже выслано по почте. До общины оно так и не дошло, затерявшись в пути, но под формальное разрешение хозяйственное правление решило поставить спектакль в пользу намеченной к открытию еврейской школы. Год спустя

оно просило у городской думы уступить под нее дом рядом с молитвенным по Правленскому переулку, на его оборудование правление выделило 4000 рублей. Вторичное прошение подали в октябре 1917 года, но до революции еврейская школа так и не была открыта, и еврейской грамотой дети занимались частным образом.³⁹⁸ Впервые еврейское училище в Якутске было открыто лишь в 1919 году в том самом доме по Правленскому переулку.³⁹⁹

Конец первого – начало второго десятилетия XX века отмечены массовым открытием еврейских школ. Школы существовали при еврейском молитвенном доме в Черемхово Балаганского уезда Иркутской губернии, в Канске.⁴⁰⁰ В Ачинске к началу 1905 года в хедере обучались 24 мальчика и 11 девочек, через год – 37 мальчиков. Обучение вели два меламеда, имевшие свидетельства.⁴⁰¹ По данным окружных начальников в 1911 году в Баргузинском округе два меламеда, обладающие свидетельствами дирекции народных училищ, обучали 28 человек, в Верхнеудинском уезде в двух хедерах обучались 23 человека, в селении Кабанское в хедере, который содержал меламед Моисей Мартман, учились 12 мальчиков 9-11 лет. В выселке Могойтуевском Ундургинской волости Читинского округа в хедере учились 6 мальчиков. Всего в Забайкальской области насчитывалось 11 хедеров, где обучались 164 ученика.⁴⁰² Попытки открыть что-то вроде школы для еврейских детей предпринимались в Петровском заводе, в Нерчинске.⁴⁰³

Скорей всего «хедерами» окружные чиновники именовали не только начальные классы, но и просто частные занятия с домашними учителями наподобие того, как маленькие молельни с двумя десятками прихожан в справочной литературе назывались не иначе как «синагогами». Факт то, что еврейские общины на открытие хоть какого-то учебного заведения не жалели ни сил, ни денег, которые всегда в таких случаях – законным или полузаконным способом – находились.

Куда сложнее была другая проблема – поиск учителей. Среди евреев-сибиряков их не было по той простой причине, что готовить их в Сибири бы-

ло негде. Достаточно сказать, что даже в Иркутске при подаче прошения об открытии еврейского училища не смогли сразу назвать учителя по еврейским предметам, хотя достаточно было одного меламеда с установленным свидетельством.⁴⁰⁴ Не испытывая особых затруднений в поиске преподавателей общеобразовательных дисциплин, еврейские школы подолгу оставались без учителей собственно еврейских предметов.⁴⁰⁵ Сретенский раввин Гирш Граус в своем ходатайстве об открытии еврейского училища тут же признается, что среди евреев Сретенской нет ни одного, который мог бы «обучать законам веры иудейской, чтению и произношению молитв на своем родном языке» и просит разрешения выписать такового из черты оседлости.⁴⁰⁶ В официальной информации то и дело попадаются сведения о еврейских учебных заведениях...вовсе без учителей.⁴⁰⁷ «Учительский голод» годами испытывали Чита, Верхнеудинск, другие города, а редкие выпускники иешиботов Европейской России (еврейское религиозное учебное заведение) по возвращении не получали разрешения на учительскую деятельность в своей общине и занимались каким-нибудь ремеслом.⁴⁰⁸

Между прочим, одним из серьезных препятствий для Якутской общины на пути к открытию еврейской школы была именно эта. Единственным человеком на весь Якутск, знающим закон иудейской веры и умеющим читать по-еврейски, был Шмуль Темкин, политический ссыльный, осужденный к казни и затем сосланный в Якутскую область. Утвердить его Якутский губернатор, конечно, не мог, несмотря на просьбы общины «ввиду исключительных обстоятельств дать ему разрешение до приискания другого полноправного лица...по обучению...чтению-письму по-еврейски».⁴⁰⁹

Решить «кадровую проблему» общины могли двумя способами. Первый – просить разрешения властей пригласить окончивших курс наук в еврейском учительском институте из черты оседлости для преподавания языка в местном еврейском училище. Как ни странно, соглашались на это довольно легко, предварительно тщательно проверив политическую благонадежность при-

глашенного. Например, по ходатайству Красноярской общины для преподавания в училище был приглашен Берко Гигуз, закончивший Виленский еврейский учительский институт.⁴¹⁰ Верхнеудинское общественное еврейское училище выписало преподавателей древнееврейского языка и законов веры Мовшу-Зельмана Глозмана из Волынской губернии, который стал и заведующим училища, и Хацкеля Ноделя из Двинска. Русский язык должна была преподавать прослушавшая начальный курс юридических наук в Императорском Томском университете Гися-Хава Гершевич.⁴¹¹

Второй способ - подготовка учителей из местных уроженцев. Иркутск, например, решил отправить на учебу двух стипендиатов: ученика 6 класса гимназии Исаю Фурмана и выпускника еврейского училища Аарона Гольдштейна. Община взяла на себя все расходы по оплате учебы и выплачивала стипендии. Деньги на стипендии (300 рублей) выделило погребальное братство. Недостающие средства добрали за счет пожертвований.⁴¹² Баргузинская община отправила на Гродненские учительские курсы Генуха Глизбурга, взяв все расходы на себя. После учебы общинный стипендиат был избран раввином и преподавал в местном еврейско-русском училище.⁴¹³ Даже в Якутской общине нашлась кандидатура, которая устроила Якутского губернатора: Аарон Страд, несостоявшийся раввин. Он получил свидетельство на обучение еврейских детей, но поскольку училища в Якутске не было, ему было предложено проводить уроки в частных домах либо в собственной квартире.⁴¹⁴

В регионе, где евреи, оторванные от национальных корней, казалось бы, должны были утратить тягу к национальному, она не только оказалась на редкость живучей, но и постоянно усиливалась. К открытию национальных школ шли с не меньшим упорством, чем когда-то к открытию молитвенных домов. О развитии их сети говорит такой факт: когда в 1916 году о проведении совещания по вопросу еврейской школы в Сибири решили известить города, которые наверняка изъявят желание принять в нем участие, в этот спи-

сок попали Омск, Томск, Красноярск, Мариинск, Канск, Каинск, Верхнеудинск, Чита, Баргузин и Харбин.⁴¹⁵

Основное требование, которое предъявляла община своим школам, - внести в их жизнь национальный характер, давать детям национальное еврейское воспитание, развивать и укреплять связь со своим народом, знакомя с языком и сущностью иудаизма, хотя русские учителя к преподаванию допускались. Такое требование было продиктовано чувством национального самосохранения: поступающие в Иркутское еврейское училище дети совершенно не владели языком своего народа, и обучать ему приходилось как иностранному.⁴¹⁶

Просветительская деятельность в общине не ограничивалась стенами школы. Особенно активно действовало Иркутское отделение Общества для распространения просвещения между евреями в России, в которое входили раввин Соломон Бейлин, купец и известный меценат Яков Фризер, заведующие обоими отделениями Иркутского еврейского училища Павел Шнейдерман и Юлия Помус. Концепцию общества выразил Бейлин, по мнению которого Общество распространения просвещения между евреями в черте оседлости может заниматься просвещением вообще, в Сибири же оно должно заниматься именно **еврейским** просвещением.⁴¹⁷

Обществу удалось получить разрешение на устройство библиотеки, которую оно решило открыть при синагоге. По воспоминаниям Н.С. Романова, библиотека была открыта в 1886 году.⁴¹⁸ На ее устройство первоначально было ассигновано 200 рублей.⁴¹⁹ Хозяйственное правление и погребальное братство ежегодно отпускали по 100 рублей на пополнение библиотеки, постоянно поступали пожертвования и книгами. К 1914 году в фонде библиотеки было 4000 томов на сумму 6300 рублей и 46 свитков Сейфер-Торы на 6155 рублей.⁴²⁰ Книги пользовались большим спросом в общине, а в период первой мировой войны с прибытием в Иркутск беженцев литературы стало даже не хватать.⁴²¹

Программа деятельности общества включала чтения и беседы, вечерние курсы по еврейским и общим предметам, материальную поддержку аудитории общества народных чтений при еврейском общественном училище, подготовку учителей по еврейским и общим предметам. Именно обществу принадлежала инициатива подготовки учителей Фурмана и Гольдштейна для еврейского училища. Оно же, по предложению Якова Фризера, решило «принять на себя труд вместе с хозяйственным правлением» по изданию книги «Евреи в Иркутске»⁴²² - и поныне одним из основных источников по изучению еврейской общины Иркутска. (Ее авторы признавали, что первые сознательные попытки оставить в памяти потомства наиболее значительные события жизни общины относились к правлению старосты духовного правления Михаила Шейниса. По его поручению записывалось кое-что из истории местной «Талмуд-Торы», сохранялись официальная переписка, частные письма, дающие некоторые материалы для изучения еврейской жизни в Сибири. При нем же сделана первая попытка систематизировать и сохранить все бумаги, бывшие в канцелярии молитвенного дома, и составить их опись.)⁴²³ В 1915 году были открыты вечерние курсы для безграмотных и для получивших образование, но желающих углубить свои познания по еврейским предметам.

Доходы по смете 1915 года должны были составить около 2000 рублей – от членских взносов (а в обществе, по данным 1911 года, было 180 человек), чтения лекций, субсидий хозяйственного правления и погребального братства. Основными статьями расхода были библиотека, подготовка учителей и субсидии для вечерних курсов – они «съедали» до 75 процентов.⁴²⁴ Иркутское отделение Общества распространения просвещения между евреями поддерживало связи с Харбинским отделением, помогало школам в черте оседлости. Весной 1916 года на состоявшемся в Петрограде съезде ОПЕ с докладом «Школьный язык на Петроградском совещании ОПЕ» выступил делегат от Иркутска Моисей Новомейский.⁴²⁵

Последние предреволюционные годы характеризуются всплеском еврейской культурной жизни. В Сибири отмечено появление национальных культурно-просветительских организаций – отголосок расцвета культурной жизни российского еврейства.⁴²⁶ 13 марта 1911 года в Иркутске состоялось организационное собрание отделения Еврейского литературного общества, открытого в Петербурге в 1908 году. 28 января 1917 года в помещении еврейского училища открылось еврейское литературно-художественное общество, в этом же году здесь состоялась I Сибирская конференция представителей кружков национальной еврейской молодежи.⁴²⁷

Потребности в развитии национальной культурной жизни искали выхода и в других областях Восточной Сибири. При Красноярской общине существовала общественная библиотека-читальня, очевидно, открытая перед самой революцией, так как только в начале 1917 года предполагалось составить ее устав. Заведовавший Баргузинским еврейским общественным училищем раввин Глизбург пытался организовать субботние чтения и вечерние курсы для взрослых, а также учащихся евреев других учебных заведений, которые не имеют возможность получать еврейское образование. Его ходатайство не было удовлетворено под предлогом того, что курсы «рассчитаны только на одну часть населения Баргузина и потому могут вызвать недовольство со стороны русского населения, надзор за курсами затруднителен, так как Баргузин слишком удален от местожительства инспектора народных училищ. Наконец, принимая во внимание совсем незначительное количество жителей в г. Баргузине, можно думать, что и достаточный контингент слушателей наберется разве только сначала.⁴²⁸

В Чите проводились детские еврейские танцевальные вечера. Учитель еврейской литературы Йевель Шапиро пытался сделать традицией проведение детских библейских вечеров с приглашением всех желающих детей евреев и христиан – с хором, беседами о праздниках, декламацией стихов и даже рассказами анекдотов на «библейском» языке. Сборы от вечеров предполагалось

направить в пользу бедных еврейских детей. Однако областное правление под предлогом того, что вечер будет проводиться по «древне-библейски», а не по-русски, проведение его с самого начала пресекло, хотя проведение на русском языке дискредитировало бы идею вечера, имевшего целью пропаганду национального языка. Военный губернатор Забайкальской области не позволил открыть и русско-еврейскую библиотеку в Чите, хотя в обосновании ее необходимости крестьянином Татауровской волости Давидом Досовичем не содержалось ничего такого, что могло бы насторожить власти: большой спрос на литературу исторического, беллетристического и национально-духовного содержания при высоких на нее ценах и отсутствии у большинства средств на ее приобретение.⁴²⁹ Причина отказов коренилась в тени сионизма, которая мерещилась властям в любом мероприятии, имевшем еврейскую национальную окраску, и в якобы усилении сионистской агитации, что «не будет служить усилению приподнятого настроения».⁴³⁰

На рубеже XIX – XX веков борьба за национальное самосохранение евреев в Сибири получает выражение в заботах о национально-культурном воспитании детей. Их не стремились загнать в узкие рамки национальной замкнутости, да этому не способствовала и сама жизнь в Сибири. Национальное воспитание означало только приобщение к национальным традициям и знакомство с языком и сущностью иудаизма в той степени, в какой это было необходимо, чтобы сохранить себя как народ.

На наш взгляд, уже при замене духовных правлений хозяйственными с коллегиальностью управления и строгой отчетностью община сделала первый шаг к приобретению более светского характера. Политическая обстановка в стране, естественное стремление евреев к самосохранению и национальному развитию ускорили этот процесс. Во всех общинах Восточной Сибири наблюдается тенденция естественного отделения синагоги от самых важных сторон общинной жизни, религиозное воспитание уступает место светскому, национальная самоидентификация идет уже не через религию, а

через другие стороны жизни – просвещение и национальное образование. Если в период становления общину воспринимали только как хранительницу религиозных традиций, то постепенно она становится стержнем культурно-национального развития.

¹ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С. 187.

² Там же. С. 195.

³ Леванда В.О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени. 1649-1873. Извлечение из Полных собраний законов Российской империи. СПб., 1874. С.529.

⁴ Орехова Н.А. Первые документальные свидетельства о появлении евреев в Красноярске.// История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы I региональной научно-практической конференции (4-5 ноября 2000 года). Томск, 2000. С. 6-7; Кижнер Д.М. История возникновения синагог г. Томска. // Там же. С.13.

⁵ Царев В. И. Канск. Красноярск, 1996. С.64.

⁶ ГАИО. Ф.25. Оп. 2. Д.61. К.124. Л. 15.

⁷ ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 2190. Л.1.

⁸ Там же. Д.120. Л.1.

⁹ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.197.

¹⁰ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.481. Л.181.

¹¹ Гройсман А. Указ. соч. С.16.

¹² ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 2. Д.150. Л.18.

¹³ Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год. СПб., 1863. Табл. УП.

¹⁴ Систематический сборник действующих законов о евреях, составленный Роговиным Л.М. СПб., 1913. С.360.

¹⁵ ГАКК. Ф.161. Оп. 1. Д.231. Л.51.

¹⁶ Там же. Оп. 2. Д. 730. Л.81.

¹⁷ Там же. Д. 88. Л.34; Д.166. Л.10.

¹⁸ Там же. Д. 133. Л.110, 112.

¹⁹ Там же. Л. 117.

²⁰ Там же. Д. 133. Л.22.

²¹ Там же. Д.205. Л.32, 125.

²² Там же. Д.730. Л.101.

²³ Там же. Ф. 595. Оп. 59. Д.349. Л.1-3.

²⁴ Там же. Ф.161. Оп. 1. Д.231. Л. 61, 72.

²⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 2. К.124. Д.61. Л.25, 29.

²⁶ ГАКК. Ф.595. Оп. 3. Д.1437. Л.37.

²⁷ Там же. Ф.161. Оп. 2. Д.2733. Л.88-89; ГАИО. Ф. 25. Оп. 2. Д.61. К.124. Л. 15, 22, 25, 29.

²⁸ ГАИО. Ф.25. Оп. 2. Д.61. К. 124. Л.109-110; ГАКК. Ф.595. Оп. 1. Д.3331. Л.10.

²⁹ ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д.1022. Л.8.

³⁰ Там же. Л.40.

³¹ Там же.

³² Там же. Л.28.

³³ Войтинский В., Горнштейн. Указ. соч. С.221.

- ³⁴ ГАИО. Ф.25. Оп. 2. Д.61. К.24. Л.40.
- ³⁵ Там же. Ф.32. Оп. 1. Д.2428. Л. 1-5.
- ³⁶ Там же. Д.5729. Л. 7-12.
- ³⁷ Там же. Ф.25. Оп. 9. Д.3059. К.974. Л. 1, 11.
- ³⁸ Там же. Д.2809. К.971. Л.1; Долгоруков В.Д. Путеводитель по всей Сибири и среднеазиатским владениям России. Томск, 1898. С. 146.
- ³⁹ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.10. Л. 161-162; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.1678. Л.21; Д.1063. Л. 3, 23.
- ⁴⁰ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.16432. 1, 9, 18.
- ⁴¹ Там же. Д.2403. Л.5-6; Д. 4251. Л.92.
- ⁴² Там же. Д. 2511. Л.7.
- ⁴³ Там же. Д.1678. Л.8.
- ⁴⁴ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.10. Л.218.
- ⁴⁵ Там же. Л.162; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.754. Л.9.
- ⁴⁶ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.107.
- ⁴⁷ НАРБ. Ф.142. Оп. 1. Д.6. Л.28; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.754. Л.16.
- ⁴⁸ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 г. Томск, 1899. С.116; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.3802. Л.8-9.
- ⁴⁹ Забайкальские областные ведомости. 1910. 4 апреля; 1914. 28 марта.
- ⁵⁰ Календарь-справочник во Восточной Сибири на 1911 год. Иркутск, 1911. С.576; ГАЧО. Ф.294. Оп. 1. Д.41. Л.12.
- ⁵¹ Островский Ю. Указ. соч. С.39.
- ⁵² ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.10. Л.35.
- ⁵³ Там же. Л.48.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 25. Оп. 2. К.24. Д. 61. Л.52.
- ⁵⁵ Гройсман А. Указ. соч. С.85.
- ⁵⁶ НАРС(Я). Оп. 1. Д.5639. Л. 49, 59.
- ⁵⁷ Гройсман А. Указ. соч. С. 95.
- ⁵⁸ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.6782. Л.2.
- ⁵⁹ По-видимому, А. Новомейский имел ввиду «Бесмидреш», что в переводе с иврита значит «дом толкования». По его мнению, он должен был играть роль и молитвенного учреждения, и учебного заведения, где баргузинские евреи могли бы получать знания Талмуда.
- ⁶⁰ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.10. Л.2.
- ⁶¹ Там же. Л.31.
- ⁶² Там же. Л.102.
- ⁶³ Там же. Л.102-103.
- ⁶⁴ Там же. Л.103, 112.
- ⁶⁵ Там же. Л.170.
- ⁶⁶ Там же Л. 126, 162; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.3802. Л.8.
- ⁶⁷ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.10. Л. 162-163, 170, 173, 175, 181.
- ⁶⁸ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч.. С.108.
- ⁶⁹ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП.3. Д.10. Л.162, 169, 183, 184, 187.
- ⁷⁰ Там же. Л.200-201.
- ⁷¹ Там же. Л.192.
- ⁷² Там же. Л.203.
- ⁷³ Там же. Л.150.
- ⁷⁴ Там же. Л.157.
- ⁷⁵ Нерчинск по однодневной переписи 8 октября 1889 года. С.22.

- ⁷⁶ НАРБ. Ф.337. Оп. 1. Д.545. Л.3.
- ⁷⁷ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.1678. Л.7.
- ⁷⁸ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП.3. Д. 10. Л.44.
- ⁷⁹ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.3802. Л. 14; ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.10. Л.156.
- ⁸⁰ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.6782. Л.3-4.
- ⁸¹ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.109; ГАЧО (о). Оп. 1. Д.5061. Л.8-9.
- ⁸² Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 г. Томск, 1899. С.116.
- ⁸³ ГАЧО. Ф.(1). Оп. 1. Д. 1678. Л. 7-9, 14; ГАИО. Ф.25. Оп. 9. Д. 2748. К.969. Л.1, 3.
- ⁸⁴ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.109.
- ⁸⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д.1047. К.461. Л.6-8.
- ⁸⁶ Там же. Оп. 1. Д.467. К.57, Л.2-4; Оп. 6. Д.1047. К.461. Л.6; Оп. 9. Д.2603. К.967. Л. 3-5, 12-14; Д.2809. К.971. Л.1; Д.3245. К.977. Л. 1, 7; Д.2987. К.974; Ф. 32. Оп. 1. Д.2204, Л.1; Д.4868, Л. 5, 10; ГАКК. Ф.595. Оп. 1. Д.3331. Л.1,4; ГАЧО. Ф.1(о).Оп. 1. Д.5061. Л.2.
- ⁸⁷ ГАКК. Ф.595. Оп. 8. Д.4318. Л. 5.
- ⁸⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д.1047. К.461. Л.6-8.
- ⁸⁹ ГАКК. Ф.595. Оп. 1. Д.1249. Л.1,7; Д.3245. К.977. Л. 1, 7; ГАИО. Ф.32. Оп. 1. Д.4868, Л.5, 10.
- ⁹⁰ Долгоруков В.Д. Указ. соч. С. 153; Островский Ю. Указ. соч. С.25, 48.
- ⁹¹ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.150. Л. 14.
- ⁹² РГИА. Ф.1264. Оп. 1. Д. 234; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 7470. Л.1; НАРБ. Ф.10. Оп. 1. Д.2896.
- ⁹³ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.730. Л.4; ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д.1022. Л.3-4; Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.107; Островский Ю. Указ. соч. С. 30; НАРС (Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д.1049. Л.55.
- ⁹⁴ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.730. Л.25.
- ⁹⁵ Леванда В.О. Указ. соч. С.1094.
- ⁹⁶ Островский Ю. Указ. соч. С.31.
- ⁹⁷ ГАКК. Ф.595. Оп. 1. Д. 5288. Л.42.
- ⁹⁸ ГАИО. Ф.25. Оп. 2. Д.61. К.124. Л.28; ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.166. Л.19.
- ⁹⁹ НАРБ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1-2; НАРС (Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д.1049. Л.72; Ф. 12-и. Оп. 1. Д.12676. Л.78; ГАИО. Ф.25. Оп. 2. К.124. Д. 61. Л.50.
- ¹⁰⁰ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д.5288. Л.41.
- ¹⁰¹ ГАИО. Ф.25. Оп. 2. К. 124. Д. 61. Л.77.
- ¹⁰² Там же. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д. 10. Л.220.
- ¹⁰³ Там же. Ф.25. Оп. 2. К.124. Д. 61. Л. 83 -84.
- ¹⁰⁴ Там же. Л.98.
- ¹⁰⁵ НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д.3005. Л.7-8.
- ¹⁰⁶ ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К. 974. Д.3059. Л.1.
- ¹⁰⁷ НАРБ. Ф.196. Оп. 1. Д.2. Л. 13-16.
- ¹⁰⁸ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.166. Л. 51, 125-127.
- ¹⁰⁹ Любопытно, что избиратели перед выборами тоже давали клятву «голосовать по чистой совести и чести без пристрастия и собственной корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы».
- ¹¹⁰ ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д. 2334. Л. 29-31.
- ¹¹¹ Марек П. Очерки по истории просвещения евреев в России (два воспитания). М., 1909; Natan Meir. "Democracy" versus "Aristocracy": The Communal Politics of the Jews of Kiev, 1905-1914. // Материалы Девятой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Тезисы. М., 2002. С.50.
- ¹¹² Восточное обозрение. 1890. №24.

- ¹¹³ Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска: наброски к портрету. // Диаспоры. 1999. №1. С. 99-101.
- ¹¹⁴ Подробнее см. Войтинский В., Горнштейн А. Указ.соч. С. 209-248.
- ¹¹⁵ Там же. С. 208. Жесткость формулировки авторов определяется, по-видимому, их представлениями о достаточно деспотичной форме управления общинной жизнью и мелочной регламентации всех ее сторон, практикуемых кагалами. Поэтому для сибирского еврея понятие «кагальный» всегда имело негативный оттенок.
- ¹¹⁶ Там же. С. 209.
- ¹¹⁷ Там же. С.202-207; Гаврилова Н.И. Иркутский купец Я.С. Домбровский (штрихи к биографии). // Сибирский еврейский сборник. №2. Иркутск, 1996. С.120-124.
- ¹¹⁸ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.207.
- ¹¹⁹ ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д.1022. Л.52-53.
- ¹²⁰ Там же. Л.60.
- ¹²¹ Восточное обозрение. 1890. №24.
- ¹²² ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д.2697. Л.11.
- ¹²³ Там же. Оп. 3. Д.37. Л. 3, 5.
- ¹²⁴ Специальная плата за кошерное мясо и птицу, введенная в западных губерниях, в первую очередь, для уплаты общинных долгов.
- ¹²⁵ ГАИО. Ф.32. Оп. 2. Д.534. Л. 17-41.
- ¹²⁶ Там же. Л. 44.
- ¹²⁷ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д.730. Л.47.
- ¹²⁸ Там же. Л.4.
- ¹²⁹ Там же. Д.166. Л.43.
- ¹³⁰ Там же. Л. 51.
- ¹³¹ Там же. Л.155; Д.205. Л.10.
- ¹³² Там же. Д.166. Л.155.
- ¹³³ Там же. Д.730. Л.24.
- ¹³⁴ Там же. Д.166. Л.19.
- ¹³⁵ Там же. Д.205. Л.6.
- ¹³⁶ Там же. Д. 730. Л. 54 ; Д.166. Л.169.
- ¹³⁷ Там же. Д.205. Л.10-11, 18, 106.
- ¹³⁸ Там же. Д.1551. Л.5,15, 17.
- ¹³⁹ Там же. Д.205. Л.137.
- ¹⁴⁰ Там же. Л.149.
- ¹⁴¹ Там же. Ф.595. Оп. 3. Д.1437. Л.37.
- ¹⁴² Там же. Ф.161. Оп. 2. Д.730. Л.93.
- ¹⁴³ НАРС (Я). Ф.165-и. Оп. 1. Д.753. Л.36-37.
- ¹⁴⁴ Гройсман А. Указ. соч. С. 85.
- ¹⁴⁵ ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4172. Л.3-7.
- ¹⁴⁶ НАРС(Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д.1049. Л.39.
- ¹⁴⁷ НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д.8003. Л.12-13; Д.8004. Л.2, 6-7; Д.11751. Л.10-11; Гройсман А. Указ. соч. С.87.
- ¹⁴⁸ НАРС(Я), Ф. 12-и. Оп. 1. Д.12676. Л.18.
- ¹⁴⁹ ГАИО. Ф.25. Оп. 2. К.124. Д. 61. Л.59.
- ¹⁵⁰ НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д.3005. Л.1-2, 5-6.
- ¹⁵¹ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.4251. Л.74.
- ¹⁵² НАРБ. Ф.385. Оп. 1. Д.22. Л.41.
- ¹⁵³ ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. Д.2794. Л. 9-11, 27.
- ¹⁵⁴ Там же. Д.16432. Л.9, 18.

- ¹⁵⁵ Островский Ю. Указ. соч. С.41.
- ¹⁵⁶ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.225, 269-270.
- ¹⁵⁷ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.2733. Л.87-88.
- ¹⁵⁸ НАРС(Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 1688. Л. 11, 16-17.
- ¹⁵⁹ Там же. Д.1699. Л. 2-3.
- ¹⁶⁰ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д.5288. Л.14.
- ¹⁶¹ НАРС(Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д.1688. Л.4.
- ¹⁶² Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.270; ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.2733. Л. 15; Там же. Д. 1700. Л.5; Там же. Ф. 595. Оп. 48. Д. 898. Л.24; Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.113; Гройсман А. Указ. соч. С.91.
- ¹⁶³ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.2403. Л.12.
- ¹⁶⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. 2. К.116. Д.182. Л. 17.
- ¹⁶⁵ Козьмин М. Прошлое и настоящее сибирских сектантов-субботников// Еврейская старина. 1913. Вып. 6. С.6-7.
- ¹⁶⁶ Орехова Н.А. Из истории религиозной жизни еврейской общины Енисейской губернии. // История еврейских общин... Материалы III региональной конференции... С. 51; она же. Еврейская община города Красноярск. Краткая хроника (начало XIX – первая четверть XX вв. Красноярск, 2001. С.5.
- ¹⁶⁷ ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д.1318. Л.13-14.
- ¹⁶⁸ Там же. Л.9.
- ¹⁶⁹ Там же. Л.2.
- ¹⁷⁰ Там же. Ф.161. Оп. 2. Д.11. Л.15.
- ¹⁷¹ Кальмина Л.В. Особенности еврейской религиозной жизни в Западном Забайкалье на рубеже веков. // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы I региональной научно-практической конференции... С.8.
- ¹⁷² ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3 Д. 10. Л.129; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.1757. Л.32, 36, 38-39.
- ¹⁷³ ГАЧО. Ф. 94. Оп. 1. Д.72. Л.4.
- ¹⁷⁴ Там же. Ф.1 (о). Оп. 1. Д.2486. Л.13.
- ¹⁷⁵ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.730. Л.1-2; ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП.3. Д. 10. Л.44; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.1764. Л. 6.
- ¹⁷⁶ Систематический сборник действующих законов о евреях...С.348.
- ¹⁷⁷ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.10. Л.19-20.
- ¹⁷⁸ Там же. Ф.25. Оп. 9. Д.2782. К.970. Л. 2,7, 12.
- ¹⁷⁹ Там же. Ф.32. Оп. 1. Д.4869. Л.1-2; Островский Ю. Указ. соч. С.32; Гройсман А. Указ. соч. С.92.
- ¹⁸⁰ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.112.
- ¹⁸¹ НАРБ. Ф.385. Оп. 1. Д.22. Л.25.
- ¹⁸² ГАИО. Ф.25. Оп. 6. Д.555. К.456. Л.1; ГАРФ. Ф.102. ДПОО. Оп. 226. Д.9. Ч.44. Л.13.
- ¹⁸³ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д. 166. Л.153.
- ¹⁸⁴ Островский Ю. Указ. соч. С.32.
- ¹⁸⁵ Гройсман А. Указ. соч. С.93.
- ¹⁸⁶ ГАИО. Ф.25. Оп. 2. Д. 61. К.124. Л. 29.
- ¹⁸⁷ ГАЧО. Ф.1 (о). Оп. 1. Д. 754. Л. 9-16, 18, 23-26.
- ¹⁸⁸ Там же. Л.47.
- ¹⁸⁹ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.730. Л.2.
- ¹⁹⁰ Там же. Д.166, Л. 47, 55, 89; Д.184. Л.9.
- ¹⁹¹ Там же. Д.205. Л.90-91.
- ¹⁹² Там же. Л.34.
- ¹⁹³ Там же. Л. 88-89.

- 194 Там же. Д.1700. Л.11.
195 Там же. Д.166. Л.57.
196 Там же. Л. 157, 164-165.
197 Там же. Ф.595. Оп. 3. Д.1437. Л.2,4; ГАЧО. Ф.94. Оп. 1. Д.72. Л.1; Д. 135.Л.2.
198 ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д.150. Л.62.
199 ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.730. Л.2.
200 Там же. Ф. 595. Оп. 3. Д.1437. Л.3, 9.
201 ГАЧО. Ф. 94. Оп. 1. Д.72. Л.7.
202 ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.166. Л.38, 109.
203 Там же. Д.205. Л. 6, 89; Д.166. Л. 133-134, 149, 152-153.
204 Там же. Д.205. Л.137.
205 Там же. Л.149.
206 Там же. Д.2733. Л. 16-18, Л.36.
207 Там же. Л.46.
208 Там же. Д.1597. Л.30.
209 Там же. Д.2733. Л.87.
210 ГАИО. Ф.25. Оп. 2. Д.61. К.124. Л.6, Л.11-12.
211 ГАКК. Ф.595. Оп. 3. Д.1437. Л. 8, 27.
212 Орехова Н.А. Еврейская община города Красноярска...С.17.
213 ГАКК. Ф.161. Оп. 1. Д.231. Л.74.
214 Там же. Л.85.
215 Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.249.
216 ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д.2697. Л.30, 32; Д.2867. Л.11.
217 ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.166. Л. 164-165.
218 Восточное обозрение. 1891. № 17-18, 19.
219 ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д.2697. Л. 23-24.
220 Там же. Д. 2861. Л.1-2; Д.2866. Л.10; Д.3255. Л. 4, 7; Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.263.
221 ГАИО. Ф.70. Оп. 3. Д.37. Л.20.
222 Островский Ю. Указ. соч. С. 33.
223 Гройсман А. Указ. соч. С.85.
224 НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д.8004. Л.2; Ф. 165-и. Оп. 1. Д.1049. Л.21.
225 Там же. Ф. 12-и. Оп. 2. Д.4724. Л. 12, 17.
226 Рабинович В.Ю. История еврейской общины дореволюционного Иркутска. // Очерки истории еврейских общин Сибири и Дальнего Востока (XIX–начало XX в). Сб. статей. Красноярск, 2001. С.80.
227 ГАИО. Ф.193. Оп. 1. Д.325. Л.2; Ф.417. Оп. 1, Д.7. Л. 1-10.
228 Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.145, 152.
229 ГАКК. Ф.595. Оп. 3. Д.1437. Л. 37-38.
230 Там же. Ф.161. Оп. 2. Д.1700. Л.9; Д.2733. Л.9.
231 Там же. Ф.595. Оп. 3. Д.1437. Л. 37, 39.
232 Там же. Л. 39, 43.
233 Там же. Л.11.
234 НАРБ. Ф.385. Оп. 1. Д.5. Л.1.
235 Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.120.
236 ГАЧО. Ф.1 (о). Оп. 1. Д.5288. Л. 4-7, 13, 24, 131.
237 Кальмина Л.В. Особенности еврейской религиозной жизни...С. 8.
238 НАРБ. Ф.196. Оп. 1. Д.4. Л.1.

- ²³⁹ Там же. Ф.385. Оп. 1. Д.22. Л.19; Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.108-109; Забайкальские областные ведомости. 1913. 8 августа.
- ²⁴⁰ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.3807. Л.15.
- ²⁴¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 2. Д.61. К.124. Л.104; Ф. 32. Оп. 1. Д. 4172. Л.3-7.
- ²⁴² Там же. Ф. 63. Оп. 1. Д.99. Л.13.
- ²⁴³ ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 5077. Л.12, 26-27.
- ²⁴⁴ Мыш М.И. Руководство к русским законам о евреях. СПб., 1904. С. 74.
- ²⁴⁵ Отчет хозяйственного правления Иркутского Еврейского молитвенного дома за 1913 год. Иркутск, 1913. С.1-2.
- ²⁴⁶ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.5074. Л.32; Д.5107. Л.2.
- ²⁴⁷ Там же. Д. 5107. Л. 13, 16-17.
- ²⁴⁸ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.2267. Л.173.
- ²⁴⁹ Там же. Д.133. Л.51.
- ²⁵⁰ НАРБ. Ф. 385. Оп. 1. Д.22. Л.14-16.
- ²⁵¹ НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 5639. Л.11-12.
- ²⁵² ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д. 1459. Л.2; Д.2698. Л.1-25; Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. Иркутск, 1993. С. 276; Отчет хозяйственного правления Иркутского Еврейского молитвенного дома. С.8.
- ²⁵³ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д. 1568. Л. 12-17.
- ²⁵⁴ ГАИО. Ф.417. Оп. 1. Д.9. Л.1.
- ²⁵⁵ Отчет хозяйственного правления... С.27.
- ²⁵⁶ НАРС(Я). Ф.12-и. Оп.2. Д.3028. Л.7.
- ²⁵⁷ ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д.1459. Л.2; Отчет хозяйственного правления...С.8.
- ²⁵⁸ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.88, Л. 3-4; Д.166. Л. 1-3, 6-7, 15-18, 35-36, 62-63, 65-67, 69-70, 72-75, 77-79, 82-84, 86-87; Д.1568. Л. 12-17; Д.2267. Л.158.
- ²⁵⁹ Там же. Ф.161. Оп. 2. Д.2223. Л.7; Д.2267. Л.161-165.
- ²⁶⁰ Гройсман А. Указ. Соч. С.91.
- ²⁶¹ Отчет хозяйственного правления...С.34-48; Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С. 102.
- ²⁶² ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.16432. Л.1.
- ²⁶³ НАРБ. Ф.385. Оп. 1. Д.22. Л.17.
- ²⁶⁴ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.88. Л.34; Д.133. Л.49, Л.119.
- ²⁶⁵ ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д.2868. Л.4.
- ²⁶⁶ Восточное обозрение. 1890. № 31.
- ²⁶⁷ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.2267. Л.45.
- ²⁶⁸ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.754. Л.23.
- ²⁶⁹ НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 5639. Л.21.
- ²⁷⁰ Там же. Л.59.
- ²⁷¹ Там же. Оп. 1. Д.8004. Л.7.
- ²⁷² Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902 -1924 гг. Иркутск, 1994. С. 204; Отчет Иркутского еврейского бесплатного училища и ремесленного при нем отделения. 1897-1913 г. Иркутск, 1914. С.36-37.
- ²⁷³ Кальмина Л.В. Еврейское купечество Восточной Сибири ...С. 67; Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.118; НАРБ. Ф.385. Оп. 1. Д.22. Л. 59.
- ²⁷⁴ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.113.
- ²⁷⁵ Отчет Иркутского еврейского бесплатного...С.37.
- ²⁷⁶ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902 -1924 гг. С.175.
- ²⁷⁷ Рабинович В.Ю. История еврейской общины дореволюционного Иркутска. С.81.
- ²⁷⁸ НАРБ. Ф.385. Оп. 1. Д.22. Л. 5, 51, 53.

- 279 Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. С.276; Кальмина Л.В., Курас Л.В. Еврейские общины в Бурятии в конце XIX – начале XX вв. // Историческое, культурное и природное наследие (состояние, проблемы, трансляция). Сб. статей. Вып. 1. Улан-Удэ, 1996. С.23; НАРБ. Ф.385. Оп. 1. Д.3. ЛЛ. 2-3.
- 280 ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д.2868, Л.6.
- 281 Там же. Ф.29. Оп. 1. ДП 2. Д.150. Л.19; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.13781. Л.28-29.
- 282 Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.264.
- 283 НАРБ. Ф.385. Оп. 1. Д.22. Л.13, 44; Ф.196. Оп. 1. Д.2. Л.31.
- 284 Отчет хозяйственного правления ... С.1.
- 285 НАРБ. Ф.196. Оп. 1. Д.1. Л.5, 15.
- 286 Там же. ф.337. Оп. 2. Д. 890. Л. 1-64.
- 287 Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.116.
- 288 ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 231. Л.57.
- 289 Там же. Оп. 2. Д.2267. Л.71, 208; Отчет хозяйственного правления...С.7-8; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.5288. Л.1.
- 290 ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.88. Л.3-4.
- 291 Войтинский В., Горнштейн А. Указ.соч. С.196-197.
- 292 ГАИО. Ф.789. Оп. 1. Д.66; Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.47.
- 293 Орехова Н.А. Первые документальные свидетельства... С.7.
- 294 ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.684. Л. 6.
- 295 Там же. Д.1896. Л. 2-6; Орехова Н.А. Еврейская община города Красноярска...С.11.
- 296 Островский Ю. Указ. соч. С.39.
- 297 Гройсман А. Указ. соч. С.98.
- 298 ГАИО. Ф.32. Оп. 2. Д.534. Л.41.
- 299 НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д.15896. Л.1-5, 8-10, 26.
- 300 Гройсман А. Указ. соч. С.91-92.
- 301 НАРБ. Ф.385. Оп. 1. Д.22. Л.15.
- 302 ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.166. Л.16.
- 303 Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. С.276.
- 304 ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.88. Л. 20; Отчет хозяйственного правления...С.3; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.4518. Л.22; Д.4816. Л. 162, 164.
- 305 НАРБ. Ф.196. Д.2. Л.2,4.
- 306 ГАИО. Ф.417. Оп. 1. Д.10. Л.1-2.
- 307 Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.115.
- 308 Дубнов С. М. Евреи в царствование Николая II. С.11.
- 309 Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С. 352.
- 310 ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.730. Л.25.
- 311 Гудович. Быт евреев в Сибири. // Вестник русских евреев. 1871. №29-30. С.900.
- 312 ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д.2698. Л.1-25.
- 313 Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.379.
- 314 Там же. С.265.
- 315 ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.88. Л. 17, 22.
- 316 Забайкальская новь. 1913. 14 марта
- 317 Отчет хозяйственного правления...С. 3; Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.118; ГАКК. Ф.595. Оп. 3. Д.1437. Л.37; Ф. 161. Оп. 2. Д. 88. Л.8; Д. 231. Л.57.
- 318 ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.2267. Л.159.
- 319 Орехова Н.А. Еврейская община города Красноярска...С.14; Восточное обозрение. 1903. №№ 113, 114, 121, 133, 143.; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.4519. Л.6-15.
- 320 Островский Ю. Указ. соч. С.38.

- ³²¹ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.347, 353.
- ³²² ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д.1022. Л.52.
- ³²³ Рабинович В.Ю. Еврейские общественные организации в дореволюционном Иркутске. // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы 1 региональной научно-практической конференции (4-5 ноября 2000 года). С.54.
- ³²⁴ Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 год. Иркутск, 1911. С. 361; Справочник по городу Иркутску и Иркутской губернии на 1915 год. Иркутск, 1915. С.4, 62.
- ³²⁵ ГАИО. Ф.91. Оп. 1. Д. 2887. Л.3.
- ³²⁶ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С. 368-369.
- ³²⁷ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902 –1924 гг. С.228.
- ³²⁸ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.118.
- ³²⁹ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д. 231. Л.36; Орехова Н.А. Еврейская община города Красноярска...С.15.
- ³³⁰ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д.88. Л. 3-4; ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д.1459. Л.2.
- ³³¹ Гройсман А. Указ. соч. С.91.
- ³³² ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.88. Л.7.
- ³³³ Там же. Л. 17, 20-22.
- ³³⁴ Там же. Д.205. Л.2.
- ³³⁵ Восточной обозрение. 1890. № 24, 31.
- ³³⁶ Там же. 1884. №46.
- ³³⁷ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.2267. Л. 138, 142, 144, 151.
- ³³⁸ Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России 1797-1917. Очерки истории цензуры. СПб. - Иерусалим, 1999. С.341.
- ³³⁹ НАРБ. Ф.385. Оп. 1. Д. 22. Л.54.
- ³⁴⁰ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С. 270.
- ³⁴¹ Островский Ю. Указ. соч. С.25.
- ³⁴² ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.88. Л.17.
- ³⁴³ ГАИО. Ф.25. Оп. 4. Д.472. К.353. Л.298; Ф.32. Оп. 1. Д.2864. Л. 404-413; ГАЧО. Ф.1.(о). Оп. 1. Д.13512. Л.4-24; Д.3365. Л.3.
- ³⁴⁴ ГАКК. Ф.595. Оп. 3. Д.2771. Л.5.
- ³⁴⁵ О современных общественных школах евреев. // Вопросы еврейской жизни. Сборник статей Моргулиса М.Г. СПб., 1889. С.199.
- ³⁴⁶ Тихонов Т.И. Еврейский вопрос в России и Сибири. СПб., 1906. С.76; Островский Ю. Указ. соч. С. 27.
- ³⁴⁷ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.282, 288, 297.
- ³⁴⁸ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.88. Л. 3-4, 17.
- ³⁴⁹ Памятная книжка Енисейской губернии на 1905 год. Красноярск, 1905. С.32.
- ³⁵⁰ ГАКК. Ф.595. Оп. 3. Д.1437. Л.37; ГАИО. Ф.25. Оп. 1. Д.1504. К.41. Л.1-5.
- ³⁵¹ ГАИО. Ф.25. Оп. 1. Д.1504. К.41. Л.1, 5.
- ³⁵² Там же. Оп. 2. Д.61. К.124. Л.109-110.
- ³⁵³ Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем на 1901 год. Красноярск, 1901. С.42.
- ³⁵⁴ НАРБ. Ф.196. Оп. 1. Д.1. Л. 5.
- ³⁵⁵ ГАКК. Ф.595. Оп. 3. Д.2771. Л.6.
- ³⁵⁶ Там же. Л.7.
- ³⁵⁷ ГАИО. Ф.32. Оп. 1. Д.411. Л.1.
- ³⁵⁸ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.284.
- ³⁵⁹ ГАИО. Ф.91. Оп. 1. Д.2173. Л.6.
- ³⁶⁰ Отчет Иркутского еврейского бесплатного...С.10, 92-93.

- ³⁶¹ Памятная книжка Иркутской губернии на 1905 год. Иркутск, 1905. С.150.
- ³⁶² Восточное обозрение. 1897. №143; 1900. № 53.
- ³⁶³ Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.338.
- ³⁶⁴ Отчет Иркутского еврейского бесплатного...С.75.
- ³⁶⁵ ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д.173. Л.62.
- ³⁶⁶ ГАКК. Ф.595. Оп. 3. Д.2771. Л.4.
- ³⁶⁷ ГАИО. Ф.63. Оп. 1. Д.173. ЛЛ. 69-72.
- ³⁶⁸ Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1914-1915. III отд. С.180.
- ³⁶⁹ ГАИО. Ф.63. Оп. 1. Д.173. Л.73.
- ³⁷⁰ Там же. Ф.193. Оп. 1. Д.325. Л.2.
- ³⁷¹ ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д. 2267. Л.46.
- ³⁷² Там же. Л.106.
- ³⁷³ ГАКК. Ф.595. Оп. 3. Д.1437. Л.38.
- ³⁷⁴ Там же. Д.2771. Л.4.
- ³⁷⁵ Орехова Н.А. Еврейская община города Красноярска...С.13.
- ³⁷⁶ ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д.27. Л.13.
- ³⁷⁷ Там же. Л. 9.
- ³⁷⁸ Там же. Ф.161. Оп. 2. Д. 231. Л.68.
- ³⁷⁹ Там же. Ф.3. Оп. 1. Д.112. Л.2-6.
- ³⁸⁰ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.4242. Л.5.
- ³⁸¹ Там же. Л.6; ГАИО. Ф.63. Оп. 1. Д.70. Л.3.
- ³⁸² Его опасения имели под собой некоторые основания. Сионисты действительно рассматривали еврейские учебные заведения как площадки для обкатки своих идей, а учащих как их проводников и потому очень интересовались обстановкой в них и качеством преподавания. Связываясь с местными отделениями Общества распространения просвещения между евреями, они рекомендовали им устраивать в городах совещания по обсуждению вопросов, связанных с делом «поднятия достоинства местных хедеров». (ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.4935. Л. 17.)
- ³⁸³ ГАИО. Ф.63. Оп. 1. Д.70. Л.14.
- ³⁸⁴ ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 5072. Л.4.
- ³⁸⁵ Там же. ЛЛ. 4-5.
- ³⁸⁶ Кальмина Л.В. Еврейское купечество Восточной Сибири...С.67.
- ³⁸⁷ Восточное обозрение». 1904. №48.
- ³⁸⁸ Адрес-календарь Забайкальской области на 1908 год. Чита, 1908. С.62.
- ³⁸⁹ НАРБ. Ф.196. Оп. 1. Д.1. Л.11.
- ³⁹⁰ «Весь Иркутск» с отделами Забайкальской и Якутской областей на 1909 г. Иркутск, 1909. УП отд. С.19.
- ³⁹¹ Забайкальская новь. 1913. 14 марта.
- ³⁹² Кальмина Л.В. Еврейское купечество...С.67.
- ³⁹³ Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.121.
- ³⁹⁴ ГАЧО. Ф.1 (о). Оп. 1. Д.5288. Л. 86, 89, 92, 97.
- ³⁹⁵ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1914-1915 годы. Томск, 1915. С.446.
- ³⁹⁶ Гройсман. А. Указ. соч. С.87.
- ³⁹⁷ НАРС(Я). Ф. 288-и. Оп. 1. Д.474. Л.18.
- ³⁹⁸ Гройсман А. Указ. соч. С.97.
- ³⁹⁹ НАРС(Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д.3754. Л.30.
- ⁴⁰⁰ Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 год. Иркутск, 1911. С. 423, 516, 520.
- ⁴⁰¹ ГАКК. Ф.3. Оп. 1. Д.89. Л.1.

-
- 402 ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.4935. Л. 6, 11, 15.
403 Там же. Д.3365. Л.1; Ф.4. Оп. 1. Д. 199. Л.6.
404 Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.315.
405 ГАКК. Ф.595. Оп. 3. Д.2771. Л.4.
406 ГАЧО. 1(о). Оп. 1. Д.5288. Л.86.
407 ГАИО. Ф.25. Оп. 2. Д. 61. К.124. Л.109-110; Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 год. Красноярск, 1903. С.62.
408 Островский Ю. Указ. соч. С.27.
409 НАРС(Я). Ф. 288-и. Оп. 1. Д.474. Л.22-23.
410 ГАКК. Ф.595. Оп. 3. Д. 2771. Л.10.
411 ГАЧО. Ф.4. Оп. 1. Д.199. Л.22.
412 Отчет хозяйственного правления...С.3.
413 Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.120-121.
414 НАРС(Я). Ф. 288-и. Оп. 1. Д.474. Л.24-25, 27.
415 ГАИО. Ф.417. Оп. 1. Д.7. Л.81.
416 Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.339; Отчет Иркутского еврейского бесплатного училища... С.22.
417 ГАИО. Ф.417. Оп. 1. Д. 7. Л.32.
418 Романов Н.С. Воспоминания. Рукопись. С. 542.
419 ГАИО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 7. Л.23.
420 Отчет хозяйственного правления...С.25.
421 ГАИО. Ф.417. Оп. 1. Д.7. Л.74.
422 Там же. Л.25.
423 Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.191-194.
424 ГАИО. Ф.417. Оп. 1. Д.7. Л.29-30.
425 Там же. Л.71.
426 Дубнов С.М. Евреи в царствование Николая II. С.80.
427 Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902 –1924 гг. С.155, 228, 231.
428 ГАЧО. Ф.4. Оп. 1. Д.199. Л.4, 8.
429 Там же. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 4056. Л. 1, 13, 15.
430 Там же. Д. 4210. Л.2, 8.

Заключение

Еврейские общины как динамически развивающиеся социальные и духовные организмы в Восточной Сибири сложились в середине XIX века. К этому времени налицо были все признаки их существования: устойчивые стабильные этнические общности в ряде городов и селений рассматриваемого региона и потребность уже более чем их физического выживания - национального самосохранения, объединяющая заброшенных волею судьбы в чужой край людей по вероисповедному признаку.

Пути формирования еврейских общин Восточной Сибири определялись особенностями «еврейского» законодательства, согласно которому въезд в Сибирь евреев, кроме ссыльных, был практически полностью запрещен. «Вековое место ссылки» было вынуждено принять евреев, отторгнутых чертой оседлости и составивших ядро местных общин. «Льготные» категории евреев, получившие право повсеместного жительства в Российской империи, кроме солдат, повлияли на формирование сибирского еврейского общества в незначительной степени. Получившие право повсеместного жительства, они предпочитали осесть в экономически развитых районах, а не осваивать новые места, заселенные «порочными» людьми.

Составляя предмет особой законодательной регламентации в силу своего статуса, Сибирь породила и особые ограничительные правила для оказавшихся здесь евреев, стержневым из которых стало ограничение права передвижения в регионе. Находясь вне черты постоянной еврейской оседлости, Сибирь породила собственную «черту оседлости» с границами даже более жесткими, чем в западных губерниях. Не ограничивая территорию пребывания евреев в регионе рамками отдельных областей или губерний, сибирское законодательство определило для каждого еврея «собственную» черту, прикрепившую его к населенному пункту, волости, позже уезду, к которому он был приписан.

«Сибирская черта еврейской оседлости», запретившая евреям выезд за пределы места своего поселения, фактически привнесла в сибирский быт специфическую форму крепостничества. Закон в Сибири уступил место произволу чиновников, самолично разрешавших или запрещающих выезд за пределы «черты». На наш взгляд, столь строгое отслеживание перемещений каждого еврея в Сибири обуславливалось стремлением держать их под неусыпным контролем, что в обширном регионе, населенном «ссылным элементом», при ограниченном контингенте органов полицейского сыска было затруднительным.

Жесткость сибирского «еврейского» законодательства и четкость его соблюдения во многом зависели от поведенческих мотивов в отношении евреев как центральной, так и местной сибирской власти, то усугублявших, то, напротив, смягчавших положение сибирских евреев. В значительной степени на исполнительскую дисциплину повлияли неясность и противоречивость законов, допускавшие двойное их толкование на местах.

Несмотря на жесткую регламентацию передвижения евреев и сфер их деятельности в регионе, Сибирь с ее возможностями, наличием свободных земель и богатых природных ресурсов, отсутствием скученности и жесточайшей конкуренции, характерных для черты оседлости в западных губерниях, с веротерпимостью, присущей краю с пришлым населением, оставалась для них притягательной. Проведенные исследования показали стабильный численный рост еврейского населения в регионе: за несколько десятилетий в областях и губерниях исследуемого региона оно выросло в 7-9 раз. Это обуславливалось как его механическим, так и естественным приростом. Продолжающаяся ссылка, а также приезд вместе с ссылными членов их семей, численно превышающих количество собственно ссыльных, оставались главным источником пополнения сибирского еврейского общества на протяжении всего рассматриваемого периода. В

какой-то мере еврейское население региона выросло за счет обладателей дефицитных специальностей, в виде исключения получивших право на въезд, а также оказавшихся в Сибири как добровольно (самовольно «зашедшие»), так и вынужденно (бежавшие от погромов, беженцы и выселенцы первой мировой войны).

Еврейское общество росло и за счет высокого естественного прироста, который можно считать национальной особенностью: еврейские семьи были, как правило, многодетными и численно значительно превышали, к примеру, семьи православные.

Расселенные вначале в сельской местности, не приспособленные к условиям деревенской жизни и лишенные необходимых в деревне профессиональных навыков, евреи стремились вернуться в привычную для них городскую обстановку, к привычному образу жизни. Концентрация их в густонаселенных пунктах заметна уже в 80-е годы XIX века. Сибирская администрация, вначале препятствовавшая сосредоточению в городах ссыльного элемента, впоследствии снисходительно относилась к расселению евреев в городах: оказавшиеся в привычной среде, те быстрее адаптировались, находили себе заработок и начинали приносить деньги в казну.

Экономическая деятельность еврейских общин региона была обусловлена двумя факторами: сложившейся структурой экономики и существующим законодательством, ограничивающим евреям доступ в ряд сфер деятельности. Необходимость развития торговых связей в колонизируемом регионе, свободный доступ евреев в эту область экономики плюс опыт, накопленный ими именно в этой сфере деятельности, обусловили успех в ней в первую очередь. В то же время евреи занимались всеми видами деятельности, присущими сибирякам. Структура «еврейской» экономики Сибири в значительной степени отличалась от таковой в черте оседлости: в частности, Сибирь дала высокий процент

евреев-земледельцев, что было обусловлено наличием свободных земель в регионе.

Привнесенные в повседневную действительность региона реалии западной жизни в виде «сибирской черты еврейской оседлости» сковывали их хозяйственную инициативу, но не стали непреодолимым препятствием для развития. «Естественный отбор», который пришлось пройти евреям во всех принимающих, но не воспринимающих их обществах, создал совершенно особую генерацию людей с чрезвычайно высокой степенью адаптации, умением жить в иной языковой и культурной среде, способной к саморазвитию и развитию всех сфер общественной деятельности в совершенно неблагоприятных для этого условиях, которые обычно ведут к разрушению нации. В исследуемом регионе их опыт в этом направлении был существенно дополнен.

Имевшие многовековые традиции в налаживании торговых связей и востребованные в этом качестве Сибирью, обладатели определенных хозяйственно-профессиональных навыков, евреи оказались вне конкуренции как носители новых капиталистических отношений. Высокая степень их адаптивности, стремление утвердиться, поднять свой статус и обеспечить своим детям высокий уровень жизни, помноженные на веками сложившиеся специфические черты еврейского бизнеса – стремительность, проникающую силу, умение рисковать, готовность довольствоваться малым, - а также энергия, трудолюбие и предприимчивость способствовали прочному утверждению евреев в сибирской экономике даже в условиях суровых правовых ограничений. Немалую роль в этом сыграло и в целом доброжелательное отношение местного населения. Отдельные попытки «устранения» евреев как экономических конкурентов не были отражением общественного мнения и успеха не имели.

За полвека с начала формирования еврейских общин в регионе масштабы их экономической деятельности выросли с мелкой торговли

вчераших ссыльных и солдат до создания крупных торгово-промышленных предприятий, известных далеко за его пределами. Еврейские предприниматели строили магазины и фабрики, торговали в разными городами и странами, добывали золото, были первооткрывателями ряда отраслей экономики. В экономической деятельности еврейских общин следует выделить три этапа: первоначальное накопление капитала, этап устойчивого развития и, наконец, этап расцвета «еврейской» экономики Сибири, который характеризуется вложением финансовых средств в сферу производства и созданием крупных торгово-промышленных предприятий, ведущих дела далеко за пределами восточносибирского региона.

Экономическая состоятельность, относительно высокий уровень образования, стремление повысить свою значимость в общественном мнении и завоевать хорошую репутацию в обществе сформировали поведенческий стереотип членов еврейских общин, отличный от такового в черте оседлости. Еврейское общество стало органической частью сибирского. В общественной жизни евреи проявлялись наравне с представителями других национальных групп населения, а их активность в благотворительной деятельности была не ниже их участия в области хозяйственной. Эта сторона их жизни, одобрявшаяся общественным мнением, была тоже родом борьбы за авторитет и стабильность, повышала их статус, делала полезными и приносила признание, необходимое при их правовой уязвимости. Она «растворяла» их в обществе, служила доказательством их патриотизма, не давала замечать «чужеродности».

Экономической состоятельности, общественной активности, завоеванию положения в обществе еврейских общин объективно способствовало и отсутствие в Сибири почвы для антисемитизма. Это объясняется рядом социально-экономических, политических, демографических факторов, сформировавших у населения региона иной менталитет и иные

поведенческие мотивы по отношению к иноверцам. В Сибири, население которой состояло из пришлых людей разных национальностей, образ «чужака» был менее конкретным и более размытым, чем в регионах со стабильным населением. А евреи, органически вписавшиеся в сибирский быт и по образу жизни мало чем отличающиеся от сибиряков, не вызывали отторжения. К тому же большие возможности для предпринимательства, отсутствие жестокой конкуренции, характерной для уже освоенных районов, и равные стартовые возможности для вчерашних ссыльных сводили на нет поводы для обвинения тех или иных иноверческих и инонациональных групп в «эксплуатации».

Перечисленные объективные и субъективные факторы в значительной степени были обусловлены геополитическими особенностями региона. Будучи своеобразным рубежом между западной (русской) и восточной (азиатской) культурами, Восточная Сибирь была примером спокойного восприятия православием других конфессий.

Дорожа завоеванным положением, сибирские евреи с большой степенью равнодушия относились к пронесившимся рядом политическим бурям. Из всех политических течений более или менее прочно в общинах устоялся лишь сионизм: сибирские евреи, сформировавшиеся в иной общественной и социально-культурной среде, нежели их западные единоверцы, были далеки от идей социализма. К тому же, несмотря на достигнутые успехи, они оставались национально угнетенными и постоянно ощущали свою правовую уязвимость. Сионизм обещал им перспективу не как классу или социальному слою, а как народу и потому был «обречен» на успех. Однако и этим политическим течением затронут оказался лишь верхний слой еврейского общества. Основная масса общинников осталась к нему равнодушной.

Духовная жизнь еврейских общин Восточной Сибири обнаруживает две противоречивые тенденции. С одной стороны, жизнь народа вдали от

«национального очага», оторванного от основной массы единоверцев и рассеянного в «многоликой» Сибири, в целях самосохранения предполагает способность к быстрой адаптации, гибкости, восприимчивости чужой культуры (в первую очередь, языковой), умение найти в ней свое, никем не занятое место. С другой – тот же инстинкт самосохранения себя как этноса, носителя определенных национальных и культурных традиций, заставляет искать опору в культурных ценностях своего народа. Пластичность и адаптивность, вызванная особенностями жизни национального и конфессионального меньшинства в чужеродном окружении, и неистребимое стремление сохранить в этих условиях свое национальное «я» породили особый тип «сибирского еврея»: сибиряк по образу жизни, менталитету, одежде и говору, он оставался евреем по самосознанию и мироощущению. Его внешней ассимиляции способствовали отдаленность от единоверцев в Европейской России и невозможность вследствие ограничительных законов получать от них культурное «подкрепление». Его внутренней органичности, в свою очередь, помогли генетическая память и желание сохранить тот национальный стержень, который позволяет любому народу считать себя таковым. Даже в удалении от «черты» – носительницы традиционной еврейской культуры, в регионе интенсивных ассимиляционных процессов, при экономически активном образе жизни, исключавшем национальную замкнутость, и умении почти безболезненно вписываться в традиции существующего общества, евреи все-таки дистанцируются от него, сохраняя и регенерируя национальные черты. Ни боязнь деспотичного влияния своих братьев, ни слабое знание (или полное незнание) языка, ни равнодушие многих евреев-сибиряков к вопросам религии, ни полное отсутствие поначалу в огромном регионе религиозных и культурных институтов, поддерживающих национальные устремления уже в силу

самого своего существования, не смогли «растворить» приверженности сибирских евреев вере и обычаям своих предков.

Общинные институты формировались в условиях ожесточенной борьбы с властью за право сохранения национального «я» и не менее упорной внутриобщинной борьбы за влияние на ее «кадровую политику» и доступ к общинной кассе. Борьба с властью диктовалась особенностями сибирского еврейского законодательства, фактически препятствовавшего полноценной национальной жизни в Сибири. Внутриобщинная борьба, через которую прошли практически все общины региона, была, на наш взгляд, закономерным этапом в их становлении и развитии. Будучи ссыльными или детьми ссыльных, имевшие слабое представление о канонах иудаизма, обладавшие низким культурным уровнем, «первое поколение» общинников стремилось утвердить себя в борьбе со своими единоверцами, изматывавшей и ослаблявшей еврейское общество. Прекращению этой борьбы объективно способствовало усиление антисемитских настроений сибирской администрации в период правления Александра III - Николая II, которые при отсутствии сплоченности членов общины могли привести к ее разрушению, и рост образовательного и культурного уровня общинников, постепенно понявших ущербность политики принесения национальных и культурных интересов общины в жертву собственным амбициям. Конец распрям в значительной степени положило и введение раввината, хотя в условиях Сибири этот институт так и не стал полноценным и не приобрел положенной ему по статусу роли.

Обладея куда меньшей религиозностью, чем их собратья из черты оседлости, евреи Сибири все же стремились в общину как в центр их национального самосохранения. Не избежав мучительных противоречий, ослаблявших еврейское общество, они сумели встать над ними, чтобы прийти, наконец, к единению, дающему возможность не только выжить,

но и утвердиться в чужом мире, занять в нем свою нишу и достигнуть достаточно высокого уровня духовного развития. Не владея даже азами еврейской культуры, они желали дать детям полноценное еврейское образование и воспитание.

Символом объединения, стержнем сохранения национальной идентичности на первых порах стала синагога. Именно в борьбе за право соблюдать обряды веры по законам предков проходило становление и мужание еврейских общин. Иудаизму как идеологии и мировоззрению принадлежит решающая роль в сплочении сибирских евреев в единое целое, что в значительной степени и помогло им занять достойное место в обществе, несмотря на постоянно ограничивающие их права законы и самовластье администрации. Но постепенно духовный мир благотворительных и просветительских учреждений отходит от религиозной традиции. Идеи иудаизма, сплотившие евреев, потеснились, освобождая нишу для других сторон общинной жизни. Национальное просвещение и национальная светская культура полностью завладевают их умами и сердцами. Начало XX века во «внутренней» истории еврейских общин региона отмечено ростом национальных школ и благотворительных учреждений.

Проведенное исследование подтвердило предположение историков о том, что еврейский народ и в диаспоре может существовать как самобытная культурная нация. История еврейских общин Восточной Сибири в изучаемый нами период – пример полноценной жизни евреев в условиях «отлучения» от основной массы единоверцев. Несмотря на ограничительное сибирское «еврейское» законодательство, препятствовавшее хозяйственной деятельности, общественной активности и особенно национальной жизни евреев в Сибири, еврейские общины региона за короткое время прошли путь становления, развития и расцвета

общинной жизни, оставив заметный след в экономике, общественной и культурной жизни края.

Однако следует отметить, что настоящую диссертацию никоим образом нельзя рассматривать как исчерпывающее исследование данной проблемы. На наш взгляд, необходим поиск новых источников как «внешней», так и «внутренней» группы, их систематизация и классификация, сравнительный анализ с источниками других регионов, в частности, западносибирским и внутренним губерний, которые по правовому положению евреев были достаточно близки к Сибири.

Дальнейшего анализа потребуют социально-экономические процессы, происходившие в общинах на заре их становления: формирование социальной структуры еврейского населения, ее качественный рост, влияние на ее изменение объективных и субъективных факторов. В углубленном изучении нуждаются вопросы участия еврейских общин в городской жизни: степень активности, сферы приложения сил, результаты, оценка общественным мнением.

Необходимо дальнейшее изучение внутренней жизни еврейских общин, их культурных и религиозных традиций, процесса формирования стереотипов внутриобщинной жизни. Обнаружение новых источников по данным вопросам не только углубит историю еврейских общин, но и, несомненно, привнесет новые детали в историю изучаемого региона.

Библиографический список диссертации

Неопубликованные источники

ГАРФ. Ф.102 (Департамент Полиции). ДП.2. 1882 г. Оп. 39. Д.312, 347, 512, 530; 1883 г. Оп. 40. Д. 287; 1891 г. Оп. 48. Д.27. Ч.6; 1897 г. Оп. 54. Д.137; 1898 г. Оп. 55. Д.18. Ч.60; Оп. 59. Д.55; 1905 г. Оп. 62. Д.11. Ч.37, Ч.72. Д.40; 1906 г. Оп. 63. Д.78. Ч.2, Д.97; 1908 г. Оп. 65. Д.14. Ч.12; 1909 г. Оп. 66. Д. 7. Ч.46, Д.42; Оп. 67. Д.8. Ч.200; 1911 г. Оп. 68. Д.8. Ч.97; 1912 г. Оп. 69. Д.8. Ч.169, 269; Д.26; 1914 г. Оп. 71. Д.58, 67; 1916 г. Оп. 75. Д.33; 1915 г. Оп. 73. Д.72; ДПОО. Оп. 226. Д. 3. Ч.277. Д. 9. Ч.40, 44; Д.11. Ч.2 (1); Оп. 229. Д.42.

Ф.109 (Третье отделение). Оп. 221. Д.139; Оп. 1835. Д.260.

РГВИА Ф.1447 (Штаб Восточно-Сибирского военного округа). Оп. 1. Д.15, 31; Оп. 5. Д. 4.

Ф.1468 (Штаб Иркутского военного округа). Оп. 1. Д.91, 124; Оп. 2. Д.114, 315; Оп. 3. Д.121, 123, 144, 277.

РГИА Ф.821 (Департамент Духовных дел иностранных исповеданий). Оп. 8. Д. 32, 172; Оп. 133. Д. 394.

Ф.1149 (Департамент законов Государственного Совета). Оп. 2. 1835 г. Д.18; Оп. 6. 1865 г. Д.18; Оп. 7. 1869 г. Д. 119.

Ф.1264 (Первый Сибирский Комитет). Оп. 1. Д. 17, 234, 268, 360, 433.

Ф.1265 (Второй Сибирский Комитет). Оп. 2. Д.114; Оп. 3. Д.70; Оп. 4. Д.26, 149.

ГАИО. Ф.24 (Главное управление Восточной Сибири). Оп. 2. Д.73; Оп. 9. К.2046. Д.417.

Ф.25 (Канцелярия Иркутского генерал-губернатора). Оп. 1. К.1. Д.3; К.4. Д.40; К.6. Д.75, 80; К.7. Д. 107, 117, 125, 134, 151, 157, 171; К.8. Д.188, 196, 259; К.9. Д.286, 304, 332; К.10. Д. 420, 422, 479, 506, 531, 568; К.12. Д. 953; К.14. Д.965; К.18. Д.993, 998, 1023, 1031; К.41. Д.1504; К.57. Д.467; К.97.

Д.667; Оп. 2. К.116. Д.182; К.124. Д.61; К.184. Д.43; Оп. 4. К.353. Д.472; Оп. 5. К.415. Д.66; Оп. 6. К.442. Д. 76; К.449. Д.196; К.456. Д. 555; К.460. Д.835; К.461. Д.835; К.461. Д.1047; К.465. Д. 1262, 1991; К.513. Д.3271; К.599. Д.4901; Оп. 9. К.916. Д.12; К.917. Д.26; К.943. Д.1571; К.953. Д.1962; К.965. Д.2440; К.967. Д.2603; К.969. Д.2748; К.970. Д. 2782; К.971. Д.2809; К.972. Д.3266; К.974. Д.3005, 3059; К.975. Д.3084, 3103; К.977. Д.3245; К.979. Д.3480; К.980. Д.3494; Оп. 12. К.1085. Д.58; К.1099. Д.178; К.1124. Д.946; Оп. 12 доп. Д.61.

Ф.29 (Канцелярия Приамурского генерал-губернатора (по управлению Забайкальской областью). Оп. 1. ДП. 2. Д.40, 276, 454; ДП. 3. Д.10, 30, 124, 145, 150, 152, 194, 216, 246, 322; ДП. 4. Д.22; Оп. 2. ДП. 3. Д.43.

Ф.32 (Иркутское губернское управление). Оп. 1. Д.153, 179, 411, 425, 530, 609, 950, 1265, 2187, 2204, 2428, 2557, 2864, 3100, 3201, 3264, 3328, 3604, 3692, 3941, 4010, 4172, 4224, 4281, 4868, 4869, 4896, 4972, 4987, 4989, 5267, 5622, 5729; Оп. 2. Д.22, 40, 154, 163, 196, 534, 804, 862, 975, 2485, 2620, 2749, 2958; Оп. 3. Д. 41, 98, 482; Оп. 6. Д.11, 88, 104, 117; Оп. 13. Д.1, 20.

Ф. 37 (Иркутский губернский статистический комитет). Оп. 1. Д.4, 16.

Ф.63 (Главный инспектор училищ Восточной Сибири). Оп. 1. Д.66, 70, 99, 150, 173, 762, 1477, 1768 .

Ф.70 (Иркутская городская дума). Оп. 2. Д.195, 487, 492, 493, 868, 892, 1022, 1063, 1459, 1954, 1955, 1956, 2209, 2334, 2697, 2698, 2861, 2866, 2867, 2868, 3047, 3255, 3256, 3308; Оп. 3. Д. 37, 38, 826, 1019, 1915, 2132, 2285, 2376, 2380, 2516, 2937.

Ф.90 (Иркутское уездное полицейское управление). Оп. 1. Д.16, 316,334; Оп. 2. 208, 348, 391.

Ф.91 (Иркутское городское полицейское управление). Оп. 1. Д. 718, 751, 1061, 1417, 1633, 2033, 2034, 2160, 2161, 2173, 2182, 2275, 2384, 2454, 2627,

2654, 2736, 2844, 2849, 2887; Оп. 2. Д.466, 566, 802, 1471, 1688, 1689, 1768, 1769, 1785, 1829, 1910, 1940, 2023; Оп. 3. Д. 53.

Ф.127 (Иркутская акушерско-фельдшерская школа). Оп. 1. Д.17, 34, 129.

Ф. 193 (Директор народных училищ Иркутской губернии). Оп. 1. Д. 159, 325.

Ф.308. (Иркутское гильдейское управление). Оп. 1. Д.167, 300, 329, 332.

Ф.417 (Канцелярия Иркутского раввина). Оп. 1. Д.4-7, 9-10.

Ф.600 (Иркутское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д.833, 837, 946.

Ф.789 (Метрические книги Иркутской синагоги). Оп. 1. Д. 1, 3-33, 38, 41-72, 74-82, 84-105.

ГАКК. Ф. 3 (Дирекция народных училищ Енисейской губернии). Оп. 1. Д.89, 112, 888, 3943, 4796, 5449, 5694.

Ф.31 (Енисейский губернский статистический комитет). Оп. 1. Д.19,125, 157, 251, 258.

Ф.112 (Красноярское городское полицейское управление). Оп. 1. Д. 8, 9, 10, 36, 50, 53; Оп. 3. Д. 113.

Ф.146 (Енисейское губернское рекрутское присутствие). Оп. 1. Д. 20.

Ф.160 (Енисейская губернская казенная палата). Оп. 1. Д. 365, 478, 677, 863, 910, 962, 1054, 1680, 2182, 2790.

Ф. 161 (Красноярская городская управа). Оп. 1. Д. 4, 5, 6, 11, 12, 26, 27, 36, 37, 45, 46, 55, 56, 57, 61, 63, 66, 71, 73, 166, 183, 225, 231, 236, 291; Оп. 2. Д.11, 88, 133, 166, 184, 205, 228, 257, 273, 280, 351, 305, 410, 453, 480, 494, 630, 684, 688, 730, 808, 1007, 1027, 1295, 1549, 1551, 1568, 1597, 1700, 1896, 1941, 2267, 2402, 2606, 2733, 2746; Оп. 3. Д.68.

Ф.162 (Красноярская мещанская управа). Оп. 1. Д. 41, 91, 103.

Ф.173 (Красноярская городская дума). Оп. 1. Д. 120, 303, 434, 699, 719, 1119, 1318, 1584, 2190, 2354.

Ф. 516 (Прокурор Красноярского окружного суда). Оп. 1. Д. 1392.

Ф.595 (Енисейское губернское управление). Оп. 1. Д. 1308, 1309, 1311, 1831, 1952, 3331, 5547; Оп. 3. Д. 27, 1437, 2771, 3050, 3085, 4160; Оп. 7. Д.450, 507, 538, 547; Оп. 8. Д. 1888, 4318, 4534, 5249; Оп. 12. Д. 127; Оп. 47. Д.89. Оп. 48. Д. 127, 129, 133, 274, 422, 604, 691, 766, 858, 879, 898, 903, 939, 1074, 1084, 1099, 1135, 1249, 1310, 1400; Оп. 59. Д.349, 496, 631, 664, 5288.

Ф. 612 (Енисейская губернская врачебная управа). Оп. 1. Д.407, 590.

Ф.628 (Губернское по городским делам присутствие). Оп. 1. Д.33, 82.

Ф.675 (Енисейская экспедиция о ссыльных). Оп. 1. Д. 4, 63.

Ф.798 (Красноярская ремесленная управа). Оп. 1. Д. 74, 75, 82, 92, 93, 118, 157.

ГАЧО. Ф.1 (о) (Забайкальское областное правление. Общее). Оп. 1. Д. 481, 602, 754, 1063, 1416, 1757, 1764, 1961, 1998, 2071, 2076, 2082, 2191, 2220, 2486, 2403, 2511, 2570, 2794, 2989, 3066, 3341, 3365, 3439, 3472, 3695, 3802, 3806, 3807, 3861, 3991, 4056, 4118, 4162,4209, 4210, 4242, 4251, 4424, 4512, 4518, 4935, 5061, 5072, 5074, 5077, 5083, 5107, 5288, 6782, 7016, 7092, 7145, 7200, 7462, 7470, 7640, 8784, 8986, 9555, 12005, 12343, 13200, 13217, 13303, 13347, 13369, 13373, 13512, 13515, 13516, 13526, 13665, 13668, 13705, 13753, 13764, 13769, 13770, 13781, 13806, 13812, 13857, 13863, 13889, 13932, 13937, 13976, 13992, 14022, 14033, 14034, 14036, 14047, 14051, 14070, 14089, 14104, 14106, 14129, 14164, 14193, 14196, 14212, 14215, 14223, 14232, 14233, 14237, 14238, 14241, 14243, 14246, 14247, 14248, 14259, 14287, 14975, 15051, 15640, 15648, 16432, 17012, 17120, 17139, 17140, 17708.

Ф.4 (Директор народных училищ Забайкальской области). Оп. 1. Д.88, 199.

Ф.23 (Читинское окружное полицейское управление). Оп. 1. Д.52; Оп. 2. Д.420, 518, 576.

Ф.24 (Читинское уездное полицейское управление). Оп. 1. Д.208, 539, 831; Оп. 2. Д.139.

Ф.26 (Читинское городское полицейское управление). Оп.1. Д.168, 647.

Ф.57 (Забайкальский областной комитет по обеспечению нужд беженцев). Оп. 1. Д.3, 9; Оп. 2. Д.1.

Ф.94 (Читинская городская управа). Оп. 1. Д. 4, 6, 15, 17, 29, 45, 67, 72, 89, 127, 135, 142, 170, 193, 196, 198, 206, 217, 226, 231, 236, 239, 247, 287, 310, 317, 318, 397, 431, 495, 524, 588, 608, 616, 639, 640, 648, 670, 753, 784, 785, 826, 956; Оп. 2. Д. 1; Оп. 4. Д.75, 184.

Ф.106 (Иркутское губернское правление). Оп. 1. Д.24, 25; Оп. 2. Д.10

Ф.121 (Забайкальское областное казначейство) Оп. 1. Д.20.

Ф.152 (Забайкальский областной попечительный о тюрьмах комитет). Оп. 1. Д.377, 486, 492, 495.

Ф.212 (Забайкальское областное по воинской повинности присутствие). Оп.1. Д. 22, 34, 89, 96, 118; Оп. 2. Д.41, 151, 174; Оп. 3. Д.50.

Ф.282 (Иркутская духовная консистория). Оп. 1. Д. 2577, 2578, 2678, 2682, 2686, 2687, 2696, 2697, 2713, 2757, 2758, 2763, 2794, 2813, 2816, 2824, 2826, 2827, 2848, 2849, 2854 - 2857, 2870, 2871, 2883, 2917, 2927, 2928, 2933, 2940, 2948, 2949, 2954, 2955, 2977, 2998, 2999, 3004, 3014, 3015, 3027, 3028, 3041, 3042. 3054, 3055, 3056, 3068, 3069, 3082-3084, 3096, 3097, 3101; Оп. 2. Д. 57, 72 -75, 104-107, 117 -119, 128-130, 141-143, 155-158, 172, 181 - 183, 198-202, 212 -214, 223-226; Оп. 4. Д. 1-32.

НАРБ Ф.10 (Верхнеудинская городская управа). Оп. 1. Д. 4 -7, 9, 46-50, 67, 71, 85-88, 141, 144, 168, 184, 194-197, 235, 254, 278, 296, 339, 346, 360, 366, 475, 476а, 483, 518, 838, 844, 856, 946, 981, 1007, 1079, 1105, 1121а, 1147, 1226, 1242, 1371, 1379, 1510, 1523, 1558, 1584, 1594, 1619, 1620, 1628, 1649, 1792, 1795, 1806, 1895, 1927а, 1951, 1957, 1984, 1995, 2024, 2066, 2087, 2089, 2100, 2111, 2159, 2226, 2409, 2550, 2567а, 2661, 2697, 2702,

2711, 2720, 2735, 2748, 2792а, 2796, 2839, 2862, 2896, 2912, 2923, 2931, 2987; Оп. 2. Д.8,28, 120, 508, 509, 531, 536, 537, 550, 551.

Ф.109 (Горный исправник золотых приисков Верхнеудинского и Иркутского округов). Оп. 1. Д. 5,9,47, 199.

Ф.123 (Баргузинское уездное полицейское управление). Оп 1. Д. 40, 41, 48, 51, 52, 53, 58, 60, 61, 64, 71, 84, 86, 94, 95, 97, 100, 108, 115, 124, 134, 140, 143, 151, 152, 155, 160, 163, 171, 176, 179, 186, 212, 217, 220, 225, 228, 230, 232, 245, 246, 255, 261, 268, 269, 271, 273, 283, 287, 289, 292, 293, 301, 305, 308, 313, 319, 322, 328, 331, 335, 337, 346, 353, 358, 361, 366, 372, 374, 375, 379, 381, 385, 387, 396, 397, 406, 425, 435, 441, 449, 452, 459, 469, 490, 492, 506, 510.

Ф.139 (Верхнеудинский земский исправник). Оп. 1. Д. 11, 218, 221, 247.

Ф.146 (Баргузинский земский исправник). Оп. 1. Д. Д.11, 17.

Ф.196 (Верхнеудинская еврейская религиозная община). Оп. 1. Д.1-29.

Ф.352 (Забайкальский статистический комитет). Оп. 1. Д. 14, 15, 17, 27, 31, 32, 58-78, 4, 85, 87, 92, 97, 98, 99, 105.

Ф.337 (Верхнеудинское уездное полицейское управление). Оп. 1. Д. 269, 545, 889, 1209, 1176, 1794, 4209, 4613, 5382, 5763, 6565, 6643, 6820, 6924, 7199, 7235, 7254, 7617, 7633, 7722, 7768, 7776, 7961, 8023, 8035, 8057, 8196, 8227, 8294, 8334, 8339, 8381, 8633; Оп. 2. Д. 336, 417, 515, 890, 904, 929, 930, 1127, 1308, 1704, 1778, 2110, 2184, 2261, 2628, 2651, 2659, 2714, 2762; Оп. 3. 231, 237; Оп. 5. Д. 11; Оп. 6. Д. 57, 185, 224.

Ф.385 (Баргузинская еврейская религиозная община). Оп. 1. Д. 1-22.

НАРС(Я) Ф. 12-и (Якутское областное управление). Оп. 1. Д. 3127, 3803, 4251, 4523, 5030, 5944, 8003, 8599, 8869, 10494, 10515, 10747, 11751, 11754, 11916, 12525, 12642, 12660, 12668, 12676, 12759, 15896, 16190, 17550, 17985, 18253, 19988, 21337, 21980, 22411; Оп.2. Д.329, 380, 915, 1992, 3005, 3028, 3452, 4443, 4444, 4724, 5639, 5640, 6143, 8383,9509; Оп. 6. Д.196, 767, 1380, 2825.

Ф. 15-и (Якутское окружное полицейское управление). Оп. 1. Д. 1890, 2318, 2603, 2764, 3093, 3346а, 4033, 3822, 5100, 5912, 6117в, 6703, 6810, 7649, 7711, 8261; Оп. 2. Д.25; Оп. 4. Д.363, 379; Оп. 5. Д. 317; Оп. 6. Д. 1144; Оп. 8. Д.204; Оп. 9. Д. 47; Оп. 10. Д. 4079.

Ф. 19-и (Олекминское окружное управление). Оп. 1. Д.2993, 3041.

Ф. 20-и (Олекминское окружное полицейское управление). Оп. 1. Д.646, 660, 667, 1077, 2252.

Ф. 165-и (Якутская городская управа). Оп. 1. Д. 51, 264, 286, 433, 523, 612, 621, 642, 674, 753, 759, 777, 813, 822, 904, 958, 959, 1007, 1035, 1049, 1062, 1088, 1138, 1217, 1376, 1402, 1497, 1529, 1550, 1656, 1658, 1688, 1699, 1833, 1838, 1839, 1918, 1970, 2204, 2208, 2312, 2308, 2399, 2474, 2538, 2570, 2662, 2701, 2740, 2794, 2820, 2936, 2981, 3025, 3107, 3109, 3256, 3282, 3367, 3376, 3379, 3412, 3510, 3583, 3644, 3675, 3754.

Ф. 166-и (Якутская городская дума). Оп. 1. Д. 952, 1525, 1616, 1647, 2068, 2169, 2269; Оп. 2. Д.31, 47.

Ф. 168-и (Якутское городское полицейское управление). Оп. 1. Д. 1217, 1290; Оп. 3. Д.118, 147, 232, 333, 344, 386, 398, 467; Оп. 4. Д.9; Оп. 5. Д.113.

Ф. 288-и (Инспектор народных училищ Якутской области). Оп. 1. Д.287, 301, 474.

Ф. 343-и (Якутский областной статистический комитет). Оп. 1. Д.90, 117, 191, 346.

Ф. 477-и (Якутское мещанское управление). Оп. 1. Д.4, 5, 9, 33, 110, 175, 190.

Романов Н.С. Воспоминания иркутянина, 1871-1933 гг. Рукопись из фондов НБ ИГУ.

Опубликованные источники

Адрес-календарь Забайкальской области. 1903 г. Чита: Заб. Обл. Статистический комитет, 1903.

Адрес-календарь Забайкальской области на 1908 г. Чита: Заб. Обл. Статистический комитет, 1908.

Адрес-календарь г. Иркутска на 1901 г. Иркутск: тип. Газеты «Восточное обозрение», 1901. – 429 с.

Азиатская Россия. Т.1-3. СПб.: изд. переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. Т.1.- 576 с.; Т.2. – 638 с.; Т.3. - CLV.

Архив Государственного Совета. Журналы по делам Департамента Государственной экономии. Т.4. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). – СПб.: типогр. Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1881. – 1872 стб.

Весь Иркутск с отделом Забайкальской области на 1908 год. Иркутск: электротипография С.А. Серебренникова, 1908.

Весь Иркутск с отделом Забайкальской и Якутской областей на 1909 г. Иркутск: типо-литография Макушина и Посохина, 1909.

Восточно-Сибирский календарь на 1885 г. Иркутск, 1884. – 212 с., прилож.

Всепопданнейший отчет Иркутского военного генерал-губернатора за 1896-1898 гг. – Б.м., б.г. – 68 с.

Всепопданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1900-1901 г. Б.м., б.г. – 87 с.

Всепопданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1910-1911 гг. – 41 с.

Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. – СПб.: Госуд. типогр., 1896. - 187 с.

Высочайше утвержденное Положение об Иркутском горном училище и штат сего училища. СПб.: тип. и литография Берман и Г. Рабинович, 1893. – 16 с.

Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению при Сибирском комитете. СПб., 1854. Ч. I. - 359 с. Ч. II. – 723 с.

Гессен И.В. Фридштейн В. Сборник законов о евреях с разъяснениями по определениям Правительствующего Сената и циркулярам министерств. СПб.: издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1904. – 410 с.

Гиляров - Платонов Н.П. Еврейский вопрос в России. На основании статей и писем. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. – 63 с.

Гимпельсон Я.И. Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего Сената и Центральных Правительственных установлений. (Под ред. и с предисловием Л.М. Брамсона). Ч.1 и 2. Пг.: Товарищество «Юриспруденция», 1914-1915. Ч.1.- ХУІ, 440 с.; Ч.2. - 479 с.

Еврейское население России по данным переписи 1897 г. Пг.: «Кадима», 1917. – 76 с.

Забайкалье. Краткий географический и статистический очерк Забайкальской области. – Иркутск: изд. Забайкальского Областного Статистического Комитета, 1891. – 155 с.

Законы о евреях. Сб. извлечений из Свода законов Российской империи действующих о евреях постановлений. / Сост. А.Н. Гусев. Харьков: изд. кн. магазина В. и А. Бирюковых, 1889. – 290 с.

Записка о коробочном и свечном сборах, с евреев взимаемых. Б.м., б.г.—
50 с.

Иркутск и Иркутская губерния с очерком прочих губерний и областей
Сибири. — Иркутск: тип. Сеницына, 1870. — 140 с.

Иркутский календарь на 1901 г. Иркутск: изд. тип. Газ. «Восточное
обозрение», 1901. — 91 с.

Иркутский справочный календарь на 1888 г. Иркутск: типо-литография
газеты «Сибирь», 1888.

Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 г. Иркутск: пар.
тип. И.П. Казанцева, 1911.

Краткие биографии сибирских депутатов. // Сибирские вопросы. 1907.
№6. С.26-30.

Ларионов Д. Естественное движение населения Иркутской губернии в
1877 году. Иркутск: изд. Статистического Комитета, 1879. — 18 с., прилож.

Ларионов Д.Д. Губернский город Иркутск. Иркутск: тип. Н.Н.Сеницына,
1880. — 110 с., IV.

Левин Э. Свод узаконений о евреях с применениями, последовавшими
по 15 октября 1884 г., и разъяснениями из решений Правительствующего
Сената и Министерских циркуляров. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1889. —
XLIX, 642 с.

Левин Э. Б. Сборник ограничительных законов и постановлений о
евреях по 1-е июля 1902 г. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. - X, 511 с.

Лозина-Лозинский М.А. Систематический сборник разъяснений Сената
по делам о жительстве евреев. СПб.: типолитограф. А.Е. Ландау, 1902. -
VIII, 624 с.

Мальковский П.И. Обзор заболеваемости, рождаемости и смертности
населения г. Иркутска за 1912 год. Иркутск: пар. Тип. И.П. Казанцева, 1914
— 191 с.

Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Т.1-2. / Под ред. Г.Я. Красного-Адмони и С.М. Дубнова. Комис. по исслед. истории антиевр. погромов в России при Евр. Ист.-этногр. об-ве. Пг., 1919-1923. Т. 1. – XXXII, 358 с.; Т.2. - XXXII, 442 с.

Нерчинск по однодневной переписи 8 окт. 1889 года. Нерчинск: тип. М.Д. Бутина, 1891. – 60 с.

Обзор Енисейской губернии за 1884 г. Приложение к Всеподданейшему отчету. Красноярск: тип. Губернского правления, 1885.

Обзор Забайкальской области за 1886 г. – Б.м., б.г. 34 с., прилож.

Обзор Забайкальской области за 1890 г. – Б.м., б.г. – 22 с., прилож.

Обзор Забайкальской области за 1893 г. Чита: типография Забайкальского Областного Правления, 1894. – 32 с.

Обзор Забайкальской области за 1893-1894 . Чита, 1895.

Обзор Забайкальской области за 1894. Б.м., б.г. – 42 с., прилож.

Обзор Забайкальской области за 1895 г. Чита: Типография Забайкальского Областного Правления, 1896. – 34 с., прилож.

Обзор Забайкальской области за 1896 г. – Б.м., б.г.

Обзор Забайкальской области за 1898 г. Чита: тип. Забайкальского Областного правления, 1899 г.

Обзор Забайкальской области за 1900 г. Чита: тип. Забайкальского Областного правления, 1901 г.

Обзор Забайкальской области за 1901 г. Чита: тип. Забайкальского Областного правления, 1902 г. – 51 с., прилож.

Обзор Забайкальской области за 1903 г. Чита: тип. Забайкальского Областного правления, 1904 г. – 126 с. , прилож.

Обзор Забайкальской области за 1904 г. Чита: тип. Забайкальского Областного правления, 1905 г.

Обзор Забайкальской области за 1905 г. Чита: тип. Забайкальского Областного правления, б.г. – 105 с., прилож.

Обзор Забайкальской области за 1907 г. Чита: тип. Забайкальского
Областного правления, 1908 г. – 98 с., прилож.

Обзор Забайкальской области за 1910 г. Чита: тип. Забайкальского
Областного правления, 1914 г.

Обзор Иркутской губернии за 1903 г. Иркутск: Губернская. Типография,
1904.

Обзор Иркутской губернии за 1888 год. – Иркутск: Губернская
типограф., 1889. – 42 с., табл.

Обзор Иркутской губернии за 1889 год. – Иркутск: Губернская
типограф., 1890. – 44 с., прилож.

Обзор Иркутской губернии за 1890 год. – Иркутск: Губернская
типограф., 1891. – 20 с.

Обзор Иркутской губернии за 1891 год. – Иркутск: Губернская
типограф., 1892. – 44 с., прилож.

Обзор Иркутской губернии за 1900 год. – Иркутск: Губернская
типограф., 1901. – 50 с., прилож.

Обзор Иркутской губернии за 1901 год. – Иркутск: Губернская
типограф., 1902. – 48 с., прилож.

Обзор Иркутской губернии за 1902 год. – Иркутск: Губернская
типограф., 1902. – 48 с., прилож.

Обзор Иркутской губернии за 1903 год. – Иркутск: Губернская
типограф., 1903. – 45 с., прилож.

Обзор Иркутской губернии за 1904 год. – Иркутск: Губернская
типограф., 1905. – 43 с., прилож.

Обзор Иркутской губернии за 1905 год. Б.м., б.г. – 38 с., прилож.

Обзор Иркутской губернии за 1906 год. – Иркутск: Губернская
типограф., 1909. – 39 с., прилож.

Обзор Иркутской губернии за 1907 год. Б.м., б.г. – 50 с., прилож.

Обзор Иркутской губернии за 1908 год. Б.м., б.г. – 61 с., прилож.

Обзор Иркутской губернии за 1909 год. – Иркутск: Губернская типограф., 19011. – 82 с., прилож.

Обзор Иркутской губернии за 1910 год. – Иркутск: Губернская типограф., 1912. – 95 с., прилож.

Обзор Иркутской губернии за 1912 год. – Иркутск: Губернская типограф., 1914. – 89 с., прилож.

Обзор Иркутской губернии за 1913 год. – Иркутск: Губернская типограф., 1915. – 90 с., прилож.

Обзор Иркутской губернии за 1914 год. – Иркутск: Губернская типограф., 1916. – 51 с., прилож.

Обзор Якутской области за 1881 г. Якутск: изд. Якутского областного статистического комитета, 1881. – 25 с. , табл.

Обзор Якутской области за 1886 г. Якутск: изд. Якутского Областного Статистического комитета, 1887. – 43 с. , табл.

Обзор Якутской области за 1889 г. Якутск: тип. Якутского областного правления, 1890. – 66 с. , табл.

Обзор Якутской области за 1894 г. Б.м., б.г. – 53 с.

Обзор Якутской области за 1895 г. Якутск, 1897.

Обзор Якутской области за 1896 г. Б.м., б.г. – 49 с.

Обзор Якутской области за 1898 г. Якутск: изд. Якутского Областного Статистического комитета, 1899. – 66 с. , табл.

Обзор Якутской области за 1905 г. Якутск: изд. Якутского Областного Статистического комитета, 1906. – 53 с., табл.

Обзор Якутской области за 1905 г. Якутск: изд. Якутского Областного Статистического комитета, 1906. – 53 с., табл.

Обзор Якутской области за 1907 г. Якутск: изд. Якутского Областного Статистического комитета, б.г. – 32 с., табл.

Обзор Якутской области за 1909 г. Якутск: изд. Якутского Областного Статистического комитета, 1910. – 53 с., табл.

Общее обозрение Якутской области. 1892-1902 гг. Якутск: изд. Якутского Областного Статистического комитета, 1902. – 95 с.

Отчет Иркутского еврейского бесплатного училища и ремесленного при нем отделения. 1897-1913 гг. Иркутск: электро-тип. И.А. Белоголового, 1914. - 99 с.

Отчет хозяйственного правления Иркутского Еврейского молитвенного Дома за 1913 год. Иркутск: электро-тип. М.А. Белоголового, 1913. – 48 с.

Отчет Якутского Областного Статистического Комитета за 1887 г. Б.м., б.г. – 37 с.

Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. СПб.: тип. Иосафата Огризко, 1863. - 350 с.

Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 г. СПб.: изд. Енисейского статистического комитета, 1865. – 345 с.

Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 г. Красноярск: изд. Енисейского губернского Статистического Комитета, 1889. – 396 с., прилож.

Памятная книжка Енисейской губернии на 1891 г. Красноярск: изд. Енисейского губернского Статистического Комитета, 1892.

Памятная книжка Енисейской губернии до 1 января 1896 г. Красноярск: изд. Енисейского губернского Статистического Комитета, 1896.

Памятная книжка Енисейской губернии по 1 января 1898 г. Красноярск: изд. Енисейского губернского Статистического Комитета, 1897.

Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем на 1901 г. Красноярск: изд. Енисейского губернского Статистического Комитета, 1901. – УШ, 282 с.

Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 г. Красноярск: изд. Енисейского губернского Статистического Комитета, 1903. – 73 с., 136 с.

Памятная книжка Енисейской губернии на 1905 г. Красноярск: изд. Енисейского губернского Статистического Комитета, 1905. – 281 с.

Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 г. Красноярск: изд. Енисейского губернского Статистического Комитета, 1907.

Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 г. Красноярск: изд. Енисейского губернского Статистического Комитета, 1909.

Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 г. Красноярск: изд. Енисейского губернского Статистического Комитета, 1913.

Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 г. Красноярск: изд. Енисейского губернского Статистического Комитета, 1915.

Памятная книжка Забайкальской области на 1871 г. Иркутск: изд. Заб. Обл. Стат. Комитета, 1871.

Памятная книжка Забайкальской области на 1892 г. Нерчинск: изд. Забайкальского Областного Статистического Комитета, 1892.

Памятная книжка Забайкальской области на 1893 г. Чита: тип. Забайкальского Областного Правления, 1894. – 32 с.

Памятная книжка Забайкальской области на 1895 г. Чита: изд. Забайкальского Областного Статистического Комитета, 1895.

Памятная книжка Забайкальской области на 1897 г. Чита: изд. Забайкальского Областного Статистического Комитета, 1897.

Памятная книжка Забайкальской области на 1898 г. Чита: тип. Торг. дома «П.А. Бадмаев и Ко», 1898.

Памятная книжка Забайкальской области на 1899 год. Чита: тип. Забайкальского Областного Правления, 1899.

Памятная книжка Забайкальской области на 1912 г. Чита: Электро-тип. Забайкальского Областного Правления, 1912. – 96 с.

Памятная книжка Забайкальской области на 1901 год. Чита: изд. Забайкальского Областного Статистического Комитета, 1901.- 184 с.

Памятная книжка Иркутской губернии 1865 г. Иркутск, 1865.

Памятная книжка Иркутской губернии 1877 г. Иркутск: изд. Иркутского губернского Статистического Комитета, 1877.

Памятная книжка Иркутской губернии 1881 г. Иркутск: изд. Иркутского губернского Статистического Комитета, 1881.

Памятная книжка Иркутской губернии 1884 г. Иркутск: изд. Иркутского губернского Статистического Комитета, 1884.

Памятная книжка Иркутской губернии 1887 г. Иркутск: изд. Иркутского губернского Статистического Комитета, 1887.

Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 г. Иркутск: изд. Иркутского губернского Статистического Комитета, 1891. – 100 с., 113 с., табл.

Памятная книжка Иркутской губернии на 1901 г. Иркутск: изд. Иркутского губернского Статистического Комитета, 1900.

Памятная книжка Иркутской губернии на 1902 г. Иркутск: изд. Иркутского губернского Статистического Комитета, 1901.

Памятная книжка Иркутской губернии на 1904 г. Иркутск: изд. Иркутского губернского Статистического Комитета, 1904. – 253 с.

Памятная книжка Иркутской губернии на 1905 г. Иркутск: изд. Иркутского губернского Статистического Комитета, 1905.

Памятная книжка Иркутской губернии 1906 г. Иркутск: изд. Иркутского губернского Статистического Комитета, 1906.

Памятная книжка Иркутской губернии 1908 г. Иркутск: изд. Иркутского губернского Статистического Комитета, 1908.- 166 с.

Памятная книжка Иркутской губернии на 1909 г. Иркутск: изд. Иркутского губернского Статистического Комитета, 1908. – 290 с.

Памятная книжка Якутской области за 1863 г. СПб: изд. Якутского областного статистического комитета, 1864. – 220 с.

Памятная книжка Якутской области 1867 г. СПб: изд. Якутского областного статистического комитета, 1867.

Памятная книжка Якутской области за 1871 г. СПб: изд. Якутского областного статистического комитета, 1877.

Памятная книжка Якутской области на 1891 г. Якутск: изд. Якутского областного статистического комитета, 1891.

Памятная книжка Якутской области на 1896 г. Вып. 1 и 2. Якутск: изд. Якутского областного статистического комитета, 1895-1896.

Памятная книжка Якутской области на 1902 г. Якутск: изд. Якутского областного статистического комитета, 1902. – 95 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб.: изд. Центр. Стат. Комитета МВД, 1904. LXXX. Енисейская губерния. СПб., 1904; LXXIY. Забайкальская область. СПб., 1904; LXXY. Иркутская губерния. Спб., 1904; LXXX. Якутская область. СПб., 1905.

Первая Дума о евреях. Речи депутатов: Извлеч. из стеногр. отчетов. СПб.: Тип. Монтвид, 1908.- 16 с.

Полное собрание законов Российской империи. СПб.: типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830-1838.

Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени. 1649-1873 г. Извлечение из Полных собраний законов Российской империи. /Сост. В.О.Леванда. СПб.: Типография К.В.Трубникова, 1874. – 1158 с.

Сборник действующих законов о евреях (по своду законов по прод. 1906 г.) /Под руков. Г.Б.Слиозберга. СПб.: «Центральная типография М.Я.Минкова, 1909. – 188с.

Сборник материалов об экономическом положении евреев в России. В 2 т. СПб.: изд. ЕКО, 1904. Т. 1. - XLVI, 411 с.; Т.2. – 390 с.

Свод законов Российской империи. В 5 т. / Под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1903.

Сибирский Торгово-промышленный календарь на 1895 г. Томск: типо-литография П.И. Макушина, 1895. – 416 с.

Сибирский Торгово-промышленный календарь 1897 г. Томск: изд. Ф.П. Романова, б.г.

Сибирский Торгово-промышленный календарь на 1899 г. Томск: изд. Ф.П. Романова, 1899. – 830 с.

Сибирский Торгово-промышленный календарь за 1901 г. Томск: изд. Ф.П. Романова, б.г.

Сибирский Торгово-промышленный календарь на 1906 г. Томск: изд. Н-цы Ф.П. Романова, б.г. – 268 с.

Сибирский Торгово-промышленный ежегодник 1914-1915. Б.м., б.г.

Сибирь. Спутник и адресно-справочно-торгово-промышленная книга 1910-1911. М.: изд-во Чураева, 1910. – 384 с.

Систематический сборник действующих законов о евреях, составленный Роговиным Л.М. СПб.: изд. Юридического книжного магазина В.П. Анисимова, 1913. - 487 с.

Сионизм. Исторический очерк его развития. Записка, составленная в Департамент полиции. СПб.: тип. Министерства внутренних дел, 1903. – 149 с.

Смертность в г. Иркутске за 1899 год. – Иркутск, 1900. Иркутск: типо-литография К.И. Витковской, 1900. – 9 с.

Список домов в г. Красноярске. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1911. – 23 с.

Список, составленный Красноярскою Городскою Управою лицам, имеющим на основании ст. 24 Городового положения 11 июля 1892 г. участвовать в городских выборах в г. Красноярске на четырехлетие 1905-1909 г. 20 июня 1905 г.

Список, составленный Красноярскою Городскою Управою лицам, имеющим право на основании ст. 24 Городового положения 1892 г. право участвовать в городских выборах гласных Думы в г. Красноярске на 4-х ление 1914-1917 годов. Сентября 5 дня 1913 года.

Список членов Общественного Клуба Красноярского вольно-пожарного Общества в 1913-1914 гг. Красноярск: тип. Красн. «Т-ва Печатного дела». – 18 с.

Справочник по городу Иркутску и Иркутской губернии на 1915 г. – Иркутск: паров. типограф. И.П. Казанцева, 1915.

Справочник-указатель по г. Чите и Забайкальской области на 1914 г. Чита: Тип. Т-ва Бергут и сын, 1914. – 141 с.

Статистика Российской империи. Волости и населенные места 1893 г. Т. XXVII. Вып. 4. Иркутская губерния. СПб.: изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1894. - 72 с. с табл.

Статистика Российской империи. Волости и населенные места 1893 г. Т. XXVII. Вып. 8. Забайкальская область. СПб.: изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1896. - 66 с. и 47 с. прилож.

Статистика Российской империи. Волости и населенные места 1893 г. Т. XXVII. Вып. 9. Якутская область. СПб.: изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1894. - 30 с. с прилож.

Статистика Российской империи. Волости и населенные места 1893 года. Т. XXIX. Вып. 10-11. Тобольская и Енисейская губернии. СПб.: изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1895. – 256 с. и 39 с. прилож.; 203 с. и 11 с. прилож.

Статистический обзор за 1907 г. Енисейской губернии. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1908. – 98 с., прилож.

Столыпин П.А. Нам нужна новая Россия... // Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете 1906-1911. М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 209-219.

Торгово-промышленный календарь на 1900 г. Б.м., б.г.

Торгово-промышленный календарь на 1903 г. Б.м., б.г.

Торгово-промышленный и справочный календарь на 1910 г. Б.м., б.г. – 1410 с.

Устав о паспортах со всеми изменениями, дополнениями и разъяснениями по решению правительствующего Сената и циркулярам Министерств со включением правил о праве жительства евреев. /Состав. К. Абрамович. СПб.: тип. Министерства Внутренних Дел, 1905. -199 с.

Федоров П.И. Смертность в г. Иркутске за 1900 и 1901 года. Иркутск: типо-литография К.И. Витковской, 1902. – 22 с.

Фриде И.Е. Законы о праве жительства евреев в черте их оседлости и вне оной. СПб.: тип. В. Безобразова, 1909. - 192 с.

Хорошхин М. Забайкалье (очерки). – Б.м., б.г. – 165 с.

Периодические издания

а) газеты

Верхнеудинский листок. Верхнеудинск, 1901-1906.

Восточное обозрение. Иркутск, 1884-1906.

Енисейские губернские ведомости. Красноярск, 1901-1911.

Забайкальская новь. Чита, 1910-1914.

Забайкальские областные ведомости. Чита, 1893-1895, 1907 – 1912.

Иркутские губернские ведомости. Иркутск, 1875- 1897.

Сибирь. Иркутск, 1878-1881.

Якутские областные ведомости. Якутск, 1892- 1917.

Якутский край. Якутск, 1907-1908.

Якутская окраина. Якутск, 1912-1916.

б) журналы

Восход. СПб., 1881-1897.

Еврейская жизнь. СПб., 1904-1906.

Еврейская старина. СПб., 1913-1916.

Воспоминания. Путевые заметки. Дневники.

Бейлин С. Из рассказов о кантонистах. // Еврейская старина. 1909. Т. II. С. 115-120.

Бейлин С. Воспоминания о последних годах рекрутчины. // Еврейская старина. 1914. Вып. III-IV. С. 459-464.

Булычов И. Путешествие по Восточной Сибири. Ч. 1. Якутская область, Охотский край. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1856. – 298 с.

Виноградов А. В дальних краях. Путевые заметки и впечатления. М.: типо-литография Т-ва И.Н. Кушнарев и Ко, 1901. - 322 с.

Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. М. - Таллин: Скиф, Алекс, 1994. Т. 1. - 528 с.; Т. 2. – 576 с. ; Т. 3. – 604 с.

Дубнов С.М. Книга жизни: воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. – 661 с.

Долгоруков В.Д. Путеводитель по всей Сибири и среднеазиатским владениям России. Томск: типо-литография П.И.Макушина, 1898. – 495 с.

Из пережитого Виктора Мандельберга (бывшего члена II Государственной Думы). Давос: “За рубежом”, 1910. – 145 с.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М.: Республика, 1993. – 383 с.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. Кн. 1. 1903-1919 гг. М.: Наука, 1992. – 440 с.

Кропоткин П. Дневники разных лет. М.: «Советская Россия», 1992. – 414 с.

Меер О.М. В годы войны в Иркутской ссылке. // Иркутская ссылка. М.: изд-во политкаторжан, 1934. С. 198-215.

Новомейский М. От Байкала до Мертвого моря. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1979. – 382 с.

Попов И.И. Забытые страницы: записки редактора. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд., 1989. – 334 с.

Шпигель М. Из записок кантониста. // Еврейская старина. 1911. Вып. 2. С.249-259.

Летописи, хроники

Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А. Еврейские общины Томской губернии (1885-1919 гг.). Хроника общественной и культурной жизни. // Евреи в Сибири. Сб. статей. Томск: изд-во Том. ун-та, 2000. С. 56-130.

Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594-1893 года. Б.м., б.г. – 52 с.

Латкин Н.В. Красноярский округ Енисейской губернии. СПб.: типография и литография В.А.Тихонова, 1890. – 74 с.

Орехова Н.А. Еврейская община города Красноярска. Краткая хроника (начало XIX – первая четверть XX вв.) Красноярск, 2001. – 24 с.

Приклонский В.Л. Летопись Якутского края, составленная по официальным и историческим данным. Красноярск: изд. Г.В.Юдина, 1896. – 205 с.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. Иркутск: Вост.- Сиб. кн. изд., 1993. – 544 с.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. Иркутск: Вост.- Сиб. кн. изд., 1994. – 560 с.

Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032-1882 г. Сургут: «Северный дом», 1993. – 462 с.

Якутия: хроника, факты, события. 1632-1917. / Сост. А.А.Калашников. Изд. второе. Якутск.: Бичик, 2002. – 496 с.

Монографии, статьи, брошюры, материалы и тезисы научных конференций

а) на русском языке

Агурский С. Еврейский рабочий в коммунистическом движении (1917-1921). Минск: Госиздат Белоруссии, 1926. – 244с.

Акинъшин А.Н. еврейская община в Воронежской губернии во втор. пол. XIX-XX века. // Исторические записки. 2001. Вып. 7. С. 22-44.

Алексеев А.А. Очерки домашней и общественной жизни евреев. СПб.: изд. книгопродавца И.А.Тузова, 1896. – 238 с.

Аленицын В.Д. Еврейская питейная торговля в России. // Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 9. СПб.: изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1886.

Антропова И. История проживания евреев на Урале с конца XVIII в. по 1917 г. (Обзор документальных материалов из фондов Государственного архива Свердловской области). // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. Под ред. Д.Эльшевича. СПб.: Петербургский ун-т, 1993. С.85- 92.

Анучин Е.Н. исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827-1846 годов. Материалы для уголовной статистики России. СПб.: тип. Майкова, 1873. – 246 с.

Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бур. кн. изд., 1963. – 493 с.

Асалханов И.А. Народонаселение Бурятии в XIX в. // Социально-экономическое развитие Бурятии XVIII- начало XX в. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987. – С.91-114.

Астырев Н. На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири. М.: тип. Д.Ш.Иноземцева, 1891. – 450 с.

А. Х. Из истории «октябрьских дней в Сибири. // Сибирские вопросы. 1910. №40-41.

Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – 573 с.

Бакштановский Н. О юридическом положении сибирских евреев. // Русский еврей. 1883. №25. С.5-7.

Безаров А. Еврейская проблема в России последней четверти XIX века: социально-экономический аспект. // Тирош – Труды по иудаике. Вып. V. М., 2002. С. 217- 233.

Бейлин С.Х. Пословицы и поговорки сибирских евреев. // Сибирский архив. 1912. №4. С.215-223; №5. С.321-336.

Белинский В.Г. Еврейские секты в России. // Избранные философские Сочинения. Т.2. М.: Госполитиздат, 1948.

Белковский Г.А. Русское законодательство о евреях в Сибири. СПб.: «Центральная типо-лит. М.Я.Минкова, 1905. –160с.

Бердников Л.П. Вся Красноярская власть. Очерки истории местного управления и самоуправления 1822-1916. Красноярск: Кр. кн. изд., 1995. – 320 с.

Бердяев Н.А. Судьба еврейства. // Тайна Израиля. СПб.: София, 1993. С.309-325.

Бердяев Н.А. Христианство и антисемитизм. // Там же. С.352-342.

Берсенева Л.Ф. Экономическое развитие Забайкалья в период между двумя революциями (июнь 1907-февраль 1917 гг.). //История экономического развития Забайкалья в конце XIX–начале XX века. Забайкальский краеведческий ежегодник, №6. Чита: Заб. Фил. Географического Общ-ва СССР, 1972. С.29-41.

Бикерман И.М. Черта еврейской оседлости. СПб.: «Разум», 1911.- 152 с.

Бланк Р.М. Роль еврейского населения в экономической жизни России. СПб.: тип. I Санкт-Петербургской Трудовой артели, 1908. – 64 с.

Блиох И.С. Сравнение материального и нравственного состояния населения в черте оседлости евреев и вне ее. Т.III. СПб.: Тип. Высочайше утвержденного товарищества «Общественная польза», 1891. – 323 с.

Боголепов М. Торговля в Сибири. // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. Сб. статей под ред. И.С.Мельника. СПб.: изд. А.Ф. Девриена, 1908. С. 169-200.

Бруцкус Б.Д. Профессиональный состав еврейского населения России. СПб.: тип. «Север» (изд. Еврейского Колонизационного общества), 1908. – 80 с. с прилож.

Бруцкус Б.Д. Статистика еврейского населения. Распределение по территории, демографические и культурные признаки еврейского населения по данным переписи 1897 г. СПб.: тип. «Север», 1909. – 62 с. с прилож.

Булгаков С.Н. Расизм и христианство.// Тайна Израиля. СПб.: София, 1993. С.345-352.

Бухбиндер Н.А. История еврейского рабочего движения в России: По неизданным архивным материалам. Л.: Академическое изд-во, 1925. – 388с.

Васильева Н.Д. Евреи. // Якутия – наш общий дом. Очерки истории народов Якутии. Вып.1. Якутск: Мин-во по делам народов и федеративным отношениям Респ. Саха (Якутия), 2001. С. 91-107.

Ватин В.А. Из истории евреев в Сибири. // Сибирская летопись. 1916. №6-8. С.342-347.

Винокуров М.А. Сибирь в первой четверти XX века: освоение территории, население, промышленность, торговля, финансы. Иркутск: изд-во Иркутской экономической академии, 1996. – 188 с.

Война и еврейская проблема. М.: изд. Московского комитета Сионистской Народной фракции, 1917. – 85 с.

Войтинский Вл., Горнштейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск: типо-литография П.И.Макушина и В.М.Посохина, 1915. – 390 с. , прилож.

Вопросы еврейской жизни. /Собр. статей Моргулиса М.Г. СПб.: 1889. – 594 с.

Гаврилова Н.И. Иркутский купец Я.С.Домбровский (штрихи к биографии). // Сибирский еврейский сборник. №2. Иркутск: Арком, 1996. С.120-126.

Галашова Н.Б. Дореволюционная еврейская школа в Томске (с 90-х годов XIX века до 1917 года). / Сб. статей. Томск: изд.-во Томского ун-та, 2000. С.13-20.

Галашова Н.Б. Еврейская община в г. Томске в конце XIX – начале XX веков как транслятор духовных ценностей. //История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы I научно-практической конференции (4-5 ноября 2000 года). Томск, 2000. С. 50-52.

Галашова Н.Б. “Книги прихода и расхода” как источник по изучению деятельности синагог г. Томска (1899-1907 гг.) //История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы III региональной научно-практической конференции (26-27 августа 2002 года). Красноярск-Улан-Удэ, 2002. С. 56-63.

Ганелин Р.Ш., Кельнер В.Е. Проблемы историографии евреев в России. 2-я половина XIX века – 1-я четверть XX века. // Евреи в России. Историографические очерки. 2-я половина XIX века – XX век. М.-Иерусалим: Еврейский университет в Москве, 1994. С. 183-246.

Ганелин Р. Еврейский вопрос в СССР в представлении современников 1930-1950-е годы. Труды по иудаике. Вып. 5. Евреи в России. История и культура./ Под ред. Д.А. Эльяшевича. СПб, 1998. С.36-43.

Гепштейн С. Экономическая структура еврейского населения России. СПб.: «Восток», 1906. – 39 с.

Гессен В.Ю. К истории Санкт-Петербургской еврейской религиозной общины от первых евреев до XX века. СПб.: изд-во «Тема», 2000. – 216 с.

Гессен Ю. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб.: Типо-Литография А.Г. Розена, 1906. – 465 с.

Гессен Ю.И. Закон и жизнь: как создавались ограничительные законы о жительстве евреев в России. СПб.: тип. А.Г. Розена, 1911. - 187 с.

Гессен Ю. Законодательство о жизни евреев в России. // Русская мысль. Т.У. М., 1911. С.82-96.

Гессен Ю. История еврейского народа в России. (Воспроизводство с изд. 1925-1926 гг.). В 2 т.. М.-Иерусалим: Еврейский университет в Москве, 1993. – 473 с.

Гинцбург Г.О. Статистические данные о численности евреев, занимающихся ремеслами и некоторыми другими производительными занятиями в черте постоянной еврейской оседлости. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1888. – 51 с.

Гоголев А.И. История Якутии (обзор исторических событий до начала XX в.). Якутск: изд-во Якутского университета, 1999. – 201 с.

Гоголев З.В. Якутия на рубеже XIX – XX вв. Новосибирск: Наука, Сиб. Отд. 1970. – 235 с.

Голицын Н.Н. История русского законодательства о евреях. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1886. Т.1. – 806 с.

Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М.: тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1905. – 400 с.

Головачев П.М. Экономическая география Сибири. М.: тип. Т-ва И.Д.Сытина. 1914. – 180 с.

Гончаров А.Н. Развитие российского законодательства о праве жительства и передвижения евреев. Черта еврейской оседлости. // Сибирский еврейский сборник. №1. Иркутск: Арком, 1992. С. 79-89.

Гончаров А.Н. Еврейская ссылка в Сибири в пореформенный период (1861-1881 гг.). //Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Тезисы докладов международной научно-практической конференции 6-8 окт. 1994г. Иркутск, 1994. С. 98-101.

Гончаров Ю. Еврейское купечество Западной Сибири во второй половине XIX - начале XX вв. // Диаспоры. Независимый научный журнал. М., 2000. №3 .С. 155-172.

Гончаров Ю. Еврейская община г. Мариинска в конце XIX – начале XX вв. // Очерки истории еврейских общин Сибири и Дальнего Востока (XIX – начало XX вв.). Сб. статей. Красноярск: изд-во «Кларетианум», 2001. С.53-64.

Гончаров Ю.М. Еврейская семья Сибири в конце XIX- начала XX вв. : демографическое развитие. //История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы II региональной научно-практической конференции (25-27 августа 2002 года). Красноярск - Иркутск, 2001. С. 26-28.

Гончаров Ю. Евреи в социальной системе Сибири второй половины XIX – начала XX вв. //История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы III региональной научно-практической конференции (26-27 августа 2002 года). Красноярск - Улан-Удэ, 2002. С. 33-43.

Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: изд-во Алтайского государственного университета, 2002. – 348 с.

Горбачев М.Ф. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Ленского горного округа. В 3 т. СПб.: тип.- лит. «Якорь», 1905. Т.1 – 343 с. Т.2. – 296 с. Т.3. - 23 с. и табл.

Город у Красного Яра. Документы и материалы по истории Красноярска. ХУП-ХУШ вв. / Сост. Г.Ф.Быконя и Л.П.Шорохов. Красноярск: кн.изд., 1981. – 280 с.

Город у Красного Яра, первая половина XIX в. Документы и материалы.
/ Сост. Г.Ф.Быконя. Красноярск: Кр. кн. изд., 1986. – 314 с.

Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма./ Под ред. О.Н. Вилкова. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. – 300 с.

Градовский Н. Торговые права евреев в России. Б.м., б.г. – 345 с.

Градовский Н.Д. Отношение к евреям в древней и современной Руси. Ч.1. СПб.: типо-литография А.Е. Ландау, 1891. – 505 с.

Григорьев В.Ю. Глава I. Население. [Извлечено из материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний]. Иркутск: тип. К.И.Витковской, 1892. – 20 с.

Гройсман А. Евреи в Якутии. // Илин. 1995. С. 97-100.

Гройсман А. Евреи в Якутии. Ч.1. Община. Якутск: изд-во ЯНЦ СО РАН, 1995. – 100 с.

Гудович. Быт евреев в Сибири. // Вестник русских евреев. 1871. №29-30.

Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX века). Иркутск: изд-во Иркутского университета, 1986. – 165 с.

Данилова Л. Якутская еврейская община. // Илин. 1992. С.18-26.

Дмитриенко Н.М. Евреи-предприниматели в дореволюционном Томске. //История еврейских общин Сибири и дальнего Востока. Материалы I научно-практической конференции (4-5 ноября 2000 года). Томск, 2000. С. 40-44.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1887 год. // Полн. собр. соч. в 30 т. Т.25. Л., 1983. С.74-88.

Достоевский Ф.М. Еврейский вопрос. М.: “Витязь”, 2000. –95 с.

Дубнов С.М. Евреи в царствование Николая II (1894-1914). Пг.: «Кадима», 1922. – 85 с.

Дубнов С.М. Евреи в эпоху антисемитской реакции в России и Западной Европе. Кн. 1. Евреи в России в царствование Александра III (1881-1894). М.- Пг.: изд-во Л. Д. Френкель, 1923. – 127 с.

Дубнов С.М. Краткая история евреев. М.: ТОО «Сварог», 1996. – 446 с.

Дятлов В.И. Диаспора как исследовательская проблема. // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Тезисы докладов международной научно-практической конференции 6-8 окт. 1994 г. Иркутск, 1994. С. 9-15.

Дятлов В.И. Евреи: диаспора и «торговый народ». // Сибирский еврейский сборник. №2. Иркутск: Арком, 1996. С.6-14.

Евреи и русская революция./ Сост. О. Будницкий. М.- Иерусалим: «Гешарим», 1999. – 479 с.

Евреи Крыма: очерки истории. / Сост. Э.И. Соломоник. Симферополь-Иерусалим: «Гешарим», 1997. – 27 с.

Зайденман Л. Правовое положение евреев в России. СПб.: Типо-литография И. Лурье и Ко, 1906. – 58 с.

Зайцев М. В.Н. Коковцов и права еврейского населения России в начале XX века. // Материалы Девятой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч.1. М., 2002. С.90-98.

Законы о евреях и практика их применения. Б.м. б.г. – 55 с.

Зиммель Г. Чужак. // Сибирский еврейский сборник. №2. Иркутск: Арком, 1996. С. 15-19.

Зисерман Д. К вопросу о генезисе сионизма. // Российский сионизм: история и культура. Материалы научной конференции. М., 2002. С. 15-27.

Зомбарт В. Евреи и хозяйственная жизнь. Ч.1 (экономическая). СПб.: «Разум», 1912. – 179 с.

Иванов А. «Еврейский вопрос» и высшее образование в России (конец XIX – нач. XX в.) // Вестник Еврейского университета. 1994. №1. С.35-51.

Иванов Ю.А. Документы о положении евреев в Шуйском уезде Владимирской губернии. // Отечественные архивы. 2001. №6. С.17-23.

Ивонин А.Р. Еврейское население Западной Сибири в демографических процессах 30-начала 60-х гг. XIX в. //История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы III региональной научно-практической конференции (26-27 августа 2002 года). Красноярск-Улан-Удэ, 2002. С. 16-22.

Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии. (Этно-статистическое исследование). Якутск: Якутский научный центр СО РАН, 1994. – 144 с.

Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии (Этно-статистическое исследование). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. – 143 с.

Из истории и мифологии революции. Почему евреи? «Круглый стол». // Отечественная история. 2000. №2. С.89-103.

Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году. // Вопросы истории. 2001. №9. С.85-97.

Иркутск в панораме веков. /Сб. под ред. Л.М.Дамешека. Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд-во, 2003.

Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. // Очерк, отредактированный и изданный иркутским городским головой В.П. Сукачевым. М.: тип.-литография Т -ва И.Н. Кушнарев и Ко, 1891. – 267 с.

Иркутск. Три века (1686-1986): страницы жизни. / Сб. сост. М. Сергеев. Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд-во, 1986.- 556 с.

История Бурятии в вопросах и ответах. Вып.2. Улан-Удэ: Мин-во народного образования Бурятской ССР, Бур. отделение Ассоциации молодых историков, 1991. - 126 с.

История Бурят - Монгольской АССР. Т.1. Улан-Удэ: Бур-монг. кн. изд., 1954. – 496 с.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т.3. Сибирь в эпоху капитализма. / Под ред. А.П.Окладникова и В.П. Шункова. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1968.

История Якутской АССР. 3 Т. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1955-1963. Т.1. – 428 с.; Т. II. –416 с.; т. III. 352 с.

Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX века. М.: Наука, 1992. – 214 с.

Казарян П.Л. Якутия в системе политической ссылки России 1826-1917 гг. Якутск, 1998. - 496 с.

Кальмина Л.В. Евреи в Западном Забайкалье: поиск экономических ниш (вторая половина XIX – начало XX в.) // Диаспоры. Независимый научный журнал. М., 1999. №1. С. 104- 114.

Кальмина Л.В. Еврейская семья Восточной Сибири (середина XIX – начало XX в.): опыт историко-демографической характеристики (по материалам метрических книг еврейских общин). // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул: изд-во НП «Азбука», 2001. С.146-158.

Кальмина Л.В. Еврейское купечество Восточной Сибири (60-е годы XIX века – 1917 г.) Улан-Удэ: издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2002. – 70 с.

Кальмина Л.В. Сионистское движение в Забайкалье до 1917 года. // Сибирь. XX век. Вып. 4. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 73-78.

Кальмина Л.В. Евреи Восточной Сибири: «духовная территория» (середина XIX века – 1917 год). Красноярск: изд-во «Кларетрианум», 2002. – 164 с.

Кальмина Л.В., Курас Л.В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX века- февраль 1917 года). Изд. второе. Улан-Удэ: изд-во БНЦ, 1999. –172 с.

Кальмина Л.В., Курас Л.В. Еврейские общины Западного Забайкалья (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). // Очерки истории еврейских

общин Сибири и Дальнего Востока (XIX – начало XX вв.). Сб. статей. Красноярск: изд-во «Кларетианум», 2001. С. 110-129.

Кандель Ф. Очерки времен и событий. Из истории российских евреев. Ч.1. (до второй половины восемнадцатого века). Иерусалим: ассоциация «Тарбут», 1988. – 195 с.; Ч.II. (1772- 1882 годы). Иерусалим, 1990. – 295 с. Ч.III. (1882-1920 годы). Иерусалим, 1994. – 223 с.

Карсавин Л.П. Россия и евреи.// Тайна Израиля. СПб.: София, 1993. С. 407-431.

Каутский К. Еврейские погромы и еврейский вопрос в России. Пг.: к-во «Антей», 1919. – 14 с.

Кенан Д. Сибирь. СПб.: изд-е М.В. Пирожкова, 1906. – 398 с.

Ким Н.В. Очерки истории Улан-Удэ. Улан-Удэ: Бур. кн изд., 1966. – 114с.

Климов А.Э. Якутск на рубеже веков. Якутск: изд-во Якутского ун-та, 1995. – 98 с.

Книга о русском еврействе (от 1860-х годов до революции 1917 г.). Сб. статей. М. -Иерусалим: РПО «Мосты культуры», «Гешарим», 2002. – 600 с.

Козьмин М. Прошлое и настоящее сибирских сектантов-субботников. //Еврейская старина. 1913. Вып.УІ. С.3-22; 1914. Вып.ІІІ-ІУ. С.459-464; 1915. Вып.ІІІ-ІУ. С.386-395.

Константинова Т.А. Губернаторы Забайкалья 1851-1917 гг. Чита: тип. ЧП Богданова Г.Г. 2001. –91 с.

Красноярск: очерки истории города. / Сост. П.Н.Мешалкин. Красноярск: Кр. кн. изд.-во, 1988. – 371 с.

Красноярский край в истории Отечества: В 3 кн. Красноярск: Кр.кн. изд-во., 1996. Кн. 1 (1890-1917). – 397 с.

Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. – 435 с.

Курас Л.В. Есть ли будущее у российского еврейства? // Сибирский еврейский сборник. №1. Иркутск: Арком, 1992. С. 103-112.

Курас Т.Л. Евреи в составе адвокатуры в округе Иркутской судебной палаты (1897-1917 гг.). //История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы II региональной научно-практической конференции (25-27 августа 2002 года). Красноярск - Иркутск, 2001. С 61-63.

Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М.-Л.: Госуд. изд-во тип. «Красный пролетарий», 1929. – 311 с.

Левин И. Сочинения. В 2 т. М.: Радикс, 1994. Т.1 – 401 с.; Т.2. – 558 с.

Ленин В.И. Положение Бунда в партии. // Полн. собр. соч. Т. 8. С. 65-76.

Ленин В.И. К еврейским рабочим. // Полн. собр. соч. Т.10. С.266-269.

Ленин В.И. Национализация еврейской школы. // Полн. собр. соч. Т.23. С.375-376.

Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. // Полн. собр. соч. Т. 24. С.113-150.

Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года. // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 306-328.

Ленин В.И. О погромной травле евреев. // Полн. собр. соч. Т. 38.С. 242-243.

Лесков Н. Еврей в России.// Искусство кино. 1992. №5. С.12-24.

Лесков Н.С. Непитущая вера. // Родина. 2002. №4-5. С.87-90.

Лозинский С.Г. Социальные корни антисемитизма. М.: Атеист. Гос. тип. им. Е. Соколовой, 1929. – 205 с.

Локшин А. Формирование политики (царская администрация и сионизм в России в конце XIX – начале XX в.) // Вестник Еврейского университета в Москве. М.- Иерусалим, 1992. №1. С.42-56.

Локшин А. История евреев в России конца XVIII- начала XX веков в современной зарубежной историографии. / Труды по иудаике. Вып. 5.

Евреи в России: история и культура. Под ред. Д.А. Эльяшевича. СПб, 1994. С. 15-37.

Локшин А. Иудаика в России. Русско-еврейская история и ее исследователи. // Евреи в Российской империи XVIII – XIX веков. Сборник трудов еврейских историков. М.- Иерусалим: Еврейский университет в Москве, 1995. С. 5-27.

Локшин А.Е. Фантасмагория или гешефт? (Сионистское движение глазами царской администрации). // Родина. 2002. №4-5. С. 95-101.

Локшин А.Е. В поисках *modus vivendy*. Сионистское движение и царское правительство в конце XIX- начале XX веков. // Российский сионизм: история и культура. Материалы научной конференции 22-23 октября 2001 года. М., 2002. С.70-86.

Локшин А.Е. Современная зарубежная историография российского еврейства XVIII-начала XX вв. Взгляд из России. //История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы III региональной научно-практической конференции (26-27 августа 2002 года). Красноярск - Улан-Удэ, 2002. С. 3-9.

Лукин В. К столетию образования петербургской научной школы еврейской истории. //История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. Под ред. Д. Эльяшевича. СПб.: Петербургский еврейский ун-т, 1993. С.13-26.

Макаров И.Г. Виды ссылки и правовое положение ссыльных в дореволюционной России. // Исторические исследования в Республике Саха (Якутия): поиски и проблемы. Якутск: Институт гуманитарных исследований, 1999. С. 48-63.

Максимов С.В. Сибирь и каторга. В 3-х ч. СПб.: тип. А. Траншеля, 1871. Ч. I. Несчастные. – 459 с.; Ч. II. Виноватые и обвиненные. – 353 с.; Ч. III. Политические и государственные преступники. – 388 с.

Максимов С. Евреи как колонизаторы в Сибири. // Сибирь. 1878. №17-18.

Марек П. Очерки по истории просвещения евреев в России (два воспитания). М.: изд. Об-ва распространения правильных сведений о евреях и еврействе, 1909. – 284 с.

Мариупольский А.М. Предприниматели-евреи и становление винокурной промышленности в Томской губернии в 60-е гг. XIX в. //История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы III региональной научно-практической конференции (26-27 августа 2002 года). Красноярск-Улан-Удэ, 2002. С. 29-32.

Маркс К. К еврейскому вопросу. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1. С.382-413.

Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Красноярск.: Кр. кн.изд., 1995. – с.143.

Милютин Д.А. Сборник историко-статистических сведений о Сибири. В 2 т. СПб.: Русская Скоропечатня, 1875. – 76 с.

Миндлин А. «Еврейская политика» Столыпина. М.: Об-во «Еврейское наследие», 1996.

Миндлин А.Б. Проекты Объединенного дворянства России по «еврейскому вопросу». // Вопросы истории. 2002. №4. С.13-26.

Моравский Вал. К положению евреев в Сибири. // Еврейский мир. 1910. №25. С.15-19; № 26. С. 16-19.

Моргулис М.Г. Вопросы еврейской жизни. СПб.: типо-лит. А.Е Ландау, 1889. – 594 с.

Мучник Ю. Религиозная жизнь сибирских евреев в XIX столетии (по материалам Томской губернии). // Диаспоры. Независимый научный журнал. М., 1999. №1. С. 58-76.

Мучник Ю. Из истории еврейской диаспоры в Томске. //Очерки истории еврейских общин Сибири и Дальнего Востока (XIX – начало XX вв.). Сб. статей. Красноярск: изд-во «Кларетианум», 2001. С. 12-52.

Мытарства евреев в Сибири. // Сибирские вопросы. 1911. №22-23. С.63-68.

М-шь М. О евреях в Сибири. // Восход. 1889. № 7-8.

Мыш М.И. Руководство к русским законам о евреях. СПб.: типолитограф. М.П.Фроловой, 1904. – 526 с.

М-ъ. Еврейский вопрос в Сибири. //Сибирские вопросы. 1908. №19-20. С.9-14.

Нахманович В. Прорыв за черту (история принятия закона о праве повсеместного жительство евреев – купцов I гильдии). // Вестник Еврейского университета в Москве. 1997. №1. С.16-40.

Н.Д. Еврей-земледельцы в Сибири. // Восточное обозрение. 1887. №39.

Нейман И. Как прикрепили сибирских евреев к местам их приписки (1885-1893). // Еврейская старина. 1915. Вып. III-IV. С.381-385.

Никитин В.Н. Еврей-земледельцы. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение колоний со времени их возникновения до наших дней. 1807-1887. СПб.: тип. Газет «Новости», 1887. – 692 с.

Нифантьев Е.С. Город на Енисее. Красноярск: Кр. кн. изд., 1973. – 205 с.

О правах ремесленников евреев. СПб., 1893. – 74 с.

Орехова Н.А. Первые документальные свидетельства о появлении евреев в Красноярске. //История еврейских общин Сибири и дальнего Востока. Материалы I научно-практической конференции (4-5 ноября 2000 года). Томск, 2000. С. 5-7.

Орехова Н.А. Еврейский погром в Красноярске в 1916 году. //История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы II региональной

научно-практической конференции (25-27 августа 2002 года). Красноярск - Иркутск, 2001. С. 51-60.

Орехова Н.А. Из истории религиозной жизни еврейской общины Енисейской губернии. //История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы III региональной научно-практической конференции (26-27 августа 2002 года). Красноярск - Улан-Удэ, 2002. С. 49-55.

Оршанский И.Г. Евреи в России. Очерки и исследования. Вып. 1. СПб.: типография М. Хана, 1872. – 235 с.

Оршанский И.Г. Русское законодательство о евреях. Очерки и исследования. СПб.: тип. лит. А.Е. Ландау, 1877. – 456 с.

Оршанский И.Г. Евреи в России. Очерки экономического и общественного быта русских евреев. СПб., 1877. – 439 с.

«Осибирячившийся». Евреи как колонизаторы в Сибири. // Сибирь. 1878. №17-18.

Островский Ю. Сибирские евреи. СПб.: Типография И. Лурье и Ко, 1911. – 62 с.

Пайкин С. Евкомбед Грузии. Тифлис, 1933.

Патронова А.Г. Особенности развития золотопромышленности в Забайкалье в конце XIX века. //История экономического развития Забайкалья в конце XIX–начале XX века. Забайкальский краеведческий ежегодник, №6. Чита: Забайкальского филиала Географического Общества СССР, 1972. С.57-75.

Песковский М.Л. Роковое недоразумение. Еврейский вопрос, его мировая история и естественный путь к разрешению. В 2-х частях. СПб.: типография И. Н. Скороходова, 1891. – 392 с.

Петров П. Города Якутии 1861-1917 гг. Социально-экономический очерк истории. Якутск: кн.изд., 1990. – 124 с.

Пинигина Ю. Опыт взаимодействия с местной властью еврейской общины дореволюционного Иркутска. //Очерки истории еврейских общин

Сибири и Дальнего Востока (XIX – начало XX вв.). Сб. статей. Красноярск: изд-во «Кларетианум», 2001. С. 96-109.

Пинигина Ю. Н. Правоохранительные структуры как инструмент реализации национальной политики (полиция и еврейская община в дореволюционном Иркутске). //История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы II региональной научно-практической конференции (25-27 августа 2002 года). Красноярск - Иркутск, 2001. С. 29-31.

Плисецкий М.С. Религия и быт грузинских евреев. М.-Л.: Огиз-Моск. Рабочий, 1931.- 178 с.

Познер С.В. Евреи в общей школе. СПб.: «Разум», 1914. 213 с., [136 с.]

Полищук М. Евреи Одессы и Новороссии. Социально-политическая история евреев Одессы и других городов Новороссии 1881-1904. М. – Иерусалим, Мосты культуры-Гешарим, 2002. – 444 с.

Потанин Г.Н. Города Сибири. //Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. Сб. статей под ред. И.С.Мельника. СПб.: изд. А.Ф. Девриена, 1908. С. 234-259.

Прокушев В.И. Канск. Красноярск: Кр. кн. изд., 1986. – 207 с.

Рабинович В.Ю. Еврейская диаспора в традиционном обществе. // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Тезисы докладов международной научно-практической конференции 6-8 окт. 1994 г. Иркутск, 1994. С. 92-95.

Рабинович В.Ю. Горячие дни: октябрь 1905 г. в Иркутске. // Сибирский еврейский сборник. №2. Иркутск: Арком, 1996. С.60-69.

Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска: наброски к портрету. // Диаспоры. Независимый научный журнал. М., 1999. №1. С.77- 103.

Рабинович В. История еврейской общины дореволюционного Иркутска. //Очерки истории еврейских общин Сибири и Дальнего Востока (XIX –

начало XX вв.). Сб. статей. Красноярск: изд-во «Кларетианум», 2001. С. 65-109.

Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск: изд-во «Кларетианум», 2002. – 240 с.

Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск: изд. Томского университета, 1975. – 218 с.

Рабинович Г.Х., Солопий Л.А. Об экономическом развитии Забайкальской области в пореформенный период. //Забайкальский краеведческий ежегодник, 1969. Чита: изд-во Забайкальского филиала Географического общества СССР. №3. С.69-83.

Рабинович Г.Х., Солопий Л.А. Крупная буржуазия Забайкалья в конце 19-начале 20 веков. // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск: изд-во ТГУ, 1976. С.137-170.

Раднаев Б.Э. Формирование рабочего класса в золотодобывающей промышленности Забайкалья XIX – начала XX в. // Социально-экономическое развитие Бурятии XVIII – начало XX в. Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1987. С. 57-70.

Раскин Д. «Еврейский вопрос» в документах высших государственных учреждений Российской империи XIX – начала XX в. // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. Под ред. Д.Эльяшевича. СПб.: Петербургский еврейский ун-т, 1993. С.60-77.

Рафес М.Г. Очерки истории еврейского рабочего движения. М.-Л.: Госиздат, 1929. – 254 с.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: кн. изд-во, 1989. – 304 с.

Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления. //Отечественная история. 1994. №2. С.60-73.

Розанов В.В. Юдаизм. // Тайна Израиля. СПб.: София, 1993. С.105-227.

Розенберг Л. Еврейское население Поволжья в середине XIX - начале XX века. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. №3. С. 39-48.

Романова В. Российские евреи в Харбине. // Диаспоры. Независимый научный журнал. М., 1999. №1. С. 115-142.

Романова В. Дальневосточные евреи в Российской империи. //Очерки истории еврейских общин Сибири и Дальнего Востока (XIX – начало XX вв.). Сб. статей. Красноярск: изд-во «Кларетианум», 2001. С. 163-198.

Романова В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX в. – 20-е годы XX в.). Красноярск: изд-во «Кларетианум», 2001. – 292 с.

Романова В.В. Евреи на Дальнем Востоке России (II пол. XIX в. – I четв. XX в.). Хабаровск: изд-во ХГПУ, 2002. – 256 с.

Романова Н. Культурно-просветительные общества Петербурга и власть конца XVIII-XX вв. (К истории взаимоотношений). /Труды по иудаике. Вып. 5. Евреи в России. История и культура под ред. Д.А. Эльяшевича. СПб., 1998.

Сагитова И. Еврейская диаспора Приморского края (втор. пол. XIX – начало XX века). // Еврейская диаспора Дальнего Востока России XIX – XXI век. Сб. статей. Владивосток: Еврейский религиозно-культурно-общинный центр, 2000. С.13 -34.

Сафронов Ф.Г. Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск: КИФ «Ситим», 1993. – 55 с.

Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах: В 2-х т. СПб.: изд. И.М.Сибирякова, 1898. Т.1. От начала золотопромышленности в Сибири до 1870 г. – 578 с.; Т.2. Положение рабочих после 1870 г.–УІ, 915 .

Слиозберг Г.Б. Законы о евреях и практика их применения. СПб.: Электротпечатня Я.Левенштейна, 1907. - 56 с.

Слиозберг Г.Б. Правовое и экономическое положение евреев в России. СПб.: Электротпечатня Я. Левенштейн, 1907. - 28с.

Слиозберг Г.Б. Записка по вопросу о правах евреев на проезд и постоянное пребывание в Сибири (Ст. 12 и 23 Устава о паспортах, изд. в 1890 г.) СПб: Тип. А.Е. Буя, 1896. – 12 с.

Смирнов В.А. Исторический очерк Приенисейского края. Ч.2. Учреждение Енисейской губернии, население и колонизация в 19 веке, хозяйственная эволюция Приенисейского края в 19 веке. Красноярск : изд. Бюро краеведения при Красноярском отделе Русского географического общества, 1928. – 48 с.

Смирнов В.А. Триста лет жизни города Красноярска. // Очерки по истории Красноярского края. Красноярск: ГУПП «Сибирь». С.109-130. [Воспроизведено по В.Смирнов. Триста лет г. Красноярска (1628-1928). Красноярск: Горсовет, 1928.]

Соболев М. Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири. //Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. Сб. статей под ред. И.С. Мельника. СПб.: изд. А.Ф. Девриена, 1908. С. 141-168.

Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795-1995): В 2 т. М.: Русский путь, 2001. Т. 1. – 509 с. Т.2. – 521 с.

Соловьев Вл. Еврейство и христианский вопрос. // Тайна Израиля. СПб.: София, 1993. С. 31-80.

Соловьев Вл. Протест против антисемитического движения в печати. // Тайна Израиля. СПб.: София, 1993. С.94-103.

Соломон Е.Ш. Сионисты и общины: движение к I съезду еврейских общин Сибири и Урала (январь 1919 г.). // Восток и Россия: взгляд из Сибири. материалы и тезисы докладов к научно-практической конференции. Иркутск: ИГУ, 1996. С. 354-358.

Соломон Е.Ш. К истории сионистской организации г. Иркутска.// Сибирский еврейский сборник. №2. Иркутск: Арком, 1996. С. 70-89.

Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос.// Соч. Т.2.. С.290-367.

Сталин И.В. Об антисемитизме. Соч. Т.13. С.28.

Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск: Горница, 1997. - 223 с.

Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.) М.: изд-во ВЗПИ АО «Росвузнаука», 1992. – 329 с.

Степневска-Хольцер Б. Повседневная жизнь евреев Беларуси в 19 веке. // Материалы Девятой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч.1. М., 2002. С.30-40.

С-чь Я. Хищники на промыслах Олекминско-Витимской системы. // Сибирские вопросы. 1912. №19. С.17-40; №20. С.5- 39.

Тихонов Т.И. Сибирские евреи, их права и нужды. // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С.278-309.

Тихонов Т.И. Еврейский вопрос в России и Сибири. СПб.: тип. Альтшулера, 1906. – 98 с.

Толстой И.И., Гессен Ю. Факты и мысли. Еврейский вопрос в России. СПб.: тип. Т- ва «Общественная польза», 1907. – 220 с.

Туман-Никифорова И.О. Национальный состав купеческого населения Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX вв.) // Духовно-исторические чтения. Материалы межвузовской научно-практической конференции 26 апр. 2002 г. Вып. VII. Красноярск, 2002. С.430-433.

Усов М.Л. Евреи в армии. СПб.: «Разум», 1911. – 179 с.

Усольцев А.В. Имперская политика в отношении евреев на Алтае в XIX в. //История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы II

региональной научно-практической конференции (25-27 августа 2002 года). Красноярск - Иркутск, 2001. С. 6-9.

Ф.В. Евреи в Сибири. // Восход. 1887. №9.

Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1900-1919). Книга первая. М.: Academia, 2002. – 328 с.

Федорова Е.Н. Якутск (Историко-демографический очерк). Якутск: Як. кн. изд., 1988. – 76 с.

Федотов Г.П. Новое на старую тему (к современной постановке еврейского вопроса). // Тайна Израиля. СПб.: София, 1993. С. 448 - 458.

Фоменко Ю.Н. Социально-профессиональная структура еврейской общины Иркутска по материалам Иркутского полицейского управления (кон. XIX - начало XX вв.). // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Тезисы докладов международной научно-практической конференции 6-8 окт. 1994 г. Иркутск, 1994. С. 103-106.

Фризер Я.Д. Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды. М.: типо-литография Т-ва И.Н.Кушнарев и Ко, 1901. – 151 с.

Хасин В. Интеграция евреев в социальное пространство внутренних губерний Российской империи. // Материалы Девятой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч.1. М., 2002. С.57-71.

Хвольсон Д.А. О некоторых средневековых обвинениях против евреев. СПб.: тип. Цедербаума и Гольденблюма, 1880. – 386 с.

Хитерер В. Документы по еврейской истории XVI-XX веков в Киевских архивах. М. - Киев: Мосты культуры, Институт иудаики, 2001. – 223 с.

Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832-1917). Иркутск: изд-во Иркутского университета, 1990. – 312 с.

Цам Г.Я. История возникновения в Томске военно-молитвенной солдатской школы, а в 1907 г. перестроенной и названной «солдатской

синагогой». Томск: типолитограф. Сибирского товарищества печатного дела, 1909. - 21 с.

Царев В.И. Канск. Красноярск: Витал, 1996. – 239 с.

Цинберг С.Л. История еврейской печати в России в связи с общественными течениями. Пг.: тип. И.Флейтмана, 1915. – 264 с.

Ципперштейн С. Евреи Одессы. История культуры. 1794-1881. М. - Иерусалим: «Гешарим», 1995. – 206 с.

Чехов М.П. Законы о евреях. Справочная книжка для евреев и для учреждений, ведающих делами о евреях. Ярославль: Авт, 1899. - 109 с.

Чудновский С. Енисейская губерния. К трехсотлетнему юбилею Сибири. (Статистико-публицистические этюды). Томск: тип. «Сибирской газеты», 1885. – 195 с.

Шевич В. О евреях в Сибири. // Сибирь. 1878. №28.

Шкурко Э.А. Очерки истории евреев Башкортостана. Уфа, 1999. – 284 с.

Шмаков А.С. Свобода и евреи. М.: Московская городская типография, 1906. – DCLXVIII, 104 с.

Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья XVIII – серед. XIX в. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1985. – 285 с.

Шнейдер А.Р. Население Приенисейского края. Красноярск: изд. Бюро краеведения при Средне-Сибирском отделении Русского Географического общества, 1928. – 22 с.

Шостакович Б.С. Представители местной администрации и политические ссыльные в Восточной Сибири последней трети XIX века (по мемуарным источникам). // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века. Сб. научных трудов. Иркутск: Ирк. Ун-т, 1988. С.35-42.

Шульгин В.В. Что нам в них не нравится...М.: «Русская книга», 1994. 448 с.

Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907-1917 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири. (XIX в.- февр. 1917 г.) Вып. 1. Иркутск: изд-во ИГУ, 1973. С.199-242.

Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири. Иркутск: изд-во Иркутского университета, 1984. – 244 с.

Эльяшевич Д. Источниковедение истории евреев в России. (К постановке вопроса). // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. СПб.: Петербургский еврейский ун-т, 1993. С. 27-53.

Эльяшевич Д.А. Правительственная политика и еврейская печать в России. 1797-1917. Очерки истории цензуры. СПб.- Иерусалим: Мосты культуры - Гешарим, 1999. – 792 с.

Энгель В. Либеральные тенденции в «еврейской политике» самодержавия конца XIX – начала XX века. // Вестник еврейского университета в Москве. 1994. №3. С.49-63.

Энгельс Ф. Какое дело рабочему классу до Польши? // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 156-166.

Энгельс Ф. Об антисемитизме. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.22. С.53-55.

Якобсон А.Я. Русско-еврейские параллели (историко – культурологический анализ). //Сибирский еврейский сборник. №2. Иркутск: Арком, 1996. С. 20-34.

Яков Осипович Лейбович. // Сибирский архив. 1913. №3. С.205-206.

Яков Савельевич Домбровский. // Сибирский архив. 1911. №2. С.123-124.

б) литература на других языках

Aronson M. Troubled Waters: The Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia. Pittsburg, 1990.

Baron S.W. The Russian Jew under Tsars and Soviets. New York: Schocken Books, 1987. –XYII, 468 p.

Eckman L. Soviet Policy Towards Jews and Israel, 1917-1974. New York, 1974. –431 p.

Haberer Erich. Jews and revolution in nineteenth- century Russia. Cambridge University Press, 1995. - 346 p.

Jews and Jewish Life in Russia and Soviet Union. Frank Cass Publishers, 1995. - 432 p.

Kalmina L., Kuras L. A History of Exiles: The Jews of Buryatia. //East European Jewish Affairs. Vol. 31. London, 2001. №1. P. 49-60/

Klier John Doyle. Imperial Russia's Jewish Question 1855-1881. Cambridge University Press. – 534 p.

Korey W. The Soviet Cage: Anti-Semitism in Russia. New York, 1973.

Nathans B. Jews, Law and the Legal Professions in Late Imperial Russia. // Евреи в России. История и культура. Труды по иудаике. Вып.5: Под ред. Д.А. Эльяшевича. СПб., 1998. С. 101-127.

Pinkus B. The Jews of the Soviet Union. Cambridge University Press, 1988. XYIII, 397 p.

Pipes R. Catherine II and the Jews: the Origins of the Pale of Settlement.// Soviet Jewish Affairs. Vol. 5. N 2. 1975. P. 3-20.

Rogger H. The Jewish Policy of Late Tsarizm: A Reappraisal // Wiener Library Bulletin. 25 (1971). P. 42-51.

Stanislawski Michael. Tsar Nicholas I and the Jews. The Transformation of Jewish Society in Russia. 1825-1855. The Jewish Publication Society of America. Philadelphia, 1983. – 246 p.

Zaslavsky V, Brym R. Soviet Jewish Emigration and Soviet National Policy. London, Basingstoke: Macmillan, 1983. - 185 p.

Справочная литература

а) энциклопедии, словари, справочники

Архивная иудаика России, Украины и Белоруссии. Материалы для указателя литературы. СПб.: изд-во Петербургского института иудаики, 2001. – 104 с.

Города Сибири. /Под ред. Г. М. Лапно. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. - 559 с.

Документальные материалы по истории евреев в архивах СНГ и стран Балтии. / Сост. Д. А. Эльяшевич. СПб.: Акрополь, 1994.

Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. В 16 т. Репринт. воспроизведение изд. О-ва для научн. евр. изд. и изд-ва Брокгауз-Ефрон. М.: изд. центр «Терра», 1991.

Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск: КОО «Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. – 725 с.

Краткая еврейская энциклопедия. 7 т. Иерусалим: О-во по исследованию еврейских общин, Еврейский университет в Иерусалиме, 1994- 1996.

Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции в Сибири. В 4 т. / Под. ред. А.С.Зуева, Д.Я.Резуна. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1994 - 1996.

Российская еврейская энциклопедия. 4 т. М.: Эпос, 1994-2001.

Сибирская советская энциклопедия. В 4 т. Новосибирск: Сибирское краевое издательство, 1929-1932.

б) библиографические указатели

Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке. Библиографический указатель отечественной литературы./ Сост. Л.В.Кальмина, Л.В.Курас. Красноярск: изд-во «Кларетианум», 2001. – 60 с.

Евреи и еврейский вопрос в литературе советского периода. Хронологически-тематический указатель литературы, изданной за 1917-

1991 гг. на русском языке. /Сост. Н.И.Рутберг, И.Н. Ридевич. М.: «Грантъ», 2000. – 596 с.

Литература о евреях на русском языке 1890-1947. Библиографический указатель. /Сост. В.Е. Кельнер, Д.А. Эльяшевич. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1995. - 689 с.

Межов В. И. Сибирская библиография. Указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания. В 3 т. СПб.: тип. И.Н.Скороходова, 1891-1892. Т.1 – 486 с.; Т.2. История. Биографии. - 470 с. Т.3. - 303 с.

Романов Н. Периодическая печать г. Иркутска. Список изданий периодической печати Иркутска с 1857 г.// Сибирская летопись. 1916. С.9-10.

Систематический указатель литературы о евреях на русском языке со времени введения гражданского шрифта (1708 г. до декабря 1889 г.) СПб.: типо-литография А.Е.Ландау, 1893.- 568 с.

Авторефераты

Никифорова И.О. Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX вв.) Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Красноярск, 2000. -27 с.

Рабинович В.Ю. Евреи дореволюционного Иркутска как предпринимательское меньшинство. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Иркутск, 1998. - 24 с.

Романова В.В. Государственная политика в отношении еврейского населения Дальнего Востока России в 60-е гг. XIX –20-е гг. XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2001. - 44 с.

Савиных М.Н. Законодательная политика самодержавия в отношении евреев во второй половине XIX – начале XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 1999. - 28 с.

Хазанов О.В. Феномен религиозного историзма: некоторые подходы к пониманию еврейской и индийской традиций. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 2002. – 26 с.

Соответствие места жительства месту причисления

Енисейская губерния

Таблица №1.1

Название городов и уездов	Общее число евреев	Состоят на причислении							Состоящих на причислении вне мест их жительства	Процент таких евреев к их общему числу
		в месте жительства	в своей волости	в своем округе	в данной губернии	в Иркутском генерал-губернаторстве за исключением Енисейской губернии	в Азиатской России за исключением Иркутского генерал-губернаторства	в Европейской России		
Города:										
Красноярск	161 ¹ (208) ²	4	-	119	119	-	-	-	157	97,5
Енисейск	256 (594) ²	-	-	85	85	64	-	24	256	-
Канск	139 (314) ²	72	-	53	53	1	-	13	67	48,2
Ачинск	186 (308) ²	110	-	12	12	29	-	20	76	40,9
Минусинск	11 (-) ²	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Туруханск	2 (1) ²	2	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого:	755 (1425)	188	-	269	140	94	-	64	567	75,1
Уезды:										
Красноярский	464 (1396) ^{2,3}	240	53	123	23	17	3	5	224	61
Енисейский	147 (176) ³	-	5	-	105	24	-	13	147	-
Канский	826 (741) ³	213	308	196	40	41	-	28	613	-
Ачинский	593 (653) ³	315	66	134	34	-	34	10	278	-
Минусинский	179 (139) ³	94	6	7	61	-	-	11	85	-
Итого:	2209 (3105)	862	438	460	263	82	37	67	1347	-
Ачинско-Минусинский горный округ	19	-	-	-	8	-	11	-	19	-
Северно-Енисейская система	11	-	-	6	4	-	-	1	11	-
Южно-Енисейская система	51	-	-	23	20	2	4	2	51	-
Итого:	81	-	-	29	32	2	15	3	81	-
Всего в округах:	2290(3105)	862	438	489	295	84	52	70	1428	-
Всего в губернии:	3045(4530)	1050	438	758	435	178	52	134	1995	65,5

Примечание:

1. Цифры графы "Красноярск", за исключением заимствованных из Памятной книжки, относятся лишь к ссыльным евреям, т.к. сведения о прочих евреях, проживающих в этом городе, ещё не получены.
2. В скобках показано число всех жителей иудейского вероисповедания по данным Памятной книжки.
3. Огромная разница цифр по данным Канцелярии и Памятной книжки может быть объяснена: а) значительной разновременностью сбора сведений (Памятная книжка издана в 1889г., Канцелярия же пользовалась данными, полученными в сентябре 1892 г.); а) значительной разновременностью сбора сведений (Памятная книжка издана в 1889г., Канцелярия же пользовалась данными, полученными в сентябре 1892 г.); б) характером собранных Канцелярией данных, учитывающих лишь наличное еврейское население, а не приписанное вообще; в) принятыми за последние 2 года мерами к ограничению жительства евреев вне мест их причисления.

Название городов и уездов	Общее число евреев	Состоит на причислении							Состоящих на причислении вне мест их жительства	% таких евреев к их общему числу	% проживающих вне мест причисления с разрешения начальства	% проживающих вне мест причисления самовольно	% не имеющих права проживания в Сибири
		в месте жительства	в своей волости	в своём округе	в данной губернии	в Иркутском генерал-губернаторстве за исключением Иркутской губернии	в Азиатской России за исключением Иркутского генерал-губернаторства	в Европейской России					
Города:													
Иркутск	1320	742	-	88	194	79	117	100	578	43,8	78,2	20,6	1,2
Нижнеудинск	57	28	-	-	7	21	-	1	29	50,9	-	-	-
Киренск	69	25	-	32	11	-	-	1	44	63,8	-	-	-
Верхоленск	8	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Балаганск	43	20	-	5	9	-	-	9	23	53,5	-	-	-
Илимск	8	-	-	4	4	-	-	-	8	-	-	-	-
Итого:	1505	823	-	129	225	100	117	111	682	45,3	-	-	-
Уезды:													
Иркутский	442	312	5	62	31	7	16	9	130	29,4	55,9	41,2	2,9
Нижнеудинский	380	40	1	118	104	59	29	29	340	89,5	-	-	-
Киренский	413	191	18	134	49	19	-	2	222	53,8	16,6	75	8,4
Верхоленский	484	74	161	114	96	39	-	-	410	84,9	35,2	55,7	9,1
Балаганский	841	237	26	266	220	55	7	30	604	71,8	12,4	86,7	0,9
Итого:	2560	854	211	694	500	179	52	70	1706	66,6	-	-	-
Всего в губернии:	4065	1677	211	823	725	279	169	181	2388	58,7	44,9	49,9	5,2

Названия городов и уездов	Общее число евреев	Состоят на причислении							Состоящих на причислении вне мест их жительства	Процент таких евреев к их общему числу
		в месте жительства	в своей волости	в своём округе	в данной губернии	в Иркутском генерал-губернаторстве за исключением Якутской области	в Азиатской России за исключением Иркутского генерал-губернаторства	в Европейской России		
Города:										
Якутск	233 (321)	204	-	14	-	7	-	8	29	12,4
Олекминск	25 (13)	-	-	19	6	-	-	-	25	-
Вилуйск	3 (3)	2	-	-	1	-	-	-	1	-
Верхоянск	(6)	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Средне-Колымск	(21)	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого:	261 (364)	206	-	33	7	7	-	8	55	21,8
Уезды:										
Якутский	(154)	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Олекминский	11 (17)	-	-	8	-	3	-	-	11	-
Вилуйский	1 (20)	-	-	-	-	1	-	-	1	-
Верхоянский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Колымский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого:	12 (191)	-	-	8	-	4	-	-	12	-
Всего в области:	273 (555)	206	-	41	7	11	-	8	69	25,3

Для составления таблиц использованы материалы ГАИО. Ф.25. Оп.9. К.917. Д.26. Л.81-82, 85-86, 88-89, 320, 322, 365.

**Сведения о числе ссыльных евреев,
прибывших в Иркутскую губернию за 1895 - 1897 гг.**

Таблица №2.1

	1895 г.					1896 г.					1897 г.				
	М	Ж	Мал.	Дев.	Итого	М	Ж	Мал.	Дев.	Итого	М	Ж	Мал.	Дев.	Итого
Ссыльнокаторжные	48	-	-	-	48	56	-	-	-	56	32	-	-	-	32
Ссыльнопоселенцы	78	7	-	-	85	26	2	-	-	28	55	-	-	-	55
Сосланные:															
1. На жизнь	3	-	-	-	3	2	-	-	-	2	1	-	-	-	1
2. В административном порядке															
А) за дурное поведение	-	-	-	-	-	4	-	-	-	4	3	-	-	-	3
Б) за неприятием обществом	9	-	-	-	9	7	-	-	-	7	12	1	-	-	13
Добровольно следующие	-	35	14	48	97	-	22	25	27	74	-	21	17	17	55
Итого:	143	42	14	48	247	100	25	25	27	177	110	23	17	17	167

Число ссыльных евреев, находящихся в Иркутской губернии к 1 января 1898г.

Таблица №2.2

	М	Ж	Мал.	Дев.	Итого
Уволенных от каторжных работ	884	10	-	-	894
Ссыльнопоселенцев	1139	57	-	-	1196
Сосланных на жизнь	47	1	-	-	48
Сосланных в административном порядке					
за дурное поведение	19	-	-	-	19
за неприятием обществом после суда	112	3	-	-	115
Бродяг	350	12	-	-	362
Добровольно прибывших за ссыльными	21	882	871	1037	2811
Всего	2572	965	871	1037	5445
За последние 3 года	353	90	56	92	591
За вычетом	2219	875	815	945	4854

Сведения о евреях, сосланных в Енисейскую губернию за 1895-1897гг.

Таблица №2.3

	Ссылных	Добровольно прибывших за ссылными		
		Жен.	Мал.	Дев.
Каторжных	-			
Сосланных на поселение				
1895	47	13	14	19
1896	37	7	4	6
1897	55	14	9	22
Сосланных на житье (по суду)	-	-	-	-
Сосланных в административном порядке (по общественным приговорам за дурное поведение и неприятие обществом после суда и наказания)	6	-	-	-
1895				
1896	1	-	-	-
1897	1	-	-	-

Число ссылных евреев, состоящих на причислении по Енисейской губернии
к 1 января 1898 г.

Таблица №2.4

	Мужчин	Женщин	Мальчиков	Девочек	Итого
Уволенных от каторжных работ	-	-	-	-	-
Ссылнопоселенцев	706	17			723
Сосланных на житье	23	1			24
Сосланных в административном порядке					
а) за дурное поведение	10	-	-	-	10
б) за неприятием обществом после суда	43	1	-	-	44
Бродяг	22	1			23
Добровольно прибывших за ссылными	23	359	329	347	1058
Всего	827	379	329	347	1882

Сведения о евреях, сосланных в Якутскую область за 1895 - 1897гг.

Таблица №2.5

	Сосланные на жительство		Сосланные на поселение		Сосланные административн. Порядком		Последовавшие за ними		
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	Жены	Мальчики	Девочки
1895	-	-	9	-	3	-	1	1	-
1896	4	-	4	-	6	1	1	-	-
1897	2	-	16	-	1	-	-	-	-
За 3 года	6	-	29	-	10	1	2	1	-

Число ссыльных евреев, находящихся в Якутской области к 1 января 1898г

Таблица №2.6

	Мужчин	Женщин	Добровольно последовавшие за ними			
			Жены	Мальчики	Девочки	Итого
Уволенные от каторжных работ	5	1	2	7	3	18
Ссыльнопоселенцы	68	4	13	22	4	111
Сосланные на жительство	9	-	11	20	7	47
Сосланные за дурное поведение	47	2	14	27	12	102
За неприятием обществом	101	12	45	106	35	299
Всего	268	23	85	182	61	619

Всего ссыльных в Иркутском генерал - губернаторстве

Таблица №2.7

	Мужчин	Женщин	Мальчиков	Девочек	Итого
Уволенных от каторжных работ	889	11	-	-	900
Ссыльнопоселенцев	1913	78	-	-	1991
Сосланных на житье	79	2	-	-	81
Административных ссыльных за дурное поведение	76	2	-	-	78
За неприятием обществом	256	16	-	-	272
Бродяг	410	17	-	-	427
Добровольно прибывших	44	1326	1382	1445	4197
Всего	3667	1452	1382	1445	7946

Сведения о числе евреев, сосланных в Приамурский край за 1895-1897 гг.

Таблица №2.8

Забайкалье	Каторжные работы	на поселение	на житье	административным порядком	с ними жён	мальчиков	девочек	Всего евреев к 1 января 1898 г.	
								Мужчин	женщин
1895	51	6	-	-	14	8	12	3854	3268
1896	41	-	-	-	2	3	2		
1897	13	-	3	-	2	2	2		
Приамурье								1405	243
Сахалин								137	84

Таблицы составлены по материалам:

ГАИО. Ф.25. Оп.6. К. 449. Д.196. ЛЛ.4,6,10,16,24,26,28-29

ГАИО. Ф. 29. Оп.1. ДП.3. Д.22. Л. 124

Динамика численности еврейского населения в Восточной Сибири

Таблица №3

Год	Енисейская губерния			Иркутская губерния			Забайкальская область			Якутская область		
	все население	евреи	% евреев	все население	евреи	% евреев	все население	евреи	% евреев	все население	евреи	% евреев
1863	318963	1569	0,49	365240	871	0,23				227907	94	0,04
1882 ¹	674328	2641	0,39	384995	2885	0,74				242001	423	0,17
1888 ²	452811	4665	0,59	428962	3308 ³	0,77				255671	489	0,19
1893	456475	3598	0,78	447519			602726	6031	1,0	261142	490	0,18
1897	570161	6200	1,00	515070	7540	1,46	672037	7833	1,1	269880	632	0,23
1901	670467	5781	0,86	540424	7970	1,47	694545 ⁴	7755	1,12	265719	413	0,15
1903	721127	6103	0,85	547559	7477	1,37	757751	11177	1,48	269449	522	0,19
1905	726315	6548	0,90	-	-	-	777042	15690	2,0	265982	425	0,16
1911	966409	8455	0,87	750000	9820	1,32	868790	15000	1,7	258597 ⁵	547	0,21

¹ По Енисейской губернии - данные за 1881 г.

² По Якутской области - данные за 1887 г.

³ По другим данным - 5500

⁴ По Забайкальской области - данные за 1900 г.

⁵ По другим данным 277187 - 616 - 0,2%

Для составления таблицы использованы:

Памятная книжка Енисейской губернии на 1863г. СПб., 1863. Табл. II; Памятная книжка Енисейской губернии на 1890г. Красноярск, 1889. С. 115-120; Памятная книжка Енисейской губернии на 1903г. Красноярск, 1903. С. 84-87; Памятная книжка Енисейской губернии на 1907г. Красноярск, 1907. С. 6-9; Енисейская губерния. К трехсотлетию юбилею Сибири (статистико-публицистические этюды С. Чудновского) Томск, 1885. С.32; Памятная книжка Иркутской губернии 1865. Иркутск, 1865. Табл. II; Памятная книжка Иркутской губернии 1884г. Иркутск, 1884. С.51; Памятная книжка Иркутской губернии на 1891г. Иркутск, 1891. С. 93-95; Памятная книжка Иркутской губернии на 1901г. Иркутск, 1900. С. 67; Памятная книжка Иркутской губернии на 1902г. Иркутск, 1901. С.67; Обзор Забайкальской области за 1900г. Чита, 1901. С.17; Обзор Забайкальской области за 1901г. Чита, 1902. Ведомость №8; Обзор Забайкальской области за 1903г. Чита, 1904. Ведомость №8; Обзор Забайкальской области за 1905г. Чита, б.г. Ведомость №5; Памятная книжка Якутской области за 1863г. СПб., 1864. С.37; Отчет Якутского областного статистического комитета за 1887г. Б.м., б.г. С.10-11; Обзор Якутской области за 1905г. Б.м., б.г. С.27-29; Обзор Якутской области за 1911г. Якутск, 1913. С.175; Волости и населенные места 1893г. Вып. 9. Якутская область. СПб., 1894. С.15; Сибирский торгово-промышленный календарь на 1897г. Томск, б.г. С.255, 291-292, 333; Сибирский торгово-промышленный календарь на 1903г. Томск, 1903. I отд. С.165,186; Азиатская Россия. Т.1. СПб., 1914. С.85. Войтинский В., Горнштейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С.57; Якутия: хроника, факты, события 1632-1917гг. / Сост. А.А. Калашников. Якутск, 2000. С.282-283, 299, 323-324.

Расселение евреев в Енисейской губернии в 1883 г.

Таблица №4.1

Город	Мужчин	Женщин	Всего	% от еврейского городского (окружного) населения
Красноярск	201	125	326	27,9
Ачинск	55	44	99	8,5
Канск	148	121	269	23
Енисейск	229	224	453	38,8
Минусинск	9	11	20	0,8
Всего в городах	642	525	1167	100
Красноярский округ	252	219	471	29,8
Ачинский округ	216	145	361	22,8
Канский округ	329	200	529	33,4
Енисейский округ	60	84	144	9,1
Минусинский округ	43	33	76	4,9
Всего в округах	900	681	1581	100
Всего в губернии	1542	1206	2748	

Расселение евреев в Красноярском округе

Таблица №4.2

Волость	Мужчин	Женщин	Всего	% от еврейского населения в округе
Заледеевская	34	32	66	14
Погорельская	30	22	52	11
Вознесенская	24	25	49	10,4
Сухобузимская	38	33	71	15,3
Частоостровская	36	23	58	12,4
Еловская	75	66	141	29,9
Нахвальская	15	18	33	7
Всего в округе	252	219	471	100

Расселение евреев в Ачинском округе

Таблица №4.3

Волость	Мужчин	Женщин	Всего	% от еврейского населения в округе
Покровская	52	36	88	24,4
Назаровская	59	47	106	29,4
Балахтинская	25	12	37	10,2
Ужурская	80	50	130	36
Всего в округе	216	145	361	100

Расселение евреев в Минусинском округе

Таблица №4.4

Волость	Мужчин	Женщин	Всего	% от еврейского населения в округе
Новоселовская	20	12	32	57,1
Абаканская	-	-	-	-
Тесинская	2	1	3	5,4
Шушенская	12	9	21	37,5
Всего в округе	34	22	56	100

Расселение евреев в Енисейском округе

Таблица №4.5

Волость	Мужчин	Женщин	Всего	% от еврейского населения в округе
Казачинская	11	18	29	19,3
Усть – Тунгусская	27	39	66	44
Анциферовская	5	9	14	9,3
Пинчугская	13	20	33	22
Кежемская	-	-	-	-
Бельская	3	4	7	4,7
Яманская	1	-	1	0,7
Всего в округе	60	90	150	100

Расселение евреев в Забайкальской области в 1910 г.

Таблица №4.6

Города	Все население			Еврей			% евреев от всего населения	% от еврейского населения городов или уездов
	мужчин	женщин	всех	мужчин	женщин	всех		
Чита	66941	30604	97545	4789	3982	8771	9	75,1
Акша	505	431	936	3	4	7	0,7	0,1
Баргузин	1218	1154	2372	446	400	846	35,7	7,2
Верхнеудинск	8060	7445	15505	632	594	1226	7,9	10,5
Нерчинск	5856	3651	9507	305	253	558	5,9	4,8
Мысовск	1449	1129	2578	147	104	251	9,7	2,1
Троицкосавск	4973	5130	10103	6	4	10	0,1	0,2
Селенгинск	532	477	1009	-	-	-	-	
Всего в городах	89534	50021	139555	6228	5341	11669	8,3	
Уезды								
Читинский	78481	73847	152328	245	261	506	0,3	11,2
Акшинский	21873	20254	42127	2	8	10	0,02	0,4
Баргузинский	13543	13149	26692	474	444	918	3,4	20,4
Верхнеудинский	102410	97555	199965	612	584	1196	0,6	26,6
Нерчинский	50883	45682	96565	598	351	949	1	21,1
Нерчинско - Заводской	2061	2137	4198	-	-	-	-	-
Селенгинский	62645	56952	119597	460	453	913	0,8	20,3
Троицкосавский	15689	15279	30968	-	-	-	-	
Всего в уездах	347585	324855	672440	2391	2101	4492	0,7	100
Всего в области	477077	413525	890602	8732	7452	16184	1,8	

Расселение евреев в Читинском уезде*

Таблица №4.7

Волость	Все население			Евреи			% от еврейского населения уезда
	Мужчин	женщин	всех	мужчин	женщин	всех	
Чиронская	2669	2271	4940	5	8	13	2,6
Ундинская	2243	2071	4314	-	-	-	-
Ундургинская	1720	1445	3165	42	48	50	9,9
Александровская	3164	2868	6032	5	5	10	2
Кенонская	1272	1043	2315	27	25	52	10,2
Татауровская	4109	3917	8026	22	32	60	11,8
Николаевская	5945	5522	11467	19	15	34	6,7
Усть-Илинская	3586	3338	6924	32	38	70	13,8
Тыргетуевская	3004	2924	5928	39	31	70	13,8
Оловская	1204	1048	2252	30	28	58	11,4
Олинская	1088	926	2014	13	7	20	3,9
Успенская	3077	2491	5568	13	7	20	3,9
Всего в уезде	78481	73847	152328	245	261	506	

Расселение евреев в Верхнеудинском уезде

Таблица №4.8

Волость	Все население			Евреи			% от еврейского населения уезда
	Мужчин	женщин	всех	мужчин	женщин	всех	
Верхне-Талецкая	2322	2332	4654	20	15	35	2,9
Погромнинская	2414	1978	4492	81	66	147	12,2
Брянская	2534	2168	4702	52	34	86	7,2
Куналейская	2982	2831	5813	49	58	107	8,9
Куйтунская	3134	3245	6379	20	29	49	4,1
Тарбагатайская	4917	4517	9434	65	45	110	9,2
Мало - Куналейская	2754	2781	5535	8	2	10	0,8
Петровская	3594	3301	6895	81	76	157	13,1
Бичурская	3489	3785	7274	17	22	39	3,3
Еланская	3528	2867	6395	-	-	-	-
Окино - Ключевская	1614	1378	2992	-	-	-	-
Тамирская	2817	2735	5552	-	-	-	-
Байхорская	4783	4444	9227	-	-	-	-
Коротковская	4915	4885	9800	19	24	43	3,6
Красноярская	3014	3060	6074	28	42	70	5,8
Нижне - Нарымская	3498	3254	6752	23	34	57	4,8
Укыр-Шонуйская	967	1019	1986	-	-	-	-
Урлукская	5136	4373	9509	7	5	12	1
Ключевская	2639	2287	4926	16	16	32	2,7
Малетинская	3112	2911	6023	16	1	17	1,6
Мухоршибирская	5992	5899	11891	75	83	158	13,2
Никольская	5867	5374	11241	35	32	67	5,6
Всего в уезде	102410	97555	199965	612	584	1196	100

*Кроме того, часть евреев жила в инородческих обществах

Расселение евреев в Баргузинском уезде

Таблица №4.9

Волость	Все население			Евреи			% от еврейского населения уезда
	мужчин	женщин	всех	мужчин	женщин	всех	
Читканская волость	4613	4384	8997	308	299	607	66,1
Горячинское отд. Сельское общество	595	482	1077	114	99	213	23,2
Верхнеангарское отд. Сельское общество	653	521	1174	51	44	95	10,3
Всего в уезде	13543	13149	26692	474	444	918	100
В инородческих обществах							0,6

Расселение евреев в Селенгинском уезде

Таблица №4.10

Волость	Все население			Евреи			% от еврейского населения уезда
	Мужчин	женщин	всех	мужчин	женщин	всех	
Батуринская	1471	1312	2783	16	19	35	3,8
Кабанская	2837	2807	5644	244	263	507	55,5
Кударинская	5922	5468	11390	71	53	124	13,6
Посольская	4080	3306	7386	22	17	39	4,3
Троицкая	2512	2289	4801	13	12	25	2,7
Турунтаевская	1985	1624	3609	66	59	125	13,7
Торейская	2970	2305	5275	-	-	-	-
Иволгинская	3479	2837	6316	5	5	10	1,1
Кругобайкальский тракт	2162	912	3074	23	25	48	5,3
Всего в уезде	62645	56952	119597	460	453	913	100

Расселение евреев в Нерчинском уезде

Таблица №4.11

Волость	Все население			Евреи			% от еврейского населения уезда
	Мужчин	женщин	всех	мужчин	женщин	всех	
Сретенская	6123	2894	9017	598	351	949	

Расселение евреев в Нерчинско - Заводском уезде

Таблица №4.12

Волость	Все население			Евреи			% от еврейского населения уезда
	Мужчин	женщин	всех	мужчин	женщин	всех	
Нерчинско - Заводская	7551	7275	14826	13	10	23	

ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 1084. Л.1-2, 6-7, 9-11,13.

Обзор Забайкальской области за 1910 г. Чита, 1914.

Динамика численности евреев в городах

Таблица №5.1

Иркутская Губерния						
Годы	Всего евреев в губернии	из них в городах	% городского еврейского населения	в т.ч. в губернском городе Иркутске	% от евр. городского населения	% от еврейского населения губернии
1863	871	333	38,2	283	85	32,5
1882	2855	1511	52,9	1401	92,7	49
1891	4065	1505	37	1320	87,7	32,4
1893	7477	3507	46,9	3300	94	44,1
1897	7480	3990	53,3	3642	90,4	48,2
1901	7970	4000	50,1	3600	90	45,1

Доля евреев в городском населении

Таблица №5.2

	1863			1875			1882		
	все население	евреи	% евреев	Все население	евреи	% евреев	все население	евреи	% евреев
Иркутск	27989	283	1	32512	1007	3,1	44360	1401	3,1
Нижеудинск	3046	45	1,5	3765	55	1,46	3605	50	1,4
Балаганск	799	-	-	-	-	-	934	18	1,9
Верхотенск	751	5	0,7	935	4	0,42	1066	5	0,46
Киренск	994	-	-	1039	19	0,18	1127	37	3,3
Илимск									
	1888			1891			1897		
Иркутск	47407	1320	2,8	47403	1320	2,8	51533	3642	7
Нижеудинск	3994	81	2	3998	57	1,4	5401	117	2,1
Балаганск	1089	43	3,9	1149	43	3,2	1314	52	4
Верхотенск	1003	8	0,79	1043	8	0,8	1354	35	2,6
Киренск	1121	69	6,2	1170	69	5,9	2280	140	6,1
Илимск	608	8	1,3	616	8	1,3	622	34	5,4
	1900			1908			1909		
Иркутск	58083	2952	5	108060	3115	2,9	108000	6100	5,6
Нижеудинск									
Балаганск									
Верхотенск									
Киренск									
Илимск									

Динамика численности евреев в городах

Енисейская губерния

Таблица №5.3

Годы	Всего евреев в губернии	Из них в городах	% городского еврейского населения	В т.ч. в губернском городе Красноярске	% от еврейского городского населения	% от еврейского населения губернии
1863	1569	871	55,5	362	41,6	23
1888	4665	1425	30,5	208	14,6	4,5
1890	3978	1349	33,9	281	20,8	7
1894	3458	1164	33,6	406	34,9	11,7
1897	6167	2591	42	1515	58,4	24,6
1901	5781	1791	30,9	784	43,8	13,6
1905	6548	2618	40	1022	39	15,6

Доля евреев в городском населении

Енисейская губерния

Таблица №5.4

Города	1863			1888			1890		
	все население	евреи	% евреев	все население	евреи	% евреев	все население	евреи	% евреев
Красноярск	8776	362	4,1	15566	208	1,3	16212	281	1,7
Ачинск	2704	161	5,9	5131	308	6	5201	209	4
Канск	2486	134	5,4	4456	314	7	5979	368	6,1
Енисейск	5359	211	3,9	7382	594	8	6648	500	7,5
Города	1894			1897			1901		
	все население	евреи	% евреев	все население	евреи	% евреев	все население	евреи	% евреев
Красноярск	20570	406	1,9	26699	1515	5,7	40301	784	1,9
Ачинск	6414	122	1,9	6699	484	7,2	7241	339	4,7
Канск	6300	256	4	7537	448	5,9	7526	373	5
Енисейск	9576	380	3,9	11506	671	5,8	9796	270	2,7
Города	1905								
	все население	евреи	% евреев						
Красноярск	43308	1022	2,3						
Ачинск	7399	580	7,8						
Канск	10487	406	3,9						
Енисейск	10061	591	5,9						

Динамика численности евреев в городах

Забайкальская область

Таблица №5.5

Годы	Всего евреев в области	Из них в городах	% от городского еврейского населения	В том числе в городе Чите	% от городского еврейского населения	% от еврейского населения области
1894	6031	2847	47,2	1207	42,3	20
1897	7833	3017	38,5	1160	38,4	14,8
1900	7755	3566	46	1563	43,8	20,1
1905	15690	11059	70,4	5531	50	35,2
1907	15492	11003	71	7680	69,7	49,6
1910	16184	11569	71,5	8771	75,8	54,2

Доля евреев в городском населении

Забайкальская область

Таблица №5.6

Города	1894			1897			1900		
	все население	евреи	% евреев	все население	евреи	% евреев	все население	евреи	% евреев
Чита	9155	1207	13,1	11511	1211	10,5	16627	1563	8,4
Верхнеудинск	4654	590	12,7	8086	908	11,2	5487	752	13,7
Нерчинск	4338	260	6	6639	501	7,5	5826	614	10,5
Баргузин	1710	770	45	1378	454	32,9	2309	830	35,9
Акша	795	15	1,9	1627	10	0,06	620	10	1,6
Мысовск									

Города	1905			1910		
	все население	евреи	% евреев	все население	евреи	% евреев
Чита	42735	5531	12,9	97548	8771	8,9
Верхнеудинск	24350	4000	16,4	15505	1226	7,9
Нерчинск	6094	590	9,7	9507	558	5,9
Баргузин	2235	746	33,4	2372	846	35,6
Акша	672	8	1,2	936	7	
Мысовск				2578	251	9,7

Динамика численности евреев в городах

Якутская область

Таблица №5.7

Города	1867			1870			1882		
	все население	евреи	% евреев	все население	евреи	% евреев	все население	евреи	% евреев
Якутск	4976	18	0,36	4562	9	0,2	5086	270	5,3
Олекминск	297	-					504	16	3,1
Вилуйск	311	-					429	1	0,2
Верхоянск							317	1	0,3
Средне-Колымск							499	-	0

Города	1889			1897			1908		
	все население	евреи	% евреев	все население	евреи	% евреев	все население	евреи	% евреев
Якутск	6499	321	4,9	6535	356	5,4	7964	220	2,9
Олекминск	611	13	2,1	1144	7	0,6			
Вилуйск	475	3	0,6	611	4	0,6			
Верхоянск	244	6	2,5	354	6	1,7			
Средне-Колымск	495	11	2,2	538	3	0,5			

Доля евреев в городском населении

Якутская область

Таблица №5.8

Годы	Всего евреев в области	Из них в городах	% городского еврейского населения	В т.ч. в Якутске	% от еврейского городского населения	% от еврейского населения области
1867	73	18	24,7	18	100	24,7
1882	423	288	68	270	93,6	63,8
1889	930	354	38	321	90,6	34,5
1897	724	376	51,9	356	94,7	49,1

При составлении таблиц №5.1 -5.8 использованы:

ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2428. Л. 3; Ф. 25. Оп. 9. К. 916. Д. 12. Л. 116-119; К. 917. Д. 26. Л. 81-82; Ф. 91. Оп. 2. Д. 1471. Д. 1785; НАРС (Я). Ф. 343-и. Оп. 1. Д. 176. Л. 5; Памятная книжка Енисейской губернии на 1863г. Спб., 1863. Памятная книжка Енисейской губернии на 1890г. Красноярск, 1889. С. 115-120; Памятная книжка Енисейской губернии на 1891г. Красноярск, 1892. С.84-87; Памятная книжка Енисейской губернии до 1 января 1896г. Красноярск, 1896. С.96-97; Памятная книжка Енисейской губернии на 1903г. Красноярск, 1903. Отд. IV статистический. С. 84-87; Памятная книжка Енисейской губернии на 1907г. Красноярск, 1907. С.6-9; Памятная книжка Енисейской губернии на 1909г. Красноярск, 1909; Памятная книжка Иркутской губернии на 1865г. Иркутск, 1865. Табл. II; Памятная книжка Иркутской губернии на 1881г. Иркутск, 1881. С. 53-54, 64-66, 102, 111; Иркутской губернии на 1884г. Иркутск, 1884. С. 39, 51, 55; Иркутской губернии на 1902г. Иркутск, 1902. С. 67; Обзор Забайкальской области за 1894г. Б.м. б.г. Ведомость №9; Обзор Забайкальской области за 1900г. Чита, б.г. Ведомость №8; Обзор Забайкальской области за 1901г. Чита, 1902. Ведомость №8; Обзор Забайкальской области за 1904г. Чита, 1905. Ведомость. №5. Обзор Забайкальской области за 1905г. Чита, б.г. Ведомость №5; Обзор Забайкальской области за 1907г. Чита, б.г. Ведомость №5; Обзор Забайкальской области за 1910г. Чита, 1914. Ведомость №5; Памятная книжка Якутской области на 1867г. Якутск, 1867. Табл. II; Памятная книжка Якутской области на 1891г. Якутск, 1891. XXX-XXXI; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. СПб, 1904; Восточно-Сибирский календарь на 1885г. Иркутск, 1884; Войтинский Вл., Горнштейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915.

Сословная структура еврейского общества в Енисейской губернии

Таблица №6.1

Город	Общее число евреев	Число семей	Полноправных	Крестьян	% крестьян от всех семей	мещан и цеховых	% мещан и цеховых	Купцов	% купцов	Лиц, имеющих уч. степень, свобод. профессий, духовных лиц	% лиц, имеющих уч. степень, свобод. профессий, духовных лиц	ссылъных всех категорий			Итого	% ссыльных
												ссылънопоселенцев	крестьян из ссыльных	мещан из ссыльных		
Красноярск	536	124	84	31	25	52	41,9	1	0,9	-	-	22	16	2	40	32,2
Енисейск	448	104	74	8	7,7	60	57,7	6	5,8	-	-	17	3	10	30	28,8
Минусинск	23	6	2	-	-	-	-	1	16,7	1	16,7	-	-	4	4	66,6
Ачинск	401	80	45	3	3,7	39	48,8	3	3,7	-	-	19	6	10	35	43,8
Канск	324	70	50	7	10	43	61,4	-	-	-	-	16	2	2	20	28,6
Красноярский округ	322	65	24	20	30,8	4	6,2	-	-	-	-	16	25	-	41	63
Енисейский округ	199	81	14	5	6,2	8	9,9	1	1,2	-	-	29	21	17	67	82,7
Минусинский округ	165	32	18	14	43,8	-	-	4	12,4	-	-	4	9	1	14	43,8
Ачинский округ	661	126	53	38	30,2	14	11,1	1	0,8	-	-	-	-	-	73	57,9
Канский округ	745	175	54	38	21,7	13	7,4	3	10,3	-	-	-	-	-	106	60,6

Сословная структура еврейского общества в Иркутской губернии

Таблица №6.2

Город или округ	Общее число евреев	Число семей	Полноправных	Крестьян	% крестьян от всех семей	мещан и цеховых	% мещан и цеховых	Купцов	% купцов	Лиц, имеющих уч. степень, свобод. профессий, духовных лиц	% лиц, имеющих уч. степень, свобод. профессий, духовных лиц	ссылных всех категорий			Итого	% ссыльных
												ссыльнопоселенцев	крестьян из ссыльных	мещан из ссыльных		
Иркутск	2405	582	360	35	6	259	44,5	55	9,5	11	1,9	193	24	5	222	38,1
Иркутский округ	193	49	32	25	51	3	6,1	3	6,1	1	0,3	3	12	2	17	34,7
Киренский с городом	969	265	40	12	4,5	20	7,5	8	3,1	-	-	2	131	92	225	84,9
Балаганский с городом	879	221	72	32	14,5	30	13,6	6	2,7	4	1,8	49	97	3	149	67,4
Нижнеудинский с городом	431	101	59	32	31,7	22	21,8	4	4	1	0,9	-	38	4	42	41,6
Верхотенский с городом	1294	750	299	143	19	105	14	47	6,3	4	0,6	81	296	74	451	60,1
Сословная структура еврейского общества в Иркутской области																
Якутск	230	48	23	1	2,2	22	45,8	-	-	-	-	2	5	18	25	52
Область (без Якутска)	173	68	16	10	14,7	6	8,8	-	-	-	-	21	3	28	52	76,5

Енисейская губерния

Таблица №6.3

Сословия	Общая численность населения в городах	Численность евреев в городах	% евреев	Общая численность населения в округах	Численность евреев в округах	% евреев
Дворяне, чиновники, почетные граждане	3496	1	0,02	5149	7	0,1
Купечество	623	129	20,7	973	63	6,5
Мещане	21129	1408	6,7	40759	423	1
Крестьяне	21427	1356	6,3	308827	1172	0,4
Не принадлежащие к этим сословиям	5105	162	3,2	80149	312	0,9

Иркутская губерния

Сословия	Общая численность населения в городах	Численность евреев в городах	% евреев	Общая численность населения в округах	Численность евреев в округах	% евреев
Дворяне, чиновники, почетные граждане	5936	19	0,3	2058	2	0,1
Купечество	1163	285	24,5	287	93	32,4
Мещане	26263	1959	17,5	11150	722	6,5
Крестьяне	21119	892	4,2	287507	1705	0,6
Не принадлежащие к этим сословиям	7208	531	7,4	148772	903	0,6

Забайкальская область

Продолжение Таблицы №6.3

Сословия	Общая численность населения в городах	Численность евреев в городах	% евреев	Общая численность населения в округах	Численность евреев в округах	% евреев
Дворяне, чиновники, почетные граждане	2562	22	0,9	5987	13	0,2
Купечество	655	327	49,9	1062	163	15,3
Мещане	10564	1607	15,2	20824	1465	7
Крестьяне	8597	938	10,9	237463	2733	1,1
Не принадлежащие к этим сословиям	5989	122	2	369343	439	0,1

Якутская область*

Сословия	Общая численность населения в городах	Численность евреев в городах	% евреев	Общая численность населения в округах	Численность евреев в округах	% евреев
Дворяне, чиновники, почетные граждане	1138	-				
Купечество	182	26	14,3			
Мещане	5134	336	6,5			
Крестьяне	20758	178	0,9			
Не принадлежащие к этим сословиям	10354	83	0,8			

*В Якутской области приводятся данные по области в целом

В таблицу не включены следующие сословия: духовенство, иностранные граждане, инородцы

В таблице использованы материалы ГАИО. Ф.25. Оп.9. К.917. Д.26. Л.319-322, 364-365; Первой Всеобщей переписи населения 1897 г.

Профессиональная структура еврейской общины

Енисейская губерния

Таблица № 7.1

Города	Общее число евреев	Глав семейств	Занимающихся крестьянским трудом	Ремесленников	Занимающихся торговлей и промыслами	Приказчиков, доверенных и т.п., служащих по торгово - пром. делам	Лиц, имеющих уч. степень, свобод. профессий, духовных лиц	Не имеющих определенных занятий
Красноярск	536	124	8	47	54	5	3	7
Енисейск	448	104	3	29	47	16	2	7
Минусинск	23	6	-	1	1	-	1	3
Ачинск	401	80	3	29	37	2	3	6
Канск	324	70	4	19	40	3	3	1
Уезды								
Красноярский	322	65	22	6	31	2	2	2
Енисейский	199	81	12	13	11	-	2	43
Минусинский	165	32	14	6	9	-	2	1
Ачинский	401	206	26	20	69	2	2	7
Канский	745	175	46	22	92	4	-	11
Всего	3824	863	138	192	391	34	20	88

Иркутская губерния

Таблица №7.2

	Общее число евреев	Глав семейств	Занимающихся крестьянским трудом	Ремесленников	Занимающихся торговлей и промыслами	Приказчиков, доверенных и т.п., служащих по торгово - пром. делам	Лиц, имеющих уч. степень, свобод. профессий, духовных лиц	Не имеющих определенных занятий
Города								
Иркутск	2405	582	19	141	303	45	41	33
Иркутский уезд	193	49	10	5	19	3	1	11
Киренский уезд (с городом)	969	265	14	19	128	23	8	73
Балаганский уезд (с городом)	879	221	32	33	129	15	6	6
Нижнеудинский уезд (с городом)	431	101	19	23	47	6	2	4
Верхотенский уезд (с городом)	1294	750	118	155	279	95	34	69
Всего	6171	1968	212	376	905	187	92	196
Якутская область								
Якутск	230	48	2	29	2	1	10	4
Якутская обл.	173	68	17	13	2	1	9	26
Всего	403	116	19	42	4	2	19	30

Профессиональная структура еврейской общины

Енисейская губерния

Таблица №8.1

Виды деятельности	По губернии		По городам		По округам	
	число евреев	% от еврейского населения губернии	число евреев	% от еврейского населения городов	число евреев	% от еврейского населения округов
Торговля без точного определения	592	11,4			471	18,5
Торговля одеждой и тканями					372	14,6
Торговля продуктами с/х	529	10,2	412	15,7		
Изготовление одежды	443	8,6	302	11,5	141	5,5
Земледелие	342	6,6			335	13,2
Добыча руд и копи						
Извоз	319	6,1	276	10,5		
Частная служба, поденщина	274	5,3	131	5		
Лишенные свободы	56	1,1				
Общее число	5172		2629		2543	

Иркутская губерния

Таблица № 8.2

Виды деятельности	По губернии		По Иркутску		По округам	
	число евреев	% от еврейского населения губернии	число евреев	% от еврейского населения города	число евреев	% от еврейского населения округов
Торговля без точного определения	510	7,1	20	0,5	488	14,2
Торговля одеждой и тканями	431	6,1	96	2,6		
Торговля продуктами с/х	1159	16,3	637	17,4	409	11,9
Изготовление одежды	878	12,3	586	16		
Земледелие	339	4,8	9	0,2	312	9,1
Добыча руд и копи	69	1	45	1,2		
Извоз	228	3,2	160	4,4		
Частная служба, поденщина	451	6,3	195	5,3	236	6,9
Лишенные свободы	236	3,3	28	0,8	182	5,3
Общее число	7111		3642		3425	

Виды деятельности	По области		По городам		По округам	
	число евреев	% от еврейского населения области	число евреев	% от еврейского населения городов	число евреев	% от еврейского населения округов
Торговля без точного определения	1193	15,2	330	10,6	863	18,5
Торговля одеждой и тканями	1053	13,4	432	13,9	621	13,3
Торговля продуктами с/х	762	9,7	527	16,9	235	5
Изготовление одежды	318	4	218	7		
Земледелие	1011	12,9			971	20,9
Добыча руд и копи	477	6,1			349	7,5
Извоз	380	4,9				
Частная служба, поденщина	411	5,2	210	6,7	201	4,3
Лишенные свободы	208	2,7			189	4,1
Общее число	7833		3117		4656	

Виды деятельности	по области		по г. Якутску	
	число евреев	% от еврейского населения области	число евреев	% от еврейского населения города
Торговля без точного определения	31	4,9		
Торговля одеждой и тканями			48	14,2
Торговля продуктами с/х	96	15,2	70	20,7
Изготовление одежды	46	7,2	24	7,1
Добыча руд и копи	45	7,1		
Извоз	73	11,6	53	15,7
Частная служба, поденщина	36	5,7		
Общее число	631		338	

Таблицы составлены по материалам Переписи населения 1897г. Перепись учитывает евреев по языку. В общей численности евреев учитываются и собственно работающие (самостоятельные), и члены их семей.

Движение населения в Енисейской губернии

Таблица №9.1 1863г.

Города	Общая численность	Все население										
		Браки	Родилось				Умерло					
			М	Ж	Оба пола	Кэф. рождаемост.	М	Ж	Оба пола	Из них до года	% ко всем умершим	Кэф. смертности
Красноярск	9997	86	201	209	410	41	213	190	403	143	35,5	40,3
Енисейск	6830	78	190	185	375	54,9	282	215	497	193	38,8	72,7
Ачинск	3177	27	68	58	126	39,6	85	65	140	49	35,0	44,0
Канск	2231	16	52	60	112	50,2	96	69	165	63	38,1	73,9
Минусинск	3972	33	112	134	246	61,9	146	78	224	89	39,7	56,4
Всего в городах	26355	249	632	657	1289	48,9	858	637	1495	543	36,3	56,7

Города	Общая численность	Евреи										
		Браки	Родилось				Умерло					
			м	ж	Оба пола	Кэф. рождаемости	м	Ж	Оба пола	Из них до года	% ко всем умершим	Кэф. смертности
Красноярск	228	6	21	20	41	179,8	10	8	18	-	-	78,9
Енисейск	349	7	11	9	20	57,3	9	3	12	-	-	34,3
Ачинск	136	2	2	5	7	51,4	5	7	12	3	25	88,2
Канск	96	-	-	-	-	-	1	3	4	2	50	41,7
Минусинск	25	-	1	-	1	40	1	-	1	-	-	40
Всего в городах	834	15	34	34	68	81,5	23	17	40	2	5	47,9

Продолжение Таблицы №9.1 1873г.

Округа	Общая численность	Все население										
		Браки	Родилось				Умерло					
			м	ж	Оба пола	Кэф. рождаемости	м	Ж	Оба пола	Из них до года	% ко всем умершим	Кэф. смертности
Красноярск.округ	54123	528	1435	1278	2714	50,1	1654	1181	2835	1326	46,7	52,3
Ачинский округ	53214	500	1351	1330	2681	50,4	1079	959	2038			38,3
Канский округ	53052	482	1346	1205	2551	48	1277	1020	2297	1096	47,7	20,7
Минусинск. округ	86157	226	2098	1890	3988	46,2	1133	803	1936		22,4	

	Общая численность	Евреи										
		Браки	Родилось				Умерло					
			м	ж	Оба пола	Кэф. рождаемости	м	Ж	Оба пола	Кэф. смертности		
Красноярск.округ												
Ачинский округ	111	-	3	5	8	72	5	6	11	99		
Канский округ	151	-			-		-	1	1	6,6		
Минусинск. округ	63	-	1	1	2		15	12	27			

Движение населения в Иркутской губернии

Таблица №9.2

	Общая численность	Все население								
		Браки	Родилось				Умерло			
			м	ж	Оба пола	Козф. рождаемости	м	Ж	Оба пола	Козф. смертнос.
1888г.	428962	3661	10539	9889	20428	46,6	9592	8116	17708	41,3
1900г.	540424		12042	11352	23754	43,9	10012	8254	18266	33,8

Годы	Общая численность	Евреи								
		Браки	Родилось				Умерло			
			м	ж	Оба пола	Козф. рождаемости	м	Ж	Оба пола	Козф. смертности
1888г.	3308	38	99	57	156	47,1	34	31	65	19,6
1900г.	7477	94	183	170	363	48,5	74	64	138	18,5

Движение населения в Иркутске

Продолжение Таблицы №9.2

Годы	Общая численность	Все население								
		Браки	Родилось				Умерло			
			м	ж	Оба пола	Козф. рождаемости	м	ж	Оба пола	Козф. смертности
1888г.	47407	267			1822	38,4			1652	34,8
1900г.	58083				2242	38,6			2248	38,7
1906г.	50144				2865	57,1			3235	64,5

Годы	Общая численность	Евреи								
		Браки	Родилось				Умерло			
			м	ж	Оба пола	Козф. рождаемост.	м	ж	Оба пола	Козф. смертности
1888г.	1320	26	62	45	107	81	18	15	33	25
1900г.	2952	71	131	115	246	83,3	57	50	107	36,2
1906г.	4836	101	135	126	261	53,9	86	53	139	28,7

При составлении таблиц использованы:

Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 год. Иркутск, 1891; Обзор Иркутской губернии за 1900 год. Иркутск, 1901; Обзор Иркутской губернии за 1903 год. Иркутск, 1904; Обзор Иркутской губернии за 1906 год. Иркутск, 1909; Милютин Д.А. Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Т.1. СПб., 1885; Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002.

Сословный состав брачных пар в Иркутской еврейской общине

Таблица №10.1

жених невеста	Купчиха	Мещанка	Крестьянка	Цеховая	Дочь отставного солдата (унтер-офицера)	Дочь поселенца	Дочь ссыльно-поселенца	Дочь каторжного
Купец	29	43	16	2	-	-	-	-
Мещанин	30	304	129	-	3	46	-	-
Крестьянин	12	124	83	5	-	18	16	1
Военнослужащий	1	17	12	2	1	8	-	-
Цеховой	1	28	11	2	-	2	-	-
Поселенец	-	27	7	3	-	60	2	1
Ссыльнопоселенец	4	85	42	-	-	21	48	-

Сословный состав брачных пар в Читинской еврейской общине

Таблица №10.2

жених невеста	Купчиха	Мещанка	Крестьянка	Дочь поселенца	Цеховая	Дочь ссыльнопоселенца
Купец	5	4	4	-		-
Мещанин	11	119	47	1	3	-
Крестьянин	2	35	35	3		-

Сословный состав брачных пар в Верхнеудинской еврейской общине

Таблица №10.3

жених невеста	Купчиха	Мещанка	Крестьянка	Дочь отставного солдата	Дочь поселенца
Купец	4	5	3	-	-
Мещанин	7	29	17	2	3
Крестьянин	4	21	21	2	4
Отставной солдат	-	2	2	-	-
Поселенец	-	8	5	-	7

При составлении таблиц использованы материалы:

ГАИО. Ф.789. Оп.1. Д.41,44, 45, 47-51, 55, 57-58, 60-61, 63-64, 66-67, 70, 72, 77, 79; Ф.70. Оп.2. Д.2509.

ГАЧО. Ф.282. Оп.1. Д.2927-2928, 2393, 2940, 2948-2949, 2954-2955, 2976-2977, 2988-2999, 3004-3005, 3014, 3026-3027,3041-3042; Оп.2. Д.75, 104, 117, 128, 141-142, 155-156, 172-181.

НАРБ. Ф.196. Оп.1.Д.5-38

Доля евреев среди купечества

Таблица №11

	1894г.			1900г.			1905г.		
	Общее число купцов	Число купцов евреев	Процент евреев	Общее число купцов	Число купцов евреев	Процент евреев	Общее число купцов	Число купцов евреев	Процент евреев
Красноярск	24	1	4,2	55	5	9,0	37	5	13,8
Канск	37	10	27,0	21	5	23,8	31	18	57,0
Иркутск	226	46	20,3	143	50	35,0	161	41	25,4
Верхнеудинск	33	11	33,3	51	19	37,2	39	23	59,0
Чита	27	12	44,4	24	13	54,1	36	22	61,0
Нерчинск	52	20	38,5	62	23	37,0	62	44	71,0

Соотношение численности евреев в городском населении и купечестве

Таблица №12

	1894г.		1900г.		1905г.	
	Доля евреев в городск. населен. (в проц.)	Процент евреев среди купцов	Доля евреев в городск. населен. (в проц.)	Процент евреев среди купцов	Доля евреев в городск. населен. (в проц.)	Процент евреев среди купцов
Красноярск	1,9	4,2	1,09	9,0	2,36	13,7
Канск	4,0	27	3,7	23,8	3,87	57,0
Иркутск	7,1	20,3	7,3	35,0	6,1	25,4
Верхнеудинск	12,6	33,3	13,2	37,2	15,4	59,0
Чита	13,1	44,4	18,9	54,1	12,9	61,0
Нерчинск	6,0	38,5	9,2	37,0	9,7	71,0

При составлении таблиц использованы материалы:

ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1660. Л. 1-8, 10-19, 22-31, 34-42; Памятная книжка Енисейской губернии до 1 января 1896г. Красноярск, 1896. С.96-99; Памятная книжка Енисейской губернии на 1 января 1898г. Красноярск, 1897. С.8-11; Памятная книжка Енисейской губернии на 1907г. Красноярск, 1907. С.6-9; Сибирский торгово-промышленный календарь за 1900г. Томск, б.г. III отд. С.184-213; Сибирский торгово-промышленный календарь за 1901г. Томск, б.г. С. 209-232; Сибирский торгово-промышленный календарь на 1906г. Томск, б.г. С.235-255; Памятная книжка Иркутской губернии на 1901г. Иркутск, 1901. С.58; Войтинский В., Горнштейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С.56; Российская еврейская энциклопедия. Т.4. М., 2000. С.513-515.

Соотношение численности населения с численностью учащихся

Таблица №13.1

	Иркутская губерния				Иркутск			
	1888 г.				1893 г.	1900 г.	1903 г.	1905 г.
	Иркутск	Нижнеудинск	Киренск	Балаганск				
Все население	47407	3994	1121	1089	46000	58083	49521	79025
Евреи	13204	81	69	43	1300	2952	4500	4836
% евреев	2,8	2	6,2	3,9	2,8	5,0	9,1	6,1
Все уч-ся	3773	111	95	80	4599	5885	6855	7191
Учащиеся евреи	183	7	9	8	239	419	627	620
% учащихся евреев	4,85	6,3	9,5	10	5,2	7,1	9,1	8,6

Таблица №13.2

	г. Чита	
	1899 г.	1900 г.
Все население	15807	16627
Евреи	1400	1563
% евреев	8,9	9,4
Все уч-ся	471*	611
Учащиеся евреи	64	80
% учащихся евреев	13,6	13

Таблица №13.3

	Якутская область			
	1886 г.	1887 г.**	1889 г.	1897 г.
Все население		5741	254494	269880
Евреи		342	555	714
% евреев	0,1	5,95	0,2	0,26
Все уч-ся	704	719	828	1507
Учащиеся евреи	8	14	25	34
% учащихся евреев	1,1	1,9	3	2

* Данные приводятся только по Читинской мужской и женской гимназиям.

** За 1887г. статистика дается по г. Якутску, остальные годы - по Якутской области.

Для составления таблиц использованы материалы:

ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 26. Л. 81-82; Ф. 91. Оп. 2. Д. 1471, 1785; НАРС (Я). Ф. 343-и. Оп. 1. Д. 346. Л. 21, 57-58; Памятная книжка Иркутской губернии на 1891г. Иркутск, 1891. С. 103-105; Памятная книжка Иркутской губернии на 1902г. Иркутск, 1902. С.69; Обзор Иркутской губернии за 1903г. Иркутск, 1904. С.43; Обзор Иркутской губернии за 1906г. Иркутск, 1909. С.37; Обзор Забайкальской области за 1899г. Чита, б.г. Ведомость 9; Обзор Забайкальской области за 1900г. Чита, б.г. Ведомость 8; Памятная книжка Забайкальской области на 1899г. Чита 1899. С. 28,30; Памятная книжка Забайкальской области на 1901г. Чита, 1901. С.28-29, 31; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897г. Забайкальская область; Якутская область; Обзор Якутской области за 1886г. Б.м., б.г. С.20-21, 42; Обзор Якутской области за 1896г. С.33-34; Сибирский торгово-промышленный календарь на 1897г. С.283; Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска... Прилож. 2-3.

Образовательный уровень населения

Иркутская губерния

Таблица №14

	Всего населения		Грамотные по-русски		Грамотные на другом языке		Образование выше начального	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Русскоязычные	200387	177996	44648 (22,3%)	12623 (7,0%)	53 (0,03%)	16 (0,008%)	4516 (2,3%)	3067 (1,7%)
Еврееязычные	3779	3332	1553 (41,0%)	867 (26,0%)	369 (9,8%)	134 (4,0%)	133 (3,5%)	178 (5,3%)

Енисейская губерния

	Всего населения		Грамотные по-русски		Грамотные на другом языке		Образование выше начального	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Русскоязычные	257803	237293	49786 (19,3)	13685 (5,8)	28 (0,01%)	13 (0,005%)	3115 (1,2%)	2151 (0,9%)
Еврееязычные	2654	2404	1196 (45,1%)	668 (27,8%)	353 (13,3%)	155 (6,4%)	78 (2,9%)	111 (4,6%)

Забайкальская область

	Всего населения		Грамотные по-русски		Грамотные на другом языке		Образование выше начального	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Русскоязычные	227225	217675	52562 (23,2%)	8240 (3,8%)	103 (0,05%)	9 (0,004%)	2698 (1,0%)	2269 (1,0%)
Еврееязычные	4100	3733	1950 (47,5%)	806 (21,5%)	460 (11,2%)	146 (18,1%)	84 (2,0%)	210 (5,6%)

Якутская область

	Всего населения		Грамотные по-русски		Грамотные на другом языке		Образование выше начального	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Русскоязычные	19090	11390	5515 (28,9%)	1473 (12,9%)	13 (0,07%)	1 (0,008%)	1180 (6,2%)	394 (3,5%)
Еврееязычные	359	272	137 (38,1%)	56 (20,5%)	50 (13,9%)	12 (4,4%)	24 (6,7%)	12 (4,4%)

Первая Всеобщая перепись населения 1897г.

Грамотность по возрастным группам

Иркутская губерния

Таблица №15.1

Возраст	Русскоязычное население		Еврееязычное население	
	м	Ж	м	ж
1-9	6,0%	0,03%	15,9%	10,3%
10-19	35,0%	13,7%	78,9%	48,5%
20-29	31,7%	10,0%	64,4%	43,9%
30-39	28,8%	7,5%	59,6%	33,4%
40-49	24,0%	5,6%	60,2%	28,9%
50-59	18,1%	4,4%	62,4%	18,4%

Енисейская губерния

Таблица №15.2

Возраст	Русскоязычное население		Еврееязычное население	
	м	Ж	м	ж
1-9	4,2%	1,9%	18,7%	9,4%
10-19	26,5%	11,4%	77,7%	59,9%
20-29	28,9%	8,5%	78,4%	50,6%
30-39	28,6%	6,4%	73,0%	38,0%
40-49	22,9%	4,8%	72,0%	26,5%
50-59	17,6%	3,4%	69,9%	24,3%
60 и более	14,2%	2,2%	64,8%	14,4%

Забайкальская область

Таблица №15.3

Возраст	Русскоязычное население		Еврееязычное население	
	м	ж	м	ж
1-9	4,1%	1,3%	16,0%	6,6%
10-19	29,6%	6,9%	79,3%	46,0%
20-29	32,3%	5,3%	82,2%	42,7%
30-39	35,6%	4,4%	78,4%	26,2%
40-49	35,8%	3,7%	73,7%	19,6%
50-59	25,5%	2,5%	69,6%	10,7%
60 и более	19,1%	1,7%	63,1%	9,1%

Якутская область

Таблица №15.4

Возраст	Русскоязычное население		Еврееязычное население	
	м	Ж	м	ж
1-9	9,6%	5,4%	13,2%	9,5%
10-19	39,8%	25,7%	69,4%	41,7%
20-29	32,4%	16,2%	64,8%	42,1%
30-39	31,2%	14,5%	64,0%	34,4%
40-49	32,2%	11,9%	64,4%	20,0%
50-59	33,0%	9,4%	48,6%	11,7%
60 и более	29,3%	5,8%	44,4%	40,0%

Таблицы составлены по Первой всеобщей переписи населения 1897г.

Национальная грамотность в возрастных группах

Таблица № 16

Возраст	Процент грамотных на других языках (не русском)			
	Иркутская губерния	Енисейская губерния	Забайкальская область	Якутская область
1-9	1,7	4,4	3,6	2
10-19	7,2	7,7	7,1	3,4
20-29	6	7,2	7,3	6,9
30-39	10,9	14,8	9,4	27,9
40-49	14,1	16,9	12,4	16,9
50-59	16,4	17,6	15,6	11,5
60 и более	21,4	23,9	20,8	36,6

Таблица составлена по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897г.

Число евреев, обучающихся в средних учебных заведениях, по округам (1908г.)

Таблица №17

Округа	Общее число учащихся		Число евреев-учащихся		Процент евреев по округу								
	м	ж	м	ж	Процент евреев			Процент евреев в частных учебных заведениях, пользующихся всеми правами					
					В правительственных гимназиях и прогимназиях	В правительственных реальных училищах	В правительственных женских гимназиях, прогимназиях	Мужских гимназиях, прогимназиях	Реальных училищах	Женских гимназиях, прогимназиях			
Московский	33327	48371	1560 (4,68%)	1944 (4,02%)	4,29	4,15	3,4	3,27	11,76	4,78	5,73		
Оренбургский	6608	13123	340 (5,1%)	422 (3,22%)	3,86	5,57	4,92	2,98	9,09	4,55	5,42		
Западно-Сибирское генерал-губернаторство	2682	6910	125 (4,66%)	432 (6,25%)	5,81	4,87	4,37	6,14			6,64		
Иркутское генерал-губернаторство	2854	5361	190 (6,66%)	675 (12,59%)	10,53	6,68	7,23	10,77			21,69		
Приамурское генерал-губернаторство	1527	2419	73 (4,78%)	147 (6,08%)	5,57	4,6	5,15	4,19			17,39		